

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ VІІІ

1854—1857 гг.

(№№ 723—952)

Издание наследниковъ автора.

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ VІІІ

1854—1857 гг.

(№№ 723—952)

Издание наследниковъ автора

Петроградъ.— 1917.

Оглавленіе.

1854.

№№	СТР.
*723.	Письмо къ М. К. Рейхель 1
*724.	То же 2
*725.	То же 3
**726.	То же 6
*727.	То же 7
*728.	То же 10
*729.	То же —
*730.	Письмо къ А. Руге 12
731.	Письмо къ гражданину-редактору „L'Homme“ 21
732.	Старый міръ и Россія 27
	Письмо первое 29
	» второе 35
	» третье 43
*733.	Письмо къ М. К. Рейхель 58
*734.	То же 61
*735.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 62
*736.	Письмо къ М. К. Рейхель 66
737.	Русскому воинству въ Польшѣ 67
*738.	Письмо къ М. К. Рейхель 74
*739.	То же —
*740.	То же 75
*741.	То же 76
**742.	[Введеніе къ первому изданію „Тюрьмы и ссылки“] 77
*743.	Письмо къ М. К. Рейхель 79
**744.	Письмо къ Моисею Гессу 80
**745.	Rewolucyjne Przymierze Polsko-Rosyjskie 83
	Польско-русскій революціонный союзъ 86

№№	СТР.
*746.	Письмо къ Э. Кердериу 89
*747.	Письмо къ М. К. Рейхель 93
*748.	То же —
*749.	То же 94
*750.	То же 95
*751.	То же 96
*752.	То же 97
*753.	То же 105
*754.	То же 106
**755.	Conversations with the russian prisoners at Plymouth Бесѣда съ русскими плѣнными въ Плимутѣ 111
756.	См. № 462 —
*757.	Письмо къ М. К. Рейхель 116
*758.	То же 117
*759.	То же 118
*760.	То же 120
*761.	То же 122

1855.

762.	См. № 491.	
*762 bis.	Приписка къ М. К. Рейхель	127
**763.	Imprimerie russe à Londres	128
	Русская типографія въ Лондонѣ	129
*764.	Письмо къ Ж. Мишле	131
*765.	Письмо къ М. К. Рейхель	135
**766.	Reply to M. Golovin	136
	Отвѣтъ г. Головину	137
**767.	Письмо къ М. К. Рейхель	138
**768.	То же	140
769.	Народный сходъ въ память февральской революціи	142
**770.	Письмо къ М. К. Рейхель	154
*771.	Письмо къ Ж. Мишле	155
*772.	Письмо къ М. К. Рейхель	159
*773.	То же	160
**774.	Письмо къ императору Александру Второму	—
*775.	Письмо къ М. К. Рейхель	162
*776.	Надпись для М. Мейзенбургъ	163
*777.	Письмо къ Ж. Мишле	164
*778.	Письмо къ М. К. Рейхель	165
**779.	„Полярная Звѣзда“	166
*780.	Письмо къ М. К. Рейхель	175
*781.	То же	—

№№	СТР.
*782.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 176
*783.	Письмо къ М. К. Рейхель 178
*784.	Письмо къ Ж. Мишле 180
*785.	Надпись для Ж. Мишле 183
*786.	Письмо къ М. К. Рейхель —
*787.	То же 185
*788.	То же 187
*789.	Письмо къ Ж. Мишле 188
*790.	Письмо къ М. К. Рейхель 194
*791.	То же 195
**792.	Письмо къ П.-Ж. Прудону —
*793.	Письмо къ М. К. Рейхель 201
**794.	Письмо къ Н. П. Огареву 203
**795.	Письмо къ Н. А. Огаревой 204
**796.	Письмо къ Т. А. Астраковой —
*797.	Письмо къ М. К. Рейхель 205
**797 bis.	[Предисловіе къ отрывку изъ XXIII гл. „Былого и думъ“] 583
**798.	[Примѣчаніе къ „Перепискѣ Н. Гоголя съ Бѣлинскимъ“] 205
**799.	„Renaissance“ par J. Michelet 206
**800.	Отвѣтъ 217
**801.	[Примѣчаніе къ письму А. Таландье] 220
**802.	Къ нашимъ 221
**803.	[Отъ издателя] 225
**804.	Примѣчаніе 226
**805.	[Отъ издателя] 227
*806.	Письмо къ М. К. Рейхель —
**807.	То же 228
*808.	То же 229
*809.	То же —
*810.	То же 230
*811.	То же 231
**811 bis.	Preface 585
	Предисловіе 586
*812.	Письмо къ М. К. Рейхель 232
*813.	То же 233
*814.	То же 234
**815.	Mr. Alexander Herzen—to the editor of „The Globe“ Александръ Герценъ—издателю „The Globe“ 235
*816.	Письмо къ М. К. Рейхель 236
*817.	То же 237

№№	СТР.
**818.	То же 238
*819.	То же 243
**820.	„My Exile in Siberia“ 244
	„Моя ссылка въ Сибирь“ —
*821.	Письмо къ М. К. Рейхель 246
*822.	То же 248
*823.	То же 249
*824.	То же 250
*825.	То же —
*826.	Письмо къ Е. Θ. Коршу 251

1856.

**827.	Письмо къ М. К. Рейхель 255
*828.	То же 256
*829.	То же 257
*830.	Надпись на переводѣ «Сна». 259
*831.	Письмо къ М. К. Рейхель —
*832.	То же 262
*833.	То же 263
*834.	То же 264
*835.	То же 265
*837.	То же 266
*838.	То же 267
*839.	То же —
*840.	Письмо къ Е. Θ. Коршу, Н. Х. Кетчеру, М. Θ. Коршъ и др. 276
*841.	Письмо къ М. К. Рейхель 277
*842.	То же 278
*843.	То же 279
*844.	То же 281
*845.	То же 282
**846.	[О смерти П. Я. Чаадаева] 283
**847.	Впередъ! Впередъ! —
**848.	Отвѣтъ 289
**849.	Отвѣтъ 291
**850.	[Отъ издателя] 295
851.	Изъ писемъ путешественника во внутренности Англии 296
*852.	Письмо къ М. К. Рейхель 303
*853.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 305
*854.	То же 311
*855.	То же 312
*856.	Письмо къ М. К. Рейхель —

№№	СТР.
*857.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 314
*858.	Письмо къ М. К. Рейхель 316
*859.	То же. 317
*860.	То же. 319
*861.	То же. 320
**862.	Отъ издателя —
*863.	Письмо къ М. К. Рейхель 324
**864.	Отъ издателя 325
*865.	Письмо къ С. И. Астракову. 326
*866.	Приписка къ М. Мейзенбургъ 327
*867.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 328
*868.	То же. 329
**869.	Письмо къ Ф. Орсини 332
*870.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 334
*871.	То же. 336
*872.	Письмо къ М. К. Рейхель 337
*873.	Письмо къ И. С. Тургеневу 340
*874.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 341
875.	Оба лучше 345
*876.	Письмо къ М. К. Рейхель 351
**877.	См. № 675
*878.	Письмо къ Н. М. Сатину 353
**879.	Письмо къ Т. А. Астраковой —
**880.	Письмо къ И. С. Тургеневу 354
*881.	Письмо къ М. К. Рейхель 356
**882.	Письмо къ И. С. Тургеневу 357
*883.	Письмо къ М. К. Рейхель 358
*884.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 359
*885.	То же. 360
*886.	То же. 361
**887.	Письмо къ И. С. Тургеневу —
*888.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 371
**889.	Письмо къ И. С. Тургеневу. 372
*890.	Письмо къ М. К. Рейхель. 373
**891.	Письмо къ С. И. Астракову. 376
**892.	Письмо къ Н. М. Сатину —
**893.	Надпись для Н. П. Огарева —
*894.	Письмо къ М. Мейзенбургъ —
*895.	То же. 377
**896.	Письмо къ И. С. Тургеневу. 378
*897.	Письмо къ М. К. Рейхель 381

№№	СТР.
*898.	Письмо къ Ад. Рейхелю 385
*899.	Письмо къ Н. М. Щепкину —
*899bis.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 388
**900.	Письмо къ И. С. Тургеневу 389
*901.	Письмо къ М. К. Рейхель 391
*902.	Письмо къ И. С. Тургеневу —
*903.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 393
*904.	Письмо къ М. К. Рейхель 394
*905.	То же 395
*906.	То же 397
*907.	То же —
**908.	Письмо къ И. С. Тургеневу 398
*909.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 400
*910.	То же 401
**911.	Lettera a Giuseppe Mazzini sulle presenti condizioni della Russia 402
	Письмо къ Джузеппе Маццини о современномъ по- ложеніи Россіи 408
*912.	Письмо къ М. К. Рейхель 416
*913.	То же 417
*914.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 418
*915.	То же 419
**916.	Письмо къ К. Фогту 420
*917.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 422
*918.	Письмо къ М. К. Рейхель 424
**919.	„Колоколь“ 425
**920.	Отъ издателя 426
**920 bis.	[Предисловіе къ главѣ XIX „Былого и думъ“] 427
921.	Княгиня Екатерина Романовна Дашкова 429
922.	Еще варіація на старую тему 485
923.	Смерть Станислава Ворцеля 497
*924.	Надпись для М. Мейзенбургъ 507
*925.	Письмо къ М. К. Рейхель —
*926.	То же —
*927.	Письмо къ М. К. Рейхель и Е. Б. Грановской 509
*928.	Письмо къ Ж. Мишле 510
*929.	Письмо къ М. К. Рейхель 512
*930.	Письмо къ Е. О. Коршу и Н. Х. Кетчеру 513
*931.	Письмо къ М. К. Рейхель 515
*932.	Письмо къ М. Мейзенбургъ —
*933.	То же —

№№	СТР.
*934. Письмо къ Н. М. Щепкину	518
**935. Отъ издателя	519
**936. [Примѣчаніе].	522
*937. Письмо къ М. К. Рейхель	523
**938. Предисловіе	524
**939. Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей	541
**940. Августѣйшіе путешественники. I.	542
*941. Письмо къ М. К. Рейхель	547
*942. Письмо къ А. А. Тучкову	—
**943. Письмо къ А. А. Краевскому	548
*944. Письмо къ М. К. Рейхель	—
**945. Письмо къ Н. А. Некрасову	549
*946. Письмо къ М. К. Рейхель	551
**947. Письмо къ И. С. Тургеневу.	552
*948. Письмо къ М. К. Рейхель	556
*949. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**950. Письмо къ И. С. Тургеневу.	557
*951. Письмо къ М. К. Рейхель	558
**952. [Предисловіе]	559

723. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 января (1854), пятница.

Такъ васъ тѣшутъ такія исторіи, какъ объ милордѣ и Абердинѣ ¹⁾? Вотъ что значитъ жить подѣ ключикомъ. Что же вы сказали бы объ здѣшнихъ карриатурахъ и журналахъ. Вы знаете, что противъ Альберта ²⁾ страшная злоба; его обвиняютъ въ предательствѣ; мальчики въ Сити кричали: «въ Тоуэръ принца! въ Тоуэръ!» Клубы подають просьбы, чтобъ парламентъ его угомонилъ или бы отослалъ домой. Публично собираются митинги противъ него, — и все это такъ же вольно, какъ вы играете на клавикордѣ. Ну, а вотъ за вашъ анекдотъ такой же вамъ. Здѣсь есть газета «The Press», аристократическая и преловкая; она еже-недѣльно уничтожаетъ Абердина; между прочимъ говоритъ, что скоро будетъ министерство Кобдена, тогда, де, Никол. Павл. пришетъ Нахимова ³⁾ въ Портсмутъ, а Кобденъ пойдетъ встрѣчать и, какъ предсѣдатель Peace-Congress'a ⁴⁾, велитъ побросать пушки въ море; русскіе, разумѣется, пойдутъ жечь и грабить; тогда Гладстонъ ⁵⁾ (мин. финансовъ) со страстей пойдетъ въ монахи, но, чтобъ не ошибиться, въ два монастыря: въ одинъ греческій, и въ другой католическій... Ну, и въ этомъ родѣ обо всѣхъ; наконецъ, Ник. Сем. овладѣваетъ всѣмъ и приказываетъ торжественно вырыть кости Аберд. изъ земли и перенести въ Невскую лавру мощи пер-

¹⁾ Графъ Джоржъ-Гамильтонъ, англійскій государственный дѣятель.

²⁾ Мужъ королевы Викторіи.

³⁾ Павелъ Степановичъ, извѣстный русскій адмиралъ.

⁴⁾ Конгрессъ мира.

⁵⁾ Вильямъ, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ государственныхъ людей XIX столѣтія; уже тогда онъ выдавался, какъ либеральный дѣятель, и одновременно, какъ знатокъ богословія.

ваго святого изъ русскихъ англичанъ. Это, вѣдь, прелесть! «Пуншъ» нарисовалъ разъ Аб. кормилицей, которая кормить медвѣжатъ. А послѣ тумана «Пресса» объявила, что Абер., шедши домой, потерялъ дорогу и взошелъ въ чужой домъ, не замѣчая, продолжалъ заниматься дѣлами, что и не удивительно, потому что зашелъ въ домъ русскаго посла. Альбертъ былъ тоже красиво представленъ: разлетѣлся на конькахъ по льду, да сдуру заѣхалъ тамъ, гдѣ ледъ ломается, не видя надписи «very dangerous» ¹⁾, а «Пуншъ» сзади бѣжитъ багромъ его доставать и грозить, а Ник. Сем. съ туркой валяются вдали и тузятъ другъ друга. Вотъ вамъ.

Изъ письма Таты вы увидите, что Марихенъ имѣла какой-то нервный припадокъ. Она—несчастливая дѣвушка. Я все возможное дѣлаю, чтобъ ей было лучше и хорошо. Но она постоянно недовольна (это пока между нами); я ничего не могу сказать противъ нея, но желалъ бы очень, чтобъ она поработала надъ своимъ характеромъ. M-elle Мейз. настолько развита и умна, что дѣлаетъ всевозможныя уступки, но это не мѣшаетъ Ман. въ недѣлю разъ рыдать, стелать и хныкать. Я говорилъ съ ней очень долго разъ. Она отвѣчаетъ, что у нея такой нравъ. Я готовъ на всякія уступки, но à la longue ²⁾ это будетъ вредно для дѣтей. Теперь молчите объ этомъ, но примите къ свѣдѣнію.

Музыкобѣсіе Саши продолжается; вчера таскался на концертъ, а 25 января отпускаю Ман. и его на большой балъ.

Вотъ и все.—Благословясь, я началъ со вчерашняго дня печатать «De l'humeur» ³⁾. Книга ваша ⁴⁾ готова, надобно только для васъ въ атласы переплести.

724. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 января (1854), суббота.

Вы ужъ, кажется, насъ забыли совсѣмъ,—писать не пишете. Или ужъ не пропало ли мое письмо или отвѣтъ? Я писалъ въ прошлую пятницу. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ; я начинаю все больше и больше стариться; погода подлая.

Книга ⁵⁾ ждетъ оказіи, она уже здѣсь продается въ книжныхъ лавкахъ.

¹⁾ Очень опасно.

²⁾ Со временемъ.

³⁾ «Юморъ» Огарева.

⁴⁾ «Прерванные рассказы».

⁵⁾ То же.

Статей объ Россіи такъ и просятъ: вчера издатель «Вестминстеръ Ревью» явился съ просьбой, а сегодня Pinto изъ Турина требуетъ; но что-то пишется плохо, кромѣ писемъ къ Линтону ¹⁾; ихъ вамъ всенепремѣнно слѣдуетъ прочесть. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съ сѣвера?

А къ супругу вашему опять съ небольшою просьбой,—не можетъ ли онъ зайти къ Франку и спросить: 1-е, получилъ ли Франкъ посланное черезъ Нота ²⁾, 2-е, что я черезъ три дня отдамъ 10 экземпляровъ Ноту повѣсти «Récits interrompus» ³⁾, по-русски, цѣна 4 sch., съ книгопродавцевъ 3; если онъ не получилъ, можетъ требовать отъ Нота,

а моя нота звучитъ вамъ:

прощайте.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Анекдотовъ припасу къ слѣдующему разу. Энг. скажите, что типографія и ея командиръ къ его услугамъ.

725. Письмо къ М. Н. Рейхель.

31 января (1854), вторникъ.

Сейчасъ поправилъ послѣднюю корректуру Э. статьи ⁴⁾. Она дѣлаетъ фуроръ между поляками; никто не знаетъ, кто писалъ. Головинъ важно толкуетъ, что это, вѣрно, князь Гагаринъ ⁵⁾, по наущенію іезуитовъ... Теперь скажите Э., что я не рискнулъ не выставлять типографіи, — за это здѣсь получимъ на табакъ; но русскій человекъ находчивъ: я велѣлъ напечатать внизу, на самомъ краю, такъ что съ употребленіемъ извѣстнаго инструмента, называемаго ножницы, можно ампутировать. Какъ доставить нѣсколько экзempl. автору? Остальные я черезъ турецкое посольство постараюсь въ Молдавію доставить. Для книги ⁶⁾ оказіи не надобно, но переплетчикъ задержалъ; я пришлю вамъ пять экземпляровъ. Сегодня въ американскомъ журналѣ «Républicain de New-York»

¹⁾ См. № 732.

²⁾ Nutt, лондонскій книгопродавецъ.

³⁾ «Прерванные рассказы».

⁴⁾ За это время Герценъ кончалъ печатаніе прокламаціи Энгельсона: «Видѣнія св. отца Кондратія. Видѣнія первое», которая называлась также и «Голось съ неба». ¹

⁵⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

⁶⁾ «Прерванные рассказы».

маленькій панегирикъ мнѣ за усердную службу козѣ ¹⁾ и мое письмо въ Линтоновомъ журналѣ ²⁾. Письма эти хотѣлось бы очень вамъ доставить: до такой наглости я еще не доѣзжалъ; между прочимъ, я говорю, что агенты Ник. Сем. не дрянъ какая-нибудь, — «*ce des maris de reine*» ³⁾),—и потомъ, исчисливъ дюжину поименно, я добавилъ: и весь Готскій календарь; «много у него - - - - -», онъ ими ведетъ торгъ «*et lorsque elles sont malades il les envoie à Londres prendre les brouillards, dont la force curative a été découverte par N. le premier*» ⁴⁾),—Ну ужъ, какъ хотите, «à prendre les brouillards», это останется въ памяти вѣковъ, французы катились со смѣху надъ этимъ. Я эти три письма велю напечатать особо и по-франц. подъ заглавиемъ «*Russia and the old world*» ⁵⁾). Какъ здѣсь балуются свободой книгопечатанія; мнѣ кажется, что нигдѣ жить нельзя, кромѣ здѣсь. Сегодня королева открываетъ парл. На дняхъ увидимъ, будетъ ли принятъ bill «о мѣрахъ уничтожить противозаконное вмѣшательство Альб. въ дѣла»; Кеннингемъ ⁶⁾ (котораго я знаю,—преумный человекъ и красавецъ собой) объявилъ въ газетахъ, что онъ будетъ интерpellировать о существованіи министра безъ портфеля и безъ отвѣтственности.

Теперь перехожу къ частнымъ дѣламъ. Дѣло съ Ман. ⁷⁾ не думаю, чтобъ пошло на ладъ. Я давно и внимательно слѣдилъ за всѣмъ; причина одна—страшное самолюбіе и желаніе играть роль. Мейз.—вовсе не сухое и не холодное существо, но, наконецъ, ея терпѣніе истощилось. Она хотѣла уже переѣхать. Мнѣ жаль, очень жаль Ман., но на исправленіе не надѣюсь. Польза отъ Мейз. очевидна, въ особенности она имѣла огромное вліяніе на Сашу, который съ Гаугомъ выучился цѣлые вечера перебраниваться. Музыка, танцы,—всѣ это введено ею. Если вопросъ круто будетъ поставленъ: *entweder-oder* ⁸⁾), я съ горестью долженъ отвѣчать противъ Маних. Все же прошу молчать до поры, до времени. Увидимъ вліяніе Юліуса ⁹⁾. Вы спрашиваете о Гаугѣ. Онъ въ самомъ смѣшномъ положеніи. Вы знаете, ему ассигновано 2,500 L, онъ тотчасъ попросилъ прибавить 500 L; прибавили, это понравилось ему, онъ

¹⁾ Cause—дѣло (общему революц. дѣлу).

²⁾ № 732.

³⁾ Изъ королевскихъ мужей.

⁴⁾ А когда онѣ больны, онъ ихъ отсылаетъ въ Лондонъ пользоваться туманами, цѣлительная сила коихъ была открыта Н. первымъ.

⁵⁾ «Старый міръ и Россія».

⁶⁾ Петръ, писатель, политическій дѣятель.

⁷⁾ Марія Фоммъ.

⁸⁾ Или—или.

⁹⁾ Фребель. 2

попросилъ еще 1,000. Министерія нахмурилась и сказала: 4 февраля ѣдетъ пароходъ, please ¹⁾); отпавл. Нѣтъ, говоритъ, еще денегъ,—сталъ съ купцовъ подписку собирать. Министерія говоритъ: «такъ и быть, вотъ деньги, но вотъ и начальникъ экспедиціи, капитанъ Smit»... А, впрочемъ, Гаугу предоставили мѣсто въ экспедиціи. Вы понимаете, какъ у него глазки углубились еще больше. Вотъ и гешихте ²⁾). Это срамъ, если Франкъ получитъ прежде васъ книгу. Прощайте. Иду на улицу; говорятъ, что будутъ разныя монстраціи Альб.

4 часа. Кафе Веру, Regent's Str.

Распечатываю письмо, чтобъ сказать вамъ, что принца-супруга ³⁾ (какъ его называютъ) освистали, турецкаго посла чуть не снесли на рукахъ. Брунна ⁴⁾ спрятали. Говорятъ, онъ сегодня ѣдетъ.—Ну и прощайте.

◆◆ 1. Прокламація Энгельсона была датирована «1854» и не подписана. Указаніе на типографію Герцена было потомъ отрѣзано снизу ножницами. Это было первое постороннее Герцену изданіе его типографіи. Интересующіеся полнымъ текстомъ найдутъ его въ сборникъ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ»; привожу лишь начало прокламаціи:

Душе моя, душе моя, возстани! что спиши?
Конецъ приближается, и имаши смутитися,
(*Кондакъ на 1-ю седмицу святыхъ
четырехдесятницы*).

Шедше во дни недавніе старецъ благочестивый и богобоязненный, со св. молитвою во сердцѣ и на устѣхъ, по земли Россійстей. И слышенъ бе ему гласъ велій съ небеси! И возведе старецъ очи горѣ. И узриша небеса развертыя и Силы Небесныя сидящи у поднозія огнезрчнаго Престола Господня. И играша Херувимы на кимвалѣхъ, и вопіаша Серафимы ко Господу: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Твоя, Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. И взмолишася Архангели: «Едине челоувѣколюбче! яко Ты еси святъ, такожде вѣрно что земли Россійстѣй конецъ приближается и иматъ оная смутитися. Почто, Живодавче, гонещи народъ Россійстѣй?» И отвѣчахъ Владыко: Гоненіе наложихомъ на народъ Россійстѣй по

¹⁾ Пожалуйста.

²⁾ Geschichte—исторія.

³⁾ Принцъ Альбертъ.

⁴⁾ Баронъ Брунновъ, Филиппъ Ивановичъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ.

то, что преступивъ онъ есть мою заповѣдь. Азъ рѣхъ: Не сотвори себѣ Кумира ни всякаго подобія, елико на небеси горѣ, елико на земли низу, елико въ водахъ и подъ землею, да не послужиши, да не поклонишася имъ. Народъ же Россійстій сотвори хъ себѣ кумира» и т. д.

2. Герценъ запрашивалъ Фребеля, находившагося въ Америкѣ, возьметса-ли онъ за правильную постановку воспитанія его сына, поѣдетъ-ли съ нимъ въ университетъ и, затѣмъ, въ путешествіе. Къ соглашенію они не пришли («Ein Lebenslauf v. I. Fröbel», b. I, 548).

726. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 февраля (1854), воскресенье.

Вчера я отправилъ вамъ 5 экземпляровъ книжки (по желѣзной дорогѣ съ транспортомъ и въ томъ числѣ вамъ), остальные въ вашей власти дарить. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ у Энг. былъ экземпляръ; его статья въ числѣ 500 экз. отправилась вчера въ Констант., вторую посылку беретъ на себя Осипъ Ивановичъ ¹⁾). При оказіи пришлю. Юліусъ явился съ нотами; онъ похожъ на Манихинъ. Я вамъ писалъ прошлый разъ подробности о междоусобной войнѣ. На время все позатихло, но я боюсь, что кончится худо; мнѣ истинно ее жаль, потому что она любитъ дѣтей и потому что она не ясно понимаетъ въ чемъ дѣло. Это—несчастіе полуобразованія и буржуазныхъ понятій.

Читали-ли вы «Les maîtres sonneurs» Ж. Сандъ? Если нѣтъ, совѣтую. Мы читаемъ ихъ вслухъ. Тата любитъ очень слушать,—я ужъ ей читалъ Фадету ²⁾), «Paul et Virginie» ³⁾) и разное такое.

Ну-съ, такъ война! Ай да, Ник. Семеновичъ, безъ него міръ пропалъ бы со скуки, утѣшилъ старикъ.

Отъ Бод. ⁴⁾) изъ Вашингтона получилъ письмо; ему очень нравится Америка, зоветъ туда, — но мы еще погодимъ. Дѣла все интереснѣе становятся и ѣхать теперь — похоже на бѣгство.

6 февр. Представьте мое удивленіе! Письмо, хотя и очень короткое, отъ Энгельс. Я вложу отвѣтъ въ это письмо. Дѣти въ восторгѣ отъ вашихъ прелестныхъ вещицъ, будутъ писать особо.

¹⁾ Маццини.

²⁾ «La petite Fadette»—одна изъ лучшихъ бытовыхъ вещей Ж. Санда.

³⁾ Классическая повѣсть Бернардена де-Сень-Пьера.

⁴⁾ Бодиско.

727. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 февраля (1854), вторникъ.

Вотъ я и опять за перо, и опять съ дрызгами. Вчера Мейз. мнѣ объявила, что она при первой возможности оставитъ домъ. Я убѣдилъ отложить рѣшеніе и сегодня толковалъ съ Мар. Она не понимаетъ и не понимаетъ своего положенія, — у нея *idée fixe*, что я ее взялъ гувернанткой, хотя она прямо этого и не говоритъ, и все дѣло очень просто, что она не хочетъ подчиниться ни въ чемъ той; при этомъ, какъ вы знаете, плачь и скрежетъ зубовъ, нервныя припадки. Я ей дружески сказалъ, что я не могу допустить, чтобъ М. съѣхала, что ей слѣдуетъ или лучше понять свое положеніе, или тихо заняться развязкой. Я Рейхелю говорилъ, что я ее не могу принять за воспитательницу. Вы мнѣ писали, что она недостаточна для Таты, — представьте, что Тата теперь грубитъ съ Meis... Этотъ хаосъ продолжиться не можетъ. И я нисколько не удивлюсь, если черезъ недѣлю Манихинъ явится въ ваши объятія. Будьте увѣрены, что 'деликатность и женерозите ¹⁾ употребятся безконечныя. Au reste ²⁾ я предвидѣлъ это. ¹

8 февр., среда.

Ваше письмо получилъ и очень радъ, что кадо ³⁾ дошло. Да что же вы не написали, похожъ ли мой портретъ? имъ-то я и хотѣлъ васъ осюрпризить.

Ну, а потомъ, все таки, и о контекстѣ скажите слово. Вы, вѣдь, кажется, «Поврежденнаго» вовсе не читали. А Подарестовичу ⁴⁾ скажите, что еслибъ онъ хотѣлъ взять на себя литографію, то можно и поговорить о кондиціяхъ.

На счетъ Löwenaffenman'a ⁵⁾ прошу васъ самымъ нѣжнымъ образомъ отказать. — Увѣрьте его, что тайна будетъ сохранена и письмо сожжено, но денегъ такъ употреблять я не могу и не дол-

¹⁾ *Générosité*—великодушіе.

²⁾ Впрочемъ.

³⁾ *Cadeau*—подарокъ. Портретъ былъ вклеенъ въ книгу «Прерванные рассказы».

⁴⁾ Въмѣсто «Аристовичу»—Энгельсонъ.

⁵⁾ Буквально: «Львино-обезьяно-человѣкъ». Очевидно, рѣчь идетъ объ эмигрантѣ Леве фонъ-Кальбе (*Löwe von Kalbe*—левъ отъ теленка), бывшемъ тогда въ Парижѣ, передъ отправленіемъ въ Америку.

жень. А вамъ, въ качествѣ Министра Штатъ-Секретаря, ставится на видъ: такихъ просьбъ не поощрять. Вспомните, что у меня есть третья дочь—типографія, что при ней няня—Чернецкій, имѣющій дурную привычку ѣсть и имѣть квартиру, а тамъ то, а тамъ то... Да и потомъ, что намъ нѣмцы? На-дняхъ подвернулся Франкъ изъ Вѣны,—заемъ, дескать; я говорю: «екскузе» ¹⁾). Это будетъ такой страшный антецедентъ, что я не выпутаюсь. Ну, а ужъ такъ какъ очень вамъ моркотно, такъ вы удагеротипте моихъ дочерей (по новому манеру съ переводомъ на слоновую кость), это, молъ, будетъ работа. Вотъ что. А насчетъ Манихень прошу Вашего родительскаго совѣта. Я ужъ бы ей и денегъ далъ на свадьбу, благо, есть Юліусъ. Сегодня и вчера было тихо, «но такъ покойно море предъ грозой!»

Припадаю къ стопамъ вашимъ.

Четвергъ.

Сегодня былъ у меня одинъ пріѣзжій изъ Польши, рассказывалъ объ эффектѣ русскихъ публикацій лондонскихъ,—въ Варшавѣ все есть; стало, и далѣе. А я тотчасъ Подарестовича ²⁾). А Головинъ, чортъ знаетъ, зачѣмъ, послалъ Кларендону ³⁾).

Еще прощайте.

◆◆ 1. Мейзенбургъ тоже не прошла мимо своихъ столкновений съ М. Фоммъ. Вотъ что находимъ о нихъ въ ея «Воспоминаніяхъ»: «Оригинальныя натуры, порученныя моимъ заботамъ, заставили меня подумать объ особыхъ случаяхъ, къ которымъ я старалась примѣнять мои общія теоріи, насколько возможно. Особенно много занималась я со старшей дочерью; я взяла на себя ея обученіе и внимательно изучала ея уже весьма рѣзко обозначившійся характеръ. Но привязалась я съ безконечной нѣжностью къ меньшей, которая была еще слишкомъ мала для ученья; она полюбила меня такой страстной привязанностью, какую рѣдко можно встрѣтить у такого маленькаго существа. Это было поводомъ къ первымъ выраженіямъ ревности и неудовольствія со стороны бонны, которая особенно любила этого, до сихъ поръ бывшаго на ея исключительномъ попеченіи ребенка. Началось съ того,

¹⁾ Excusez—извините.

²⁾ Т. е. послалъ его «Емельяна Пугачева».

³⁾ Эдвардъ-Гайдъ, министръ иностран. дѣлъ Англии.

что она измѣнила свое обращеніе со мной. Я приписала это сперва ея ребяческой ревности, но скоро замѣтила, что подъ этимъ скрывается нѣчто иное, и могла убѣдиться, что одно польское семейство возстановляло ее противъ меня; она выражала свою досаду, то уводя отъ меня дѣтей, то укладывая ихъ спать ранѣе обыкновеннаго,—дѣти спали въ одной комнатѣ съ нею. Сначала я сдѣлала видъ, что не замѣчаю ничего, и оставалась спокойной. Но въ концѣ концовъ я потеряла терпѣніе, такъ какъ образъ дѣйствій бонны начиналъ вліять на старшую изъ моихъ ученицъ, которая начинала оказывать мнѣ недовѣріе, становилась на сторону бонны, не приготавливала или плохо приготавливала уроки. До моего пріѣзда бонна безконтрольно распоряжалась дѣтьми, а такъ какъ и послѣ Герценъ ничего опредѣленнаго не установилъ, то у нея было сколько угодно случаевъ устранять дѣтей отъ моего вліянія и устраивать ихъ жизнь, какъ ей хотѣлось. Наконецъ, видя, что мое вліяніе на дѣтей станетъ совершенно ничтожнымъ, если все это будетъ продолжаться, я обратилась къ Герцену. Я просила его упорядочить дѣло прежде, чѣмъ зло достигнетъ непоправимыхъ предѣловъ. Я встрѣтила въ немъ тѣ колебанія, о которыхъ упоминала выше; онъ не умѣлъ во-время вмѣшаться въ затруднительное положеніе, чтобы избѣжать болѣе важныхъ затрудненій. Герценъ разсмотрѣлъ положеніе вещей, не понялъ въ чемъ дѣло, утверждалъ, что все уладится, и предоставилъ вещи ихъ теченію. Къ несчастію, ничто не уладилось. Были очень тяжелыя сцены; у бонны дѣлались нервныя припадки каждый разъ, какъ я начинала немножко заниматься съ меньшей дѣвочкой, и она выражала мнѣ свою горячую симпатію по поводу придумываемыхъ мною игръ, которыя нравились живому воображенію милой дѣвочки. Кончилось тѣмъ, что Герценъ понялъ всю невозможность такого положенія и что ему приходится выбирать между мною и ею. Я оставила ему полную свободу нарушенія нашего договора, если ему трудно отпускать слугу, къ которой привыкли дѣти. Онъ не хотѣлъ и слушать о такомъ исходѣ и рѣшился уволить ее. Я помогла ему сдѣлать это увольненіе насколько возможно менѣе тяжелымъ. Мнѣ было очень тяжело огорчать эту дѣвушку, начинавшую понимать свою вину и раскаиваться въ ней, тяжело разлучать ее съ дѣтьми, которыхъ она любила по-своему. Какъ и всѣ ограниченные люди, она хотѣла вернуть прошлое, когда это было уже невозможно. Но я чувствовала, что дѣло шло о благѣ дѣтей, о моемъ вліяніи на нихъ и оставалась твердой, какъ ни дорого это мнѣ стоило» (II, 13—15).

728. Письмо къ М. К. Рейхель.

(Февраль 1854).

Вотъ для Лаво ¹⁾; хорошо онъ сдѣлаетъ, если упомянетъ и о другихъ брошюркахъ: «Крещеная собств.» и даже объ «*Vom and Ufer*», и о типографіи. Теперь можно больше говорить о Россіи, нежели прежде. Дайте ему «Кто виновать?»,—въ статьѣ надобно и это помянуть; Энг. можетъ ему помочь.

Я przygotowляю теперь къ печати томикъ вовсе вамъ незнакомый, который здѣшнимъ понимателямъ русскаго нравится очень,—«Тюрьма и ссылка», со всѣми анекдотами о Тюфяевѣ и о прочемъ. «Юморъ» почти совсѣмъ напечатанъ, но выдавать теперь еще не стану. Разумѣется, я проповѣдь ²⁾ не сожгу, а напечатаю.

Когда Лаво пропечатаетъ въ «*Revue*», дайте знать, въ какомъ №, а то я обыкновенно не читаю.

Насчетъ Ман. ³⁾ вы положитесь на меня, какъ на каменную гору, но если она очень станетъ бить задними и передними лапками, то поневолѣ придется добродѣйственно соединиться на разлукѣ.

Тата и Оленька покашливаютъ. Саша процвѣтаетъ.

За симъ прощайте.

Когда же вы напишете, какъ вамъ по вкусу разговоръ Спиридона объ Ульянѣ? ⁴⁾ Я воображаю, что онъ хорошъ.

729. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 февраля (1854), воскресенье.

Вотъ что значитъ посвященіе—и давай книжку хвалить: и Ефимка, и аспидъ..., а, впрочемъ, напишите насчетъ «Поврежденнаго». А Подарестычу скажите, что я ему и его супругѣ читалъ еще въ Ниццѣ и прибавилъ только послѣднюю главу,—онъ забылъ.

¹⁾ Делаво, франц. писатель и критикъ; ему были посланы «Прерванные рассказы».

²⁾ «Второе видѣніе св. отца Кондратія», соч. Энгельсона.

³⁾ Фоммъ.

⁴⁾ См. № 722.

Письмо его со вложеніемъ ¹⁾ я получилъ меньше, нежели въ 24 часа, то есть онъ его отправилъ послѣ 4 часовъ, а я получилъ здѣсь часа въ 2. Штука будетъ напечатана, но, во-первыхъ, не вмѣстѣ, во-вторыхъ, какъ она ни хороша, но такого дѣйствія, какъ первая, не произведетъ, а именно, Подарестычъ зацѣпилъ тутъ церковныя постановленія (похороны), — не до того теперь дѣло, чтобъ учить уму-разуму, а учить злобѣ да непослушанью, и потому 1-ая проповѣдь—*chef d'oeuvre*. Да и счастье ей невѣроятное: я сейчасъ отправилъ еще двѣ сотни въ Балтійское море.—Но пусть бы Эн. попробовалъ написать катехизисъ для мужика, — у него рѣшительно талантъ языкомерзія антихристовскаго.

А вы, Марья Каспаровна, Маша, поучайтесь, какъ никогда не надобно слушать людей робкихъ. Типографія начинаетъ приносить болѣе и болѣе результатовъ. Да, отъ заведенія русской типографіи начинается новый періодъ русской рев. дѣятельности. Третьяго дня я видѣлъ еще господина изъ Познани. Прусское правительство посылало, дѣйствительно, штахету къ Паскевичу ²⁾ съ моими брошюрами. Это сдѣлало то, что какъ кто черезъ границу переѣдетъ, такъ тотчасъ и спрашиваютъ аглицкой работы русскія книги. Работа, молъ, аглицкая, извѣстно, прочная.

Ну, что же всѣ эти стенанія нашихъ добрыхъ москвичей?! Да еще когда мнѣ будутъ помогать, какъ Эн... — А *propos*, Брун. ³⁾, когда изъяснялся съ Кларендономъ, то между разными упреками отъ имени Семеныча сказалъ: «Г., де, сильно кручинится, что не только поляки у васъ подъ крылышкомъ, но, де, русскіе бѣглецы всякую пакость творятъ, а вы, де, ихъ по головкѣ гладите»... Здѣсь надъ этимъ хохочутъ, а вашенскіе ⁴⁾, небось, сказали бы: «не прикажете ли по головкѣ?..» (снять, сирѣчь).

Все это и Подарестычу прочтите или пошлите прочесть. Гоните его сюда, — лучше, что ли, ногу отнимутъ да и схоронятъ? А Брусилова мнѣ жаль, я зналъ его ребенкомъ, и спорили съ нимъ лѣтъ 25 тому назадъ объ «Отелло» Шекспира.

Глубоко мистическое письмо Тесье получилъ. Здѣсь Викторъ Гюго какимъ же мракобѣсіемъ занимается.

А *propos*, отберите-ка у Франка, не возьметъ ли онъ 100 экз. «Разказовъ» съ тѣмъ, чтобы Фивегъ далъ слово, что часть оныхъ пошлютъ въ Германію? — Въ «*Debats*» было объявлено. За симъ

¹⁾ «Второе видѣніе».

²⁾ Свѣтл. князь Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще намѣстникъ Царства Польскаго.

³⁾ Брунновъ.

⁴⁾ Т. е. французы.

прощайте. Иду обѣдать въ Велингтонъ, что въ Пикадилли,— это больше зимній дворецъ, нежели кабакъ. Я тамъ съ Мих. Сем. прощался.

13, понедѣльникъ.

Сейчасъ перечиталъ я еще разъ проповѣдь; она очень хороша, и, пожалуй, я ее перепечатаю съ 1-ой вмѣстѣ, но какъ думаетъ Э. Я возражаю противъ двухъ мѣстъ: о похоронахъ и разсказъ о распятіи; не лучше ли это въ этомъ изданіи (въ воспом.) пропустить? Жду начальническихъ распоряженій.¹

Весь вашъ.

Вотъ и еще письмо отъ васъ. Пока тихо, и я тихъ. Всмотрюсь и очень. — Все зависитъ отъ барынь самихъ, но malheureusement¹) я не думаю, чтобы вліяніе Манихъ. было совсѣмъ хорошо. Она слишкомъ нервна.

А вы ее въ письмахъ не дразните.

◆◆ 1. «Второе видѣніе» было сначала выпущено отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ съ первымъ. Указаній Герцена Энгельсонъ не принялъ, и все осталось, какъ было написано. «Второе видѣніе» также напечатано въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ».

730. Письмо къ А. Руге.

15 Fevrier 1854.
25, Euston Square.

Cher Ruge,

Vous devez me permettre d'être très franc. Il y a des sujets sur lesquels je me tais—ou je dis tout.

Il m'est impossible de parler de la tragédie comme d'une oeuvre d'art, elle touche trop à des plaies non cicatrisées, et je me suis demandé quel a été le but de me l'avoir envoyée. Il fallait plutôt l'envoyer à Zurich. C'est l'apothéose d'un criminel, c'est la canonisation d'un lâche, d'un traître. Vous avez fait d'un fuyard—un héros. Vous avez justifié une trahison faisant d'un de vos héros un homme froid nüchtern

Tout cela peut être très bien du point de vue artistique.

Переводъ.

15 февраля 1854.¹

Дорогой Руге,

Вы должны позволить мнѣ быть совершенно искреннимъ. Есть предметы, о которыхъ я молчу или говорю все.

¹) Къ несчастью.

Я не могу говорить объ этой трагедіи, какъ о произведеніи искусства; она слишкомъ близко касается еще не зажившихъ ранъ, и я спрашиваю себя, зачѣмъ вы послали мнѣ ее? Ее нужно было послать въ Цюрихъ ¹⁾. Это—апоеозъ преступника, канонизація подлаго труса, предателя. Изъ бѣглеца вы сдѣлали героя. Вы оправдали измѣну, сдѣлавъ человѣка холоднаго, ничтожнаго однимъ изъ вашихъ героевъ.

Все это, можетъ быть, прекрасно съ точки зрѣнія искусства. ²

◆◆ 1. Арнольдъ Руге прислалъ Герцену писанную копию своей, только что написанной тогда стихами трагедіи въ 5 дѣйствіяхъ «Die neue Welt» («Новый свѣтъ»). Вотъ ея краткое содержаніе.

Юліусъ мечтаетъ о томъ, чтобы бросить всѣ заботы о чело-вѣчествѣ, которыя его раньше захватывали, и искать новой и полной приключеній жизни для себя. Его жена, Юліана, готова сопровождать его всюду и требуетъ отъ него такой же горячей и самоотверженной любви. Но Юліана надоѣла ему своей нудной любовью, Юліусъ же не хочетъ быть ея рабомъ и ищетъ для себя развлеченій на сторонѣ. Его другъ, Фолькартъ, приглашаетъ его, Юліану и Александра съ женой, Адель, на народный праздникъ, гдѣ Юліусъ покидаетъ все общество, уходя съ Мадленой, дѣвушкой изъ народа, съ которой онъ и его другъ, Александръ, когда-то познакомились. Этимъ онъ страшно огорчаетъ Адель и Юліану, особенно, конечно, послѣднюю: она считаетъ его поступокъ оскорбленіемъ для себя.

Александръ оправдываетъ его передъ Адель и говоритъ, что поступокъ Юліуса, хотя и дикъ, но простителенъ, потому что такихъ талантливыхъ и пылкихъ людей нельзя мѣрять обыкновенной мѣркой. Юліана никакъ не можетъ успокоиться, не можетъ забыть Юліуса и ревнуетъ его къ Мадленѣ. Такая любовь представляетъ Адель Юліуса исключительнымъ человѣкомъ, она готова его полюбить, а когда Юліана говоритъ, что простила бы Юліусу измѣну только съ ней, то чувство Адель начинаетъ усиливаться. Наконецъ, онѣ находятъ Юліуса, который старается оправдаться въ своемъ поведеніи, но только одна Адель вѣритъ ему; онъ это замѣчаетъ, замѣчаетъ и ея чувство къ нему и отвѣчаетъ ей также любовью.

Готовится народное возстаніе; Фолькартъ уговариваетъ Юліуса принять участіе въ немъ. Юліусъ сначала выказываетъ много презрѣнія къ ихъ «затѣѣ», но потомъ, когда Фолькартъ рисуетъ ему предстоящія почести, онъ заранѣе мечтаетъ заслужить этимъ благоволеніе Адель. Фолькартъ понимаетъ его планъ и предупреждаетъ.

¹⁾ Г. Герверы.

Александра о грозящей бѣдѣ, но Александръ отказывается вѣрить. Въ это же время происходитъ разговоръ между Адель и Юліусомъ, въ которомъ онъ старается уговорить ее не считаться съ Александромъ и всецѣло отдаться своему чувству. Въ доказательство же своей любви онъ обѣщаетъ ей вступить въ народное возстаніе и принести къ ея ногамъ трофеи всѣхъ побѣдъ. Адель признается Александру въ своей любви, онъ находитъ это послѣдствіемъ усталости и предлагаетъ ей уѣхать изъ Парижа отдохнуть.

Народное возстаніе свершилось. Юліусъ былъ предводителемъ и потомъ, захвативъ знамя, уѣхалъ къ Адель. Въ это время приходитъ Мадленъ и отдаетъ Александру письмо, забытое у нея Юліусомъ въ одно изъ его частыхъ посѣщеній. Это письмо отъ Адель, въ которомъ она жалуется на скуку, одиночество и на то, что Александръ ее не понимаетъ. Фолькартъ рѣшаетъ ѣхать къ Адель и посмотрѣть, не тамъ ли Юліусъ, а Александръ потихоньку слѣдуетъ за ними. Въ то же время Юліана также рѣшаетъ отправиться къ Адель, чтобы отмстить Юліусу за свою поруганную любовь.

Фолькартъ застаётъ Адель и Юліуса вмѣстѣ. Юліусъ грубъ и не хочетъ позволить ей поговорить съ Фолькартомъ наединѣ. Когда онъ уходитъ, Фолькартъ показываетъ Адель ея письмо, полученное отъ Мадленъ, и тогда Адель убѣждается въ низости Юліуса. Приходъ Александра, который умоляетъ ее о пощадѣ, страшно ее потрясаетъ, сердце ея не выдерживаетъ, она проситъ привести дѣтей—и умираетъ. Юліана, которая прибѣжала съ мечомъ, чтобы убить Юліуса, въ безсиліи опускается на стулъ. Появляется Юліусъ, который все время подслушивалъ; Александръ гонитъ его; Адель умираетъ. Юліусъ поднимаетъ мечъ Юліаны и кончаетъ съ собой.

Ясно, что фабула взята изъ интимной жизни Герцена: Юліусъ и Юліана—супруги Гервеги, Александръ—Герценъ, Адель—Н. А.—на, Фолькартъ и Мадлена—вымышленныя лица.

Приведу переводъ нѣсколькихъ отрывковъ, чтобы лучше ознакомить читателей съ произведеніемъ Руге, которое, хотя и было издано въ 1856 г. въ Лейпцигѣ («Die neue Welt». Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Mit einem Vorspiel »Goethe's Ankunft in Walhalle»), но сейчасъ представляетъ библиографическую рѣдкость.

(I дѣйствіе, 1 явл.)

Юліусъ (одинъ). Слишкомъ долго я принималъ такъ близко къ сердцу вздорныя фантазіи о человѣческомъ счастіи и обновленіи всего міра...

...Я хочу, свободный, какъ птица, опуститься въ твои нѣдра, полная чудесъ чаша жизни, и выучиться тому, чего я, прозябая, не могъ достичь на родинѣ...

...Да, этотъ Парижъ захватилъ меня своимъ волшебствомъ и научить меня презирать мое счастье, почетъ и даже любовь, которая меня такъ награждала...

...Я больше не хочу совершенствовать міръ, нѣтъ! Я хочу быть въ вихрѣ атомовъ тѣмъ, чѣмъ захочу; хочу употребить мои силы, а тамъ, истощеннымъ, захлебнуться въ водоворотѣ.

(I д. 2 явл.)

Юліана. Я не боюсь того, что намъ предстоит!..

...Что за жизни! Какъ безконечно она богата!..

...О, какъ я счастлива, что могу все познавать съ тобой вмѣстѣ.

Юліусъ. Да, въ этомъ ты права. Новое приковываетъ, освѣжаетъ восприимчивость, которая начинаетъ хромать отъ привычки. Но ты все еще останавливаешься передъ такимъ мной, какимъ я тебѣ показался еще во время перваго упоенія, передъ моимъ изображеніемъ, которое мнѣ самому стало чуждымъ и противнымъ.

Юліана. Ты долженъ былъ его любить, такъ какъ я его цѣнила.

Юліусъ. Это было бы рабствомъ, если бы ты хотѣла приковать живого къ мертвому; свободенъ вкусъ и прежде всего свободна любовь.

Юліана. Да, она свободна, но любить значитъ связаться; любовь привязывается только къ красивому, она его молодитъ, отрываетъ своимъ огнемъ отъ общей судьбы. А то, что любимо, становится безсмертнымъ. Поэтому не говори мнѣ о смерти того юноши, котораго я спасла въ своемъ сердцѣ.

(Пылко его обнимаетъ, онъ ее холодно отстраняетъ).

(II д. 1 явл.)

Адель. Объясни, если умѣешь, какъ это возможно, чтобы такой благородный, умный человѣкъ, какъ Юліусъ (такимъ, вѣдь, онъ кажется всѣмъ), могъ такъ забыться? Развѣ честь и права Юліаны, которая его больше уважаетъ, чѣмъ любитъ, какъ равная, ему безразличны?

Александръ. Я, право, не знаю.

Адель. ...Мы не должны были ее оставить.

Александръ. Съ нею былъ Фолькартъ, который могъ ее утѣшить. Вѣдь, женщину всегда лучше можетъ утѣшить одинъ мужчина, чѣмъ дюжина.

Адель. Какъ ты опять говоришь! О, пусть тебѣ сегодня нравятся хорошія слова! Я ненавижу эти насмѣшки, да и тебѣ онѣ не идутъ. Вѣдь, ты со своимъ сердцемъ далекъ отъ этой обычной манеры думать, которая всю нашу любовь, и все, что мы давно носимъ въ сердцѣ, можетъ унижить до шутки.

Александръ. ...Конечно, Юліусъ дикъ, но онъ человѣкъ, который, если я самъ себя не обманываю, создастъ еще много хорошаго. Его геній вывелъ его еще молодымъ на широкую арену міра. Онъ это сознаетъ и охотно будетъ такимъ, какимъ міръ его готовится увидѣть. Онъ чувствуетъ себя и умѣетъ ловкостью и силой притягивать людей и удерживать ихъ. Я не молюсь тому, передъ кѣмъ всѣ преклоняютъ колѣна, но здѣсь, я думаю, можно ждать много хорошаго.

(II д. 2 явл.)

Юліана. Адель, онъ не вернулся! Такого мученья я давно не переживала. Я во всемъ сомнѣваюсь. Все вмѣстѣ съ нимъ, моимъ солнцемъ, сорвалось съ неба и кануло въ глубокую, темную ночь.

Адель. Такъ оставь его! Будь вдвойнѣ горда; если онъ отъ тебя отвернулся, забудь его, дай ему почувствовать, что когда онъ самъ себя покидаетъ, то и ты его можешь покинуть.

Юліана. Нѣтъ, никогда...

...Я была съ нимъ вмѣстѣ во всѣхъ его радостяхъ и заботахъ. Быть заодно съ нимъ, съ юношей, котораго почитаетъ міръ, — было моимъ счастьемъ, и съ каждымъ новымъ пареніемъ онъ казался мнѣ все болѣе неподобнымъ, когда его увлекало искусство, все болѣе красивымъ съ каждой новой удачей въ красивыхъ дѣлахъ...

Адель. ...Твоя любовь показываетъ мнѣ его такимъ красивымъ, прекраснымъ, что даже въ несчастьи я тебѣ завидую. Твой огонь чтитъ его высоко, и ты имѣешь то преимущество, что, обладая этимъ чувствомъ, можешь показывать его, тогда какъ меня при каждомъ словѣ, которое я, одухотворенная, говорю, ждетъ и пугаетъ насмѣшка изъ устъ Александра. И часто очень некстати ему на умъ приходятъ сарказмы.

Юліана. А Юліусъ божествененъ, когда онъ мечтаетъ!

...Адель, тебѣ я простила бы, если бы ты отняла его у меня.

Адель. Какъ ты его любишь! Благороденъ долженъ быть тотъ лучъ, который зажегъ въ тебѣ это пламя.

(II д. 6 явл.)

Юліусъ (одинъ). Я читаю въ ея глазахъ, — она меня понимаетъ. Въ душу проникаютъ ея нѣжные взгляды.

...О, какая судьба такъ глупо отдѣлила насъ другъ отъ друга! О, Адель, Адель!

(III д. 1 явл.)

Юліусъ. О, другъ, мнѣ не опасны скалы и совсѣмъ не нужны слезы Юліаны, чтобы перевернуть сердце въ груди. Одно рукопожатіе Адель, одинъ ея взглядъ,—и уже достаточно, чтобы пустота, которая меня никогда не удовлетворяла, стала мнѣ противна.

Фолькартъ. Да, было бы большимъ несчастьемъ, еще бѣльшимъ, чѣмъ твое приключеніе, если бы ты привязался къ Адель. Не только Юліану, но и друга ты обманулъ бы. Но я думаю, что на этотъ разъ ты послушаешься меня. Если ты съ нами, какъ былъ всегда, то слушай, чтò готовится въ народѣ. Народъ уже готовъ къ освобожденію.

Юліусъ. Для меня ни народъ, ни партіи ничего не значатъ. Личность, это—все, это—міръ!

...Что вы хотите дѣлать? Вѣдь, все это напрасно. Вы никогда не сможете считать миллионы за реальное.

Фолькартъ. Вы всѣ такъ практичны, что подчиняете голову желудку. Но скоро вы увидите мощь генія у дѣла и обратитесь на путь истины.

Юліусъ. О, ты знаешь, чѣмъ меня пронять, и куда я охотно пойду! Въ моемъ сердцѣ просыпается молодость, и небесная мечта такъ охотно возвращается. Дайте мнѣ видѣть послѣдователей, и тогда упорство одного увидитъ свой путеводный огонекъ въ одухотвореніи всѣхъ!

(III д. 2 явл.)

Фолькартъ. ...Мы согрѣли змѣю на груди и скорѣе должны прятать сердце, на которое она мѣтитъ своимъ жаломъ. Юліусъ опасенъ, потому что его не знаютъ, какъ слѣдуетъ! Я долго самъ себя обманывалъ, а теперь ясно вижу, что онъ мѣтитъ на Адель, которая мечтательно и мягко подчиняется красивому сіянію и его плану. Его прельщаетъ больше притянуть въ свой волшебный кругъ такое сердце, чѣмъ подозрительную Мадлену. И демонская ярость его побуждаетъ, чтобы разрушать все, къ чему ни притронется. Онъ врагъ самого себя и всѣхъ своихъ друзей!

(III д. 3 явл.)

Адель (одна). ...О, что за человѣкъ! Вотъ новый поворотъ міра къ свободѣ! О, какъ я хотѣла бы его видѣть, когда тысячи ждуть изъ его устъ объясненія того, что чувствуютъ сами. Онъ былъ спасенъ, а теперь уже навѣрное спасенъ. Юліана, ты простишь мнѣ, вѣдь ты сама этого желала...

(III д. 4 явл.)

Юліусъ. Какъ ты простила Александру, что онъ съ отеческой заботой ищетъ спасти Мадлену, такъ и онъ тебѣ проститъ, что ты сжалилась надо мной и раздѣлишь мою чистую любовь.

Адель. Такъ ты опять вернулся къ намъ окончательно и чувствуешь вмѣстѣ съ нами красивый подъемъ народа! Какъ наше дѣло, которому ты думаешь посвятить свою душу и страсти?

Юліусъ. Клянусь! Ты должна меня считать вѣрнымъ въ каждомъ благородномъ движеніи, спокойнымъ въ каждой опасности. Всѣ трофеи всѣхъ побѣдъ соберутся къ твоимъ ногамъ. Будь здорова и держи свое слово, которое хотя и нерѣшительно, но, все-таки, такъ безконечно осчастливило меня.

(III д. 6 явл.)

Фолькартъ. Она въ его вкусѣ, и онъ пренебрегаетъ долгомъ дружбы,—такъ она ему нравится.

Александръ. Этому я охотно вѣрю. Но онъ ошибается: она его никогда не услышитъ, хотя и слушаетъ.

Фолькартъ. Если женщина предрасположена къ мужчинѣ, то ее очень легко убѣдить.

Фолькартъ. ...Онъ молодъ и гордъ, упоренъ, страстенъ и обожаемъ всѣми, кто предпочитаетъ капризъ счастья глубокому генію человѣка, который медленно подвигается на суровомъ поприщѣ правды и потомъ, отброшенный легкими рыцарями, остается на избранномъ пути. И онъ плаваетъ въ голубой дали передъ Адель, которой парусъ его кажется золотисто-розовымъ, тогда какъ ты на собственномъ кораблѣ окружаешь ее только разочарованіями. Прибавь къ этому твои сарказмы, которые она ненавидитъ, такъ какъ ты часто бросалъ ихъ въ ея красивыя фантазіи, и мученія ея твоею мудростью.

(III д. 7 явл.)

Юліана. ...Итакъ, въ твоей власти спасти насъ или погубить, и я смотрю на тебя, какъ на богиню. Но я снова боюсь, что при такой большой власти ты совсѣмъ забудешь про меня. Я стала такъ бѣдна духовно, что даже мольба и желаніе, которыя мнѣ могутъ помочь, не умѣютъ найти у меня своего выраженія.

Адель. ...Юліана, я его уважаю и люблю, потому что онъ легко и быстро достигаетъ того, что для другихъ поднимается къ небу, какъ недостижимый идеаль.

(III д. 7 явл.)

Юліана. ...Ему, теперь я это вижу, ничто такъ не противно, какъ наша долготѣняя близость; я все за нимъ повторяла, все

съ нимъ видѣла. Во мнѣ онъ презираетъ свое безошибочное зеркало... О, Адель, берегись его! Ты видишь, какимъ ядомъ отравила меня его любовь. И если бы онъ былъ еще лучше и совершеннѣе,—не люби его!

(III д. 8 явл.)

Адель (Александрю). Не всякій такъ жестокъ и гордъ, какъ ты, чтобы игнорировать всѣ слова женщины.

(IV д. 1 явл.)

Александръ. Когда я вижу тебя, мой старый другъ, когда ты говоришь со мной, въ моемъ сердцѣ снова зажигается чудная вѣра въ то, что люди живутъ по-человѣчески и могутъ превратить мѣръ въ храмъ чести.

Фолькартъ. Юліусъ былъ съ нами при штурмѣ Тюльери, и когда масса набросилась на рѣшетку, поднимающуюся передъ Карузельской площадью, мы его увидели вдругъ на верхушкѣ желѣзнаго забора. «За мной!» вскричалъ онъ. И если бы вихрь пронесъ черезъ заборъ изсохшую зелень, то и то онъ сдѣлалъ бы это не скорѣе, чѣмъ волны штурмующихъ, которыя при огнѣ грохочущихъ ружей перенеслись черезъ рѣшотку, быстро припадали къ землѣ и снова поднимались, пока весь потокъ, какъ море, неудержимо кинулся въ замокъ. Передъ нимъ исчезла стража во дворѣ, и ихъ знамя упало въ руку Юліуса. Благородное стремленіе быстро поставило его во главу движенія, съ которымъ мы всѣ связаны. Народъ понесъ его со знаменемъ къ огню, пожирившему королевскій тронъ. Тамъ я нашелъ его и похвалилъ его стараніе и ловкость въ веденіи борьбы. «О, вскричалъ онъ, я люблю эту славу, которую вы мнѣ воздаете и которую дѣлите со мной! Прелестныя уста благодарятъ меня за мою храбрость и эта благодарность должна принадлежать мнѣ одному». Тутъ онъ поспѣшилъ въ твой домъ, какъ герой свободы. И когда онъ не засталъ Адель и узналъ, что она уѣхала въ Геръ, онъ сказалъ: «Вотъ, значитъ, какова свобода женщины въ этомъ домѣ! Ее отослали къ водянымъ и лѣсовикамъ и спрятали вдали отъ друзей!»

Александръ. Да, онъ въ состояніи!

(IV д. 3 явл.)

Мадлена (Александрю). У меня на душѣ тайна, которая касается тебя. За этимъ я и пришла къ тебѣ. Все время революціи Юліусъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать меня. Сегодня онъ писалъ отвѣтъ вотъ на это письмо, которое забылъ, когда отнесъ отвѣтъ... Это письмо отъ Адель.

(V д. 7 явл.)

Александръ (когда онъ входитъ, Адель падаетъ въ его объятія). Адель, мать моихъ дѣтей, моя дорогая жена, моя обманутая жена, ты уже выбрала?! Выбери его! Гони меня, но позволь мнѣ еще разъ отдохнуть здѣсь, а ужъ потомъ пойти ко дну!

Адель (потрясенная, съеживается. Александръ держитъ ее). Прости меня, я искуплю это моею жизнью.

Пустите ко мнѣ дѣтей, позвольте мнѣ видѣть ихъ еще разъ прежде, чѣмъ ночь совершенно затуманитъ мои глаза. Гдѣ они? Они здѣсь?

(V д. 8 явл.)

Юліусъ. (Всѣ, собравшись, окружаютъ умирающую Адель, появляется Юліусъ. Онъ подымаетъ мечъ, который упалъ изъ рукъ Юліаны. Всѣ передъ нимъ отступаютъ, только Александръ идетъ ему навстрѣчу).

Александръ. Ты не имѣешь права вступать за этотъ святой порогъ, который освятила твоя жертва. Прочь отсюда! прочь! Я ее не связывалъ, она могла меня забыть... Прочь! Прочь!

Юліусъ. Ты произнесъ мой приговоръ, и вы всѣ съ нимъ согласны. Вы меня выталкиваете, и въ вашемъ лицѣ міръ презираетъ мои необузданныя стремленія, мою ярость, съ которой я, какъ титанъ, хотѣлъ разорвать всѣ оковы, которыми связали мое сердце мой другъ и моя жена. Какъ разъ въ-время я понялъ, что жить такъ дальше не смѣю. Прости, Юліана, если можешь. Вы, остальные, этого не можете сдѣлать, ибо не любили меня, какъ она. Одно, во всякомъ случаѣ, вы должны признать,—что я считалъ это чувство святымъ! (Закалывается).

2. На слѣдующій день жившій въ Лондонѣ Руге отвѣчалъ Герцену, что онъ ошибается, думая, что трагедія есть защита цюрихскаго преступника (*Verbrecher in Zürich*); кажется, Герценъ долженъ бы былъ знать, что Руге постоянно и рѣшительно былъ именно на его сторонѣ. Руге взялъ только нѣкоторые факты изъ пережитой Герценомъ дѣйствительности, но сдѣлалъ это исключительно для того, чтобы иллюстрировать проблемы, положенныя въ основу трагедіи. Въ своемъ произведеніи онъ не взялъ ни одной черты изъ дѣйствительнаго характера Гервега, такъ какъ онъ не могъ бы служить ему для поэтическихъ вдохновеній. «Кто видитъ себя и своихъ,—говоритъ дальше Руге,—отраженными въ облакахъ Олимпа, тотъ не долженъ жаловаться на эту фатаморгану и тѣмъ болѣе не долженъ исправлять ее дагеротипомъ дѣйствительности». Руге упрекаетъ Герцена за то, что онъ безъ всякаго основанія ставитъ

его на сторонѣ «сумасшедшаго субъекта» и ни словомъ не упоминаетъ объ «общемъ интересѣ, который возбуждаетъ трагедія, ставя главные вопросы самыхъ свободныхъ людей». Руге утѣшалъ себя тѣмъ, что всякій, кто хочетъ соблюсти во всей чистотѣ принципъ и идеаль, имѣетъ несчастье быть пробнымъ камнемъ, и такъ кончилъ свое пространное письмо: «я не поднимаю вашей перчатки, такъ какъ вы бросили ее на арену по заблужденію» (Kro-Kroman, «Ein Ungedruckter Brief v. A. R. an A. H.»). Редакторъ переписки Руге, P. Nerrlich, сдѣлалъ указаніе, что у него есть письмо Герцена и отвѣтъ Руге, но онъ не печатаетъ ихъ по просьбѣ А. А. Герцена («Brief-Wechsel und Tagebuchblätter» etc., II, 158). Письмо Руге такимъ образомъ напечатано, а письмо Герцена до сихъ поръ неизвѣстно и нельзя сказать, насколько оно соотвѣтствуетъ приведенному мною съ черновика.

731. Письмо къ гражданину-редактору „L'Homme“.

Citoyen rédacteur!

Три года тому назадъ вышли въ Германіи мои «Письма изъ Италіи и Франціи». Книга шла успѣшно; событія 1848 г., обсуживаемыя русскимъ, имѣли особенный интересъ.

Впослѣдствіи я написалъ еще нѣсколько писемъ, которыя не были напечатаны.

Хотите ихъ для вашего журнала?

Мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ, какъ широко вы растворяете двери всѣмъ *революціоннымъ* мнѣніямъ, стало, и нашему.

...Будто есть *русское революціонное* мнѣніе? Чѣмъ оно можетъ отличаться отъ французскаго, нѣмецкаго? Родина русскаго образованія не въ Россіи, а въ Европѣ. Дѣйствительно, революціонная идея одна и та же, но положенія разныя.

Никто еще не думалъ о странномъ, эксцентрическомъ положеніи русскаго на Западѣ, особенно, когда онъ перестаетъ быть праздношатающимся.

Намъ дома скверно. Глаза постоянно обращены на дверь, которая открывается понемногу и изрѣдка. Ъхать за границу—мечта каждаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать міръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложенный вѣками, съ малолѣтства поражалъ насъ. Мы стремимся еще сильнѣе не видать Зимняго дворца, ни голубой и

зеленой полиціи, ни утѣшительнаго зрѣлища *торжествующаю* *порядка*.

Русскій вырывается за границу въ какомъ-то опьянѣніи,—сердце настезъ, языкъ развязенъ; прусскій жандармъ въ Лаугцаргенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кенигсбергъ—свободнымъ городомъ. Мы любили и уважали этотъ міръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ, мы съ уваженіемъ попираемъ почву, на которой совершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

Сначала все кажется хорошо и притомъ, какъ мы ожидали; потомъ мало-по-малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться,—намъ недостаетъ пространства, шири, воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытіе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами,—это не удастся.

Напрасно стараемся мы придать старческія черты молодому лицу, напрасно надѣваемъ выношенный узкій кафтанъ,—кафтанъ рано или поздно порется, и *варваръ* является съ обнаженной грудью, краснѣя своего неумѣнія носить чужое платье.

Знаменитое: «grattez un Russe et vous trouverez un barbare» ¹⁾—совершенно справедливо. Кто въ выигрышѣ, я не знаю. Но знаю то, что варваръ *этотъ*—самый непріятный свидѣтель для Европы. Въ глазахъ русскаго она читаетъ горькій упрекъ; обидное удивленіе, которымъ смѣняется у него удивленіе совѣмъ иное, дѣйствуетъ непріятно, будить совѣсть...

Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу съ ея собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя.

Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ четвертей не видна издали, вблизи она постоянно передъ глазами.

Между дѣйствительностью, которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ, между цѣлью политическихъ и литературныхъ стремленій и цѣлью рыночной и домашней дѣятельности столько же различія, сколько вообще между жизнію хри-

¹⁾ «Поскребите русскаго—и вы найдете варвара»; это нѣсколько иное выраженіе афоризма: «Поскребите русскаго, и вы найдете татарина», приписываемаго г-жѣ де-Сталь и часто повторявшагося Наполеономъ I.

стіанскихъ народовъ и евангельскимъ ученіемъ. Одно—слово, другое—дѣло; одно—стремленіе, другое—быть; одно безпрестанно говоритъ о себѣ, другое рѣдко оглашается и остается въ тѣни; у одной на умѣ созерцаніе, у другой—нажива.

Разумѣтся, быть этотъ произволенъ. Онъ сложился посильно, какъ могъ, изъ историческихъ данныхъ, накопѣлъ вѣками, захватилъ въ себя всякую грязь, всякія наслѣдственныя болѣзни, въ немъ остались наносы всѣхъ націй. Ряды народовъ жили, истощились и погибли въ этомъ потокѣ западной исторіи, который влечетъ съ собою ихъ кости и трупы, ихъ мысли и мечтанія. Онъ носятся надъ этимъ глубокимъ моремъ, освѣщая его поверхность,—какъ нѣкогда носился духъ божій надъ водами.

Но воды не раздѣляются.

Новый міръ можно только творить изъ хаоса. А старый міръ еще крѣпокъ, инымъ нравится, другіе привыкли къ нему.

Тягость этого состоянія западный человѣкъ, привыкнувшій къ противорѣчіямъ своей жизни, не такъ сильно чувствуетъ, какъ русскій.

И это не только потому, что русскій посторонній, но именно потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *свой*. Посторонній смотритъ на особенности страны съ любопытствомъ, отмѣчаетъ ихъ съ равнодушіемъ чужого; такъ смотрѣлъ Бу-Маза ¹⁾ на Парижъ изъ своего дома на Елисейскихъ поляхъ; такъ смотритъ европеецъ на Китай.

Русскій, напротивъ,—страстный зритель, онъ оскорбленъ въ своей любви, въ своемъ упованіи, онъ чувствуетъ, что обманулся, онъ ненавидитъ такъ, какъ ненавидятъ ревнивые отъ избытка любви и довѣрія.

У бедуина есть своя почва, своя палатка, у него есть свой бытъ, онъ воротится къ нему, онъ отдохнетъ въ немъ. У еврея, у этого первозданнаго изгнанника, у этого допотопнаго эмигранта, есть кивотъ, на которомъ почіетъ его вѣра, во имя котораго онъ примиряется съ своимъ бытомъ.

Русскій бѣднѣ бедуина, бѣднѣ еврея,—у него ничего нѣтъ, на чемъ бы онъ могъ примириться, что бы его утѣшило. Можетъ, въ этомъ-то и лежитъ зародышъ его революціоннаго призванія.

Оторванный отъ народнаго быта во имя европеизма, оторванный отъ Европы душнымъ самовластьемъ, онъ слишкомъ слабъ, чтобъ сбросить иго, и слишкомъ развитъ, чтобъ примириться съ нимъ. Ему остается удаленіе.

¹⁾ Непримиимый вождь алжирскихъ арабовъ, взятый французами въ плѣнъ.

Но куда удалиться? Не всё способны день и ночь играть въ карты, пить мертвую чашу, отдаваться всевозможнымъ страстямъ, чтобъ заглушить тоску и умертвить душу. Есть люди, которые удаляются въ книгу, въ изученіе западной исторіи, науки. Они вживаются въ великія преданія XVIII вѣка; поклоненіе французской революціи—ихъ первая религія; свободное германское мышленіе—ихъ катехизисъ, и для нихъ не нужно было, чтобъ Фейербахъ разболталъ тайну Гегелева ученія, чтобъ понять ее.

Изъ этого міра исторіи, міра чистаго разума онъ идетъ въ Европу, т. е. идетъ домой, возвращается... И находитъ то, что нашелъ бы въ IV, V столѣтіи какой-нибудь остроготъ, начитавшійся св. Августина и пришедшій въ Римъ искать весь Господню.

Средневѣковые пилигримы находили, по крайней мѣрѣ, въ Іерусалимѣ пустой гробъ,—воскресеніе Господне было снова подтверждено; русскій въ Европѣ находитъ *пустую* колыбель и женщину, истощенную мучительными родами.

Будетъ ли она жива?

Будетъ ли живъ ребенокъ?

Да? Нѣтъ?... Спросить не у кого, философы суевѣрны, революціонеры консервативны, они ничего не могутъ сказать. Наивный дикарь всю декорационную часть, всю *mise en scéne*, всю часть гиперболическую бралъ за чистыя деньги. Теперь разглядѣвши, онъ знать ничего не хочетъ, онъ представляетъ къ учету, какъ вексель, писанныя теоріи, которымъ онъ вѣрилъ на слово,—надъ нимъ смѣются, и онъ съ ужасомъ догадывается о несостоятельности должниковъ. «Гдѣ же, наконецъ, тѣ сильные, тѣ пророки, которые насъ вели, манили?» Они-то первые и обанкротились. Ихъ мнимыя богатства были просто акціи на будущій капиталъ, это было приложеніе системы Ло ¹⁾ къ нравственному міру.

Непоследовательность революціонныхъ людей, ихъ двойство глубоко оскорбляетъ насъ. Они поддерживаютъ одной рукой то, что ломаютъ другой; имъ жаль дряхлаго міра, и пока они мирволятъ ему, плачутъ объ немъ, міръ будущаго проходитъ у нихъ сквозь пальцы. Одни боятся логическаго вывода, другіе не могутъ его понять, и почти всё стоятъ еще на томъ берегу, гдѣ дворцы, церкви, суды.

Печальное знаменіе остановки, предѣла, смерти бросается въ глаза, и мы его равно читаемъ на челѣ мучениковъ, гибнущихъ на галерахъ, и на челѣ каторжниковъ, пирующихъ въ Тюльери.

«И это рабы, Богъ вѣсть, зачѣмъ являющіеся изъ подъ своего снѣга, осмѣливаются видѣть?»

¹⁾ Джонъ, извѣстный финансистъ и спекулянтъ.

Не ихъ вина, если они видятъ. Варвары споконъ вѣка отличались тонкимъ зрѣніемъ; намъ Геродотъ дѣлаетъ особую честь, говоря, что у насъ глаза ящерицы...

...«Русскій, *снимая съ себя цѣпи*, становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ его прошедшему? Новая исторія Россіи начинается съ полнѣйшаго отреченія преданій. Или петербургскій періодъ? Это пятое дѣйствіе кровавой трагедіи, представленной въ публичномъ домѣ, насъ ни къ чему не обязываетъ. Оно оставило не вѣрованія, а сомнѣнія.

«Съ другой стороны, ваше прошедшее служить намъ поученіемъ, но не больше; мы нисколько не считаемъ себя душеприказчиками вашей исторіи. Ваши сомнѣнія мы принимаемъ, но ваша вѣра насъ не трогаетъ, вы слишкомъ религіозны для насъ. Мы готовы дѣлать ваши ненависти, но не понимаемъ вашей привязанности къ наслѣдію вашихъ предковъ. Мы слишкомъ задавлены, слишкомъ несчастны, чтобы удовлетвориться половинчатыми рѣшеніями. Вы многое щадите, васъ останавливаетъ раздумье совѣсти, благочестіе къ былому; намъ нечего щадить, насъ ничего не останавливаетъ,—но мы безсильны, связаны по рукамъ и ногамъ. Отсюда наша вѣчная иронія, злоба, развѣдающая насъ и ведущая насъ въ Сибирь, на пытки, къ преждевременной смерти. Люди жертвуютъ собой безъ всякой надежды—отъ скуки, отъ тоски... Въ нашей жизни есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего неподвижнаго, ничего мѣщанскаго.

«Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ то, что вы уважаете,—съ какихъ поръ дѣтямъ въ воспитательныхъ домахъ ставятъ въ упрекъ, что они не почитаютъ родителей?

«Мы свободны, потому что начинаемъ съ самихъ себя. Преемственное въ насъ только наша организація, народная особность, прирожденная намъ, лежащая въ нашей крови, въ нашемъ инстинктѣ. Мы независимы, потому что у насъ ничего нѣтъ, намъ нечего любить; горечь, обида—въ каждомъ воспоминаніи; науку, образованіе?—намъ ихъ подали на концѣ кнута.

«Что намъ за дѣло до вашихъ преемственныхъ обязанностей, намъ, меньшимъ и лишеннымъ наслѣдства? И какъ намъ принять вашу поблекшую нравственность, не человѣческую и не христіанскую, существующую только въ риторическихъ упражненіяхъ, въ воскресныхъ проповѣдяхъ, въ прокурорскихъ разглагольствованіяхъ? Съ чего намъ уважать ваши судебныя палаты съ ихъ тяжелыми, давящими сводами, безъ свѣта и воздуха перестроенными на го-

тическій ладъ въ средніе вѣка и побѣленными вольно-отпущенными мѣщанами послѣ революціи?...

«Русскіе законы начинаются съ - - - - - истины—«царь приказалъ» заканчиваются - - - - - «быть по сему». А ваши указы носятъ въ заголовкахъ двоедушную ложь, громовой республиканскій девизъ и имя французскаго народа. Сводъ законовъ точно такъ же направленъ противъ человѣка, какъ сводъ Наполеона, но мы знаемъ, что нашъ сводъ скверенъ, а вы не знаете этого. Довольно носимъ мы цѣпей насильно, чтобъ прибавить еще добровольные путы. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ совершенно на одной доскѣ съ нашими крестьянами. Мы повинujemyся грубой власти, потому что она сильнѣе. Мы рабы, оттого что не можемъ освободиться, но мы ничего не примемъ изъ вражьяго стана.

«Россія никогда не будетъ протестантскою.

«Россія никогда не будетъ *juste milieu* ¹⁾,

«Она не возстанетъ только для того, чтобъ отдѣлаться отъ царя Николая и получить въ награду представителей-царей, судей-императоровъ, полицію-деспотовъ» ²⁾).

Вотъ что я писалъ въ сентябрѣ 1851.

Австрійскій «Lloyd», говоря объ моей книгѣ «Vom andern Ufer», называетъ меня русскимъ Іереміей, плачущимъ на развалинахъ іюньскихъ баррикадъ, и прибавляетъ, что книга моя замѣчательна, какъ *патологическій* фактъ, показывающій, какой безпорядокъ вноситъ въ русскую голову нѣмецкая філософія и французская революція.

Я принимаю все это.

Да, я плакалъ на іюньскихъ баррикадахъ, еще теплыхъ отъ крови, и теперь плачу при воспоминаніи объ этихъ проклятыхъ дняхъ, въ которыхъ канибалы порядка восторжествовали. Я буду очень счастливъ, если мои писанія могутъ служить для уясненія «патологіи» революціи, и цѣль моя будетъ совершенно достигнута, если я могу указать, какъ послѣднія молніи революціи сверкнули и отразились въ русскомъ пониманіи.

Съ этой тройной точки зрѣнія я вамъ предлагаю мои письма и братски привѣтствую васъ.

Лондонъ, 7 февраля 1854 г.

¹⁾ Страною безразличія (золотой середины).

²⁾ Изъ письма моего къ Мишле.—А. И. Г.

732. Старый міръ и Россія.

Письма къ редактору «The English Republic», В. Линтону ¹⁾.

Н. Трюбнеръ прислалъ мнѣ прилагаемый переводъ, спрашивая моего согласія на изданіе его. Политическія статьи быстро вянутъ, и я, перечитавъ эти письма къ В. Линтону, писанныя передъ Крымской войной, во время царствованія въ бозѣ почивающаго и «незабвеннаго» Николая, задумался, было, о томъ, печатать ихъ или нѣтъ. Но сказанное слово — тоже фактъ и отпираться отъ него стыдно; я не напрашивался на переводъ, но не хочу и мѣшать ему, тѣмъ больше, что онъ уже сдѣланъ.

Письма эти навлекли на меня сильныя гоненія отъ англійскихъ и особенно отъ нѣмецкихъ журналистовъ. Трудно себѣ представить, въ какомъ безвыходномъ, запаенномъ на-глухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ всякая мысль, не подходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленныя имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и, главное, прилагательныхъ словъ, которыя у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головою болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ, какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, съ скрытой злобой, какъ незванный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать.

Письма эти имѣли въ себѣ многое, чтобъ возбудить гнѣвъ и въ обыкновенное время, а они явились во время повальной ненависти къ Россіи и ничѣмъ неудержимаго воинскаго героизма союзниковъ вообще, и въ особенности нѣмцевъ.

¹⁾ Англійскій политическій дѣятель и журналистъ.¹

Чтобъ дать понятіе, что такое были нападки, я упомяну о трехъ самыхъ забавныхъ. Одинъ господинъ говоритъ, что въ этихъ письмахъ я ставлю въ образецъ и идеаль *крѣпостное состояніе*; другой,—что я совѣтую не только завоеваніе Константинополя, но и Вѣны; третій,—что все, сказанное мною объ сельской общинѣ, ложно и выдуманно: «онъ дошелъ до того, что даже въ устройствѣ украинскихъ казаковъ старается показать начала демократическія, почти республиканскія!»

Почти еще забавнѣе были два изустныя замѣчанія. Редакторъ одного *недѣльнаго* листа замѣтилъ мнѣ, что анти-религіозный характеръ моихъ писемъ оскорбителенъ для англичанъ, для народа по преимуществу христіанскаго. «Вотъ, говоритъ онъ, вамъ примѣръ,—человѣкъ необычайной энергіи и силы мысли, отецъ социализма, старый Робертъ Оуэнъ; отчего не имѣлъ успѣха, отчего не основалъ школы? оттого что онъ прямо отвергаетъ христіанство».

Нѣсколько дней послѣ встрѣтилъ я другого редактора другого тоже *недѣльнаго* листа. Онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ напечатать отрывки изъ моихъ писемъ, но нашелъ, что въ нихъ все такъ пропитано социализмомъ, который антипатиченъ англо-саксонской расѣ, что онъ не рѣшился этого сдѣлать...

— Робертъ Оуэнъ оттого не имѣлъ успѣха,—сказалъ я,—оттого не основалъ школы, что онъ социалистъ.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія!—отвѣчалъ утвердительно редакторъ.

Что же бы осталось отъ Оуэна, еслибъ изъ его сочиненій взять все социальное и все анти-христіанское?

Ошибокъ въ этихъ письмахъ много. Кто могъ предвидѣть, что первую жертвой Крымской войны падетъ Николай? Я всегда думалъ, что онъ проживетъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ, до аредовыхъ лѣтъ.

Но въ чемъ я не ошибся и что составляетъ сущность этихъ писемъ, это—въ моемъ предсказаніи, что Россія должна вступить въ новую эру развитія, что узкій деспотизмъ Николая становился тѣсенъ для ея роста.

Да не ошибся я и въ томъ, что Англія сдѣлается больше и больше отчужденнымъ островомъ, хранящимъ въ своихъ свободныхъ учрежденіяхъ прежній идеаль общественнаго устройства, къ которому стремился весь европейскій міръ, да середь дороги ослабѣлъ, одряхлѣлъ и подпалъ двумъ величайшимъ врагамъ развитія и свободы: подогрѣтому католицизму и вновь воскресшему абсолютизму.

Нашихъ соотечественниковъ прошу я не забывать, что эти письма писаны не для русскихъ и не тѣмъ языкомъ, которымъ мы говоримъ.

1 января 1858 года
Путней (близъ Лондона).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный Линтонъ!

«Какая, по мнѣнію вашему, будущность Россіи?» спрашиваете вы.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю, тоже спрашивая: способна Европа къ общественному возрожденію или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ. Ежели народу русскому предстоить только одна будущность, то судьбамъ имперіи російской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть, которая изъ двухъ совершится.

Мнѣ кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; съ 1848 года разложеніе ея растетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасаютъ, и всѣ безотчетно оспариваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнуть,—погибнуть государства, погибнуть учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность и вступила въ новый міръ, взошла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стихій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія преобразованія; основанія же новаго порядка государствъ оставались неосуществленными; старое зданіе только поправляли. Такова была реформа Лютера, такова была революція 1789 года.

Мы дошли, наконецъ, до крайнихъ границъ передѣлокъ и заштукатуриваній; ветхія формы слишкомъ тѣсны; въ нихъ нельзя вернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль, сверхъ того, несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи собственности, на привилегіяхъ и монополіяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формѣ: «Богъ и Народъ» ¹⁾),—такое государство не мо-

¹⁾ Dio e Popolo—формула Маццини.

жетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, т. е. свои химическіе элементы, освобожденные смертью.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ—религія человѣка, религія земная, безнебесная, общество безъ правленія, воплощеніе христіанства, одѣйствовореніе революціи.

Христіанство преобразовало раба въ сына человѣческаго; революція преобразовала отпущенника въ гражданина; соціализмъ хочеть изъ него сдѣлать *человѣка* (ибо городъ долженъ зависѣть отъ человѣка, а не человѣкъ отъ города). - - - - - указываетъ людямъ на сына - - - , какъ на идеаль, соціализмомъ сынъ обьявляется *совершеннольтнимъ*, человѣкъ хочеть быть болѣе, чѣмъ сыномъ - - - - ,—онъ хочеть быть *самимъ собою*.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ и частныхъ лицъ между собой должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть народы германо-романскіе достаточно силъ, чтобъ подвергнуться этому переселенію душъ, и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль соціальной революціи—мысль европейская; но изъ этого не слѣдуетъ, что западные народы одни призваны осуществить ее.

Христіанство было только *распято* въ Іерусалимѣ.

Мысль соціальная равно можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ, предсмертной волей, предѣломъ западнаго міра, какъ и торжественнымъ входомъ въ новое существованіе, пріобрѣтеніемъ совершеннолѣтней тоги.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое; ея низшіе классы слишкомъ отдалены отъ цивилизаціи, чтобы она зря могла бростись всѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты и іезуиты, горожане и крестьяне,—все это—консерваторы; развѣ, придется исключить однихъ только работниковъ.

Работникъ можетъ отвратить отъ стараго свѣта большой позоръ и большія несчастія. Но спасенный имъ, онъ не переживетъ одного дня, потому что съ нимъ водворится соціализмъ—и вопросъ будетъ положительно рѣшенъ.

Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ, какъ это было въ іюньскіе дни. Противодѣйствія будутъ еще свирѣпѣе, еще страшнѣе. Тогда разложеніе стараго міра придетъ инымъ путемъ, и соціализмъ осуществится въ другихъ странахъ.

Взгляните, напримѣръ, на эти двѣ огромныя равнины, сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачѣмъ онѣ такъ пространны,

къ чему онѣ готовятся, что означаетъ пожирающая ихъ страсть къ дѣятельности и расширенію? Эти два міра, противоположные одинъ другому, и между которыми есть своего рода сходство,—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомнѣвается, что Америка—продолженіе европейскаго развитія и *ничего болѣе*, какъ его продолженіе. Лишенная всякой инициативы, всякаго изобрѣтенія, Америка готова принять бѣгущую отъ реакціи Европу, осуществить своего рода социализмъ, но она не пойдетъ низвергать древнее зданіе за Атлантическій океанъ и не покинетъ для этого своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать то же о славянскомъ мірѣ? Чего домогается этотъ *нѣмой міръ*, прожившій въ постоянномъ *a parte* ¹⁾, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами, славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему, строить большіе города, составляетъ законодательства, основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія,—свою сельскую общину и вѣче.

Часть этихъ народовъ еще не пробилъ, они всѣ въ ожиданіи чего-тѣ, ихъ теперешнее *statu quo*—какое-то предварительное состояніе, такъ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сложиться въ сильныя государства. Опыты ихъ, повидимому, удавались (какъ, на примѣръ, Сербія при Душанѣ), и потомъ эти государства глоснутъ, останавливаются безъ всякой причины.

Распространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адриатическаго моря и Архипелага, славяне никогда не соединялись въ одно для общей защиты. Часть ихъ изнемогаетъ подъ нѣмецкимъ игомъ, другая терпитъ владычество турокъ, третья была поработана варварскими ордами, нападшими на Паннонію ²⁾.

¹⁾ Въ сторонѣ.

²⁾ Южно-дунайская область римской имперіи.

Большая часть Россіи долгое время страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и сильна... Но это потому, что она была меньше славянскою, чѣмъ прочія племена: она была *католическою*, а католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне первые вступили во вражду съ папизмомъ, ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глупо-соціальный (табориты).

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія сломилась.

Итакъ, Польша сохранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ западными государствами.

Остальные славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, неустояващагося *анархизма* (какъ бы выразились здѣшніе *друзья порядка*). Въ мірѣ, можетъ быть, нѣтъ положенія болѣе сообразнаго со славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украйны, или Малороссіи, со временъ кievскаго періода до Петра I.

Это была казачья и земледѣльческая республика, управляемая военною дисциплиной, но на основаніяхъ демократическаго коммунизма, безъ средоточія, безъ правленія, повинуюсь лишь древнимъ обычаямъ, не подчиняясь ни царю московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній чловѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ; всѣ должности, начиная отъ десятника до гетмана, были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVIII, несмотря на безпрестанныя вражды ея съ Великороссіей, съ поляками, литовцами, турками и крымскими татарами. Въ Украйнѣ, въ Черногоріи и даже у сербовъ, иллирійцевъ и далматовъ,—повсюду геній славянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако, надо было, наконецъ, пройти *дрессировкой* сильнаго государства, надо было соединиться, сосредоточиться, покинуть вольную казачью и коммунальную жизнь, жизнь спустя рукава, однимъ словомъ, проснуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средоточіе, около котораго тяготѣютъ и кристаллизуются всѣ разнородныя части государства, это средоточіе—Москва. Со времени ея появленія, какъ центра, она становится столицей всего славянскаго православія.

Въ Москвѣ образовалось византійское и восточное самовластье царей. Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было принесено на жертву идеѣ *государ-*

ства; все приводится къ его одному знаменателю, и все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ ливонцами и видя вооруженіе Польши, какъ будто чувствовалъ, что для спасенія своей народности и своей сущности слѣдовало отречься отъ всѣхъ правъ челоѳческихъ.

Новгородъ, великая и вольная весь, былъ живымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей: Москва, съ кровавой жестокостію и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицомъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончилась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ, Москва склонялась передъ ней, Владиславъ, сынъ Сигизмунда, царя польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, не было никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царили въ Москвѣ.

Тогда народъ, повинувся воззванію Минина, возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва, окончивши свое дѣло—*спаяванія* частей государства, пріостанавливается, не знаетъ, куда употребить ея собранныя и оставшіяся въ бездѣйствіи силы. Выходъ нашелся имъ скоро. Тамъ, гдѣ много силъ, тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I и сдѣлалъ изъ *государства русскаго государство европейское*.

Скорость, съ которою часть народонаселенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ,—ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противодѣйствовали, когда перемѣны касались основъ ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмѣ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею.

Какъ Сѣверная Америка представляетъ собою послѣдній выводъ республиканскихъ и философскихъ идей Европы XVIII вѣка, такъ С.-Петербургская имперія развила - - - - - начала монархизма и европейской бюрократіи. Послѣднее слово консервативной Европы произнесено Петербургомъ; и вотъ почему всѣ реакціонеры обращаютъ взоры свои къ этому Риму самодержавія.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство, показываетъ гигантское пространство этого государства. Средства его были такъ велики, что, несмотря даже на время смуть и сквернаго управленія отъ Петра I до Екатерины II, Россія матеріально расширилась съ неимовѣрной быстротой.

Овладѣвъ и поглотивъ все, что встрѣчалось на пути: Остзейскія провинціи и Крымъ, Бессарабію и Финляндію, Армению и Грузію, раздѣливъ Польшу, овладѣвъ одной турецкой провинціей за другой, имперія російская, наконецъ, нашла себѣ мощнаго соперника во французской революціи, поставленной вверхъ ногами, преобразованной изъ борьбы за свободу въ военный деспотизмъ, очень похожій на - - - - - самовластіе. Россія вступила въ бой съ Наполеономъ и побѣдила его.

Съ той минуты, какъ Европа въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Аахенѣ и въ Веронѣ признала, *volens nolens*, гегемонію императора російскаго, съ той минуты трудъ Петра былъ завершенъ, и императорская власть снова появилась въ такомъ же положеніи, въ которомъ были цари московскіе до Петра I. Александръ I понималъ это.

- - - - - можетъ еще продержаться, страшая и заставляя себя уважать всѣми страстями, которыя находятся въ рукахъ - - - - - ; но она не можетъ ничего создать, ввести чего либо новаго, опасаясь встрѣтить на каждомъ шагу тотъ духъ, котораго она боится вызвать.

Такой власти ничего не остается дѣлать, какъ вести *войну внѣшнюю*.

Николай, однакожъ, постоянно воздерживался отъ войны.

Какъ же это случилось, что, спустя двадцать пять лѣтъ стертаго царствованія, имъ вдругъ овладѣваетъ - - - - - отвага, и онъ бросаетъ свою рукавицу въ лицо Франціи и Китая, Англіи и Японіи, Швеціи и, пожалуй, Австріи... не говоря уже о Турціи?..

Говорятъ, что онъ - - - - - ?

Я думаю, что онъ, напротивъ, - - - - - .

Чтобъ начать войну, онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состояніи европейскихъ государствъ, онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣніе... Николай, до 1848 года, дулся только на западныя державы, но онъ не презиралъ ихъ. Онъ трепеталъ, узнавши о революціи 1848 года, и успокоился лишь только по полученіи извѣстія о кровавой диктатурѣ Кавеньяка. Но послѣ помощи, оказанной имъ Австріи вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла,—вмѣшательствомъ также спокойно терпимымъ Англіею, какъ и вступленіе французовъ въ Римъ,

онъ лучше понялъ положеніе своихъ *друзей - противниковъ*. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ малодушія, ихъ *невѣжества* и тогда уже началъ *войну*. Хотите биться объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ, ежели не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо,—общій врагъ ихъ всѣхъ, т. е. революція?

«Въ такомъ случаѣ намъ не до войны! лучше объявить себя напередъ побѣжденными, пожертвовать Турціей, уступить Константинополь, чѣмъ вступить въ борьбу съ царемъ».

Такъ разсуждаютъ дипломаты, банкиры и всѣ, думающіе, что консерватизмъ состоитъ въ томъ, чтобы не потерять пятифранковой монеты, находящейся въ ихъ рукахъ, и закрывающіе глаза, чтобы не видать предстоящія имъ завтра опасности...

Хорошо, уступайте, не дѣлайте войны, но знайте также, что вмѣсто того, чтобы имѣть или революцію или - - - - - ... вы накличете и - - - - - и революцію!

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Лондонъ, 2 января 1854 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Любезный Линтонъ!

Формула европейской жизни сложнѣе формулы жизни древняго міра.

Когда образованность Греціи вышла изъ тѣсныхъ границъ муниципальных республикъ, ея политическія формы быстро истощились, Греція обратилась въ римскую провинцію.

Когда Римъ истратилъ основы своего устройства и перешелъ свои политическія учрежденія, то, не находя болѣе средствъ для перерожденія, онъ распался и взошелъ въ различныя сочетанія съ варварскими народами.

Древнія государства были не зимующія, а однолѣтнія.

Въ XV столѣтіи Европа пережила такой кризисъ, который для древнихъ республикъ былъ бы предвѣстникомъ неминуемой смерти. Совѣсть и разумъ возстали противъ основъ общественнаго зданія. Католицизмъ и феодальная система покачнулись. Борьба продолжалась два столѣтія... мало-по-малу подкапывая церковь и престоль.

Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары, эти вороны, чующіе смерть народовъ.

Византію они уже заклевали и готовились напасть на Вѣну; восходящая луна Магомета, за которой они неслись, остановилась на берегахъ Адриатическаго моря.

На сѣверѣ шевелился другой варварскій народъ,—народъ, одѣтый въ бараньи шкуры и съ «глазами ящерицы». Степи Волги и Урала во всѣ времена служили кочевьемъ бродящимъ народамъ; это было нѣчто въ родѣ мѣстъ сборища и ожиданія, officina gentium¹⁾, гдѣ, молча, судьба собирала толпы дикарей, чтобъ въ свое время память ими ветшающія страны и покончить колеблющіяся цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣ луна ислама не шла далѣе развалинъ Акрополиса, а волжскіе варвары, вмѣсто набѣговъ, въ лицѣ одного изъ царей своихъ, обращаются къ Европѣ, прося у нихъ науку и государственнаго строя.

Итакъ, первая громовая туча пронеслась надъ головами.

Что же случилось?

Вѣчное переселеніе народовъ къ западу, остановленное на время у Атлантическаго океана, продолжилось; человѣчество нашло себѣ кормчаго,—Христофоръ Колумбъ показалъ дорогу.

Америка спасла Европу.

Европа вступила въ новый фазисъ существованія,—фазисъ, недостававшій древнимъ народамъ, фазисъ разложенія по сю сторону и развитія по ту сторону океана.

Реформація и революція, измѣняя многое, оставались въ стѣнахъ церковей и монархическихъ палатъ. Онѣ не могли совершенно разрушить древнее зданіе, онѣ его поправляли; куполь готическаго собора, правда, осѣлъ, тронъ пошатнулся, но полуразрушенные они, все-таки, существуютъ. И ни реформація, ни революція не имѣютъ болѣе надъ ними никакой власти.

Будетъ ли человѣкъ называться реформаторомъ, лютераниномъ, протестантомъ, квакеромъ, церковь, все-таки, существуетъ, т. е. свобода совѣсти, все-таки, не существуетъ, или будетъ являться протестомъ *индивидуальною* возмущенія. Будетъ ли правленіе парламентское, конституціонное, съ двумя палатами или съ одной, съ ограниченнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ или со всеобщимъ,—ослабленный тронъ, все-таки, существуетъ, и хотя цари безпрестанно низвергаются, но, все-таки, за падшими являются другіе. За неимѣніемъ царя въ республикѣ, его замѣняютъ *соломеннымъ* королемъ, котораго предполагаютъ на тронѣ и для котораго сохраняются и дворцы, и увеселительные замки Тюльери и Сень-Клу.

Рациональный христіанизмъ, съ своей стороны, борется съ церковью, не обращая вниманія на то, что онъ первый будетъ за-

¹⁾ Лабораторія народовъ.

давленъ ея сводами. Монархическій республиканизмъ борется съ престоломъ, ломаетъ тронъ, а самъ хочетъ сѣсть на него по-царски.

Духъ будущаго не тутъ,—потокъ перемѣнилъ направленіе, оставивъ на второмъ планѣ всѣхъ старыхъ Монтекки и Капулетти продолжать ихъ наслѣдственную вражду. Борьба поднимается уже не противъ священника, не противъ короля, не противъ дворянина, а противъ ихъ наслѣдника—противъ *хозяина*, противъ патентованнаго владѣльца, захватившаго въ свои руки орудія работы. Оттого революціонеромъ является уже не гугенотъ, не протестантъ, не либераль, а *работникъ*.

И вотъ помолодѣвшая Европа еще разъ останавливается у третьяго порога, не смѣя перешагнуть оный. Она трепещетъ передъ словомъ «соціализмъ», написаннымъ на дверяхъ входа. Она думаетъ, что дверь эта должна быть отворена Катилиною, и это правда. Дверь сама собой отвориться не можетъ, она будетъ отворена Катилиною... и Катилиною, у котораго столько друзей, что невозможно ихъ всѣхъ передушить въ темницѣ. Цицеронъ, этотъ совѣстливый и *учтивый* убійца, съ своимъ *vixerunt* ¹⁾ былъ счастливѣе своего подражателя Кавеньяка!

Эту черту перейти гораздо труднѣе, чѣмъ прочія. Всѣ реформы пощадилъ половину стараго, покрыли его развалины новыми ризами; сердце не совсѣмъ разрывалось, пріобрѣтенное не терялось сразу; часть того, что мы любили, что было намъ дорого и свято съ самаго дѣтства, что мы привыкли уважать и что перешло намъ преданіемъ, оставалась на утѣшеніе слабыхъ. Но тутъ отдать пришлось и остальное! Прощайте, пѣсни кормилицы, прощайте, воспоминанія отцовскаго крова, прощай, привычка, власть которой сильнѣе власти генія, сказалъ Бэконъ!

...Во время разгрома ничто не перейдетъ таможни; а будетъ ли достаточно терпѣнія у людей, чтобъ дожидаться, когда тучи разсѣются?

Мало-по-малу всѣ интересы, предубѣжденія, запутанности, занимавшіе въ продолженіе цѣлаго вѣка умы европейскіе, начинаютъ блѣднѣть, становятся равнодушными, переходятъ въ вопросы партій. Гдѣ великія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ святая знамена, которымъ Іоаннъ Гуссъ заставилъ поклоняться въ одномъ станѣ, а 89 годъ—въ другомъ? Съ тѣхъ поръ, какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся, рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два интересныхъ вопроса:

¹⁾ Отжили.

вопросъ социальный,
вопросъ русскій.

Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же.

Вопросъ русскій—случайная сторона, отрицательный оттискъ, новое безпокойство варваровъ, чующихъ предсмертіе стараго свѣта, его «memento mori», и они его, пожалуй, убьютъ, ежели онъ не имѣетъ силы самъ преобразиться.

Дѣйствительно, ежели социализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы, Россія довершить ихъ.

Я не говорю, что это *необходимо*, но это *возможно*.

Ничего нѣтъ необходимо-нужнаго. Будущность не бываетъ неизмѣняемо рѣшена впередъ; неминуемаго предназначенія нѣтъ. Будущность въ нашемъ смыслѣ можетъ вовсе не существовать. Геологическій кризисъ можетъ совершенно уничтожить не только восточный, но и всѣ прочіе вопросы, за недостаткомъ спрашивающихъ. Будущность творится развитіемъ того, что у ней подъ рукой, и смотря по окружающимъ условіямъ; общія влеченія мѣняются по обстоятельствамъ. Они рѣшаютъ, *какъ* что будетъ, и колеблющаяся возможность становится дѣломъ рѣшеннымъ.

Россія точно такъ же можетъ овладѣть Европою до Атлантическаго океана, какъ и быть, съ своей стороны, побѣжденной до Урала.

Въ первомъ случаѣ Европа должна быть разрозненной.

Во второмъ—Европа должна быть плотно соединена въ одно цѣлое.

Въ которомъ изъ этихъ положеній она находится?

- - - - идетъ впередъ, движимый чувствомъ самосохраненія и тѣмъ инстинктомъ, который служитъ путеводителемъ перелетнымъ птицамъ въ ихъ полетѣ къ Черному или Средиземному морю.

На пути своемъ ему невозможно не прійти въ столкновение съ Европой.

Безумно было бы воображать, что императоръ Николай можетъ сопротивляться цѣлой Европѣ; это только въ томъ случаѣ возможно, ежели бы Европа сама стала въ рядахъ его авангарда и подняла бы оружіе противъ самой себя, но оно такъ и есть.

Въ борьбѣ Европы съ Россіей старый и боязливый консерватизмъ ослабитъ, заморитъ народное одушевленіе.

Европа раздѣлена на двѣ совершенно противоположныя партіи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти русскихъ и турокъ между собой, и этотъ *манехеизмъ* общественный существуетъ во всякомъ государствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ

селѣ. Какого же можно ожидать единства въ дѣйствіяхъ до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ? Войска геройски сражаются за границей, когда они увѣрены, что дома есть недремлющій «Комитетъ общественнаго спасенія». Онъ вселилъ войскамъ революціи ту удивительную энергію, которая существовала еще двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Ничего въ мірѣ не можетъ болѣе ослабить духъ арміи, какъ пагубная идея, что за ними остается измѣна. А кто же имѣетъ довѣріе къ правительствамъ, нынѣ существующимъ? Въ своемъ собственномъ стану люди *порядка* подозрѣваютъ другъ друга. Мы найдемъ вездѣ, внизу и вверху измѣнниковъ, продающихъ свою родину Николаю. Николаю служатъ не только банкиры и журналисты, но генералы и первые министры, - - - - - У него запасъ - - - - - , онъ ихъ даритъ нѣмецкимъ князькамъ, съ тѣмъ, чтобы - - - - - своихъ дѣлали ему слугъ; а когда эти - - - - - хворають, Николай посылаетъ ихъ пользоваться «лондонскими туманами», которыхъ цѣлебныя средства открыты имъ однимъ! ¹⁾.

«La Fusion» ²⁾—совершенно русская, «L'Assemblée Nationale» ³⁾, кажется, печатается въ Казани или въ Пензѣ. Но ежели императоръ Николай предоставилъ бы всѣхъ этихъ Шамборъ-Немуровъ сладостямъ семейныхъ примиреній, удовольствіямъ охоты во Фрошдорфѣ ⁴⁾ и собственнымъ силамъ, давно бы бонапартизмъ сдѣлался не только русскимъ, но татарскимъ.

Король бельговъ имѣетъ въ Брюсселѣ русское агентство; король Даніи—маленькую контору въ Копенгагенѣ; адмиралтейство, гордое адмиралтейство Великобританіи смиренно служитъ полиціею царя въ Портсмутѣ ⁵⁾, и какой-нибудь самоѣдскій офицеръ презрительно топчетъ ногами актъ habeas corpus на палубѣ англійскаго судна. Король неаполитанскій самъ корчитъ Николая, а императоръ австрійскій—его Антиной, его страстный обожатель. Много толкуютъ о русскихъ агентахъ, какъ о какихъ-нибудь презрительныхъ шпионахъ, которымъ дорого платятъ за *сплетни*, но настоя-

¹⁾ Передъ войной *ci-devant* - - - - - , нынѣ M-me Stroganoff, приѣзжала въ Лондонъ подъ предлогомъ какого-то нездоровья!—А. И. Г.

²⁾ Французская газета, субсидировавшаяся русскимъ правительствомъ.

³⁾ Реакціонная газета проповѣдовавшая слияніе легитимистовъ въ лицѣ ихъ «короля Генриха V» (графа Шамбора) съ орлеанистами, въ лицѣ герцога Немурскаго, сына Луи-Филиппа.

⁴⁾ Замокъ Шамбора.

⁵⁾ Намекъ на выдачу Англійей 6 русскихъ матросовъ.

щіе Шеню и Далагоды ¹⁾ русскаго царя—помазанники божіи, ихъ agnats и cognats ²⁾, вся родня ихъ въ восходящихъ и нисходящихъ линіяхъ. Самый вѣрный регистръ русскихъ шпіоновъ это—Готскій календарь.

Вы видите, что дѣйствительной вражды съ Россіей быть не можетъ, покамѣстъ чисто на чисто не выметутъ у васъ дома.

Несчастная необходимость соединяетъ Европу реакціонную съ - - - - - , и ежели она погибнетъ черезъ него, то это будетъ верхъ ироніи.

Николай, объявивъ войну Турціи, сдѣлалъ самую умную шалость XIX столѣтія.

Теперь всѣ блюстители порядка, всѣ друзья, всѣ кліенты Николая во всеуслышаніе кричатъ противъ него. Они принимали царя за полицейскаго солдата, и рады были страшать своихъ революціонеровъ 400,000 русскихъ штыковъ; они думали, что онъ удовлетворится одною пассивною ролью страшилища; они позабыли, что даже и какой-нибудь Людовикъ Бонапартъ не хотѣлъ довольствоваться должностію «пожарнаго сапера»...

А, вѣдь, какъ все было хорошо, ясные дни снова наставали; снова всѣ были покойны и довольны; массы, раздавленныя войсками, съ христіанскою кротостію умирали съ голода. Не было уже ни свободы слова, ни трибунъ, ни... Франціи! Папа, сопровождаемый арміею, вышедшей изъ французской префектуры, снова раздавалъ направо и налево свое апостольское благословеніе. Дѣла, по окончаніи февральской драмы, шли своимъ порядкомъ. Настала всеобщая эра «любви и бракосочетаній». Бельгія соединялась съ Австріей въ лицѣ австрійской эрцгерцогини; молодой императоръ вѣнскій вздыхалъ у ногъ своей невѣсты; Наполеонъ III, 45 лѣтній «Вертеръ», соединялся по любовному капризу съ своей «Шарлоттой» Теба ³⁾.

Вдругъ, среди всеобщаго спокойствія, всемірнаго благосостоянія, императоръ Николай бьетъ тревогу, начинаетъ религіозную войну, которая легко можетъ перенестись съ береговъ Чернаго моря на берега Рейна и которая во всякомъ случаѣ повлечетъ за собой все то, чего такъ боялись отъ революціи,—гибель собственности, контрибуціи, насилія и, сверхъ того, занятіе странъ непріателемъ, военныя судилища, разстрѣливаніе и военныя контрибуціи.

Доносо-Кортесъ, въ замѣчательной рѣчи своей, произнесенной въ Мадридѣ 1849 года, предсказывалъ вторженіе русскихъ въ Европу

¹⁾ Извѣстные франц. шпіоны-провокаторы.

²⁾ Родственники въ мужскомъ колѣнѣ по боковой линіи и по женской линіи.

³⁾ Евгенія де Монтихо.

и не находилъ для цивилизаціи другого якоря спасенія, какъ только въ *единствѣ* власти, т. е. въ неограниченномъ монархизмѣ, подчиненномъ католицизму. Первымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли было, по словамъ его, введеніе католицизма въ Англію.

Можетъ быть, *подобное единство* чрезвычайно усилило бы Европу, да, по несчастію, оно невозможно, невозможно, какъ и всѣ прочія, исключая только *единства революціоннаго*.

Ежели бы не боялись революціи болѣе, нежели русскихъ, чего проще, какъ итти на Севастополь, овладѣть Одессой; магометанское народонаселеніе Крыма не было бы враждебно туркамъ. Занявши эту позицію, сдѣлать воззваніе Польшѣ, дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ, ненавидящимъ рабство. Что бы тогда сдѣлалъ Николай съ своимъ - - - - - ?

Но, вѣдь, и Галиція—Польша, скажетъ Австрія.

Но, вѣдь, и Познань—Польша, скажетъ Пруссія.

А если Польша освободится, чѣмъ удержатъ Венгрію и Ломбардію?—скажутъ они вмѣстѣ.

Ну, такъ не ходитъ на Севастополь или, развѣ, объявитъ войну только для виду, войну, которая окончится въ пользу Николая или Людовика Бонапарта, т. е. въ обоихъ случаяхъ въ пользу деспотизма и даже противъ *консерватизма*. Деспотизмъ вовсе не консервативенъ, даже и въ Россіи. Напротивъ, онъ все развѣдаетъ и не создаетъ ничего прочнаго. Случается иногда, что народы въ дѣтствѣ для скорѣйшаго роста и устройства покоряются деспотизму и терпятъ его до совершеннлѣтія, но чаще ему подпадаютъ народы дряхлые.

Ежели военный деспотизмъ, алжирскій или кавказскій, бонапартовскій или казачій, окончательно овладѣетъ Европой, то онъ невольно будетъ вовлеченъ въ жестокую борьбу со старымъ обществомъ, потому что съ владычествомъ его не совмѣстны ни полусвободныя учрежденія, ни образованность, пріобыкшая къ полувольной рѣчи, ни наука, основанная на разумѣ, ни даже промышленность, становящаяся могуществомъ.

Деспотизмъ такъ, какъ варварство,—гробъ дряхлой цивилизаціи, который иногда служитъ яслями новорожденнаго спасителя.

Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру, но намъ кажется, что ему слѣдовало бы окончить ее торжественнѣе: ежели не безъ страданій и боли, то, по крайней мѣрѣ, безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники.

Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ заточенія, ссылки и казни безъ суда возставшихъ работниковъ, полагали, что опасность миновала.

Но смерть—Протей. Ее вытолкали, какъ ангела будущей жизни, она возвратилась скелетомъ прошедшаго; ее оттолкнули, какъ республику демократическую и социальную, она возвращается - - - - - , или Наполеономъ, царемъ французскимъ.

Тотъ или другой, или оба вмѣстѣ окончатъ борьбу. Но для того, чтобы бороться, надобно имѣть противника, съ которымъ стоитъ вступать въ бой. Гдѣ же та приготовленная арена, то послѣднее укрѣпленіе, за которымъ бы цивилизація могла вступить въ бой и защищаться противъ притязаній деспотизма?

Въ Парижѣ?—Нѣтъ.

Какъ Карлъ V, Парижъ, еще при жизни, отрекся отъ своей міродержавной короны; немного военной славы и очень много полиціи достаточно для сохраненія порядка въ Парижѣ.

Мѣсто для турнира, *champ clos* ¹⁾—въ Лондонѣ.

Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ, какъ теперь, до тѣхъ поръ ничего окончательнаго не сдѣлано въ пользу варварства и самовластья...

Россія и Австрія перестали ненавидѣть Парижъ съ 10 декабря 1848 года. Парижъ потерялъ свой *prestige* для королей; они его уже не боятся. Вся ихъ ненависть обратилась на Англію. Они ее трусятъ, они ее ненавидятъ и желали бы разграбить ее.

Въ Европѣ существуютъ государства реакціонныя, но не консервативныя. Англія одна консервативна, потому что ей есть что хранить—*личную свободу*.

Это одно слово соединяетъ въ себѣ все то, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и - - - - . И вы думаете, что они, будучи побѣдителями и во главѣ армій, оставятъ въ покоѣ въ столь близкомъ разстояніи отъ *Парижа порабожденнаго Лондонъ свободный?* Лондонъ—гнѣздо пропаганды, гавань, открытую всѣмъ спасающимся? Лондонъ, въ который побѣгутъ толпами люди изъ опустошенныхъ и превращенныхъ въ пепелъ городовъ материка, унося съ собою науки и художества, промышленность и образованность?

Этого достаточно для войны.

Тогда-то осуществится желаніе Наполеона I, перваго варвара новѣйшихъ временъ! Какое большее несчастіе революціонная Европа можетъ обрушить на Англію, какъ эта война деспотизма? У свободныхъ народовъ слишкомъ много дѣла дома, чтобъ думать о внѣшней войнѣ.

¹⁾ Огороженное мѣсто.

Англичане слѣпы, и слѣпота ихъ происходитъ не отъ эгоизма, не отъ жадности къ деньгамъ, а просто отъ невѣжества, отъ привычки ходить по торной дорогѣ; рутина дѣлаетъ ихъ неспособными понимать, что человѣку надобно иногда пролагать новый путь, а не все слѣдовать по истоптанному старому шоссе.

Тѣ, которые, имѣя глаза, не хотятъ смотрѣть, тѣ посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?

Глубокая и черная ночь покроетъ своею пеленою трудъ разложенія...

А послѣ?... Послѣ ночи обыкновенно наступаетъ день!

Прольемъ слезу надъ старцемъ, но оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ и съ чувствомъ сожалѣнія и уваженія, накрывъ гробовымъ саваномъ отходящее къ смерти, съ твердостью произнесемъ старое восклицаніе:

Король умеръ! Да здравствуетъ король!...

Лондонъ, 17 февраля 1854 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный Линтонъ!

Славянскій міръ гораздо моложе европейскаго.

Онъ моложе политически, точно такъ, какъ Австралія моложе его геологически. Онъ сложился гораздо позже; онъ еще не развился, онъ еще міръ недавній и едва только вступающій въ историческій потокъ.

Долгое, вѣковое существованіе ничего не значитъ. Дѣтство народовъ можетъ продолжаться нѣсколько тысячелѣтій, равно какъ и ихъ старость. Славянскіе народы служатъ примѣромъ первому, азіатскіе—второму.

Но на чемъ можно основывать идею, что теперешнее состояніе славянъ есть ихъ дѣтство, а не дряхлость? что это ихъ начало, а не неспособность къ развитію вообще? Не имѣемъ ли мы передъ глазами примѣръ тому, что народы исчезаютъ, не оставляя по себѣ исторіи, да еще и такіе, которые въ свое время доказали, что они не совсѣмъ лишены способностей (финны)?

Немного надобно вниманія къ судьбамъ Россіи, чтобъ понять, въ такомъ ли она положеніи. Страшное тяготѣніе ея на Европу—не признакъ мазазма или неспособности, напротивъ,—признакъ ея полудикой силы, ея дурно направленной, но бодрой юности.

Съ такимъ характеромъ является она при первомъ появленіи своемъ на порогѣ міра образованнаго.

Въ Парижѣ господствовало регентство, въ Германіи—нѣчто еще худшее; повсюду растлѣніе, изнѣженность, ослабляющій и унижающій развратъ—грубый въ Германіи, утонченный въ Парижѣ.

Въ этой вредной атмосферѣ, заразительныя испаренія которой едва были заглушаемы косметическими благоуханіями, въ этомъ мірѣ наложницъ, незаконнорожденныхъ дочерей, любовниковъ, управляющихъ государствами, середь разслабленныхъ нервъ, глупорожденныхъ принцевъ и министровъ-плутовъ, какъ-то становится свѣжѣе при видѣ Петра I, этого рослаго варвара въ простомъ мундирѣ изъ толстаго сукна, этого сѣвернаго человѣка, дюжого, мускулистаго, полного простоты, энергіи и силы. Таковъ былъ первый русскій, занявшій свое мѣсто между европейскими властелинами. Онъ явился за наукой и узналъ многое, чего не ожидалъ. Онъ понялъ дряхлость западныхъ государствъ и испорченность ихъ правителей.

Тогда еще не предвидѣлась революція, долженствовавшая спасти міръ, а гибель была передъ глазами. Такъ Петръ I понялъ будущее значеніе Россіи въ отношеніи Европы и роль ея въ Азіи. Справедливо ли или несправедливо его завѣщаніе, но оно, конечно, содержитъ въ себѣ его *мысли*, которыя онъ нерѣдко повторялъ въ своихъ замѣчаніяхъ и запискахъ. Русское правительство до Николая оставалось вѣрнымъ традиціи Петра I, даже и самъ Николай слѣдовалъ ей во внѣшней политикѣ.

Россію можно ненавидѣть, можно проклинать, но можно ли утверждать, что она стара, остановилась, одряхлѣла?

Говорятъ, что русскій народъ неподвижно сидитъ въ своемъ углу въ то время, какъ почти - - - - - для него правительство дѣлаетъ въ Петербургѣ, что хочетъ. Нѣмецкіе писатели выводятъ изъ этого, что народъ русскій косный, азіатскій, не имѣетъ ничего общаго съ правительственной дѣятельностью; что это полудикое племя *дипломатически* завоевано нѣмцами, которые ведутъ его, куда хотятъ. Надобно отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это—самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы не довольствуются своимъ материнскимъ правомъ на Англію и Сѣверную Америку (*Stammverwandte!* ¹⁾), они, сверхъ того, завоевали всю Россію *рыцарями* Остзейскихъ губерній, Гольштинъ-Готторпской фамиліей, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпионовъ и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Дѣйствительно, правленіе петербургское не національно. Но и цѣль реформы Петра I была *денаціонализація* московской Руси.

1) Соплеменники.

Пассивная оппозиція и своего рода неподвижность народа—тоже факты неоспоримые. Но, съ другой стороны, русскій народъ невольно составляетъ живую и сильную основу правительству. Онъ образуетъ огромный хоръ, который, въ свою очередь, отпечатлѣваетъ свой духъ на нѣмецкомъ (если такъ хотятъ) - - - - - петербургскаго правительства. Не любя его, народъ все-таки, смотритъ на него, какъ на представителя своего національнаго единства, своей силы.

Ничто въ Россіи не имѣетъ того характера застоя или смерти, который постоянно и утомительно встрѣчается въ неизмѣняемыхъ повтореніяхъ одного и того же, изъ рода въ родъ, у старыхъ народовъ Запада.

По неспособности народа къ какой-либо переходной формѣ, справедливо ли заключать о всеобщей неспособности его къ развитію?

Славянскіе народы, собственно, не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ жить въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Они ненавидятъ военный строй, они ненавидятъ полицію. Федерация была бы самая народная форма для славянскихъ народовъ. Петербургскій періодъ—тяжкій искусъ, трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ насильно сдѣлалъ большую пользу Россіи, соединивъ части ея и спаявъ ихъ въ одно цѣлое, но онъ долженъ миновать.

Народъ русскій—народъ земледѣльческій. Улучшеніе быта собственниковъ въ Европѣ принесло почти исключительно пользу однимъ горожанамъ; для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собственность. Раздѣлъ земли въ Россіи былъ бы смертельнымъ ударомъ ея общинному устройству.

Въ Россіи нѣтъ ничего оконченнаго, окаменѣлаго; все въ ней находится еще въ состояніи раствора, приготовленія. Гакстгаузенъ справедливо выразился, что въ Россіи всюду видны «недоконченность, ростъ, начало». Да, всюду чувствуешь извѣсть, слышишь пилу и топоръ... и при всемъ этомъ мы остаемся покорными и терпимъ - - - - - .

...Но должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходить до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія.

Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ, это — круговая порука прогресса, майоратъ челоуѣчества. Я знаю, что результатъ самъ по себѣ не передается, по крайней мѣрѣ бесполезенъ, — результатъ дѣйствителенъ, какъ послѣдствіе цѣлаго логическаго развитія.

Всякій школьникъ долженъ самъ найти рѣшеніе Евклидовыхъ предложеній, но какая огромная разница между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени!

Россія продѣлала свою революціонную эмбриогенію въ «европейскомъ классѣ». Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма, отъ англійскаго канцелярскаго монархизма до поклоненія 93 году. Подражаніе наше было похоже на aberrацію звѣздъ, которая въ маломъ видѣ передаетъ намъ путь, проходимый земнымъ шаромъ по своей орбитѣ.

Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состоитъ только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій.

Мы за народъ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее висѣлицами, каторжною работою, казематами, ссылкой, разореніемъ и нестерпимою жизнью, въ которой живемъ!

Въ Европѣ не подозрѣваютъ о страшныхъ мученіяхъ, въ которыхъ сломались, изныли два послѣднія поколѣнія. Гнетъ становится день ото дня сильнѣе, тягостнѣе, обиднѣе; надо прятать свою мысль, удерживать біеніе сердца... И среди этой мертвой тишины вмѣсто утѣшенія, опоры мы увидѣли бѣдность революціонной идеи и равнодушіе къ ней народа.

Вотъ источникъ той мрачной тоски, того разлагающаго скептицизма, той тягостной ироніи, которые составляютъ характеръ русской поэзіи. Кто молодъ, кто имѣетъ теплое сердце, тотъ ищетъ какъ-нибудь забыться, усыпить себя чѣмъ-нибудь — люди талантливые умираютъ на полдорогѣ, сосланные или сами добровольно удаляющіеся отъ всякаго участія въ страшныхъ дѣлахъ. Объ нихъ и объ ихъ ужасной кончинѣ говорятъ, потому что многіе слышали, какъ билась ихъ голова объ мѣдный сводъ, душившій ихъ, потому что имъ удалось, по крайней мѣрѣ, заявить свою силу... Но сотни другихъ, которые съ отчаяніемъ сложили руки, морально убили себя, отправились на Кавказъ, заперлись въ своихъ имѣніяхъ, не выходятъ изъ игорныхъ или публичныхъ домовъ, всѣ эти *льнтяи*,

о которыхъ никто не пожалѣлъ, никто не свѣдалъ, страдали не меньше ихъ!

Для дворянства наступаетъ конецъ этого искуса. Образованная Россія должна возвратиться къ народу. Русскій народъ, собственно, стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ, бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству. Можетъ, вы скажете на это, что въ этомъ русскій походитъ на нѣкоторые азіатскіе народы, и укажете на сельскія общины у индусовъ, довольно схожія съ нашими? Я и не отвергаю, чтобы у азіатскихъ народовъ не было соціальныхъ элементовъ, и даже, можетъ, больше, нежели у западныхъ народовъ. Не общинное устройство держитъ азіатскіе народы въ неподвижности, а ихъ исключительная народность, ихъ невозможность выйти изъ патріархализма, освободиться отъ рода; мы не въ томъ положеніи.

Славянскіе народы, напротивъ, имѣютъ большую удобовпечатляемость; они легко усваиваютъ себѣ языки, обычаи, искусства и технику другихъ народовъ. Они равно обживаются у Ледяного океана и на берегахъ Чернаго моря.

Въ образованной Россіи (какъ она ни оторвана отъ народа, но, все-таки, въ ней есть черты его характера) вы не найдете той капризной упорности старой женщины, того упрямаго непониманія, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ.

Съ изумленіемъ останавливаемся мы передъ китайскими стѣнами, которыя межуютъ Европу. Англія и Франція едва имѣютъ понятіе объ умственномъ движеніи Германіи. Еще больше, эти два европейскіе Китай, отдаленные только на нѣсколько часовъ ѣзды, связанные между собой непрерывною торговлею, плохо знаютъ другъ друга: Парижъ и Лондонъ дальше другъ отъ друга, нежели Лондонъ и Нью-Йоркъ. Англичанинъ - простолюдинъ смотритъ на француза съ дикою ненавистью и съ видомъ тупого превосходства; французъ отвѣчаетъ ему жалкимъ презрѣніемъ.

Англійскій буржуа надоѣдаетъ вопросами, открывающими такое глубокое незнаніе сосѣдняго края, что стыдно отвѣчать. Французъ, проживши пять лѣтъ въ Лейстеръ-скверѣ или въ Соо, ничего не понимаетъ, что дѣлается вокругъ него. И въ то же время германская наука, которая не въ состояніи перейти за Рейнъ, очень хорошо доходитъ до береговъ Волги и за нихъ; поэзія Шекспира и Байрона, не выносящая переѣзда черезъ Ламаншъ, доплываетъ живо и невредимо до береговъ балтійскихъ. И все это дѣлается, не забудьте еще, подъ гнетомъ отталкивающаго и ревни-

ваго правительства, употребляющаго всѣ средства, чтобъ отдалить насъ отъ Европы.

Наше домашнее и общественное воспитаніе имѣетъ въ себѣ тотъ же универсальный характеръ; нѣтъ воспитанія *менты* религіознаго, чѣмъ наше, и *болше* полиглотнаго. Реформа Петра I, въ высшей степени реалистическая, свѣтская и вообще европейская, дала ему этотъ характеръ. Каѳедры теологіи учреждены были въ нашихъ университетахъ только со временъ Александра I, и то въ послѣдніе годы его царствованія. Съ Николая начинается открытое гоненіе противъ всякаго обращенія въ другую вѣру, но я не думаю, чтобы его - - - - - православіе пустило глубокіе корни; что же касается до изученія новыхъ языковъ, то это такъ вошло въ нравы, что невозможно искоренить. Даже правительство многоязычно: официальные газеты печатаются по-русски, по-французски и по-нѣмецки.

Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою, для которой человѣкъ назначенъ, и это превосходно. Образование у насъ отдаляетъ молодого человѣка отъ безнравственной почвы, оно его гуманизируетъ и необходимо ставитъ его въ оппозицію съ официальной Россіей. Онъ отъ этого много страдаетъ и этими страданіями заглаживаетъ ошибки и преступленія отцовъ своихъ, и въ нихъ же находятъ зародыши переворота. Но самыя тяжкія времена распаденія проходятъ: развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ тогда, когда оно вовсе того не ожидало.

Съ удивленіемъ слушали у васъ наши рассказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, міровыхъ сходкахъ, объ работничьихъ артеляхъ, объ избранныхъ старостахъ. Многіе думали, что все это—мечты, социалистическій бредъ.

Но является человѣкъ вовсе не революціонерный и издаетъ три тома о сельской общинѣ въ Россіи. Гакстгаузенъ—католикъ, прусскій баронъ, агрономъ и до такой степени *радикальный* монархистъ, что, по словамъ его, прусскій король слишкомъ либераленъ, императоръ Николай слишкомъ человѣколюбивъ.

Факты, нами указанные, описаны имъ *in extenso* ¹⁾. Я не намѣренъ повторять здѣсь того, что я уже говорилъ о начальной организациі этого *self-governement* ²⁾ общинъ, гдѣ все избирательно, гдѣ всѣ—владѣльцы, а земля не принадлежитъ никому, гдѣ пролетаріатъ—исключеніе.

Теперь вы легко увидите, что русскій народъ, подавленный

¹⁾ Въ подробности.

²⁾ Самоуправленіе.

рабствомъ и правительствомъ, не можетъ итти по колеѣ европейскіхъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія и которыя тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаци. Напротивъ того, грядущая революція находится на болѣе родной почвѣ, и мы увидимъ, какой будетъ результатъ отъ этой встрѣчи.

Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-governement по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство, — вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада.

Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова) — вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

Россія — изуродованное и дикое.

Революція соединитъ ихъ.

Будущее никогда не формируется вполнѣ прежде своего осуществления.

Народы англо-саксонскіе освободили лицо на счетъ общественной круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка.

Развитіе личнаго права — закваска, долженствующая привести въ броженіе массу силъ, дремлющихъ въ бездѣйствіи общинно-патріархальнаго порядка. Личное начало входитъ въ русскую жизнь инымъ путемъ: оно осуществилось въ лицѣ революціоннаго царя, отрицающаго традиціи и національность, разрушающаго единство народное внутреннимъ расщепленіемъ.

Русская имперія — твореніе XVIII вѣка; все, что было начато въ это время, носитъ въ себѣ зародышъ революціонный.

Холостой дворецъ Фридриха II и смиренный домъ, служившій дворцомъ отцу его, вовсе не были такъ монархически, какъ Эскуріаль и Тюльери. Въ новыхъ государствахъ воздухъ вѣялъ рѣзкій, утренній; въ нихъ вообще все сухо, просто, положительно, рационально; а это именно убиваетъ религіозный и монархическій духъ. То же самое и въ Россіи.

Петръ I круто отбросилъ традиціи византино-московскія. Онъ предпочиталъ власть престола; онъ дѣйствовалъ болѣе страхомъ, нежели величіемъ, и ненавидѣлъ *mise en scène* ¹⁾, необходимую для монархіи.

Организация - - - - - чрезвычайно проста. Это — пра-

¹⁾ Распланировка дѣйствій на сценѣ.

влєніє доктора Франсіа ¹⁾ въ Парагваѣ, приложеноє къ странѣ съ шестидесятью милліонами жителей. Это—осуществленіє бонапартовскаго идеала: нѣмой народъ, безъ правъ, задавленный войскомъ, и надъ нимъ дворянство, покровительствуемое правительствомъ.

Россія управляется адъютантами, ординарцами, писарями и эстафетами. Сенатъ, Государственный совѣтъ и министерства—просто канцеляріи, въ которыхъ дѣла не разбираются, а только переписываются.

Вся администрація представляетъ собою телеграфическіе знаки, которыми одно лицо заявляетъ изъ - - - - - свою волю.

Такую исполнительную и автоматическую организацію - - - - - , нежели измѣнить въ основаніи.

Въ монархіи, если государь убитъ, монархія остается.

У насъ остается - - - - - , бюрократическій порядокъ; лишь бы телеграфъ дѣйствовалъ, кто бы имъ ни управлялъ, повиноваться будутъ.

Можно завтра посадить - - - - - , — это не произведетъ никакого волненія; дѣла будутъ исполняться съ тою же точностью, машина будетъ продолжать свою игру, переписывать, отписывать, сообщать, отвѣчать, машинисты будутъ красть и показывать свое вѣрноподданническое рвеніе.

Императрицу Екатерину II пугали нѣмота и всемогущество, безпредѣльная покорность исполнителей и рабовъ, до того бессмысленно повинующихся, что ихъ покорность переживаетъ приказывающаго. Она старалась внушить дворянству болѣе независимыя понятія, желая окружить себя людьми, добровольно преданными ей, на которыхъ она могла бы надѣяться. Молчаніе писарей и исполнителей страшило супругу Петра III. Она помнила, какъ усердный Алексѣй Орловъ, - - - - - , какъ писаря писали: «Е. В. изволило скончаться», и никто не смѣлъ, боясь казни, не признать ее - - - - - .

Попытки ея новыхъ учрежденій, дѣйствительно, были замѣчательны. Никто серьезно не вглядывался въ ихъ эксцентрической характеръ, въ нихъ было странное соединеніе демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Іоанна Грознаго и Монтескье.

Всѣ эти учрежденія носятъ двойную печать—петровскаго періода и не сложившихся національныхъ стремленій, усовершенствованныхъ развивающейся идеей западной гражданственности.

¹⁾ Джузеппе Гаспаро Родригесъ, по прозванію «доктора Франсіа»,—диктаторъ парагвайской республики въ началѣ XIX вѣка, извѣстенъ - - - - - .

Судьи *выбираются*, и выбираются на нѣсколько лѣтъ: они принадлежатъ дворянству, мѣщанству и крестьянамъ; *судебная сословія* вовсе нѣтъ. Имѣющій право участвовать въ выборахъ можетъ быть выбранъ въ судьи. Отсутствіе судебного сословія—фактъ замѣчательный. Однимъ врагомъ у насъ меньше да еще какимъ врагомъ! *Другою* чернаго человѣка, свѣтскаго священника, тайнаго жреца *закона человѣческаго*, имѣющаго монополію судить, приговаривать, понимать *casu scripta* ¹⁾, у насъ нѣтъ. Конечно, смѣшно видѣть отставнаго кавалерійскаго офицера выбраннымъ въ судьи, не понимающаго ни законовъ, ни процедуры; но, съ другой стороны, печально предполагать всѣхъ людей неспособными разобратъ дѣло, исключая касты *знатоковъ*, по обязанности воспитанныхъ *ad hoc*. ²⁾ Ежели выбранные судьи не хороши, тѣмъ хуже для избирателей,—они должны знать, что дѣлаютъ. Но, скажутъ намъ, юристомъ не сдѣлаешься безъ ученія, законы такъ сложны, что надобно много большихъ занятій, чтобъ не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ... Это справедливо, но изъ этого не слѣдуетъ, что съ самага дѣтства нужно приготавливать спеціальный классъ для пониманія законовъ, а, напротивъ, то, что слѣдуетъ бросить всѣ эти запутанные законы въ огонь. Отношенія людей просты; формальность, судейскіе обычаи—вся эта поэзія адвокатовъ, всѣ *florituri* ³⁾ юриспруденціи только запутываютъ вопросы.

Въ Россіи судъ первыхъ инстанцій составленъ изъ члена, избраннаго дворянствомъ, другого, избраннаго мѣщанами, и третьяго—вольными крестьянами. Два кандидата выбираются дворянствомъ для должности предсѣдателя уголовной палаты. Правительство назначаетъ одного изъ нихъ и, съ своей стороны, посылаетъ прокурора, имѣющаго право останавливать всякое рѣшеніе и пересылать его въ сенатъ.

Ежели вы вспомните, что прокуроръ принадлежитъ также дворянству, то вы ясно увидите, что дѣйствія мѣщанскаго члена и члена изъ крестьянъ подавлены во всѣхъ случаяхъ разногласія. Они имѣютъ полное право протестовать и внести дѣло на разсмотрѣніе въ сенатъ. Но это случается очень рѣдко, по очевидной причинѣ: сенатъ, не имѣющій никакого элемента, ни народнаго, ни избирательнаго, всегда за одно съ дворянами или съ правительствомъ,—это такъ, но мы говоримъ о нормѣ, а не о злоупотребленіяхъ, и я обращаю ваше вниманіе на возможное развитіе ея въ будущемъ, а не на современное положеніе.

1) Буквальный смыслъ закона.

2) Спеціально для этого.

3) Украшенія.

Десять лѣтъ тому назадъ въ московскія головы былъ избранъ человекъ безкорыстный и строгій. Обязанность городского головы состоитъ въ надзорѣ за городскими суммами, онъ распоряжается городскими приходами и расходами. Обыкновенно на эти мѣста выбираютъ какого-нибудь миллионера, любящаго выказываться въ официальныхъ празднествахъ, давать чудовищные обѣды и балы, подписывающаго все, что угодно правительству и чего хочетъ начальство. Московскій городской голова Шестовъ иначе понялъ обязанность, на него возложенную: онъ подрѣзалъ крылья официальныхъ воровъ. Оберъ-полицмейстеръ объявилъ ему отчаянную войну, голова принялъ вызовъ, и битва кончилась паденіемъ оберъ-полицмейстера.

Но не одни судьи избирательные,—земская полиція тоже избирательная; исправникъ и засѣдатели, или становые, выбираются дворянствомъ.

Уѣздная полиція оканчивается внизъ сельской общиной—съ своимъ *a parte*, съ избраннымъ старостой, со своей избранной полиціей, со своимъ поглощеніемъ личности во имя традиціоннаго и національнаго коммунизма. За губернскими выборными мѣстами вверхъ начинается правительственная централизація; въ ней теряется всякій слѣдъ самобытнаго права, все поглощено и уничтожено петербургской диктатурой, во имя - - - - - и вовсе не славянскаго - - - - - .

Итакъ, идеи личнаго права и идеи независимости могутъ проявиться у насъ только въ дворянствѣ или въ среднемъ сословіи.

Вліяніе мѣщанства не имѣетъ того значенія въ Россіи, какъ въ Европѣ, не только оттого, что развитіе промышленности до сей поры незначительное, но и потому, что высшее мѣщанство, или купечество, легко получало личное дворянство.

Мало знаемъ мы нравственныя силы мѣщанства. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ихъ видѣть, оно показывало себя отсталымъ, точно, консервативнымъ, православнымъ, раболѣпнымъ и тяжело патріотическимъ. Угнетенное, всего боящееся, оно скрывало свои богатства, пряталось само, молчало, жило назаперти, строило церкви, раздавало милостыню бѣднымъ и заточеннымъ, давало взятки чиновникамъ и копило миллионы.

Новое поколѣніе, получившее образованіе, можетъ быть, пойдетъ по другой дорогѣ и приметъ иныя идеи.

У насъ дворянство—больше администрація, чѣмъ аристократія. Родъ, графскій и княжескій титулъ, древность имени и величина владѣній не даютъ никакихъ особенныхъ привилегій, связанныхъ исключительно съ чинами. Есть повѣрье, что ежели два поколѣнія дворянъ не служили, то правительство можетъ лишить ихъ дворянства.

Эта всеобщность службы даетъ ей самой иное значеніе. Служить въ Россіи не значитъ, какъ во Франціи, быть агентомъ, *âme damnée*¹⁾ власти. Всѣ заговорщики 14 декабря служили. Общественное мнѣніе не смѣшиваетъ дѣйствительно преданныхъ чиновниковъ, полныхъ рвенія, служащихъ *по вкусу*, съ чиновниками, не имѣющими этихъ качествъ. Первые иногда боятся, но никогда не уважаютъ. Другіе же составляютъ все независимое общество въ столицахъ и губерніяхъ. Классъ этотъ довольно обширенъ, ежели причислить къ нему военныхъ, вообще меньше раболѣпныхъ, нежели гражданскіе чиновники, людей вышедшихъ въ отставку 25 или 26 лѣтъ и живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и служащихъ только по выборамъ.

Вотъ въ этой-то средѣ наше общее и полиглотное воспитаніе образовало, можетъ быть, самыхъ независимыхъ людей въ Европѣ. Подавляющій деспотизмъ, отсутствіе свободы слова, необходимость быть ежеминутно насторожѣ приучили ее къ внутренней, смѣлой и безжалостной работѣ. Новая литература иногда высказывала долю затаенныхъ страстей, наполняющихъ грудь русскаго человѣка. Безъ страха и жалости дошли передовые люди до социальныхъ идей въ политикѣ, до реализма въ наукѣ, до отрицанія и скептицизма въ философіи.

Соціализмомъ революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народною. Въ то время, какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе.

Теперь, ознакомившись съ элементами русской жизни, вы поймете, что Россіи невозможно сдѣлать шага впередъ, не вступая въ какой-нибудь внутренній переворотъ или въ европейскую войну.

Освобожденіе крестьянъ, дѣло столь простое въ прочихъ государствахъ, невозможно у насъ *безъ уступки крестьянамъ земли, а освобожденіе съ землей* — лишеніе значительной собственности дворянства. Условія дворянскаго быта должны перемѣниться съ освобожденіемъ, а съ ними и его отношенія къ правительству; не забудьте, что судъ и полиція внѣ городовъ принадлежатъ дворянству, и дворянство всякой губерніи организовано въ совѣщательныя собранія и привыкло правильно собираться въ назначенные сроки.

Ежели бы на русскомъ престолѣ былъ дѣйствительно энергическій человѣкъ, то онъ былъ бы главнымъ двигателемъ освобожденія крестьянъ; онъ покрылъ бы величайшею славой конецъ петербургскаго періода, онъ самъ бы далъ направленіе неминуемому событію. Но для этого нуженъ Петръ I, а не Николай.

Позвольте мнѣ объяснить эту мысль. Не одинъ абсолютизмъ препятствуетъ прогрессу въ Россіи. Петербургскій - - - - - со-

¹⁾ Преданный тѣломъ и душой.

хранилъ, какъ я вамъ уже сказалъ, свою диктаторскую форму, форму революціонную, лишенную традицій и началъ; это — орудіе, могущее служить всякимъ цѣлямъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ русское правительство съ 26/14 декабря 1825 года приняло свой настоящій характеръ, оно сдѣлалось неспособно къ чему-нибудь полезному. Николай пошелъ вспять и сдѣлалъ это съ чрезвычайной неловкостью. Онъ хотѣлъ больше быть царемъ, чѣмъ императоромъ; но, не понявъ славянскій духъ, онъ не достигъ цѣли и ограничился преслѣдованіемъ всякаго стремленія къ свободѣ, угнетеніемъ всякой идеи прогресса и остановкою всякаго необходимаго развитія. Онъ хотѣлъ изъ своей имперіи создать военную Византію, отсюда его народность и православіе, холодныя и ледяныя, какъ петербургскій климатъ. Николай постигъ только житейскую сторону вопроса. Въ его системѣ не было ничего движущаго, даже ничего національнаго,—не сдѣлавшись - - - - - , онъ пересталъ быть европейскимъ.

Въ свое долгое царствованіе онъ послѣдовательно коснулся почти всѣхъ учреждений, вводя всюду элементъ паралича, смерти.

Дворянство не могло оставаться замкнутой кастой, по легкости, съ которой получались дворянскія грамоты. Николай поставилъ препятствія, соединяя достоинство потомственнаго дворянина съ чиномъ майора въ военной службѣ и статскаго совѣтника—въ гражданской.

До Николая всякій дворянинъ былъ избирателемъ; онъ учредилъ избирательный цензъ.

Онъ сталъ назначать станovýchъ отъ правительства, подъ начальствомъ исправника, выбраннаго дворянствомъ.

Онъ ввелъ смертную казнь за преступленія политическія и отцеубійство.

Уголовные законы не признавали - - - - - *наказанія* тюрьмой—Николай ввелъ его.

Терпимость вѣроисповѣданій составляла одно изъ основаній имперіи, созданной Петромъ I; Николай издалъ свирѣпыя законы *противъ лицъ, перемѣнившихъ религію*.

Дворянская грамота представляла право дворянамъ жить, гдѣ они хотѣли, и вступать въ службу иностранныхъ государствъ. Николай ограничилъ право перемѣны мѣста и время путешествій. Онъ учредилъ конфискацію, не употреблявшуюся его предшественниками.

Петръ III уничтожилъ тайную канцелярію, родъ свѣтской инквизиціи; Николай возстановилъ ее, учреждая цѣлый корпусъ вооруженныхъ и невооруженныхъ шпионовъ, которыхъ далъ на выучку Бенкендорфу, а впослѣдствіи поручилъ другу своему, Орлову.

Всѣми этими средствами Николай затормозилъ движеніе, подкладывая каменья подо всѣ колеса, и теперь негодуетъ на то, что

ничего не идетъ. Онъ во что бы ни стало хочетъ что-нибудь сдѣлать, стараетсяъ изо всѣхъ силъ... можетъ, колеса разсыпятся и

 Но, *можетъ, еще онъ будетъ имѣть верхъ* въ борьбѣ со старымъ свѣтомъ, усталымъ, разъединеннымъ, задавленнымъ.

Я вамъ сказалъ, любезный Линтонъ, въ первомъ письмѣ моемъ, что ежели народу русскому предстоить одна только будущность, то судьбамъ россійской имперіи предстоятъ двѣ.

Я вполне, убѣжденъ, что ----- ослабнуть бы и разложился въ короткое время передъ Европой свободной и соединенной (насколько то позволяютъ ея національныя различія). ----- — не догматъ, не начало, а только сила; для него необходимо всегда что-нибудь дѣлать. Полиція и сгнетіе всякой мысли не могутъ замѣнить всего, другихъ дѣятельностей у него нѣтъ или онѣ пугаютъ его.

Для него были бы только два исхода при свободной Европѣ: передѣлаться въ демократическое и соціальное самовластіе, что, можетъ, не совершенно невозможно, но что совершенно измѣнить его характеръ, или замереть, заглохнуть и окаменѣть въ Петербургѣ, теряя ежедневно свое вліяніе, силу, prestige, и, наконецъ, сдѣлаться -----.

Когда къ двѣнадцати милліонамъ рабовъ присоединятся -----, глубоко обиженные потерей своихъ правъ и вольности, раскольники, которыхъ число и моральная сила очень значительны и -----, да, сверхъ того, часть дворянства..... будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ -----.

Не былъ ли Пугачевъ полнымъ властителемъ четырехъ губерній въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Правда и то, что теперь уже не такія приняты военныя мѣры, какъ въ 1770 году.

Однако, я очень хорошо помню возстаніе военныхъ поселеній въ Старой-Руссѣ въ 1831 году, въ 150 верстахъ отъ Петербурга и въ 450 отъ Москвы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всегда столько расположено войскъ. Инсуренты прервали всякое сообщеніе между столицами, имѣли время казнить всѣхъ офицеровъ, учредивъ какое-то правленіе, составленное изъ полковыхъ писарей.

Русскій ----- не привыкъ убивать русскихъ ¹⁾. Какъ-то, во время случившагося бунта крестьянъ, при введеніи новаго министерства государственныхъ имуществъ, былъ посланъ туда полкъ, чтобъ

¹⁾ Подобный случай былъ въ Петербургѣ во время холернаго мятежа. Корфъ въ своей книгѣ говоритъ объ артиллеристѣ, который 14-го декабря не хотѣлъ стрѣлять.—А. И. Г.

разогнать народъ. Народъ не расходился, и продолжалъ просить чего-то. Генераль, видя, что увѣщанія его не дѣйствуютъ, приказалъ солдатамъ зарядить ружья и приложиться—народъ не двинулся съ мѣста; тогда генераль далъ знакъ открыть пальбу; полковникъ скомандовалъ «пли!»..... не раздалось ни одного выстрѣла. Генераль, удивленный, ошеломленный, грозно повторилъ команду. Солдаты опустили ружья къ ногамъ и стояли неподвижно. Генераль, блѣдный, какъ смерть, просилъ полковника и офицеровъ хранить это втайнѣ. - - - - - къ тому же въ революціонномъ воздухѣ есть какое-то электричество, обезсиливаетъ старыя власти такъ, какъ атмосфера европейской реакціи укрѣпляетъ и дѣлаетъ долговѣчной - - - - - власть.

Монархическая и не слишкомъ военная Европа не хочетъ и не должна имѣть серьезной войны съ царемъ. Царь, съ своей стороны, не можетъ воздержаться отъ войны съ Европой,—развѣ она ему подаритъ Константинополь.

Константинополь?—Да! Константинополь. Онъ ему необходимъ для того, чтобы - - - - - русскаго народа на Востокъ, онъ ему необходимъ, чтобы усилить усердіе православной церкви; наконецъ, онъ ему необходимъ *инстинктивно*, потому что, несмотря на все, Николай—орудіе судьбы. Онъ безсознательно приводитъ въ исполненіе внутренніе виды исторіи и скорымъ шагомъ, съ закрытыми глазами, не видя пропасти, идетъ на ихъ совершеніе.

Время славянскаго міра настало. *Таборитъ*, общинный человѣкъ, тревожно раскрываетъ глаза. Соціализмъ, что ли, его пробудилъ?... Гдѣ водрузитъ онъ свое знамя? Около какого центра соберется онъ?

Это средоточіе—не Вѣна, городъ рококо-нѣмецкій, не Петербургъ, городъ ново-нѣмецкій, не Варшава, городъ католическій, не Москва, городъ исключительно русскій. Настоящая столица соединенныхъ славянъ—Константинополь, Римъ восточной церкви; центръ тяжести всѣхъ славяно-грековъ—Византія, окруженная славяно-эллинскимъ населеніемъ.

Германо-латинскія племена продолжаютъ имперію западную; не знаю, суждено ли славянамъ продолжать имперію восточную, но во всякомъ случаѣ не Петербургъ завоеуетъ Константинополь, а скорѣе Константинополь замѣнитъ Петербургъ.

Петербургъ былъ бы такою же нелѣпостью въ имперіи, владѣющей Константинополемъ, какъ какой-нибудь Гольштейнъ-Готторпъ, прикинувшійся Порфиrogenетомъ или Палеологомъ.

Добрымъ нѣмецкимъ выходцамъ этимъ много дѣла на старой родинѣ.

Развѣ вы не слышите, какъ за вашей дверью казакъ перешеп-

тывается съ двумя нѣмецкими пріятелями, которые вамъ измѣняютъ и готовы служить ему проводниками въ Европу?

Послѣ 1849 года мы предсказывали, что *домъ абсбургскій и югенцоллернскій приведутъ еще русскихъ въ сердце западнаго міра.*

Для - - - - война, это выступленіе изъ береговъ отъ избытка гложащихъ силъ, послужить средствомъ отдалить на время всѣ внутренніе вопросы, и утолить дикую жажду битвъ и увеличенія.

Для Европы всякая война—несчастіе. Европа уже не въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ вести войну поэтическую. Ей предстоитъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, поддержаніе другой борьбы, но она сама накупается на нее.

Завоевательная война—не совмѣстна съ цивилизаціей и промышленнымъ развитіемъ Европы, солдатскій абсолютизмъ нелѣпъ въ ней; а, однако, весь материкъ предпочелъ цезаризмъ свободѣ!

- - - - - —по сущности своей, правленіе военное, правленіе матеріальной силы, апоѳеозъ штыка. Статскихъ Бонапартовъ нѣтъ, даже сынъ Жерома ¹⁾ — генераль-лейтенантъ.

Можетъ быть, среди крови, битвы, пожара, опустошенія народы проснутся и увидятъ, протирая глаза, что всѣ эти сновидѣнія страшныя, уродливыя были не что иное, какъ сновидѣнія, какъ бредъ горячки.... Бонапартъ, - - - - ; мантия за плечами, мантия облитая - - - - - кровью; императоръ - - - - -, императоръ шулерства... все это не существуетъ, призракъ... И народы, увидя, какъ солнце высоко, удивятся своему долгому сну. Можетъ быть...

И во всякомъ случаѣ война эта—*introduzione maestosa e marziale* ²⁾ міра славянскаго во всеобщую исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ *una marcia funebre* ³⁾ стараго свѣта.

Прощайте. Дружески кланяюсь вамъ.

Лондонъ, 20 февраля 1854 года.

◆◆ 1. Линтонъ познакомился съ Герценомъ въ 1850 г. въ Парижѣ, по рекомендательному письму отъ Маццини. Вскорѣ, уже въ Лондонѣ, они стали друзьями (W. Linton, «European republicans», 243—304).

¹⁾ Жеромъ Бонапартъ—младшій братъ Наполеона I и дядя Наполеона III; при первомъ былъ королемъ Вестфалии, при послѣднемъ—французскимъ маршаломъ. Сынъ его, также Жеромъ, извѣстный подъ именемъ «принцъ Наполеонъ», былъ представителемъ младшей линіи Бонапартовъ до своей смерти въ 1891 г.

²⁾ Величественная и воинственная интродукція.

³⁾ Похоронный маршъ.

733. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 февраля (1854). Четвергъ.

У Таты коклюшъ, у Оли будетъ. Оно очень непрятно, но пройти черезъ это надобно; если успѣемъ перервать въ шесть недѣль, то и хорошо, а не то продолжится до мая. Я полагаю, что вялость и неразвязность Таты въ послѣднее время много зависѣли отъ приготовлявшейся болѣзни.

Когда «Рыбаковъ»¹⁾ дочитаете, то пришлите къ нашему берегу. Здѣсь дѣлаетъ шумъ обѣдъ, данный американ. консуломъ, въ присутствіи посла и секретаря, десятерымъ оберъ-бѣглымъ (Осипъ Ив.²⁾, Кошутъ... и азъ многогрѣшный). Обѣдъ былъ великолѣпный; на кувертахъ были означены мѣста; на моемъ значилось: «the russian republican»³⁾. Приучиль-таки я ихъ уши.

Обѣдъ окончили въ первомъ часу ночи, а въ десять утра уже въ журналахъ значились. Я познакомился на этомъ пиру съ Гарибальди.¹ Вы понимаете, что я могъ бы рассказать три короба объ этомъ открытомъ кусѣ и кусѣ⁴⁾ бѣглымъ отъ Америки.²

Энгельку⁵⁾ скажите, что «Емельяна» получилъ сполна; онъ хорошъ, но, дѣйствительно, объ ассигнаціяхъ много, а о крѣпостномъ состояніи мало. Конецъ и начало очень красивы. Дня черезъ четыре онъ будетъ готовъ; но мнѣ надобно еще знать, не лучше ли послѣдніе четыре стиха поисправить на счетъ ихъ музыкальности; какъ то риѣма «царя» и «Николая» не идетъ, а, впрочемъ, какъ повелитъ Арестычъ⁶⁾.

Что касается до 2-й проповѣди, я только тѣ мѣста, о которыхъ самъ Э. пишетъ, и хотѣлъ вымарать, что же касается до Голіаѳа, можно и напечатать.

Я самъ написалъ (зависть проклятая!) штучку въ томъ же родѣ, но поспеціальнѣе⁷⁾. А отъ Франка отвѣтъ вы не шлете, а отвѣтъ надобенъ.

1) Д. В. Григоровича.

2) Маццини.

3) «Русскій республиканецъ».

4) Kuss и Gruss—поцѣлуй и привѣтъ.

5) Энгельсонъ.

6) «Емельянъ Пугачевъ честному казачеству и всему люду русскому шлетъ низкій поклонъ»,—прокламація, сочиненная Энгельсономъ.³

7) См. № 737.

На обѣдѣ изъ поляковъ былъ Ворцель, а нѣмца ни одного не было, и что въ журналахъ было прописано, что Руге былъ,—тому не вѣрь. Это мнѣ напомнило Хоецъ, который какъ-то въ Ниццѣ говорилъ: «всѣ національности представлены, даже нѣтъ ни одного нѣмца».

Ну-съ, а Браницкій въ Львы Алексѣевичи пошелъ ¹⁾).

У насъ дѣлишки такъ себѣ кипятъ, кипятъ. Сегодня я такую закорючку загнулъ французикамъ, что редакторъ написалъ внизу: «Nous aimons tous ceux qui *osent* soit dans la pensée» ²⁾), и поэтому, дескать, тиснулъ гражданина Г.-Ситойена ³⁾). Благо портретъ понравился, ну и слава те.

Головныя боли у меня и маленькія простуды почти безпре-станно. Да, что тамъ ни толкуй, а хуже климатъ мудрено сыскать, хотя нынѣшняя зима не въ примѣръ лучше прошлой.

Еще Энг., благо онъ ждетъ Тюфяева, скажите, что всѣ слышавшіе небольшіе отрывки изъ главы: «Ссылка на канцелярскую работу», катались со смѣху и со злобы ⁴⁾).

Прощайте.

◆◆ 1. О своей встрѣчѣ съ Гарибальди Герценъ говоритъ въ гл. II ч. VI «Былого и думъ», а въ «Лондонской вольницѣ» рассказываетъ о своей неудачной рекомендаціи освободителю Италіи нашего матроса. Ко времени пребыванія Гарибальди въ Лондонѣ относятся два его письма къ Герцену, которыя привожу въ переводѣ съ подлинниковъ, хранящихся въ архивѣ семьи Герцена.

«14 марта 1854 г. Лондонъ. Мой дорогой Герценъ, ваше нездоровье лишило меня удовольствія видѣть васъ, и я сержусь на него за это; надѣюсь, что въ этотъ часъ оно смилостивилось и оставило васъ. М-лле (М. Мейзенбургъ—М. Л.) и Александръ (сынъ Герцена—М. Л.) приняли всѣ усилія, чтобы оживить и украсить каюту «Республики». Вашъ соотечественникъ (матросъ—М. Л.) ведетъ себя превосходно, и я надѣюсь, что мы всегда будемъ друзьями. Я, конечно, не нуждаюсь въ немъ, чтобы вспоминать васъ, но вѣрно и то, что чувствую къ нему расположеніе, потому что онъ отъ васъ. Если смогу, я побываю у васъ, и какъ бы то ни было, я—вашъ другъ на всю жизнь. Вашъ Дж. Гарибальди».

«26 марта. Нью-Кестль. Вашъ соотечественникъ, какъ вы уже знаете, остался въ Лондонѣ и мнѣ очень досадно, что я увѣдомляю

¹⁾ Вѣроятно, былъ назначенъ сенаторомъ.

²⁾ Мы любимъ всѣхъ, которые дерзаютъ, хотя бы въ области мысли.

³⁾ См. № 732.

⁴⁾ «Былое и думы», гл. XIV.

вась объ этомъ. Часть его вещей осталась здѣсь, и я желаю знать, разсчитываете ли вы прислать его самого или я долженъ отправить вещи вамъ. Сообщите мнѣ вашъ адресъ, въ которомъ я не совсѣмъ увѣренъ. Не сердились ли вы на меня за то, что я не написалъ вамъ немедленно? Имѣйте терпѣніе. Я по сердцу вашъ другъ. Что дѣлаетъ Александръ, любезная гувернантка и ваши интересныя дѣвочки? Я надѣюсь видѣть васъ въ Ниццѣ, и это, конечно, будетъ для меня праздникомъ. Прощайте, мой дорогой Герценъ, не забывайте вашего Дж. Гарибальди» (эти письма напечатаны по-русски на стр. 207 «Былого» 1907, кн. V).

Здѣсь же приведу письмо Л. Кошута отъ 4 марта 1854 г.:

«Милостивый Государь и дорогой другъ!

«Податель сего, г. Штегманъ, бывший инспекторъ вѣнскаго арсенала, проситъ меня рекомендовать его вамъ,—охотно исполняю это, такъ какъ считаю его способнымъ сдѣлать что-нибудь хорошее въ области его ремесла. Я даже желалъ бы ему помочь для изготовленія модели его новаго оружія, если надо найти еще другихъ, которые также ему помогутъ, потому что мои скромныя средства не позволяютъ мнѣ одному доставить ему все, что нужно для опыта. Привѣтъ и братство, Вашъ сердцемъ Л. Кошутъ».

2. Въ «The Leader» отъ 25 февраля 1854 г. напечатано:

«Перепечатаваемъ нижеслѣдующую замѣтку изъ утреннихъ газетъ отъ среды. Полагаемъ, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

«Вчера у американскаго консула м-ра Saunders состоялся обѣдъ, на которомъ, среди другихъ гостей, присутствовали: американскій посланникъ, американскій вице-консулъ, Маццини, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Арнольдъ Руге, Герценъ (богатый русскій émigré), Ворцель, Гарибальди, Феличе Орсини и сэръ Joshua Walmsley, членъ парламента». Въ «The Daily News» 22 февраля буквально тотъ же текстъ. «The Times» и «The Morning Advertiser» хранили объ обѣдѣ молчаніе. Ф. Орсини говоритъ о немъ кратко въ своихъ воспоминаніяхъ, присоединивъ къ гостямъ еще и Пульскаго («Memorie politiche», 120).

3. Названное сочиненіе Энгельсона было отпечатано на 12 страницахъ съ подписью «В. А.». Вся прокламація такова, что не можетъ быть здѣсь напечатана, какъ и четверостишіе въ самомъ концѣ, о которомъ говоритъ Герценъ; рима была измѣнена. Это—одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ памфлетовъ по адресу Николая I, написанный простонароднымъ языкомъ.

Въ декабрѣ эта прокламація надѣлала большую тревогу: ее стали находить въ рядахъ нашей южной арміи. Военный министръ, кн. Долгоруковъ, получилъ объ этомъ рапортъ отъ главнокомандующаго южною арміею и военными сухопутными и морскими силами, въ Крыму находящимися. Въ тотъ же день онъ доложилъ обо всемъ императору, прочитавшему прокламацію 24 декабря. Немедленно всѣмъ жандармамъ было приказано «разузнать строжайше, но совершенно тайно, не успѣли ли враги наши распространить у насъ воззваніе». Ставропольскій жандармскій полковникъ Грабь-Горскій, не въ примѣръ прочимъ своимъ коллегамъ, не отрицалъ распространенности прокламаціи и указалъ, что держать ее крѣпко, и безъ огласки, добыть ее никакъ ни у кого невозможно; при этомъ онъ утверждалъ, что прокламація вывозится изъ Харькова коробейниками и разносится по казачьимъ станицамъ, гдѣ продается на базарахъ и ярмаркахъ. Впрочемъ, полковникъ утѣшилъ III Отдѣленіе: всякая пропаганда среди черноморскаго казачества бесполезна—оно пребываетъ вѣрнымъ своему царю (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи 1854 г., I экс., дѣло № 403).

734. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 февраля (1854). Вторникъ.

Коклюшъ продолжается, и потому же весь домъ кашляетъ, сморкается, словно, какая-нибудь катаррная фабрика.—Подарестычу пишу при семъ же, а отъ васъ отписочки не было. Оленька героитствуетъ,—хохочетъ надъ своимъ коклюшемъ. Что скажете? дальше папаши шагнула. Принимаетъ рвотное, какъ ничего, и соревнуетъ съ Татой. Тата *abattue* ¹⁾, однако, ничего доселѣ нѣтъ дурного, и, когда солнце, дѣти гуляютъ.

Насчетъ обѣда было много забавы; лучшая шутка въ литограф. корреспонд.: тамъ сказано, что въ этотъ день было рожденіе Вашингтона, ну, такъ, разумѣется, молъ, посольству искать гостей надобно было не въ *Belgrade St.*, не въ *Downing St.*, и не англичанъ же звать, которыхъ В. побилъ, а ясно—тѣхъ народныхъ людей, которые дѣляютъ начала В. Къ тому же, говорятъ журналы, прежнему послу досталось при возвращеніи въ Нью-Йоркъ за то,

¹⁾ Подавлена.

что онъ не познакомился ни съ одной извѣстностью народной въ Лондонѣ.

NB. Хотите ли вы, Эн., чтобы я ваше имя публично назвалъ? Рѣшаетесь ли вы подписать мое слово къ воинамъ¹⁾?

735. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

8 Mars 1854. Jeudi

Je n'aime pas à écrire lorsque je peux parler, mais je fais une exception pour vous remercier et de la franchise et de la bonne intention quoiqu'il me soit impossible de remercier pour le ton de la lettre.

Oui, je vous crois profondément que vous aimez plus que tout au monde la vérité et, plus j'y crois, moins ai-je de foi dans votre amitié. L'amitié est très partielle, une amitié qui victime tout à la vérité doit nécessairement arriver à abîmer l'homme du point de vue de la vérité absolue. Vous vous rappelez, quelle crainte j'avais de vivre sous un toit — c'était de la coquetterie. Vous ne serez jamais parvenue à connaître tout le côté mesquin et trivial d'un homme qui cherche et demande des applaudissements aux calembourgs. Moi aussi j'ai la sincérité d'être ce que je suis. Je vous ai écrit à Broadstairs que j'aimais l'indépendance au-dessus de tout. — Savez-vous que ce n'était qu'une question adressée à vous et qui était: «Aimez-vous l'indépendance *pour les autres*». Dois-je vous dire la réponse—je ne le pense pas. Autant de moi — et c'est bien assez. Je connais mes limites, je connais que je n'ai pas de talent pour l'éducation. (Ironie comme partout: un homme qui s'est laissé flétrir et ne savait pas se venger pour ne pas laisser dans la rue les enfants—ne peut rien pour eux).

Or nous passons aux enfants. Dès le commencement j'ai hautement apprécié votre influence sur Al. Vous avez raison en me faisant des reproches, mais pensant plus à sa éducation qu'au mienne (être effectivement fini, et vous voyez chaque fois lorsque je m'oublie pour un quart d'heure... ich büsse es). Cette influence ne s'est pas accrue le dernier temps de votre part sur Alex. Je changerai les leçons pour avoir plus de soirées libres, je ferai la révision des leçons—peut être vous voudriez le faire aussi. Vous n'avez qu'à continuer une influence que vous avez sur lui. Figurez-vous que moi je suis dans la nécessité comme tant d'autres de travailler forcément—sans pouvoir prendre sur moi la surveillance. Concertons-nous ce qu'il y aura à faire.

¹⁾ См. 737.

Quant à Tata—la première chose qui me paraît étonnante, c'est que vous parlez de la cause de la maladie. Vous la connaissiez et vous ne m'avez pas fait part? Mais il y va de la vie des enfants—là je ne vous reconnais pas. Quant aux autres choses, vous savez tout et très bien. J'ai aussi des documents (je le dis car vous m'écrivez pour avoir, entre autres, une preuve que vous l'avez dit) et nommément des lettres à M-me Reichel. Lorsque j'ai déclaré que ma volonté ferme était de vous prier de continuer à vous occuper de l'éducation des enfants—dut-elle, Marie quitter la maison. J'ai pensé que l'affaire s'arrangerait sans la triste nécessité de faire des scènes. Vous n'avez qu'à prendre de plus en plus l'autorité sur Tata: nous nous jettons le mot de discipline et d'autorité l'un à l'autre et c'est parce que ni vous, ni moi nous n'en avons pas le secret.

Maintenant intervient la maladie — avant sa fin il n'y a rien à faire, il faut souffrir; mais on pourrait pendant ce temps s'emparer moralement de l'âme de Tata — avec douceur, mais en faisant sentir l'autorité. Telle est ma pensée. Je tâcherai de faire quelque chose de ma part—je me hais pour mes défauts et il ne fallait pas de reproches amers pour me les faire sentir.

Si la lettre que vous m'avez écrite n'est que l'introduction d'un parti pris par vous, de quitter les enfants, cela me fera un énorme chagrin—et je pense qu'e en attendant quelque don du ciel, je serai tout simplement forcé de mettre les deux filles dans un pensionnat à Paris ou à Bruxelles. J'attends tous les malheurs, je ne crois à rien dans la vie.

Golovine avait pleinement raison disant que consécutivement tous mes amis m'abandonnent, la cause doit être en moi. Et vous, Brutus, aussi commencez à me sacrifier à la vérité. Pourquoi m'avez-vous coté plus haut que je ne valais?

Je vous demande d'avance pardon si quelque terme de cette lettre vous déplait. Je me sens tellement pur et sincère dans tous mes rapports avec vous—que je n'ai pas besoin de circumlocutions de diplomatie et si je crains de vous avoir blessée, c'est seulement parce que je ne voudrais pas vous chagriner.

Si cela vous est égal parlons de ces choses—plutôt que d'écrire. La parole écrite est plus lourde, plus préméditée.

La raison que vous donnez n'est pas suffisante, je suis toujours, toujours prêt à parler sur l'éducation et de détacher non seulement cinq minutes *de la politique*, mais cinq heures.

Je vous serre la main, en vous priant encore une fois de ne pas douter que je sais apprécier sincèrement la part que vous prenez à moi et à mes enfants.

Adieu.

P. S. Pensez un peu que cela me navre le cœur de voir ce que vous devez souffrir dans ma maison et souvenez-vous que je vous ai prévenu antérieurement qu'il y a *un sort jeté* sur cette maison, comme disent les vieilles femmes... Vous y êtes entrée librement, spontanément, sans être influencée.

Переводъ.

8 марта 1854. Четвергъ.

Я не люблю писать, когда есть возможность говорить, но дѣлаю для васъ исключеніе, чтобъ поблагодарить васъ за откровенность и доброе намѣреніе, хотя невозможно благодарить за тонъ письма.

Да, я глубоко вамъ вѣрю, что вы больше всего на свѣтѣ любите правду, и чѣмъ больше этому вѣрю, тѣмъ меньше остается вѣры въ вашу дружбу. Дружба очень пристрастна; дружба, которая приноситъ все въ жертву во имя истины, необходимо должна кончиться униженіемъ друга съ точки зрѣнія абсолютной истины. Вы помните, какія я выражалъ опасенія относительно жизни подъ одной крышей съ вами?—это было кокетство. Вамъ никогда не удалось бы познать всѣ мелочныя и пошлыя стороны человѣка, который домогается и проситъ апплодисментовъ за каламбуры. Что касается меня, у меня также хватаетъ искренности казаться тѣмъ, что я на самомъ дѣлѣ есть. Я писалъ вамъ въ Бродстерзъ, что больше всего люблю свою независимость.—Знаете ли вы, что это былъ только вопросъ, обращенный къ вамъ и, въ сущности, слѣдующій: «любите ли вы независимость *для друиухъ*?» Говорить ли отвѣтъ? я этого не думаю. Также и я—и этого вполне достаточно. Я знаю мои границы, я знаю, что не обладаю талантомъ воспитывать (иронія, какъ и вездѣ: человѣкъ, который допустилъ опозорить себя и не сумѣлъ отмстить изъ-за того, чтобы не бросить своихъ дѣтей на улицу, не можетъ ничего сдѣлать для нихъ).

Перейдемъ же къ дѣтямъ. Я съ самага начала чрезвычайно оцѣнилъ ваше вліяніе на Ал. Вы совершенно правы, дѣлая мнѣ упреки, но больше думая объ его воспитаніи, чѣмъ о моемъ (которое окончательно совершено, и вы каждый разъ видите, что, какъ только на четверть часа забудусь, я это искупаю). Въ послѣднее время ваше вліяніе на Алекс. не возросло. Я перемѣню расписаніе уроковъ, чтобъ имѣть больше свободныхъ вечеровъ, и буду провѣрять успѣхи—быть можетъ, и вы захотите это сдѣлать.

Вамъ только остается продолжать ваше вліяніе на А. Вы должны принять во вниманіе, что я, какъ и многіе другіе, нахожусь въ необходимости принудительно и срочно работать—я не могу брать на себя надзоръ. Сговоримся, что тутъ нужно дѣлать.

Что касается Таты, то прежде всего мнѣ кажется удивительнымъ, что вы заговорили о причинѣ ея болѣзни. Вы о ней знали и мнѣ до сихъ поръ не сообщили? Но дѣло идетъ, вѣдь, о жизни дѣтей—тутъ я васъ не узнаю. Что касается остальныхъ вещей, вы знаете все и очень хорошо. У меня также есть документы (я говорю это потому, что вы мнѣ пишете изъ-за того, между прочимъ, чтобы имѣть доказательства, что то или другое мнѣ говорили), именно, письма къ г-жѣ Рейхель. Когда я объявилъ, что твердо рѣшилъ просить васъ заниматься воспитаніемъ дѣтей,—хотя бы ей, Мари, пришлось покинуть мой домъ,—я думалъ, что дѣло уладится безъ печальной необходимости устраивать сцены. Ваше дѣло—лишь больше и больше забирать власть надъ Татою: мы другъ въ друга бросаемъ словами «дисциплина» и «авторитетъ», и это только доказываетъ, что ни вы, ни я не обладаемъ секретомъ ихъ завоевать.

Теперь вмѣшалась еще болѣзнь; до того, какъ она кончится, ничего нельзя дѣлать—надо терпѣть; но за это время можно бы нравственно овладѣть душою Таты—съ мягкостью, но давая чувствовать и власть. Такова моя мысль. Я постараюсь и со своей стороны что-нибудь сдѣлать; я ненавижу себя за свои недостатки, и не нужно было горькихъ упрековъ, чтобы я ихъ почувствовалъ.

Если письмо, которое вы мнѣ написали, представляетъ собой лишь предисловіе заранѣе принятаго вами рѣшенія оставить дѣтей—это будетъ для меня огромнымъ огорченіемъ. Я думаю, что въ ожиданіи какого-либо дара небесъ я просто принужденъ буду отдать обѣихъ дѣвочекъ въ какой-нибудь пансіонъ въ Парижѣ или Брюсселѣ. Я ожидаю всякихъ несчастій, я ничему не вѣрю въ жизни.

Головинъ былъ вполнѣ правъ, утверждая, что всѣ мои друзья покидаютъ меня одинъ за другимъ; причина, вѣроятно, во мнѣ самомъ. И вы, Брутъ, также начинаете приносить меня въ жертву идеѣ истины! Зачѣмъ вы меня оцѣнили выше, чѣмъ я стоилъ?

Заранѣе прошу извинить меня, если вамъ не понравятся кое-какія выраженія этого письма. Я чувствую себя настолько искреннимъ и чистымъ во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ вамъ, что не нуждаюсь въ дипломатическихъ оговоркахъ, и если я теперь боюсь, что обидѣлъ васъ, то лишь по единственной причинѣ, что не хотѣлъ бы васъ огорчать.

Если вамъ все равно, лучше поговоримъ объ этихъ дѣлахъ,

чѣмъ писать о нихъ. Писанное слово болѣе тяжело: въ немъ больше заранѣе обдуманнаго намѣренія.

Причина, которую вы выставляете, недостаточна: я всегда, всегда готовъ говорить о воспитаніи и оторваться *отъ политики* не только на пять минутъ, но и на пять часовъ.

Жму вамъ руку и еще разъ прошу не сомнѣваться въ томъ, что я умѣю искренно цѣнить участіе, которое вы принимаете во мнѣ и моихъ дѣтяхъ.

Прощайте.

Р. S. Думаете ли вы немножко о томъ, что угнетаетъ мою душу, видя все, что вы должны перестрадать въ моемъ домѣ, и помните ли вы, что я васъ предупредилъ, что этотъ домъ *заколдованъ*, какъ говорятъ старыя женщины?.. Вы вошли въ него свободно, самопроизвольно, не подъ вліяніемъ кого бы то ни было.

736. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 марта (1854).

Али вы грамотѣ разучились?

Али на насъ разгнѣвались?

Али васъ кто обидѣлъ, кто огорчилъ?

Али насъ разлюбили, али другихъ полюбили больше, Madame Reichel?

13 марта, понедѣльникъ.

А у насъ коклюшъ все идетъ своимъ чередомъ. Нельзя сказать, чтобъ очень сильно, а такъ-таки мучить: теперь у Оли сильнѣе, нежели у Таты; имъ даютъ передъ всякимъ пароксизмомъ нюхать хлороформъ (капель 6 на хлопчатой бумагѣ, завернутой въ платкѣ), это ослабляетъ припадки. Внутрь — *белладонна*; впрочемъ, онѣ гуляютъ, какъ всегда, тѣмъ паче, что у насъ итальянскій климатъ. Третьяго дня сэръ Чарльзъ Непиръ ¹⁾ поѣхалъ по морю со страшнымъ флотомъ въ Балтійское м.,—хотятъ Петерб. палить. На здоровье.

Рейхелю кланяюсь, а остальное Влад. Ар. ²⁾

Не съѣхаться ли намъ гдѣ у моря, у кіана? мнѣ очень хочется къ половинѣ апрѣля оставить Лондонъ, т. е. отойти шага на два отъ трехъ милліоновъ людей на чистый воздухъ.

Прощайте.

¹⁾ Англійскій адмиралъ, главный начальникъ британскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

²⁾ Энгельсонъ.

737. Вольная Русская Община въ Лондонѣ.

РУССКОМУ ВОИНСТВУ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Братья!

Итакъ, - - - накликалъ, наконецъ, войну на Русь.

Какъ ни пятились назадъ, какъ ни мирволили - - - - товарищи и сообщники, боясь - - - - народовъ больше всякаго врага, — - - - напросился на войну, додразнилъ ихъ до того, что они пошли на него.

- - - не жаль крови русской.

А еще есть добрые люди между вами, которые его называютъ отцомъ, — - - - - .

Мы, изгнанники русскіе и польскіе на чужбинѣ, плачемъ, читая о рекрутскихъ наборахъ, о тягѣ народной, о ненужной гибели тысячъ нашихъ воиновъ...

Гибнуть за дѣло слѣдуетъ, на то въ душѣ человѣческой храбрость, отвага, преданность и любовь; но горько гибнуть безъ пользы для своихъ, изъ-за - - - - упрямства. Весь свѣтъ жалѣетъ турокъ не потому, чтобъ они были кому-либо близки: ихъ жалѣютъ оттого, что они стоятъ за свою землю, на нихъ напали, надобно же имъ защищаться.

А наши бѣдные братья лютуютъ кровь, дерутся храбро, поля усѣиваютъ тѣлами, и никто, кромѣ насъ, не кручинится объ нихъ, и никто не цѣнитъ ихъ мужества, потому что дѣло ихъ несправое.

- - - говоритъ, что защищаетъ православную церковь. Никто на нее не нападаетъ; а если, въ самомъ дѣлѣ, султанъ тѣснитъ церковь, какъ же - - - съ 1828 года - - - - на это?

«Православные христіане держатся турками въ черномъ тѣлѣ», прибавляетъ - - -. Мы не слышали, чтобы они были больше притѣснены, нежели крестьяне у насъ, особенно закабаленные - - - - въ крѣпость. Не лучше ли было бы начать съ освобожденія своихъ невольниковъ, — вѣдь, они тоже православные и единовѣрцы да къ тому же еще русскіе.

- - - ничего не защищаетъ и никакого добра никому не хочетъ; его ведетъ гордость, и для нея онъ жертвуетъ - - - кровью;

- - - - - держитъ. Видали ли вы - - - - - вашими рядами, не во время учений и разводовъ, а во время сраженій?

- - - началъ войну, пусть же она падетъ на - - - - - голову, пусть она окончитъ печальный застой нашъ...

За 1812 годомъ шло 14 декабря...

Что-то придетъ за 1854?...

Неужели мы пропустимъ случай, какого долго-долго не представится? Неужели не сумѣемъ воспользоваться бурей, вызванной - - - - - на себя?

Мы надѣемся, мы уповаемъ.

Посмотрите на Польшу. Едва вѣсть о войнѣ дошла до нея, она приподняла голову и ждетъ случая снова возстать за права свои, за свою волю...

Что будете вы дѣлать, когда польскій народъ подниметъ оружіе?

Ваша участь всѣхъ хуже. Товарищи ваши въ Турціи—солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Ваши побѣды покроютъ васъ позоромъ, вамъ придется краснѣть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается; не берите вторично грѣха на душу, не берите еще разъ на себя названіе Каина, — оно, пожалуй, останется навсегда при васъ.

Знаемъ мы, что вы не по доброй волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, еслибъ между ними было какое-нибудь единодушіе...

Разъ, не помню въ какой губерніи, когда вводили новое управленіе государственныхъ имуществъ, крестьяне взбунтовались, какъ почти во всѣхъ губерніяхъ было. Привели войска, народъ не расходился. Генераль пошумѣлъ да и велѣлъ солдатамъ ружья зарядить; тѣ зарядили, думая, что это для острастки; народъ все не шелъ. Тогда генераль далъ знакъ полковнику, чтобъ онъ велѣлъ стрѣлять, полковникъ скомандовалъ, солдаты приложились и — не выстрѣлили. Оторопѣлый генераль подскочилъ къ фронту и закричалъ: «жай! пли!»... Солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своемъ мѣстѣ.

Что же вы думаете было съ ними?— ровно ничего. Генераль и начальство такъ перетрусили, что дѣло замаяли.

- - - - -

- - - - -

- - - - -

- - - - -

- - - - -

- - - - -

- - - - -

- - - - -

Большое время наступаетъ.

Пусть же не будетъ сказано, что въ такую торжественную и страшную минуту вы были оставлены безъ братскаго совѣта.

Мы предупреждаемъ васъ отъ бѣды, спасаемъ отъ преступленія. Поймите нашу рѣчь.

Нашими устами говоритъ Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная въ изгнаніи.

Нашими устами говоритъ Русь мучениковъ, Русь рудниковъ, Сибири и казематовъ, Русь Пестеля и Муравьева, Рылѣева и Бестужева—Русь, о которой мы свидѣтельствуемъ міру и для гласности которой мы оторвались отъ родины.

Нами говоритъ любовь и кровная связь съ вами, состраданіе ко всему, что терпитъ народъ русскій, измученный крѣпостнымъ состояніемъ, рекрутствомъ, грабежомъ чиновниковъ, побоями, розгами, палками...

Нами говоритъ ненависть за все выстраданное вами, мы—вашъ крикъ боли, начало вашей мести, мы—обличители того, что дѣлаетъ ваше правительство втихомолку, мы — ему упрекъ, угрызеніе совѣсти, угроза въ будущемъ. Мы его клеймимъ и позоримъ, какъ оно клеймитъ и позоритъ живыхъ людей.

Рѣчь наша полна жгучаго и горькаго яда отъ долгихъ лѣтъ нѣмого страданія; все мучившее насъ съ дѣтскихъ лѣтъ, все оскорблявшее, унижавшее насъ, вошло въ наше слово... въ немъ остался и плачъ женщинъ, обезчещенныхъ своими помѣщиками, и стонъ засѣченныхъ стариковъ, и звукъ цѣпей, въ которыхъ шли въ Сибирь наши лучшіе пѣвцы, наши лучшіе друзья.

Мы на чужбинѣ начали открытую борьбу *словомъ* въ ожиданіи *дѣла*.

Слово по той мѣрѣ только и важно, по какой оно ведетъ къ дѣлу.

Слово наше—*зовъ*, это—дальній благовѣстъ, возвѣщающій вамъ, что заутреня народнаго воскресенія начинается и для Руси. Онъ будетъ безпрестанно раздаваться до тѣхъ поръ, пока звонъ его превратится въ набатъ или въ торжественное ликованіе побѣды.

Въ нашей дали мы близки къ вамъ, мы—братья ваши, ваши единственные друзья. Мы имя народа нашего примирили съ народами Запада, смѣшивавшими насъ съ петербургскимъ правительствомъ.

Поляки намъ подали руку, *какъ русскимъ*. И таковъ былъ смыслъ рѣчей, которыя мы вели въ ихъ кругѣ и смыслъ нашего соединенія. Они оцѣнили нашу любовь къ народу русскому. Поймите же и вы ее и вмѣстѣ съ тѣмъ любите поляковъ за то, что они поляки.

Чего хочетъ Польша?

Что и какъ дѣлать, вы узнаете, когда придетъ время. Мы васъ не оставимъ безъ совѣта. Исполнитесь въ ожиданіи событій истинною нашихъ словъ и присягните во имя всего святаго вамъ *не поднимать оружія противъ Польши.*

Эту присягу требуетъ не царь, а совѣсть народная, народное раскаяніе, и, если васъ ждетъ самая гибель за это, она свята, вы падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью запечатлѣтся неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи, какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ славянъ *въ единое и раздѣльное Земское Дѣло.*

(День Благовѣщенія) 25 марта 1854. ¹

❖ 1. Эта прокламація очень быстро была доставлена въ Польшу; администрація узнала объ этомъ, однако, гораздо позже, когда нашъ сардинскій консулъ прислалъ намѣстнику вырѣзку изъ «Italia e Popolo» отъ 11 апрѣля и переводъ ея. Немедленно были приняты мѣры и сообщено III Отдѣленію.

18 марта 1854 года нашъ дрезденскій посланникъ донесъ министру иностран. дѣлъ, что «Герценъ продолжаетъ свои преступныя дѣйствія», и въ доказательство приложилъ два очень любопытныхъ печатныхъ изображенія, которыя должны были, по его словамъ, служить условнымъ знакомъ, какъ бы паролемъ для русскихъ и польскихъ эмигрантовъ, по которымъ они могли быть узнаваемы въ Россіи и Польшѣ своими единомышленниками.

Графъ Орловъ немедленно послалъ намѣстнику Царства Польскаго гр. Ридигеру фотографію этихъ знаковъ. Ридигеръ, въ свою очередь, увѣдомилъ его, что отъ заграничнаго агента III Отдѣленія, доктора правъ Гольдмана, получено письмо, что настроеніе Европы очень тревожно и грозитъ революціей. 7 апрѣля Николай I сдѣлалъ на этой бумагѣ надпись: «къ несчастію, я тоже ожидаю». 22 апрѣля Ридигеръ прислалъ Орлову объясненіе къ одному изъ двухъ паролей, полученныхъ изъ Дрездена.

Оба знака воспроизведены на отдѣльномъ листѣ.

Въ серединѣ перваго, въ небольшомъ кружочкѣ напечатанъ текстъ «Отче нашъ».

Надпись на второмъ значить: «Сестры ихъ — изгнанниковъ покровителю». Сверху французскій орелъ, затѣмъ гербъ Польши изъ Краковскаго и Виленскаго воеводствъ. Слева сверху — Жмудское княжество, справа сверху Подляское воеводство, пара слѣва:

Мазовецкое и Троцкое воеводства, пара справа: Полоцкое и Хелминское воеводства, первый полный рядъ слѣва направо: Сѣрадзкое, Русское, Равское, Ленчицкое, Познанское, Куявское и Плоцкое воеводства, второй полный рядъ: Поморское, Волинское, Брестское, Сандомирское воеводства, Галицкая земля, Белжское и Новогрудское воеводства, третій рядъ: Подольское, Минское, Кіевское, Калишское, Витебское, Черниговское и Люблинское воеводства. Такимъ образомъ тутъ есть гербы территорій, подвластныхъ тогда Россіи, Австріи и Пруссіи.

Знаки эти представляютъ теперь очень большую рѣдкость и мною получены для воспроизведенія отъ Н. О. Захаревича.

Объ участи Герцена въ изданіи этихъ знаковъ ничего неизвѣстно.

Находившаяся въ томъ же дѣлѣ анонимная французская записка гласила: «прокламацій Герцена въ Австріи нѣтъ нигдѣ, имя его едва извѣстно въ книжныхъ лавкахъ и то только по спискамъ запрещенныхъ сочиненій, въ числѣ коихъ находится имя Герцена; многіе даже считаютъ его агентомъ Россіи, покровительствующей панславизму подъ скипетромъ императора російскаго, другіе же полагаютъ, что онъ—основатель славянской коммунистической школы» (Архавъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1854 г., I экс., дѣло № 31).

Въ VI кн. «Русск. Старины» 1910 г. есть двѣ странички о нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше обстоятельствахъ, по даннымъ архива намѣстника Царства Польскаго, но о самой прокламаціи тамъ свѣдѣнія невѣрныя.

Этой прокламаціей былъ очень заинтересованъ Маццини, что видно изъ его писемъ, которыя, несмотря на отсутствіе датировки, нужно отнести именно къ этому времени. Привожу ихъ переводъ съ подлинниковъ, хранящихся въ архивѣ семьи Герцена (Неполно письма напечатаны въ V кн. «Былого» 1907 г.).

I. «Дорогой Герценъ, Кошутъ пишетъ мнѣ, что «онъ беретъ переправить 50 или 100 экземпляровъ ¹⁾ черезъ Константинополь и столько же черезъ Бѣлградъ», что «онъ будетъ радъ васъ видѣть, если вы сдѣлаете ему честь посѣтить его, и что онъ хотѣлъ бы знать ваши соображенія о томъ, что, по вашему мнѣнію, можно было бы сдѣлать въ Россіи при предстоящемъ кризисѣ», и, «что онъ былъ бы радъ знать содержаніе прокламацій, такъ какъ самъ не владѣетъ русскимъ языкомъ».

«Это все; теперь рѣшеніе за вами. Простите, тороплюсь. Вашъ другъ *Иосифъ*. Воскресеніе».

¹⁾ Вѣроятно, «Видѣній св. отца Кондратія».

II. «Дорогой Герценъ, Кошутъ вамъ напишетъ. По его словамъ, все это произошло оттого, что вы не подписали внизу ваше имя, чтобы перенести его наверхъ. Если онъ извинится предъ вами въ письмѣ, будьте добры къ нему: въ настоящую минуту необходимо, чтобы всѣ патріоты — русскіе, венгры, поляки, румыны, — подавили въ себѣ свои частные, идейные интересы и служили всѣ одному — Добру ¹⁾».

«Работаете ли вы надъ вашимъ обращеніемъ къ русскимъ солдатамъ? Это какъ разъ то, что намъ нужно. Ваше предыдущее пошло частью черезъ Константинополь, частью черезъ Бѣлградъ, но съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе, что загремятъ пушки.

«Намъ нужно иное.

«Не попросите ли вы Гауга немного оторваться отъ Австраліи, чтобы спуститься въ Лондонъ?

«Мнѣ нужно видѣть офицера. Если онъ можетъ, то не раньше 4 часовъ.

«До свиданія. Простите, что не навѣщаю васъ; я заваленъ дѣломъ по горло. Вашъ братъ *I. Маццини*. Воскресенье вечеромъ».

III. «Дорогой Герценъ, какъ вы знаете, рѣшено, что никого не прогонять. Вопросъ, слѣдовательно, разрѣшился въ пользу нашего друга.

«У меня еще нѣтъ, но надѣюсь получить отвѣтъ Вуда ²⁾ относительно другого дѣла.

«При первой возможности доставьте мнѣ рукописный экземпляръ вашего прекраснаго воззванія къ русскимъ солдатамъ въ Польшѣ. Я предпочитаю, чтобы въ наши итальянскія газеты оно попало отъ насъ, а не изъ «Nation». Велите переписать его на тонкой бумагѣ, чтобы можно было послать его по почтѣ ³⁾».

«Мой другъ, минута торжественна! Я не говорю вамъ: «помогите мнѣ», но говорю: «постарайтесь найти какую-нибудь поддержку нашимъ друзьямъ». Имъ дѣйствительно нужно — и это важно для насъ всѣхъ — послать нѣсколько человекъ. Было бы несчастьемъ, если бы это имъ не удалось. Европейская демократія должна теперь сдѣлать послѣднее крайнее усиліе или навсегда отречься отъ своего призванія. Вашъ братъ *Иосифъ*. Пятница».

¹⁾ Рѣчь идетъ о неизвѣстномъ намъ обстоятельствѣ.

²⁾ Установить имя, за неизвѣстностью обстоятельствъ дѣла, нельзя, такъ какъ это — фамилія нѣсколькихъ видныхъ въ то время англичанъ.

³⁾ Напечатано въ «Italia e Popolo» 11 апрѣля.

738. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 марта (1854).
Лондонъ,

Ну, конечно, съ моей стороны нѣкоторымъ образомъ понятно по поводу удвоеннаго употребленія горячительныхъ напитковъ отъ пріѣзда Энгел., что я уполовинилъ письменныя къ вамъ отношенія, но какимъ образомъ это на васъ рикошетомъ подѣйствовало, этого не понимаю.

А посему считаю необходимымъ о томъ освѣдомиться.

Для вящшаго же удовольствія посылаю письмоцо Головина, которое я теперь буду прилагать ко всѣмъ моимъ сочиненіямъ. Каковъ мальчикъ! Да, вѣдь, біографія-то какая! Наконецъ-то онъ срюптирилъ ¹⁾ окончательно. Эн. день цѣлый плясалъ отъ радости отъ такой гадости ²⁾. Эн. въ восторгѣ нѣкоемъ пламенномъ отъ моихъ мемуаровъ. Когда же придется мнѣ ихъ вамъ прочитать?

739. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 апрѣля (1854), вторникъ.

И Алекс. Христ. ³⁾, и письмо ваше здѣсь да, сверхъ того, смертельно болитъ голова. Погода здѣсь жаркая, но предательская.

У дѣтей была какая-то *rescudescence* ⁴⁾. Оленька сначала, потомъ Тата очень расхворалась. Тату тошнило трое сутокъ. Теперь гораздо ей лучше, а то, было, и въ лицѣ очень перемѣнилась.

Внутренняя война въ домѣ продолжается. Я очень радъ, что есть новый свидѣтель, Энгелс., который можетъ хладнокровнѣе и безпристрастнѣе судить дѣло. Теперь я вамъ долженъ сказать, что, какъ только дѣти совсѣмъ стануть на ноги, я Марих. держать не буду. Никакой нѣтъ возможности терпѣть эту междоусобную войну, въ которой вся вина съ ея стороны. Энгел. удивляется моей выносливости... Не нынче—завтра будетъ объясненіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увольненіе отъ должности.

¹⁾ Rupture—разрывъ, разладъ.

²⁾ Письмо Головина отъ 25 марта 1854 г. напечатано въ особой главѣ «Былого и думъ», гдѣ разсказаны и обстоятельства дѣла.

³⁾ Жена Энгельсона.

⁴⁾ Возвращеніе болѣзни.

Довольно я намучился отъ всякихъ мезалиансовъ. Я говорилъ, я проповѣдовалъ,—хотятъ поставить на своемъ. Аминь же, я дѣтми не играю.

Мысль Рейхеля ѣхать въ Дюссел.¹⁾, по-моему, нелѣпа. Кто же мѣняетъ положительное добро на лишнее и невѣрное? Ваше положеніе въ Парижѣ превосходное.

Читали ли вы наше воззваніе, отъ котораго Головинъ отказался? У Франка есть, а не то я вамъ пришлю въ письмѣ: «Вольная Русская община — русскому воинству въ Польшѣ». Вы только тогда поймете, какая скотина онъ.

Сейчасъ Энгел. изволилъ съ августѣйшей половиной переѣхать черезъ два дома: Юстонъ Скверъ, тортиту²⁾.

Прощайте.

Тесье я буду писать на-дняхъ. Я очень, очень виноватъ передъ нимъ, заступитесь за меня при случаѣ.

Ну, да ужъ въ самомъ дѣлѣ вотъ подарки — любезное дѣло, добре хороши (слогъ «Рыбаковъ»). А прогос, я ихъ прочиталъ до конца, вещь живо и вѣрно написанная; дѣтямъ будетъ Энгел. читать.

А Энгел. уморительный! какъ онъ выучился дразнить Щепкина—«познай внутренняго человѣка». А вотъ я такъ *позналъ* московскихъ людей: вѣдь, никто не пришлетъ Пушкина, придется черезъ поляковъ доставать.

740. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 апрѣля (1854).

Вчера³⁾ пилъ я безъ мѣры

За здравіе Мери

У трактирщика Вѣри.

Сегодня желательно не удерживать писемъ отъ Шаши, Таты etc., — они всѣ перепугались, что день пропустили. А, вѣдь, рисовали и всякое такое. Писемъ отъ васъ никогда не бываетъ. А что статей Энгельс. нѣтъ, это—вина здѣшняго книгопродавца, подлеца и дурака.

Ну, какъ думаете: «Непиръ

дастъ пиръ въ Питерѣ»?

¹⁾ Дюссельдорфъ.

²⁾ Thirty two—тридцать два.

³⁾ 13 (1) апрѣля—день именинъ М. К. Р.

Что же, наконецъ, мнѣ дѣлать съ «Юморомъ»? Онъ напечатанъ превосходно, но все изданіе подъ ключемъ. Дайте на глупость совѣтъ ¹⁾).

Въ подарокъ вамъ пришлю два первыхъ листа (отпечатанныхъ) изъ «записокъ». Многіе очень аппетитнымъ находятъ.

741. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 апрѣля (1854).

Пожалуйста, отдайте Тесею, т. е. отошлите, письмо,—я не знаю его адреса. Вы думали меня утѣшить новостью о Б. ²⁾),—это вещь опасная: или Ник. Сем. хочетъ его опозорить, или онъ имѣетъ на него виды для западныхъ славянъ. Какъ же вы можете думать, чтобъ такого человѣка Ник. Сем. такъ просто и выпустилъ бы? По-московски, мнѣ бы изъ тюрьмы вонъ, по-здѣшнему, нѣтъ... А ргорос, я досталъ за цѣлый годъ «Москвитянина» и «Современника». Я упивался и упиваюсь ими. Чему дивиться, что Мих. Семен. ³⁾ не понималъ меня? Я начинаю едва понимать, что пишутъ и чѣмъ занимаются у насъ. Какая страшная пустота и что за литераторы! Съ какой важностью разбираются романы, стихотворенія, точно, все это пишется ученикамъ гимназіи, кого это интересуетъ? даже слова, которыя я совсѣмъ забылъ, вновь явились: «міросозерцаніе», «возсозданіе дѣйствительности въ ея внутреннемъ значеніи»... Печально. Печально видѣть, какъ человѣкъ въ цѣпяхъ идетъ по улицѣ, да еще печальнѣе, что скованный-то безсиленъ и цѣпь можно бы снять, не убѣжить... Посмотрите на эту нервную, огненную, сжатую полемику между партіями здѣсь... Я уже думаю, не написать ли на этотъ сюжетъ чего?

2-е à ргорос, мои статьи въ «l'Homme» ⁴⁾ возбудили яростный вопль французиковъ (не французовъ); я этому очень радъ. Когда же вы-то прочтете все это?

А что же вы ничего не говорили насчетъ бракосочетанія Фогта ⁵⁾? Маних., хоть за послѣднюю недѣлю и смирно себя вела,

¹⁾ Огаревъ жилъ въ Россіи, поэтому о выпускѣ этого его сочиненія въ Лондонѣ не могло быть и рѣчи.

²⁾ М. А. Бакуинъ; переводъ изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургскую сначала объясняли, какъ близость его освобожденія.

³⁾ Щепкинъ.

⁴⁾ № 732.

⁵⁾ Карлъ.

но все же, думаю, лучше ей посадить муху отъѣзда въ голову, а то того и гляди, что выйдетъ катастрофа.

Полученный отъ васъ билетъ на концертъ я подарилъ одному знакомому. Тотъ положилъ его въ карманъ и въ день концерта пришелъ спрашивать, гдѣ это такая неслыханная улица. Я говорю: въ Парижѣ.— Такъ, стало, концертъ въ Парижѣ?— Yes.— Что же вы это надѣлали!— Sir,—отвѣчалъ я,—я вамъ далъ билетъ 24 часа до концерта, въ Парижѣ ѣздятъ въ 12. Кто виновать?

Ну что же, былъ Суки?

Francois ¹⁾ пріѣхалъ; онъ сталъ меньше, беззубѣе и еще хуже говорить по-французски. Самая характеристическая черта его путешествія состоитъ въ томъ, что онъ не догадался, что здѣсь *иначе* говорятъ, нежели во Франціи.

У ногъ вашихъ.

742. [Введеніе къ первому изданію „Тюрьмы и ссылки“].

Въ концѣ 1852 г. я жилъ въ одномъ изъ лондонскихъ захолустій, близъ Примрозъ Гиля, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей.

Въ Лондонѣ не было ни одного близкаго мнѣ человѣка. Были люди, которыхъ я уважалъ, которые уважали меня, но близкаго никого. Всѣ подходившіе, отходившіе, встрѣчавшіеся занимались одними общими интересами, дѣлами всего человѣчества, по крайней мѣрѣ, дѣлами цѣлаго народа; знакомства ихъ были, такъ сказать, безличныя. Мѣсяцы проходили—и ни одного слова о томъ, о чемъ хотѣлось говорить.

...А между тѣмъ я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что *ни одинъ человѣкъ*, кромѣ меня, не знаетъ ее и что съ моей смертью умретъ и истина.

Я рѣшился писать; но одно воспоминаніе вызывало сотни другихъ, все старое, полузабытое воскресало — отроческія мечты, юношескія надежды, удачъ молодости, тюрьма и ссылка ²⁾—эти раннія несчастія, не оставившія никакой горечи на душѣ, пронесшіяся,

¹⁾ Поваръ.

²⁾ Разсказъ о «Тюрьмѣ и ссылкѣ» составляетъ вторую часть записокъ. Въ немъ всего меньше рѣчи объ мнѣ, онъ мнѣ показался именно потому занимательнѣе для публики.—А. И. Г.

какъ вешнія грезы, освѣщая и укрѣпляя своими ударами молодую жизнь.

Я не имѣлъ силъ отогнать эти тѣни,— пусть онѣ свѣтлыми сѣнями, думалось мнѣ, встрѣчаютъ въ книгѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

И я сталъ писать съ начала; пока я писалъ двѣ первыя части, прошли нѣсколько мѣсяцевъ поспокойнѣе...

Цѣпкая живучесть человѣка всего болѣе видна въ невѣроятной силѣ разсвѣнія и себяоглушенія. Сегодня пусто, вчера страшно, завтра безразлично; человѣкъ разсвѣивается, перебирая давно прошедшее, играя на собственномъ кладбищѣ...¹

Лондонъ, 1 мая 1854 г.

◆◆ 1. Въ концѣ 1854 г., прочтя изданія Герцена и «Тюрьму и ссылку», Грановскій писалъ Герцену: «Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы слышали въ послѣдній разъ живое слово отъ тебя. Отвѣчать не было возможности. Изъ сочиненій твоихъ нѣкоторыя дошли и къ намъ. Друзья твои прочли ихъ съ жадностью, любовью и грустью. Отъ нихъ вѣетъ нашу прошлой, общей молодостью и нашими несбывшимися надеждами. Многого хотѣли, а на чемъ помирила насъ судьба! Менѣе всего понравился здѣсь «Юрьевъ день». Зачѣмъ ты бросилъ камень въ Петра, вовсе не заслужившаго твоихъ обвиненій, потому что ты привелъ невѣрные факты? Чѣмъ болѣе живемъ мы, тѣмъ колоссальнѣе растетъ передъ нами образъ Петра. Тебѣ, оторванному отъ Россіи, отвыкшему отъ нея, онъ не можетъ быть такъ близокъ и такъ понятенъ; глядя на пороки Запада, ты клонишься къ славянамъ и готовъ имъ подать руку. Пожилъ бы ты здѣсь, и ты сказалъ бы другое. Надобно носить въ себѣ много вѣры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самага сильнаго и крѣпкаго изъ славянскихъ племенъ. Наши матросы и солдаты славно умираютъ въ Крыму; но жить здѣсь никто не умѣетъ. Еще одно замѣчаніе по поводу твоихъ сочиненій. Если ты хочешь дѣйствовать на мнѣніе у насъ, не печатай такихъ вещей, какъ пѣсня Соколовскаго (въ гл. XII «Былого и думъ»—*М. Л.*). Она оскорбила многихъ, которые иначе остались бы довольны книгой и согласились бы съ нею. Вообще имѣй больше въ виду твоихъ читателей и берегись невѣрныхъ фактовъ, которые у тебя часто проскакиваютъ. Но довольно общаго, перейдемъ къ частному. У насъ опять проснулась надежда когда-нибудь видѣться съ тобою и пожать тебѣ крѣпко, братски руку. Можетъ, черезъ годъ. Сколько перемѣнъ, сколько горя, сколько утратъ со

дня нашей разлуки. Что сказать о тебѣ? Память о тебѣ сохранилась въ кружкѣ твоихъ друзей. Когда случай сводитъ насъ вмѣстѣ, разсѣянныхъ теперь, твое имя чаще всѣхъ другихъ раздается между нами. Гдѣ-то увидимъ тебя?» («Переписка Т. Н. Грановскаго» 447—448).

743. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 мая 1854, четвергъ.

Опять вы запримолкли. А между тѣмъ, и второе мая ¹⁾ прошло—и годъ, что дѣти пріѣхали. Въ субботу поѣхалъ отсюда американскій консулъ; хотѣлъ вамъ привезти гостинецъ, да вотъ что-то этого и не значитъ въ ангельскомъ письмѣ. Коклюшъ миновалъ, а возлѣ дочь Ронге ²⁾, 16 лѣтъ, занемогшая въ то же время, умерла. Жизнь идетъ отъ тревоги къ тревогѣ и настоящаго отдыха нѣтъ. Манихенъ ѣдетъ мѣсяца на два въ Германію, — это будетъ проба. Я истинно ее оставилъ бы, но упрямство Таты, да съ такимъ характеромъ ограниченной глупости, что Саша не можетъ, наконецъ, видѣть, — меня выводитъ изъ терпѣнія. Она дурѣетъ до того, что я не узнаю ее; иногда рабская прострація передъ Маних. и непрерывные капризы противъ М.—il faut en finir ³⁾.

А по сему въ благомъ ея желаніи съѣздить въ Нѣмечину вы ее поддержите. У васъ на-дняхъ будетъ оказія, — пришлите мнѣ связочку писемъ покойницы, которая, кажется, осталась у васъ.

Насчетъ газетнаго шума—перестрѣлка идетъ ⁴⁾. Разумѣется, середь горькаго есть и сладкое. Я еще ничего не отвѣчалъ, потому что нашлось столько защитниковъ и симпатій. Весь Польскій Комитетъ отвѣчалъ соборнѣ, ¹ франц., итал. порѣзче, всѣ за меня, а Линтона мнѣ просто приходится удерживать за руку. Но болѣе всего утѣшилъ одинъ полякъ изъ Жерсея, — тотъ написалъ фульминантную ⁵⁾ статью, я вамъ какъ-нибудь ее доставлю. «Быть редакторомъ англійской газеты и невѣждой, — это не удивительно въ странѣ, гдѣ представители не знаютъ ничего, что дѣлается внѣ Англии. Я не ставлю вамъ, М. Г., въ вину, что вы ничего не знаете, —

¹⁾ День смерти Н. А—ны.

²⁾ Иоганнъ, основатель нѣмецко-католической церкви.

³⁾ Нужно съ этимъ покончить.

⁴⁾ По поводу письма Головина, выпущеннаго Герценомъ 27 марта отдѣльнымъ листкомъ.

⁵⁾ Fulminante—громовая.

но можно при невѣжествѣ быть «gentleman'омъ». Далѣе. Съ чего вы вообразили, что ненавидѣть Николая Павл. значитъ любить васъ, т. е. англичанъ? Да вы совсѣмъ не любезны... И вы осмѣливаетесь обвинять человѣка, котораго дѣятельность такъ извѣстна и который, если не меньше л. Абердина, ненавидитъ Николая, то навѣрное больше любитъ свободу, нежели Джонъ Россель» и пр., и пр.

Третьяго дня нѣсколько американцевъ изъ Новой Гренады (впрочемъ, не гренадеры) являлись утромъ посмотреть, что такое русскій революціонеръ. Они, осматривая рѣдкости, заѣхали между гипопотамомъ и тунелемъ ко мнѣ... Видно, мнѣ ужъ такъ судьбой назначено быть львомъ не только въ Вяткѣ, но и въ Лондонѣ.

Насчетъ того, что Франкъ не получилъ, не понимаю. Пусть онъ спроситъ у Nutt.

◆◆ 1. Польскій Центральный Демократическій Комитетъ (С. Ворцель, Л. Зенковичъ и А. Жабицкій) напечаталъ 27 апрѣля въ «Morning Advertiser» протестъ противъ помѣщенной тамъ же корреспонденціи «А. Democrat'a», назвавшаго имена членовъ Комитета и цитировавшаго ихъ слова для оклеветанія «друга и союзника» Герцена, приписывая ему намѣренія и цѣли, противоположныя его истиннымъ убѣжденіямъ. Комитетъ заявилъ, что относительно Польши онъ согласенъ во всемъ съ Герценомъ, что «Amnistie et alliance»—первый плодъ его съ нимъ союза и что рѣчь его на митингѣ 29 ноября 1853 г. онъ вполне привѣтствуетъ. Призывъ Комитета къ англійской націи необходимо разсматривать, какъ полное подтвержденіе его согласія съ Герценомъ. Вскорѣ послѣ того протестъ этотъ былъ выпущенъ отдѣльной брошюрой на англійскомъ же языкѣ: «Polisch Central Democratic Committee. The independance of Poland,—The cause of democracy».

«The English Republic» Линтона очень рѣзко возражалъ газетамъ, утверждавшимъ, будто польскіе и русскіе республиканцы кѣмъ-то подкуплены, а «The Leuder» и «The Morning Advertiser» онъ просто назвалъ клеветниками (1854 г., III, 269).

744. Письмо къ Моисею Гессу 1).

29 Mai 54.

London, 25, Euston Sq.

Mon cher Hess,

Je dois Vous remercier pour Votre lettre. Elle prouve que Vous

1) Нѣм. социалистъ, защитникъ «философскаго социализма», впоследствии присоединился къ Лассалю.

avez beaucoup de confiance en moi, beaucoup de confiance même dans la bonté de mon cœur—que malheureusement je n'ai pas.

Il serait très long et extrêmement pénible pour moi de Vous détailler comment je me suis éloigné de M. Sasonoff. Je n'ai absolument rien à dire contre lui, du point de vue général, il a blessé en moi—non l'honneur, non l'homme,—mais le sentiment d'amitié. Il n'a rien compris *par le cœur* dans l'histoire terrible qui faillit perdre toute ma famille et dont les meurtrissures me couvrent encore. L'homme misérable que je lui dénonçais comme lâche et calomniateur—écrivit et je l'ai lu de mes propres yeux, que Sas. «est le seul homme qui ait compris l'histoire».

Il m'était impossible de continuer des relations intimes avec un homme qui a mérité cet éloge, d'autant plus que dans les lettres à moi, je voyais très bien de quelle manière superficielle M. S. traitait un cas de vie et de mort, d'honneur et de déshonneur, de réhabilitation ou de condamnation d'une femme.

Elle est morte. J'ai écrit à Sas.—«il y a entre nous un cercueil»—et je l'ai prié de me laisser tranquille.

Depuis j'ai eu occasion de lui rendre un très grand service. Des ennemis à lui ont répondu à Londres des bruits très mauvais contre lui. Je *les ai fait taire*, complètement.

Quant au côté financier de la question—je pense qu'il devait être suspendu avec les autres. Je ne me suis jamais chargé d'être le fournisseur de mes amis, d'autant plus cela serait étrange dans notre position mutuelle.

M. Sas. dépense beaucoup, travaille peu. Il me doit environ 6.000 fr. Une petite somme ne l'avancera guère. Et certes s'il en avait besoin, Vous ne l'auriez pas laissé sans secours ayant les moyens de le faire.

Moi—entre autre—je mène la vie la plus active. J'ai organisé une imprimerie russe, j'ai publié quatre brochures et un volume entier, j'ai travaillé dans les feuilles—je pense que le tout n'était pas sans utilité. Mais cela m'a occasionné des dépenses exorbitantes (l'Imprimerie depuis les matrices jusqu'aux ouvriers tout est à mes frais).

M. Golovine — dont le talent certes ne dépasse pas celui de M. Sas.—a vendu ici dans la dernière année au moins pour 4.000 fr. d'articles et manuscrits. Pourquoi ne trouveriez Vous pas quelque travail pour M. S.?

En attendant il me semble que Vous m'avez écrit encore à Nice, que Vous me deviez qq. chose, Vous me proposiez même de tirer une lettre de change sur Vous. Je mets cet argent complètement à votre

disposition — à condition de ne pas dire que je l'ai écrit. En général, cher citoyen, cette lettre est pour Vous seul.

Tout à Vous

A. Herzen.

Переводъ.

29 мая 1854.

Мой дорогой Гессъ,

Я долженъ отблагодарить васъ за ваше письмо: оно доказываетъ, что вы имѣете ко мнѣ много, даже очень много довѣрія къ добротѣ моего сердца, которою я, къ несчастью, не обладаю.

Было бы очень долго и чрезвычайно тяжело для меня рассказать вамъ въ подробностяхъ, какъ я разошелся съ г. Сазоновымъ. Съ общей точки зрѣнія я ровно ничего не имѣю сказать противъ него: онъ оскорбилъ во мнѣ не честь и не человѣка, но чувство дружбы. Онъ ничего не понялъ *сердцемъ* въ той страшной исторіи, которая чуть не погубила всю мою семью и меня до сихъ поръ покрываетъ ранами. Низкій человѣкъ, котораго я обвинилъ, какъ клеветника и подлеца, написалъ — и я это читалъ собственными глазами,—что Саз.—«единственный человѣкъ, который понялъ эту исторію».

Невозможно было продолжать дружескія и близкія отношенія съ человѣкомъ, который заслужилъ подобную похвалу, тѣмъ болѣе, что и въ его письмахъ ко мнѣ я отлично видѣлъ, какъ поверхностно относился С. къ жизни или смерти, чести или безчестию, реабилитаціи или осужденію женщины.

Она умерла. Я написалъ Саз.: «Между нами залегъ гробъ»— и просилъ его оставить меня въ покоѣ.

Послѣ того у меня былъ случай оказать ему очень большую услугу: его враги распространили въ Лондонѣ очень скверные слухи о немъ,—я заставилъ ихъ совершенно замолчать.

Что же касается финансовой стороны вопроса, то я думаю, что онъ находится въ зависимости отъ остальныхъ. Я никогда не обязывался быть поставщикомъ денегъ для моихъ друзей, тѣмъ болѣе это было бы странно при нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Г. Саз. тратитъ много, работаетъ мало. Онъ еще долженъ мнѣ около 6 тысячъ франковъ. Маленькая сумма его почти не устроить. И, конечно, если бы онъ въ ней нуждался, то вы не оставили бы его безъ помощи, имѣя средства ее оказать.¹

Между тѣмъ, я веду самую дѣятельную жизнь. Я устроилъ русскую типографію, напечаталъ четыре брошюры и цѣлый томъ, выпускалъ листки; я думаю, что все это было не безъ пользы. Но

это вызвало чудовищные расходы (типографія, начиная со шрифта и до оплаты рабочихъ, вся на мой счетъ).

Г. Головинъ,—не обладающій, конечно, большимъ талантомъ, чѣмъ г. Саз., за послѣдній годъ продалъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, на 4 тысячи фр. статей и рукописей. Почему вы не найдете какой-нибудь работы для г. С.?

Пока что, мнѣ кажется, что вы мнѣ писали изъ Ниццы, что должны мнѣ какую-то сумму, вы даже предлагали мнѣ вексель. Я предоставляю эту сумму всецѣло въ ваше распоряженіе подъ условіемъ лишь, не говорить, что я вамъ это написалъ. Вообще, дорогой гражданинъ, это письмо—лишь для васъ одного.

Весь вашъ

А. Герценъ.

◆◆ 1. Г. Рязановъ считаетъ намеки Герцена на средства самого Гесса, не хотѣвшаго помочь Сазонову, безусловно несправедливыми. «Сынъ очень состоятельныхъ родителей, Гессъ давно порвалъ съ ними и перебивался журнальной работой. Все, что было въ его силахъ, онъ уже для Сазонова сдѣлалъ, и это подтверждается письмами послѣдняго. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ писалъ Герцену безъ вѣдома Сазонова» («Соврем. Миръ» 1912, IX, 159). Изъ этого нельзя, однако, заключить, что Герценъ долженъ былъ признать просьбу Гесса умѣстной и не имѣлъ основанія дать ему понять неудобство такого обращенія, указавъ на его собственную передъ нимъ задолженность.

745. Rewolucyjne Przymierze Polsko-Rosyjskie.

(Artikuł nadesłany).

Przed ośmią około wieków, jacyś mnisi, przbywszy z Kijowa, opowiadali Ewangelię w Nowogrodzie. Nauka ich znalazła przychylnę przyjęcie; ale lud niechciał przechodzić na chrześcijaństwo, lękając się zemsty Peruna, którego posąg ogromny wznosił się nad miastem z nad wzgórza położonego przy rzece. Straszny bo też bogiem był Perun, panem gromów i błyskawic, rodzajem - - - - z kamienia. W towarzystwie kilku nabożnych ludzi mnisi wzięli się do zrębywania posągu. Patrzył na to lud przestraszony, ale nieprzeszkadzał, i runął posąg. Nie zagrzmiął piorun, nie wylały się wody, niebo nie zesłało płomieni, ani się ziemia nie wstrząsała. Jak szaleni, rozśmieli się Nowogrodzianie,

wrzucili Peruna do wody, i oto utonął w niej jak inny jaki najpospolitszy kamień.

 Rosya, na pozor tak bezwładna, tak bierna, zwykła przechodzić z dziwną łatwością z jednego stanu rzeczy do wprost przeciwnego innego.

Na świadectwo tego dość sobie przypomnieć rewolucyę dokonaną przez Piotra I-go. Ktoby był Rosyę opuścił w r. 1700, niebyłby jęj poznał w 1725 r.

Otóż w Rosyi i dziś na mnichach nie brak, tylko że dziś pocichu opowiadaia swą wiare. Ramię prawosławnego Peruna dotąd włada gromami, a zaiste niéma z nim żartu! Jednak ----- przeżył już siebie. Narodowym nie był nigdy. Jestże popularnym przynajmniej? Okaże się to naocznie za pierwszym ciosem jaki nań spadnie. Za pierwszym dotknięciem ręki śmiałej zniknie urok, którym Mikołaj się otacza. Dzisiejszy stan Rosyi naturalnym nie jest. Cała ta ćwierć półkóli w koszarnęj swej jednostajności, jest oczywiście—tymczasową, chwilową, i przemijającą. Czasokres Petersburski był dla nięj szkołą surową, ale też i pożyteczną. Wyrobił wielką jedność, rozwinął olbrzymią siłę, ale wszystko to już dokonane, i dalej postąpić nie może pod komendą kija podoficerskiego, ----- . Wielkim byłoby błędem sądzić, że ----- jest głęboko zakorzenionym w krajowych zwyczajach.

Jestto zwykłym i pospolitym wszystkich ----- podstępem udawać że są starodawne, wielowiekowe, ledwo nie przedwieczne. Nadaje im to ową szanowną postawę starożytności, podań i świątobliwości.

Przypomnijmyż sobie że władza cesarska niebyła wcale umocowaną jeszcze w początkach panowania Katarzyny II. Kiedy ta ----- odwiedziła Moskwę, dla obmycia się olejkim namaszczenia -----, którą się była okryła, znalazła w tém mieście przyjęcie tak ponure, tak grozne, tak pogardliwe, że pośpieszyła porzucić starą stolicę z ciężarem na sercu i złowróbnými przecuciami w myśli. I słusznie uciekała. Gdy całe miasta poczynają się gorszyć, nie topnieją od słońca uczucia w nich nagromadzone, tak, jak lekkie chmurki na letnim błękanie.

Pugaczew, ów cień zamordowanego Banki, stanął pod imieniem Piotra III-go na czele zbuntowanych Kozaków. Sześć prowincyi wyszło dla połączenia się z nim na jego spotkanie. Powstały lud Moskwy, powłokł w ornacie przez ulicę, trupa zamordowanego przez niego u ołtarza arcybiskupa. Uptynęło, pamiętajcież o tém, nie więcej jak lat

ośmdziesiąt odkąd to się zdarzyło, — a nastąpiło - - - - -
 - - - Pawła I-go, jawne a bezkarne.

Wojna z Napoleonem spopularyzowała Aleksandra; a jednak za jego to panowania zawiązał się spisek olbrzymi Pestla i Murawiewa, który rozgałęzienia miał w pałacu cesarskim a członków w Radzie państwa, i między jenerałami w wojsku, równie jak w biurach dykasteryi rządowych, wśród literatów, podwładnych, artystów, lekarzy, i nawet wpośród kobiet wysokiego znaczenia.

Zubienice przez Mikołaja wzniesione dla męczeńników Rosyi, stały się - - - - - mównicami dla - - - - - wolności. Skryte nurtowanie myśli nowój w głowach i sercach narodu, nie ustało odtąd przez lat całych trzydzięci.

Różnorodne i mgliste żywioły, tęskne przecucia, w części zagranicznego pochodzenia, dojrzewały tymczasem pod grubą warstwą śniegu tego mroźnego i nielitościwego panowania.

Zrozumiano nareszcie, nietylko w czém wyobrażenia Zachodu podobne były do naszych, ale też w czém się od nich różniły. Myśl rewolucyjna stawała się coraz bardziej u nas Sławiańską,—Rosyjską. Zrozumiano że przed rozpoczęciem przewidzianej walki, skutecznie należało dwa pojednania.

Pierwszego wielkiego pojednania, pierwszego przebaczenia, Rosya rewolucyjna potrzebowała błagać u Rosyjskiego ludu, dotąd wcale niezrozumianego, spotwarzanego, trzymanego w poddaństwie przez oświecone klasy.

To dokonaniem zostało przez to stronnictwo, które coraz bardziej zbliża się do ludu, przez prace swe nad usamowolnieniem włościan wraz z rolą.

Drugim pojednaniem było zawiązanie szczerego przymierza, zupełne zatarcie wspomnień przeszłości, między Rosyą a Polską, uznanie przez Rosyę bezwzględnej niepodległości Polski, jej zupełnego wszechwładztwa, jej nieograniczonej samoistości (autonomii). Polska nie może i nie powinna inaczej być sprzymierzoną z Rosyą, jak na zasadzie swej wolności i niepodległości narodowej,—i to nastąpi gdy Rosya - - - - - . I mogłaby Polska republikańska być sprzymierzeńcem - - - - - Rosyi?—W imię czegoż? Wszakże ludy nie sprzymierzają się z mordercami rodziców swych aż chyba po odpokutowani zabójcy za zbrodnią!—Czy w imię jedności rodu? Uważami kosmopolitizm za bardziej jeszcze niedorzeczny od wyłącznego indywidualizmu; nie sądzimy jednak aby jedność rodowa była dostatecznym węzłem.

Oczywistą jest dzisiaj ta dążność rodu ludzkiego do łączenia się w coraz obszerniejsze jedności; i dlatego to właśnie jedności sztuczne,

utrzymywane gwałtem, krwią oblane, muszą się rozpaść i kruszyć w kawałki. Powinowactwa ludowe i spółczucia muszą być nasamprzód wolnemi aby się wzajem dobrać stosownie. Ilekroć głosowanie nie jest wolnym, niedziw że z niego wypada jakiś - - - - .

Wyzwolenie Polski jest połową wyzwolenia Rosyi.

Wolna Warszawa jest śmiercią dla - - - - - Petersburgu. - -
- - - - - może stoczyć wojnę polityczną, wojnę przeciw cudzoziemcowi, ale nie podoła jej przeciw propagandzie rozprzestrzenionej od Bałtyku do morza Czarnego.

I dla tego właśnie pracujemy z całego serca nad wzmocnieniem najbardziej braterskiego, najściślejszego przymierza między demokracją Polską a rewolucyjną mniejszością Rosyi.

Ci z pomiędzy Rosyan którzy niepojmują że niepodległość Polski jest wyzwoleniem Rosyi, nie są rewolucjonistami, nie są wolnomysłnymi, nie są z nami.

Ci którzy niechętnie patrzą na obronę praw terytoryalnych, nie chcą tem samem republikańskiego połączenia Ludów Sławiańskich.

Май 1854.

Переводъ.

Польско-русскій революціонный союзъ.

(Письмо въ редакцію).

Столѣтій восемь тому назадъ какіе-то монахи, прибывшіе изъ Кіева, проповѣдовали въ Новгородѣ Евангеліе. Ихъ ученіе было встрѣчено сочувствіемъ, но народъ не хотѣлъ принимать христіанства, опасаясь мести Перуна, огромное изваяніе котораго возвышалось надъ городомъ на холмѣ у рѣки. Ибо грознымъ богомъ былъ Перунъ, владыка грома и молній, — нѣчто въ родѣ - - - - - изъ камня. Вмѣстѣ съ нѣсколькими благочестивыми людьми монахи принялись крушить истукана. Въ страхѣ смотрѣлъ на нихъ народъ, но не мѣшалъ, и истуканъ рухнулъ. Не загремѣлъ громъ, не выступили воды изъ береговъ, небо не низринуло огня, земля не задрожала. Какъ сумасшедшіе, разразились новгородцы смѣхомъ, бросили Перуна въ воду, и онъ утонулъ въ ней, какъ всякій самый обыкновенный камень.

Россія, по внѣшности такая косная, такая пассивная, обычно съ удивительной легкостью переходитъ отъ одного состоянія къ прямо противоположному.

Въ доказательство этого достаточно вспомнить революцію, совершенную Петромъ I. Кто оставилъ Россію въ 1700 году, не узналъ бы ее въ 1725 году.

Въ Россіи и теперь нѣтъ недостатка въ монахахъ, но только теперь они потихоньку проповѣдуютъ свою религію. Длань православнаго Перуна до сихъ поръ владѣтъ громами, и точно — съ нимъ плохія шутки! Однако, - - - - - уже пережилъ себя. Національнымъ онъ не былъ никогда. Популяренъ ли онъ, по крайней мѣрѣ? Проявится это съ очевидностью при первомъ же ударѣ, упавшемъ на него. При первомъ же прикосновеніи смѣлой руки исчезнутъ чары, которыми окружилъ себя - - - - -. Современное положеніе Россіи ненормально. Вся эта четверть полушарія въ ея казарменномъ однообразіи, очевидно, — явленіе временное, преходящее, обреченное на перемѣну. Петербургскій періодъ былъ для Россіи школой суровой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полезной. Онъ создалъ великое цѣлое, развилъ огромную силу, но задача эта уже исполнена, и въ дальнѣйшемъ нѣтъ уже мѣста власти капральской палки, - - - - -. Большой ошибкой было бы думать, что - - - - - глубоко укоренился въ обычаяхъ страны.

Это обычная, весьма распространенная уловка всѣхъ - - - - - — выдавать себя за старинное, многовѣковое, едва ли не вѣчное установленіе. Это придаетъ имъ важный видъ древности, преданія, святыни.

Вспомнимъ, однако, что императорская власть въ Россіи не была вполне утверждена еще въ началѣ царствованія Екатерины II. Когда эта - - - - - посетила Москву, чтобы смыть съ себя миромъ помазанія - - - - -, покрывавшую ее, она встрѣтила въ этомъ городѣ такой мрачный, грозный и презрительный пріемъ, что поспѣшила оставить старую столицу съ тяжестью въ сердцѣ и съ зловѣщимъ предчувствіемъ. И не безъ основанія бѣжала она. Когда цѣлые города начинаютъ негодовать, — не таютъ отъ солнца накопленные въ нихъ чувства, какъ легкія тучи въ лѣтней лазури.

Пугачевъ, эта тѣнь убитаго Банко, назвавъ себя Петромъ III, сталъ во главѣ взбунтовавшихся казаковъ. Шестъ губерній вышли къ нему на встрѣчу, соединились съ нимъ. Возставшій московскій народъ волочилъ по улицѣ въ облаченіи трупъ убитаго имъ у алтаря архіепископа. Съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, прошло — не забывайте этого — не болѣе восьмидесяти лѣтъ; а еще потомъ произошло - - - - - Павла I, явное, безнаказанное.

Война съ Наполеономъ дала популярность Александру; но

тѣмъ не менѣ именно въ его царствованіе основалось огромное тайное общество Пестеля и Муравьева, развѣтвленія котораго доходили до императорскаго дворца, членами котораго были и члены государственнаго совѣта и военные генералы, равно какъ и высшіе судебные чины, литераторы, чиновники, артисты, врачи и даже знатныя женщины.

Висѣлицы, возведенныя Николаемъ для мучениковъ Россіи, стали - - - - - трибунами для - - - - - свободы. Скрытое движеніе новой мысли въ головахъ и сердцахъ народныхъ не прекращалось съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ.

Разнородныя, неясныя стихіи, грустныя предчувствія, частью заграничнаго происхожденія, зрѣли тѣмъ временемъ подъ толстымъ слоемъ снѣга этого ледяного, безжалостнаго царствованія.

Въ Россіи поняли, наконецъ, не только то, въ чемъ умоначертаніе Запада сходно было съ нашимъ, но и то, въ чемъ оно разнилось отъ западнаго; революціонная мысль становилась у насъ все болѣе славянской, русской. Поняли мы, что прежде чѣмъ начнется предвидимая борьба, намъ должно было осуществить два соглашенія.

Перваго великаго примиренія, перваго прощенія революціонная Россія должна была просить у русскаго народа, до тѣхъ поръ совершенно не понятаго, оклеветаннаго, находившагося въ рабствѣ у образованныхъ классовъ.

Это достигнуто той партіей, которая все больше сближается съ народомъ путемъ работы надъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею.

Другимъ примиреніемъ было созданіе искренняго союза, полное забвеніе былого между Россіей и Польшей, признаніе со стороны Россіи безусловной независимости Польши, всей полноты ея власти, ея неограниченной самостоятельности. Польша не можетъ и не должна иначе соединиться съ Россіей, какъ на основѣ своей свободы и національной независимости, — и это наступитъ тогда, когда Россія - - - - - . Развѣ могла бы республиканская Польша быть союзницей съ - - - - - - - - - Россіей? Во имя чего? Вѣдь, не сходятся же люди съ убійцами своихъ отцовъ, развѣ только послѣ того, какъ убійцы искупаютъ свои преступленія! — Не во имя ли единства происхожденія? Считаемъ космополитизмъ еще болѣе глупостью, чѣмъ исключительный индивидуализмъ; не полагаемъ, однако, чтобы единство происхожденія было достаточной связью.

Очевиднымъ въ наше время является стремленіе человѣчества объединяться все въ болѣе обширные союзы. И потому-то искус-

ственные объединенія, сдерживаемыя насиліемъ, залитыя кровью, должны распасться и раздробиться на куски. Сродство и сочувствіе народовъ прежде всего должно быть свободнымъ для того, чтобы свершился взаимный соотвѣтствующій подборъ. И поскольку подборъ не свободенъ, не удивительно, что въ результатъ появляется какой-то - - - - -.

Освобожденіе Польши есть половина освобожденія Россіи.

Свободная Варшава — смерть для - - - - - Петербурга.
- - - - - . - - - - - можетъ вести политическую войну, войну противъ иностранцевъ, но онъ безсиленъ противъ пропаганды, распространившейся отъ Балтики до Чернаго моря.

Потому-то, собственно, мы отъ всей души работаемъ надъ укрѣпленіемъ самаго братскаго, самаго тѣснаго союза между польской демократіей и революціоннымъ меньшинствомъ Россіи.

Тѣ изъ русскихъ, которые не понимаютъ, что независимость Польши есть въ то же время освобожденіе Россіи,—не революціонеры, не свободомыслящіе, они не съ нами.

Тѣ, кто не сочувственно относится къ защитѣ территоріальныхъ правъ, отрицаютъ тѣмъ самымъ республиканское объединеніе славянскихъ народовъ.

Май 1854.

746. Письмо къ Э. Кердеруа.

7 Juin 1854.

Londres, 25, Euston Square.

Monsieur,

Une maladie grave de ma fille m'a empêché de vous remercier jusqu'à ce jour pour vos lettres et pour l'ouvrage et les brochures. Je suis sincèrement sensible pour les bonnes choses que vous dites de mon travail, d'autant plus que beaucoup de lecteurs s'acharnent contre moi pour les lettres à Linton. Je vous remercie encore plus pour les observations. Permettez-moi de vous dire quel a été mon but dans les publications allemandes (en 49 et 50) et françaises sur la Russie. Vous jugerez alors si je l'ai atteint.

Après un exil de sept années je vins en Europe, la connaissant théoriquement. Les journées de Juin 48 me révélèrent l'état véritable de l'Europe. Plus je regardais ce qui se passait — plus je sentais le besoin de dire au monde deux choses. Premièrement que la Russie

n'est pas seulement une caserne et une chancellerie de Tzar — mais qu'elle porte en elle des éléments profondément révolutionnaires, *anarchistes* dans la noblesse, communistes dans le peuple. Secondement que l'Occident n'est pas du tout si diablement révolutionnaire qu'il se l'imagine. Il a une grande pensée, un grand idéal—mais peu de force, peu d'énergie, il s'est enervé dans sa partie active et arriéré dans les autres. La Russie est un jeune vaurien emprisonné, qui n'a jamais fait rien de bon, mais il promet, le vieillard vénérable à coté a beaucoup fait—fera peut être quelque chose encore, mais il est vieux. «L'Europe fara la se» — c'est possible, mais dans le cas contraire—invasion. L'avenir peut se réaliser par mille manières — le résultat définitif sera toujours le même—la métamorphose sociale.

L'invasion, à mon avis, ne sera qu'une montre-réveil, qu'un bourreau, qu'une démolition, qu'une putréfaction enclavée, qu'un orage passager. Car je n'ai jamais nié qu'au fond des populations des états de l'Europe—des populations *sauvages* desherités par la civilisation de la minorité il n'y ait pas de nerf, de sperme pour engendrer une nouvelle forme sociale.

Quant à Nicolas et à son régime-là il n'y a rien de slave, de national. L'impérialisme russe n'est que la dernière conséquence, l'expression la plus - - - - de *l'état fort* des amis de l'ordre. Que fera Nicolas... je ne crois pas à cette homéopathie renversée «*Similia similibus destruantur...*» il ne peut rien apporter qu'un bonapartisme exotique. Certainement que sous le point de vue de l'éternité Nicolas peut contribuer involontairement au triomphe de la révolution... mais Louis Bonaparte aussi. Pie IX a fait de la Romagne un peuple de frondeurs.—Et au fond il n'est pas si fort que vous le pensez.

Voilà ce que je voulais vous dire aujourd'hui, j'ajouterai encore qu'il m'est impossible d'accepter votre théodicée (Dans votre ouvrage sur la R. — que j'ai lu l'année passée) — le monde chrétien que vous chassez si bien, revient par la porte du dualisme idéalisté... mais mon Dieu vous avez raison, de ces choses il faut parler et non écrire, dans une heure la question serait bien mieux élucidée que par une longue série de lettres.

Je vous recommande «Les nouvelles russes par Lermontoff» trad. par Chopin, 53, Paris, «Tarass Boulba»—(La cosaquerie au XVII) par Gogol—trad. par Viardot, 53, Paris, «La fille d'un capitaine» par Pouchkine—trad. par Viardot, «Les recits d'un seigneur russe»—par J. Tourgeneff, 54 Par.

Koltzoff n'a jamais été traduit. Lisez vous l'allemand? En Allemand il y a immensément de traductions—il y a même un roman et des nouvelles de moi qui sont traduites.

Je serais bien heureux de vous proposer toutes ces traductions— mais il y a tant de distance entre nous que c'est impossible. Si la guerre ira mal, j'irai aussi en Espagne. Le climat de Londres (pire que celui de la Sibérie ouralienne) me dégoûte. Est-ce qu'on ne persécute pas les réfugiés en Espagne? Cette question déjà est une provocation à continuer la correspondance sur un sujet qui m'est si près du cœur.

Vous remerciant encore une fois, je vous salue cordialement.

Alexandre Herzen.

Переводъ. ¹

7 іюня 1854.

М. Г. Тяжелая болѣзнь моей дочери помѣшала мнѣ раньше поблагодарить васъ за ваши письма, сочиненія и брошюры. Я искренно тронуть вашимъ добрымъ отзывомъ о моемъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что многіе читатели раздражены противъ меня за письма къ Линтону. Еще болѣе я вамъ благодаренъ за ваши замѣчанія. Позвольте объяснить вамъ, какова была цѣль моихъ писаній о Россіи,—нѣмецкихъ (въ 49 и 50) и французскихъ. Вы тогда будете судить, достигъ ли я ее.

Послѣ семилѣтней ссылки я пріѣхалъ въ Европу, зная ее лишь теоретически. Іюньскіе дни 48 г. раскрыли мнѣ настоящее состояніе Европы. Чѣмъ болѣе я наблюдалъ то, что происходило, тѣмъ болѣе чувствовалъ потребность высказать міру двѣ вещи. Первая — что Россія—не только казарма и царская канцелярія, но еще таитъ въ себѣ глубоко революціонные элементы: *анархическіе* въ дворянствѣ, коммунистическіе въ народѣ. Вторая — что Западъ вовсе не такъ чертовски революціоненъ, какъ онъ себѣ воображаетъ. Въ немъ великая идея, великій идеалъ, но мало силы, мало энергіи; онъ разнервничался въ своей дѣятельной части и отсталъ въ остальныхъ. Россія—юный шелопаи, который заключенъ въ тюрьму, еще ничего не сдѣлалъ путнаго, но общается, почтенный же старикъ, рядомъ съ нимъ уже много сдѣлалъ, — быть можетъ, еще кое-что сдѣлаетъ,—но онъ старъ. Возможно, что «Европа сама устроится», но въ противномъ случаѣ — вторженіе. Какъ бы ни сложилось будущее, возможны тысячи формъ, окончательный результатъ одинъ и тотъ же—соціальная метаморфоза.

Вторженіе, по моему мнѣнію, явится лишь будильникомъ, палачемъ, разрушеніемъ, фокусомъ гніенія, мимолетной грозой. Ибо я никогда не отрицалъ, что въ глубинѣ населенія европейскихъ государствъ, — населенія *дикаго*, обездоленного цивилизаціею мень-

шинства,—нѣтъ нервовъ, нѣтъ сѣмени, чтобы породить новую социальную формулу.

Что касается Николая и его режима — тамъ ничего нѣтъ ни славянскаго, ни національнаго. Русскій имперіализмъ, это только крайнее слѣдствіе, наиболѣе - - - выраженіе *могущества* друзей порядка. Что сдѣлаетъ Николай?.. Я не вѣрю въ эту перевернутую гомеопатію: «подобное подобнымъ разрушается»... Онъ можетъ принести лишь экзотическій бонапартизмъ. Разумѣется, съ точки зрѣнія вѣчности Николай можетъ невольно содѣйствовать торжеству революціи... Но и Луи Бонапартъ тоже. Пій IX сдѣлалъ изъ Римской провинціи народъ фрондеровъ. И въ сущности онъ вовсе ужъ не такъ силенъ, какъ вы думаете.

Вотъ чтѣ я хотѣлъ вамъ сегодня сказать; прибавлю еще, что я не могу принять вашу теодицею (въ вашемъ сочиненіи «О Россіи», которое я прочелъ въ прошломъ году)—христіанскій міръ, который вы такъ хорошо изгоняете, возвращается назадъ черезъ дверь идеалистическаго дуализма... Но, Боже мой, вы совершенно правы, что объ этихъ вещахъ надо бесѣдовать, а не переписываться: часовая бесѣда лучше выяснитъ вопросъ, чѣмъ длинный рядъ писемъ.

Рекомендую вамъ: «Русскія повѣсти» Лермонтова, перев. Шопена, 53, Парижъ, «Тараса Бульбу» (Казачество въ XVII) Гоголя, пер. Віардо, 53, Парижъ, «Капитанскую дочку», пер. Віардо, Разсказы «русскаго помѣщика» И. Тургенева, 54 Пар.

Кольцовъ никогда не былъ переведенъ. Читаете ли вы по-нѣмецки? На нѣмецкомъ множество переводовъ, есть даже переводы одного моего романа и моихъ повѣстей.

Я былъ бы радъ предложить вамъ всѣ эти переводы, но между нами такое разстояніе, что это невозможно ¹⁾. Если война пойдетъ скверно, я также отправлюсь въ Испанію. Лондонскій климатъ (хуже, чѣмъ приуральской Сибири) мнѣ противенъ. Преслѣдуютъ ли политическихъ эмигрантовъ въ Испаніи? Этотъ вопросъ—уже провокація для продолженія нашей переписки по дѣлу, которое такъ близко моему сердцу.

Благодаря васъ еще разъ, сердечно вамъ кланяюсь.

Александръ Герценъ.

◆◆ 1. Это — отвѣтъ на письмо Кердерау отъ 27 мая, приведенное Герценомъ въ III гл. VI части «Былого и думъ».

¹⁾ Кердерау былъ въ Испаніи.

747. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 іюня (1854). Суббота.

Давно я не писалъ, ждалъ, не будетъ ли вѣстей о вашемъ нездоровьѣ. Ну, что же, какъ? Потому думаю, что недурно, что получилъ отъ Франка отвѣтъ.

Въ понедѣльникъ отправятся къ вамъ черезъ контору желѣзныхъ дорогъ нѣсколько экземпляровъ новаго опуса ¹⁾. Вы напишите ваши впечатлѣнія, и для васъ въ нихъ много воспоминаній...

Вчера ѣздилъ я въ Гестингсъ,—плоховато. Ни одного дерева, море зелено-мутное; разумѣется, послѣ лондонскаго воздуха тамъ аромать и прозрачность.

Поѣду еще искать чего-нибудь получше.

Если вы хотите пріѣхать, то, пожалуйста, дня за три уведомьте, я вамъ все до доскональности приготовлю. А передъ Нѣмчиной заѣхать слѣдуетъ.

Надняхъ я прихожу домой и застаю вашего пріятеля изъ Лилля и его супругу ²⁾,—и весело видѣть давно знакомыя лица, и все что-то будто не ладно.

Съ Энгельс. тотчасъ споръ, — а ужъ и Энгельс. избаловался до такой нетерпимости, что изъ рукъ вонь.

Вотъ вамъ и все на сей день.

748. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 августа (1854).

S. Hélène ter. Richmond.

Ну вотъ вы и въ Рдбжцкица ³⁾. Какъ же съ эдакимъ числомъ гласныхъ да чтобъ не было сосенъ, проселочныхъ дорогъ, — ну и слава Богу; что по скусу пришло. А мы покойнѣйшимъ манеромъ сидимъ въ Ричмондѣ и мечтаемъ, какъ бы изъ Англїи... вѣроятно, на мечтѣ и останется.

Вашъ пріѣздъ былъ, дѣйствительно, удаченъ, несмотря на то, что большіе (да и малые) постоянно мѣшали. Время отъ времени

¹⁾ Opus—сочиненіе. Рѣчь идетъ о «Тюрмѣ и ссылкѣ».

²⁾ Энгельсоны.

³⁾ Шутка надъ мѣстечкомъ Туржница, въ Пруссїи, куда поѣхали Рейхели отъ Герцена.¹

необходимо *chauffer l'amitié* ¹⁾ свиданіемъ. Вамъ, я думаю, изъ вашего сельца легче писать къ московскимъ, такъ не забудьте о портретахъ Тат. Ал. написать. Да и деръ-геровскіе ²⁾ Летунова работы можно бы выписать. А если кто поѣдетъ, и бумаги взять бы могъ.

А *propos*, какія чудеса! кто-то прислалъ изъ Москвы нѣсколько старыхъ стихотвореній, въ томъ числѣ «Русскій Богъ» ³⁾ и «Сашка» ⁴⁾.

И Сашка, Тата и Оля,—все идетъ хорошо.

Здѣсь жары доходили до 105 гр. Фаренгейта на солнцѣ, отсюда взялась и холера. Вслѣдъ за вами отправился Тесье.

Вотъ и все.

А что *fommovskую барышню* ⁵⁾ въ *terre de Cologne* ⁶⁾ видѣли?

◆◆ 1. Въ іюлѣ 1854 г. Рейхели приѣзжали къ Герцену въ Ричмондъ, прожили тамъ 3—4 дня и отправились въ Германію, чтобы познакомиться М. К. съ роднею мужа. Впослѣдствіи Герценъ увидѣлся съ М. К. Рейхель только черезъ 13 лѣтъ, въ 1867 году, въ Швейцаріи.

749. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 августа (1854).

Ричмондъ, S. Hélène terrasse.

Зачѣмъ Сашка боленъ? Зачѣмъ нельзя человѣку недѣлю прожить, чтобы не сдѣлалась какая-нибудь мерзость?.. зачѣмъ... зачѣмъ не у кого обо всемъ объ этомъ освѣдомиться? Все это старо и скучно. У насъ въ Лондонѣ холера таки того и все азіатская; часовъ въ пять—да и закургузить. Вотъ мы и принялись молитвы писать—прилагаю одну ⁷⁾.

Хотѣлось бы въ Швейцарію, но и здѣсь хорошо, впрочемъ, очень тяжело, а, главное, скучно. Писалъ я Фогту, да отвѣта нѣтъ. Или ужъ въ Испанію дернуть? таки теперь потѣха, не приведи

¹⁾ Подогрѣвать дружбу.

²⁾ Отца Герцена, И. А. Яковлева, въ домѣ называли деръ-геръ (*Der Herr*).

³⁾ Кн. П. А. Вяземскаго. Герценъ издалъ его отдѣльно.

⁴⁾ А. И. Полежаева.

⁵⁾ М. Фоммъ.

⁶⁾ На кельнской землѣ.

⁷⁾ ?

Богъ. А, что скажете? или у васъ въ прихжацкхжд... и не знаютъ о томъ, что въ мірѣ дѣлается? а Николая Семеновича зашибло да и, говорятъ, въ Петерб. кричатъ, что, де, глупая война; фунтъ сахару стоитъ на англійскія деньги 15 шил. (9 р.), все остальное неимовѣрно дорого. Что Лемуръ умеръ, это хорошо, а то онъ опять женился бы. А Ег. Ив. напишите насчетъ деръ-геровскихъ портретовъ, впрочемъ, я Сашѣ думаю велѣтъ написать ему.

Рейхелю земно кланяюсь.

750. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 сентября (1854).

Richmond.

Что же это у васъ Сашка-то все хвораеть? Скучно и безъ того. Ну, напишите же, какъ и что. А у насъ случилось въ самыя именины Таты (за письмо цѣлую мизинчикъ) трагикомическое происшествіе. Я подарилъ Татѣ сервизъ и разныя бутылочки. Вдругъ она приходитъ, — на ней лица нѣтъ, тошно, боль подъ-ложкой; а холера въ Лондонѣ пресильная. Я сейчасъ ипекакуаны и то, и се; а дѣло-то вышло, что она въ бутылочки налила пива, вина, коньяку да коньякъ-то и выпила и просто была мертвецки пьяная. Тѣмъ и кончилось, что морская болѣзнь на сушѣ прилучилась.

А ужъ какъ мнѣ надоѣдаетъ Марихенъ, это нельзя представить! Ни Рейхель, ни вы, кажется, не имѣли характера дѣльно съ ней поговорить. Она теперь толкуеть, что никакой съ меня суммы не требовала, а что ночей не спала, здоровья лишилась. Ну я все не считалъ ее такой бестіей, — послалъ съ Тесье еще 100 фр., — такъ пишетъ: «вы еще должны шесть фунтовъ, ибо за мѣсяцъ вы должны были предупредить», и не знаю, какой вздоръ. Послалъ сегодня 6 фунт., — ну, и конецъ. *Entre autre* она пишетъ Рейхелю: «меня слишкомъ знаютъ, чтобъ не понять, что я права». Отчего же, кажется, вамъ вдвоемъ не замолвить было въ городѣ Колонѣ словечко?

Когда я вздумую объ Аделаидѣ, о Сазоновѣ да прибавлю, что Головинъ поднялъ новую исторію, — просто требуетъ денегъ или дуэль ¹⁾, — у меня становится какъ-то глупо на умѣ и на сердцѣ.

¹⁾ См. особую главу въ VI ч. «Былого и думъ».

Дѣти здоровы, а только холера свирѣпствуетъ, дѣлаемъ все человѣчески возможное, чтобъ сохрѣнить ихъ. Пока судьба милуетъ. Авось ли, и васъ также.

Поцѣлуйте Рейхеля. У Энг. все обстоитъ благополучно. Въ Лондонъ еще не ѣдемъ.

751. Письмо къ М. К. Рейхель.

(Сентябрь 1854 г.).

Дождь льетъ въ Ричмондѣ, холера свирѣпствуетъ въ Лондонѣ, цѣлые переулки занемогаютъ. Были дня два, что всѣ больные мерли, теперь отдало. Мы ѣдемъ на недѣлю на островъ Вайтъ, а потомъ думаю, опять въ Ричмондѣ. Тата была больна дня три простудой, бокъ болѣлъ. Отъ холеры всѣ сохранены, да и всѣ мѣры взяты; лауданумъ и сѣрная кислота (это модное средство съ водой вмѣсто лимонада), ипеакауана,—все налицо.

Жена Бокэ, Доманже ¹⁾ и Савичъ были въ холеринѣ.

Я нашелъ въ старомъ «Современникѣ» охабку Огар. стиховъ.

Жду окончательнаго письма изъ Туржщцполкмица ²⁾. Пора и назадъ.

Что же Сашка? А ужъ какъ Энгельс. возится съ своимъ Исаакомъ, это стоитъ посмотрѣть.

Рейхелю куссъ.

Четвергъ.

◆◆ 1. Доманже мало извѣстенъ. Вотъ что о немъ говоритъ М. Мейзенбургъ:

«Онъ родился на югѣ Франціи, былъ сыномъ бѣдняковъ-родителей и очень рано попалъ въ водоворотъ парижской жизни; здѣсь онъ шелъ своей дорогой и бросился въ революцію со всѣмъ пыломъ энтузіаста. Онъ нашелъ въ ней бѣдность и изгнаніе. Герценъ встрѣтился съ нимъ однажды вечеромъ у общаго знакомаго; они вышли вмѣстѣ и такъ углубились въ бесѣду, что добрую часть ночи пробродили по лондонскимъ улицамъ, не рѣшаясь прекратить разговоръ. На другой день Герценъ разсказалъ мнѣ объ этомъ и прибавилъ: «никогда не встрѣчалъ я среди всѣхъ знакомыхъ мнѣ французовъ такого свободнаго ума, такого мыслителя-философа».

¹⁾ Жозефъ, французскій эмигрантъ, давалъ уроки дѣтямъ Герцена.

²⁾ Снова насмѣшка надъ Туржницей.

Вскорѣ послѣ этого я также познакомилась съ нимъ и впечатлѣніе было таково, что я предложила Герцену пригласить его преподавателемъ къ его сыну. Это былъ человѣкъ высокаго ума; прекрасное лицо его дышало благородствомъ, онъ судилъ о вещахъ безъ предвзятости. У него не было своей системы, но у него былъ философскій взглядъ на все, и онъ смѣло подвергалъ критическому анализу «аксіомы», построенныя ради блага человечества. Онъ былъ серьезно образованъ и мнѣ казалось, что лучшаго руководителя Герценъ и не могъ бы найти для своего сына. Герценъ раздѣлялъ мое мнѣніе, и съ того дня Доманже ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ у него въ домѣ. Онъ обыкновенно оставался обѣдать, что вносило еще болѣе интереса и разнообразія въ наши бесѣды» (т. II, стр. 18—19).

752. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 сентября (1854).
Isle of Wight, Ventnor.

Письмо ваше мнѣ переслали сюда, а здѣсь мѣста удивительныя, т. е. такой прелести въ Англіи и ожидать было нельзя. Мы ѣдемъ отсюда черезъ два дня опять въ Ричмондъ; домъ нанялъ я тамъ превосходный. Холера въ Лондонѣ убываетъ, хотя въ прошлую недѣлю еще 1.250 умерло.

Пишите о вашихъ дѣлахъ въ Россію безъ горечи, какъ слѣдуетъ дѣловому человѣку. Деньги не пропадутъ, а неаккуратность дурна. Если еще не писали Егору Ив. (а если писали, не мѣшаетъ еще разъ), написать ему, что я его прошу, въ случаѣ нужды, дать что-нибудь Петрушѣ, руб. сто серебромъ, и также Акс. Ив.¹⁾

Въ «Revue des Deux Mondes» большія были статьи обо мнѣ; въ послѣдней, 1 сентября, переводъ изъ «Тюрьмы и ссылки»²⁾. А новая работа идетъ плохо,—старъ, матушка, становлюсь и плохъ. Дѣти здоровы, Саша въ морѣ; Тата въ Ричмондѣ опять была больна, бокъ болѣлъ отъ простуды.

Если васъ интересуешь, вотъ какое (да и еще сотнями) испытанное лѣченіе холерины, которая почти всегда предшествуетъ. Если ее перервать, то холера очень рѣдко развивается. Дѣло очень просто.

¹⁾ К. И. Захарьина, мать Н. А.—ны.

²⁾ Статьи Делава въ томѣ VII, 15 іюля и 1 сентября; приведены въ комментаріи къ «Былому и думамъ».

А. При понось есть тошнота и языкъ нечистъ. Дать немедленно 10 гр. ипекакуаны большому, 8, 6, 4... дѣтямъ—и теплой воды, чтобъ тошнило; черезъ часъ лимонадъ изъ сѣрной кислоты съ водой, — разбавленной сѣрной кислоты полъ-чайной ложки на большой стаканъ, чтобъ было кисло *въ мѣру*; пить каждые полчаса по $\frac{1}{4}$ стакана; съ тѣмъ вмѣстѣ пилюли изъ опиума $\frac{1}{4}$ гр. въ каждой—черезъ два часа. Если это не поможетъ, два-три промывательн. съ опиумомъ. Обыкновенно это, какъ рукой, сниметь. При томъ компрессъ теплый на желудокъ и вообще держать себя тепло; но не очень морить дѣтой—ѣсть часто понемногу. Вино пить.

Б. Безъ тошноты и языкъ чистъ. Тотчасъ уймется отъ сѣрной кислоты съ водой и двухъ-трехъ пилюль съ сильнымъ опиумомъ. Ипекакуаны не надобно. Вотъ вамъ. Передайте кому хотите въ поученіе.

Напишите въ Россію этотъ рецептъ. NB. Если настоящая холера, все-таки, разовьется, дають стрихнину, но это безъ врача опасно.

M-me Мейз. вамъ кланяется.¹

◆◆ 1. Въ Вентноръ Герценъ поѣхалъ на короткое время послѣ обстоятельствъ, подробно разсказанныхъ Мейзенбугъ. Они интересны во многихъ отношеніяхъ, поэтому приведу ея разсказъ полностью.

Въ Ричмондѣ вмѣстѣ съ Герценомъ жили Энгельсоны.

«Прошло нѣсколько недѣль въ тишинѣ и спокойствіи. Потомъ болѣзненно-раздражительный Энгельсонъ, постоянно искавшій темы для неудовольствія и критики и, не имѣя опредѣленныхъ занятій, утопавшій въ житейскихъ мелочахъ, принялся критиковать воспитаніе дѣтей. Онъ находилъ, что я недостаточно строга съ дѣтьми; что я не довольно часто дѣлаю имъ замѣчанія; что ихъ рѣзвость и веселый смѣхъ дѣйствуютъ на его нервы, когда онъ бываетъ у насъ. Но вмѣсто того, чтобы обратиться прямо ко мнѣ, онъ пожаловался Герцену. Иногда достаточно было пустяка, чтобы Герценъ перешелъ отъ довѣрія и спокойствія къ сомнѣнію и скептицизму, и тогда онъ начиналъ мучиться и преувеличивать. Однажды вечеромъ, когда мы сидѣли втроемъ: онъ, Энгельсонъ и я, а дѣти уже легли спать, онъ навелъ разговоръ на воспитаніе. Съ благородною искренностью, которую я такъ цѣнила въ немъ, онъ не скрылъ, что между нимъ и Энгельсономъ шла рѣчь о томъ, что я слишкомъ мало цѣню значеніе дисциплины въ воспитаніи. Мы долго спорили. Я излагала свои взгляды на предметъ. И, странное дѣло, теперь Энгельсонъ вполнѣ соглашался со мною; онъ сказалъ

Герцену, что ничего не смыслить въ вопросахъ воспитанія, въ чемъ Герценъ вполнѣ согласился съ нимъ, и послѣ спора, продолжавшагося нѣсколько часовъ, я почти убѣдила моихъ собесѣдниковъ. Поднявшись въ свою спальню во второй этажъ, гдѣ спали дѣти, я нашла маленькую Ольгу бодрствующей: подперевъ свое хорошенькое улыбающееся личико ручками, она ждала меня. Она была такъ прелестна, что я позвала спускавшагося съ лѣстницы Энгельсона, прося поскорѣе вернуться. Онъ вернулся съ Герценомъ. Я показала имъ ребенка и тихо сказала: «Ахъ, вы, скептики, можно ли въ виду такого очаровательнаго существа терять надежду только потому, что не достигается сразу то, что можетъ дать лишь время, и что плодъ не предшествуетъ цвѣтку!»—Оба они были восхищены прелестной картиной и ушли, улыбаясь. На другое утро Герценъ вручилъ мнѣ письмо, которое написалъ ночью. Хотя мы и жили подъ одной кровлей, у насъ было въ обычаѣ писать другъ другу послѣ какого-нибудь серьезнаго спора или когда у насъ было что-нибудь на сердцѣ другъ противъ друга, такъ какъ передъ листомъ бумаги можно быть спокойнѣе, лучше владѣть собою и лучше резюмировать то, что хочешь сказать.

Герценъ писалъ мнѣ ¹⁾:

«Я хочу поговорить съ вами о нашемъ вчерашнемъ спорѣ. Споры ни къ чему не ведутъ: горячишься, сердиться, самолюбіе вмѣшивается въ дѣло, скажешь больше, чѣмъ думаешь. Прежде всего позвольте сказать вамъ со всею искренностью, что я совершенно согласенъ съ вами и Энгельсономъ относительно того, въ чемъ вы меня упрекаете по части воспитанія. Я хорошо знаю свои недостатки, я стараюсь исправиться, но это не легко. Я также безусловно согласенъ съ вами, и теоретически и практически говоря, во всемъ, что касается нравственнаго воспитанія и образованія дѣтей, слѣдовательно, объ этомъ уже не стоитъ говорить. Вы принесли намъ неоцѣненное благо, начавъ съ очищенія атмосферы, насъ окружавшей, а затѣмъ введя элементъ здоровья и независимости, что имѣетъ превосходное вліяніе на дѣтей и чему я отдаю дань справедливости и восхищенія. Остается сторона внѣшняя, «дрессировка», если хотите; конечно, это имѣетъ второстепенное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—эстетическая и социальная *необходимость*. Въ этомъ пунктѣ я уже не нахожу васъ столь искусной.

¹⁾ Подлинное письмо не сохранилось. Зная, какъ неточно переводила Мейзенбургъ французскія письма на нѣмецкій языкъ, съ котораго они для другого изданія были *переведены* опять на французскій, я не рѣшаюсь ввести это письмо въ основной текстъ.

Знаете ли почему? Потому что отъ васъ, какъ и отъ меня, ускользаетъ смыслъ практической жизни, потому что міръ подробностей— не только врагъ, но и препятствіе для всѣхъ тѣхъ, кто привыкъ жить въ мірѣ идей, въ области размышленія и теорій и неспособенъ къ организаціи, администраціи и управленію. Будьте откровенны и скажите, думаете ли вы хоть сколько-нибудь о дрессировкѣ въ воспитаніи? Она ускользаетъ и отъ васъ и отъ меня. А между тѣмъ, безъ дисциплины нѣтъ ни спокойной увѣренности, ни повиненія, ни способа оградить здоровье и предупредить опасность. Вы упрекаете меня въ томъ, что я слишкомъ жестко и сварливо вмѣшиваюсь, когда дѣти нехорошо ведутъ себя, а я упрекаю васъ въ томъ, что вы слишкомъ часто предоставляете мнѣ эту заботу. Вы говорите, что вы дѣлаете имъ замѣчанія послѣ. Возможно, но вы порою не замѣчаете этихъ вещей, можетъ быть, и потому, что не придаете имъ значенія. Дѣти васъ любятъ, Ольга боготворитъ васъ. Почему же ихъ послушаніе не соотвѣтствуетъ ихъ привязанности? Я скажу вамъ откровенно: вы не умѣете приказывать, вы не умѣете проявлять свой авторитетъ непрерывно, а только въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть дѣйствительнымъ.

«Энгельсонъ говорилъ мнѣ именно объ этомъ, и его жалобы были точкой отправленія нашего спора о воспитаніи. Я обѣщаль ему поговорить съ вами. Онъ не только не опровергалъ васъ вчера, но даже такъ соглашался, что я не могъ молчать. Я становлюсь все болѣе и болѣе беспощаднымъ къ своимъ друзьямъ и сообщилъ вамъ замѣчанія Энгельсона, а не свои. Это—мнѣніе, идущее снизу, изъ практическаго міра. Вы взяли на себя громадную задачу; воспитаніе, это—непрерывное самоотверженіе и отреченіе, это жертва всею жизнью и къ тому же нужно имѣть призваніе *ad hoc* къ матеріальной сторонѣ дѣла. Вотъ почему я не хотѣлъ ничего ускользнуть, я ждалъ, чтобы вы предложили сами, я зналъ, какое бремя вы на себя возлагаете. Я тѣмъ лучше зналъ это, что вы, можетъ быть, питали иллюзіи на мой счетъ. На словахъ и въ романахъ люди, остающіеся вѣрными своему несчастію, не отступающіе передъ скорбью, разбитые злополучіемъ, очень интересны; въ дѣйствительности же это совсѣмъ не такъ, это—болѣзнь, какъ всякая другая, а всѣ больные капризны и несносны. Когда вы протягивали мнѣ дружескую руку въ дѣлѣ воспитанія моихъ дѣтей, у васъ была двойная цѣль. Вы часто говорили мнѣ объ этомъ: вы хотѣли исцѣлить меня самого; я понимаю васъ и очень благодаренъ за всѣ доказательства истинной и дѣйствительной дружбы. Но вамъ не удалось это, и тогда вы поняли, что за исключеніемъ нашего сочувствія ко всему, что намъ дорого и свято, мы стоимъ на проти-

воположныхъ концахъ міра. Я стараюсь сохранить дѣтей моихъ, единственную поэзію моей жизни, я работаю, читаю «Times», люблю своихъ друзей, и вы принадлежите къ ихъ числу, но они не могутъ ничего измѣнить въ моемъ образѣ жизни. Еще, еслибы у васъ ничего не оставалось въ жизни, еслибы мы были, какъ два потерпѣвшіе крушеніе и все потерявшіе. Но вы еще имѣете право на счастье, и это только справедливо, передъ вами будущность, вамъ предстоитъ осуществить ваши желанія. И вы думаете, что я настолько эгоистъ, что не могу страдать въ глубинѣ души при мысли о томъ, какъ ненавистна должна быть для васъ жизнь подъ этой проклятой кровлей? Я тѣмъ болѣе страдаю, что не могу ничего измѣнить, такъ какъ, не лицомѣря, не могу измѣнить мою жизнь.

«Подумали ли вы обо всемъ этомъ, когда предложили раздѣлить со мною эту каторгу? Нѣтъ! Какъ все это тяжело для меня! Прошу васъ вѣрить этому вполнѣ.

Вашъ искренній другъ

А. Герценъ».

«Читая это письмо, я не могла удержаться отъ улыбки. Откуда эта буря, это трагическое несчастье, когда со времени катастрофы съ бонной мы жили самымъ мирнымъ образомъ? Рѣзвость и веселость дѣтей нарушили спокойствіе раздражительнаго больного и омрачили его расположеніе духа. Конечно, такое нетерпѣніе и такое отчаяніе несвойственны мнѣ: я знала, что плоды воспитанія зрѣютъ медленно и что настойчивость и молчаливый трудъ одни только приводятъ къ желаемому результату. Я отвѣчала: «Такъ какъ вы избрали такой способъ бесѣды, то и я пишу вамъ,—болѣе холодно, болѣе спокойно и болѣе точно относишься къ вещамъ, когда держишь въ рукѣ перо. Прежде всего протестую противъ вашей ошибки, такъ какъ я удивлена и досажую на то, что вы такъ мало понимаете меня. Я ничего уже не требую отъ жизни; но жизнь требуетъ меня, и я не уклонюсь отъ налагаемыхъ ею обязанностей. Два раза эта мысль спасала меня отъ самоубійства, на которое я смотрѣла спокойно, будучи убѣждена въ своемъ правѣ лишить себя жизни. Не среди бури страсти, а на днѣ безпредѣльной скорби поняла я, что имѣю право лишить себя жизни, которая до тѣхъ поръ была совершенно счастлива. Но рядомъ съ этимъ правомъ я поняла и обязанность, долгъ посвятить остающіяся у меня силы выполненію опредѣленной задачи, умъ—пытливому отношенію къ окружающему, сердце—утѣшенію несчастныхъ. Чувство долга превозмогло, я старалась выполнять его, какъ можно лучше. Такъ какъ прошлое не довело меня до смерти, то я не

хотѣла и болѣть имъ. Подобно тому, какъ древніе протестовали противъ того, что есть преходящаго въ человѣческой красотѣ, создавая безсмертныхъ полубоговъ, такъ точно и среди горестныхъ и священныхъ для меня воспоминаній я различала преходящее отъ вѣчности. Когда придется умирать, я умру спокойно, зная, что преобразенный образъ мой будетъ жить въ сердцахъ моихъ друзей. Одна изъ моихъ пріятельницъ писала мнѣ недавно: «Какъ я хотѣла бы присутствовать при твоей смерти! Твоя жизнь была такъ человѣчна, какъ только возможно, такова-же будетъ и твоя смерть». Что касается «радостей жизни», то, клянусь вамъ, что среди лондонскаго оживленія и обилія удовольствій я часто отъ души скучала, слушая повтореніе все одного и того же; я исчезала и тамъ наверху, у дѣтскихъ кроватокъ, мнѣ дышалось свободнѣй, я была счастлива тѣмъ, что онѣ спятъ сномъ невинности, счастлива тѣмъ, что испытываю человѣчныя и чистыя, непреходящія чувства. Эти послѣднія недѣли, проведенныя такъ мирно, заставили меня надѣяться, что мы, наконецъ, заживемъ разумною жизнью. Я цѣнила тихіе часы, проведенные въ интересныхъ бесѣдахъ съ лучшими изъ нашихъ друзей, я радовалась развитію дѣтей, какъ единственному счастью, котораго жду отъ судьбы; я смотрю на эти блага, какъ на единственную награду, заслуженную моею преданностью, я принимаю ее съ радостью и благодарностью.

«Когда я рѣшилась пріѣхать къ вамъ, я видѣла передъ собою симпатичную обязанность и дала себѣ слово выполнить ее, какъ только могу лучше. Я не сказала, что нахожусь на высотѣ этой задачи; напротивъ, я обѣщала только попытаться. Мой успѣхъ, повидимому, былъ весьма скорый, такъ какъ вызвалъ затрудненія, отравлявшія мнѣ жизнь нѣкоторое время. Можетъ быть, въ томъ была отчасти и моя вина, я хотѣла уѣхать и вы не согласились на мой отъѣздъ; поэтому я и осталась. Вначалѣ я испытывала уколы совѣсти, часы тревоги, когда я сомнѣвалась въ себѣ и въ своихъ силахъ. Теперь же я твердо вѣрю, что приближаюсь къ цѣли; я чувствую, что дѣти, путемъ постепеннаго развитія ихъ природныхъ свойствъ и постоянныхъ добрыхъ примѣровъ, воспитаются для всего добраго. Для достиженія этого я нахожу, что весьма важно избѣгать всякихъ непріятныхъ сценъ и выговоровъ при постороннихъ, какъ весьма, по моему мнѣнію, оскорбительныхъ; они или вызываютъ возмущеніе, или порождаютъ лицемѣріе, такъ какъ дѣти стараются казаться лучше, чѣмъ они есть, во избѣжаніе выговоровъ при постороннихъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я могла бы привести случаи, когда я вѣрнѣе достигала цѣли при помощи моего метода, чѣмъ если бы я пользовалась инымъ. Мнѣ ду-

мается, что между настоящимъ воспитателемъ и воспитанникомъ должно существовать такое взаимное пониманіе, при которомъ одного взгляда достаточно для того, чтобы ребенокъ понялъ, что поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ именно этого и достигла я съ Наташей, а, принявъ въ соображеніе препятствія, которыя имѣлись на нашемъ пути, я нахожу, что имѣю право радоваться достигнутому результату. Если еще остается многого пожелать, то это уладится. Я сама питаю отвращеніе къ дурнымъ манерамъ, но хорошія манеры не должны быть результатомъ «дрессировки»; для того, чтобы онѣ были дѣйствительно хорошими, нужно, чтобы онѣ гармонировали со всѣмъ существомъ, были бы цвѣтомъ сложившейся для всего добраго души. Когда ребенокъ опрокидываетъ свою чашку съ кофеемъ, это—неловкость и нужно дать ему это почувствовать, но изъ-за этого не стоитъ дѣлать сцены, тѣмъ болѣе, что то же самое можетъ случиться и со взрослымъ. Точно также, если Ольга, по своей живости, нѣсколько выходитъ изъ границъ или если она упряма, это можетъ быть непріятно въ ту минуту, какъ проявляется, особенно для тѣхъ, кто забываетъ, что ребенокъ живетъ своей особой жизнью и что ему такъ же, какъ и взрослому человѣку, приходится вести свою борьбу. Если нужно противодѣйствовать этимъ недостаткамъ, то лучше дѣлать это спокойно и обдуманно, нежели путемъ насилія. Насиліе вызываетъ у меньшей только отпоръ и протестъ и заставляетъ ее говорить непріятныя вещи, такъ какъ она до нѣкоторой степени сознаетъ себя въ правѣ проявлять свою личность. Энгельсонъ, на примѣръ, всегда раздражаетъ ее, и она ведетъ себя хуже, когда онъ тутъ, между тѣмъ, какъ съ его женою и со мною она необыкновенно мила. Что касается ихъ здоровья, то, слава Богу, дѣти процвѣтаютъ и, если нельзя предвидѣть всѣхъ случайностей, то, къ счастью, до сихъ поръ съ ними не случилось ничего серьезнаго. Я полагаю, что можно очень зорко наблюдать за дѣтьми, не давая имъ чувствовать ежеминутно эту тревожную заботу; чрезмѣрная заботливость отнимаетъ у нихъ всякую независимость; они дѣлаются трусливыми или вѣтреными, приучаясь безпрестанно полагаться на другихъ. Какъ можно раньше приучить ребенка къ самостоятельности представляется мнѣ необходимымъ для образованія свободнаго и твердаго характера. Но для этого не слѣдуетъ, чтобы дѣти чувствовали постоянное наблюденіе за собою. Мнѣ кажется, что это—единственный рациональный способъ, не только съ физической, но и съ моральной точки зрѣнія.

«Впрочемъ, вы знаете, любезный другъ, что если вы находите, что успѣхи заставляютъ себя слишкомъ долго ждать, если

вы не вѣрите тому, что нравственное и интеллектуальное вліяніе можетъ съ теченіемъ времени, незамѣтно исправить ихъ мелкіе и чисто внѣшніе недочеты, я готова нарушить нашъ договоръ и передать начатое дѣло въ другія руки. Вы говорите, что становитесь все болѣе и болѣе безпощаднымъ по отношенію къ друзьямъ. Я также въ извѣстномъ смыслѣ требую безграничнаго довѣрія или полного разрыва. Не будемъ прибѣгать къ полумѣрамъ—онѣ портятъ все, и мы не соберемъ ничего хорошаго, если не будемъ сѣять вполнѣ доброе и вполнѣ прекрасное. Я могла бы найти свое «счастье» въ томъ, чтобы возвратить вашему дому миръ и поэзію. Къ несчастью, эта цѣль, конечно, никогда не будетъ вполнѣ достигнута, потому что вы не хотите выздоравливать, не хотите избавиться отъ всего, что вамъ мѣшаетъ, какъ-бы должно вамъ сдѣлать, и вотъ въ чемъ камень преткновенія русскаго характера. Это, дѣйствительно,—элементъ, ставящій насъ на противоположные концы міра. Но если вы довѣряете мнѣ, какъ прежде, предоставьте мнѣ это дѣло и вѣрьте, что я достигну цѣли».

«У Герцена была одна изъ тѣхъ прекрасныхъ натуръ, у которыхъ одно искреннее слово разгоняетъ облака досады и разлада и которые вполнѣ умѣютъ вернуться къ прежней откровенности и прежней дружбѣ. Такъ, прочтя мое письмо, онъ убѣдился въ неосновательности своихъ опасеній и призналъ, что я права. Наше взаимное довѣріе было восстановлено. Боясь, что оскорбилъ меня, онъ самъ предложилъ мнѣ поѣздку на морской берегъ, о которой я говорила передъ тѣмъ и которой онъ противился.

«Мы отправились, и Доманже присоединился къ намъ. Мы посѣтили островъ Вайтъ, который мнѣ давно хотѣлось видѣть. Проѣхали островъ въ экипажѣ, чтобы остановиться въ Вентнорѣ, лежащемъ на южномъ берегу. Герценъ, его сынъ и Доманже помѣстились на имперіалѣ дилижанса; дѣти и я сидѣли внутри. Восхищенная очаровательною мѣстностью, я высунулась изъ окна, чтобы закричать Герцену: «Ну что? Развѣ не хорошо? Не была ли я права предлагая эту поѣздку?». Герценъ отвѣтилъ смѣясь: «Это правда, я не хотѣлъ вамъ этого говорить, но вы были правы; восхитительно, и мы хорошо сдѣлали, что поѣхали».

«Въ Вентнорѣ мы очень пріятно провели время. Большую часть вечеровъ мы проводили съ Пульскими, которые жили здѣсь лѣтомъ. У нихъ гостила мать Терезы ¹⁾, очень образованная и умная вѣнка, не разъ развеселявшая насъ своимъ юморомъ. Ко-

¹⁾ Жена Ф.-А. Пульскаго.

шутъ съ семействомъ также жилъ здѣсь и въ тѣсномъ кругу показался мнѣ несравненно симпатичнѣе, нежели на официальныхъ лондонскихъ пріемахъ» (II, 31—42).

753. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 октября (1854). Понедѣльникъ.
Twickenham, Bridgfield Villas.

Вотъ вы и въ Парижѣ. А мы насупротивъ—S. Hélène terrasse по другую сторону. Домъ прекрасный. Очень, очень радъ, что путь вашъ сошелъ съ рукъ хорошо, что и тамъ нашли людей, и, скажу откровенно, радъ и тому, что Мор. ¹⁾ оставили,—это важное облегченіе не только въ вашей, но и въ Рейхелевой жизни; если изъ него что-нибудь можетъ выйти, то именно внѣ дома, а его присутствіе не могло не отравлять многихъ минутъ. Я сильно совѣтовалъ въ Ричмондѣ оставить его тамъ.

Я думаю остаться здѣсь мѣсяца два-три еще, а потомъ, еслибъ можно было вырваться изъ Лондона, т. е. изъ Англии... Мнѣ просто жить тамъ нельзя; вотъ что значитъ наша такъ называемая партія,—и все деньги, деньги и деньги. Что дѣлаетъ мерзавецъ Гол. ²⁾ съ тѣхъ поръ, какъ убѣдился, что взятки гладки, это невѣроятно. Онъ ищетъ скандала. Къ тому же онъ не можетъ ночи спать отъ статей (добрыхъ, но глупыхъ) въ «Revue des 2 M.»; и еще въ американскихъ газетахъ была статья Мичеля, въ которой онъ говоритъ обо мнѣ. Презираемый всѣми, безъ гроша, онъ бросается, какъ бѣшенная собака. Чести дуэли я ему не доставлю, а палку со свинцомъ на улицѣ и заряженный пистолетъ дома держу,—какъ пріятно...

Энгельсонъ нянчится съ Исаакомъ и посылаетъ вамъ поклонъ.

А ргорос, такъ какъ я не платилъ еще по приказу Фоммши 6 лив., сирѣчь 150 франковъ, можете ей отдать, а я при случаѣ вамъ пришлю. Въ Лондонъ я безъ нужды не ѣзжу.

Цѣлую Рейхеля и фиса.

Тата написала бы, но я хочу скорѣе послать. Дѣти à la lettre ³⁾ цвѣтутъ.

¹⁾ Морицъ Рейхель.

²⁾ Головинъ.

³⁾ Буквально.

754. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 октября (1854).
Twickenham, Bridgefield Villas.

Для удовлетворенія вашего географическаго любознанія имѣю счастье доложить, что Twickenham такъ же не въ Ричмондѣ, какъ Калуга не въ Казани, но для вѣщаго пониманія предлагаю карту ¹⁾.

Здѣсь Луи-Филиппъ имѣнье купилъ и возлѣ живетъ, его семья въ Клермонтѣ.

Во-вторыхъ, русскій посоль въ Штутгартѣ надѣлалъ шуму изъ-за моихъ книгъ. «Помилуйте,—говорить,—Николай - - - - - гнѣвается, а вы тутъ публично продаете». Но Вюртембергъ говоритъ: «кажись, ужъ такого очень забирательнаго нѣтъ». Посоль съ досады взялъ да и купилъ всѣ *книжи* у книгопродавца. Этого смѣшнаго поступка я еще не слыхалъ. А, вѣдь, тоже Горчаковъ ²⁾. Тотчасъ послѣ у меня спросили еще экземпляровъ... А пророс, когда Рейхелю будетъ время и по пути, попросите его зайти къ Франку и Фивегу сказать, что, де, я желаю знать, какъ обстоятъ наши счета, понеже желаю имъ вновь прислать бездну книгъ. Статьи въ «Revue de Deux Mondes» добрыя, но ужъ очень глупо консервативны. Мнѣ кажется, тутъ что-то Щепкинъ-*junior* ³⁾ грѣшилъ. А пророс, живъ онъ или мертвъ? Ну, а господа, хохотавшіе надъ типографіей, хохотали не послѣдніе: она больше и больше дѣлаетъ шуму, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вліянія.

Дѣти здоровы. Саша вашъ тоже,—ну и слава Богу.

Прощайте.

755. Conversations with the russian prisoners at Plymouth.

To the editor of «The Daily News».

Sir, — it has repeatedly been said that the war of the Western Powers in favour of Turkey is not a war against a nation, but a war

¹⁾ Герценъ нарисовалъ планъ, отдѣливъ рѣкой Твикенгэмъ отъ Ричмонда и написавъ вдоль рѣки: «Лодка, на которой Саша ѣдетъ изъ Авенинской террасы въ Твикнэмъ».

²⁾ Кн. Александръ Михайловичъ Горчаковъ былъ посланникомъ въ Вюртембергъ. Это значитъ, что онъ такъ же уменъ, какъ прославившій себя неспособностью генераль М. Д. Горчаковъ.

³⁾ Сынъ Мих. Сем., Дмитрій Михайловичъ, скончался въ 1857 г.

against the turbulent and ill-regulated ambition of a single individual. My experience of Russia and a long study of the character of the - - - - - , carried on at St.-Petersbourg, have given me every reason to believe in the truth of this assertion. Neverthelless, liking to submit even my best-founded convictions to such tests as may serve to strengthen or to weaken them, I thought that a visit to the Russian prisoners taken at Bomarsund might afford a curious opportunity of the kind.

Speaking the Russian language with facility, I have been able during this visit to ascertain the real sentiments of the soldiers detained at Plymouth. If these sentiments represent, as I am persuaded they do, the general spirit that pervades the army which is opposed to the cause of right and justice, the perusal of the subjoined lines may, perhaps, prove interesting to the public.

I will not stop to describe the abode allotted to the captives, but merely observe that, according to their own words, they were never so well lodged in their own barracks as in the building which is called the prison at Plymouth. Comparing the mouldy bread and the rotten vegetables, which used to form the staple of their fare when in garrison, with the wholesome and substantial food which they are provided with, this circumstance alone would make them disposed to congratulate themselves on the change in their position; but that which more particularly makes them satisfied with their fate is the fact of having escaped from the cruel treatment to which they are subjected under the horrid military system of - - - - - .

Will it be believed? The only fear which these unhappy men entertain, is to be obliged to return to their former life. Their captivity under the English flag they look upon as a deliverance, whereas the liberty which would be bestowed upon them by their surrender to - - - - - , they regard as a captivity, the more threatening and terrible, because they have for a short while been emancipated from it.

This feeling of present well-being mixed with anxiety for the future has been expressed to me by more than twenty soldiers, all of pure Russian blood, whom I have questioned on the subject.

— I have seen thirty-three years of hard service—said a veteran decorated with a medal,—and it would be very painful to me to resume that service under the same conditions.

— And I,—added a young fellow of twenty,—I have served - - - - - during three years, and I think it is quite enough.

— To return to what we have been would not please any of us,—remarked another prisoner, and this remark was unanimously approved by a group of one hundred and fifty men who surrounded us.

— I hope my friends,—said I to them,—that none of you will be obliged to resume your chains against your inclination. There is a question of sending you to Australia, should you desire it; there you will be free, as you have never been.

This project, however, I am bound to confess it, did not at all seem to the taste of my auditors, and many of them did not even understand it.

What should we do?—said one of the most intelligent among them to me—What should we do in a strange and distant country, we who are unable to perform any kind of pacifis work? Why do not the English and French rather enrol us among their troops?

Is it possible,—I observed, in reply—you would fight against
 - - - - - ?

— *He would no langer be - - - - - , and his quarrel would no longer be ours?*

These words, which I have repeated literally, proved to me what I have always thought, that we must not expect to find feelings of patriotism in the hearts of slaves. «Holy Russia»—this metaphor, which the cabinet of St.-Petersburg holdsoout to Europe as a threat, falls like an empty sound on the ear of the enrolled serf, and does not penetrate to the depths of his heart. To him Russia is not more «holy» than America is «free» to the plantation negroes. The one fights as the other works, impelled by the same motive—the fear cruel chastisement. But in addition to this reflection, may we not draw a practical conclusion from this openly manifested willingness in the prisoners to renounce what is called their nationality, but what is in reality the hardest of all servitudes? Might not these soldiers be turned to account in the present war? Their own interest would be the best guarantee of their fidelity, and they would fight all the better for the fear they would entertain of falling into the hands of their former masters? The unswerving fidelity of the emigrated Cossacks enrolled in the Ottoman army to the Sultan, is well known. In 1827 the Persians opposed to Nicholas one thousand Russian deserters, who evinced the uttermost virulence against their former compatriots. Schamyl, the hero of the Caucasus, counts among his best warriors those who have passed from the enemy's army into his mountain cohorts. Brocken in by an iron discipline, strong and vigorous in body, the Russian soldiers from Bomarsund—ere those whom the capture of Sebastopol will give into the power of the allies—might replace, and not so very disadvantageously, the French and the English who may remain on the field of battle, and thus they would not as now be a burden to the country. Such a mode of recruiting would be as simple as it is easy, and

would reduce the war in the Baltic and in the Black Sea to what in reality it ought to be: a struggle of mankind (without distinction of nations) against the arrogant disturber of the peace of Europe. At all events, if the western cabinets should not consider it right to adopt the proposed measure in its full extent, there is no reason why they should not apply it partially.

At least one-third of the prisoners at Plymouth are not Russians, but Poles, Finlanders, and Jews. These three races being born adversaries of Muscovite barbarism, why should they, at least, not pass at once into the ranks of civilised Europe, as they so much desire to do? Is it not cruel to hold suspended over the heads of these unfortunate people the fear of that eventual extradition which will deliver them up again to the slavery under which they have hitherto bent, and which they ought never to be exposed to after having breathed the freest air of this globe?

Under the coarse cloak of the Russian soldier there is concealed among the prisoners at Plymouth a Pole, degraded from his rank as a nobleman, and despoiled of his property for having taken part in the revolution at Warsaw in 1830. During four and twenty years he has expiated, under the stick of the - - - - - , the guilt of this devotion to his country. His name is Tarasiewicz. When formerly he used to turn his eyes towards happy England, the refuge of the oppressed, who could have foreseen that in this very England he would one day be regarded as the - - - - - , and forced to wear the hateful livery of unmerited degradation?

It anyone still doubts that the Russian government lives upon falsehood, and that it turns the popular ignorance to its own advantage in the most shameful manner, let him listen to the strange accounts from the theatre of the war which are repeated by the Russian prisoners at Plymouth.

— Has Silistria been taken?—asked one of the defenders of Bomarsund.

— How taken? The siege of that place is raised, and the army of the Tzar has recrossed the Pruth.

— We have been told, on the contrary, that it was marching victoriously towards Constantinople».

— So far from its being so, Omer Pacha might attack Odessa in a few days if he were permitted. But who has given you all this false information?

— Our chiefs at Bomarsund.

Two officers, no doubt dupes themselves of systematic deception, came up at this moment, and I had a short conversation with them.

They expressed a doubt as to the correctness of the official accounts of the Alma, and one of them added:

— But even if it were so, and that the fall of Sebastopol should follow, the war will not therefore be at an end.

— Why not?

— Because the Emperor Nicholas does not care how many men fell, and he will always have troops enough to fight new campaigns with.

This officer had the - - - - feelings of patriotism of which the soldiers are devoid, be it said to - - - - - , and he prided himself upon serving - - - - -

— What do you think of the French and the English?—I asked of my interlocutor.

— I know the French only through the means of the guns of their ships, which threw their bombs with admirable precision. As for the others, they are veritable devils. Nothing can resist them.

— You admit, then, that they can beat even Russians?

— I admit it..... But the population of Russia is numerous, and the Emperor Nicholas will not avow himself vanquished as long as one soldier remains to him.

— But he must have money to equip his troops.

The officer smiled, and his knowledge of financial matters being not very deep, he refused to believe it possible that so powerful a monarch could be in want of money.

This officer being free on parole and enjoying in right of his rank seven shillings her day, in spite of his prejudices payed homage to England and to civilisation.

— Really,—said he to me,—I do not look upon myself as a prisoner of war, but as the guest of a hospitable and generous nation.

— Acknowledge, then,—said I to him,—that this nation and its glorious ally are not making war against the Russian people, but only against its ambitious rulers.

— I am willing to acknowledge it, although I cannot allow myself to incriminate the conduct of my sovereign.

Although the pay allowed to the officers is higher than the appointments which they received at Bomarsund, their position is in other respects not so much ameliorated as that of the common soldiers. They have lost all authority over their subordinates. The latter treat them without the least respect, and thus take their revenge for illtreatment long submitted to with resignation. What follows is the latter part of a dialogue between an officer and a soldier, which I overheard during my visit to the prison at Plymouth:

Officer. Hold your tongue.

Soldier. It pleases me to answer you.

Officer. You are a miserable good-for-nothing.

Soldier. And you a thief. We know full well how you used to pinch the rations allowed to the poor soldiers in the fortress.

Officer. This complaint is out of season now. You and your fellows might at the proper time and in the proper place have submitted your griefs to the Emperor.

Soldier. That's a good joke! The Emperor was too far off, as God is too high up.

Officer. You have grown very bold to reason in this manner with your superior.

Soldier. There is no difference of rank here. My superior here is not you but the English government.

The soldier had the last word, and his comrades laughed at the officer, who remained silent; and, in order not to encroach too much on your valuable space, I will follow his example.

However, should I have succeeded in awakening an interest in your readers in my visit to the prisoners at Plymouth I may on a future occasion follow up this account with further details.

A Cosmopolitan traveller.

Oct. 27.

Переводъ.

Бесѣда съ русскими плѣнными въ Плимутѣ.

Издателью «The Daily News».

Милостивый государь, часто уже повторялось, что война западныхъ державъ въ защиту Турціи не есть война противъ націи, а только противъ неуравновѣшеннаго и взбалмошнаго честолюбія одной личности. Мое знаніе Россіи и долгое изученіе характера - - - - - , сдѣланное въ Петербургѣ, даютъ мнѣ полное основаніе для этого утвержденія. Тѣмъ не менѣе, желая провѣрить свое убѣжденіе, несмотря на всю обоснованность въ прежнемъ, новыми фактами, которые могли бы упрочить его еще сильнѣе, или, наоборотъ, подорвать, я подумалъ, что очень благоприятный случай для этого дастъ мнѣ посѣщеніе русскихъ плѣнныхъ изъ Бомарзунда.

Такъ какъ я по-русски изъясняюсь легко, то могъ въ точности удостовѣриться въ дѣйствительныхъ чувствахъ солдатъ, со-

державшихся въ Плимутѣ. Если эти чувства представляютъ, какъ я въ томъ убѣжденъ, общее настроеніе, проникшее въ армію, которая сражается противъ дѣла правды и справедливости, то содержаніе нижеслѣдующихъ строкъ представитъ, быть можетъ, интересъ для публики.

Я не стану останавливаться на описаніи помѣщенія, предназначеннаго для плѣнныхъ, а ограничусь тѣмъ, что, по собственнымъ ихъ словамъ, они въ своихъ казармахъ никогда не имѣли такой хорошей обстановки, какъ въ томъ зданіи, которое именуется Плимутскою тюрьмою. Уже одно сравненіе того затхлаго хлѣба и гніющихъ овощей, которые составляли основу ихъ гарнизонной пищи, съ питательною и здоровою пищею, которую ихъ снабжаютъ теперь, представляетъ собой обстоятельство, располагающее ихъ поздравить себя самихъ съ переменною въ своемъ положеніи; но еще болѣе миритъ ихъ съ судьбою то, что они избавились отъ жестокаго обращенія, которому были подвержены при ужасномъ военномъ режимѣ - - - - - .

Можно ли этому повѣрить? Теперь единственное опасеніе этихъ несчастныхъ заключается въ томъ, что ихъ заставятъ вернуться къ условіямъ прежней жизни! Свой англійскій плѣнъ они считаютъ освобожденіемъ, а на ту свободу, которую получаютъ, когда ихъ возвратятъ - - -, они теперь смотрятъ какъ на плѣнъ, который имъ кажется тѣмъ болѣе устрашающимъ и ужаснымъ, что они были освобождены отъ него, хотя и на короткое время.

Эти чувства теперешняго благополучія и тревоги за будущее высказали мнѣ болѣе двадцати солдатъ, всѣ чисто русской крови, при моихъ разспросахъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ.

— Я пробылъ на службѣ 33 года—сказалъ одинъ ветеранъ, грудь котораго украшена медалью, — было бы очень тяжело снова на нее попасть при тѣхъ же условіяхъ.

— А я,—прибавилъ малый лѣтъ двадцати,—прослужилъ - - - 3 года, и думаю, что этого совершенно достаточнo.

— Вернуться къ тому, чѣмъ мы раньше были, никому изъ насъ не понравится!—замѣтилъ одинъ изъ плѣнныхъ,—и это замѣчаніе единодушно одобрила вся группа въ полтора ста человекъ, которая насъ окружала.

— Надѣюсь, друзья,—сказалъ я имъ,—что никого изъ васъ не заставятъ вернуться въ прежнюю неволю, если вы того не захотите. Теперь идетъ рѣчь, чтобы, если вы пожелаете, отправить васъ въ Австралію: тамъ вы будете такъ свободны, какъ никогда не были!

Я долженъ признаться, что этотъ проектъ пришелся совсѣмъ

не по вкусу моимъ слушателямъ, и многіе изъ нихъ даже не поняли, въ чемъ дѣло.

— Что же мы будемъ тамъ дѣлать? — спросилъ меня одинъ изъ наиболѣе развитыхъ. — Что мы будемъ дѣлать въ чужой и далекой странѣ, когда тамошней работы не знаемъ? Пусть лучше французы или англичане возьмутъ насъ въ свое войско.

— Развѣ это возможно? — возразилъ я. — Неужто вы стали бы воевать - - - - - ?

— Онъ не былъ бы больше - - - - - , и - - - ссоры не касались бы насъ.

Эти слова, которыя я привелъ буквально, доказываютъ мнѣ то, что я всегда думалъ, — что нельзя найти патриотическихъ чувствъ въ сердцахъ рабовъ. «Святая Русь», — эта метафора, которую петербургскій кабинетъ страшаетъ Европу, — пустымъ звукомъ отдается въ ухахъ завербованнаго крѣпостного и не проникаетъ въ глубину его души. Россія для него не болѣе «свята», чѣмъ «свободна» Америка для невольника-негра, работающаго на плантаціяхъ. Одинъ сражается по той же причинѣ, по которой другой работаетъ изъ-за страха жестокаго наказанія. И, въ добавленіе къ этой мысли, нельзя ли еще вывести практическое заключеніе изъ открыто выражаемой добровольной готовности плѣнныхъ отказаться отъ того, что зовется ихъ національностью, но на самомъ дѣлѣ сводится къ самой тяжелой неволѣ? Не представляется ли возможнымъ воспользоваться этими солдатами въ настоящую войну? Собственный ихъ интересъ былъ бы самымъ лучшимъ залогомъ ихъ вѣрности, и они постарались бы сражаться, какъ только могли бы, изъ-за страха снова попасть въ руки ихъ прежнихъ господъ. Хорошо извѣстна непоколебимая вѣрность султану казаковъ, завербованныхъ въ турецкую армію. Въ 1827 году персы противопоставили Николаю тысячу русскихъ дезертировъ, которые сражались съ крайнею яростью противъ своихъ соплеменниковъ. Шамиль, герой Кавказа, насчитываетъ среди лучшихъ своихъ воиновъ тѣхъ, которые перебѣжали изъ непріятельской арміи въ его горные отряды. Закаленные желѣзною дисциплиною, русскіе солдаты Бомарзунда, — раньше тѣхъ, которыхъ взятіе Севастополя отдастъ во власть союзныхъ войскъ, — могли бы, и при томъ не особенно безвыгодно, замѣстить французовъ и англичанъ, которые остались бы на полѣ битвы и такимъ образомъ они не составили бы бремени, какимъ являются теперь, для страны. Такой способъ вербовки былъ бы настолько же простъ, насколько и удобенъ, и свелъ бы войну у Балтики и Чернаго моря къ тому, чѣмъ она должна бы на самомъ дѣлѣ быть — къ борьбѣ чело-вѣ-

чества (безъ различія націй) съ заносчивымъ нарушителемъ европейскаго мира. И во всякомъ случаѣ, если западныя державы не сочли бы себя въ правѣ принять предлагаемую мѣру въ полномъ объемѣ, то нѣтъ причины не примѣнять ея въ частныхъ случаяхъ.

По меньшей мѣрѣ, одна треть плѣнныхъ — не русская: поляки, финляндцы, евреи,—и они противники московскаго — — — — — съ самаго своего рожденія. Почему же имъ, по крайней мѣрѣ, не перейти въ ряды цивилизованной Европы, разъ они сами сильно того желаютъ? Развѣ не жестоко держать надъ головами этихъ несчастныхъ людей угрозу, что освобожденіе ихъ отъ рабства было лишь случайное, и они могутъ снова попасть въ прежнюю неволю послѣ того, какъ подышали самымъ свѣжимъ воздухомъ на земномъ шарѣ?

Подъ грубой одеждой русскаго солдата, среди плѣнныхъ въ Плимутѣ, находится одинъ полякъ, у котораго отняли имущество и дворянское званіе, а самого разжаловали въ солдаты за участіе въ варшавской революціи 1830. Въ теченіе 24 лѣтъ онъ искупалъ, подъ палкою — — — — —, вину преданности своей родинѣ. Фамилія его Тарасевичъ. Кто могъ бы предвидѣть, когда онъ прежде обращалъ взоры къ счастливой Англіи, какъ къ убѣжищу всѣхъ притѣсненныхъ, что наступитъ день, когда онъ попадетъ въ эту самую Англію, но на него будутъ смотрѣть, какъ на — — — — — — — — —, и онъ принужденъ будетъ носить ненавистную ливрею незаслуженнаго разжалованія.

Если кто-нибудь еще сомнѣвается въ томъ, что русское правительство живетъ фальшью и самымъ постыднымъ образомъ обращаетъ народное невѣжество въ свою пользу, тотъ пусть выслушаетъ нелѣпые рассказы съ театра войны, которые повторяются русскими плѣнными въ Плимутѣ.

— Что, Силистрія взята? — спросилъ меня одинъ изъ заключенныхъ изъ Бомарзунда.

— Какъ взята? Осада этого города снята, и русская армія перешла обратно черезъ Прутъ.

— А намъ, наоборотъ, говорили, что она побѣдоносно идетъ на Константинополь.

— Насколько это далеко отъ правды, видно изъ того, что Омеръ-Паша могъ бы атаковать Одессу, но ему этого не разрѣшили. А кто же вамъ передаетъ такія фальшивыя извѣстія?

— Наши начальники въ Бомарзундѣ.

Въ это время къ намъ подошли два плѣнныхъ офицера, которые, безъ сомнѣнія, сами были жертвами этого систематическаго обмана. Я и съ ними имѣлъ небольшую бесѣду. Они выразили со-

мнѣніе въ правильности официальной реляціи о сраженіи при Альмѣ, и одинъ изъ нихъ прибавиль:

— Но, еслибъ даже все это было вѣрно, и Севастополь долженъ пасть, все же изъ-за этого война не кончится.

— Почему же не кончится?

— Потому что императоръ Николай не смотритъ на то, сколько падаетъ людей, и будетъ всегда имѣть достаточно войска для войны.

У этого офицера оставались - - - чувства патріотизма, котораго солдаты, — да будетъ это сказано - - - - - , — были лишены, и онъ гордился службой - - - - -
- - - - -
- - - - -

— Чтò вы думаете о французяхъ и англичанахъ? — спросиль я собесѣдника.

— Французовъ я знаю только по пушкамъ ихъ кораблей, которыя пускаютъ свои бомбы съ удивительною мѣткостью. Что же касается остальныхъ, то это — настоящіе черти. Ничто не можетъ сопротивляться имъ.

— Слѣдовательно, вы допускаете, что они могутъ побить даже русскихъ?

— Допускаю... Но въ Россіи народу много, и царь не захочетъ признать себя побѣжденнымъ до тѣхъ поръ, пока у него останется хоть одинъ солдатъ.

— Но онъ долженъ имѣть деньги, чтобы снаряжать свои войска...

Офицеръ улыбнулся и, такъ какъ его познанія въ финансовыхъ дѣлахъ не отличались особенной глубиной, онъ отказался повѣрить въ самую возможность, что у такого могущественнаго государя можетъ оказаться недостатокъ въ деньгахъ.

Этотъ офицеръ пользовался полною свободою подъ честное слово и по своему чину получалъ ежедневно 7 шиллинговъ. Несмотря на всѣ свои предрасудки, онъ воздавалъ должное Англійи и цивилизаціи.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ мнѣ, — я не смотрю на себя, какъ на военноплѣннаго, но какъ на гостя щедрой и гостепріимной націи.

— Признайте же, — отвѣтилъ я ему, — что эта нація и ея славный союзникъ ведутъ войну не противъ русскаго народа, а только противъ его заносчивыхъ правителей.

— Я готовъ это признать, но не могу позволить себѣ осуждать поведеніе моего государя.

Хотя денежная выдача офицерамъ выше той, которую они получали въ Бомарзундѣ, ихъ положеніе въ другихъ отношеніяхъ улучшилось не въ такой степени какъ положеніе простыхъ солдатъ. Они потеряли всякую власть надъ своими подчиненными. Послѣдніе обращаются съ ними безъ малѣйшаго уваженія, и, такимъ образомъ, мстятъ за дурное обращеніе, которому они прежде должны были безропотно покоряться. Нижеслѣдующее представляетъ собою послѣднюю часть услышаннаго мною діалога между офицеромъ и однимъ изъ солдатъ во время моего посѣщенія тюрьмы въ Плимутѣ.

Офицеръ. Придержи свой языкъ!

Солдатъ. А я желаю вамъ отвѣчать.

Офицеръ. Ты—презрѣнный негодяй.

Солдатъ. А вы—воръ. Мы отлично знаемъ, какъ вы въ крѣпости уменьшали намъ пайки, а денежки—себѣ въ карманъ.

Офицеръ. Эта жалоба теперь не своевременна. Вы всѣ могли пожаловаться въ свое время и представили бы ваши жалобы царю.

Солдатъ. Вотъ такъ шутка! До Бога высоко, до царя далеко!

Офицеръ. Ты сталъ что-то очень смѣлъ!.. Какъ ты смѣешь такъ разсуждать со своимъ начальствомъ?

Солдатъ. Здѣсь нѣтъ для насъ разныхъ чиновъ. Теперь мое начальство англійское, а не вы!

Послѣднее слово такъ и осталось за солдатомъ, и его товарищи смѣялись надъ офицеромъ, который замолчалъ. Чтобы не злоупотреблять цѣннымъ мѣстомъ въ вашей газетѣ, и я послѣдую его примѣру.

Если мнѣ удалось, въ какой бы то ни было степени, возбудить интересъ вашихъ читателей своимъ посѣщеніемъ русскихъ плѣнныхъ, то я готовъ и при другомъ случаѣ продолжить свой отчетъ съ дальнѣйшими подробностями.

Путешественникъ-космополитъ.

27 окт.

756.

Предисловіе къ «Письмамъ изъ Франціи и Италіи», 9 ноября 1854 г. (см. № 462).

757. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 ноября (1854).

Я оттого не писалъ давно, что не нахожу просто ничего, о чемъ сообщить изъ сельца Твикенгейма. Погода еще бредетъ. Саша стрѣляетъ дичь, я ее порю. Дѣти здоровы. Мейз, мечтаетъ, по молодости

лѣтъ. Энгельс. пляшетъ, воображая, что всѣхъ русскихъ избили въ Крыму. Для меня война гадка, канибальство; читаете-ли журналы?

«Мертвыя души» вышли по-англійски подъ заглавіемъ: «Home life in Russia» и продаются по гинеѣ.

А Рейхеля къ Франку пошлите,—расчетъ, молъ,—а, сверхъ того, ему поклонъ. Я написалъ маленькій волюмчикъ «Петербургъ и Новгородъ», благо мимояры ¹⁾ нравятся, и тамъ живописалъ Бенкендорфа, Дубельта, Орлова, Жеребцову и Елпидифора Антиоховича Зурова. Только еще печатать ли, не знаю.

Что Саша?

Исаакъ такъ цвѣтетъ.

Короче нельзя письма писать.

Нельзя ли по почтѣ послать Убри экземпляръ «Русскаго Бога»?

Мнѣ посвятилъ Tailandier-музыкантъ ²⁾ пьеску, очень недурную—«Плачь о погибшихъ матросахъ» Гюго; я при ней горько вспоминалъ Герскіе острова.

Пришлю вамъ.

758. Письмо къ М. К. Рейхель.

21 ноября (1854).

Twickenham, Bridgfield Villas.

Матушка, Марья Каспаровна, письмо ваше ходило три дня, потому что вы угораздили написать *ты къ намъ* ³⁾ подъ самой печатью почтовой; къ тому же, чтобъ окончательно сбить почту, вы прибавили Ричмондъ (въ Калугу, что въ Твери); пишите, если хочется много писать: Twickenham (Surrey), и внизу, а не сверху.

Далѣе, вы о войнѣ, кажется, не имѣете понятія вѣрнаго, если думаете, что альянъ въ авансѣ ⁴⁾. И о моемъ понятіи о войнѣ судите невѣрно—это на васъ повѣяло московскимъ духомъ.

Стало, Щепкинъ все еще живъ,—а вы его разъ пять приговаривали къ неминуемой.

Бокэ просилъ у Энгельс. матеріаловъ, и Э. далъ большую статью и очень хорошую; чего же онъ хочеть? развѣ не пропала ли статья.

¹⁾ Мемуары.

²⁾ Альфредъ, братъ франц. литератора, много сдѣлавшаго для ознакомленія съ иностранными литературами.

³⁾ Twickenham—Твикнэмъ.

⁴⁾ Alliés—союзники (французы, итальянцы, турки и англичане); все значитъ: союзники не въ авантажъ.

Бокэ-старшій не хотѣлъ у меня спрашивать матеріаловъ только изъ деликатности.

Вы спрашиваете о дѣтяхъ подробности. Польза, во-первыхъ, физическая отъ нашей жизни внѣ Лондона удивительна; но и моральная велика отъ отсутствія буржуазнаго начала, вводимаго Фомой. Мейзб. въ одномъ плоха—во внѣшней исправкѣ; по сѣронѣмецкому уму, она считаетъ это за вздоръ и дисциплины держать не умѣетъ. Но въ нравственномъ отношеніи ея житье сдѣлало много. Я Тату не узнаю, такъ она перемѣнилась къ лучшему и со мной стала гораздо ближе; можетъ, и болѣзни способствовали къ развитію; она теперь здорова.

Оленька развивается совсѣмъ иначе; это въ родѣ меня, натура наизнанку, все, что въ печи, на столъ мечи; бездна самолюбія. На дняхъ Луи Бланъ (вы знаете, что она влюблена въ него, потому что считаетъ его за мальчика) былъ у насъ дома и, говоря со мной, забылъ ее. Она такъ обидѣлась, что весь вечеръ потомъ не хотѣла съ нимъ говорить. Саша отъ лѣтъ, если не отъ чего другого, атлетъ, все стрѣляетъ и намъ на обѣдъ приноситъ скворцовъ. Дѣло дѣтское идетъ хорошо, ну, а въ манерахъ еще ломки будетъ много.

Вчера былъ у насъ и гостилъ Саффи. Это—лучшій изъ западныхъ знакомыхъ. Говорили мы много о томъ и о семъ.

Вышли въ русскомъ мои «Письма» объ Итали и Франціи; тамъ есть три, которыхъ вы не знаете; думаю, что будутъ по вкусу.

Въ Америкѣ меня нѣмцы въ своихъ журналахъ обругали, какъ нельзя лучше, а Мичель защищаетъ. Вотъ вамъ и все.

Прощайте.

Очень и, ей Богу, очень радъ, что вы довольны здоровьемъ *Сашки* и о Федѣ ¹⁾ былъ радъ услышать.

Сейчасъ послалъ въ Джерсей статейку забористую,—давно не ругали.

759. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 декабря (1854).

Twickenham, Bridgefield Villas.

Во-вторыхъ, вы, кажется, отроду и не писали насчетъ Григоровича ²⁾, какую вамъ нотису ³⁾? Насчетъ «Рыбаковъ» или «Антон-Горемыки»? Was wollen sie, Frau Reichel? ⁴⁾

¹⁾ Федоръ Евгеніевичъ Коршъ.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ.

³⁾ Свѣдѣніе.

⁴⁾ Что вы желаете, госпожа Рейхель?

Мысль ваша на счетъ Арбата очень хороша, я ей сочувствую вполне ¹⁾. Да скоро ли вы уморите Семеныча? ему везетъ отъ глупости другихъ. Какъ это тамъ не найдется добрый человекъ, который далъ бы тукманка.

Насчетъ дѣтей паки повторяю: разница огромная съ іюля мѣсяца, — открытый тонъ и благородство поведения. Энгельсоны и Доманже не надивятся. Но во всемъ внѣшнемъ М.—пасъ, и невнимательна и одарена той нѣмецкой неловкостью, которая далѣе той, съ которой бы гипопотамъ плясалъ бы качучу. Но durch und durch ²⁾ благородное существо; впрочемъ, вы, вѣдь, снисходительнѣе къ германизму. А удаленіе Фоммъ — просто благословеніе божіе: Тату нельзя узнать.

Письмо это я везу въ Лондонъ, чтобъ оттуда послать вамъ 150 фр., — отсюда просто нельзя, и цивилизація еще не дошла до того, чтобъ изъ Англіи черезъ рѣку легко было посылать деньги, — всякій разъ иди къ Ротшильду.

Когда будете писать къ ³⁾, не забудьте 1-е, о портретахъ, 2) нельзя ли хоть въ виду имѣть мои письма, оставленныя у Тат. Ал.? А Егора Ив. попросите послать до будущихъ счетовъ руб. 200 сер. Аксинѣ Ивановнѣ и, если нужно, руб. 100 Петрушѣ.

Неужели это вы будете съ Рейхелемъ жить на Трубѣ ⁴⁾ (auf der Posaune ⁵⁾, какъ я говорилъ)? Всѣ нѣмцы живутъ на Трубѣ, особенно тонкюнстлеры ⁶⁾. И я буду ходить къ вамъ отъ Гран. ⁷⁾ по дорогѣ... Фантазіи, матушка, фантазіи...

«Письма» ⁸⁾ мои вышли и продаются, но не знаю, какъ вамъ послать.

Прощайте.

Дѣти хлопчутъ, готовятъ всякія чудеса къ завтрашнему дню ⁹⁾. Оно и не подѣлаетъ мнѣ, ну да, благо, ихъ тѣшить. А я написалъ «Петербургъ и Новгородъ». Тамъ и Ольга Алекс. ¹⁰⁾, и Зуровъ, и всякій такой Бенкендорфъ.

¹⁾ М. К. Рейхель собиралась въ то время проѣхать въ Москву, что скоро, однако, было отвергнуто ею самою.

²⁾ Насквозь.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Мѣстность въ Москвѣ.

⁵⁾ На тромбонѣ.

⁶⁾ Tonkünstler—музыкантъ.

⁷⁾ Грановскій.

⁸⁾ №№ 462 и 492.

⁹⁾ 23 ноября (5 декабря)—именины Герцена и его сына.

¹⁰⁾ Жеребцова.

Когда же прочту Вамъ?
 А что Прудонецъ?
 А Франкъ не писалъ.

5 ноября (читай «дека» вмѣсто «Ноя») ¹⁾.

Вчера опоздалъ отправить письмо; 6 фунтовъ отправляются на имя Рейхеля у Ротшильда,—пусть онъ ихъ тамъ возьметъ; Шомбургъ научить, гдѣ.

A propos, cher Reichel, donnez vous la peine de remettre ce billet à Schaumbourg — pour le dispenser de la peine de m'écire, il peut vous dire la réponse.

Vous m'obligerez infiniment. Est ce que votre fils Alexandre—fête aussi aujourd'hui son jour de nom ²⁾.

760. Приписка къ М. К. Рейхель.¹

15 Decembre (1854).

Письмо вчера опоздалъ послать и ваше зато получилъ — ну, и хорошо, что все хорошо, а Ег. Ив. пишите и насчетъ того, что я просилъ, и о портретахъ всякій разъ. Повѣрьте, что это — московская небрежность.

Валяюсь у ногъ вашихъ.

◆◆ 1. Приписано къ письму сына отъ 15 декабря. Оно интересно:

«Любезная Маша, праздникъ начался съ того, что мы папу посадили въ тюрьму. Наканунъ праздника онъ поѣхалъ въ Лондонъ; мы перенесли его столъ въ его спальню и исключили его изъ цѣлаго нижняго этажа. Въ гостиной мы устроили сцену.

«Domengé, мой учитель, написалъ премилый прологъ нашимъ картинамъ. Онъ представилъ намъ проектъ въ видѣ восточныхъ сказокъ. Ты, вѣрно, знаешь, что Энгельсонъ и Domengé смѣются надъ папинымъ «abus de la parenthèse» ³⁾. Въ прологѣ сказано: «Il en est des parenthèses comme des huîtres, — ceux qui les aiment

¹⁾ Шутка: дека—музыкально-инструментальный терминъ; Рейхель былъ музыкантъ.

²⁾ Кстати, дорогой Рейхель, примите на себя трудъ передать Шомбургу эту записку; чтобы избавить его отъ труда мнѣ писать, онъ можетъ отвѣтить вамъ на словахъ.

Вы крайне меня обяжете. А вашъ сынъ Александръ, празднуетъ ли и онъ сегодня свои именины?

³⁾ Злоупотребленіе скобками.

en ouvrent beaucoup, qu'il soit donc permis à l'éditeur d'en ouvrir une et que *celui qui n'en a jamais ouvert*, lui jette la première pierre ¹⁾).

Какъ Огаревъ былъ бы радъ и тронуть, еслибъ онъ зналъ, что первая картина наша представляла. Не можешь ли ты ему написать? Мы представили, какъ онъ и папа общались другъ другу на Воробьевыхъ горахъ отмстить жертвы 14 декабря. Энгельсонъ читаетъ программу и... Но прежде дай описать, что дѣлалось за занавѣсю. Наташа должна была представлять Огарева, я — папу. Мы суетились, одѣвались, пробовали позу. Энгельсонъ кончалъ... Наташа хохочетъ, Ольга смѣется, Domengé улыбается, Мейзенбургъ умоляетъ перестать... Но вотъ Энгельсонъ дочиталъ. Музыка играетъ, занавѣсъ раздвигаютъ. Я себѣ языкъ кусалъ, кусалъ, и только что занавѣсъ опустили, я со смѣху выстрѣлилъ ртомъ, какъ изъ хлопушки. «Bis, bis»... Насъ опять показали на минуту, и мы встали. Энгельсонъ прочелъ программу второй картины. Она представляла, какъ Иванъ Алексѣевичъ надѣвалъ образъ на шею папѣ, когда Миллеръ ждалъ его у дверей. Тутъ я самъ чувствовалъ положеніе папы, и когда Domengé надѣвалъ мнѣ образъ, я наклонился, и какъ будто бы я въ самомъ дѣлѣ прощался съ моимъ отцомъ, и, по моему мнѣнію, эту роль я довольно хорошо выдержалъ. Франсуа стоялъ у двери въ полицейскомъ мундирѣ.

«Третью картину я самъ видѣлъ. Это была сцена изъ іюньскихъ дней. Domengé, убитый работникъ, лежалъ головою на колѣняхъ Мейзенбургъ, и около него было красное знамя, которое Франсуа, какъ солдатъ, хотѣлъ отнять, и Мейзенбургъ старалась его защищать. Выраженіе ея было чудно; она совершенно выразила лицо несчастной женщины въ этакое положеніи.

«Четвертая картина показывала, какъ полякъ даетъ русскимъ плѣннымъ въ Англіи папины книги. Domengé сидѣлъ завернутый въ толстой шинели и, показывалъ Наташѣ, русской женщинѣ въ сарафанѣ и повойникѣ, что-то въ книгѣ. Я былъ одѣтъ казакомъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на печатный листъ, который Чернецкій мнѣ давалъ.

«Въ послѣдней картинѣ я былъ опять казакомъ, давалъ руку Domengé, итальянцу и нѣмцу. Молодая дама стояла за нами выше и покрывала насъ вѣнцомъ свободы.

«Мы шумѣли и пѣли цѣлый вечеръ; въ 2^{1/2}, папа съ другимъ господиномъ заснули, а Мейзенбургъ, двѣ дамы, Domengé, итальян-

¹⁾ Со скобками дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ устрицами: тѣ, которые ихъ (устрицы) любятъ, часто ихъ раскрываютъ; пусть же издателю сего будетъ дозволено раскрыть одну (скобку) и пусть тотъ, *кто никогда не раскрывалъ еще ни одной*, первый броситъ въ него камень.

нецъ и я пошли гулять. Мѣсяцъ чудно свѣтилъ, и мы начали смѣшное разсужденіе: какого пола должны быть солнце и мѣсяцъ.

«Около пяти всѣ спали.

«Наташа мнѣ подарила медаліонъ, чтобъ носить мамашины волосы; папа мнѣ сдѣлалъ къ вечеру другой подарокъ,—подарокъ уже юношѣ, а не дитяти и полный чести для меня, это—портреты пяти жертвъ 14-го декабря».

761. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 декабря (1854).

Twickenham, Bridgefield Villas

Счетъ.

У меня болѣли зубы,
idem голова,
idem горло,
У Таты—тошнота,
кашель,
У Оленьки idem
У Энгельсона idem
У М-me Энгел. idem, bis
У М. Meis. idem и зубы

Итого 5 idem и 2 зубы.

Вотъ вамъ и отчетъ за недѣлю вьюги, дождя и всякой слышанной и неслышанной воздушной мокроты и пакости. Вы замѣтите, вникая въ этотъ счетъ, отсутствіе Саши, но и у него болѣла день голова. А я семь дней выль: не могъ пить,—понимаете? boire, trinken! Теперь все прошло, а вчера или на-дняхъ явился агентъ да и говорить: «вашъ хозяинъ весь въ долгахъ, а вы, молъ, съѣзжайте, а то, молъ, всѣ штанишки продадутъ за его долгъ». «Помилосердствуйте, ваше агентство, какъ же? дѣти малъ-мала меньше, все зубы, вѣтеръ?»—«Это, говоритъ, какъ вамъ угодно, а 27 декаб. все продадутъ — и Франсуа и все». Давай опять искать квартиру. Помните вы Поповъ домъ, да не приходскаго попа, а поэта-Попа 1) по дорогѣ въ Hampton Court? такъ тутъ возлѣ мы

1) Попъ—англ. поэтъ XVIII ст., авторъ «Очерка о поэзіи» и переводчикъ Гомера.

и наняли домъ большой съ садомъ, видомъ и со всякой сладостью,— Саша можетъ стрѣлять и на лодкѣ кататься. Эта квартира разомъ дала мнѣ иное общественное положеніе, очень высокое; я по тому сужу, что поваръ герцога Кембриджскаго приходилъ въ гости къ Франсуа (желая поговорить по-французски!). Стало, я имѣю право сказать, что я въ короткихъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, имѣющимъ честь знать повара его свѣтлости дюка. Опять вотъ вамъ планъ и называютъ его, т. е. домъ, Richmond house. Переѣзжаемъ въ среду ¹⁾).

PS. Пошлите по почтѣ Франку приложенную записку.

¹⁾ Дальше нарисованъ планъ.

1855

Сыну моему Александру, 1 января 1855 г. (см. № 491).

762bis. Приписка къ М. К. Рейхель. ¹

4 Janvier (1855).

Herr Gnädige Frau Junker	}	Reicher! Ich wünsche Ihnen ein gutes Jahr— und über dieses Thema nichts mehr ¹).
--------------------------------	---	---

Не хочу у дѣтей отнимать удовольствіе живописатьъ вамъ наше торжественное вступленіе въ 55 годъ. Да, оно было недурно и довольно поэтично, но на сердцѣ все не безъ кошекъ.

Страшная исторія Бартелеми ²⁾, прошедшая такъ возлѣ, вѣроятность, что онъ будетъ на дняхъ повѣшенъ, наводитъ уныніе.

Новый домъ нашъ тавовно какъ онойнѣ ³⁾ всѣхъ прежнихъ, садъ огромный и аусзихтъ ⁴⁾, все какъ подобаеть, адресъ: Twickenham, Middle-Essex Richmond house.

Полагаю, что вамъ очень пріятно, что мы въ графствѣ Middle Essex. Благovolите франкировать письмо, ибо съ 1 января новый законъ: за франкир. платится 4 пенса, за нефр.—1 шиллингъ.

Цѣлую васъ всѣхъ.

◆◆ 1. Приписано къ письму А. А. Герцена отъ 4 января: «Любезная Маша. Этотъ разъ я получилъ подарокъ еще го-

1) Милостивый Государь Милостивая Государыня Кавалеръ	}	Рейхеръ! Желаю вамъ добраго года— и на эту тему больше ничего.
---	---	---

Шутка: вмѣсто Reichel—Reicher, что означаетъ—богатый, богачъ.

²⁾ См. гл. «Бартелеми» въ «Быломъ и думамъ».

³⁾ Подражаніе чьему-нибудь произношенію—довольно какъ онорнѣ (почтеннѣ).

⁴⁾ Aussicht—видъ.

раздо выше тѣхъ, о которыхъ я тебѣ писалъ и всѣхъ моихъ надеждъ, но, впрочемъ, суди сама.

Вотъ посвященіе мнѣ папиной книги «*Съ тою берега*» (идеть посвященіе). Рѣдко такъ весело встрѣчали мы новый годъ. Елка наша была довольно красива. Этотъ разъ я уже не былъ межъ дѣтьми, а самъ зажигалъ свѣчи и приготавливалъ все на елкѣ. Друзья наши остались немножко слишкомъ долго отъ болѣзни одной изъ дамъ, и подъ конецъ не шло такъ весело; на третій вечеръ не такъ хохотали. Поздравляю тебя и твоихъ съ новымъ годомъ и надѣюсь, что онъ будетъ счастливъ для тебя и поплодоснѣ въ войнѣ и революціи, чѣмъ 1854-ый».

763. Imprimerie russe à Londres.

«L'organisation d'une imprimerie russe hors de la Russie est l'acte le plus révolutionnaire qu'un Russe puisse faire—pour le moment. Telle est ma conviction la plus profonde». A. *Herzen*.

(Lettre à la Centralisation Polonaise à Londres, 20 Mai 1853).

Nous avons annoncé au Mois de Février 1853 notre intention d'ouvrir une imprimerie russe à Londres, pour donner une libre tribune à la pensée russe, pour dévoiler les actes monstrueux du gouvernement de St. Pétersbourg.

Nous avons en même temps invité tous les Russes—aimant leur pays, mais aimant aussi la liberté, — à nous envoyer des manuscrits. Nous étions même prêts à les imprimer à nos frais, au cas où leur publication pourrait être utile à la propagande.

Ce projet s'est réalisé. Depuis le 1-er Juin 1853 notre presse n'a point chômé, malgré les graves difficultés que la guerre a dû faire naître, en entravant beaucoup plus les voies de communication. Nous avons écrit, nous avons fait imprimer; nos amis de la Centralisation démocratique Polonaise ont répandu les publications sur les bords de la mer Noire, et de la mer Baltique—nos soldats (ce sont les prisonniers Russes qui le racontent) ont trouvé nos feuilles volantes, en quittant les îles Aland. Le mur chinois - - - - - autour de la Pologne ne les a pas empêchées non plus d'y pénétrer.

Nous réitérons aujourd'hui la prière de nous envoyer des manuscrits ¹⁾ et nous demandons la permission de mettre sous les yeux

¹⁾ Qui doivent être nécessairement affranchis.—A. H.

du lecteur le compte rendu de ce qu'a fait l'imprimerie en une année et demie.

Voilà le titre de nos publications en langue russe:

Iscander Юрьевъ день, Юрьевъ день! (La journée de S. Youry, adressé à la noblesse russe).

Поляки прощаютъ насъ (Les Polonais nous pardonnent).

Русскимъ воинамъ въ Польшѣ (Aux soldats russes en Pologne).

Крещеная собственность (La Propriété baptisée), 8-vo, 30 p.

Прерванные разказы (Récits interrompus), 12-mo, 197 p.

Тюрьма и ссылка (Prison et exil), 12-mo, 196 p.

Письма изъ Франціи и Италиі (Lettres de la France et de l'Italie) 12-mo, 336 p.

Съ тою берега (De l'autre rive). Paraîtra le mois prochain.

A. *Два видѣнія св. Кондратія* (Deux visions de S. Condrace).

Два письма Е. Пуячева (Deux lettres de Pougatcheff).

N. Sazonoff. *Голосъ съ чужбины* (Aux prisonniers russes en France).

* * *Русскій Богъ* (Le dieu des russes, poésie).

On peut s'adresser directement à l'imprimerie russe, 82, Judd street, Brunswick Square, Londres, à M. L. Czerniecki; également.

à Londres, à M. Trübner & Co, 12 Paternoster Row;

à M. Thimm, 3, Brooke street, Grosvenor Square;

à Paris, à M. A. Franck, 96, rue Richelieu, Librairie étrangère.

Переводъ.

Русская типографія въ Лондонѣ.

«Основаніе русской типографіи внѣ Россіи является въ настоящій моментъ наиболѣе революціоннымъ дѣломъ, какое только русскій можетъ предпринять. Таково мое глубочайшее убѣжденіе.

А. Герценъ.

(Письмо къ «Польской Централизациі въ Лондонѣ», 20 мая 1853).

Въ февралѣ 1853 мы объявили о своемъ намѣреніи устроить въ Лондонѣ русскую типографію, чтобы дать русской мысли сво-

бодную кафедру, чтобы разоблачить чудовищныя дѣянія петербургскаго правительства.

Въ то же время мы пригласили всѣхъ русскихъ, любящихъ свою родину, но также любящихъ и свободу, присылать намъ рукописи. Мы даже изъявили готовность печатать ихъ на свой счетъ, въ случаѣ, если напечатаніе можетъ оказаться полезнымъ для дѣла пропаганды.

Этотъ проектъ осуществился. Съ 1 іюня 1853 наши станки не останавливались, несмотря на великія затрудненія, которыя принесла война, еще болѣе затормозивъ пути сообщенія. Мы писали, мы печатали; наши друзья изъ «Польской Демократической Централизаціи» распространяли наши печатныя произведенія на берегахъ Чернаго и Балтійскаго морей; наши солдаты (какъ намъ рассказали русскіе плѣнные) нашли летучіе листки на Аландскихъ островахъ, уѣзжая оттуда. Китайская стѣна, которою - - - - - - - - - Польшу, не помѣшала нашимъ листкамъ проникнуть и туда.

Мы повторяемъ теперь просьбу присылать намъ рукописи ¹⁾ и просимъ позволенія представить читателю отчетъ о дѣятельности типографіи за полтора года.

Вотъ списокъ нашихъ изданій на русскомъ языкѣ (см. франц. текстъ).

Можно непосредственно адресовать въ русскую типографію (см. франц. текстъ).¹

◆◆ 1. Объявленіе это было встрѣчено сочувственно.

«Герценъ раздѣляетъ всѣ заблужденія нѣмецкихъ социалдемократовъ, но имѣетъ передъ ними два преимущества: онъ пользуется значительнымъ вліяніемъ и имѣетъ высокое представленіе о значеніи и призваніи его народа. Онъ гордъ, что онъ самъ русскій» («Allgemeine Zeitung» 1855, № 73).

«Мы знаемъ нѣмецкія и французскія сочиненія Герцена и любимъ ихъ не только за суровый и строгій духъ, которымъ они проникнуты, но главное—за то, что авторъ былъ въ состояніи представить себѣ структуру будущаго, что еще труднѣе, чѣмъ отыскать жизненныя идеи въ прошломъ» («Londoner Deutsches Journal» 1855, № 1).

¹⁾ Которыя непременно должны быть франкированы—А. И. Г.

764. Письмо къ Ж. Мишле.

31 Janvier (1855).

Twickenham (Middle-Essex), Richmond house.

Cher Monsieur, J'ai été enchanté d'avoir de vos nouvelles et je le serais encore plus si je pouvais vous être utile à quelque chose ici. Il n'y a que le «Times» parmi les journaux qui soit une véritable puissance; parmi les feuilles littéraires et scientifiques est en premier lieu «The Atheneum», «Examiner», ensuite les trois grandes revues «Westminster Review», «Quarterly» and «Edinburgh R.». Je vous aurais conseillé d'envoyer une copie an British Museum. La bibliothèque colossale du Museum est le rendez-vous de tout ce qui lit, de tout ce qui écrit à Londres. Pour faire plus de bruit nous mettrons deux-trois fragments (mon ami Linton—votre admirateur et traducteur de la légende de Kosciuzko les traduira dans le «Reynolds News-pap.», dans la feuille de Jones «People-Paper», dans les journaux de Linton «The English Republic» et dans une nouvelle feuille). Nous écrirons à Oxford, à Cambridge. Chargez moi de cela. Il faut savoir qui est le correspondant à Londres de votre éditeur. Dites lui de mettre à ma disposition de 8 à 10 Exemplaires—mais n'oubliez pas de m'avertir.

Oh, que d'événements et que de choses pendant l'année 54. Il se passe ici un mouvement très curieux, l'Angleterre se réveille en sursaut et commence à voir que le moyen-âge est passé et qu'il est impossible de faire un pas de plus dans des habits gothiques, avec une aristocratie crétinisée, ignorante, altière et vivant encore au XVI siècle. Il y va maintenant non d'une crise ministérielle, mais de l'influence de la chambre des Lords et de l'antichambre — du Prince-générateur et C-nie.

Et en dessous le chartisme, tranquille, morne, silencieux—mais obstiné, mais persévérant et *aimant* l'étranger (tolérés comme les filles publiques par le gouvernement, détestés par les classes aisées — les réfugiés sont aimés par les chartistes)... Les chartistes vont faire un meeting le 27 février—*en commun* avec les français. Ils m'ont invité d'être membre du comité... De grâce pensez à ce premier fruit des migrations et de l'exil... Vous m'avez écrit dans une de vos lettres—et j'ai même cité dans un discours ce passage: «Si les Polonais donnent la main aux Russes, quelle haine a le droit de perseverer»... Oui—et si les Anglais font des meetings avec les Français et choisissent un Russe comme membre—j'y vois un énorme pas.

Malheureusement les bruits qui vous sont parvenus sur un autre rapprochement non seulement ne sont pas fondés... mais je dirais: plus que jamais la haine et l'animosité n'ont été plus ardentes. Il y a une telle incompatibilité de principes et de caractères qu'il n'y a pas de remède.

Notre propagande, c'est à dire l'imprimerie russe, va son train; les journaux anglais en parlent bien, les Polonais de la Centralisation—envoient les imprimés, et ils arrivent si bien, que les prisonniers de Bomarsund nous ont dit de les avoir vus au bord des vaisseaux anglais.

Un de vos compatriotes et de mes amis intimes qui connaît l'anglais, comme un Anglais, voudrait savoir si on pouvait trouver un éditeur pour des traductions en français—un éditeur payant un prix raisonnable — il se chargerait de toute traduction scientifique et littéraire. C'est un homme de talent hors de ligne. Vous me ferez un bienfait en me disant un mot sur cela.

Je demeure à une vingtaine de milles de Londres, dans une villa charmante, avec un grand jardin; mes enfants vont bien—et je travaille assez. Mais j'ai *le mal du continent*, je voudrais bien quitter l'île. Jusqu'au 15 avril—écrivez moi à Twickenham d'après l'adresse au-dessus de la lettre. Après c'est plus sûr d'adresser à mon nom «aux soins de M. de Rothschild à Londres, New Court, Lombard str. City»—je le dis—car votre lettre a retardé de quelques jours et je l'ai déjà reçue par notre brave Worcell—qui est très malade et très triste car la chose polonaise ne va pas d'après ses espérances. Je vous envoie un petit échantillon de nos publications.

Je vous serre la main bien fraternellement.

A. Herzen.

Avez vous entendu de la terrible histoire de l'exécution de Bartélémy—il ne faut rien croire à toute l'histoire rapportée par les journaux. Cet homme a été un héros, et il est mort tel!

*Переводъ.*¹

31 января (1855).

Я очень радъ, что получилъ извѣстія отъ васъ, и былъ бы еще болѣе радъ, если бы могъ быть для васъ полезенъ здѣсь. Изъ газетъ только «Times», дѣйствительно, авторитетенъ; между остальными литературными и научными періодическими изданіями на первомъ мѣстѣ стоятъ: «The Atheneum» и «Examiner», а затѣмъ три большихъ журнала: «Westminster Review», «Quarterly R.» и «Edinburgh R.». Я совѣтовалъ бы вамъ послать экземпляръ въ Британ-

скій музей. Колоссальная бібліотека музея служитъ мѣстомъ свиданія для всѣхъ, кто въ Лондонѣ читаетъ и пишетъ.² Чтобы сдѣлать больше шума, мы помѣстимъ два-три отрывка (мой другъ Линтонъ, вашъ восторженный почитатель и переводчикъ «Легенды о Костюшкѣ», ихъ переведетъ въ «Reynolds News-Paper», въ листкѣ Джонса «People Paper», въ газетахъ Лингтона «The English Republic» и еще въ новой газетѣ). Мы напишемъ въ Кембриджъ и Оксфордъ. Поручите мнѣ это дѣло. Нужно знать, кто въ Лондонѣ состоитъ корреспондентомъ вашего издателя. Скажите ему, чтобы онъ предоставилъ въ мое распоряженіе 8—10 экземпляровъ, но не забудьте предупредить меня объ этомъ.

О, сколько событій и дѣлъ въ 1854 году! Здѣсь происходитъ очень любопытное движеніе. Англія внезапно пробуждается и начинаетъ понимать, что средніе вѣка уже минули, и что нельзя дальше шагу ступить въ прежнемъ готическомъ одѣяніи съ аристократіею кретинизированною, невѣжественною, надменною и считающею себя въ XVI вѣкѣ. Сейчасъ дѣло идетъ не о министерскомъ кризисѣ, а о вліяніи палаты лордовъ и «Предъ-палаты»¹), Принца-Производителя²) и К^о.

А подъ поверхностью—чартизмъ, спокойный, пасмурный, молчаливый, но упрямый, настойчивый и *любящій* иностранца (политическіе изгнанники, терпимые здѣсь правительствомъ, какъ терпимы имъ публичныя женщины, ненавидимые зажиточными классами, любимы чартистами). Чартисты собираются устроить 27 февраля митингъ *сообща* съ французами. Они меня пригласили членомъ комитета... Сдѣлайте милость, подумайте объ этомъ первомъ плодѣ эмиграцій и изгнанія!... Въ одномъ изъ своихъ писемъ вы писали, и я даже цитировалъ это мѣсто въ одной моей рѣчи: «Если поляки подадутъ русскимъ руку, то гдѣ будетъ право для ненависти?..» Конечно; и я вижу огромный шагъ впередъ въ томъ, что англичане устраиваютъ митингъ въ сообществѣ съ французами и при этомъ выбираютъ русскаго въ члены комитета.

Къ несчастью, дошедшіе до васъ слухи о другомъ сближеніи не только лишены основанія, но я скажу больше: никогда ненависть и озлобленіе не были такъ пламенны, какъ сейчасъ. И принципы, и характеры до того несомвѣстимы, что противъ этого не найти лѣкарства³).

¹) Собственно «передняя». Во французскомъ текстѣ игра словъ—chambre et antichambre.

²) Альбертъ, супругъ королевы Викторіи.

³) Это—отвѣтъ на слова Мишле о сближеніи какихъ-то друзей.

Наша пропаганда, т. е. русская типографія, идетъ своимъ путемъ; англійскія газеты хорошо о ней отзываются, поляки Централизаціи рассылаютъ печатные листки, и послѣдніе такъ отлично доходятъ по назначенію, что заключенные изъ Бомарзунда сообщали намъ, что видѣли эти листки на англійскихъ военныхъ корабляхъ.

Одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ и изъ моихъ близкихъ друзей ¹⁾, владѣющій англійскимъ языкомъ, какъ настоящій англичанинъ, хотѣлъ бы знать, можно ли найти издателя для переводовъ съ англійскаго на французскій,—издателя, который платитъ прилично. Онъ тогда взялъ бы на себя какіе угодно переводы беллетристическаго или научнаго содержанія. Это—человѣкъ выдающагося таланта. Вы окажете мнѣ прямо благодареніе, если выскажете свое мнѣніе объ этомъ.

Я живу миль за двадцать отъ Лондона, въ прелестной виллѣ съ большимъ садомъ; дѣти мои здоровы, и я работаю довольно много. Но у меня *тоска по материку*,—очень хотѣлъ бы разстаться съ островомъ. До 15 апрѣля пишите мнѣ въ Твикенгэмъ по прилагаемому адресу. Но вѣрнѣе будетъ, если адресовать на фирму Ротшильдъ для передачи мнѣ; я это говорю потому, что ваше письмо опоздало на нѣсколько дней, и я его получилъ уже черезъ нашего славнаго Ворцеля, который очень боленъ и очень опечаленъ тѣмъ, что польское дѣло идетъ не такъ, какъ онъ, было, надѣялся. Посылаю вамъ маленькій образецъ нашихъ изданій ²⁾.

Братски жму вамъ руку.

А. Герценъ.

Слышали вы ужасную исторію о казни Бартелеми? ничему не надо вѣрить изъ того, какъ газеты передали эту исторію. Бартелеми былъ герой и умеръ таковымъ!

◆◆ 1. 23 января Мишле писалъ Герцену:

«Прошу долгое мое молчаніе приписать лишь той бродячей жизни, которую мнѣ пришлось вести послѣднее время. Окончивъ въ Нантѣ свою «Французскую революцію», я отправился въ окрестности Генуи съ надеждой избавиться отъ застарѣлаго катарра желудка. Ничего изъ этого не вышло, и потому я вернулся въ Парижъ, несмотря на удручающія теперъ условія пребыванія тамъ.

¹⁾ Вѣроятно, Доманже.

²⁾ № 763.

Но только тамъ я могу найти матеріалы для книги, которую готовлю: «Исторія Франціи въ XVI столѣтіи».

«Хотѣлъ помѣстить статью о нашемъ Бакунинѣ въ журналѣ, но мнѣ сдѣлали жалкое возраженіе: *«редакція хочетъ, чтобы журналъ могъ распространяться въ Россіи. Надо подождать»*.

«Я васъ прошу—извѣщайте иногда о себѣ: мое сердце среди васъ. Говорятъ, однако, что одинъ изъ васъ сильно выбранилъ мою «Революцію». Все равно! Чтѣ бы онъ ни сказалъ, я люблю его и уважаю не меньше, какъ хорошаго и великаго гражданина, который имѣетъ право упрекать себя меньше другихъ въ ошибкахъ 1848. Мнѣ передавали, что наши друзья сблизились?.. Вѣрить ли этому слуху?

«На-дняхъ я печатаю первую часть моей книги. Я озаглавливаю ее «Возрожденіе»; мой издатель хотѣлъ бы послать ее нѣсколькимъ англійскимъ газетамъ и журналамъ. Куда посовѣтуете послать? Пожалуйста, научите. Книга появится 1-го февраля. Второй томъ «Реформаціи» появится 1-го іюля.

«Гдѣ ваша русско-польская типографія? Откуда я могу о ней узнать и быть въ курсѣ ея работъ? Помогла ли или помѣшала война ея дѣятельности? Для меня важно знать это во имя великаго общаго дѣла и изъ-за васъ, дорогой Герценъ, кто послѣ таковаго числа несчастій вложилъ въ это дѣло свою великую душу» (переведено съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; напечатано Моно).

2. Авторъ статьи «Жизнь А. И. Герцена въ Лондонѣ», С. И. Р. («Рѣчь», 1912, № 89), тщательно просмотрѣлъ старые списки лицъ, получавшихъ билеты на чтеніе въ Британскомъ музеѣ за 1852—64 гг., но не нашелъ въ нихъ имени Герцена, чтѣ служащіе объяснили тѣмъ, что Герценъ, вѣроятно, довольствовался временнымъ билетомъ на день, на два, каковыя въ книги не вносились.

765. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 февраля (1855). Суббота.

Вы правы, что я давно не писалъ, и Богъ знаетъ отъ чего; холодъ, снѣгъ, мятель,—все это описано, и другого я не вижу, да и при всемъ хорошемъ и на душѣ снѣжно и холодно.

За ваши вѣсти благодарю. Какіе же духовые инструменты на 400 руб. сер.? или Егоръ Ив. хочетъ заводить роговую музыку? Какъ глупо, что онъ портретъ отдалъ подъ печать. А будете

писать, такъ намекаете, что я очень благодаренъ за исполненіе просьбы. Если желаете прочесть Сазонова статейку, то возьмите у Франка «Голосъ съ чужбины». ¹ На дняхъ пришлю вамъ афишку о типографіи ¹).

А здѣсь вотъ какія чудеса бываютъ. Чартисты хотятъ праздникъ пировать и всѣхъ націй выбрали членовъ комитета и въ томъ числѣ меня, многогрѣшнаго; буду ли я толковать или нѣтъ, еще не знаю. Дѣло не легкое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ ²). Вы въ прошломъ письмѣ писали, что вамъ по Москвѣ моркотно. Я ужъ только молчу,—il faut faire bonne mine à mauvais jeu ³). Западъ намъ чужой, а, можетъ, и тамъ-то ужъ все чужое... А дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыя лѣта жизнь или ненужна, или—обязанность, а вовсе не для близиру. И всѣ эти разсужденія оттого, что стужа невѣроятная.

Дѣти здоровы. Рейхеля и Сашку цѣлую.

Пишите вы адресъ безъ Richmond house, а то это задерживаетъ. Вы ставите маленькое «Twickenham (Middle Essex), огромное «Richmond house», они и носятъ въ Ричмондѣ письма. Теперь здѣсь всѣ знаютъ, гдѣ я живу.

◆◆ 1. Въ январѣ 1855 г. Герценъ выпустилъ изъ своей типографіи (помѣщавшейся по Judd Street, Brunswick Square, 82) брошюру въ 15 страницъ, подписанную: «Николай Сазоновъ» подъ заглавіемъ: «Родной голосъ на чужбинѣ. Русскимъ плѣннымъ во Франціи», съ датю 12/24 октября 1854 г.

766. Reply to M. Golovin.

To the editor of «The Morning Advertiser».

Sir,—You have inserted in your columns a letter in which the writer, availing himself of my German name, denies my Russian origin.

An illegitimate son of John Yakovleff, I do not go by my father's name, but by the name he has thought proper to give me.

I was born in Moscow, have been educated in the University of that town and have spent my whole life in Russia till the year 1847.

A Russian by birth, a Russian by education; and, allow me to add, in spite, or rather in consequence, of the present state of affairs,

¹) См. № 763.

²) См. №№ 766, 769.

³) Надо дѣлать довольное лицо и при плохой игрѣ, т. е. скрывать неудовольствіе.

a Russian in heart, I think it my duty to claim loudly in Europe a birthright denied in Russia, neither by the Revolutionary party which adopted me, nor by the Tzar who persecuted me.

As for the fact of my being elected by the International Committee to represent the Russian Revolutionary party, I think the Committee themselves better calculated to answer for it.

I remain, sir, yours truly

Alexander Herzen.

Twickenham, Richmond House, Feb. 14, 1855.

Переводъ.

Отвѣтъ г. Головину. ¹

Издателю «The Morning Advertiser».

М. Г.—Вы помѣстили на столбцахъ вашей газеты письмо, въ которомъ авторъ, пользуясь моею нѣмецкою фамиліею, отрицаетъ мое русское происхожденіе.

Какъ незаконный сынъ Ивана Яковлева, я называюсь не именемъ отца, а тою фамиліею, которую отецъ счелъ нужнымъ мнѣ дать.

Я родился въ Москвѣ, учился въ университетѣ этого города и всю свою жизнь, до 1847 г., провелъ въ Россіи.

Русскій по рожденію, русскій по воспитанію и,—позвольте прибавить: несмотря или, скорѣе, вслѣдствіе теперешняго положенія дѣлъ,—русскій сердцемъ своимъ, я считаю своимъ долгомъ громко требовать въ Европѣ права происхожденія, котораго никогда не отрицали у меня въ Россіи ни признавшая меня революціонная партія, ни царь, преслѣдовавшій меня.

Что же касается того, что международный комитетъ избралъ меня, какъ представителя русской революціонной партіи, то думаю, что комитетъ можетъ на это самъ отвѣчать.

Остаюсь, М. Г., искренно преданный вамъ

Александръ Герценъ.

14 фев. 1855 г. ²

◆◆ 1. 13 февраля 1855 г. въ «The Morning Advertiser» появилось слѣдующее письмо И. Г. Головина, очень недовольнаго избраніемъ Герцена представителемъ Россіи на предстоявшій митингъ:

«Мнѣ стало извѣстно, что на банкетѣ, который будетъ данъ въ память февральской революціи, нѣкій Герценъ будетъ пред-

ставлять Россію или, скорѣе, либеральную Россію. Любовь къ истинѣ и уваженіе къ предстоящему собранію заставляютъ меня сказать, что Герценъ, какъ его имя достаточно указываетъ, можетъ представлять только русскихъ или, скорѣе, нѣмецкихъ евреевъ, а такъ какъ русское правительство всегда обвиняется въ предпочтеніи нѣмцевъ русскимъ, то эмиграціи не слѣдуетъ впасть въ ту же ошибку».

2. Редакторъ газеты сопроводилъ это письмо заявленіемъ: «Мы не можемъ больше открыть нашихъ столбцовъ для личныхъ дѣлъ». Курьезно, что въ своей книгѣ «Der russische Nihilismus» Головинъ назвалъ это свое письмо «простой шуткой» (ein reiner Scherz).

767. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 февраля (1855).

Twickenham, Richmond house.

Зато сегодня много новостей забавныхъ,—прокашляйте уши и слушайте. Я вамъ писалъ, что чартисты съ рефугіаріями дѣлаютъ пиръ 27-го. Они выбрали меня членомъ комитета. Гнусный Голов., не зная, что дѣлать отъ зависти, напечаталъ въ «Morn. Ad.» предостереженіе, говоря, что я—«нѣмецко-русскій жидъ» и что онъ предостерегаетъ комитетъ, ибо таковые люди подъ особой милостью русскаго правительства. Между тѣмъ, видя трудность при нынѣшнихъ обстоятельствахъ говорить рѣчь, я поѣхалъ въ комитетъ и отказался. Но комитетъ снова рѣшилъ просить меня. Дѣлать нечего,—скажутъ, что Г. испугался; я принялъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ дѣло «Morn. Ad.». Гол. считалъ, что я не коснусь объясненія фамилии, тогда какъ я со всей простотой цѣлой залѣ рассказалъ всю исторію, что было сильно по вкусу. А на другой день я пропечаталъ въ «Morn. Adv.»: «Sir, You have inserted in your columns a letter in which the writer availing himself of my German name denies my Russian origin.

An illegitimate son of J. Yakovleff, I do not go by my father's name, but by the name he has thought proper to give me.

A Russian by birth, a Russian by education; and, allow me to add, in *spite* or *rather* in consequence of the present state of affairs, a Russian in heart, I think it my duty to claim loudly in Europe a birthright.

As for the fact of my being elected by the International Committee to represent the Russian Revolutionary party, I think the Committee themselves better calculated to answer for it. A. H.»¹⁾

Ну вотъ и пошло. Во-первыхъ, сегодня²⁾ статья Джона въ «People Paper» подъ заглавіемъ: «Al. H. Russian exile», совершенно въ мою пользу.¹ Во-вторыхъ, вчера комитетъ рѣшилъ авес acclamation³⁾ отъ комитета напечатать его оправданіе выбора. Словомъ, еслибъ Голов. нарочно хотѣлъ мнѣ сдѣлать geclam'у, не могъ бы удачнѣе. Теперь ждутъ добрые люди, не дождутся, когда этотъ русскій exile явится на трибуну. Вѣроятно, будетъ и не безъ свиста (отъ Голов. я даже жду больше, однакоже, мѣры взяты). И все это сдѣлалось помимо меня, я спокойно спалъ въ Твикнэмѣ, а тутъ эдакое случилось. Ну, а ужъ, я думаю, и Щепкинъ за патриотизмъ спасибо скажетъ... Теперь сижу и думаю, какую же фигу имъ рассказать.

Ѣхала или ѣдетъ какая-то барыня; ну, я ей въ поясъ,—вотъ, молю, книжку Марьѣ Каспаровнѣ. Ну, говорить, отчего же, книжку возьмемъ.

А холодъ достигаетъ до нарушенія приличій. Я вамъ пришлю статью комитета,—она такъ красива, завтра будетъ пропечатана.

Голов. повѣсится или меня повѣситъ, а вотъ и Ахимка.

◆◆ 1. Статья эта коротка, но выразительна:

«Какой-то горе-демократъ написалъ клеветническую замѣтку въ «Morning Advertiser» о г. Герценѣ, очевидно, съ намѣреніемъ, если возможно, повредить митингу, устраиваемому въ St. Martin's Hall'ѣ. Это—мальчишеская выходка. Митингъ устраивается различными *націями* во имя *принциповъ* и ни въ какой мѣрѣ не зависитъ отъ личности какого-нибудь отдѣльнаго участника. Но, чтобы быть справедливымъ къ г. Герцену, мы обязаны сказать, что смѣхотворное заявленіе, будто онъ не русскій и не эмигрантъ, является чистѣйшей ложью; а утверженіе, будто онъ принадлежитъ къ той же самой расѣ, что Иосифъ и Иисусъ Навинъ, совершенно ни на чемъ не основано, хотя, разумѣется, нѣтъ ничего дурного и постыднаго принадлежать къ этому нѣкогда могущественному и до сихъ поръ сильному народу, какъ и ко всякому другому. Герценъ пять лѣтъ былъ плѣнникомъ въ Уральскихъ горахъ, а освободившись оттуда, онъ былъ изгнанъ изъ Россіи—своей родины. Герценъ является

¹⁾ См. № 766.

²⁾ 17 февраля.

³⁾ Единогласно, безъ баллотировки.

вождемъ русской демократической литературы и самымъ уважаемымъ эмигрантомъ, а, какъ таковой,—и представителемъ ея пролетарскихъ миллионъ. Онъ будетъ участвовать въ митингѣ демонстраціи въ St. Martin's Hall'ѣ, и мы увѣрены, что пріемъ, который ему будетъ оказанъ, покажетъ всему міру, что англичане могутъ симпатизировать русскому народу и въ то же самое время стремиться поразить - - - - - .

768. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 февраля (1855).
Twickenham, Richmond house.

Ну, такъ книгу получили—и хорошо. А я вчера закупорилъ вамъ Пушкина бюстъ, вельми изящный, и отдалъ портному, пригнувшему всѣми святыми утюгами, что перешлетъ. Если у васъ что есть неважное, можете послать съ нимъ. Продолженіе гисторіи (такъ ужъ боги судили мнѣ быть «кутихой»¹⁾), вотъ не думалъ, не гадалъ попасть въ лондонскіе львы; сидѣлъ въ Твикнэмѣ, а тутъ эдакое случилось). Лондонъ покрытъ афишами, въ которыхъ мелкими и крупными, красными и черными чернилами объявлено, что Russian Exile A. Herzen будетъ въ Martins Hall, въ Long-Acre'ѣ 27 февр...¹ Въ «Daily News» была статья отъ Комитета²⁾; ее приложу и статью Johns'a. Ну вотъ Головинъ-то и срѣзался. А мнѣ на плечи тягость не пустая. Всѣ эмиграціи ждуть моей рѣчи. Знаете, оно и жутко, а, впрочемъ, пожалуй, и скажемъ. Вотъ вы въ 8 часовъ во вторникъ съ супругомъ и помянете: старикъ-то нашъ позорится теперь... Голов., разумѣется, отколетъ какую-нибудь пакость; я даже на всякій случай орудіе припасу. Ну, разумѣется, я ужъ и анонимныя письма получилъ съ ругательствами (мило и благородно) и письмо отъ редактора «біографіи современниковъ» съ вопросами: въ которомъ году родился, гдѣ былъ въ тюрьмѣ, какія книги печаталъ?—я прибавилъ «и постоянно всю жизнь придерживался горячительныхъ напитковъ».²

Все это, вѣроятно, кончится тѣмъ, что меня отсюда по пражкѣ выгонять или посадятъ въ смирительный домъ; это будетъ хорошо: я тогда выучусь по-англійски.

¹⁾ Такъ называла Герцена мать М. К. Рейхель, П. А. Эрнъ.

²⁾ См. въ главѣ «И. Головинъ» «Былого и думъ».

Я васъ увѣряю серьезно, что я не желалъ и не сдѣлалъ ни одного шага. Экая скотина Гол! Но дѣло бы прошло, еслибъ не французскіе рефугіаріи. Они стали за меня горой. Эта симпатія была одной изъ наградъ за бездну Польши.

Прощайте,—лвы длинныхъ писемъ не пишутъ. Рѣчь пришло. Расскажите всѣ эти хохоты Тесе и если Дурамона ¹⁾ опять увидите, то скажите, что я ему сильно кланялся въ письмѣ Тесе и благодарилъ за копію.

Чуть-чуть, было, не забылъ самое лучшее. Какой-то сумасшедшій жидъ принялъ за чистыя деньги статью Голов., что я жидъ, и написалъ мнѣ письмо, въ которомъ утѣшаетъ меня тѣмъ, что «Израиль будетъ возстановленъ», и что мы всѣ воротимся на мѣсто Соломонова храма.

Переведите Рейхелю. Я чуть не умеръ съ Доманже отъ этого письма. А rgoros, Домангай ²⁾ вамъ кланяется.

◆◆ 1. Воспроизвожу афишу съ экземпляра, сохранившагося въ архивѣ семьи Герцена, съ соблюденіемъ точнаго соотношенія шрифтовъ подлинника:

Commemoration of The
GREAT REVOLUTIONARY MOVEMENT OF 1848
ALLIANCE OF ALL PEOPLES!

an
International
soirée
followed by
A public meeting
will be held at
St. Martins Hall,
Long-Acre,
on
Tuesday, Feb. 27, 1855.

The following distinguished representatives of European Democracy have been invited:

French: Louis Blanc, Victor Hugo, Barbès, Felix Pyat, Ledru-Rollin, Raspail, Eugène Sue, Pierre Leroux. *German:* Kinkel, Marx,

¹⁾ Даримонъ.

²⁾ Доманже.

Rouge, Schapper. *Italian*: Pianciani, Saffi, Mazzini, Teleki. *Hungarian*: Kossuth.

Polisch:

Worcell, Zeno Swientoslawski.

Russian: HERZEN.

English:

W. Coningham, J. Finlen, Cooper, Mayne-Reid, J. Beal, Gerald Massey.

Ernest Jones, president, Alfred Talandier, French Sec. Dombrowski, Polish M. Bley, German Sec. B. Chapman, English Sec.

Tea on Table at Five. Doors open for meeting at half-past Seven, to commence at Eight.

Double Tickets, 2 s. 6 d.; single ditto, 1 s. 6 d., meeting ditto 3 d. Tickets may be had at St. Martin's Hall.

2. Въ томѣ VII (стр. 294) «Lives of the illustrious (the Biographical Magazine)» 1855 г. помѣщена лишь біографія Николая I и въ выноскѣ прибавлено, что, благодаря любезности Герцена, издатель можетъ привести отрывокъ изъ оды, написанной въ 1823 г. Александру II (тогда наслѣднику).

769. Народный сходъ въ память февральской революціи.

(Рѣчь, произнесенная 27 февраля 1855 г.)

Граждане,

Когда Международный Совѣтъ пригласилъ меня сказать мое слово въ этомъ собраніи, меня сначала взяло раздумье: говорить ли мнѣ во имя небольшого числа русскихъ братій нашихъ, говорить ли мнѣ среди разгрома войны, въ разгарѣ неистовыхъ страстей, среди святой, глубокой грусти, въ которую все погружено нынѣ? Я сообщилъ это Совѣту. Онъ возобновилъ свое приглашеніе, и притомъ съ такой любовью, что мнѣ стало совѣстно за минуту сомнѣнія, за недостатокъ вѣры...

Война свирѣпствуетъ въ иномъ мірѣ. Громъ ея умираетъ у порога этой палаты, въ которой изгнанники и выходцы всѣхъ странъ соединяются съ англичанами, свободными отъ предразсудковъ своей родины, во имя воспоминанія, во имя надежды, во имя *страждущихъ*.

Такъ христіане первыхъ вѣковъ собирались на скромныя свои трапезы, въ спокойствіи и ясности духа, между тѣмъ, какъ буря, вызванная кесарями и преторіанцами, потрясала древнія основы Римской имперіи.¹

На этомъ празднествѣ народной братовщины, русскому голосу должно быть мѣсто.

Въ Россіи, сверхъ - - - - есть народъ; сверхъ люда казеннаго, притѣсняющаго, есть люди страждущіе, несчастные; кромѣ Россіи Зимняго дворца, есть Русь крѣпостная, Русь рудниковъ. Во имя этой-то Руси долженъ здѣсь быть услышанъ русскій голосъ.

Спѣшу сказать, что я не имѣю никакого уполномочія отъ русскихъ выходцевъ. Они не составляютъ сомкнутого общества. Полномочіе мое говорить во имя Россіи—вся моя жизнь, моя привязанность къ русскому народу, моя ненависть къ - - - .

Да, я имѣю смѣлость высказать это, я считаю себя представителемъ мысли возстанія въ Россіи среди васъ, я имѣю право на голосъ; это говорятъ мнѣ мое сердце, мое сознаніе, моя совѣсть.²

Седьмой годъ издаю я сочиненія о Россіи. Сначала европейская публика, озадаченная неистовымъ поведеніемъ возстановленныхъ властей послѣ 1848 года, слушала мои слова снисходительно. Теперь времена измѣнились; война возбудила удивительно боевой духъ, особенно въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ; онѣ дошли до яростной нетерпимости. Мнѣ стали ставить въ укоръ любовь мою къ славянамъ, мою вѣру въ величіе ихъ будущности, наконецъ, самую мою дѣятельность. Обвинительныя статьи два раза переплывали черезъ океанъ, другія удостоились *чести* быть произведенными «Мониторомъ».

Доселѣ никогда еще не требовали ни отъ одного выходца или изгнанника, чтобъ онъ ненавидѣлъ свое племя, свой народъ. У васъ отнимаютъ настоящее, насъ хотятъ лишить будущаго, хотятъ убить нашу надежду!

Еслибъ я ненавидѣлъ русскій народъ, еслибъ я не вѣрилъ въ него, меня бы не было здѣсь. Народъ свободный, республиканскій далъ мнѣ права гражданства у себя; я тамъ бы и остался, не занимаясь странюю, въ которой меня преслѣдовали.³

Странная сбивчивость понятій!

Царствованіе Николая начинается огромнымъ заговоромъ. Онъ идетъ короноваться въ Москву подъ триумфальными воротами - - - - - . Сотни заговорщиковъ съ цѣпями на ногахъ отправляются въ рудники. Гурьбы молодыхъ людей слѣдуютъ за ними и исчезаютъ въ Сибири... Все это проходитъ незамѣченно въ западной Европѣ, между тѣмъ, какъ - - - - образъ воплощеннаго - - - -

- - - отбрасываетъ на насъ, гонимыхъ имъ, тѣнь - - - - -
 - - - - - .

Я знаю, что вы вѣрите въ существованіе революціонной партіи въ Россіи; иначе, появленіе мое на этой трибунѣ было бы нелѣпостью. Но большинство людей, называющихся радикалами, старается этому не вѣрить. Они довольствуются союзомъ и братствомъ между народами, внесенными въ ихъ списки, получившими отъ нихъ революціонный дипломъ.

Какъ вспомнишь, что добрый «заступникъ человѣческаго рода», Анахарсисъ Клоотсъ, самъ раскрасилъ одного изъ своихъ родственниковъ, для того, чтобъ на празднествѣ французской республики не было недостатка въ представителѣ изъ Отаити,—такъ нельзя не сознаться, что съ тѣхъ поръ международное братство не далеко ушло впередъ.

- - - - - насъ вѣшаетъ, ссылаетъ въ Сибирь, сажаетъ въ темницы, но онъ, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвается въ томъ, что мы существуемъ, напротивъ того, онъ черезчуръ внимателенъ къ намъ. Граждане, я въ первый разъ въ моей жизни ставлю - - - -
 - - - - - въ примѣръ.

Но намъ говорятъ, что мы, въ свою очередь, не вѣримъ ни въ силу, ни въ нынѣшнее устройство Европы. Разумѣется, нѣтъ. А вы? развѣ вы вѣрите?—Дѣло въ томъ, что русскій, при выходѣ изъ своего острога, летитъ въ Европу полный надеждъ... и находитъ повсюду другія изданія - - - - - , безконечныя варіаціи на тему - - - - - .

И онъ осмѣливается это высказывать... вотъ въ чемъ бѣда!

Намъ, очевидцамъ юньскихъ дней и всего ряда злодѣйствъ, совершенныхъ торжествующими правительствами въ Европѣ,—злодѣйствъ, которыя превзошли все, что могъ бы вообразить самый мрачный предсказатель, намъ ставятъ въ укоръ наши слезы, стонъ боли, вырывающійся изъ нашей груди?!.. Насъ упрекаютъ въ томъ, что на нашихъ губахъ одни горькія слова, одни проклятія... когда въ груди кипитъ злоба, а въ умѣ одно сомнѣніе!

Что же, слѣдовало молчать, скрывать?

Зачѣмъ же намъ льстить этому старому міру, міру битой колееи и насилія, который васъ первыхъ раздавитъ, который громоздитъ трупы прошедшаго, чтобъ загородить дорогу будущему...

Довольно портили - - - - - лестью и молчаніемъ. Съ какой стати развращать ими народы?

Положимъ, что наши мнѣнія преувеличены; положимъ, что они ложны; но съ чего берутъ себѣ право подозрѣвать ихъ искренность?

Нельзя покончить ошибочное мнѣніе, провозгласивъ его ересью, панславизмомъ, марая его подлыми и нелѣпыми намеками.

Простите мнѣ эти подробности, — онѣ лежали у меня на сердцѣ. Я ничего не отвѣчалъ на нападки; чувство глубокаго приличія, которое вамъ легко понять, заставляло меня хранить молчаніе во время войны. Но мнѣ казалось невозможнымъ держать между вами рѣчь, не касаясь этого личнаго вопроса.

Теперь, отвернемся отъ междоусобицъ, - - - - - и журналистовъ и посмотримъ на то, что происходитъ въ этомъ *нѣмолѣ* краѣ свѣта, который называется Русью.

Тамъ вы встрѣтите два зародыша движенія: одинъ сверху, другой снизу. Одинъ преимущественно отрицающій, разлагающій, раздѣдающій, разсыпается въ малыхъ кружкахъ, но готовъ составить большой, дѣятельный заговоръ. Другой—болѣе положительный, хранящій въ себѣ почки будущаго образованія, находится въ состояніи дремоты и бездѣйствія. Я говорю о молодомъ дворянствѣ и о сельской общинѣ, которая представляетъ основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянскаго государства.

Надъ ними, подавляя однихъ, истощая другихъ, стоитъ казенная Россія, живой курганъ (какъ я уже разъ сказалъ) притѣснителей, обманщиковъ, взяточниковъ, связанныхъ между собою дѣлежемъ грабительства, завершаемыхъ - - - - и опирающихся на семьсотъ тысячъ живыхъ машинъ - - - - - .

- - - - - никогда не сдѣлается ручнымъ; оно всегда останется опасностью для Европы, несчастіемъ для славянъ. Оно, по естеству своему, заносчиво, хищно, ненасытно. Очень скудное смысломъ, вовсе не даровитое, во внутреннемъ устройствѣ ему удалось создать одно—войско. Потому то воевать ему необходимо, это его ремесло, его спасеніе.

Петербургское правительство не народно; оно слишкомъ держится дворянъ и слишкомъ нѣмцевъ, чтобъ быть народнымъ. Единственная живая мысль, привязывающая къ правительству, это—мысль о народномъ единствѣ. Правительство знаетъ это очень хорошо и пользуется этимъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему войну слѣдовало перенести въ Польшу. Объявленіе Польши независимою было бы хорошо принято не только малороссами, но и большей частью великороссовъ; оно было бы принято, какъ возстаніе, а не какъ нападеніе.

Будьте увѣрены, что - - - ничего столько не опасается, какъ независимости Польши. Въ тотъ день, когда въ Варшавѣ будетъ восстановлена - - - - -

Не стану разбирать историческую необходимость солдатскаго и чиновническаго управленія, заведеннаго Петромъ I. Въ отношеніи къ прошедшему оно, полагаю я, было понятно, даже нужно, какъ наказаніе, какъ воспитаніе, нужно для того, чтобъ спаять части Россіи воедино. Но теперь его время минуетъ, оно держится лишь искусственнымъ, насильственнымъ образомъ. Съ 1813 года - - - - - въ Россіи становится безплодною. Съ восшествія на престолъ Николая, дѣятельность правительства исключительно отрицательная—оно умирятъ, подавляетъ, гонитъ и только.

Потому, что въ первый день своего вступленія на царство, Николай увидѣлъ людей, которые его утрашили, онъ ихъ никогда не могъ забыть: «Дай честное слово, что ты оставишь свои замыслы, и я тебѣ прощаю», сказалъ онъ Муравьеву.

— Не нужно мнѣ помилованія, не нужно произвола,—отвѣчалъ осужденный на смерть Муравьевъ,—мы хотѣли - - - - - именно для того, чтобъ не быть зависимыми отъ - - - - - прихотей.

Его повѣсили.

«Вы торжественно поклялись надъ кинжаломъ, въ засѣданіи вашего общества, убить императора?» спросилъ Пестеля предсѣдатель слѣдственной комиссіи.—«Не правда, отвѣчалъ Пестель, я просто сказалъ, что хочу его убить; не было ни кинжала, ни клятвъ; я никогда терпѣть не могъ мелодрамныхъ сценъ». И его тоже повѣсили. Веревка порвалась, трое упали на землю, Муравьевъ всталъ и сказалъ: « - - - - - страна, въ которой и повѣсить не умѣютъ!»

Знать, что такого рода люди существовали не вдалекѣ отъ дворца, что ихъ еще и теперь найдется... не хорошо - - - - -

Тридцать лѣтъ Николай ждетъ, чтобъ у него попросили прощенія, ждетъ и не дождется. Смерть прощаетъ несчастныхъ ссыльныхъ. Какіе люди! какія преданія!

Другой Муравьевъ ¹⁾,—ихъ было четверо въ заговорѣ,—бывшій полковникомъ генеральнаго штаба, жилъ послѣ десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ каторгѣ, посельщикомъ въ маленькой избѣ, срубленной имъ самимъ въ глуши Сибири; съ нимъ жили вмѣстѣ два другихъ каторжника, генералъ Юшневскій и полковникъ Абрамовъ. Въ 1841 г. онъ умираетъ. Два друга сколотили гробъ и понесли покойника въ ближайшую церковь, за десятки верстъ. Старикъ генералъ любилъ Муравьева, какъ мать можетъ любить своего

¹⁾ Артамонъ Захаровичъ.

сына. Дорогой онъ не вымолвилъ ни слова; пришедши въ церковь, онъ сталъ на колѣни возлѣ гроба и закрылъ себѣ лицо руками. Когда покойника отпѣли, дьячокъ, котораго удивила неподвижность Юшневскаго, подошелъ къ нему. Старикъ былъ мертвъ ¹⁾. Абрамовъ побрелъ себѣ одинъ куда-то по снѣжному морю; объ немъ не было послѣ слышно.

Сколько Николай ни упорствовалъ въ жестокости, сколько онъ ни обнаруживалъ рѣдкое бездушіе противъ людей свободнаго образа мыслей, образъ-то мыслей онъ не успѣлъ подавить; напротивъ того, онъ сталъ сильнѣе, болѣе и болѣе народный.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышла во Франціи замѣчательная книга о Россіи. Сочинитель ея, г. Галэ де Кюльтюръ, только что возвратился изъ Россіи; онъ послѣ меня видѣлъ, что тамъ дѣлается. Позвольте мнѣ прочесть нѣсколько строкъ изъ этого сочиненія ²⁾:

«Царь не затѣялъ бы этой неправедной войны изъ-за пустого предлога заступиться за вѣру христіанъ въ Турціи. Онъ по причинѣ весьма важной вышелъ изъ бездѣйствія. Послѣ двадцати девяти лѣтъ царствованія онъ не могъ больше управлять Россіей. Бывъ столько времени неограниченнымъ владыкою надо всѣмъ, онъ подъ конецъ увидѣлъ, что не имѣетъ власти ни надъ чѣмъ. Приближающаяся старость показывала ему не только явный упадокъ его личныхъ силъ, но и упадокъ всего порядка, вводимаго имъ. Мысль преобразования, обновленія, возрастая подобно морскому приливу подъ постояннымъ и неотразимымъ вліяніемъ, подмываетъ изгнившее, старое ученіе - - - - - ... Притомъ среди дворянскаго сословія,—сословія опаснаго, мятежнаго, составились общества, которыя, яростно осмѣивая мѣры правительства, намѣренно держались отъ него поодаль; они состояли изъ людей съ умомъ, съ сильной волей, съ сильной вѣрой и живою жаждой мести; эти общества привлекали къ себѣ все молодое поколѣніе».

Говоря о донесеніи тайной полиціи о дѣлѣ Петрашевскаго и его товарищей, составившихъ заговоръ 1849 г., авторъ приводитъ слѣдующія слова изъ доклада Липранди Набокову:

«Воспитанники многихъ учебныхъ заведеній напитаны самыми превратными мыслями; каждое слово, каждая строка ихъ отзывается пагубными ученіями. Слѣпо предаваясь имъ, они считаютъ себя призванными преобразовать все общество, все человѣчество,

¹⁾ Юшневскій умеръ при похоронахъ Вадковскаго.

²⁾ «Николай и святая Русь»—«Le Tzar Nicolas et la sainte Russie», par Gallet de Kulture, Paris, 1855, стр. 222.

и готовы стать апостолами и мучениками своихъ несчастныхъ заблужденій. Отъ такихъ людей *можно всею ожидать*. Ничто ихъ не остановитъ, ибо, по ихъ убѣжденію, они трудятся не для самихъ себя, а ради всего рода человѣческаго, не для настоящаго времени, а для будущаго».

«Нельзя,—сказалъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ изъ русскихъ г. Кюльтюру—нельзя опредѣлить, когда именно въ Россіи будетъ возстаніе, но оно близко, и облечется въ новый, особый образъ, оно явится въ *русскомъ видѣ*... Весь народъ единогласно воспрянетъ, чтобъ ниспровергнуть порядокъ дѣлъ, издавна осужденный духомъ времени—вооруженное страшилище, покамѣстъ еще внушающее страхъ, но уже не возбуждающее ни единой струны въ сердцѣ человѣческомъ. За тѣмъ возникнутъ большія распри; поборники движенія захотятъ новаго, нѣкоторые изъ «славянофиловъ» пожелаютъ возвратиться къ старой Руси, къ Руси Іоанновъ, между тѣмъ народъ возьмется за робеспьеровскій топоръ и начнетъ срубать чины и головы».

Вотъ, граждане, что дѣлается подъ ледяной корой, подъ однообразной наружностью сѣвернаго - - - - - . Посмотримъ теперь въ глубь этого омута, взглянемъ, какія тамъ дремлютъ бури-силы, могущія взволновать народныя стихіи.

Прежде всего надобно вамъ сказать, что на Западѣ не только сомнѣваются въ существованіи революціонной партіи въ Россіи, которая по необходимости прячется, но сомнѣваются и въ томъ, что у насъ есть особый бытъ сельскій, т. е. сомнѣваются, такъ или нѣтъ живутъ пятьдесятъ милліоновъ людей въ двухъ шагахъ отъ Германіи.

Объ этомъ Гакстгаузенъ издалъ три тома; ему не повѣрили,—онъ на царской сторонѣ. Объ этомъ говорилъ и я,—мнѣ не повѣрили: я на сторонѣ друзей свободы!

По странному противорѣчю, наша сельская община, задавленная сверху властью, опирается на широкую и явно соціальную основу. Права ея велики. Само собою разумѣется, что здѣсь не идетъ рѣчь о правахъ государственныхъ; во всей Россіи одинъ Николай Павловичъ пользуется таковыми; здѣсь рѣчь о правѣ внутренняго управленія и собственнаго распорядка въ дѣлахъ, касающихся общины и ея земли. Не стану повторять того, что я столько разъ говорилъ объ устройствѣ русской сельской общины и ея преимуществахъ; напротивъ того, я намѣренъ указать вамъ на огромный ея недостатокъ.

Русскій крестьянинъ вѣчно остается малолѣтнимъ; онъ никогда не самостоятеленъ; во всѣхъ случаяхъ онъ опирается на общину, прячется за нее. Лицо поглощается міромъ.

Согласовать личную свободу съ *міромъ*, — тутъ вся задача социализма. Она не разрѣшена Соединенными Штатами Сѣверной Америки, еще менѣе разрѣшена славянской общиной. Славянская сельская община—безсознательный зародышъ, который будетъ вызванъ къ дѣятельной жизни лишь тогда, когда каждый человѣкъ въ общинѣ потребуетъ себѣ всѣ права, принадлежащія ему, какъ особѣ, *не утрачивая* притомъ правъ, которыя онъ имѣетъ, какъ членъ общины.

Вотъ этой непокорной личности, этой закваски революціонной и недоставало семейнообразной общинѣ русской. Она бы долго еще могла ужиться съ - - - - , тѣмъ больше, что - - мало выгоды нарушать ея права. Но есть законъ судебъ, по которому - - - - - вызываютъ народы къ возстаніямъ.

Крѣпостное состояніе, исподволь, лукаво введенное въ семнадцатомъ столѣтіи, приняло въ восемнадцатомъ огромные размѣры: болѣе трети всѣхъ земледѣльцевъ было отдано въ частное владѣніе.

Народъ не разъ возставалъ, болѣе ста тысячъ людей стояло на Волгѣ со Стенькой Разинымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ перевѣшалъ тысячи мятежниковъ. Престоль Екатерины II былъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду потрясаемъ Пугачевымъ. Привезенный въ Москву въ клѣткѣ, Пугачевъ былъ казнень, порядокъ восторжествовалъ, крѣпостной народъ былъ побѣжденъ.

Александръ I остановился въ изумленіи передъ чудовищемъ крѣпостной власти. Онъ понялъ зло, но не нашелъ противъ него средства; онъ не смѣлъ ни потворствовать ему, ни искоренить его. Преступленіе было совершено, царь былъ связанъ съ помѣщиками, народъ отлученъ отъ него дворянствомъ. Голось царя не могъ больше доходить до него... И когда Николай, этотъ всемогущій императоръ, осмѣлился въ апрѣлѣ 1842 г. дать дворянству *робкій советъ* полюбовно уладить дѣло съ крестьянами, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій прибавилъ къ его совѣту такое поясненіе, что блѣдныя слова Николая потеряли всякое значеніе. Циркуляромъ министра предписывалось губернаторамъ считать мятежниками тѣхъ крестьянъ, которые вздумали бы принять за *обязательный* августѣйшій совѣтъ императора.

Лучъ вольности промелькнулъ предъ глазами несчастнаго крѣпостного и исчезъ. Смутные слухи шопотомъ разнеслись по народу и остались у него въ памяти. Мѣстныя возстанія, убійства помѣщиковъ, которыя такъ часто случаются на Руси, умножились. Въ Симбирской губерніи крестьяне устроили, было, *облаву* на помѣщиковъ. Въ Тамбовской собрались люди *разныхъ* волостей и пошли вооруженные кольями и топорами, неся съ собой солому,

отъ одного господскаго дома къ другому; передъ ними шла крестьянка босая, простоволосая и пѣла похоронныя молитвы и псалмы,—она пѣла, а дома горѣли и въ нихъ помѣщичьи семьи.

Я много жилъ съ нашими крестьянами и не только глубоко люблю ихъ, но и знаю довольно хорошо. Ребенкомъ я проводилъ каждое лѣто въ помѣстьяхъ отца моего; въ ссылкѣ я имѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобы изучить крестьянина отъ Урала и Волги до Новгорода, и клятвенно увѣряю васъ, граждане, что въ крестьянахъ внутреннихъ губерній меньше низости, меньше раболѣпства, чѣмъ въ петербургскомъ вельможествѣ, въ царедворцахъ и чиновникахъ.

Это замѣтили и Кюстинъ, и Гакстаузенъ, и добросовѣстный ученый Блазиусъ.

Воля Россіи начнется съ возстанія крѣпостныхъ или съ ихъ освобожденія. Русскій мужикъ слышать не хочетъ объ увольненіи его въ состояніе бездомнаго бобыля (пролетарія). Онъ хочетъ земли, и онъ правъ въ этомъ; земля будетъ за нимъ. Дворяне были бы рады отпустить крестьянъ на волю, оставивъ за собой всѣ земли.

Пестель говорилъ своимъ друзьямъ: «Мы можемъ отдѣлаться отъ - - , можемъ, пожалуй, провозгласить республику—и, все-таки, мало будетъ толку. У насъ не будетъ всенароднаго возстанія, доколѣ мы не коснемся поземельной собственности дворянъ. Мужику нужна земля».

Это было сказано передъ 1825 г. Теперь и правительство и дворянство поняли, что *«мужику нужна земля»*. Попыты свести крестьянъ на самомалѣйшую долю земли были сдѣланы и не удались.

Какъ раздѣлить земли, указываетъ самое положеніе дѣлъ и духъ народа. Мужикъ хочетъ себѣ лишь мірскую землю, лишь ту, которую онъ оросилъ потомъ лица своего, которую пріобрѣлъ святымъ *правомъ работы*; больше онъ не требуетъ. Мужикъ русскій не вѣритъ, чтобы мірская земля могла принадлежать иному, нежели міру. Онъ скорѣе вѣритъ, что онъ самъ принадлежитъ землѣ, нежели, что землю можно отнять у міра. Это чрезвычайно важно!

Всѣ вопросы, относящіеся до собственности, подлинно—вопросы религиозные, основанные на вѣрованіяхъ, на догматахъ. *Вмѣстѣ съ вѣрой падаетъ дѣло*, исчезаетъ фактъ.

Теперь сообразите: между крестьяниномъ, *вѣрящимъ*, что земля принадлежитъ міру, и молодымъ дворянствомъ, *не вѣрящимъ* въ свое право владѣнія, нѣтъ ничего, кромѣ грубой власти, мертвящей привычки, бессмысленнаго невѣжества, старающагося поддерживать старое. Никакихъ преданій, никакихъ вѣковыхъ, завѣтныхъ опоръ - -

- - - - - не окруженъ ни почтеніемъ въ глазахъ народа, ни спаянъ съ выгодами торговаго сословія. Духовенство греко-россійское слишкомъ смиренно, слишкомъ мало тѣлесно, чтобъ вступаться въ дѣла міра сего; оно осталось византійскимъ и воздаетъ кесарю кесарево, немного заботясь о томъ, кто таковъ кесарь.

Отличительная черта - - - - - состоитъ въ томъ, что оно не становится - - - - - властью; оно—неограниченная диктатура, и больше ничего. Въ какой бы видъ - - - ни облекся, представляй - - - , все-таки,—не что иное, какъ представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости.

Въ Россіи, впрочемъ, ничто не носитъ на себѣ отпечатка косности, застоя, оконченности, которая встрѣчаешь у народовъ, выработавшихъ себѣ долгимъ трудомъ формы быта, отчасти соотвѣтствующія ихъ образу мыслей.

Не забудьте, сверхъ того, что Россія не знала почти нисколько трехъ бичей, сильно останавливающихъ Западъ: католицизма, римскаго права и господства мѣщанъ. Это весьма упрощаетъ вопросъ. Мы идемъ вамъ навстрѣчу въ будущемъ переворотѣ; намъ не нужно для этого проходить черезъ тѣ топи, по которымъ вы прошли; намъ не нужно истощать свои силы въ полумракѣ тѣхъ государственныхъ формъ, которыя можно назвать между *волкомъ и собакой* и которыя нигдѣ не произвели великаго и сильнаго, кромѣ тамъ, гдѣ онѣ народны.

Намъ вовсе не нужно продѣлывать вашу длинную, великую эпопею освобожденія, которая вамъ такъ загромождила дорогу развалинами памятниковъ, что вамъ трудно шагъ сдѣлать впередъ. Ваши усилія, ваши страданія—для насъ поученія. Исторія весьма несправедлива, *поздно приходящимъ* даетъ она не обглодки, а старшинство опытности. Все развитіе человѣческаго рода есть не что иное, какъ эта хроническая неблагодарность.

Безъ воспоминаній, безъ обязанностей относительно прошедшаго мы находимся въ томъ положеніи, въ которомъ въ Европѣ находится рабочій классъ и безсобственники. Мы и они лишены наслѣдства, намъ и имъ отъ нынѣшняго свѣта достались въ удѣлъ одни оскорбленія, одни несчастія, потому мы не принимаемъ его судьбу очень къ сердцу.

Полицейскій чиновникъ былъ правъ, говоря, что «насъ ничто не остановитъ». Нѣтъ у насъ ничего общаго ни съ старой Россіей, ни съ старымъ міромъ. У насъ ничего нѣтъ, да есть *отвага* надежды!

Мы ничего не сдѣлали. Тѣмъ лучше! тѣмъ больше остается дѣла для насъ. Пора рабочая для насъ настаетъ. И потому-то нужно, чтобъ вы знали славянскихъ братій вашихъ. Бѣдный европейскій работникъ долженъ знать, что бѣдный русскій крестьянинъ— не падшее, одичалое существо, а человекъ очень несчастный, имѣющій съ нимъ одинакія стремленія и удрученный одинакимъ рокомъ...

Поле общественнаго переворота расширяется... Развѣ мы не видали Вѣну возмутившеюся?... короля прусскаго, стоявшаго съ обнаженною и повинной головою передъ народомъ? Все это миновало, какъ сонъ, но бываютъ сны пророческіе. И эта сходка всѣхъ выходцевъ въ Лондонѣ, этотъ обмѣнъ мыслей, это взаимное пониманіе, этотъ общій уровень, на который мы становимся, *это— не сонъ*. Нѣтъ! это не сонъ, потому что англичанинъ протягиваетъ намъ руку, а вы знаете, *когда англичанинъ даетъ руку, онъ даетъ и сердце!*—И русскій приглашенъ участвовать въ этой поминкѣ февральскаго возстанія!... Рѣзвѣ вы не видите въ этомъ признаковъ, *знаменій?*

Посмотрите на эту залу, посмотрите на эти обломки всѣхъ бурь, изгнанниковъ всѣхъ странъ, старыхъ бойцовъ и молодыхъ ратниковъ противъ всѣхъ тиранствъ, сошедшихся праздновать страницу изъ лѣтописи революціи именно тогда, когда *Она*, отчизна революціи, не имѣетъ права торжественно помянуть свое прошедшее! тогда, какъ Франція погружена въ дремоту, истощившись лучезарно свѣтя революціей на весь міръ!

Велика судьба Франціи!— она двигаетъ впередъ даже тогда, когда сама идетъ вспять! Такъ, поборая социализмъ, она возвысила его на степень грозной мощи, признанной и ратующей.

Все содѣйствуетъ революціи, ибо все содѣйствуетъ будущему!

Оставимъ же мертвымъ хоронить мертвыхъ! Давно забытыя надежды снова возникаютъ. Борьба *ихъ* между собою принесетъ *намъ* пользу; они не подозреваютъ, что побѣждаютъ для насъ. Царства и цари пройдутъ, но социализмъ не пройдетъ. Развѣ вы не узнаете? Это—юный *наслѣдникъ* отходящаго старца!⁴

◆◆ 1. По изданію рѣчи на французскомъ языкѣ видно, что въ этомъ мѣстѣ она была встрѣчена апплодисментами.

2. Продолжительные апплодисменты. «Браво»!

3. Апплодисменты.

4. Взрывъ апплодисментовъ.

Въ № 258 «The Leader» 1855 г. въ замѣткѣ о митингѣ сказано: «г. Герценъ, русскій дворянинъ, который поддерживалъ резо-

люціи и который, какъ было доложено, провель пять лѣтъ въ русской тюрьмѣ, заявилъ, что русскій народъ по природѣ своей демократиченъ».

«The Times» отозвался такъ: «Герценъ былъ принять съ энтузіазмомъ; французская рѣчь его была самой выдающейся изъ всѣхъ».

Мейзенбургъ рассказываетъ о митингѣ слѣдующее:

«Странное дѣло, Герценъ державшій себя свободно и непринужденно въ обществѣ, великій мастеръ въ спорѣ, былъ неспособенъ говорить въ большомъ собраніи. Онъ часто упоминалъ, что никогда этого не умѣлъ и согласился на этотъ разъ только подъ условіемъ, что ему разрѣшать *читать* рѣчь, что, конечно, ему и было разрѣшено. Съ Герценомъ было, какъ съ Маццини, который также никогда не говорилъ на многочисленныхъ собраніяхъ: его одолѣвала въ такихъ случаяхъ какая-то робость и парализовала его, чего никогда не случалось съ нимъ въ частныхъ спорахъ.

«Въ день митинга мы поѣхали въ городъ; огромный залъ, въ которомъ должны были собраться, былъ полонъ. Эрнстъ Джонсъ, принадлежавшій ранѣе къ партіи чартистовъ, а со времени ея распушенія стоявшій во главѣ рабочей партіи, предсѣдательствовалъ. Вокругъ него на эстрадѣ сидѣли члены комитета, большею частію англичане и поляки, а также и записавшіеся ораторы. Герценъ поднялся на эстраду. Его сынъ и я сидѣли въ публикѣ. Цѣлью митинга былъ призывъ къ англійскому народу, чтобы побудить его къ энергической демонстраціи въ пользу польскаго дѣла. Когда предсѣдатель объявилъ, что будетъ говорить русскій, притомъ въ то время, когда угнетавшая Польшу Россія вела войну съ Англійей, крики радости послышались въ залѣ. Герценъ взошелъ на трибуну и его привѣтствовали съ энтузіазмомъ. Рѣчь его часто прерывали рукоплесканія. Когда онъ кончилъ, ему сдѣлали продолжительную овацію. *Поляки жали ему руки, одна польская дама подала ему букетъ.* Онъ взялъ его и показалъ публикѣ, какъ символъ примиренія двухъ народовъ-братьевъ. Публика выражала одобрение громкими привѣтствіями. Въ минуту отъѣзда насъ окружили друзья и знакомые, выражая сочувствіе. Саффи вернулся съ нами въ Твикенгэмъ, чтобы переночевать и провести съ нами слѣдующій день. Мы вернулись домой очень поздно. Посидѣли немного за ужиномъ, бесѣдуя о серьезныхъ вещахъ. Наконецъ, мы разошлись, и я вошла въ свою комнату. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я услышала въ томъ углу, гдѣ спала маленькая Ольга, хриплый, душачій кашель! Я тотчасъ же поняла опасность и поспѣшила внизъ за Герценомъ и Саффи, которые еще продолжали бесѣдовать; они оба пошли за мною и подтвердили мои опасенія, что это ложный круппъ. Саффи

побѣжалъ за мѣстнымъ врачомъ; домовый же врачъ Герцена (Девиль) жилъ въ Лондонѣ, и до его прїѣзда прошло бы нѣсколько часовъ. Мѣстный докторъ пришелъ и предписалъ разныя средства, въ томъ числѣ горячую ножную ванну. Я держала ребенка на рукахъ всю ночь, такъ какъ приступы кашля усиливались отъ лежачаго положенія. Добрый Саффи сидѣлъ у нашихъ ногъ и держалъ ручку ребенка въ своей рукѣ; Герценъ былъ тутъ же, и мы провели такимъ образомъ всю ночь, далекіе отъ политическихъ волненій, среди которыхъ она началась для насъ (т. II, 67—79).

Защита главной резолюціи, требовавшей объединенія народовъ, а не верховъ, была поручена комитетомъ Герцену. Предсѣдатель заявилъ: «чтобы показать, что мы отвергаемъ національную рознь, что въ то время, какъ деспоты борются, мы не отождествляемъ ихъ съ поработанными ими народами, резолюція будетъ защищаться—къмъ вы думаете?—русскимъ» (Th. Rothstein «Aus der Vorgeschichte der Internationale», стр. 37). Другое сообщеніе того же автора невѣрно: онъ утверждаетъ, что рѣчь Герцена заняла все время и разогнала публику. Отчеты газетъ опровергаютъ эти указанія; выступали еще Э. Джонсъ, Саффи и А. Таландые.

770. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 Feb. (1855).

Twickenham, Richmond house.

Ну, что же вы, по моему наущенію, думали вчера вечеромъ о старикѣ? Коли думали, вотъ вамъ зато и рапортъ.

Митингъ былъ огромный. Часовъ около десяти я взошелъ на трибуну и былъ принятъ громомъ, трескомъ рукоплесканій. «Was welcomed with enthusiasm»¹⁾),—говоритъ сегодня «Times», пощипавшій меня, но въ мѣру. Засимъ рѣчь и разныя «браво»; когда я кончилъ, и публика еще шумѣла, подошла ко мнѣ незнакомая молодая англичанка и подала прекрасный букетъ, въ знакъ симпатіи англичанокъ. Я поднялъ букетъ съ трибуны вверхъ,—и двѣ тысячи шляпъ салютовали. Ну, а характеръ всего былъ съ такимъ краснымъ перцемъ, что въ Англии врядъ бывало ли, развѣ въ 48 году. Что выдумаетъ Голов., не знаю; публично не сунулся. Ау! а что будетъ, то будетъ.

Будутъ-ли у васъ въ журналахъ толковать, — объ евтомъ не мѣшаетъ черкнуть.

¹⁾ Былъ привѣтствованъ съ энтузіазмомъ.

Сегодня я, какъ измятая и раскрахмалившаяся манишка. И жаръ, ну, да и того-съ...

Посылаю вамъ вѣтку съ букета.

Александрю Рейхелю и его родителю—земно.

Ну, а ужъ Николаю Семеновичу досталось на табакъ. Пришлю при случаѣ.

771. Письмо къ Ж. Мишле.

2 Mars 1855.

Twickenham, Richmond house.

Cher Monsieur,

Vous devez me pardonner mon long silence, j'ai été tellement occupé tout le dernier temps — que je n'ai pu remplir votre commission. Maintenant je peux vous rendre compte. Quatre hommes plus que distingués m'ont promis d'écrire des articles. Saffi (le Triumvir romain), Pulsky (Hongrois, ami de Kossuth), E. Jones ¹⁾ et W. Linton. — Le British museum vous remercie pour l'exemplaire, et moi je vous serre la main. Votre ouvrage est admirable — j'ai été jeune, j'ai été encore une fois enthousiaste en lisant l'Introduction—c'est un poème, c'est l'histoire devenue art, philosophie. «La sorcière» même a trouvé une réhabilitation chez vous, et vous avez porté un tel coup au monde du dualisme, d'onanisme, au monde du «Dieu imberbe» — qu'il s'en souviendra. Je ne connais rien après l'ouvrage admirable de Feuerbach («Wesen des Christent.»)—qui ait une portée si grande, pour dégriser les hommes de la théologie.

J'ai lu des fragments de l'Introduction aux allemands, aux anglais et aux Français—on a été enchanté—et tout le monde vous remercie. A propos j'ai donné un exempl. aux correspondants de la Gazette d'Augsbourg et j'enverrai demain le dernier à F. Kapp à New-York, je prierai le célèbre Froebel s'il est encore là — l'ami de Rob. Blum d'écrire dans le «Citizen» ou dans «la Tribune».

Encore une fois—merci, merci pour vos pages poétiques, immortelles—et permettez moi de vous embrasser de tout mon cœur.

Le meeting international le 27 Février et chartiste a été très splendide. Vous me permettrez de vous offrir un exempl. de mon discours — lorsqu'il sera imprimé. Les Anglais ont fait une preuve d'une grande délicatesse de cœur. Avant le «meeting» j'ai été attaqué dans

¹⁾ E. Jones—le chef des chartistes, l'ami d'O'Connor.—A. H.

une feuille et je m'attendais en ma qualité de Russe—d'avoir une mauvaise réception. Tout le contraire, le «Times» lui-même a dit dans son article perfidement calme «The Russian gentleman was welcomed with enthusiasm»... Après le discours une dame anglaise me jeta un bouquet de fleurs en disant «d'une sœur anglaise au républicain Russe!»—Voilà des faits assez rares pendant la guerre.

Le meeting avait un caractère profondément républicain. Un énorme drapeau rouge avec l'inscription «Alliance of the people» flottait au-dessus de la tribune—et tout seul! (Pas même de drapeau anglais).

Je vous salue—et je reste tout à vous

A. Herzen.

Переводъ.

2 марта 1855.

«Дорогой г. Мишле, простите мнѣ мое долгое молчаніе: послѣднее время я до того былъ занятъ, что не могъ исполнить вашего порученія. Теперь я въ состояніи дать вамъ отчетъ. Четыре человѣка, болѣе, чѣмъ выдающихся, обѣщали писать статьи. Саффи¹ (одинъ изъ бывшихъ римскихъ триумвировъ), Пульскій¹) (венгерець, другъ Кошута), Э. Джонсъ²) и В. Линтонъ.

Британскій музей благодарить васъ за присылку экземпляра, а я жму вамъ крѣпко руку. Ваша книга удивительна. Я почувствовалъ себя молодымъ, я еще разъ проникся энтузіазмомъ, читая «Предисловіе»; это — поэма, исторія, превратившаяся въ искусство, въ философію! Даже «Колдунью» вы реабилитировали, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нанесли такой ударъ міру дуализма, онанизма и «безбородаго бога», что онъ будетъ его помнить! Послѣ дивнаго сочиненія Фейербаха («Wesen des Christent.») я не знаю ни одной книги, которая болѣе могла бы способствовать отрезвленію людей отъ богословія.

Я читалъ отрывки изъ «Предисловія» нѣмцамъ, англичанамъ и французамъ, — всѣ были въ восхищеніи, всѣ васъ благодарятъ. Кстати, я далъ одинъ экземпляръ корреспондентамъ «Аугсбургской Газеты», а завтра пошлю послѣдній Ф. Каппу въ Нью-Йоркъ и попрошу знаменитаго Фребеля, если онъ еще тамъ, друга Роб. Блума, чтобъ онъ далъ отзывъ въ газету «Citizen» или въ «Tribune».

Еще разъ спасибо, спасибо за ваши поэтическія, безсмертныя страницы, и позвольте поцѣловать васъ отъ всей души.

¹) Францъ-Аврелій, извѣстный писатель и политическій дѣятель, эмигрантъ.

²) Глава чартистовъ, другъ О'Коннора.—А. И. Г.

Международный чартистскій митингъ 27 февраля былъ великолѣпнѣе. Позвольте предложить вамъ одинъ экземпляръ моей рѣчи, когда она будетъ напечатана. Англичане дали доказательство большой своей деликатности. За нѣсколько дней до митинга на меня обрушился съ нападками одинъ листокъ, и я, въ качествѣ русскаго, думалъ, что встрѣчу очень дурной приемъ. Вышло наоборотъ: даже «Таймсъ» въ своей коварно-спокойной статьѣ выразился такъ: «Русскій джентльменъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ»... По окончаніи рѣчи одна англійская дама бросила мнѣ букетъ цвѣтовъ, воскликнувъ: «Русскому республиканцу отъ англійской сестры!». Вотъ факты довольно рѣдкіе, принимая во вниманіе войну.

Митингъ носилъ характеръ глубоко республиканскій. Надъ трибуной развѣвался огромный красный флагъ, на которомъ начертаны были слова: «Союзъ народовъ», и это былъ единственный флагъ (не было даже англійскаго!)

Привѣтъ вамъ, остаюсь весь вашъ

А. Герценъ.

◆◆ 1. Въ архивѣ семьи Герцена хранится слѣдующее очень трогательное стихотвореніе Саффи:

Saluto di un'esule giovenitta al fior della terra nativa.

O nuvolette che per l'aria andate
 Innamorate al lume della luna
 È par che voi di me non vi curiate
 Nè vi ricordi della mia sfortuna;
 Non vi ricorda del mio gran dolore
 Ch'io ho perduto lo mio primo amore.

Lo primo amor della mia vita nuova,
 La bella terra dove nata fui;
 La bella terra dove si ritrova
 Quanta dolcezza il ciel può dare a noi;
 Il tedesco ladrone me l'ha tolta,
 Onde in corrucio ogni mia gioja fu volta.

Quando bambina vi fei dimoranza
 Un fior d'eletto seme io vi piantai,
 Nutrendolo d'amor e di speranza;
 E lungamente nel mio cor pensai

Di farne dono al più gentil guerriero
Che vincesses in battaglia lo straniero.

Ahimè! quel fior or langue inaridito,
Ed io mi sto piangendo esule e sola,
Lungi dal suol che m'ha prima nudrito,
Lungi da quanto l'anima consola.
La terra del mio core è divenuta,
Come un sepolcro, desolata e muta.

Deh! nuvolette, se in vostro viaggio,
Oltre quell'Alpi di volar pensate,
Innamorate della luna al viaggio,
Deh! una grazia al mio cor non disnegate:
Sapete ben ch'io v'amo, o peregrine
Figlie dell'aria, vergini divine.

Deh! portate con voi sulle vostre ale
A quel povero fiore il mio sospiro;
Ditegli, si di me nulla vi cale,
Che seco è sempre il mio primo desiro;
Forse il saluto dell'antico amore
Può ridar vita a quel morente fiore!

A. Saffi al suo
Alessandro Herzen,

Gennajo 1855.

Переводъ.

Привѣтъ юной изгнанницы цвѣтку родной страны.

Облачки, по небу плывущія, облачки, въ свѣтъ луны влюбленныя, вамъ, видимо, нѣтъ дѣла до меня, до моего несчастья, до великой скорби, скорби по утратѣ первой любви.

Скорби по утратѣ первой любви моей жизни новой, по утратѣ прекрасной земли, гдѣ я родилась, прекрасной земли, гдѣ столько прелести, сколько небо можетъ дать намъ. Разбойникъ - нѣмецъ отнялъ ее у меня, и въ горечь съ тѣхъ поръ обратилась каждая радость моя.

Когда я жила тамъ ребенкомъ, я посадила тамъ цвѣтокъ отборный и ходила за нимъ съ любовью, съ надеждою. И долго-долго въ душѣ мечтала отдать тотъ цвѣтокъ въ даръ милому воину, который въ бою побѣдитъ чужеземца.

Увы, увы! теперь тотъ цвѣтокъ чахнетъ, засохшій, а я стою здѣсь, плача, одинокая, изгнанница, вдали отъ почвы, меня вскормившей, вдали отъ всего, что утѣшаетъ душу. Страна моего сердца стала, словно могила, нѣмая, печальная.

Ахъ, облачки милья! если въ странствіяхъ своихъ вы рѣшите полетѣть за Альпы, влюбленная въ плывущую луну, ахъ, тогда не откажите сердцу моему въ милости: знайте, я люблю васъ, дочери воздуха, паломницы, небесныя дѣвы.

Ахъ! отнесите на крыльяхъ съ собою мой вздохъ бѣдняжкѣ-цвѣтку. Скажите ему, что если до меня и нѣтъ никому дѣла, все же мои помыслы всегда съ нимъ. Быть можетъ, привѣтъ старой любви сможетъ вернуть жизнь тому умирающему цвѣтку.

А. Саффи своему
Александру Герцену.

Январь 1855 г.

772. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 марта (1855)¹⁾.

Ну, поздравляю,
поздравляю,
поздравляю!

Мы пьяны,
Мы сошли съ ума,
Мы молоды стали!

Когда ѣдете на Трубу?

Цѣлую васъ.

Только рѣчь мою прочелъ, да и въ Могилевъ!

¹⁾ 19 февраля 1855 г. вступилъ на престолъ Александръ II.
3 марта

773. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 марта (1855).

Письмо получилъ; за Рейхеля радъ; да я былъ увѣренъ, что пойдетъ хорошо. Посылаю вамъ пока, до француз. перевода, англійскій, чтобъ похвастать на счетъ аплодисментовъ.

Прощайте. Чемоданы въ фертигъ ¹⁾).

774. Письмо къ императору Александру Второму.

Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеніи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ.
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье истреби.

(К. Рылѣевъ—«Ода в. к. Александру Николаевичу, 1823 г., августа 30»).

Государь,

Ваше царствованіе начинается подъ удивительно счастливымъ созвѣздіемъ. На Васъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, у Васъ нѣтъ угрызений совѣсти.

Вѣсть о смерти Вашего отца Вамъ принесли не убійцы его. Вамъ не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобъ сѣсть на тронъ, Вамъ не нужно было казнями возвѣститъ народу Ваше восшествіе.

Лѣтописи - - - - - едва-ли представляютъ одинъ примѣръ такого чистаго начала.

И это не все.

Отъ Васъ ждуть кротости, отъ Васъ ждуть человѣческаго сердца.—Вы необыкновенно счастливы!

Судьба, случайность— все окружило Васъ чѣмъ-то, говорящимъ въ Вашу пользу. Вы одни изъ всѣхъ Вашихъ родились въ Москвѣ

¹⁾ Fertig—готовый.

и родились въ то время, какъ она воскресала къ новой жизни послѣ очистительнаго пожара. Бородинскія и тарутинскія пушки, едва воротившіяся изъ-за границы, еще покрытыя парижской пылью, возвѣстили съ высотъ Кремля о Вашемъ рожденіи. Я пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ ихъ и помню.

Рылѣевъ привѣтствовалъ Васъ совѣтомъ (вѣдь, Вы не можете отказать въ уваженіи этимъ сильнымъ бойцамъ за волю, этимъ мученикамъ своихъ убѣжденій?). Почему именно Ваша колыбель внушила ему стихъ кроткій и мирный? Какой пророческій голосъ сказалъ ему, что на Вашу дѣтскую голову падетъ со временемъ корона?

Васъ воспиталъ поэтъ, котораго любила Россія.

Въ день Вашего совершеннѣтія была облегчена судьба нашихъ мучениковъ.—Да, Вы удивительно счастливы!

Потомъ Ваше путешествіе по Россіи. Я его видѣлъ, и больше—я его очень помню; черезъ Ваше предстательство моя судьба географически улучшилась: меня перевели изъ Вятки во Владиміръ,—я не забылъ это.

Сосланный, въ дальнемъ заволжскомъ городѣ, я смотрѣлъ на простую любовь, съ которой шелъ Вамъ навстрѣчу бѣдный народъ, и думалъ: «чѣмъ Онъ заплатитъ за эту любовь?»

Вотъ оно, время уплаты,—и какъ она Вамъ легка! Дайте волю Вашему сердцу. Вы, вѣрно, любите Россію, и Вы можете такъ много-много сдѣлать для народа русскаго.

Я тоже люблю народъ русскій, я его покинулъ изъ любви, я не могъ сложа руки и молча остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники.

Удаленіе мое не измѣнило моихъ чувствъ; середь чужихъ, середь страстей, вызванныхъ войной, я не свернулъ моего знамени. И на дняхъ еще во мнѣ англійскій *народъ всенародно* привѣтствовалъ *народъ* русскій.

Разумѣется, моя хоругвь — не Ваша: я—неисправимый социалистъ, Вы—самодержавный императоръ; но между Вашимъ знаменемъ и моимъ можетъ быть одно общее, именно—та любовь къ народу, о которой шла рѣчь.

И во имя ея я готовъ принести огромную жертву. Чего не могли сдѣлать ни долготнѣя преслѣдованія, ни тюрьма, ни ссылка, ни скучныя скитанія изъ страны въ страну, то я готовъ сдѣлать изъ любви къ народу.

Я готовъ ждать, стереться, говорить о другомъ, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сдѣлаете для Россіи. Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно,

мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостатка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... намъ есть что сказать міру и своимъ.

Дайте землю крестьянамъ, — она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залѣчите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій, эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

Отецъ Вашъ, умирая, — не бойтесь, я знаю, что говорю съ сыномъ, — признался, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что хотѣлъ, для *всѣхъ* своихъ подданныхъ... Крѣпостное состояніе явилось, какъ угрызеніе совѣсти, въ послѣднюю минуту.

Онъ не успѣлъ въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ!

Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить!..

...Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствоваться; мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ Вы такъ же мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

На первый случай намъ и этого довольно...

Быть можетъ, на той высотѣ, на которой Вы стоите, окруженные туманомъ лести, Вы удивитесь моей дерзости; можетъ, даже разсмѣтесъ надъ этой потерянной песчинкой изъ семидесяти милліоновъ песчинокъ, составляющихъ Вашъ гранитный пьедесталь.

А лучше не смѣяться. Я говорю только то, о чемъ у насъ *молчатъ*. Для этого я и поставилъ на свободной землѣ первый русскій станокъ; онъ, какъ электрометръ, показываетъ дѣятельность и напряженіе сгнетенной силы...

Нѣсколько капель воды, не находящихъ выхода, достаточно, чтобъ разорвать гранитную скалу.

Государь, если эти строки дойдутъ до Васъ, прочтите ихъ беззлобно, одни и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать искренній голосъ свободаго русскаго.

10 марта 1855 г.

775. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 марта (1855).

Письмо ваше, разумѣется, получилъ, ну, и на душѣ отлегло. Ну, ужъ зато я вымою голову Томѣ Кемпійскому ¹⁾, — баловень. А ужъ Адольфъ Бетховичъ ²⁾ вашъ не умѣетъ сказать: «ступайте къ чорту! Я работаю». Хорошъ генераль-басъ.

¹⁾ ? (прозвище).

²⁾ Рейхель.

Грибуля ¹⁾ жду и одурачу. А у насъ свой Грибуль,—вотъ маски-то долой: Головинъ пишетъ статьи въ пользу русскаго правительства и при томъ съ такими фразами: «Нашъ ангелъ сѣлъ на престолъ!». Теперь онъ покончилъ себя. Каковъ подлець?! «Аугсбургская Газета» первая выдала его; ¹ à propos, въ «Аугсб. Газетѣ» была предлинная статья обо мнѣ, написанная съ такою злобой (хотя статья скорѣе полезна мнѣ, нежели вредна), что это, должно быть, кто-нибудь изъ друзей,—въ бейлагѣ ²⁾ между 10 марта и 20, подъ заглавіемъ «О внутреннихъ движеніяхъ въ Россіи при Александрѣ и Николаѣ». Обѣщано продолженіе. Если можете достать, совѣтую.

Завтра переѣзжаю снова въ Bridgefield Villas, это—временная квартира до 5 апрѣля, вещи же всѣ отправляются на новую кварт. въ Ричмондѣ,—ее я нанялъ до 5 декабря:

Cholmondeley Villas, Richmond.

До 5 вы можете просто писать Twickenham.

За симъ припадаю къ стопамъ вашимъ.

А.

А не правда ли, это почтенно, что ни одинъ человѣкъ строки не напишетъ изъ Москвы? Экій славянскій застой.

◆◆ 1. 18 марта н. ст. Головинъ отправилъ Александру II слѣдующее письмо: «Ваше Императорское Величество, Государь Всемиловивѣйшій! Священнымъ долгомъ своимъ полагаю поставить себя на распоряженіе Вашего Императорскаго Величества. Я буду гордъ имѣть Государемъ моимъ добрѣйшаго изъ монарховъ, если только В. И. В. благоугодно имѣть меня своимъ подданнымъ. Надежда всей жизни моей была основана на Васъ. Исполните живѣйшую изъ нихъ: возвращеніе меня на родину. Распространяя до меня Всемиловивѣйшую амнистію Вашу и возвращая мнѣ права мои, В. И. В. дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ моей родинѣ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1843 г., I эксп., дѣло № 50, ч. I).

776. Надпись для М. Мейзенбургъ.

Мальвидѣ Мейзенбургъ въ знакъ дружбы.

А. Герценъ.

Ричмондѣ
30 марта 1855.

¹⁾ Очевидно, прозвище; Грибуль—герой разсказа Жоржъ-Сандъ.

²⁾ Beilage—приложеніе.

777. Письмо къ Ж. Мишле.

31 Mars (1855).

Cholmondeley-Lodge, Richmond (Surrey).

Cher Monsieur, si j'ai tardé de vous répondre à votre aimable lettre, c'est que j'attendais outre la promesse—aussi les articles de mes amis. Saffi et Jones ont écrit; l'article de Saffi sera aussi dans «l'Italia e Popolo», Ribeyrolles écrit aussi pour son journal de Jersey.

Il y a une dame allemande—qui a tout bonnement un sentiment de vénération religieuse pour votre ouvrage. Elle m'a demandé si vous permettez à elle de le traduire en Allemand. La traduction sera bonne je vous en répons —elle m'a montré une feuille d'essai, c'était très-bien traduit.

J'ai reçu du British Museum une lettre et une autre de la rédaction de l'Athénée — on me prie de vous remercier pour les exemplaires.

Quant a l'autre affaire, je ne sais vraiment ce que je pourrais faire — dans tous les cas je prendrai des renseignements et, une fois pour toutes, je vous en prie, disposez de moi.

J'organise maintenant une revue russe — sous le titre «L'Etoile Polaire», c'était le titre d'un Almanach rédigé par Ryléeff et supprimé par Nicolas. Les nuages passent et les étoiles restent — je veux faire paraître le 1er № le jour de l'exécution de Pestel. Je serais très heureux d'avoir deux-trois pages de vous, je les traduirai. Votre nom est connu et aimé en Russie.

Permettez moi de vous offrir un exemplaire de mon discours—vous avez été si indulgent pour les autres brochures de moi — que vous le serez aussi pour mon bavardage imprimé.

Vous m'obligerez en m'écrivant un mot concernant la traduction. Je vous salue de tout mon cœur.

Al. Herzen.

Переводъ.

31 марта (1865).

Я опоздалъ отвѣтомъ на ваше любезное письмо, потому что, кромѣ обѣщанія, я ждалъ также статей друзей. Саффи и Джонсъ уже написали; статья Саффи будетъ также помѣщена въ «Italia e Popolo»; Рибероль также пишетъ для своей джерсейской газеты.

Есть нѣмецкая дама ¹⁾, которая относится къ вашему сочиненію съ чувствомъ прямо религіознымъ. Она меня спрашиваетъ, разрѣшите ли вы ей перевести его на нѣмецкій языкъ? Переводъ будетъ хорошъ, ручаюсь за это,—она показала мнѣ пробный листикъ,—переведено очень хорошо.

Я получилъ письмо отъ Британскаго музея и другое отъ редакціи «Atheneum»; просятъ меня поблагодарить васъ за экземпляры.

Что касается другого дѣла, то, право, не знаю, что буду въ состояніи сдѣлать; во всякомъ случаѣ, наведу справки и разъ навсегда прошу васъ, располагайте мною.

Я организую теперь русскій журналъ подъ заглавіемъ «Полярная Звѣзда». Это было заглавіемъ одного альманаха, редактировавшагося Рылѣвымъ и уничтоженнаго Николаемъ... Тучи пройдутъ, звѣзды остаются... Я хочу выпустить первый № въ день казни Пестеля. Буду очень радъ, если получу отъ васъ двѣ-три странички; я ихъ переведу. Ваше имя знаютъ и любятъ въ Россіи.

Позвольте мнѣ предложить экземпляръ моей рѣчи. Вы были такъ снисходительны къ другимъ моимъ брошюрамъ, что такое же снисхожденіе окажете и моей напечатанной болтовнѣ.

Вы меня крайне обяжете, если напишете словечко относительно перевода.

Привѣтствую васъ отъ всего сердца.

Ал. Герценъ.

778. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 апрѣля (1855).

Cholmondeley-Lodge, Richmond.

Богъ васъ украсилъ многими талантами и лишилъ одного: тайны писать четко адреса. Вы начали ихъ писать очень крупно, но бѣдѣ не пособили. Послѣднее ваше письмо опять пришло съ надписью. А потому пишите на англійскій манеръ: сперва имя, потомъ домъ, послѣ городъ, а то они читаютъ такъ «Г. Твикнэму въ Герценѣ». Словомъ, какъ я пишу.

Франкъ — мерзавецъ. Онъ, впрочемъ, мнѣ написалъ, что 100 франковъ отдастъ Кемп. ²⁾ Сколько онъ вамъ долженъ, т. е. Кем., дабы я могъ имѣть начальническое хожденіе съ прессіей ³⁾?

¹⁾ М. Мейзенбургъ.

²⁾ «Θома Кемпійскій», см. стр. 162.

³⁾ Pression—давленіе.

Написалъ я, осмѣлюсь доложить, программу «Полярной Звѣзды» и письмоце къ - - - - - second edition ¹⁾, кажется, не совсѣмъ скверно. Дѣла не очень дурно идутъ. Знаете ли, что въ Польшѣ онъ велѣлъ сдѣлать банкъ, который будетъ выкупать крестьянъ?

Рѣчь, вѣроятно, дошла. Теперь сдѣлаю русское изданіе всего митинга—богатая вещь ²⁾.

Насчетъ руководства—круппъ или нѣтъ, вотъ вамъ правило: когда рвотное дѣйствуетъ первый разъ, выходятъ ли или нѣтъ куски въ родѣ губчатой кожи? тогда круппъ. Иногда бываетъ неестественный кашель, похожій на круппъ, но онъ не опасенъ.

Рвотное въ обоихъ случаяхъ хорошо. Но если нѣтъ кусковъ, то ненужно и тревожиться.

Я ужасно доволенъ Девилемъ; это чуть ли не лучший докторъ, котораго я видѣлъ.

Далѣе просьба. Помилосердствуйте написать къ Тесье записку и скажите такъ:

Г. просить узнать отъ М... ³⁾ или Жирардена, не желаетъ ли онъ взять на комиссію русскія книги, издав. въ Лондонѣ, т. е. въ книжной лавкѣ, что на бульварахъ. Я уступаю 30 процентовъ. Да скажите, что отвѣтъ необходимъ скоро, чтобъ къ выставкѣ успѣть ⁴⁾.

Или не хочетъ ли Gamier въ Palais-Royal? А съ Франкомъ объ франкахъ нельзя имѣть дѣла.

Да еще напишите Тесье, сверхъ поклона, что я Матье отдалъ два ливра.

Засимъ съ праздникомъ.

Да какъ адресъ Тесье?

779. ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА.

Третнее обозрѣніе освобождающейся Руси.

«Да здравствуетъ разумъ!»

А. Пушкинъ.

«Полярная Звѣзда» скрылась за тучами николаевского царствованія ⁵⁾).

¹⁾ Изданіе второе, т. е. Александру II.

²⁾ «Народный сходъ 27 февраля 1855 г.».

³⁾ Фамилія неразборчива.

⁴⁾ Въ 1855 г. въ Парижѣ была всемірная выставка.

⁵⁾ Альманахъ «Полярная Звѣзда» въ трехъ книжкахъ (на 1823, 1824 и 1825 гг.) былъ выпущенъ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и Рылѣевымъ въ Спб.

Николай *прошелъ*, и «Полярная Звѣзда» является снова, въ день нашей - - - - - , въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью - - - - - ¹⁾).

Русское періодическое изданіе, выходящее безъ цензуры, исключительно посвященное вопросу русскаго освобожденія и распространенію въ Россіи свободнаго образа мыслей, принимаетъ это названіе, чтобъ показать непрерывность преданія, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство.

Россія сильно потрясена послѣдними событіями. Что бы ни было, она не можетъ возвратиться къ застою; мысль будетъ дѣятельнѣе, новые вопросы возникнутъ; неужели и они должны затеряться, заглохнуть? Мы не думаемъ. Казенная Россія имѣетъ языкъ и находить защитниковъ даже въ Лондонѣ. А юная Россія, Россія будущаго и надеждъ не имѣетъ ни одного органа.

Мы предлагаемъ его ей.

Съ 18 февраля
2 марта Россія вступаетъ въ новый отдѣлъ своего развитія. Смерть Николая—больше, нежели смерть человѣка: смерть началъ, неумолимо строго проведенныхъ и дошедшихъ до своего предѣла. При его жизни они могли кое-какъ держаться, упрочены привычкой, оперты на желѣзную волю.

Послѣ его смерти нельзя продолжать его царствованія.

Мы не сражаемся съ мертвыми. Съ той минуты, какъ докторъ Мандтъ шопотомъ сказалъ наслѣднику: «Каротида не бьется больше»,—страстность въ нашей борьбѣ замѣнилась холоднымъ разборомъ прошлаго царствованія.

Двѣ главныя мысли, безъ всякаго единства, мѣшавшія другъ другу, опредѣляютъ характеръ николаевскаго правленія:

продолженіе петровскаго преданія во внѣшней политикѣ;

противодѣйствіе петровскому направленію во внутреннемъ развитіи;

расширеніе предѣловъ и вліяніе въ Европѣ и Азіи, суживаніе всякой гражданственности въ Россіи.

Все для государства, т. е. для - - - - - , ничего для людей.

Воротиться къ патріархально-варварской власти царей московскихъ, не утратя ничего изъ цезарскаго величія петербургскаго императорства, такова была задача Николая.

- - - - - , этотъ византійскій деспотъ, окруженный попами и монахами, одѣтый въ какой-то золоченый халатъ, ограниченный китайскимъ церемоніаломъ и дурнымъ государственнымъ

¹⁾ 25 (13) іюля 1826 г. были повѣшены Пестель, Рылѣвъ, Сергѣй Муравѣвъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій.

устройствомъ,—всего меньше солдатъ. Императоръ петербургскій, какъ только отказывается отъ образовательныхъ началъ Петра,—только - - - - .

Николай съ перваго дня своего воцаренія объявляетъ войну всякому образованію, всякому свободному стремленію. Онъ подогрѣваетъ вялое православіе, гонитъ униатъ, уничтожаетъ вѣротерпимость, не пускаетъ русскихъ за границу, обкладываетъ безобразной пошлиной право путешествовать, терзаетъ Польшу за ея политическое развитіе, открываетъ - - - , которымъ Петръ запретилъ являться, и смѣло ставитъ на своемъ знамени, - - - - - - - - - - великимъ словамъ на хоругви французской революціи: *Самодержавіе, Православіе, Народность!*

- - - - - . Вотъ наивная философія исторіи русскаго самодержца.

Ему все удается. Не потому, чтобъ онъ имѣлъ чрезвычайную силу ¹⁾, а потому, что низость міра, его окружавшаго, была чрезвычайна.

Вершина его величія была та минута, когда онъ прочелъ донесеніе Паскевича: «Венгрія у ногъ в. в.». Николай забылся до кротости, ему было жаль, когда свирѣпый мальчишка перевѣшалъ генераловъ, отдавшихъ ему на слово.

Но не одна Венгрія была у его ногъ, а вся Европа, ибо вездѣ былъ свой Гѣргей, много Гѣргеевъ.

Орлеанскіе журналы, смиренно прощая оскорбленія Николая Людовику-Филиппу, называли его Агамемнономъ и звали спасать то образованіе, во имя котораго начали союзники войну противъ него.

Мѣщане становились на свои жирныя колѣнки и звали русскія пушки на защиту собственности и религіи.

Австрія была *до того* обязана Николаемъ, что хотѣла, по словамъ Шварценберга, *удивить* міръ своею неблагодарностью. Это много значитъ въ классической странѣ коварства и неблагодарности!

Прусскій король *пилъ* за его здоровье. Остальные разночинцы изъ нѣмецкихъ владыкъ *пили* на его счетъ приданое великихъ князей.

Николай торжествовалъ. Но возлѣ Зимняго дворца, т. е. возлѣ Петропавловской крѣпости, открыли общество Петрашевскаго. Стало, революціонная мысль при всѣхъ усиліяхъ не убита,

¹⁾ Какъ я сказалъ въ Ганноверъ-Румѣ на годовщинѣ польской революціи въ 1853.—А. И. Г.

бродить въ умахъ, заставляеть биться сердца. Появленіе этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ, прекрасныхъ юношей передъ комиссіей было зловѣщимъ *memento mori* для Николая. Призракъ 14 декабря являлся недаромъ черезъ двадцать пять лѣтъ, цвѣтушій, поюнѣлый. Что же было выиграно страшнымъ гнетомъ дома и вселенской низостью?

Къ тому же послѣ торжества наступила страшная пустота. Бесплодность - - - - - , ставящаго себя цѣлью, оказалась вполне на другой день послѣ побѣды.

Ни одной плодотворной мысли, ни одного улучшенія, все сѣдѣетъ вмѣстѣ съ Николаемъ, старѣется, костенѣетъ. Онъ могъ одно сдѣлать—освободить крестьянъ, онъ хотѣлъ этого, но трудно, страшно трудно для - - - - - дать чему-нибудь волю...

Въ томъ же положеніи находится другой деспотизмъ. Онъ тоже торжествовалъ; онъ тоже усмирилъ свою Польшу, его Польша называется только Франціей. Порядокъ царилъ въ Парижѣ и ему было нужно что-нибудь дѣлать.

Наполеонъ и - - - - - играли другъ другу въ масть. Они выдумали войну.

Война все перемѣнила! Николай первый упалъ въ пропасть открытую имъ; онъ не послѣдній,—будьте увѣрены.

- - - - - управление опущено - - - - - вмѣстѣ въ могилу. Не бойтесь, оно не воскреснетъ; можетъ быть хуже, но не можетъ быть того же.

Мы почти ничего не знаемъ о - - преемникѣ. Но обстоятельства его восшествія на тронъ опредѣляютъ долю его положенія помимо его воли.

Какая разница!

Шаткой ногой входитъ Николай на престолъ, вмѣсто старшаго брата своего. Его встрѣчаетъ бунтъ, онъ побѣждаетъ его картечью; но за падшими рядами открывается колоссальный заговоръ. Въ немъ вся Россія: крестьянинъ представленъ солдатомъ, Рюриковъ домъ—князьями, генералы, покрытые славой, люди, покрытые почетомъ, литераторы, офицеры, чиновники въ Петербургѣ, въ Москвѣ, вездѣ участвуютъ въ заговорѣ. Онъ боится знать, что Адлербергъ, его другъ, Суворовъ, внукъ князя Италійскаго, замѣшаны, и освобождаетъ ихъ отъ суда; императоръ Александръ I чуть самъ не былъ въ заговорѣ; Сперанскій и Карамзинъ писали по его приказу хартіи.

Николаю предстояли двѣ дороги: сдѣлаться главой движенія, овладѣть имъ и итти впередъ или задавить его и итти противъ

теченія, пока есть силы. Онъ выбралъ послѣднее и до настоящей войны выдержалъ свою роль. Но движеніе, которое его увлекло въ войну, — лучшее доказательство, что онъ не остановилъ, не осилилъ его, и человекъ, начавшій тѣмъ, что обезоружилъ все, мысль и руку, кончилъ призваніемъ къ оружію всей Россіи, даже крѣпостной.

Что же похорого на четырнадцатое декабря въ восемнадцатомъ февралѣ? Нельзя новому императору отвѣчать картечью на геройскую защиту Севастополя; нельзя запретить всякое слово, когда къ нему приходятъ одни сказать, что они даютъ свою кровь, другіе, что они даютъ свои деньги на защиту Россіи. А Россія не хотѣла войны, она разорена ею, война, очевидно, не нужна для нея. Но тутъ уже рѣчь не о быломъ, не о желаніи, а о спасеніи цѣлости государства; народъ идетъ поправлять своей кровью - - - - вину — а ему новый царь будетъ отвѣчать Сибирью, новымъ гнетомъ? — Полноте!

Въ 1825 году вся Европа стояла за Николая, въ 1855 вся Европа противъ Александра. Легко пренебрегать стономъ народнымъ, когда нѣтъ внѣшняго врага, но трудно посылать людей на смерть съ оскорбленіемъ и браннымъ словомъ на прощанье. Они добудились до того, что война становится народной. Народъ снова имѣетъ нѣчто общее съ царемъ — оттого-то царь и будетъ зависть отъ него.

Четырнадцатое декабря родилось тоже въ минуту одушевленія, когда народъ въ первый разъ послѣ Пожарскаго шель рука въ руку съ правительствомъ. Мысль русскаго освобожденія явилась на свѣтъ въ тотъ день, когда русскій солдатъ, усталый послѣ боевъ и длинныхъ походовъ, бросился, наконецъ, отдохнуть въ Елисейскихъ поляхъ.

И неужели черезъ сорокъ лѣтъ пройдетъ даромъ гигантскій бой въ Тавридѣ?

Севастопольскій солдатъ, израненный и твердый, какъ гранитъ, испытавшій свою силу, такъ же подставить свою спину палкѣ, какъ и прежде? Ополченный крестьянинъ воротится на барщину такъ же покойно, какъ кочевой всадникъ съ береговъ каспійскихъ, сторожащій теперь балтійскую границу, пропадетъ въ своихъ степяхъ? И Петербургъ видѣлъ понапрасну англійскій флотъ? — Не можетъ быть. Все въ движеніи, все потрясено, натянуто... и чтобъ страна, такъ круто разбуженная, снова заснула непробуднымъ сномъ?!

Лучше пусть погибнетъ Россія!

Но этого не будетъ. Намъ здѣсь вдали слышна другая жизнь.

Изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ. Мы и прежде не сомнѣвались въ народѣ русскомъ,—все написанное и сказанное нами съ 1849 года свидѣтельствуеть объ этомъ. Основаніе типографіи еще больше свидѣтельствуеть. Вопросъ шелъ о времени, онъ разрѣшился въ нашу пользу.

Только не слѣдуетъ ошибаться въ одномъ; обстоятельства—многое, но не все. Безъ личнаго участія, безъ *воли*, безъ труда ничего не дѣлается вполнѣ. Въ этомъ-то и состоитъ все величіе человѣческаго дѣянія въ исторіи. Онъ творить ее, и исполненіе ея судебъ зависитъ отъ его верховной воли. Чѣмъ обстоятельства лучше, тѣмъ страшнѣе отвѣтственность передъ собой и передъ потомствомъ.

Мы призываемъ къ труду. Это немного, но физиологически важно; мы сдѣлали первый шагъ, мы раскрыли калитку,—*итти ваше дѣло!*..

Первый томъ «Полярной Звѣзды» выйдетъ двадцать пятого іюля (7 августа), второй—къ Новому году. Мы не хотимъ открывать подписки прежде декабря мѣсяца; для подписки намъ необходимо знать, будутъ ли намъ посылать статьи, будемъ ли мы поддержаны изъ Россіи. Тогда только мы и будемъ въ возможности опредѣлить, *три* или *четыре* тома можемъ мы издавать въ годъ.

Планъ нашъ чрезвычайно простъ. Мы желали бы имѣть въ каждой части одну общую статью (философія революціи, социализмъ), одну историческую или статистическую статью о Россіи или о мірѣ славянскомъ, разборъ какого-нибудь замѣчательнаго сочиненія и одну оригинальную литературную статью; далѣе идетъ смѣсь, письма, хроника и пр.

«Полярная Звѣзда» должна быть, и это одно изъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ, убѣжимъ всѣхъ рукописей, тонушихъ въ - - - - - цензурѣ, всѣхъ изувѣченныхъ ею. Мы въ *третьй* разъ обращаемся съ просьбой ко всѣмъ грамотнымъ въ Россіи, доставлять намъ списки Пушкина, Лермонтова и др., ходячіе по рукамъ, извѣстные всѣмъ («Ода на свободу», «Кинжалъ», «Деревня», пропуски изъ «Онѣгина», изъ «Демона», «Гавриліада», «Торжество смерти», «Поликратъ Самосскій»...).

Рукописи погибнуть, наконецъ,—ихъ надобно закрѣпить печатью.

Первый томъ нашъ богатъ. Писатель необыкновеннаго таланта и рѣзкой діалектики¹⁾ прислалъ намъ, только что разнесся слухъ о «Полярной Звѣздѣ», превосходную статью подъ заглавіемъ «Что

¹⁾ В. А. Энгельсонъ.

такое государство?». Мы перечитывали ее десять разъ, удивляясь смѣлости и глубинѣ революціонной логики автора.

Другой анонимъ прислалъ намъ «Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ». Переписку эту мы знали прежде отъ самого Бѣлинскаго, она надѣлала нѣкоторый шумъ въ 1847 году. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой нескромности ее напечатать; она прошла черезъ столько рукъ, даже полицейскихъ, что, печатая ее, мы собственно печатаемъ извѣстное. Бѣлинскій и Гоголь не существуютъ болѣе, Бѣлинскій и Гоголь принадлежатъ русской исторіи; полемика между ними—слишкомъ важный документъ, чтобъ не обнаружить его изъ малодушной деликатности.

Съ этими двумя статьями нашъ первый томъ обезпеченъ. Мы печатаемъ въ немъ, сверхъ того, отрывки изъ «Былого и думъ», разборъ книги Мишле «La Renaissance» и tutti frutti—смѣси.

Цѣна каждаго тома 8 шиллинговъ (10 франковъ).

Адресоваться въ Лондонъ: Trübner and Co, Paternoster Row.

Рукописи могутъ быть адресованы прямо къ издателю или въ Русскую типографію—M. L. Czerniecki, 82 Judd Street, Brunswick Square, London. Въ обоихъ случаяхъ рукописи должны быть *франкированы*.¹

Richmond (Surrey).

25 марта
6 апрѣля 1855.

◆◆ 1. Наше правительство все еще лелѣяло надежду словить Герцена, обманываемое ложными свѣдѣніями о его поѣздкахъ по европейскому континенту. Оно щедро задаривало заграничную полицію и въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей имѣло вѣрныхъ своихъ слугъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1855 г. нашъ берлинскій посланникъ сообщилъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что генераль-директоръ прусской полиціи, Гинкельдей, обратился къ нему съ просьбой доставить портретъ Герцена для лучшаго надзора за нимъ въ Брюсселѣ, гдѣ онъ сейчасъ проживаетъ. III Отдѣленіе оказалось не на высотѣ своей задачи: оно не только не имѣло никакого портрета, но забыло даже его наружныя примѣты... Гинкельдей былъ удивленъ такой небрежностью...

Смѣнвшій Николая Александръ II продолжалъ внимательно относиться къ произведеніямъ лондонскаго станка, и надо отдать справедливость, что при немъ Петербургъ получалъ быстрѣе всѣ необходимыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, что не мало зависѣло также отъ новаго съ 1856 г. главы министерства иностранныхъ

дѣлъ, кн. Горчакова. Объявленіе о скоромъ выходѣ «Полярной Звѣзды» было получено отъ дрезденскаго посланника 25 апрѣля 1855 г. (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., I экс., дѣло № 239, ч. 10).

Когда Герценъ послалъ Маццини и Гюго французскій текстъ этого объявленія, то вскорѣ получилъ отъ нихъ отвѣты, которые и напечаталъ въ переводѣ въ I кн. «Полярной Звѣзды»; такъ какъ переводъ неполный и неточный, то я даю его по подлинникамъ, хранящимся въ архивѣ семьи Герцена, съ необходимыми дополненіями и исправленіями.

Письмо Маццини 22 іюля изъ Лондона:

«Любезный Герценъ, я получилъ ваше письмо и программу «Полярной Звѣзды». Мое имя не много значитъ, но оно вполнѣ съ вами. Ваша первая книжка выходитъ слишкомъ скоро для меня, у меня нѣтъ теперь свободнаго времени; къ слѣдующей книжкѣ я непременно напишу что-нибудь, покамѣстъ пусть эти строки свидѣтельствуютъ о моемъ сердечномъ сочувствіи вашему предпріятію, о живомъ участіи къ нему итальянскихъ республиканцевъ,—я смѣло могу говорить отъ ихъ имени и увѣрить васъ, что они съ любовью будутъ слѣдить за успѣхомъ вашего начинанія.

«Война - - - , миръ русскому народу», какъ вы говорите—народу будущаго, который теперь представленъ меньшинствомъ, но меньшинствомъ назначеннымъ расти,—таковъ нашъ лозунгъ; моимъ онъ сталъ съ первыхъ же шаговъ на этомъ поприщѣ. Я вспоминаю еще, что въ моемъ первомъ политическомъ сочиненіи, въ 1831 году, имя Пестеля и его товарищей-мучениковъ явилось неволью въ умѣ моемъ рядомъ съ именемъ Менотти и нашихъ мучениковъ Италіи. Мы—братья въ борьбѣ, которую ведемъ, такъ, какъ они были братья въ общемъ отечествѣ людей. Мы вѣримъ въ народность, но на насъ слишкомъ много ошибокъ, чтобы быть исключительно національными. Я полагаю, что теперь самое время для вашего изданія. Съ одной стороны, хорошо противопоставить безсмысленнымъ крикамъ противъ Россіи, возбужденнымъ современной войной, голосъ, говорящій, что не вся Россія олицетворяется въ - - - -, что тогда-то, въ такой-то день и часъ въ Россіи люди умирали за свою свободу и за свободу другихъ, что и тамъ вѣетъ божественное дуновеніе, оплодотворяющее зародыши иной будущности. Съ другой стороны, хорошо, чтобы русскіе сказали русскимъ, чего отъ нихъ ожидаетъ революціонная Европа, чтобы протянуть имъ руку. Пусть они знаютъ, что въ тотъ день, когда они скажутъ Польшѣ: *будь свободной сестрой нашей; мы больше не рабы, слѣпя орудія въ рукахъ - - - ; насъ 65 милліоновъ свободныхъ русскихъ,*

работающихъ во имя освобожденія двухъ другихъ большихъ славянскихъ группъ, захваченныхъ Пруссіею и Австріею,—въ тотъ день Европа признаетъ Россію за великій народъ и благословитъ его.

«Народъ русскій пойметъ этотъ языкъ; онъ даетъ теперь такой примѣръ преданности и твердости, что не можетъ не сознавать яснѣ своей цѣны. Вы справедливо спрашиваете въ вашей программѣ: неужели защитники Севастополя снова подставятъ свою спину палкѣ и руки—принудительнымъ работамъ.

«Не знаю, чѣмъ кончится эта война, но я не вижу, зачѣмъ мощному единству Россіи пасть передъ безобразнымъ соединеніемъ императорскаго французскаго деспотизма съ монархически-аристократической свободой Англій. Но побѣжденный или побѣдитель, народъ русскій пойметъ, что онъ—Россія, а не - - -. Вашъ другъ *Иосифъ Маццини*».

Викторъ Гюго писалъ 25 іюля изъ Джерсея: «Дорогой согражданинъ—ибо одинъ только есть градъ, и, въ ожиданіи всеобщей республики, ссылка есть общее наше отечество!—У васъ великая мысль, и я присоединяюсь къ ней съ поспѣшностью и радостью. Вы явились за тѣмъ, чтобы разъединить то, что теперь объединено въ союзахъ королей, и объединить въ союзъ то, что разъединяетъ народы. Вы явились, чтобы помирить Россію, чтобы возжечь зарю сѣвера, чтобы испустить крикъ свободы на московскомъ языкѣ, чтобы взять руку великой славянской семьи и положить ее въ руку великой семьи человѣчества. Вы совершаете дѣло европейское, вы совершаете дѣло человѣчное, вы совершаете дѣло умное,—это хорошо. Вы доказываете, что политика, когда она высокаго полета, является наиболѣе высокою изъ философій. *Обозрѣніе*, которое вы основываете, будетъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ знаменъ идеи. Я вамъ рукоплещу, благодарю васъ и поздравляю и, если такое слово соотвѣтствуетъ моему малому значенію, я васъ ободряю! Заваленный болѣе, чѣмъ когда-либо, всякаго рода работой, я буду скорѣе содѣйствовать вамъ вообще, чѣмъ непосредственно сотрудничать. Но рассчитывайте на всю помощь, которую мнѣ возможно будетъ вамъ оказать, и на самое глубокое мое сочувствіе. Вамъ угодно было просить меня о моемъ присоединеніи къ вашему дѣлу: вы видите, что оно происходитъ само собой.

«Хорошо выбрана и минута для провозглашенія союза и любви. Время теперь величественное, страшное; ударяютъ молніи и слышатся раскаты грома, но изъ-за такихъ тучъ и являются кивоты союза. Братски жму вамъ руку. *Викторъ Гюго*».

780. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 апрѣля (1855).

Cholmondeley-Lodge, Richmond (Surrey).

Что же вы замолкли? И здѣсь погода страшная; я присягнулъ, что уѣду въ декабрѣ изъ Англии, даже Фогту писалъ, чтобъ квартиру искалъ.

Ну какъ же васъ Богъ носить?

А насъ вашими святыми молитвами такъ себѣ, ничего; кстати, В. Гюго намъ т. е. комплименты и прочее такое дѣлаетъ и самъ ѣдетъ въ Шолмандей-Лоджъ, а другіе такъ сердятся, что страхъ.

А московскимъ друзьямъ слава, что не пишутъ. Имъ на губы слѣдуетъ медаль на андреевской лентѣ съ буквами «P. L. M.» (pour le Mutisme)¹⁾.

Прощайте.

781. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 мая 55.

Что это вы за бѣдныя, моя добрая и милая Марья Каспаровна?! Пожалуйста, напишите о Сашѣ поскорѣе да и о томъ, перѣехали вы или нѣтъ. Я пишу на старую квартиру.

Я съ пятницы былъ очень нездоровъ; постоянныя головныя боли до безумія, *пять дней* ломота въ рукахъ. Погода страшная, страшная вьюга, стужа; подумайте, если у васъ плохо, то что же здѣсь.

Новости ваши недурны да и въ Украинѣ мужики бунтуютъ.

Я съ моей головной болью до утра и не вспомнилъ, что сегодня 2 мая²⁾. Впрочемъ, я трауръ свой ношу чаще. До чего вообще жизнь тяжела и насколько она становится тяжеле и тяжеле, — даже по внѣшнимъ обстоятельствамъ, — вы не можете себѣ представить... Бѣжать бы, бѣжать бы куда-нибудь въ теплую сторону и не видѣть людей. Эй, поѣзжайте назадъ!.. вамъ тѣни опасности нѣтъ.

¹⁾ За молчаніе. Передѣлка извѣстнаго обозначенія на орденѣ P. L. M. (Pour Le Mérite)—за заслуги.

²⁾ День смерти Н. А—ны.

А вы видѣли, объявлена амнистія всѣмъ находящимся за границей съ просроченными паспортами и безъ нихъ?

Жму руку Рейхелю.

Прощайте.

782. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

23 Mai 1855.

Cholmondeley-Lodge, Richmond.

Chère Mademoiselle Meysenbug,

L'automne passé j'ai prié M. Engelson dans le cas de ma mort, de bien vouloir se charger de mettre en ordre mes papiers, documents, manuscrits etc. — conjointement avec vous. Je lui ai donné une autorisation par écrit.

Mes rapports avec M. Engelson ayant complètement changé, je retranche complètement ma prière et je vous prie de vous en charger avec mon fils Alexandre. Il est informé par moi que c'est ma volonté.

Vous savez que j'ai déposé en 52 à Morat en Suisse un testament, Ad. Reichel et Ch. Vogt sont nommés par moi tuteurs et exécuteurs testamentaires. Je leur communiquerai que je vous laisse la part la plus active dans tout ce qui a rapport à l'éducation de mes deux filles.

Je conseille à mes enfants—et j'en écrirai à part à Alexandre—de retourner à Moscou, je serais heureux en pensant que vous les accompagnerez.

Cette lettre vous servira de document pour les papiers et de témoignage de ma confiance illimitée dans votre amitié.

Alexander Herzen.

Переводъ.

23 мая 1855.

Прошлой осенью я просилъ г. Энгельсона, въ случаѣ моей смерти, привести въ порядокъ мои бумаги, документы, манускрипты и т. д. вмѣстѣ съ вами. Я далъ ему на это письменное полномочіе.

Съ перемѣной моихъ отношеній съ г. Энгельсономъ, я уничтожаю мою довѣренность и прошу васъ взять это дѣло на себя вмѣстѣ съ моимъ сыномъ Александромъ. Онъ уже извѣщенъ, что это—моя воля.

Вы знаете, что въ 52 году я сдѣлалъ завѣщаніе, которое хранится въ Муртенѣ, въ Швейцаріи. Въ немъ я назначилъ Ад. Рей-

хеля и К. Фогта опекунами и душеприказчиками. Я имъ сообщу, что предоставляю Вамъ наиболѣе активную часть во всемъ, что касается воспитанія моихъ двухъ дочерей.

Я совѣтую моимъ дѣтямъ—и особо напишу объ этомъ Александру—возвратиться въ Москву. Я былъ бы очень радъ, если бы вы ихъ проводили туда.

Это письмо послужить вамъ документомъ для официальныхъ бумагъ и доказательствомъ моего неограниченнаго довѣрія въ вашей дружбѣ.

*Александръ Герценъ.*¹

◆◆ 1. Въ особой главѣ «Былого и думъ» Герценъ разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Энгельсону и о разрывѣ съ нимъ. Дополню сказанное имъ здѣсь «Воспоминаніями» Мейзенбургъ, относящимся именно къ этому времени:

«Герценъ не разъ говорилъ мнѣ, что сношенія съ Энгельсономъ становятся почти невозможными, вслѣдствіе его чрезмѣрно усиливающейся придиричivosti. Однажды утромъ, въ то время, какъ я занята была съ Наташей чтеніемъ, вошелъ Энгельсонъ; онъ сталъ ходить по комнатѣ, былъ въ сильномъ волненіи, сыпалъ горькими выходками противъ Герцена и корчился, какъ безумный. Сперва дружески, а затѣмъ и болѣе серьезнымъ тономъ я просила его успокоиться и вспомнить, что онъ говоритъ въ присутствіи дочери Герцена. Но его слѣпой гнѣвъ не поддавался увѣщаніямъ. Вдругъ онъ остановился передъ нами, вынулъ изъ кармана небольшой револьверъ и, не зная, что дѣлаетъ, прицѣлился въ насъ, говоря: «Видите, этотъ револьверъ всегда заряженъ, и я всегда держу его при себѣ; неизвѣстно, что произойдетъ когда-нибудь, когда мною овладѣетъ гнѣвъ». Наташа сильно испугалась; я оставалась спокойной, смотрѣла ему прямо въ лицо и сказала: «Прежде всего спрячьте это оружіе, чтобы не случилось такое, о чемъ вамъ пришлось бы сожалѣть всю вашу жизнь, затѣмъ уйдите къ себѣ и успокойтесь. Я приду къ вамъ сейчасъ же». Мое спокойствіе подѣйствовало на него, и онъ ушелъ. Успокаивать пришлось и Наташу, которую я попросила ничего пока не говорить отцу; затѣмъ я обдумала, какъ поступить. Необходимо было дѣйствовать быстро; это казалось мнѣ важнымъ потому, что еслибы Герценъ узналъ объ инцидентѣ, онъ такъ возмутился бы, что столкновение оказалось бы неизбѣжнымъ. Всего лучше было бы добиться отъ Энгельсона немедленнаго разрыва, во избѣжаніе конфликта, такъ какъ примиреніе, въ виду его раздраженнаго состоянія, казалось мнѣ невозможнымъ. Если разрывъ совершится спокойно, можетъ быть

со временемъ, по возстановленіи спокойствія, возможно будетъ и возобновленіе отношеній, хотя дружба, подверженная такимъ кризисамъ, не казалась мнѣ особенно цѣнной. Разсудивъ все это, я написала Энгельсону письмо: напомнила ему всѣ наши бесѣды, упомянула о нашихъ общихъ взглядахъ, указала на то, что для людей нашего круга револьверъ не есть способъ улаженія недоразумѣній, наконецъ, прямо высказала ему, что если искреннее примиреніе представляется ему невозможнымъ, то остается лишь одно средство, а именно—честный разрывъ; изъ уваженія къ прошлому каждый долженъ итти своей дорогой. Я выразила свое сожалѣніе и дружбу, но прибавила, что, въ случаѣ разрыва, мнѣ пришлось бы, однако, отказаться отъ знакомства съ нимъ. Такъ должна была я поступить ради Герцена и его семьи. Я просила его подать примѣръ въ этомъ дѣлѣ, подчинившись необходимости, что являлось единственнымъ средствомъ, которое, быть можетъ, оставитъ намъ надежду на примиреніе. Я отправила письмо до возвращенія Герцена, который былъ какъ разъ въ это время въ Лондонѣ, и тотчасъ же получила отвѣтъ. Энгельсонъ выражалъ мнѣ свое личное уваженіе и присылалъ согласіе на мое предложеніе; онъ давалъ слово, что въ будущемъ будетъ избѣгать всякаго столкновенія. Когда Герценъ вернулся вечеромъ домой, я рассказала ему о происшествіи и показала письма. Онъ былъ взволнованъ такъ же, какъ и я, но поблагодарилъ за мое вмѣшательство, которое назвалъ истинно-дружеской услугой. Вотъ какимъ образомъ этотъ оригинальный и замѣчательный, но болѣзненный и несчастный человѣкъ навсегда исчезъ изъ круга нашей жизни. Можетъ быть, время ослабило бы его упорную досаду, державшую его вдалькѣ отъ насъ, но этому помѣшала смерть, — она довершила начатое изгнаніемъ. Энгельсонъ погибъ жертвою болѣзней и нужды, на которыя бессмысленный русскій режимъ обрекъ нѣсколько поколѣній» (II, 80—82).

783. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 мая (1855).

Cholmondeley Lodge, Richmond.

Новости, которыя я вамъ сообщу сегодня, не изъ самыхъ веселыхъ. Безъ всякаго серьезнаго повода Энгельсонъ окончательно разсорился, притомъ съ такимъ подлымъ характеромъ сдѣлалъ разрывъ, что я послѣ цюрихскаго мерзавца ¹⁾ ничего подобнаго не видалъ.

¹⁾ Гервегъ.

Онъ пришелъ безъ меня и, придравшись къ тому, что я сказалъ какъ-то въ разговорѣ «on nous taxera encore de lâches de ne pas être en Ukraïne ¹⁾», объявилъ М. Meis., что онъ хочетъ меня убить, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ, пока не напьется моей крови. Все это—мелодрама и глупо; при этомъ онъ вытащилъ заряженный пистолетъ,—ну, и положилъ его въ карманъ; все это при Татѣ. Доселѣ это—сумасшествіе, далѣе идетъ лучше. Онъ разсказалъ ей нашу страшную исторію въ Ниццѣ, обвиняя меня во всемъ, въ томъ, въ чемъ даже жена цюрихскаго мерзавца меня не упрекала; это подтверждено человѣкомъ, бывшимъ въ страшнѣйшей интимности, укравшимъ и мою дружбу и мои признанія въ минуты слабости! Даже слова, сказанныя мною четыре года тому назадъ, выраженія,—все идетъ въ акюзаціонный ²⁾ актъ. Онъ прямо и просто сказалъ, что онъ хитрилъ со мной, потому что я хитрилъ съ нимъ (изъ-за чего?).—И эту подлую роль шпіона, лазутчика онъ игралъ годы и *цѣловалъ à la lettre* мои руки! М. Meis. поступила чрезвычайно благородно и посовѣтовала ему, изъ чувства собственнаго достоинства, отойти съ миромъ. Но такъ какъ не бываетъ же и подлостей безъ причины, то вотъ въ чемъ дѣло. Со дня кончины моей жены, г-жа Энгельс. не упускала изъ виду моихъ дѣтей съ цѣлью эксплуатаціи. Вы помните, что было при Тесье и васъ, ей не удалось. Она здѣсь думала не мытьемъ, такъ катаньемъ взять. Онъ, кажется, не подозревалъ. Я не давалъ большихъ денегъ, тогда г-жа Энгельс. меня въ глаза обругала. Я пересталъ ходить. Вотъ первая причина. Есть и другая. Энгельс. пріѣхалъ сюда съ своимъ проектомъ и непониманіемъ войны. Я оправданъ обстоятельствами, это его чудовищное самолюбіе вынести не могло.

Теперь, *сара тіа*, я васъ попрошу, если Тесье поѣдетъ сюда, предупредить его объ этомъ, предупреждаю и васъ. Я ничего не рекомендую, предоставляю совершенно вашей дружбѣ, *насколько* могутъ остаться между вами сношенія.

Подумайте, что я ему писалъ полгода тому назадъ, въ случаѣ моей смерти, взять всѣ мои документы... Я его просилъ свидѣтельствовать о томъ, что было, если я не успѣю... Ну, еслибъ я умеръ!?

Прошу васъ сообщить мнѣ, въ прежнихъ разговорахъ съ вами и съ нимъ было ли что-нибудь похожее?

Я вамъ послалъ брошюры.

¹⁾ «Насъ еще обзовутъ подлыми трусами за то, что не находимся теперь въ Украинѣ».

²⁾ Accusation—обвиненіе (обвинительный актъ).

Напишите объ этомъ дѣлѣ по-нѣмецки, чтобы я могъ показать М-ле Meis. Она выше всѣхъ похвалъ себя вела при этой новой измѣнѣ.

Прощайте.

784. Письмо къ Ж. Мишле.

30 Mai 55.

Cholmondeley Lodge, Richmond.

Cher Monsieur,

De grâce, ne mettez pas sur mon compte le délai que j'ai mis à vous répondre. J'ai voulu vous envoyer les articles sur la «Renaissance»; les auteurs eux-mêmes m'ont promis et personne n'a tenu parole. Aurelio Saffi m'a lu le sien, c'est un article très bien fait et un grand article, je vous l'enverrai—il paraîtra dans le Westminster Review le 1 Juin (La Redaction avait prévenu Saffi qu'elle ne pouvait l'insérer avant), son adresse «71 High street Oxford». Cet article est historiquement remarquable provenant d'un des plus grands acteurs de la révolution romaine—et ayant pour sujet votre admirable ouvrage sur l'Italie. Un article de F. Pulsky a été inséré le 1 Mai dans «l'Eclectic Review»—je ne l'ai pas lu, il a écrit encore deux notices pour le «The Atheneum» et pour «l'Atlas» (journal de Kossuth). «L'homme» a inséré trois fois des fragments, maintenant nous avons fait des notices pour le «People papers», pour les journaux allemands et pour les journaux de New-York—j'écrirai encore à J. Freebel pour les feuilles de l'Amérique. Vous verrez par l'annonce que j'ai aussi écrit un article russe. Il me semble que votre ouvrage a une telle portée et une telle importance qu'on ne peut assez faire du bruit; car il faut le dire qu'avec toutes les alliances et toute la facilité des communications—on ne sait absolument rien en Angleterre du mouvement intellectuel (sérieux) en France et en Allemagne. Nous nous sommes beaucoup amusés avec Saffi—des savants d'Oxford auxquels la dose était un peu forte—il y en a qui se reconnaissent comme successeurs du peuple des sots; une vingtaine de générations de folie artificielle—quel majorat aristocratique.

Quant à l'affaire de la propriété—je n'ai rien fait de positif, j'en ai parlé dans les agences—mais je ne crois pas que le temps soit favorable.

Une dame très connue dans les cercles parlementaires par elle-même et par son mari qui est un des meneurs du parti de Manchester,—M-me Milner-Gibson, va bientôt en Italie; si elle passe par Paris je lui remettrai les «reviews» avec les articles—pour Vous.

Voilà l'annonce de «l'Etoile Polaire». Vous m'obligerez beaucoup en donnant quelques lignes. Vous êtes très estimé en Russie et votre nom rehaussera notre recueil de travaux hyperboréens.

Je vous serre la main avec sympathie et profonde estime.

Al. Herzen.

Переводъ.

30 мая 55.

Ради Бога, дорогой, не ставьте мнѣ въ вину задержку въ моемъ отвѣтѣ. Я хотѣлъ вамъ послать статьи о «Renaissance»; сами авторы мнѣ ихъ обѣщали, и никто не сдержалъ слова. Аврелій Саффи мнѣ прочиталъ свою статью, большую и очень хорошо написанную; я вамъ пошлю ее послѣ того, какъ она будетъ напечатана 1-го іюня въ «Westminster Review» (редакція заявила, что не можетъ помѣстить раньше). Адресъ Саффи прилагаю. Эта статья исторически замѣчательна, такъ какъ авторъ ея—одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей римской революціи и такъ какъ сюжетомъ ея является ваша дивная книга объ Италиі. Статья Пульскаго была помѣщена 1 мая въ «Eclectic Review», я еще ее не читалъ; онъ же написалъ двѣ замѣтки: для «The Atheneum» и для «Atlas» (газета Кошута). «L'Homme» помѣстилъ три раза отрывки, а теперь мы написали замѣтки для «People Papers», для нѣмецкихъ газетъ и для газетъ Нью-Йорка; я еще напишу Фребелю для американскихъ газетъ. Въ прилагаемомъ объявленіи вы увидите, что я написалъ и русскую статью. Мнѣ кажется, что ваша книга настолько выдающаяся и имѣетъ такое важное значеніе, что о ней надо шумѣть возможно больше, потому что, несмотря на союзы европейскихъ государствъ и на легкость почтовыхъ сообщений, въ Англіи не знаютъ совершенно ничего о интеллектуальномъ движеніи (серьезномъ) во Франціи и Германіи. Мы вмѣстѣ съ Саффи очень позабавились надъ учеными оксфордскаго университета, для которыхъ доза была нѣсколько сильна,—между ними есть такіе, которые признаютъ себя преемниками народа глупцовъ. Два десятка поколѣній искусственнаго безумія,—что за аристократическій майоратъ!

Что касается пріобрѣтенія собственности, то я не сдѣлалъ ничего положительнаго; я говорилъ о немъ съ агентствами, но не думаю, чтобы время теперь было благоприятное для этого.

Дама, очень извѣстная въ парламентскихъ кругахъ какъ своею личностью, такъ и по имени ея мужа, который является однимъ изъ лидеровъ манчестерской партіи, г-жа Мильнеръ-Гибсонъ, скоро отправляется въ Италію; если она рѣшитъ ѣхать черезъ Парижъ, я отдамъ ей для передачи вамъ номера журналовъ съ указанными статьями.

Прилагаю объявленіе «Полярной Звѣзды». Вы сдѣлаете мнѣ очень большое одолженіе, если дадите для нея нѣсколько строкъ. Васъ въ Россіи очень цѣнятъ, и ваше имя возвыситъ нашъ сборникъ гиперборейскихъ трудовъ.

Жму вашу руку съ большой симпатіей и глубокимъ уваженіемъ.

*Ал. Герценъ.*¹

◆◆ 1. Въ маѣ 1855 г. генеральный консулъ въ Гамбургѣ, Кудрявскій, сообщилъ шефу жандармовъ, гр. Орлову, что, по словамъ Маврикія Верцинскаго, «Герценъ приготовляетъ новое изданіе подъ заглавіемъ «Россія и социализмъ», что Герценъ со времени назначенія Валевскаго министромъ Франціи дѣйствуетъ по наущенію французскаго двора и ему разрѣшено жительство въ Парижѣ». Черезъ недѣлю Кудрявскій добавилъ, со словъ того же Верцинскаго, что Герценъ находится въ Парижѣ и «ежедневно принятъ у принца Наполеона»...

Личность Верцинскаго любопытна. Сынъ волынскаго помѣщика, онъ въ 1822 г. поступилъ въ Минскій пѣх. полкъ и въ январѣ 1829 г. уволенъ въ отставку подпоручикомъ; участвовалъ въ мятежѣ 1831 г. и опредѣленіемъ волынскаго губ. правленія въ 1835 г. причисленъ ко 2 разряду преступниковъ, а какъ неявившійся изъ-за границы, признанъ изгнанникомъ. Въ 1837 г. ему разрѣшено было вернуться въ Россію съ преданіемъ суду. По прибытіи его дѣло разсматривалось въ кievской военно-судной комиссіи, по опредѣленію которой, онъ лишень чиновъ и дворянства и отправленъ въ крѣпостные арестанты въ Ригу съ тѣмъ, что потомъ, послѣ хорошаго поведенія, будетъ опредѣленъ рядовымъ въ войска Кавказскаго корпуса, впредь до отличія по службѣ. Въ 1841 г. Верцинскій былъ переведенъ въ рененбургскую этапную команду, а затѣмъ, по болѣзни, вовсе уволенъ отъ службы. Въ апрѣлѣ 1854 г. гр. Орловъ доложилъ Николаю I, что получилъ отъ Верцинскаго французское письмо съ предложеніемъ сдѣлать важныя открытія о замыслахъ Англій и демократической партіи, извѣстныхъ ему, благодаря одному лорду, весьма хорошо освѣдомленному въ тайномъ развитіи и планахъ восточнаго вопроса. За все это Верцинскій просилъ 600 ф. стерл. (6000 р.), нужныхъ ему на уплату долговъ. Орловъ отвѣтилъ, что прежде рѣшенія по его предложенію ему надо отправиться въ Гамбургъ и повидаться тамъ съ человѣкомъ, который оцѣнитъ его свѣдѣнія и уплатитъ за нихъ. Верцинскій заявилъ, что кредиторы не выпустятъ его изъ Лондона и потому гамбургскому агенту лучше самому пріѣхать въ Лондонъ, а еще лучше выслать ему теперь небольшую сумму, по полученіи которой онъ, заткнувъ

горло кредиторовъ, сможетъ поѣхать въ Гамбургъ. По мнѣнію Орлова, съ Верцинскимъ не стоило связываться. Николай I согласился съ этимъ.

Однако, въ іюлѣ 1854 г. отъ Верцинскаго, пріѣхавшаго въ Гамбургъ, были получены доносы, и дѣло пошло на ладъ. 22 іюля генеральному консулу Кудрявскому III Отдѣленіемъ посланы 600 р. серебр. для передачи Верцинскому, и въ тотъ же день гр. Орловъ сообщилъ Намѣстнику Царства Польскаго, Ридигеру, что съ Верцинскимъ будетъ вести дѣло Кудрявскій, которому и поручено передать этому агенту, что «награжденіе услугъ его будетъ соотвѣтствовать важности его донесеній».

Потомъ, очевидно, дѣло съ Верцинскимъ разладилось, такъ какъ въ 1856 г. на запросъ кн. Горчакова о Верцинскомъ III Отдѣленіе сообщило, что «по мнѣнію государя, онъ не заслуживаетъ довѣрія». Произошла такая перемѣна изъ-за нелѣпыхъ донесеній Верцинскаго о военныхъ дѣлахъ Франціи (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи 1854 г., 1 эксп., дѣло № 66, ч. 3).

785. Надпись для Ж. Мишле.

A J. Michelet témoignage sincère d'une sympathie profonde de la part

d'A. Herzen.

Cholmondeley Lodge
Richmond, 31 mai 1855.

Переводъ.

Ж. Мишле искреннее выраженіе глубокой симпатіи отъ

A. Герцена.

786. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 мая 1855.

Je vous remercie pour la bonne lettre et je vous écris en français pour que Reichel puisse lire la mienne.

Toute l'affaire n'est que le dépit de M-me Engels. d'avoir échoué dans l'entreprise, de m'exploiter en donnant l'éducation à Tata et Olga—projet fait encore à Nice. Tout cela n'ôte pas un jota à l'acte de trahison et de lâcheté sans bornes du mari—qui après avoir entendu de moi les secrets les plus profonds de mon âme—après avoir gagné et mon amitié et ma confiance, dresse un acte d'accusation de chaque

acte de ma vie pendant les 3 années qu'il me connaît. Vous ne pouvez pas vous imaginer toute l'horreur de ces paroles.

La seconde cause était pécuniaire d'une manière plus palpable. M-me Engels. pensait tout bonnement avoir trouvé une mine. Voyant qu'ils allaient mal—j'ai voulu les secourir, mais en donnant de petites sommes. Ces petites sommes dépassaient déjà 2,000 frs. lorsque il me dit une fois qu'il voulait s'adresser à Vous — c'était une manière détournée de demander—je dis que je donnerai 5 liv. il en voulait 30, *et sans me dire un mot*, lache sur moi sa femme qui me dit des insolences. — Je cessai alors d'aller chez eux. Je me reproche dans une lettre ses services d'ami à Nice etc.

Remarquez qu' En. voyait de ses propres yeux ce que me coûte l'imprimerie, ce que me coûte l'entourage. Remarquez aussi qu'il ne faisait absolument rien, aucun travail sérieux.

Je suis plus fort maintenant dans ma conscience et dans le souverain mépris des hommes.

A propos, M-me a dit à M-elle Meis. que ma femme lui a confié les enfants—avez vous jamais entendu quelque chose de ce genre! Ma femme avait un éloignement prononcé d'elle—elle avait même une aversion de sa voix et de ses mains.

Je m'inculpe encore de n'avoir pas pris la petite d'Edmond, et lui-même me représentait l'enfant comme un monstre—et le père pire que cela.

Il fait un froid de Décembre.

Adieu.

Encore un mot. De son côté Eng. ne pardonna jamais le peu le cas qu'on a fait ici de son invention des ballons—amour-propre allant à Bedlam et malheureusement une âme basse.

Переводъ.

31 мая 1855 г.

Благодарю васъ за доброе письмо и пишу вамъ по-французски, чтобъ и Рейхель могъ читать.

Все дѣло сводится къ досадѣ г-жи Энгельс. отъ неудачи въ ея предпріятіи эксплуатировать меня, взявъ на себя воспитаніе Таты и Ольги,—планъ, выработанный еще въ Ниццѣ. Все это ни на іоту не уменьшаетъ измѣны и безграничной подлости ея мужа, который послѣ того, какъ я дѣлился съ нимъ самыми сокровенными тайнами моей души, послѣ того, какъ онъ заручился моей дружбой и моимъ довѣріемъ, теперь обвиняетъ меня въ каждомъ событіи моей жизни въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, что онъ меня знаетъ. Вы не можете себѣ представить всего ужаса этихъ словъ.

Вторая причина была денежная и болѣе осязательнаго свойства. Г-жа Энг. по просту думала, что обрѣла во мнѣ рудникъ. Видя, что ихъ дѣла плохи, я захотѣлъ имъ помочь и давалъ имъ деньги маленькими суммами. Эти маленькія суммы превышали уже 2000 франковъ, когда онъ однажды сказалъ мнѣ, что хочетъ обратиться къ вамъ; это былъ скрытый способъ попросить у меня; я и сказалъ, что дамъ 5 фунтовъ; онъ хотѣлъ 30 и, *не сказавъ мнѣ ни слова*, напустилъ на меня свою жену, которая наговорила мнѣ дерзостей. Тогда я пересталъ у нихъ бывать. Онъ меня за это упрекнулъ, напомнивъ о своихъ дружескихъ услугахъ въ Ниццѣ и т. д.

Замѣтите, что Энг. собственными глазами видѣлъ, во что мнѣ обходится типографія и вся обстановка. Замѣтите также, что самъ онъ ровно ничего не дѣлалъ, ни одной серьезной работы. Теперь я чувствую себя крѣпче въ своей совѣсти и въ презрѣніи къ людямъ.

Кстати, г-жа Э. сказала М-lle Мейз., что моя жена сама поручила ей дѣтей... Слышали вы что-либо въ этомъ родѣ!? Моя жена держала себя въ замѣтномъ отдаленіи отъ нея, ей даже противны были ея голосъ и руки.

Я обвиняюсь еще въ томъ, что не принялъ къ себѣ маленькой дочки Эдмонда; но онъ самъ описывалъ мнѣ этого ребенка, какъ чудовище, а отца—еще хуже.

Холодъ у насъ прямо декабрьскій.

Прощайте.

Еще слово. Съ своей стороны Энг. не могъ простить малаго вниманія, которое здѣсь обратили на его изобрѣтеніе воздушныхъ шаровъ. Самолюбіе, которое поведетъ къ Бедламу, и къ несчастью, низкая душа.

787. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 juin (1855).

Cholmondeley Lodge.

Очень одолжили вашимъ письмомъ и вложеніями. Пахнуло Старой Конюшенной... И расходился Егор. Ив... и, вѣдь, дипломатъ, а за коимъ чортомъ пишетъ о Боткинѣ ¹⁾? Хорошо бы кого-нибудь увидать; Ботк., вѣрно, побываетъ у меня здѣсь; скажите ему, что я его сильно прошу.

Деньги на инструменты, когда прикажете и сколько, сейчасъ пришлю на имя Шомшиля.

¹⁾ Дмитрій Петровичъ.

Если будете писать къ Ог., скажите, что я просто удивляюсь, что, наконецъ, ужъ ни отъ кого ни строки, и что зову сюда... Какъ умѣете, такъ и напишите. Трусость нашихъ въ Москвѣ приводитъ меня въ отчаяніе. Кстати, напишите еще разъ о портретахъ (и Ив. Ал., и Луиз. Ив.) да, еслибъ можно было, и бумаги. Напишите объ «Исторіи моск. университета» ¹⁾. Къ Егор. Ив. я велю оячь Сашѣ писать и Татѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы, еслибъ вы сами ихъ навѣстили въ Москвѣ.

Вы, коли случится кому, такъ и давайте печатныя штучки ²⁾, которыя Реклю ³⁾ привезла. Ну что же вы пресмѣхоствуетесь надо мной?—подписка вамъ! да развѣ вы не получаете все? а вотъ это еще стыднѣе, что, по молодости лѣтъ, думаете, что статьи присланы оттуда ⁴⁾.

Одна Бѣлинскаго, одна Энгельс., третья моя да смѣсь. Энгельс. замолкъ, а вы узнайте, какъ (и впередъ остерегайтесь), откуда всѣ поляки провѣдали объ этой исторіи. Вы, вѣрно, говорили при Гаспарини или Фоммъ. Спросите ее просто, писала она къ Зенковичу ⁵⁾ или нѣтъ, и прибавьте крѣпкое словцо. Здѣсь никто не зналъ, а къ нему никто не ходить.

Все это дѣло—такое безуміе и такая безнравственность, что я до сихъ поръ понять не могу.

Въ заключеніе вотъ вамъ содержаніе отрывка изъ «Записокъ», который будетъ въ «Полярной Звѣздѣ»,—много знакомаго ⁶⁾.

I. Юная Москва.

Кругъ Станкевича.—Гегелева философія.—М. Г. Павловъ.—Бакунинъ и Бѣлинскій.—Новгородскіе споры.

II. Санктъ-Петербуріъ.

Предостереженіе.—Герольдія.—Канцелярія М. В. Д.—III Отдѣленіе. Дубельтъ, Бенкендорфъ, О. А. Жеребцова.—Ссылка.

III. Новігородъ.

Губернское правленіе.—Помѣщики и помѣщицы.—Аракчеевъ и военныя поселенія.—Отставка.

¹⁾ С. Шевыревъ, «Исторія И. М. университета, написанная къ 100-лѣтнему юбилею», М. 1855.

²⁾ № 779.

³⁾ Жена Э. Реклю.

⁴⁾ Статьи въ I кн. «Полярной Звѣзды».

⁵⁾ Членъ польской централизаціи.

⁶⁾ Все это потомъ было измѣнено.

IV. Еще юная Москва.

Славянофилы и наши.—Чаадаевъ, Кирѣевскій, Хомяковъ.

V. Еще Санктъ-Петербуріѣ.

Кокошкинъ.—Дубельтъ.—Много шуму изъ ничего.—Щербатовъ etc.—Паспортъ.

Посылаю образчики.

788. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 юня (1855).

Cholmondeley Lodge, Richmond.

Ну, какъ васъ Богъ милуетъ? А мы такъ себѣ, иногда въ скукѣ, всегда въ скверной погодѣ. Главное событіе этой недѣли то, что мы были въ оперѣ. Слушали Гризи и Віардо, а главное, Маріо ¹⁾, который на этотъ разъ показался мнѣ выше всѣхъ. Тата хочетъ сама писать отъ этомъ.

Я до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ удивленія Энгел. исторіей; Тесье дурно сдѣлалъ, что не предупредилъ меня; всѣ эти учтивости въ серьезныхъ дѣлахъ къ добру не ведутъ. Теперь я узналъ, что Тесье объ этомъ говорилъ M-lle Meis. и Доманже. 2-го мая мы сидѣли съ Эн. утромъ и вспоминали 52 годъ; я ему рассказывалъ самыя интимныя происшествія; онъ слушалъ тронутый и подтверждалъ. Пять дней послѣ онъ пришелъ съ заряженнымъ пистолетомъ пугать ребенка и женщину, выдалъ меня за злодѣя, и все это безъ всякаго другого повода, какъ изъ денегъ и зависти. Какія удивительныя испытанія судьба мнѣ предоставила! Деньги... Да, тутъ большое проклятіе въ вѣкѣ, такъ глубоко растлѣнномъ, неустроенномъ, гдѣ нелѣпость богатства очевидна. Лучше и откровеннѣе было бы грабить,—на это недостаетъ отваги.

Замѣтьте, три четверти гнуснаго характера цюрихс. исторіи—деньги и зависть, вся гадкая исторія Голов.—деньги и зависть. Я уѣхалъ въ Ричмондъ отъ разныхъ рефугіаріевъ,—нѣтъ, такъ вотъ и тутъ добиваютъ.

Или, можетъ, я въ самомъ дѣлѣ мерзавецъ? но отчего же совѣсть моя совершенно покойна?

Когда же это мы съ вами на старости лѣтъ сядемъ у печки въ Старой Конюшенной и дрожащей рукой примемся за чарочку, а Кетчеръ будетъ ругаться...

¹⁾ Знаменитый итальянскій теноръ, былъ женатъ на столь же знаменитой пѣвицѣ Джуліи Гризи.

Вотъ вамъ алеевъ ¹⁾ опять разобидили,—кровь льется рѣ-
ками... О, глупость! глупость!

А Рейхелю поклонъ.

А Сашѣ поклонъ.

Мейз., которая превосходно себя вела въ этой исторіи,—по-
клонъ вамъ.

Въ понедѣльникъ Сашѣ 16 лѣтъ!

789. Письмо къ Ж. Мишле.

8 juillet 1855.

Choldmondley Lodge, Richmond, Surrey.

Cher et vénérable ami,

Vous m'avez fait une grande joie. Dans ces jours tristes et sombres où on n'existe que par la colère et l'amertume, c'est une consolation de donner à un prochain un moment de bonheur pur et sans nuages. Vous l'avez fait par votre lettre que j'ai immédiatement traduite et qui paraîtra dans le premier numéro de *l'Etoile Polaire*. Je ne sais comment vous remercier. Vous n'avez rien oublié (et c'est parce que vous vous souvenez par le cœur), ni Bakounine, ni la main mourante, ni le paysan dans sa commune. Je vous remercie de tout mon cœur. Il nous faut que des voix comme la vôtre nous soutiennent par leur sympathie. Le peuple indolent, ce Slave «qui s'endormait lui-même par ses propres chansons», comme dit un chroniqueur du temps des Porphyrogénètes, a besoin de la pensée vigoureuse et mâle de l'Occident. Le monde slave ne pourra jamais développer le fond socialiste, sauvage, naturel, sans l'idée révolutionnaire qui plane sur l'Occident comme son âme immortelle. Nous ne briguons pas le célèbre *fara da se*, sans solidarité, sans communauté des peuples; nous resterons une armée menaçante, menée par le knout devenu - - -. Vous le dites dans votre lettre. Oui, c'est en famille que se résoudra la grande question économique; c'est une question de l'intérieur et qui touche chaque membre.

La dernière année a été d'une gravité extraordinaire pour moi. Ce n'est que maintenant que j'ai des preuves palpables que ce n'est pas pour rien que j'ai sacrifié toute ma vie depuis seize ans; et, sortant d'une série de malheurs, éprouvé par le scepticisme le plus acca-

¹⁾ Вѣроятно, союзниковъ—allies.

blant, je rencontre l'Espérance. Et je persisterai plus que jamais dans ma route. Je dis aux Russes, je le répète de toutes les manières, que l'idée sociale, élaborée par l'Occident, est le seul moyen de développer rationnellement les *aptitudes* et les *mœurs sociales* des Slaves. Depuis la mort de Nicolas, le géant endormi commence à respirer. Il est de toute nécessité que la minorité dévouée sente une sympathie de la part de l'Occident. Il est beaucoup plus facile d'aller en Sibérie, avec cette conviction.

Le premier numéro de *l'Etoile* portera sur la couverture la constellation de *l'Ursa Minor*, l'étoile polaire en haut et les cinq autres entourant un médaillon, avec les cinq profils de *Pestel*, *Mouraviëff*, etc., en bas: «Tués le 25 juillet 1826». Le nombre des cinq étoiles de la constellation est parfaitement vrai. J'ai remis à Saffi votre lettre. Il y avait une longue histoire avec son article sur la *Renaissance* (l'article est parfait; en outre le collège de Manchester a invité Saffi à faire un cours sur la littérature italienne du XVe siècle). Saffi veut consacrer une leçon à votre ouvrage, ainsi qu'à l'ouvrage de Quinet. Lorsque cela sera imprimé, je me ferai le plaisir de vous envoyer un exemplaire. Le rédacteur a empêché l'impression de la fin, trouvant, je pense, que *ce n'est pas assez chrétien*, tandis que tout l'article est complètement *antichrétien*.

Est-ce que l'on s'occupe chez-vous de l'opposition formidable que le peuple anglais fait contre la loi stupide du dimanche? De grâce, ne croyez pas aux journaux. C'est un mouvement très sérieux et très grave. Le dimanche passé, le sang a coulé à Hyde-Park; aujourd'hui, le peuple veut attaquer les clubs de Pall-Mall.

La grande question n'est pas dans les cabarets; le peuple anglais est las de l'oligarchie, et prend comme un enfant le premier prétexte pour boudier; mais il ne faut pas oublier que le dimanche passé il y avait plus de cent mille hommes à Hyde-Park, et seulement six cents policemen. Les soldats qui étaient présents prirent parti pour le peuple. La loi est retirée, mais le peuple ne cède pas, et comme le droit de réunion paisible est tout à fait légal, la police aura du fil à retordre. Figurez-vous un parc plus grand que les Champs-Élysées; c'est là que les aristocrates viennent «pavaner» dans les équipages, les dimanches; une masse énorme de peuple crie en sifflant: «Go to church, go to church!» et après on ouvre la portière, on les fait descendre et on les envoie à la messe, au rire de cinquante mille personnes. Le duc de Bedford avec sa femme ont fait aussi cette agréable promenade. La police est parvenue à jeter dans la Serpentine les hommes qui étaient près du bord; je crains fortement qu'aujourd'hui toute la police ne traverse comme Pharaon la Serpentine à pied. C'est pour cela que je

clos ma lettre d'une longueur terrible. J'ajouterai demain ce qu'il en est de la démonstration.

Lundi. Il n'y avait pas grand'chose; le gouvernement a fait disparaître la police. Pourtant, on a brisé toutes les fenêtres dans le quartier le plus aristocratique, dans le *Belgravia* et dans *Euston Square*.

Je crains vous demander sur l'état de votre malade. Vos paroles sont si lugubres. Peut-être le temps si doux aidera-t-il?

Je vous serre la main avec la plus grande amitié.

A. Herzen.

J'ai encore un aveu à faire. Je n'ai pu vaincre un sentiment que vous ne blâmez pas, et, en traduisant votre lettre, j'ai omis deux ou trois notes par trop favorables pour moi. Je vous en remercie beaucoup et je veux les garder pour moi comme un cadeau. Dans mon article russe, je traduis de *la Renaissance*: «Proscription de la nature», «la Sorcière» et, du texte, une partie de la découverte de l'Italie. Nous tous, nous attendons avec impatience *la Réforme*.

*Переводъ.*¹

8 іюля 1855

Дорогой и уважаемый другъ! Вы доставили мнѣ великую радость. Въ эти печальные и мрачные дни, когда живешь только гнѣвомъ и горечью, большое утѣшеніе — доставить ближнему минуту счастья чистаго и безоблачнаго. Вы сдѣлали это вашимъ письмомъ, которое я тотчасъ перевелъ, и которое будетъ напечатано въ первомъ номерѣ *Полярной Звѣзды*. Не знаю, какъ васъ благодарить. Вы ничего не забыли (оттого, что помните сердцемъ) — ни Бакунина, ни «умирающую руку»¹), ни крестьянина въ его общинѣ. Благодарю васъ отъ всего сердца. Намъ нужно, чтобы голоса въ родѣ вашего, поддерживали насъ своей симпатіей. Лѣнивый народъ, славянинъ, «усыпляющій себя собственной пѣсней», по выраженію одного лѣтописца временъ Багрянородныхъ, нуждается въ сильной и энергичной мысли Запада. Славянскій міръ никогда не сумѣетъ развить свою социалистическую основу, — дикарскую, врожденную, — безъ той революціонной идеи, которая рѣшетъ надъ Западомъ, какъ его безсмертная душа. Мы не претендуемъ на пресловутое *fara da se*²) помимо солидарности и единенія народовъ; мы останемся угрожающимъ полчищемъ, которое подгоняетъ кнутъ, ставшій - - - - - . Вы сами говорите это въ вашемъ письмѣ. Да, великій эко-

¹) Мишле писалъ о портретѣ Бакунина, набросанномъ Наталіей Александровною незадолго до ея смерти.

²) «Сдѣлаемъ сами».

номическій вопросъ разрѣшится семейно, это—вопросъ внутренній, касающійся каждаго члена.

Послѣдній годъ былъ для меня необыкновенно важенъ. Только теперь у меня осязательныя доказательства, что я не даромъ пожертвовалъ всей моей жизнью съ 16-лѣтняго возраста; и, оживая послѣ ряда несчастій, испытанный самымъ тягостнымъ скептицизмомъ, я встрѣчаю Надежду. И я буду настойчивѣе, чѣмъ когда-нибудь, продолжать свой путь. Я говорю русскимъ, и на всѣ лады повторяю, что социальная идея, выработанная Западомъ,—единственное средство рационально развить *способности и социальныя нравы* славянъ. Со смерти Николая спящій великанъ начинаетъ подавать признаки жизни. Въ высшей степени необходимо, чтобы преданное меньшинство видѣло сочувствіе со стороны Запада. Съ этимъ сознаниемъ гораздо легче итти въ Сибирь.

На обложкѣ перваго нумера *Звѣзды* будетъ изображено созвѣздіе *Малой Медвѣдицы*, вверху Полярная звѣзда, остальные пять окружаютъ медальонъ съ пятью профилями *Пестеля, Муравьева* и др., внизу подпись: «Убиты 25 іюля 1826 г.» Пять звѣздъ созвѣздія точно соотвѣтствуютъ числу казненныхъ. Я передалъ Саффи ваше письмо. Съ его статьей о *Renaissance* была долгая исторія (статья—совершенство; кромѣ того, манчестерскій колледжъ пригласилъ Саффи прочесть курсъ объ итальянской литературѣ XV вѣка). Саффи хочетъ посвятить одну лекцію вашей книгѣ, равно какъ и книгѣ Кине. Когда это будетъ напечатано, я доставлю себѣ удовольствіе послать вамъ экземпляръ. Редакторъ отказался напечатать конецъ, потому, я думаю, что нашелъ его *недостаточно христіанскимъ*, тогда какъ вся статья—совершенно *антихристіанская*.

Интересуются ли у васъ страшнымъ сопротивленіемъ, которое англійскій народъ оказываетъ глупому закону о празднованіи воскресенья? Пожалуйста, не вѣрьте газетамъ. Это—очень серьезное и глубокое движеніе. Прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ текла кровь; теперь народъ хочетъ напасть на клубы Пэль-Мэль.

Суть дѣла—не въ кабачкахъ: англійскому народу надоѣла олигархія, и онъ, какъ ребенокъ, пользуется первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы надуться; но не надо забывать, что прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ было больше ста тысячъ человѣкъ и только шестьсотъ полисменовъ, а бывшіе тамъ солдаты стали на сторону народа. Теперь законъ отмѣненъ, но народъ не уступаетъ, и, такъ какъ право мирно собираться безусловно санкціонируется закономъ, то полиціи предстоитъ не мало хлопотъ. Представьте себѣ паркъ, обширностью превосходящій Елисейскія поля; здѣсь по воскресеньямъ парадируетъ въ экипажахъ знать, и вотъ несмѣтная

толпа народа кричитъ среди свиста: «Go to churh, go to churh!»¹⁾, потомъ отворяетъ дверцы, заставляетъ аристократовъ выйти и, подъ хохотъ 50-тысячной толпы, посылаетъ ихъ къ обѣднѣ. Эту пріятную прогулку продѣлалъ также герцогъ Бедфордъ съ супругою. Полиціи удалось сбросить въ Серпентайнъ нѣсколько человекъ, стоявшихъ на набережной канала; очень боюсь, что сегодня всей полиціи придется, на манеръ фараона, пѣшкомъ перейти Серпентайнъ. Поэтому кончаю мое непомѣрно длинное письмо. Завтра добавлю, чѣмъ кончилась демонстрація.

Понедѣльникъ. Не случилось ничего особеннаго; правительство удалило полицію. Однако, толпа разбила всѣ окна въ самомъ аристократическомъ кварталѣ, — въ *Belgravia* и въ *Euston Square*.

Не смѣю спросить васъ о состояніи вашей больной²⁾. Ваши слова такъ печальны. Можетъ быть, эта мягкая погода поможетъ ей? Жму вашу руку съ величайшей дружбой.

А. Герценъ.

Я долженъ сдѣлать еще одно признаніе. Я не могъ подавить въ себѣ чувство, котораго вы не осудите, и, переводя ваше письмо, опустилъ двѣ или три фразы, слишкомъ лестныя для меня. Искренно благодарю васъ за нихъ; я хочу сохранить ихъ для себя, какъ подарокъ. Въ своей русской статьѣ я даю въ переводѣ изъ *Renaissance*: «Proscription de la nature»³⁾ и «La Sorcière»⁴⁾, а изъ текста — часть открытія Италіи. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ вашей «*Réforme*».

◆◆ 1. Ж. Мишле писалъ Герцену 1 іюля:

«Вы не усомнились въ моемъ искреннемъ сочувствіи вашему прекрасному предпріятію, несмотря на то, что многія изъ моихъ словъ, писанныхъ подъ вліяніемъ ужаса, наводимаго Россіей, могли показаться несправедливыми и жесткими, и вы были совершенно правы, любезный другъ!

«Вы думаете, что я готовъ принять сердечное участіе въ вашемъ русскомъ и общечеловѣческомъ дѣлѣ. Безъ всякаго сомнѣнія.

«Въ моей теперешней комнатѣ, въ которой я не имѣлъ еще удовольствія васъ видѣть, виситъ портретъ русскаго; портретъ этотъ полонъ трагическаго смысла для меня, онъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ: это черты нашего Бакунина, набросанныя умирающей рукой вашей

1) Въ церковь ступайте, въ церковь ступайте!

2) Жена Мишле.

3) «Изгнаніе природы».

4) «Колдунья».

жены. Часто я не могу оторвать глазъ отъ него и думаю, и думаю, — такое множество чувствъ возбуждаетъ онъ, такое море мыслей.

«Тутъ Западъ, тутъ Востокъ, тутъ ихъ союзъ.

«Западъ—твердый мечъ, неустрашимый воинъ, проснувшійся прежде, нежели пробилъ февральскій часъ, и написавшій остріемъ стали (на столбцахъ «Реформы») вызовъ Николаю.

«Востокъ—страдательное противодѣйствіе святой Руси, Руси иноплеменнаго правительства, терзающаго ее и развращающаго внутреннее стремленіе сорваться съ пути, по которому толкаетъ ее лукавая власть, и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ природа назначила быть—мирнымъ переводчикомъ между Европой и Азіей.

«И въ тѣхъ же чертахъ я вижу залогъ будущаго союза; преданность, обнимавшую всѣ страны въ своей любви къ отечеству. Нѣмцы тѣснятъ Россію, помогаютъ ея правительству,—это знаетъ всякій. И между тѣмъ, какъ только раздался древній германскій кликъ: «Кто хочетъ умереть съ нами за свободу Германіи?!»—явился русскій, сталъ въ первые ряды, и ни одинъ нѣмецъ не опередилъ его. Когда Германія будетъ Германіей, она поставитъ ему памятникъ.

«До тѣхъ поръ пусть онъ занимаетъ мѣсто у очага и въ сердцѣ француза, который такъ же, какъ вы, любезный Герценъ, вель отчаянную войну противъ - - - за Францію, за Польшу и еще больше—войну за Россію.

«Водружайте смѣло знамя этого боя въ вашемъ обзорѣни. Весь міръ будетъ ему рукоплескать.

«Теперь самые простые люди начинаютъ догадываться, что освобожденіе Россіи необходимо для всемірнаго освобожденія.

«Для людей мыслящихъ становится яснѣе, что многіе вопросы, остающіеся темными, неразрѣшенными на Западѣ, найдутъ себѣ объясненіе въ восточномъ переворотѣ. Задача социализма можетъ быть вполне разрѣшена только сообща, семейно, совокупностью освобожденныхъ народовъ и съ участіемъ младшаго изъ нихъ, который инстинктомъ въ своемъ бытѣ нашелъ естественныя сочетанія, оказавшіяся искусственными попытками вездѣ.

«Слава вашего Пестеля состоитъ въ томъ, что онъ провидѣлъ въ безконечномъ разнообразіи народныхъ потребностей и признаній, что ваша революціонная идея не совпадаетъ съ западной: переворотъ и будущее онъ вызывалъ изъ нѣдръ вѣковой народной жизни. Онъ указалъ на село, какъ на начальную основу, онъ принималъ общину за животворную стихію, монаду будущей русской республики, находя «республиканскую» форму болѣе естественной для Россіи, чѣмъ «татарскій - - - и нѣмецкій цесаризмъ».

«Будьте же увѣрены любезный другъ, что мы очень знаемъ, сколько новыхъ откровеній принесетъ намъ рано или поздно русскій переворотъ.

«Звѣзда», восходящая у полюса, пусть свѣтитъ и для насъ съ тѣмъ живымъ мерцаніемъ, обыкновеннымъ въ вашихъ полупрозрачныхъ ночахъ сѣвера, которыхъ дѣвственный, чистый свѣтъ больше солнечнаго походитъ на свѣтъ мысли.

«Если лучи ея не скоро отразятся, если безмолвный міръ, къ которому вы обращаетесь, долго не дастъ отвѣта, не теряйте терпѣнія. Не скоро можно прійти въ себя послѣ такого тяжелаго и продолжительнаго обмиранія. Каждому вашему слову будетъ соотвѣтствовать скрытое движеніе, тайное біеніе сердца. Говорите же вашей родинѣ, вѣдь, вы сами—она же, вы представляете между нами ея сознанную мысль, ея древнюю, давно подавленную душу, ея молодую душу, пророчески сознающую будущее.

«Жму вамъ руку, другъ мой, во имя нашей общей и вѣчной надежды. *Ж. Мишле*».

(Переводъ сдѣланъ Герценомъ и напечатанъ въ I кн. «Поляр. Звѣзды»; по свѣркѣ съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ его семьи, оказалось, что, хотя онъ и не совсѣмъ точенъ, но разница въ мелочахъ, кромѣ двухъ ошибокъ, которыя и исправлены).

790. Письмо къ М. К. Рейхель.

Суббота, 14 іюля (1855).

У васъ, должно быть, есть французская программа «Полярной Звѣзды»,—пошлите ее съ приложеннымъ письмомъ къ Даримону и, пожалуйста, не теряя времени.

Мишле прислалъ небольшую статейку; надобно, хоть словечко, отъ Прудона. Осипъ Ив. ¹⁾ обѣщалъ. Не странно ли: все сильное и движущееся соединяется въ русскомъ обозрѣніи, издаваемомъ середь войны въ Лондонѣ? А, вѣдь, въ Москвѣ наши господа, чего добраго, скажутъ, что все это неосторожно.

А вы знаете, что въ Петербургѣ и Москвѣ бездна арестовъ? Что два профессора (панслависты) арестованы въ моск. университетѣ? Что въ Сибири бунтовали полки и 15 офицеровъ разжалованы безъ выслуги? Украина тоже бунтуетъ... Посмотримъ, на чьей улицѣ будетъ праздникъ.

¹⁾ Маццини.

Рейхеля сильно цѣлую, а вамъ сильно кланяюсь.

У насъ все такъ же, только у Таты безпрестанно болитъ голова. Ёдемъ въ Кью съ Людовикомъ Бѣлымъ ¹⁾).

791. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 юля (1855).

Cholmondeley Lodge, Richmond.

Я сдѣлалъ новое изобрѣтеніе въ нашей перепискѣ: писать къ вамъ, но не къ вамъ, а къ кому-нибудь другому. Сегодня получилъ письмо отъ Тесье (во-первыхъ, отъ 6 юля и съ вашей подписью); онъ сердится, что не пишу, и адреса не даетъ. Ну, вотъ ему записочка.

Г-на изъ Вѣны жду съ нетерпѣніемъ, а записка къ вамъ мнѣ не нравится. Что они боятся тамъ? вѣдь, писывалъ же и я изъ Россіи, да и не при Александрѣ Николаевичѣ. И зачѣмъ же торопиться вѣчно? есть тысячи вещей интересныхъ для насъ.—Стары становятся; одинъ я до старости щенокъ.

Если П. ²⁾ въ первый разъ въ Лондонѣ, я бы самъ за нимъ съѣздилъ, буде у васъ есть адресъ, гдѣ онъ остановится. Смертельно хочется видѣть.

«Полярная Звѣзда» занимаетъ публику прежде появленія. В. Гюго пишетъ тоже. Еслибъ я только это сдѣлалъ, что всѣ фельдмаршалы революц. участвуютъ, то и за это слѣдовало бы спасибо отъ нашихъ.

Тату я возилъ вчера къ Девилю ³⁾: что-то постоянно болитъ голова и то и се; велѣлъ принимать желѣзо.

Зачѣмъ же это писать изъ Вѣны, города шпионовъ?

Вы извольте письмо къ Тесье въ пакетикъ положить да и отправить.

792. Письмо къ П.-Ж. Прудону.

Juillet 1855.

Richmond.

Cher et vénérable ami,

Dieu sait ce que j'aurais donné pour vous serrer la main après la lecture de votre lettre. C'est un malheur que le sort ne m'a jamais

¹⁾ Луи Бланъ.

²⁾ Павелъ Лукичъ Пикулинъ, другъ Грановскаго, Корша, Кетчера, врачъ, пользовался популярностью въ Москвѣ; ѣхалъ изъ Вѣны.

³⁾ Извѣстный докторъ въ Лондонѣ.

permis de séjourner un peu plus longtemps dans la même ville avec vous. J'ai la vanité de penser qu'il y a même parmi des amis, peu de personnes qui vous comprennent mieux et avec plus de sympathie dialectique que moi. Vous seul—je l'ai tant de fois dit aux autres—qu'il m'est impossible de ne pas le dire à vous—vous seul vous êtes le penseur *autonome* de la Révolution; la plupart des autres ont un corps d'idées-donné, fait, absolu. Ils sont comme les prêtres protestants auxquels on permet la discussion jusqu'à la douane théologique; arrivés là, ils sont condamnés à ruminer: variations à l'infini sur de vieux thèmes avec des arabesques et de la rhétorique. Cela vous suffit pour voir que j'ai très bien saisi la seconde partie de la lettre — et aussi j'existe presque dans un isolement complet.

Je vous remercie de tout mon cœur pour l'assistance que vous voulez nous donner dans l'affaire de la Revue. Votre nom est déjà une grande chose pour le succès, on a un culte pour vous au Nord. Mais permettez moi d'insister sur l'article; vous avez tout le temps jusqu'au 1-^r décembre; donnez moi l'autorisation de vous le rappeler deux ou trois fois.

Quant à la Russie et au monde slave, je ne pense pas que je les regarde d'un point de vue idéaliste ou «exaltado». Voilà mes thèses: 1-o La Commune rurale basée sur le partage continu de la terre parmi les cultivateurs; l'association des ouvriers basée sur le partage du gain, non égalitaire, mais d'après le consentement de tous — me permettent de conclure qu'il y a des éléments socialistes dans la substance même des peuples slaves. 2-o L'état—avant Pierre I et après—n'a jamais pu anéantir ces éléments. L'état est devenu très fort, très centralisateur, il est après Pierre l'artificiel (ce qu'on fera maintenant avec le retour au rationalisme je n'en sais rien!). L'état a soudé le tout—et Nicolas, le dernier Autocrate illimité, ne savait plus que faire, ni où aller ¹⁾. 3-e Je pense que sans la participation des idées socialistes de l'Occident, les peuples slaves n'auront jamais assez d'élan pour passer du communisme patriarcal—au socialisme raisonné. La Russie, moins altière que la Savoie, ne «*fará*» pas «*da se*»—elle a besoin de la solidarité des peuples de l'Europe, de leur aide, mais d'un autre côté je suis convaincu que la liberté libre ne viendra pas en Occident jusqu'à ce que la Russie restera enrolée comme un soldat aux gages de l'Empereur de Pétersbourg.

Après la mort de Nicolas tout est déjà ébranlé. Alexandre balance entre Nesselrode et Ermoloff, entre son frère Constantin et la nuée de parenté tudesque. Il est bon, il est faible, il pleure avec les officiers,

¹⁾ Quoiqu'il y a une possibilité d'un Tzar - - - - -.—A. H.

il s'embrasse avec les soldats, il a permis (cela équivant à une Charte en Russie) aux soldats de déboutonner le collet et à tout le monde de fumer dans la rue. Et l'Ukraine se lève et les serfs disent: nous voulons aller mourir à Sébastopol—mais pas de corvée. Peut-on punir pour cela en temps de guerre?

Adieu, cher ami—ne m'oubliez pas! savoir que vous m'aimez un peu me consolera d'être détesté par beaucoup sans en savoir la cause.

Dans tous les cas vous n'oublierez pas que vous avez en moi non seulement un admirateur, mais un ami.

A. Herzen.

Переводъ. ¹

(24—31) Июль 1855.

Дорогой и уважаемый другъ! Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, чтобы пожать вамъ руку по прочтении вашего письма. Несчастье, что мнѣ ни разу не довелось жить сколько нибудь продолжительное время въ одномъ городѣ съ вами. У меня есть тщеславная увѣренность, что даже среди вашихъ друзей лишь немногіе понимаютъ васъ лучше и съ большимъ діалектическимъ сочувствіемъ, нежели я. Вы одни—я столько разъ говорилъ это другимъ, что не могу не сказать и вамъ—вы одни являетесь *автономнымъ* мыслителемъ революціи; у большинства остальныхъ готовая, законченная, безусловная система идей. Они—что протестантскіе священники, которымъ позволено разсуждать до нѣкотораго таможенного шлагбаума въ богословіи: достигнувъ его, они принуждены жевать жвачку въ видѣ безконечныхъ варіацій на старыя темы съ арабесками и риторикой. Этого довольно, чтобы показать вамъ, что я очень хорошо понялъ вторую часть письма, и также живу почти въ полномъ обособленіи.

Благодарю васъ отъ всего сердца за поддержку, которую вы обѣщаете намъ для нашего журнала. Уже ваше имя много значитъ для успѣха—на сѣверѣ созданъ культъ вашего имени. Но позвольте мнѣ настаивать на статьѣ; у васъ еще много времени до 1-го декабря. Разрѣшите мнѣ два или три раза напомнить вамъ объ этомъ.

Что касается Россіи и славянства, то мой взглядъ на нихъ едва ли можно назвать идеалистическимъ или «exaltado»¹⁾. Вотъ мои основныя положенія: 1. Сельская община, опирающаяся на постоян-

¹⁾ Экзальтированный. Такую кличку получили въ Испаніи радикалы и даже либералы.

ный передѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработка не уравнительномъ, а по согласію всѣхъ, даютъ мнѣ право заключить, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы социализма. 2. Государство ни до Петра I, ни послѣ—никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. Государство сдѣлалось очень сильнымъ, очень централистическимъ; послѣ Петра I оно стало искусственнымъ (что станутъ дѣлать теперь, вернувшись къ рационализму ¹⁾),—я не знаю); государство все спаяло, и Николай, послѣдній неограниченный самодержецъ, уже не зналъ, ни что ему дѣлать, ни куда ему идти ²⁾. 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ социалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватитъ пылкости, чтобы отъ патріархальнаго коммунизма перейти къ сознательному социализму. Россія скромнѣе Савойи и не *fara da se*: ей нужны сочувствіе и помощь европейскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, я убѣжденъ, что свободная свобода не воцарится на Западѣ, пока Россія будетъ оставаться какъ бы солдатомъ на жалованьи - - - - -

Послѣ смерти Николая уже все пошатнулось. Александръ колеблется между Нессельроде и Ермоловымъ, между своимъ братомъ Константиномъ и стайей нѣмецкихъ родственниковъ. Онъ добръ, онъ слабъ, онъ плачетъ съ офицерами, цѣлуется съ солдатами; онъ разрѣшилъ солдатамъ (въ Россіи это равносильно хартии) разстегивать воротникъ и всѣмъ желающимъ—курить на улицѣ. А Украина встаетъ, а крѣпостные говорятъ: мы готовы идти умирать подъ Севастополемъ, но барщины работать не будемъ. Можно ли наказывать за это въ военное время?

Прощайте, дорогой другъ,—не забывайте меня! Мысль о томъ, что вы немного меня любите, будетъ утѣшать меня за непонятную для меня ненависть многихъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте, что вы имѣете во мнѣ не только поклонника, но и друга.

А. Герценъ.²

◆◆ 1. 23 іюля 1855 г. Прудонъ писалъ изъ Парижа Герцену, благодаря сердечно за то, что его не забыли при составленіи первой книжки «Полярной Звѣзды». «Наши воззрѣнія, я думаю, сходны;

¹⁾ Во французскомъ текстѣ возможна описка (*rationalisme* вмѣсто *nationalisme*), такъ какъ здѣсь, быть можетъ, подразумѣвается такъ называемая уваровская троїца.

²⁾ Хотя царь - - - - - еще возможенъ.—А. И. Г.

мы связаны круговой порукой, у насъ общія надежды и тѣ же упованія. Съ края въ край Европы та же мысль, какъ молнія, освѣщаетъ всѣ свободныя сердца. Не говоря другъ съ другомъ, не переписываясь, мы хотимъ того или не хотимъ, — мы сотрудики другъ друга. Наше положеніе ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротивъ, смотрю на управляемыхъ. Не слѣдуетъ ли прежде, чѣмъ нападать на деспотизмъ притѣснителей, напасть на деспотизмъ освободителей? Видали ли вы что-нибудь, ближе подходящее къ тиранніи, чѣмъ народные трибуны, и не казалась ли вамъ иной разъ нетерпимость мучениковъ такъ же отвратительной, какъ бѣшенство ихъ гонителей? Деспотизмъ оттого такъ трудно сокрушить, что онъ опирается на внутреннее чувство своихъ антагонистовъ, я долженъ бы сказать — своихъ соперниковъ, такъ что писатель, дѣйствительно любящій свободу, истинный другъ революціи, часто не знаетъ, въ которую сторону ему направить свои удары, — въ скопища ли утѣснителей или въ недобросовѣстность утѣсненныхъ. Вѣрите ли вы, напримѣръ, что - - - - самодержавіе произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ - - - - - народа? Я спрашиваю васъ, какъ одного изъ самыхъ откровенныхъ людей, которыхъ я зналъ, — неужели вы не приходили въ негодованіе, въ отчаяніе отъ притворства, отъ маккиавеллизма тѣхъ, которыхъ такъ или иначе европейская демократія признаетъ или *выноситъ* своими головами? Не надо распадаться передъ непріателемъ, скажете вы, но, любезный Герценъ, что страшнѣе для свободы — распаденіе или измѣна?.. Сдѣлаемъ союзъ, какъ Бертранъ дю-Гекленъ ¹⁾ и Оливье де-Клиссонъ ²⁾, за свободу, какъ таковую, противъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Будемъ поддерживать дѣло освобожденія, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ оно ни являлось, и будемъ безъ пощады сражаться противъ предразсудковъ, хотя бы мы ихъ и встрѣчали у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ» («Полярн. Звѣзда», кн. V, 222—227). Въ I кн. «Пол. Звѣзды» Герценъ напечаталъ отсюда лишь нѣсколько строкъ.

2. 25 іюля 1855 г. московскій генераль-губернаторъ, Закревскій, сообщилъ шефу жандармовъ, что, «несмотря на всѣ предосторожности, нѣкоторыя изъ брошюръ Герцена, если не всѣ, при содѣйствіи неблагонамѣренныхъ людей тайно проникли въ Россію. Можно

¹⁾ Знаменитый полководецъ, рыцарь и герой XIV вѣка, почти освободившій Францію отъ враговъ.

²⁾ Доблестный рыцарь и коннетабль конца XIV вѣка и начала XV.

съ вѣроятностью предположить, что ихъ получаютъ у насъ разрозненными, въ печатныхъ листахъ, коими обертываются привозимыя изъ-за границы дозволенные книги и вообще всякіе товары». Онъ принялъ уже мѣры, не считаетъ-ли и гр. Орловъ нужнымъ сдѣлать распоряженія по таможенному вѣдомству? «Къ сему имѣю честь присовокупить, что по дошедшему до меня слуху, съ недавняго времени ходитъ въ рукописи исторія императора Николая I неизвѣстнаго сочинителя, о негласномъ разысканіи коей мною приняты также мѣры».

Орловъ увѣдомилъ объ этомъ министра финансовъ, прося обратить самое серьезное вниманіе таможеннаго вѣдомства на всевозможныя ухищренія заграничной пропаганды.

Въ августѣ 1855 года III Отдѣленіе получило изъ Лондона анонимную нѣмецкую записку отъ 27 іюля слѣдующаго содержания:

«Турецкій казацкій генералъ Замоискій вытребованъ сюда англійскимъ правительствомъ для переговоровъ о сформированіи новаго корпуса. Въ корпусъ этотъ должны поступить перебѣжчики и тѣ изъ русскихъ плѣнныхъ, которые изъявляютъ на то готовность, командованіе же корпусомъ будетъ поручено польскимъ офицерамъ. Съ этою цѣлью назначенъ Замоискимъ на 29 іюля митингъ польской эмиграціи, на которомъ вопросъ этотъ будетъ обсуждаться. Мѣрославскій также намѣренъ поступить въ этотъ корпусъ. Но Замоискій встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ своему плану въ польской демократической партіи (Ворцель), которая смотритъ на поляковъ, поступившихъ въ какой бы то ни было легіонъ, не имѣющій цѣлью освобожденія Польши, какъ на измѣнниковъ. Единомышленники Ворцеля будутъ говорить на митингѣ противъ Замоискаго. Кажется, прусское правительство не подвергаетъ довольно строгому осмотру пароходы, отправляющіеся изъ Лондона въ Мемель. На нихъ пересылаются тамошними книгопродавцами всѣ печатныя изданія Герцена и польскихъ демагоговъ».

Черезъ нѣсколько дней была получена французская записка отъ 31 іюля, въ которой сообщалось, что декларация противъ формированія польскаго легіона подписана 31 іюля Ворцелемъ, Герценомъ и Кошутомъ и отослана къ Замоискому для прочтенія ее на слѣдующій день на другомъ митингѣ.

Орловъ запросилъ министра иностранныхъ дѣлъ, не снести ли обо всемъ этомъ съ прусскимъ правительствомъ? Нессельроде отвѣтилъ, что это будетъ сдѣлано имъ немедленно. Черезъ мѣсяцъ было получено увѣдомленіе прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что, несмотря на всѣ старанія, на пароходахъ, крейсирующихъ между

Лондономъ и Мемелемъ, ничего обнаружить не удалось (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1834 г., I экс., дѣло № 239, ч. 10).

Какъ декларація, такъ и вообще участіе Герцена въ указанномъ дѣлѣ о формированіи легіона остается мнѣ неизвѣстной.

793. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 іюля (1855). Суббота.

Чомле-Лодже (Sicl).

Есть небольшая оказія, а потому спѣшу послать прежнихъ бумажонокъ, для того, чтобы вы и Шеншину ¹⁾, и garde-malade Щепк. ²⁾, и всѣхъ награждали. Ѣдетъ жена знаменитаго фехтовальнаго учителя Прево, который Сашу учить.

Пик. жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Россія двигается гигантски, а наши друзья что-то отстаютъ. Общественное мнѣніе, которое было такъ озабочено въ 1854, что я пересталъ писать, теперь совсѣмъ иное, и «Полярная Звѣзда», съ именами Гюго, Мац., Л. Бл., Прудона и Мишле въ день казни Пестеля, была бы не шутка, еслибъ наши были *столько* живы, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Германія набита русскими, на водахъ и горахъ, — что же нельзя письма ни съ кѣмъ послать, стиховъ Пушкина, книгъ? А какъ же отсюда поѣхалъ нѣкій молодець мѣсяца три тому назадъ и не только пишетъ письма, а живетъ? гдѣ? — въ Варшавѣ. Я все это пишу, чтобы вы при случаѣ ихъ учили уму-разуму.

А насчетъ того, позвольте доложить, не изволили мѣстность сообразить: «жидъ» пахнулъ въ углу дилижанса, а «чиновникъ», который не могъ нюхать, сидѣлъ *на* дилижансѣ *со мной*; такъ оно и не удивительно, что вы не видали его собственноручный носъ ³⁾.

Прудонъ написалъ чудесное, удивительное письмо, но не для печати.

Что Реклюха ⁴⁾ хороша, что ли? У насъ всѣ демагогическія женщины пошли въ Жакъ Деруанъ! ⁵⁾ — такъ безобразны, что ужъ почти мужчины.

¹⁾ Марія Петровна, урожд. Боткина, жена писателя Фета.

²⁾ Сидѣлка Д. М. Щепкина.

³⁾ Этотъ инцидентъ описанъ въ гл. XXXIV «Былого и думъ».

⁴⁾ Жена Реклю.

⁵⁾ Вѣроятно, Г. вспомнилъ Терауанъ (Theroigne de Mericourt, прозванную «амазонкою французской революціи»; она играла видную роль въ уличныхъ движеніяхъ Парижа въ первые годы революціи.

Ненависть моя къ «англикамъ», какъ говорятъ поляки, доходитъ до неистовства. Представьте, что ни одна газета не смѣла сказать, что англичане рѣзали, душили, грабили въ Керчи, а не французы.

За симъ неоднократно съ супругомъ и Сашей цѣлую.

P. S. Sehen Sie mal, so ist also der grosse Saal von Covent-Garden—und so Meyerbeer und so Costa.—Drei Morgen sassen die genialen Kerle *allein* des Tages, fünf Stunden—und Meyerbeer dirigitte die Oper (l'Etoile du Nord)—Ohne Musikanten von der ersten Note bis zu der letzten—con fuoco, scherzando... furioso... sensible... Le malheur a voulu que pendant cette occupation naïve Lablache est entré au salon... Il a pensé que par erreur il entraît à Bedlam—mais heureusement les fous ne l'ont pas mangé... (que de)—c'était Meyerbeer qui enseignait à Costa—comment on dirige les étoiles.

Dafür, Reichel, wenn Sie einmal nach Paris gehen, wenn Sie einmal in Paris anwesend, nah zur Lafitte—Flache, denken Sie—nein, zur Laffitte Strasse sein werden,—bitte gehen Sie für einen Händedruck zu Schombourg.—Ich habe ihm einen Brief geschrieben über den Grafen *Pianciani* vor zwei Monaten und habe keine Antwort. Sollte es auch eine schlechte sein—so möchte ich sie kennen.

Adieu ¹⁾).

¹⁾ P. S. Вообразите себѣ: вотъ большой залъ Ковентъ-Гардена, вотъ—Мейерберъ, вотъ—Коста ^{o)}.—Три утра сидѣли гениальные парни *одни* днемъ по пяти часовъ—и Мейерберъ дирижировалъ оперу (l'Etoile du Nord)—безъ музыкантовъ, съ первой ноты до послѣдней—con fuoco, scherzando... furioso... sensible... Злосчастью было угодно, чтобы во время этого наивнаго занятія въ залъ вошелъ Лаблашъ. ^{oo)} Онъ подумалъ, что ошибкою попалъ въ Бедламъ, но, къ счастью, сумасшедшіе его не съѣли... (что изъ ^{ooo)})—то былъ Мейерберъ, который училъ Косту, какъ дирижировать звѣздами.

За это, Рейхель, если вы когда-нибудь поѣдете въ Парижъ, если когда-нибудь будете находиться около Лафита—вы думаете бутылки лафита?—нѣтъ, около улицы Лафита ^{oooo)},—прошу Васъ, зайдите пожать руку Шомбургу. Я ему написалъ письмо относительно графа *Pianciani* два мѣсяца тому назадъ и не имѣю отвѣта. Пусть это будетъ даже плохой отвѣтъ, я все же желалъ бы его знать.

Прощайте.

^{o)} Мишель, композиторъ и капельмейстеръ.

^{oo)} Луиджи, знаменитый басъ.

^{ooo)} Слово не разобрано.

^{oooo)} На этой улицѣ была контора Ротшильда.

794. Письмо къ Н. П. Огареву. ¹

(30 іюля 1855).

Послать немедленно.

А ты, другъ,—Боже мой! Зачѣмъ же этотъ пожаръ?! Какъ все глупо! Моя сердечная, страстная дружба Воробьевыхъ горъ, Кунцева, 1829 года съ тобой. Я жду тебя! Посылаю ея волосъ,—*ея*, великой страдальцы, погибшей за соприкосновеніе съ гнуснымъ Западомъ. Да еще письмо къ твоей женѣ (посылаю копію),—оригиналъ мнѣ слишкомъ дорогъ. Цѣлую, цѣлую тебя и ее.

◆◆ 1. 30 іюля Герценъ получилъ черезъ Марію Каспаровну слѣдующее письмо Огарева: «Давно мы не видались, несмотря на жгучее желаніе видѣться. Одну изъ причинъ легко понять, другая причина долга. Можетъ быть, много слуховъ распространено объ насъ, на это я могу только сказать, что когда вы мнѣ писали: «не вѣрьте слухамъ и подлой клеветѣ», я не вѣрилъ и не слушалъ; надѣюсь, что съ нами будетъ поступлено такъ же. Въ насъ не было перемѣны; любовь къ той, которой нѣтъ, и память о томъ, что «мы въ жизнь вошли вдвоемъ», такъ же живы, какъ были и будутъ. На дняхъ пожаръ разрушилъ quasi мое достояніе. Но этотъ ударъ не разрушилъ насъ, стараюсь устроиться съ кредиторами и расплатиться честно. Хлопоталъ я долго и мучительно, здоровье разстроилось и непремѣнно требуетъ пособія водъ и теплаго климата. Не знаю, можно ли будетъ попасть на Кавказъ; если есть тѣнь возможности, то отправлюсь. Покамѣстъ судьба не позволяетъ обнять васъ; жажду хотя полстрочки» («Минув. Годы» 1913, II, 231—232).

Письмо составлено конспиративно и адресовано «Сестрѣ». Герценъ также сталъ подписывать нѣкоторыя свои письма въ Россію «Эмилиѣ» и говорить отъ женскаго лица.

Огаревы жили въ Симбирскомъ имѣніи при Тальской писчебумажной фабрикѣ. Пожаръ произошелъ 15 іюня 1855 г. Говорили, что подождли крестьяне, недовольные введеніемъ машиннаго производства. Огаревъ вложилъ въ фабрику не мало денегъ, и на самомъ дѣлѣ потери его были очень серьезны, въ чемъ онъ вскорѣ послѣ своего письма и убѣдился.

795. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(30 іюля 1855).

Вотъ вамъ, Консуэло ¹⁾, какъ она звала васъ, копія съ письма; я переписалъ безъ всякаго измѣненія, даже подчеркнутыя слова на концѣ, и черта—все вѣрно. Я его нашелъ три дня послѣ кончины въ маленькомъ бюварѣ. Прощайте.

796. Письмо къ Т. А. Астраковой.

30 іюля 1855.

Сестра Таня, твою записочку я получила. Вѣсть о пожарѣ очень печальна. Еслибъ Natalie ¹⁾ только хотѣла переѣхать въ нашу деревню,—кромѣ путевыхъ издержекъ ничего не нужно: тамъ есть домъ и все хозяйство... «и вышли бы вмѣстѣ, какъ взошли». Вотъ сестра Маша ²⁾, было, хотѣла васъ навѣстить... да то то, то се, у нея теперь маленькій есть и часто хвораеть.

А твое письмо очень грустно... Ты поминаешь наши молодые годы; дорого, дорого заплатили мы за раскрытую душу.

Сестра ³⁾ пишетъ, чтобъ не вѣрить сплетнямъ... Моя вѣра незыблема и свята, вѣра въ сестру одна уцѣлѣла изъ всего. И тѣмъ не меньше я очень дѣятельна, я люблю шумъ. Оно будто и лучше,—близкаго никого, хоть шаромъ покати, людишки предрянные... Дѣти цвѣтуть.

И пусть у гробового входа
Младая станетъ жизнь играть ⁴⁾.

Прощай, другъ мой, пошли сестрѣ эту записочку. — Цѣлую тебя.

Твоя Emilie.

¹⁾ Н. А. Огарева.

²⁾ М. К. Рейхель.

³⁾ Огаревъ.

⁴⁾ Этими (невѣрно переданными) стихами Пушкина Герценъ хотѣлъ напомнить Н. А.—ну (см. гл. L «Былого и думъ»).

797. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 юля (1855).

Cholmondeley Lodge, Richmond.

Любезнѣйшая Марья Каспаровна! вотъ записочка къ Тат. Алекс., и пошлите ее поскорѣе. У Огар. все погорѣло,—вотъ ударъ за ударомъ. Намекните и вы, что ужъ лишь бы сюда перебирались, а тамъ устроимъ. Я полагаю, что моя записка не опасна;—прочтите ее.

Т. А. не пишетъ ни о комъ, но записка ея мрачна; такъ и чувствуешь, что дышать у нихъ нечѣмъ, а зоветь, да и по тону видно, зовутъ; это странно.

Прощайте. Изъ Франкфурта требуютъ 50 экз. «Полярной Звѣзды».

Скука и скука. И за что жъ мы это родились въ это время?

Mixed Pickles ¹⁾ не ѣдетъ. Это пріятно, какъ вино съ перцомъ, какъ пикули должны быть; я увѣренъ, что его рассказы много принесутъ горечи.

798. [Примѣчаніе къ „Перепискѣ Н. Гоголя съ Бѣлинскимъ“].

Обстоятельства, давшія поводъ къ этой перепискѣ, извѣстны нашимъ читателямъ. Въ 1847 г. Н. Гоголь, бывши за границей, напечаталъ въ Россіи свою «Переписку съ друзьями». Книга эта удивила всѣхъ. Духъ ея былъ совершенно противоположенъ его прежнимъ твореніямъ, которыя такъ сильно потрясли всю читающую Россію. Была ли это внутренняя психическая переработка, одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ возрастовъ развитія, которыми человѣкъ достигаетъ окончательнаго совершеннѣтія; было ли это слѣдствіе физическаго недуга, негодованія, долгой жизни за границей или просто круженіе ума,—во всякомъ случаѣ, обнародованіе такой книги такимъ великимъ талантомъ должно было вызвать сильную полемику.

Почитатели Гоголя, принимавшіе за правду мнѣнія, ярко просвѣчивавшіяся въ его сочиненіяхъ, были оскорблены его отреченіемъ, его защитой существующаго, его *приниженіемъ*, по выраженію нео-

¹⁾ «Пикули, смѣсь», т.-е. Пикулинъ.

славянъ; они подняли перчатку, брошенную имъ, и на первомъ планѣ, разумѣется, явился боецъ достойный его—Бѣлинскій.

Онъ напечаталъ въ «Современникѣ» сильную статью противъ новой книги Гоголя.

Отсюда—переписка. Давая новую гласность этимъ письмамъ, всякая мысль осужденія и порицанія далека отъ насъ. Пора намъ смотрѣть на гласность глазами возмужалаго. Гласность—чистилище, изъ котораго память умершихъ переходитъ въ исторію,—въ единственную жизнь за гробомъ.

Ничего не надобно скрывать; въ гласности—покаяніе, страшный судъ и непремѣнное примиреніе, если примиреніе есть. Сверхъ того, и нельзя ничего скрывать: забывается, пропадаетъ безъ вѣсти одно безразличное, пустое.

Вопросъ весь въ томъ: Гоголь и Бѣлинскій принадлежатъ ли намъ, какъ общественные дѣятели на поприщѣ русской мысли, и, если такъ, была ли эта переписка между ними?

Я уже сказалъ, что самъ Бѣлинскій мнѣ читалъ свое письмо и письма Гоголя въ Парижѣ.¹

◆◆ 1. I книжка «Полярной Звѣзды» вышла около 5 августа. Обложка ея, какъ и всѣхъ слѣдующихъ, была украшена профилями Пестеля, Рылѣва, Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева-Апостола и Каховскаго. Фотографія обложки приводится. Эпиграфомъ книжекъ былъ взятъ стихъ Пушкина: «...Да здравствуетъ разумъ!»

799. „Renaissance“ par J. Michelet.

Paris, 1855.

Наше время чрезвычайно бѣдно хорошими книгами; даже Германія, которой единственная дѣятельность состояла въ высказываніи теоретическаго сознанія людей, умолкла. Одни естествоиспытатели говорятъ въ ней, да и тѣ договорились до предметовъ, до которыхъ обѣ владычествующія инквизиціи, духовная и свѣтская, не дозволяютъ касаться¹). Послѣднее слово Молешотова «Kreslauf des

¹) Свобода преподаванія, теоретическаго обсуживанія такъ, какъ она существовала послѣ 1830 года въ Германіи,—все это сдѣлалось миеомъ. Довольно сказать, что въ Пруссіи, Баваріи и Гессенѣ въ школахъ запрещено ученикамъ давать Шиллера и Гете... Въ то же время во Франціи запрещаютъ въ училищахъ не только чтеніе древнихъ писателей и энциклопедистовъ, но

Lebens»—соціализмъ; послѣднее слово Фогтовой фізіологіи—отрицаніе души.

«Наполеоновская цензура,—сказалъ мнѣ разъ Томасъ Карлейль,—пришла ко времени; она только остановила болтовню. Франціи нечего было сказать; еслибъ у нея, дѣйствительно, лежало что-нибудь на душѣ, то она высказалась бы послѣ февральской революціи». Одна изъ Францій, кажется, выговорила въ самомъ дѣлѣ, выдохлась и ей нечего сказать; она только риторически развиваетъ старое, но тѣмъ не менѣе Карлейль не правъ. Онъ забылъ, что именно послѣ 1848 г. Прудонъ печаталъ свои громовыя статьи и свои геніальныя книги, въ которыхъ больше и больше обозначается соціальное міросозерцаніе, начинающее новую революціонную эпоху. Неужели ему нечего сказать? Мы думаемъ, очень много; насиліе просто-на-просто отрѣзало ему рѣчь.

Передъ нами лежитъ новое доказательство, какъ мало изсякла французская мысль и какъ, напротивъ, она работаетъ совершенно въ новомъ смыслѣ. Знаменитый историкъ Мишле, изгнанный Людовикомъ-Филиппомъ изъ аудиторіи, потомъ Бонапартомъ — изъ Collège de France, противозаконно лишенный мѣста и окладовъ, удалился года на два въ Нантъ. Возвратившись въ Парижъ, онъ издалъ подъ заглавіемъ «*Возрожденіе*» очеркъ исторіи XVII столѣтія, одно изъ самыхъ поэтическихъ и глубокомысленныхъ историческихъ сочиненій когда-либо вышедшихъ во Франціи. Это—поэма, картина, філософія эпохи, простой разсказъ и вмѣстѣ огненная полемика и страшный ударъ католицизму.

Гонимый, въ борьбѣ съ нуждой, безъ каѳедры, съ которой онъ привыкъ потрясать сердца юношей, облегчая свое собственное, старикъ не сломился, а поюнѣлъ, сосредоточился, обновился; его мысль глубже проникла въ былое, нежели прежде; онъ отбросилъ свою національную точку зрѣнія, что для француза чрезвычайно важно. Отрава настоящего насторожила его и озлобила, оттого-то его строки такъ страстно горячи, за ними виднѣются молніи гнѣва, гнѣва львиного, лютеровскаго. Гнѣвъ сильнаго только и бываетъ великъ и изященъ.

Я помню старца Ламеннэ послѣ іюньскихъ дней, проклинавшаго въ глаза побѣдителей, на которыхъ еще не обсохла кровь. Это былъ Данииль, Іеремія, тутъ я оцѣнилъ поэзію гнѣва!

Но смыслъ книги Мишле не только страстный и полемическій; былое для него не одинъ предлогъ, чтобъ говорить о настоящемъ,—

Фенелона! Мы думаемъ, что до извѣстной степени мысль можно задержать насиліемъ. Развѣ папство во время реформаціи не *выжгло* образованіе въ Италіи?—А. И. Г.

тогда бы его разсказъ не былъ ни такъ пластически вѣренъ, ни такъ богатъ живыми подробностями и оттѣнками: они только не ускользають отъ глубокаго изученія, отъ изученія полного любви къ предмету.

Послѣ удивительныхъ страницъ А. Тьерри въ его «Меровингскихъ разсказахъ», послѣ нѣсколькихъ картинъ поразительной художественности въ «Исторіи французской революціи» Карлейля, намъ не случилось читать ничего подобнаго «Возрожденію» Мишле. Эта книга далеко оставляетъ за собою все писанное имъ прежде, и это оттого, что онъ самъ сдѣлалъ необычайный шагъ впередъ. Онъ и Кине давно поссорились съ католицизмомъ, но христіанская борьба противъ папы и іезуитовъ всегда будетъ не дальше какого-нибудь протестантизма. А съ протестантской точки зрѣнія, католицизмъ побѣдить нельзя,—*лошка безумія* съ его стороны. Надобно было выйти не только изъ церкви, но съ церковнаго погоста; надобно было разъ навсегда и окончательно разстаться съ - - - - - , какъ съ положительной религіей. Вотъ этотъ-то шагъ и сдѣлалъ Мишле—и сдѣлалъ съ той же силой и послѣдовательностью, какъ Фейербахъ, но совершенно инымъ путемъ. И вотъ причина, почему его «Введеніе» наноситъ тяжелый ударъ не только католицизму и церковному - - - - - , но и тому блѣдному порожденію религіи и науки, тому лунному христіанству, той философской безтѣлесности и романтической постности, которую называютъ *идеализмомъ*.

Надобно знать робость французовъ за извѣстными предѣлами скептицизма и отрицанія, чтобъ оцѣнить нравственную сторону подвига Мишле. Французы въ этомъ отношеніи имѣють нѣкоторое сходство съ петербургской цензурой. Губернскихъ чиновниковъ и вообще чиновниковъ отъ статскаго совѣтника внизъ она позволяетъ бранить, дѣлать смѣшными, но до первыхъ трехъ классовъ не касаться. Когда я былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ «Voix du Peuple», Прудонъ разъ мнѣ писалъ: «Вы не знаете нашей публики; съ вашей *verbe barbare* и откровенностью выраженій, вы разгоните читателей, вы ихъ испугаете». Съ какимъ воплемъ негодованія принимались его собственныя статьи и какой гигантскій талантъ надобно было имѣть, чтобъ выдержать напоръ со всѣхъ сторонъ. Э. Жирарденъ какъ-то въ «Прессѣ» коснулся мысли, что «право имѣетъ только историческія опредѣленія и, слѣдственно, мѣняется во времени». Какъ, закричали со всѣхъ сторонъ: «право не вѣчно, право не безусловно?... это—разбой, это—проповѣдь безнравственности»,—и полемика длилась мѣсяцы.

Въ романахъ и повѣстяхъ, точно въ уголовной палатѣ, ви-

новнаго наказываютъ, правый торжествуетъ,—иначе романъ оскорбляетъ моральное чувство. Ж. Сандъ недавно отбросила эту ложную прозаическую привычку *примирять* судейски. Ея превосходная сказка «Грибуль» оканчивается тѣмъ, что Грибуль гибнетъ въ огнѣ, и никто его не спасаетъ для того, чтобъ ему дать медаль «за преданность».

Посудите же, какое негодованіе должна вызвать книга заслуженнаго профессора, одного изъ знаменитѣйшихъ историковъ и литераторовъ Франціи, въ которой онъ бросаетъ - - - - - за бортъ, чтобъ вольнѣе плыть по океану жизни и вѣдѣнія.

Второй подвигъ Мишле почти еще труднѣе для французца: онъ въ исторіи XVII столѣтія отрѣшается отъ французско-національной точки зрѣнія, отъ этой добродушной увѣренности въ превосходствѣ французовъ надъ другими народами. Онъ представилъ встрѣчу Итали съ Франціей, какъ поэтическій зритель, принимающій живое участіе въ обоихъ, какъ зритель *французскій* по генію, по натурѣ, самому свойству своего таланта, но безъ патріотической задней мысли. Это несравненно больше, нежели слова негодованія противъ Франціи, которыя, напр., являются часто въ прекрасной книгѣ Кине объ Итали и въ которыхъ просвѣчиваетъ та же исключительно національная мысль въ обратномъ положеніи.

Французы и этимъ будутъ недовольны. Они много говорятъ о круговой порукѣ народовъ, о ихъ братствѣ, но это дѣлается на основаніи снисхожденія. Они готовы считать другихъ равными, если только другіе ихъ будутъ считать первыми. Въ томъ родѣ, какъ англичане готовы допустить, чтобы вы были атеистъ, но желаютъ въ такомъ случаѣ, чтобъ вы принадлежали къ атеистической церкви.

Насколько эти остановившіяся понятія, эти національные предразсудки мѣшаютъ развитію и революціи, лучше всего показываетъ *шовинизмъ* французовъ, на которомъ Наполеонъ I создалъ имперію, а Наполеонъ III поддерживаетъ свой хилый тронъ.

Тѣмъ важнѣе заслуга людей, освобождающихся отъ путъ, которыя они сами носили. Замѣтимъ мимоходомъ, что эпоха *изнаній*, начавшаяся въ 1848 г. для французовъ, имѣетъ огромное значеніе. Французы мало ѣздили по другимъ странамъ, еще меньше жили въ нихъ и не были почти ни въ какихъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ людьми другихъ странъ. Наполеонъ разбросалъ живыхъ французовъ по всему міру такъ, какъ его дядя усѣялъ мертвыми всѣ поля Европы. Въ бѣдныхъ переулкахъ Лейстеръ Сквера и Соо, въ убогихъ питейныхъ домахъ и не большихъ клубахъ въ Лондонѣ совершается великая вещь, незамѣтная, какъ все настоящее, но которой слѣдствіе уже теперь обнаруживается. Безпрерывное общеніе фран-

цузскихъ изгнанниковъ съ изгнанниками разныхъ странъ и съ англійскими работниками сильно отразилось на образѣ мыслей *изльчимыхъ*. Это предметъ до такой степени важный и полный будущаго, что мы ему посвятимъ особую статью.

Чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ книгой Мишле, мы постараемся какъ можно ближе къ слогу писателя передать нѣсколько отрывковъ.

Схоластическая наука, искажая мышленіе и приучая его къ выводамъ чисто формальнымъ, произвела, по мнѣнію Мишле, цѣлый народъ *дураковъ*,—людей, которые были глубокомысленно глупы, которые ученіемъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего реального, притупили свои способности, забили ихъ. Приготовивши такъ людской мозгъ, съ одной стороны, и съ другой—трудную и сложную науку безъ содержанія, почтенные богословы дали людямъ волю заниматься...

«Запретить философію, разсужденіе, значило бы ихъ поощрить; гораздо лучше было втѣснить философію въ небольшой законный кругъ, гдѣ бы она могла, не двигаясь впередъ, вертѣться понемногу въ вѣчномъ круговоротѣ. Позволить до извѣстной степени разсуждать, разрѣшить отвлеченному разуму бороться только съ отвлеченнымъ разумомъ,—это была превосходная прививная оспа, предохранявшая людей отъ опасной болѣзни здраваго смысла.

«За утратой дѣйствительнаго мышленія, которое было гонимо, оставалось еще созерцаніе, и умъ, лишенный права ходить, принялся летать. Но мистики, которыми папа подавилъ Абельяра, въ душевной простотѣ своей пророчили ему приближеніе царства Духа, новую церковь безъ папы, церковь любви, свободы, свѣта. Такое направленіе было не меньше опасно всякихъ разсужденій, остано-вить его было труднѣе. Если церковь не будетъ поддерживать мистицизма, она подойдетъ подъ обыкновенные законы, сдѣлается судомъ; церковь юридическая и разсуждающая—не церковь, дѣйствіе безъ причины—ничего.

«Какъ послѣ Абельяра терпѣли людей полу-разсуждающихъ, которымъ позволяли немножко думать, такъ теперь допустили полу-мистиковъ, которымъ дозволили немножко бредить, восторгаться до извѣстной степени, быть безумными, но съ руководствомъ. Это—второе сословіе дураковъ.

«Они были удивительны. Первые шли неловко и тяжело; съ путами на ногахъ, печальные четвероногіе, они, всетаки, могли, кой-какъ двигаться. Благоразумные мистики, напротивъ, имѣли небольшія, подвязанныя крылья, хлопали ими, усиливались летѣть, поднимались на аршинъ отъ земли и падали зря съ завязанными

глазами, спокойно принимаясь высиживать своихъ дѣтенышей на заднемъ дворѣ - - - - - и на родныхъ навозныхъ кучахъ.

«...Кажется, довольно ловко законопачены и засмолены были всѣ отверстія, черезъ которыя могъ пройти свѣтъ. Въмѣсто слѣпыхъ, которые бы страстно желали видѣть, людей сдѣлали близорукими ночными птицами, которыя вовсе не любятъ смотрѣть, и смѣло говорили имъ: «Глядите, вѣдь у васъ есть глаза».

«Обѣ мощи были равно подавлены—умъ и безуміе, логика и пророчество, такъ что мысль человѣческая, которой былъ запрещенъ ея естественный путь, не имѣла даже возможности тѣхъ геніальныхъ безумій, которыми она иногда однимъ скачкомъ достигаетъ запрещеннаго. Между уничтоженнымъ хожденіемъ и летаніемъ оставалось ползаніе,—его-то и поощряли, предлагая награды улиткамъ и куколкамъ, кто кого обгонитъ».

«Но умъ человѣческій имѣетъ такую искаженную природу и такое несокрушимое начало непокорности, что нашелъ себѣ путь; не имѣя возможности знать міръ духовный, углубляться въ себя, онъ началъ исподтишка поглядывать на природу. Нѣтъ больше независимой мысли,—положимъ; нѣтъ больше поэзіи,—хорошо; можно же, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, что дѣлается вокругъ! Будто такая большая ересь—собирать травы на поляхъ, готовить для людей врачеванія, извлекать на пользу человѣку жизнь богомъ данную этимъ *простымъ*»

«Остерегайся, сынъ мой, остерегайся. Дѣйствительно, нѣтъ ереси опаснѣе этой. За нее-то Богъ и проклялъ евреевъ и арабовъ. Они не постигли, что болѣзнь есть даръ неба, предостереженіе, земное чистилище, уменьшающее казни будущаго. Въ наказаніе ихъ Богъ окружилъ всѣми соблазными земными; huerta Валенціи и veга Гренады, настоящій рай злого духа, сосредоточили всѣ богатства трехъ частей свѣта—Европы, Африки и Азіи. Шелкъ, рись, шафранъ, сахарный тростникъ, бананы, фиго, мирра, имбирь, абрикосы и бумага,—ихъ тираническая торговля насилуетъ климатъ и путаетъ дары божіи. Эти варвары, открывшіе компасъ, бумагу, порохъ, дерзновенно осмѣлились поставить башни, чтобъ наблюдать ближе за звѣздами; лазутчики неба, они дерзновенно спускаютъ ихъ посредствомъ вогнутыхъ стеколъ, нудятъ ихъ отразить свой образъ, признаться во всѣхъ своихъ движеніяхъ; они хотятъ унижить передъ человѣкомъ эти великолѣпныя свѣтила, прибитыя, по писанію и св. отцамъ, къ неподвижному кристаллу небснаго свода. Они снова впадаютъ въ грѣхъ Адама и снова рвутъ запрещенные плоды отъ древа знанія. Они ищутъ спасенія не въ чудѣ, а въ природѣ, не въ легендѣ Сына, а въ твореніи Отца...

«Поймите же этотъ міръ, поймите средніе вѣка! Въ продолженіе пятнадцати столѣтій - - - - - не имѣлъ ни одного храма, ни одного жертвенника. До двѣнадцатаго столѣтія вы не встрѣчаете его образа. Въ XIII онъ робко показывается возлѣ - - - - ; но остается подчиненнымъ ему. Когда кому-нибудь пришло въ голову принести ему что-нибудь въ жертвенный даръ, - - - - - ? Онъ остается одинокимъ, оставленнымъ, забытымъ съ своей длинной бородой. Толпа не тутъ. Его терпятъ только. Здѣсь царятъ - - - - - ,—его только что не гонятъ - - - - - . И это много. Онъ долженъ радоваться, что ему многое простили. Онъ былъ - - - - ; и почему знать, что этотъ - - - - —не Аллахъ Мекки. Арабы и евреи утверждаютъ, что они вѣрятъ въ - - - - - и что за это онъ имъ такъ роскошно даетъ дары своего творенія.

«Твореніе, созданіе, рожденіе, дѣла божьи, дѣла рукъ чело-вѣческихъ—все это слова, дурно звучащія и оскорбляющія въ сред-нихъ вѣкахъ. Производительная сила рожденія, простодушно по-ставленная на алтарь древними религіями, стала срамомъ въ новой; при этой блѣдной и увядшей монахинѣ едва смѣютъ шептать о рожденіи. - - - - -
- - - - -
- - - - -
- - - - - .

«Творецъ-Ормуздъ, плодоносный Іегова, героическій Юпитеръ— всѣ эти боги украшены пышной окладистой бородой, страстные любовники природы, мощные двигатели чело-вѣческой дѣятельности. Но кроткій и задумчивый - - - - - среднихъ вѣковъ—безъ бороды, и такимъ остается онъ въ первые вѣка христіанства. На памятни-кахъ, до грубыхъ феодоальныхъ вѣковъ, почти совсѣмъ нѣтъ его изображенія - - - - - . Зачѣмъ ему мужественная, отеческая - - - - - для возвѣщенія міру близкаго конца? На что порождать на-канунѣ смерти? Всякая дѣятельность должна остановиться, исчез-нуть. «Взгляни на лилію, она не прядетъ, а одѣта лучше тебя», конецъ всякому труду, работать ненужно. «Кесарю кесарево»,— отечество теряется въ имперіи: «ни грекъ, ни римлянинъ, ни вар-варъ». Имперія рушится, варвары занимаютъ мѣста. Св. Павелъ едва допускаетъ бракъ; семья также кончается самымъ холоднымъ образомъ—супруги расстаются по доброму согласію: онъ дѣлается инокомъ, она — монахиней, совершенно сочувствующіе въ мысли разлуки.

«Если бенедиктинцы въ голодѣ, слѣдовавшемъ за опустоши-тельными войнами, пахали землю, это было насильственное откло-неніе отъ законной косности, и вскорѣ все опять пришло въ покой...

«...Но черезъ Салерну и Монпелье, черезъ арабовъ и евреевъ, черезъ ихъ учениковъ въ Италиі совершалось торжественное воскрешеніе Бога-Природы. Похороненный не три дня, а тысячу слишкомъ лѣтъ, онъ приподнялъ своей головой гробовую доску. Онъ, необъятный и благій, возставалъ побѣдоносно, его руки были полны плодовъ и цвѣтовъ, это была утѣшительница міра—любовь. Мавры открыли цѣлебныя силы, врачующія начала, которая земля изъ своей обширной груди посылаетъ своему ребенку-человѣку посредствомъ *простыхъ*. Нѣжность этого Бога-Матери, котораго не знаешь какъ назвать, обнаруживалась вездѣ, выступала изъ всѣхъ береговъ въ своей благодати и роскоши. Видя человѣка слабымъ, шаткимъ на ногахъ, не могущимъ итти къ ней, она сама, великая мать, сострадательная кормилица, бросалась къ нему, чтобъ поддержать и подкрѣпить его. Чѣмъ же заплатитъ ей человѣкъ? Что онъ можетъ дать?... Великое сердце, непреклонную волю.—Явился Роджерсъ Бэконъ!»

Я старался какъ можно болѣе удержатъ своеобразный слогъ этого библейскаго гѣснопѣнья. Послѣ этого удивительнаго мѣста приведу вамъ *объясненіе* колдуньи, ея *преображеніе* въ разсказахъ поэта-историка.

«Добрый нѣмецкій монахъ Шпренгеръ, написашій книгу «Млатъ колдовства», знаменитое руководство инквизиціи, сильно затруднялся, отчего такъ мало колдуновъ и такъ много колдуній, отчего злой духъ легче сблизается съ женщинами? На этотъ вопросъ онъ находитъ двадцать премудрыхъ отвѣтовъ: женщина погубила перваго человѣка, она легкомысленна, въ ея груди (по свидѣтельству Соломона!) бездна чувственности... есть еще и другія причины, нѣсколько проще.

«Въ эти странныя времена женщинѣ идеально поклонялись и ставили ее вмѣсто Бога на алтарь, но, въ дѣйствительности, она была несчастной жертвой, на которую обрушивались всѣ бѣдствія этого міра; она жила въ аду. Боккаччіо, въ своей «Гризилидѣ», разсказывалъ совершенно общую повѣсть о безпечной жестокости мужчины къ бѣдному материнскому сердцу. Мужчина, съ благочестивымъ самоотверженіемъ переносящій страданія женщины, легкомысленно увеличиваетъ число дѣтей, содержимое въ предѣлахъ только одной смертностью ихъ. Женщина,—бѣдная игрушка, вѣчно мать, вѣчно въ траурѣ; «она зачинаетъ, какъ говоритъ Шпренгеръ, посвящая діаволу свой плодъ». Состарившаяся лѣтъ въ тридцать-сорокъ, переживши своихъ дѣтей, она тянетъ тягостную жизнь, забытая, оставленная, безъ семьи. Да ей было не лучше и въ семьѣ: за грубымъ крестьянскимъ очагомъ какое мѣсто старухѣ? Послѣдній батракъ, мальчишка-пастухъ сидятъ выше ея. Куски, которые она

ѣсть, считаютъ, на нее негодуютъ, что она жива. Въ одномъ швейцарскомъ кантонѣ должны были закономъ предписать, что мать имѣетъ мѣсто у очага своего сына.

«Ну вотъ она и удаляется, ворча сквозь зубы, и бродитъ по пустымъ полямъ, бродитъ въ холодныя ночи, сердце ея полно желчи и злобы. Она зоветъ злыхъ духовъ; если ихъ нѣтъ, она ихъ выдумаетъ. Діаволу, живущему въ ней, недалеко: она—его мать, его невѣста, она поклоняется одному ему...

«Что могло удержать эту женщину!—Богъ? Онъ съ ней говорилъ по-латыни непонятными символами. Діаволъ, напротивъ, говорилъ природой, этимъ *міромъ*, котораго онъ царь; зло и добро безпрестанно свидѣтельствовали о его власти надъ этимъ міромъ. Неужели вы думаете, что она отказалась отъ него? Увядающая, оскорбленная, въ лохмотьяхъ, нищая, посмѣшище дѣтей, она затаила сильную волю и странныя желанія (гдѣ имъ предѣлъ, когда однажды возможное перейдено и желаніямъ дана воля вольная?), она приобрѣла власть дѣлать, что хочетъ. Это она вызвала болѣзнь сосѣда, она сглазила надменную женщину, смѣявшуюся надъ ней, а та и выкинула. Царство ужаса достается теперь на ея удѣлъ. Теперь надъ нею не издѣваются, не называютъ *старухой*; теперь ей кланяются, какъ барынѣ. Мать пойдетъ къ ней съ полными руками, моля за своихъ дѣтей. Юноша бѣжитъ къ ней, предлагаетъ все, чтобъ она только не помѣшала его браку. «Колдунья на своемъ чердакѣ показала сосѣдкѣ пятнадцать молодцовъ, одинъ лучше другого, въ зеленомъ платьѣ, и сказала: выбирай, они—твои».

«Шпренгеръ рассказываетъ съ ужасомъ, что онъ видѣлъ разъ зимою, когда всѣ дороги занесло снѣгомъ, несчастныхъ жителей небольшого города, пораженныхъ страхомъ и преслѣдуемыхъ несчастіями (очень обыкновенными въ окрестностяхъ маленькихъ нѣмецкихъ городовъ), произведенными заговариваніемъ и колдовствомъ. Никогда, говоритъ онъ, не шло столько богомольцевъ пустыльниковъ къ пречистой дѣвѣ или ко всѣхъ скорбящей, какъ въ это время, несмотря на ухабы, снѣгъ, мятель, шло къ колдуньѣ, прося ее заступиться у діавола. Какою злобной гордостью должно было исполниться сердце старухи, когда весь городъ трепеталъ у ея ногъ и просилъ защиты. Какія фантастическія желанія должны были посѣтить ея душу, когда она видѣла себя превознесенной, любимой, мощной, страшной. Она тѣшилась надъ ними, сводя ихъ съ ума: монахи рассказывали Шпренгеру: «Она заколдовала трехъ нашихъ аббатовъ, убила четвертаго и дерзко говорила: «да, я это сдѣлала и еще хуже сдѣлаю, и они не выпутаются, оттого что они ѣли»... и она назвала очень мало возбуждающее аппетитъ кушанье.

«Колдуньи хвастались своею мощью, и отъ нихъ самихъ Шпренгеръ узналъ половину нелѣпицъ, которыя рассказывалъ».

Это изъ предисловія. За нимъ слѣдуетъ поразительная картина встрѣчи Франціи и Италіи; на этотъ разъ мы ограничимся небольшимъ отрывкомъ ¹⁾.

«Открытие Италіи свело нашихъ съ ума; они не могли противостоятъ ея увлекательнымъ прелестямъ. Товарищи Карла VIII были не меньше удивлены, какъ спутники Христофора Колумба.

«Исключая провансальцевъ, которыхъ война и торговля неоднократно водила въ эти страны, французы не предполагали найти ни этого народа, ни этой красоты, ни этого искусства.

«Противоположность Италіи съ сѣвернымъ варварствомъ была такъ велика, что побѣдители были ослѣплены, почти испуганы, смущены новостью предметовъ. Они нѣмѣли отъ удивленія передъ этими дивными картинами, мраморными церквами, пышными виноградниками, населенными статуями, передъ этими живыми изваяніями—прелестными дѣвами юга, увѣнчанными цвѣтами, которыя шли съ пальмами въ рукахъ на срѣтеніе воиновъ и несли ключи города. Они были сначала поражены; потомъ ими овладѣла буйная радость.

«Провансальцы, бывшіе въ неаполитанскихъ походахъ, приплывали на корабляхъ или шли обходомъ черезъ Романью и Абрुццы. Прежде Карла VIII ни одно войско не совершило всего священнаго пути, который, начинаясь отъ Генуи или Милана, Луккою, Флоренціей и Сиеной, ведетъ путника въ Римъ. Удивительная красота Италіи состоитъ въ ея общей формѣ и въ этомъ crescendo чудесъ отъ Альпъ до Этны. Входя, не безъ потрясеній, вратами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, вы находите первый отдыхъ, полный прекрасной въ изящномъ величій ломбардской долины, этой роскошной корзины жнитва, плодовъ и цвѣтовъ. Потомъ Тоскана, прелестно очерченные холмы Флоренціи останавливаютъ глазъ своей оконченной красотой, она смѣняется священнымъ ужасомъ, вселяемымъ печальной торжественностью Рима... И вы думаете, это все? Нѣтъ. Болѣе кроткій рай ожидаетъ васъ въ Неаполѣ, новыя ощущенія наполняютъ грудь, и душа подымается въ уровень Альпамъ, передъ дымящимъ исполиномъ Сициліи.

«Природа сосредоточивается, выражается всего лучше въ женщинѣ. Черные итальянскіе глаза, больше сильныя, нежели привѣтливыя, печальныя и *безз дѣтства*, даже въ самомъ раннемъ воз-

¹⁾ Мы намѣрены изъ этой книги и изъ второй части ея, «Реформаціи», которая должна выйти на дняхъ, помѣстить нѣсколько страницъ въ слѣдующей книжкѣ.—А. И. Г.

растѣ, производили непреодолимая чары на сѣверныхъ людей. Это была встрѣча двухъ породъ, бросившихся другъ къ другу слѣпо и жадно, принимая другъ друга въ себя, какъ два химическихъ вещества, имѣющія сродство, соединяются при первомъ прикосновеніи. Когда начальное опьянѣніе прошло, превосходство Юга обнаружилось: вездѣ, гдѣ французы остались нѣсколько дольше, они неминуемо попадали подъ иго итальянокъ, которыя потомъ дѣлали изъ нихъ, чтѣ хотѣли».

Мы спрашиваемъ всѣхъ, жившихъ въ Италіи, можно ли изяснѣе, вѣрнѣе, рѣзче обрисовать весь полуостровъ отъ снѣжныхъ Альпъ до растопленного кратера Этны, до этихъ глазъ «безъ дѣтства»,—и все на одной страницѣ?

Разумѣется, изъ книги Мишле нельзя научиться исторіи XVII столѣтія, такъ, какъ изъ книги Карлейля нельзя научиться исторіи революціи; это—не вступленія, а заключенія, завершенія, эпилоги, послѣднія слова. Передо мной лежитъ одинъ изъ *chef d'oeuvre*-овъ учебной литературы «The Earth and Man, or Physical Geography in its relation to the history of Mankind»,—сокращенныя лекціи Арнольда Гюйо (Guyot), читанныя имъ въ Бостонѣ. Это—одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ, вполнѣ достигнувшихъ своей цѣли трудовъ, въ которыхъ не знаемъ, чему больше удивляться—ясности, глубинѣ, простотѣ или сжатости ¹⁾. И, несмотря на то, географіи нельзя выучиться по ней.

Такого рода книги предполагаютъ школьное знаніе фактовъ. Онѣ являются послѣ предварительнаго, такъ сказать, мнемоническаго труда привести въ порядокъ скученное, объяснить узнанное, дохнуть огнемъ сильной мысли, чтобъ сплавить песчинки въ прозрачный хрусталь.

Ж. Мишле,—мы извѣщаемъ объ этомъ съ величайшей радостью,—одинъ изъ первыхъ обѣщалъ намъ свое дѣятельное участіе въ «Полярной Звѣздѣ». Какъ глубоко и ясно онъ понимаетъ теперь, послѣ нашей дружеской полемики ²⁾, наше положеніе, всего лучше показываетъ его прекрасное письмо.

¹⁾ Мы чрезвычайно рекомендуемъ нашимъ переводчикамъ эту книгу, цензура ее пропуститъ; она вышла въ Лондонѣ въ 1852 году.—А. И. Г.

²⁾ Въ 1851 году Мишле издалъ свою легенду о Костюшкѣ. Я счелъ долгомъ показать знаменитому историку, что онъ ошибочно смотритъ на Россію, и написалъ длинное письмо («La Russie et le Socialisme, lettre à M. Michelet». 1851. Nice. 2-e Ed. 1855. Jersey). Французское правительство не только запретило первое изданіе, но украдо его на марсельской таможенѣ. Мишле съ величайшимъ безпристрастіемъ принялъ мои замѣчанія, требовалъ серьезныхъ объясненій, согласился съ ними,—и все это съ той искренностью и простотой, которыя только принадлежатъ людямъ, страстно любящимъ истину.—А. И. Г.

800. Отвѣтъ. ¹

Beau Masque ¹),

«Я къ вамъ пишу», — вотъ вамъ доказательство, что я васъ принимаю за честнаго человѣка. Но видите ли, одно то, что въ Россіи *могутъ быть* честные люди, разсуждающіе такъ, какъ вы, совершенно достаточно, чтобъ жить въ другой части земного шара.

Въ вашемъ письмѣ все проникнуто духомъ полнѣйшаго гражданскаго и духовнаго рабства, рабства сознательнаго, обдуманнаго и, слѣдственно, неизлѣчимаго. Въ каждомъ словѣ вашемъ просвѣчиваетъ то отсутствіе всякаго чувства личной независимости, которое сдѣлало изъ Россіи скамейку - - - - - , изъ русскаго народа — податное состояніе, отданное не только на разграбленіе, но на сѣченіе помѣщикамъ и полиціи.

Вообразивши, что «нашъ Государь» только о томъ и кручинится, чтобъ освободить крестьянъ (согласитесь, что онъ былъ воздержнѣе Сципіона, не давши въ продолженіе тридцати лѣтъ волю своему желанію, что, конечно, стоило бы меньше его отеческому сердцу, нежели перекрещиваніе уніать и терзаніе Польши), вы находите, что «крѣпостное состояніе» — болячка, доставшаяся на долю Россіи, и даете чувствовать, что это — единственная болячка ея.

А тѣлесныя наказанія безъ суда, а всеобщее воровство въ судѣ, а самовластье, дошедшее до безумія, а невозможность сказать слово, это — не болячки? А то, что вы, написавши ко мнѣ изъ Парижа въ Лондонъ, не смѣете слово «государь» писать обыкновенными буквами — это не болячка?

...Чего вы испугались моей книжки, чего вы удивились, что я о злѣ отечества говорю внѣ его, когда внутри его можно только объ немъ молчать? Смѣшивать актъ обличенія съ злословіемъ такъ же нелѣпо, какъ исторію называть сплетнями.

Говорилъ я и прежде; меня языкъ два раза водилъ, если не до Кіева, то до Перми и Вятки. Я семью годами ссылки заплатилъ за то, что не умѣлъ развить въ себѣ - - - - - приниженія личности.

Зачѣмъ я остался, какъ я остался, я это объяснилъ гораздо

¹) Прекрасная маска.

прежде полученія вашего письма ¹⁾); повторяютъ не считаю нужнымъ. Исполнилъ ли я, въ мѣру моихъ силъ, обѣщанное тогда, предоставляя судить другимъ, а вамъ скажу одно: еслибъ вы не смѣшивали любви къ рабству съ любовью къ народу, еслибъ вы понимали разницу между географическимъ мѣстомъ жительства съ внутреннимъ единствомъ, еслибъ у васъ въ груди осталось мѣсто для какихъ-нибудь другихъ чувствъ, кромѣ вѣрноподданическихъ, еслибъ вы были и рабъ, но рабъ негодующій, рабъ плачущій о несчастіи своего народа, а не рабъ, гордящійся своимъ ошейникомъ, то вы не разсердились бы за то, что я обидѣлъ ливрею - - - - - , а иначе поняли бы и мои слова, и мою дѣятельность.

Вы не принадлежите къ народу, вы принадлежите къ тому, что гнететъ народъ; оттого вы не поняли ни моего удаленія, ни моихъ словъ. Какое вамъ дѣло до того, что человѣкъ пять лѣтъ проповѣдуетъ во Франціи, Италиі, Германіи, Англии примиреніе, общеніе съ народомъ русскимъ? Какое вамъ дѣло, что Польша изгнанниковъ послала черезъ меня слово примиренія народу русскому? Какое вамъ дѣло, что на вольной британской землѣ я поставилъ первый вольный станокъ для русскаго слова?

Подите, православный защитникъ царя. Нѣмецкія газеты, клеветавшія меня, ругавшія меня за мою любовь къ народу русскому, были справедливые васъ, византійскій богословъ изъ - - - - - передней Зимняго дворца.

Я кончилъ. Но въ вашемъ письмѣ вы не ограничились общей полемикой, вы хотѣли набросить на меня тѣнь иного рода. Вы говорите, что я воспользовался крѣпостнымъ правомъ, протестуя противъ него. Благодарю васъ, что вы дали случай сказать—не вамъ, потому что, по правдѣ, мнѣ совершенно все равно, что вы думаете обо мнѣ и чего не думаете,—а сказать въ печати то, что мнѣ казалось слишкомъ лично и частно.

Я отроду не продалъ, не заложилъ ни одного крестьянина, но еще больше—я не пользовался ни оброкомъ, ни работою крестьянъ; это—случай, но онъ тутъ въ мою пользу. Я лишился отца въ маѣ 1846 года; при его жизни я не владѣлъ ничѣмъ; въ январѣ 1847 г. я былъ уже за границей. Единственный актъ, сдѣланный мною въ управленіи имѣніемъ, состоялъ въ предложеніи крестьянамъ заложить ихъ и отпустить на волю съ землею; пока староста совѣтовался, я уѣхалъ. Черезъ полтора года, *не объявляя мнѣ ничего*, правительство взяло имѣніе подъ секвестръ. Родственникъ мой, предупреждая меня, хотѣлъ купить имѣніе и предлагалъ мнѣ

¹⁾ См. предисловіе къ «Съ того берега», писанное въ 1849 г.—А. И. Г.

вдвое больше той суммы, которую я былъ намѣренъ взять съ крестьянъ. Я ставилъ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлалъ крестьянъ обязанными ¹⁾, и на этомъ основаніи дѣлалъ значительную уступку. Родственникъ мой не согласился. Имѣніе было взято. Крестьяне собрали оброкъ за 1847 годъ, правительство его перехватило. Я почти радъ этому,—жаль только, что деньги попались въ скверныя руки ²⁾).

Десять разъ я хотѣлъ просить правительство, чтобъ мое костромское имѣніе было отпущено на волю съ землей, безъ всякаго возмездія; я хотѣлъ письменно отказаться за дѣтей, но не сдѣлалъ этого, боясь дерзкаго отвѣта, что, де, и безъ того имѣніе въ рукахъ правительства.

Можетъ, вы, прелестная маска, служите гдѣ-нибудь *нашему* государю — постарайтесь объ этомъ дѣлѣ, и я найду ваше письмо ко мнѣ умнымъ и дѣльнымъ.

Или вы, можетъ, упрекаете меня въ томъ, что я взялъ свои деньги изъ Россіи? Ну, въ этомъ я, дѣйствительно, виноватъ; мнѣ бы передъ отъѣздомъ отдать все состояніе - - - - - , или на основаніе капитала для пансіоновъ вдовамъ и сиротамъ литературныхъ и политическихъ агентовъ, доносившихъ болѣе двадцати лѣтъ,—не догадался.

Въ заключеніе прошу васъ, пожалуйста, не молитесь обо мнѣ,—я совсѣмъ не такъ жалокъ, какъ вы думаете. Молитесь лучше о нашемъ добромъ забитомъ народѣ; можетъ, и съ вашихъ глазъ падетъ повязка, и вы увидите, что, имѣя право отпустить крестьянъ вашихъ на волю, при томъ безкорыстіи, которое отразилось въ вашемъ упрекѣ, вамъ очень легко исполнить это желаніе.

Преданный вамъ,

Гражданскій самоубійца.

20 іюля 1855 года.

◆◆ 1. Въ началѣ 1854 г. Герценъ получилъ слѣдующее письмо неизвѣстнаго корреспондента:

«Ваша «Крещеная собственность» имѣетъ цѣлью представить намъ, русскимъ, неестественность и безобразность крѣпостного права и впереди развязку этого явленія *топоромъ*. Въ исторіи каждаго народа есть свои болячки; на долю Россіи досталось *крѣ-*

¹⁾ По закону 2-го апрѣля 1842 г.

²⁾ Оброкъ за 1846—48 гг. былъ полученъ Г. И. Ключаревымъ; изъ этой суммы въ 6000 р. 3000 р. секвестровано правительствомъ, а 3000 р. истрачено, по распоряженію Герцена, на помощь погорѣльцамъ д. Лепехина въ 1849 г. и на расходы по указанной сдѣлкѣ, которая не состоялась.

постное состояніе. Но сознание зла пробуждается только по мѣрѣ своей зрѣлости, а стремление къ уничтоженію его рождается по мѣрѣ развитія сознанія. Никто болѣе не способствовалъ развитію въ насъ этого сознанія, какъ нашъ *Государь*, дѣйствіе котораго вы стараетесь представить въ превратномъ видѣ. Напротивъ, попытки *Государя* положили прочное основаніе будущему освобожденію крестьянъ, ибо даже тѣ, которые не подозрѣвали неестественности своихъ отношеній къ крестьянамъ, теперь понимаютъ необходимость измѣненія ихъ. На насъ, владѣльцахъ, лежитъ великое дѣло: помочь правительству послѣдовательно, мирно, безъ развязокъ, подобныхъ западнымъ, достигнуть переворота. Конечно, это будетъ сопряжено съ личными для насъ пожертвованіями, но пожертвованія эти будутъ добровольныя, сознательныя, не запечатлѣнныя кровью. Вы добровольно отказались отъ участія въ великомъ дѣлѣ, вы сочли лучше толковать о злѣ *внѣ отечества*, нежели принести на пользу ему свои способности, свой трудъ, нежели пожертвовать частью своей собственности; осуждая начало, вы, однако, воспользовались его выгодами, и послѣ всего этого вы думаете, что слова ваши могутъ имѣть какое-либо для насъ значеніе, что между вами и нами есть какая-либо связь? Нѣтъ, мы, русскіе, привязаны къ своему отечеству, мы считаемъ, что жизнь наша *неотдѣлима отъ общей жизни государства* и составляетъ съ нею *одно цѣлое*. Отреченіе отъ этой жизни есть великій грѣхъ, *гражданское самоубійство*. Въ насъ возбуждаетъ оно, кромѣ тяжелаго для васъ чувства, которое тяжело даже выговорить, сожалѣніе православныхъ о сбившемся съ пути. Да проститъ вамъ Богъ ваше преступленіе! Парижъ, 13 марта 1854 года» («Полярная Звѣзда», I). Это письмо въ качествѣ «неизданнаго» напечатано съ тенденціозными искаженіями въ статьѣ А. М(альшин)скаго, въ IV кн. «Рус. Вѣстника» 1889 г.

801. [Примѣчаніе къ письму А. Таландье].

Мы съ намѣреніемъ, рядомъ съ письмомъ «милой маски», помѣщаемъ письмо, а Таландье ¹⁾. Мы не знаемъ, какія жертвы принесла она на «общее дѣло», а Таландье года два тому назадъ выпущенъ изъ Бель-Ильской тюрьмы; онъ свое участіе въ общемъ дѣлѣ и свою любовь къ Франціи доказалъ. Странно видѣть, что у

¹⁾ Альфредъ, французскій эмигрантъ, литераторъ, горячій поклонникъ Герцена.

насъ патриотизмъ, одержимый - - - - - , свертывается въ ограниченнѣйшій китаизмъ въ то время, какъ *здѣсь* социализмъ ломится въ ширь изъ-за политическихъ предѣловъ и національныхъ опредѣленій.

802. Къ нашимъ.

Въ Римѣ новорожденнаго клали женщины у порога отцовскаго атриума, и принесшіе его ожидали съ благочестіемъ, пока отецъ бралъ ребенка на руки,—только съ этой минуты онъ дѣлался сыномъ. Мы кладемъ у порога Россіи первую книжку «Полярной Звѣзды» и ждемъ съ довѣріемъ и самоотверженіемъ, усыновители, вы ее, узнаете ли вы въ ней хоть слабый отблескъ «Полярной Звѣзды» Рылѣва и Бестужева.

Въ бродячей жизни изгнанниковъ, оторванные отъ нашей почвы, мы не имѣемъ тѣхъ средствъ, которыя были у нашихъ великихъ предшественниковъ; у насъ нѣтъ Пушкиновыхъ и Грибоѣдовыхъ въ числѣ сотрудниковъ; все, что мы приносимъ, это—добрая, чистая воля, слово свободное, какъ воздухъ, и помощь западныхъ друзей.

Вопросъ о томъ, поддержите ли вы насъ или нѣтъ, чрезвычайно важенъ. По отвѣту можно будетъ судить о степени зрѣлости русской мысли, о силѣ того, что сгнетено теперь.

Мы готовы ждать, долго ждать, какъ совѣтуетъ почтенный другъ нашъ, Мишле, но, наконецъ, безъ статей изъ Россіи, безъ читателей въ Россіи «Полярная Звѣзда» не будетъ имѣть достаточной причины существованія.

Ледъ, разбитый пушками, тронулся, вся земля въ движеніи, мышцы и нервы натянуты, новое царствованіе не успѣло еще окостенѣть, какъ прежнее. Если вамъ теперь нечего сказать или не хочется говорить, если вамъ достаточно дѣлать блѣдные намеки въ вашихъ глухонѣмыхъ журналахъ, тогда мы съ горестью должны отказаться отъ нашей мысли и вмѣсто *русскаго обозрѣнія* издавать *обозрѣніе о Россіи*. Тогда «Полярная Звѣзда» будетъ выходить на французскомъ языкѣ и изъ органа пропаганды дома сдѣлается органомъ союза и сближенія.

Ваше молчаніе, мы откровенно признаемся, нисколько не поколеблетъ нашу вѣру въ народъ русскій и его будущее; мы только усомнимся въ нравственной силѣ и годности нашего поколѣнія.

Издавая наше обозрѣніе на французскомъ языкѣ, мы увѣрены въ успѣхѣ,—тутъ намъ спрашивать нечего. Общественное мнѣніе,

передъ раздраженіемъ котораго мы должны были на время умолкнуть въ началѣ 1854 года, совсѣмъ не то.

Годъ войны многому научилъ.

Тѣмъ не меньше тяжелъ для насъ ударъ вашего молчанія. Неужели мы такъ выродились со временъ Пестеля и Рылѣва, что сдѣлались болѣе учеными доктринерами и менѣе способными на дѣло, на отвагу? Развѣ мы не той же крови, какъ севастопольскіе бойцы, или и объ насъ скажутъ, какъ о французахъ, что «мы боимся всего, кромѣ ружейныхъ выстрѣловъ»?

Все васъ зоветъ участвовать въ нашемъ трудѣ. У насъ нѣтъ *никакой системы, никакого ученія*. Мы равно приглашаемъ нашихъ *европейцевъ* и нашихъ *панславистовъ*, умѣренныхъ и не умѣренныхъ, осторожныхъ и не осторожныхъ. Мы исключаемъ одно то, что будетъ писано въ смыслѣ - - - - - правительства, съ цѣлью упрочить *современный порядокъ дѣлъ въ Россіи*, ибо всѣ усилія наши только къ тому и устремлены, чтобъ его замѣнить свободными и народными учрежденіями. Что же касается до средствъ, мы открываемъ настѣжь всѣ двери, вызываемъ на всѣ споры. Мы не отвѣчаемъ за мнѣнія, изложенныя не нами; намъ случалось уже печатать вещи, прямо противоположныя нашему убѣжденію, но сходныя въ цѣли. Роль цензора намъ еще противна со временъ русской жизни.

Несогласіе въ *прикладныхъ* вопросахъ, стало, не можетъ быть причиной отказа. «Полярная Звѣзда» — одинъ существующій въ мірѣ свободный органъ для русскаго слова, не забудьте этого.

Съ другой стороны, взгляните на обстоятельства, середь которыхъ мы начинаемъ нашъ трудъ. Война реветъ. Въ народныхъ толпахъ развили всѣ злыя чувства національной ненависти и жаднаго патріотизма; въ толпахъ *второго порядка* разбудили чувства болѣе разумныя, — крестоваго похода за *просвѣщеніе и свободу*. И тѣ, и другіе отлучили отъ человѣчества и отъ любви цѣлый народъ.

Середь этого раздраженія, середь грохота пушекъ, порохового дыма и дымящейся крови, середь стона раненыхъ и всеобщаго гвалта, поднимается голосъ, просящій въ Лондонѣ испытанныхъ воиновъ свободы помочь ему въ пропагандѣ русскому народу, предлагающій не жечь села и усадьбы съ союзниками, а проповѣдывать ему волю, не унижать, а поднять голосъ, утверждающій, что въ русскомъ народѣ не только есть начало революціонное, но социальное, которое слѣдуетъ развить... Это — безуміе, но такова была еще на днѣ души нашей вѣра въ западнаго человѣка, что мы сдѣлали это безуміе.

Что же вышло изъ того?

Неутомимые бойцы мысли и дѣла, апостолы независимости и новаго общественнаго порядка, люди, имя которыхъ связано съ остальными благородными воспоминаніями послѣднихъ лѣтъ, эти *сильные*, которые устояли съ немногими, не склоняя головы, не падая отъ утомленья и обидъ середь повальнаго униженія всей Европы,—они-то намъ протягиваютъ, по первому призыву, дружескую руку. Они поняли, что ихъ мѣсто съ врагами русскаго - - - - - , а не съ врагами русскаго народа.

В. Гюю, I. Маццини, Ж. Мишле, Луи Бланъ, П. Прудонъ съ нами!

Николай оканчивалъ свои манифесты, говоря - - - - - — намъ не нужна помощь - - - - - : *съ нами революція, съ нами социализмъ!*

Глубоко тронутые, принимаемъ мы это рукоположеніе.

Для насъ, привыкнущихъ долгое время дѣлать съ одними изъ нихъ тяжесть настоящаго, съ другими—горькій хлѣбъ изгнанія, участіе ихъ кажется до того естественнымъ, необходимымъ, что мы забыли ихъ благодарить. Но тѣмъ не менѣе смыслъ этого соединенія глубокъ.

«Полярная Звѣзда», можетъ быть, всходитъ тоже надъ колыбелью, надъ колыбелью новаго нарождающагося союза, новаго карбонаризма, открытаго, всенароднаго, въ которомъ соединятся *свободные* обѣихъ сторонъ и который не можетъ быть полонъ безъ *русскаго* элемента, какъ сказалъ знаменитый историкъ въ своемъ письмѣ.

Мысли о славянскомъ мірѣ, пробивающіяся тамъ-сямъ, въ пространеніи которыхъ долею мы участвовали сами, казались странными въ 1849 году, преступными—въ 1854, кажутся истинными въ 1855 году. Это—зарницы, которыми будущее прорывается въ удушливую, тяжелую атмосферу Европы, носящую въ растворѣ гніеніе цѣлаго разлагающагося міра.

Западные друзья наши подали намъ руку, потому что они *почуяли* что-то *живое* и *объщающее* внутри молчащаго міра нашего. Такъ встарь бывали рудокопы, которые чувствовали глубоко подъ землю металлическія жилы, останавливались, искали и находили.

Ихъ довѣріе покамѣстъ—даръ,—оправдайте его.

Неужели одной кровью невинныхъ воиновъ спаиваются народы, неужели руку легче подавать черезъ трупы? Теперь—какъ время переселенія народовъ!..

Я вѣрю въ мощь слова, я вѣрю въ мирное соединеніе на одно общее дѣло. Народность, любовь къ своимъ не значитъ ненависть къ другимъ. Что сдѣлалось изъ справедливой ненависти поляковъ

къ русскимъ? При первомъ откровенномъ словѣ любви и примиренія поляки и русскіе указали на общаго врага и обнялись. Вотъ какъ важно высказываться: молчаніе—знакъ затаенной мысли гораздо больше, нежели согласія.

Что же вышло изъ этого сближенія польскихъ изгнанниковъ съ гонимыми русскими? То, что поляки желаютъ, чтобъ мы были свободны, а мы,—чтобъ Польша была *независима*.

И желаемъ этого искреннѣе многихъ западныхъ друзей ея. Они хотятъ возстановить Польшу *противъ* Россіи, хотятъ сдѣлать изъ нея «лагерь, а не форумъ», какъ сказалъ Наполеонъ Нарбону ¹⁾, и защититься ея славянской грудью отъ насъ. Мы хотимъ Польшу свободную и самобытную для того, чтобъ не было, наконецъ, никакой причины раздора съ Европой. Призваніе Польши—этотъ миръ, а не эта война: она—не пограничная стража Европы, не заборъ между двумя семьями человечества, а посредница ихъ. Она, съ славянской кровью въ жилахъ и съ европейскимъ образованіемъ въ нравахъ, назначена судьбой быть великимъ *cap du drapeau* ²⁾ этой встрѣчи. Она соединитъ своими мужественными руками руки единоборцевъ, не обливая ихъ снова своею собственною кровью. Ей не нужно больше жертвъ: ея святыя кладбища должны ороситься не ея кровью, а нашими слезами.

Первая панихида Пестелю и его товарищамъ была пѣта въ Варшавѣ. Мы первые склонимъ колѣни передъ могилами защитниковъ польской вольности!

Рѣчь Бакунина, положившая начало дружбы между гонимыми русскими и польскими изгнанниками, была произнесена въ великую годовщину варшавскаго возстанія, наканунѣ февральской революціи.

Сегодня наша мрачная годовщина.

Двадцать девять лѣтъ тому назадъ, въ подобный день, на разсвѣтѣ, погибли подъ рукой палача пять русскихъ мучениковъ; гордо и величаво погибли они, не прощая врагамъ, а завѣщая намъ свое дѣло.

Что сдѣлали мы?..

Но былого не перемѣнишь—осталось нѣсколько дней впереди еще и у насъ. Проснитесь же къ дѣятельности, дайте волю вашей мысли, вашему плачу, вашему несогласію съ нами, если оно есть.

Бѣдную свѣчку затеплили мы для нынѣшняго дня на чужбинѣ, съ чужими; отъ васъ зависитъ поддержать и раздуть ея пламя. И еслибъ когда-нибудь мы могли сказать себѣ, что мы сколько-нибудь

¹⁾ Mémoires de Villemain, 1855.—А. И. Г.

²⁾ Полеми золотой парчи.

Русскихъ статей отъ русскихъ мы будемъ ждать до-нельзя, до 31 декабря нынѣшняго года; не наша вина, если мы опоздаемъ. Одна намъ обѣщана: «О мѣстѣ Россіи на всемірной выставкѣ»; зная автора ¹⁾, мы ждемъ ее съ нетерпѣніемъ.

Книжка наша была уже отпечатана, когда мы получили тетрадь стихотвореній Пушкина, Лермонтова и Полежаева, — часть ихъ помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ. Мы не знаемъ мѣры благодарности за эту присылку —наконецъ-то! наконецъ-то!

804. Примѣчаніе.

Письмо мое къ Александру II, писанное сгоряча послѣ вѣсти о смерти Николая, устарѣло. Я, можетъ, его не напечаталъ бы, но оно подало поводъ къ недоразумѣніямъ, мнѣ совѣтовали оставить его въ сторонѣ, меня просили его не печатать. Это заставило меня призадуматься. Въ совѣтахъ я видѣлъ не одно непониманіе, а, можетъ, и недовѣріе,—тогда я твердо рѣшился его напечатать.

Смыслъ этого письма такъ ясенъ, такъ простъ и такъ безусловно чистъ, что я смѣло беру на себя всю нравственную отвѣтственность за него.

Насъ упрекаютъ въ любви къ кровавымъ средствамъ, въ революціонномъ дилетантизмѣ,—я хотѣлъ показать, что это несправедливо, что мы гораздо *скромнѣе, самоотверженнѣе*, что я, съ своей стороны, готовъ бы былъ умолкнуть, еслибъ Александръ II *освободилъ крестьянъ съ землею* и далъ бы *свободу книгопечатанія*.

Неужели моя рѣчь важнѣе этихъ двухъ мѣръ? Слишкомъ много чести.

Да онъ не можетъ этого сдѣлать,—это его дѣло.

Да вообще, слѣдуетъ ли, дозволено ли, можно ли писать къ « - - - - - » или, если можно, то не должно ли сначала поставить кой-какое крѣпкое словцо и заключить бранью въ родъ и родъ, проклиная бабку и прабабку.

Что касается до дозволенія,—я его имѣю, оно мнѣ дано моей совѣстью; насчетъ тона,—это мой естественный тонъ; я думаю, сверхъ того, что свободные люди, уважающіе себя, никогда не ругаются и ни съ кѣмъ, особенно когда это безопасно. Я ненавижу все грубое, цинизмъ выражений всегда выражаетъ циническую душу. Наше время слишкомъ серьезно, чтобъ довольствоваться пустою бранью. Я въ императорѣ Александрѣ вижу сильнаго представителя

¹⁾ Н. И. Сазоновъ.

противоположнаго намъ начала, враждебнаго намъ стана, я уважаю въ немъ *нашу* борьбу.

Я могъ не обращаться къ нему, хотя письмо мое явнымъ образомъ такъ же мало относится къ нему одному, какъ письмо Маццини (1847) къ Пію IX относилось къ одному папѣ; но обратившись, я не могъ, я не долженъ былъ говорить иначе.

805. [Отъ издателя].

Еще прекрасная новость, которой мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями: мы получили вчера письмо, полное симпатіи, отъ *Ioachim Lelevelle* ¹⁾,—благодарность искренняя, сердечная великому славянину. Письмо это будетъ напечатано въ слѣдующей книжкѣ.

806. Письмо къ М. К. Рейхель.

(Начало августа 1855).

Сегодня утромъ писалъ къ вамъ, прибавлять нечего; M-me Talandier и m-elle все расскажутъ и «Полярную Звѣзду» везутъ.

Какъ только будете имѣть вѣсть о П. ²⁾, пишите сейчасъ.

Когда бы случилось Рейхелю быть въ улицѣ Ришелье, нельзя ли спросить Франка, желаетъ ли онъ «Полярную Звѣзду»? ¹

Пошлите экземпляръ Лаво.

А. Г.

◆◆ 1. «Полярная Звѣзда» быстро стала проникать не только въ Россію, но и въ Сибирь. «Первая книжка «П. Зв.», полученная въ Селенгинскѣ въ 1855 г., окрылила надеждами М. А. Бестужева. Восторженно читались маленькіе томики въ Кяхтѣ и комментировались на собраніи кяхтинцевъ: «Вотъ ужо узнаютъ въ Петербургѣ, какія мы собранія устраиваемъ и какъ восхищаемся Герценомъ,—влетитъ всѣмъ, а мнѣ, его тезкѣ, въ особицу!»—шутить пограничный губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ» (И. Поповъ, «Путь» 1912, V, 60).

¹⁾ Извѣстный польскій историкъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей возстанія 1830 г., эмигрировалъ и былъ профессоромъ въ Бельгіи.

²⁾ Пикулинъ.

807. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 августа 1855.

Съ прошлаго четверга живетъ здѣсь вѣнскій гость ¹⁾. Это — первый дѣльный и живой человекъ со странъ гиперборейскихъ.

Я очень и очень доволенъ посѣщеніемъ. Всѣ живы и живѣе, нежели себѣ представляютъ; все двинулось впередъ, но они не замѣчаютъ отъ пыли и постоянного гнета.¹

Лаво книжку пришлю ²⁾.

Къ вамъ вѣнецъ не поѣдетъ, а возвращается немедленно домой.

Я усталъ, дѣйствительно, физически усталъ отъ обилья чувствъ, воспоминаній,—это чуть ли не первый свѣтлый лучъ послѣ 1850 года.

Ну, прощайте. И объ васъ не мало вспоминали...

◆◆ 1. По словамъ Мейзенбургъ, Пикулинъ «привезъ Герцену множество принадлежавшихъ ему вещей. Всѣ эти воспоминанія о прошломъ были для Герцена большою радостью, хотя и не безъ примѣси горечи. Въ особенности былъ онъ счастливъ, узнавъ о колоссальномъ успѣхѣ своихъ сочиненій, проходившихъ тайно въ Россію, успѣхѣ, который описалъ ему московскій другъ». «Между прочимъ, онъ рассказалъ, какъ его разбудили ночью для сообщенія извѣстія величайшей важности, а именно—о прибытіи перваго листа герценовской газеты, отпечатаннаго въ Лондонѣ. Тотчасъ же принялись за чтеніе, потомъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, его переписывали изъ опасенія, что будетъ получено недостаточное количество экземпляровъ. Съ возрастающимъ энтузіазмомъ ожидали послѣдующихъ выпусковъ. Всѣ упованія и всѣ усилія прогрессистовъ въ Россіи сгруппировались вокругъ имени Герцена, подъ его знаменемъ. Горячо встрѣченъ былъ и первый номеръ выходившаго затѣмъ три раза въ годъ журнала «Полярная Звѣзда».

Послѣдовательное изложеніе Мейзенбургъ я умышленно раздѣлил кавычками: въ первой части сообщается то, что дѣйствительно относится къ Пикулину, во второй—относящееся совсѣмъ къ другому лицу и времени. Такихъ ошибокъ памяти въ мемуарахъ Мейзенбургъ не мало. Вотъ почему приходится быть очень осторожнымъ при пользованіи ими и часто совершенно игнорировать ея рассказъ при изложеніи обстоятельствъ, къ которымъ онъ ея ошибочно отнесень.

¹⁾ Пикулинъ.

²⁾ Delaveau была послана «Полярная Звѣзда».

808. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 сентября 1855.
Вентноръ.

Что же это за ужасы у васъ? Я такъ не вѣрю больше ни въ какое благо, ни въ какое продолженіе всего намъ дорогого, что всякій разъ становлюсь глупъ. И къ тому же у меня не идетъ изъ головы вѣнскій вояжеръ. Письмо Ваше я получилъ изъ Ричмонда, пишите просто: Isle of Wight, Ventnor, — этого достаточно. Здѣсь хорошо и теплѣе. Я сейчасъ возвратился отъ Кошута. Больше писать нечего,—дайте вѣсть.

Жму руку Рейхелю.

Всѣ наши кланяются вамъ, Тата можетъ сама написать объ именинахъ, въ которыя мы были на дорогѣ сюда.

Не во-время къ вамъ прїѣдутъ наши дамы. Прощайте.

809. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 сентября (1855).
Isle of Wight, Ventnor, St. Augustin Villas.

Послѣднія вѣсти ваши нѣсколько успокоительнѣе. Беладонну пили и наши да еще передъ самымъ припадкомъ давали нюхать хлопчатую бумагу съ тремя-четырьмя каплями хлороформа—припадки становятся слабѣе, иногда совсѣмъ не развиваются.

Настрадались вы... Какое нравоученіе? Никакого,—случайность и тяни лямку.

Теперь одно—получить бы вѣсть о П. ¹⁾... Такъ сердце и замираетъ. Иногда ночью вздумаю и озябну. Смотрите, немедленно пишите. Мы здѣсь все же до 27 останемся. Я напишу за два дня до отъѣзда, тогда опять будете въ Cholmondeley'у писать.

Три дня погода іюньская, — я купаюсь напропалую въ морѣ, а прежде были четыре дня бури, дождь и стужа. Вы знаете, что въ Ниццѣ и въ Женевѣ холера, а здѣсь вмѣсто нея желѣзные дороги бьютъ себѣ народъ и чуть королеву не зашибли. Еслибъ здѣсь не было такъ скучно, остался бы жить, но никакихъ ресурсовъ нѣтъ. А въ Рейдѣ дорого.

¹⁾ Герценъ очень безпокоился за Пикулина, имѣвшаго смѣлость прожить у него такъ долго.

Еще зиму въ Англии... страшно вздумать. А куда дѣться? Война—безуміе... Развѣ ужъ не возьмутъ ли они Москву, тогда поѣдемте.

Дѣти совершенно здоровы. Тата и Оля купаются ежедневно, Саша тоже. Кошутовы дѣти ѣдутъ въ Парижъ, — славные мальчишки. Хотѣлось бы и Сашу въ политехническую школу. Жду отвѣта отъ Фребеля изъ Америки.

Получилъ на почтѣ цѣлую критику на «Полярн. Звѣзду» изъ Берлина, а сдается, что это отъ Н. И. Тургенева ¹⁾.

А успѣхъ большой,—шумятъ. Прощайте. Цѣлую Сашу и жму руку Рейхелю. Ну, телескопъ-то все умнѣе контръ гроссъ-бомбардосъ ²⁾. Деньги пришлю.

¿ Былъ ли Чернецкій? Онъ очень, очень хорошій человекъ. Его рекомендую безусловно.

810. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 сентября (1855), вторникъ.
Isle of Wight, Ventnor.

Само собою разумѣется, что ваше письмо съ приложеніемъ произвело въ Вентнорѣ, т. е. въ моей норѣ, радость несказанную ³⁾... Итакъ, сошло съ рукъ. Вотъ вамъ и алгвазилы ⁴⁾. Очень, очень благодарю за скорую присылку. Теперь вы, должно быть, получите черезъ нѣкоторое время адресъ купца, къ которому я могу относиться по книжнымъ дѣламъ.

Что благоволили, наконецъ, сдѣлать прочетъ «Записокъ»? А «Аугсбург. Газета» ⁵⁾ полна выписокъ.

Теперь поговоримте о Луизѣ ⁶⁾. Она — дѣвушка добрая, но что же она будетъ дѣлать? Воспитывать она не можетъ, да и дѣло ученія идетъ хорошо. Матеріальный надзоръ за домомъ, хозяйство и все прочее, — не молода ли она для этого да и способна ли? Я особеннаго расположенія не видалъ. Не лучше ли поискать для нея мѣсто, какъ учительницы нѣмецкаго языка, или при дѣтяхъ? Я го-

¹⁾ Жилъ въ Парижѣ.

²⁾ Вмѣсто «бомбардона» (bombardon) — труба, дающая самыя низкіе звуки въ военномъ оркестрѣ. Егоръ Ивановичъ просилъ купить вмѣсто духовыхъ инструментовъ телескопъ.

³⁾ М. К. сообщила, что на границѣ съ Пикулинымъ все обошлось вполне благополучно.

⁴⁾ Alguazil—испанское названіе полицейскихъ.

⁵⁾ 1855 г., 17 сентября.

⁶⁾ Суццеръ.

товъ похлопотать. Но вы подумайте, что значить страшно дорогая жизнь въ Лондонѣ или Ричмондѣ (я жъ при первой возможности уѣду изъ Англїи, и тогда, можетъ, это будетъ легче. Ливр. 30 (750 фр.) или 25 въ годъ найти можно). Я жду со дня на день окончательнаго отвѣта отъ Фребеля (это—секретъ), котораго приглашаю на годъ или на два для Саши. Куда же все это дѣтъ и какой домъ надобно?

Вы такъ ей и напишите: 1-е, пусть она остается покойно дома, пока я порядкомъ узнаю, куда я самъ поѣду и можно ли здѣсь мѣсто имѣть; 2-е, путевыя издержки я готовъ ей дать, но мѣста у меня въ Cholm. вовсе нѣтъ и, главное, пусть она ничего не предпринимаетъ, не написавши мнѣ. Я, право, не прочь что-нибудь для нея сдѣлать, но по нашей жизни усложнить себя ею — вещь опасная. Жизнь научила меня осторожности. Я говорилъ съ Мейз.; она, разумѣется, не прочь (она очень благородна во всѣхъ этихъ отношенїяхъ), еслибъ она, Луиза II, могла замѣнить нашу Луизу; но тутъ, я думаю, пойдетъ немножко аристократїи (т. е. я черной службы самъ не потребую, но уходъ за хозяйствомъ, присмотръ).

Я буду еще подробнѣе вамъ писать о томъ. Теперь тороплюсь. Цѣлую Рейхеля и Сашку.

Разумѣется, покупайте телескопъ; деньги тотчасъ пришлю изъ Лондона (мы, кажется, до 1-го октября не уѣдемъ).

Я вамъ совѣтую послать Рейхеля къ *Обергаусеру*,—оптику, у котораго я купилъ въ 1849 году микроскопъ для Ог.; отъ моего имени спросите его совѣтъ, а гдѣ онъ живетъ, могу вамъ написать изъ Лондона.

Дѣти здоровы. Прощайте.

Я сегодня что-то распростудился.

811. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 сентября (1855), воскресенье.
Isle of Wight, Ventnor.

Мы ѣдемъ отсюда въ четвергъ, т. е. *4-ю октября*, а потому благоволите со *2-ю окт.* письма адресовать: Cholmondeley Lodge, Richmond.

Послѣднее время погода страшная.

Не прикажете ли телескопъ купить въ Лондонѣ? Вы знаете, что все относящееся до морскихъ вещей, здѣсь превосходно. Я только не знаю, какъ послать: прямо изъ Парижа или Лондона,

вѣроятно, по поводу войны сношеній нѣтъ. Я вамъ пришлю письмо къ Егор. Ив. отъ дѣтей; узнайте отъ него, что живъ ли Алексѣй Александровичъ ¹⁾ и что онъ дѣлаетъ. Я съ П. отправилъ Петрушѣ 500 фр.

Теперь обратите вниманіе на слѣдующее. Такъ какъ вѣнецъ ²⁾ возвратился удовлетворительно, и такъ какъ онъ дѣятельнѣе и расторопнѣе всѣхъ нашихъ вмѣстѣ, то передайте черезъ кого знаете, что вы ждете присылки:

1-е Новаго изданія Пушкина	}	за 1855 годъ
2-е «Отечественныя Запис.»		
«Москвитянинъ»		
«Современникъ»		
3-е Новое изд. «Мертвыхъ душъ»		
4-е Исторію универс.		
5-е Лучшую Русскую Исторію (для Саши).		

Послать это къ вамъ черезъ книгопродавца, на вашъ счетъ или, заплативъ ему предварительно. А при томъ и намекните, что П. хотѣлъ сдѣлать небольшую коллекту ³⁾ для Чернец. (фр. 500), то я ему здѣсь и отдалъ бы что стоятъ книги. Обнимаю васъ всѣхъ.

812. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 октября (1855).
Richmond, Cholmondeley Lodge.

Вотъ и опять на вонючихъ брегахъ Темзы. Всѣ эти дни буря и ужась; разумѣется, дѣти были немного больны на морѣ, особенно Ольга. Теперь все ладно.

Телескопъ поручу; разумѣется, не стану же посылать отъ своего имени. Я недоволенъ, что П. ⁴⁾ писалъ второй разъ, для чего? Ну да подъ севастопольскій шумокъ сойдетъ съ рукъ.

Если Чернецкій попроситъ у васъ денегъ, то до *ста франковъ* кредитъ я открываю и пришлю кстати и за ноты, что слѣдуетъ,—черкните. Не забудьте моихъ комиссій въ Россію. Какъ всегда, все что оттуда, немедленно сообщайте.

¹⁾ Яковлевъ, «химикъ».

²⁾ Пикулинъ.

³⁾ Collecte—подписка, сборъ.

⁴⁾ Пикулинъ.

Посылаю вмѣсто всякихъ новостей стихи, которые Пульскій написалъ подѣ извѣстную манеру баварскаго короля, — они необыкновенно смѣшны.

Засимъ прощайте.

Прилагаю записочку Чернецкому, — отдайте ему или бросьте на почту: Rue de Vieille Estrapade, № 11; не хочу писать отсюда.

Дѣти еще спятъ.

Суббота.

Cher Reichel, je m'empresse de vous faire part des nouvelles nouvellement découvertes, c'est à dire poésies du roi Louis de Bavière:

An d. König v. Preussen.

Mir verschwägert Hohenzollern,
Sey nicht Wittelsbacher Groller,
Weil er liebet Lola Montez,
Selber habend nie gekonnt es.

Zum Bild v. Metternich.

Die ganze Kraft dem Volke weihend,
Am Ende doch hinausgeworfen seyend ¹⁾).

813. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 октября (1855).

Richmond, Cholmondeley Lodge.

Мнѣ кажется, что я къ вамъ давно не писалъ, хотя дѣло и очень просто: нечего было писать; къ тому же Доманже, который

¹⁾ Дорогой Рейхель. Спѣшу подѣлиться съ вами новыми, — т. е. вновь открытыми, стихами короля Людвига баварскаго:

Королю Прусскому.

Своякъ мой Гогенцоллернъ,
Не сердись на Виттельсбаха ^{°)}
За то, что онъ любитъ Лолу Монтезь ^{°°)},
Чего ты никогда не могъ.

Къ портрету Меттерниха.

Хотя онъ и посвятилъ всѣ свои силы народу,
Въ концѣ концовъ, все-таки, былъ выброшенъ.

^{°)} Фамилія баварскихъ королевей.

^{°°)} Знаменитая въ свое время танцовщица и всесильная фаворитка Людвига Баварскаго.

хотѣлъ купить телескопъ, чуть самъ не подвинулся къ звѣздамъ,—такъ былъ боленъ.

Нѣтъ ли ужъ изъ Россіи о прїѣздѣ вѣнца! О книгахъ пишите въ каждомъ письмѣ туда; если бы сказали, что нельзя,—другія мѣры найдемъ.

Здѣсь начинается чистое и открытое преслѣдованіе рефугіаріевъ—и это со стороны общества и народа, народъ требуетъ всякихъ мѣръ... и аминь, аминь, глаголю вамъ, не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, если не будетъ мира, что насъ всѣхъ—черезъ пень колоду и за бортъ. А пока, вѣроятно, будутъ колотить на улицахъ, плеваться и дѣлать прочія деликатныя и свойственныя этимъ морскимъ нѣмцамъ гадости.

Сейчасъ прочиталъ, что двое изъ моихъ пріятелей—въ числѣ четырехъ, выгнанныхъ изъ Джерсея; такъ быстро пророчества еще никогда не сбывались. «Теймсъ» называетъ насъ «Russians Raiscals» ¹⁾...

А, право, въ Америку не хочется...

Нѣтъ ли у васъ моихъ «Записокъ одного мол. человѣка»? Мнѣ очень нужно. Богатое изданіе моихъ «Записокъ» ²⁾ вышло на англійск. (ихъ продаютъ по фунту!), а M-elle Мейз. только заплатилъ жидъ 25 liv. ³⁾. Ошибки есть и, главное, въ заглавіи: Гофманъ и Кампе и здѣшній для заманки поставили «My Exile in Siberia». Я протестовалъ, но кто же это будетъ знать ⁴⁾.

Голов. занимается въ Америкѣ печатан. на меня ругательныхъ статей. Бывшій консулъ Сондерсъ ⁵⁾ ему отвѣчалъ.

814. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 октября (1855).

Вчера отправилъ я 100 фр., которые Рейхель, когда хочетъ, можетъ получить у Ротшильда; это въ предположеніи, что вы со-благодизволили дать Чернец. При семъ къ нему письмецо; вы адресъ кажется, благопомните (11, rue de la Vieille Estrapade). Ну, а насчетъ этого, т. е. могу вамъ сказать, мои «Записки» такъ были приняты

¹⁾ Русскіе плуты.

²⁾ «Тюрьма и ссылка».

³⁾ Мейзенбургъ перевела для нѣмецкаго изданія.

⁴⁾ Моя ссылка въ Сибирь. См. № 815.

⁵⁾ Дававший обѣдъ эмигрантамъ, см. № 733.

въ Лондонѣ, что экскузе,—т. е. во всѣхъ газетахъ трезвонъ и такой оиміамъ, что просто пачули. Я вамъ пришло статейку, другую.

Наконецъ, письмо ко мнѣ съ любовнымъ объясненіемъ отъ... отъ кого вы думаете? отъ какого-го пастора?!!;ij??^Δ_ο (новый знакъ препинанія).

Постараюсь быть благодарнымъ.

815. Mr. Alexander Herzen—to the editor of „The Globe“.

Cholmondeley Lodge, Richmod, 23 d. oct. 1855.

Sir,—it was not nutil to—day that I had the pleasure of reading the favourable mention made in your esteemed paper on the 15 th inst., of the English translation of my Memoirs. While thanking you, I am anxious to say that the title given by myself and repeated by the *Revue des Deux Mondes*, was «Prison and Exile».

The editor of a German translation (Hoffmann and Campe, Hamburg), thought it necessary to add the words «in Siberia», which are not to be found anywhere in my own writing of the title. The editor of an English translation has done the same thing.

The observation made in your journal is perfectly correct. I only went as far as the Uralian Mountains. *I have never been in Siberia.* But the title rests entirely on the responsibility of the editors, and I avail myself immediately of this opportunity of saying so.—Accept, etc. etc.

Alexander Herzen.

P. S. You will oblige me if you will publish this letter, and you will oblige me doubly by having it translated into English. Unfortunately I know the language too imperfectly to write it.

Переводъ.

Александръ Герценъ—издателю „The Globe“.

Sir, Я только сегодня имѣлъ удовольствіе прочитать благопріятный отзывъ въ вашей уважаемой газетѣ за 15 тек. мѣсяца объ англійскомъ переводѣ моихъ мемуаровъ. Приношу Вамъ благодарность и въ то же время хочу сказать, что заглавіе, которое я самъ далъ и которое затѣмъ повторилъ «*Revue des Deux Mondes*», было: «Тюрьма и ссылка».

Издатель нѣмецкаго перевода (Hoffman и Кампе, Гамбургъ) счелъ необходимымъ прибавить слова «въ Сибири», которыхъ у меня нигдѣ въ заглавіи не было. Издатель одного англійскаго перевода тоже сдѣлалъ такое прибавленіе.

Замѣчаніе, сдѣланное въ вашей газетѣ, совершенно правильно. Я дальше уральскихъ горъ не шелъ и никогда въ Сибири не былъ. Заглавіе всецѣло остается на отвѣтственности издателей, и я спѣшу воспользоваться случаемъ заявить объ этомъ.

Примите и пр.

Александръ Герценъ.

P. S. Вы меня обяжете, если напечатаете это письмо, и буду вдвойнѣ обязанъ, если переведете его на англ. языкъ. Къ несчастью, я недостаточно владѣю этимъ языкомъ, чтобы писать на немъ».

816. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 октября (1855).
Richmond.

Вотъ, вѣдь, крайне нужно было захворать вамъ! и отъ чего?! отъ сѣна, горѣвшаго на Сенѣ!... Пишу, въ знакъ печали, на голубой бумагѣ.

Переѣзжаемъ 4 декабря; адресъ невѣроятный:

1, Peterborough Villa, Finchley New Road, St. John's Wood, London.

Само по себѣ—цѣлое письмо. По дому все обстоитъ благополучно. Что о книгахъ не пишутъ? Хоть бы отказали, такъ я иначе бы выписалъ; скажите Боткину.—Вещи не испортятся въ Бернѣ; тамъ есть мелочи дорогія для меня; можетъ, лѣтомъ я поѣду самъ. А ужъ вашъ Адольфъ опять въ Мерику собирается, пожалуй? Здѣсь тоже становится очень мерзко; да и рефугіаріи скучны, ничего не умѣютъ; «шумимъ, братецъ, шумимъ»,—и все тутъ.

Lieber und bester Reichel, also Sie wollen mich in Music setzen, Herzen-dur und Herzen-moll. Also nach America, aber wissen Sie wohin—nach «Costa-Rica» nach Central America, warm, gemüthlich, spanisch, und etwas gelbes Fieber. Nun wollen Sie, bester Hidalgo?—Aber früher müssen sie mir eine kleine Commission machen. Wenn sie nahe sein werden von Rue Richelieu—bitte noch einmal zu Franck zu gehen. Wer Vieweg ist, braucht ja gar nicht ein Vieh-Weg zu sein und grob

d. Cernetzky antworten. Er hat Bücher gefordert, will nicht zahlen, ich brauche einige Exemplare durchaus für Russische Officiere (dass sagen Sie weder dem Vieh—noch dem Weg), er fordert Geld für die Douaane und d. Weg—sagen Sie, dass ich durchaus 5 Exemp. vor allem fordere und er solle nur die Rechnung schicken. Wenn Sie können, nehmen Sie sie grade—und geben sie ihm ein ¹⁾, oder am besten gehen sie zusammen mit Cernezky—Sie müssen ja auch für unsere Propagande arbeiten. Bitte den Brief an Cer. zu schicken.

Grüssen Sie ihren Herrn Sohn—spielt er schon Clavier? ²⁾.

817. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 ноября (1855).

Richmond, Cholmondeley Lodge.

Я опять довольно давно не писалъ, именно потому, почему въ газетахъ иной разъ мѣсяца не пишутъ о Голландіи: нечего сказать.

Успѣхъ «Му exile» страшный. Въ «Athen.» разборъ «Полярной Звѣзды» съ переводами изъ Бѣлинскаго ³⁾. А «New Monthly Magazine» ⁴⁾ до того разнѣжничался, что говоритъ: «боже оборони, Г. выслать съ другими изгнанниками,—этотъ человекъ *не проситъ*

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Дорогой и милѣйшій Рейхель, итакъ, вы хотите переложить меня на музыку: Герценъ-dur (мажоръ) и Герценъ-moll (миноръ). Итакъ, въ Америку, но знаете куда, — въ Коста-Рику, въ Центральную Америку: тепло, уютно, по-испански и немного желтой лихорадки. Ну, такъ какъ же, желаете, милѣйшій гидальго? Но сначала вы должны исполнить для меня маленькое порученіе. Если будете недалеко отъ улицы Ришелье, пожалуйста, зайдите еще разъ къ Франку. Кто Фивегъ, тотъ вовсе не долженъ быть скотской дорогой ^{o)} и грубо отвѣчать Чернецкому. Онъ потребовалъ книжки, платить не хочетъ, мнѣ крайне нужны нѣсколько экземпляровъ для русскихъ офицеровъ (не говорите этого ни скоту, ни дорогѣ). Онъ требуетъ денегъ для пошлны и для дороги. Скажите ему, что я требую пять экземпляровъ, и пускай пришлетъ мнѣ счетъ. Если можете, просто возьмите ихъ и дайте ему ^{oo)} или, лучше всего, идите вмѣстѣ съ Чернецкимъ—вы же должны работать для нашей пропаганды. Пожалуйста, покажите это письмо Чернецкому.

Кланяйтесь вашему сыну. Играетъ онъ уже на роялѣ?

³⁾ «The Athenaeum», 3 ноября, № 1462.

⁴⁾ Въ ноябрьской книжкѣ.

^{o)} По-нѣмецки игра словъ: фамилія Vieweg, написанная—Viehweg, значитъ скотская дорога.

^{oo)} Слово не разобрано.

denier (à la lettre) и живетъ sans aucune perchoche ¹⁾. Они, кажется, меня выбрали, какъ розьеру ²⁾, чтобъ на конфѣстахъ ³⁾ мнѣ обручать другихъ.

Je laisse faire ⁴⁾, пока дѣло въ границахъ. Теперь я рѣшился издать 1-ю часть, кою и готовлю ⁵⁾.

А зачѣмъ же вы таскаетесь, да еще съ Убремъ ⁶⁾, по піэтистическимъ сборищамъ? дали ему «Поляр. Звѣзду»? Прошу дать отъ меня, а вы, вѣдь, можете сколько хотите имѣть.

Телескопъ купленъ и въ отдѣлкѣ, превосходная вещь; цѣны еще подробно сказать не могу (это зависитъ отъ ящика, укладки, чехла etc.), отъ 300 фр. до 400, не больше. Отсюда отправится прямо, а потому вы и можете Егору Ивановичу сообщить. Аневризма въ ногѣ—дѣло скверное; пожалуй, придется артеріи рѣзать. Что это съ ними со всѣми...

Статья «Что такое государство»—Энгельсона, съ которымъ, какъ было, всѣ сношенія прерваны.

Прочтите, пожалуйста, мое письмо къ Чернецкому; не можете ли вы черезъ Лаво узнать насчетъ изданія (это было бы въ пользу Домангая)? Даромъ я теперь уже не пишу-съ... Вотъ оно куда пошло.

Да, сверхъ того, буде надобно, снабдите записочкой къ Дари-мону Чернецкаго.

Ну, а знаете ли, что я дѣлаю? отгадайте—разъ-два, нѣтъ? Съ Сашей беру уроки фехтованія. Не ждали-съ?

818. Письмо къ М. К. Рейхель ⁷⁾.

7 ноября 1855. Mercredi.
Cafe Pall-Mall, London.

Ну, ваше письмо пришло меня такъ, какъ съ 52 года я не былъ пришибленъ. Я выходилъ со двора, когда мнѣ принесли письмо.

¹⁾ Незапятнанно и безупречно.

²⁾ Rosière—дѣвица, удостоенная розоваго вѣнка за скромность и нравственность.

³⁾ Confest—признание.

⁴⁾ Не протестую.

⁵⁾ Гл. I—VII «Былого и думъ» появились во II кн. «Полярн. Звѣзды».

⁶⁾ Убри.

⁷⁾ Рейхель сообщила, что 4/16 октября скончался въ Москвѣ Т. Н. Грановскій.

Я его прочелъ съ конца, т. е. приписку Юл. Богд. ¹⁾, и, право, сначала не вымѣрилъ все страшное,—такъ сдѣлалось темно... А теперь сижу и плачу, и плачу... Внутри больно, шемить. Марія Каспар., ну, ужъ и вы бы тоже... Случай глупый—одиночество и очень. А я вамъ сегодня объ англійскихъ журналахъ писалъ... Фу, мерзость какая! Я не могу, не хочу быть отсутствующимъ: пошлите строки эти, на другой страницѣ, Лизаветѣ Богдановнѣ ²⁾, — пусть опасно, хуже ужъ не будетъ. ¹

◆◆ 1. За два дня до своей смерти, 2 октября, Грановскій писалъ К. Д. Кавелину: «Пикулинъ возвратился изъ-за границы и привезъ многое и много рассказовъ о нашемъ пріятелѣ, у котораго прогостилъ 2 недѣли. Утѣшительнаго и хорошаго мало. Личность осталась та же, не старѣющая, горячая, благородная, остроумная, но дѣятельность ничтожная и пониманіе вещей самое дѣтское. Для изданія такихъ мелочей не стоило заводить типографію. Сотрудники у него—настоящіе ослы, не знающіе ни Россіи, ни русскаго языка. Если бы эти жалкія произведенія и проникли къ намъ, то, конечно, не вызвали бы ничего, кромѣ смѣха и досады. Его собственныя статьи напоминаютъ его остроумными выходками и сближеніями, но лишены всякаго серьезнаго значенія. И что за охота пришла человѣку разыгрывать передъ Европой роль московскаго славянофила, клеветать на Петра Великаго и увѣрять французскихъ réfugiés въ существованіи сильной либеральной партіи въ Россіи? У меня чешутся руки отвѣчать ему печатно въ его же изданіи (которое называется «Полярною Звѣздою»). Не знаю, сдѣлается ли это. Въ первой книжкѣ «П. З.» напечатана переписка Гоголя съ Бѣлинскимъ. Представъ себѣ, что при всемъ томъ Александръ Ивановичъ мечтаетъ о возвратѣ въ Россію и даже хотѣлъ въ слѣдующемъ году прислать сына въ Московскій университетъ. Каковъ практической мужъ!» («Переписка Грановскаго», 455—456).

Какъ подѣйствовала смерть Грановскаго на Огарева можно видѣть изъ одного не опубликованнаго письма его жены къ Е. С. Некрасовой. Огаревы ѣхали въ Москву. На послѣдней станціи узнали о несчастіи изъ записки Сатина. «Огаревъ то рыдалъ, то, желая подавить свои рыданія, кусалъ себѣ пальцы до крови, не говорилъ, не смотрѣлъ ни на что—и такъ вплоть до Москвы. Тамъ онъ ежедневно ѣздилъ на могилу и сталъ сильно пить» (Румянцов. музей).

¹⁾ Сестра жены Грановскаго, потомъ Шумахеръ.

²⁾ Грановская.

Герценъ написалъ о смерти своего друга Саффи и, видимо, въ такихъ выраженіяхъ, въ которыхъ далъ ему понять всю глубину своего горя. Приведу сначала письмо Саффи отъ 21 октября изъ Оксфорда, а потомъ второе его же письмо отъ 12 ноября изъ Манчестера, изъ котораго видно, какъ отозвалась душа Герцена на смерть Грановскаго.

Оксфордъ, 21 октября 1855. «Дорогой Герценъ, наконецъ, я васъ нашель, не отыскивая. И если я васъ не искалъ, то не по своей винѣ, а вслѣдствіе невѣдѣнія о вашемъ мѣстопробываніи и адресѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы покинули Ричмондъ. До меня дошелъ лишь неопредѣленный слухъ, что вы на островѣ, около береговъ Англии, но наши друзья изъ Фульгема не догадались прислать мнѣ точныя указанія мѣста, города или дома, ни сообщить, дойдетъ ли до вашего новаго уединенія письмо, адресованное по прежнему въ Cholmondeley Lodge. Въ этомъ неопредѣленномъ положеніи я откладывалъ со дня на день осуществленіе своего желанія снестись съ вами, хотя бы писаннымъ словомъ, до вашего возвращенія въ Ричмондъ. И такъ, какъ я говорилъ себѣ, что въ октябрѣ задуетъ счастливый вѣтеръ, который долженъ привести васъ ближе ко мнѣ, то уже собирался вамъ писать, не зная даже точнаго времени вашего возвращенія. И вотъ, получаю ваше любезное письмо, которое меня заранѣе извѣщаетъ о вашемъ приѣздѣ,—и я благодаренъ за него отъ всего моего сердца.

«Я здѣсь снова съ 10-го числа. Въ моемъ путешествіи ничего не было ни докучливаго, ни замѣчательнаго. Я былъ тамъ, прожилъ и вернулся въ полномъ здоровьѣ, и полицейскіе свято отнеслись къ моему инкогнито. Я снова нашель, даже въ Парижѣ, самое большое вниманіе со стороны жандармовъ и таможенныхъ чиновниковъ, сдѣлалъ интересныя наблюденія и сравненія относительно различныхъ предметовъ искусства и вопросовъ науки.

«Возвратившись въ Англию, я издали услышалъ Джерсейскій вихрь, смѣшеніе языковъ и лицъ, фигурировавшихъ въ новомъ родѣ трагикомедіи, разыгранной на маленькомъ англо-французскомъ островѣ. Уже въ Женевѣ до моего испуганнаго слуха донесся шумъ, еще болѣе дальній—это тройственнаго манифеста. Я почти забылъ о немъ, какъ вдругъ, раздалось ваше священное слово и снова пробудило мой страхъ.

«Вотъ что, навѣрное, истинно обрадуетъ меня, облегчитъ душу и снесетъ послѣдніе слѣды всѣхъ печальныхъ впечатлѣній отъ политико-эмигрантской дѣйствительности, это—ваша книга, воспоминанія о вашей жизни. Ожидаю ее съ нетерпѣніемъ.

«Въ Женевѣ оказалось невозможнымъ увидѣть вашего друга.

Онъ уѣхалъ, я полагаю, черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда и отправился въ какое-то мѣсто, гдѣ купаются,—а вернулся лишь около конца сентября.

«Вмѣсто нѣмецкаго профессора, знакомство съ которымъ было бы для меня большимъ удовольствіемъ, я познакомился и сдружился,—совсѣмъ чистою дружбою,—съ очень красивою и очень ученою молодою дѣвушкою, полу-нѣмкою, полу-швейцаркою, Марією Гальтенгофъ. Это—дочь богатаго купца, но въ ея натурѣ нѣтъ ни малѣйшей примѣси торгашеской души. Мы разговаривали о литературѣ, о философіи, о религіи, о дружбѣ, о любви, о политикѣ, о социализмѣ, и, однако, несмотря на все это, она осталась вѣрною своею юною натурѣ, простой, красивой и шутливой. Говорили много и о васъ, такъ какъ она знаетъ по наслышкѣ о вашей славѣ, сочувствуетъ вашему таланту и вашей душѣ, которую угадывала по всему тому, что ей извѣстно о вашей жизни и сочиненіяхъ.

«Послѣ дорогой для меня компаніи брата и его жены, м-лле Гальтенгофъ и ея сестра, которая также обладаетъ нѣкоторыми пріятными свойствами, была во время моего женевскаго пребыванія, точно цвѣтокъ на моей дорогѣ, впрочемъ, цвѣтокъ очень мимолетный, по крайней мѣрѣ, для меня...

«Свои дѣла я устроилъ довольно удачно. Одинъ нашъ дядя, который очень насъ любитъ, взялъ на себя управленіе нашимъ имуществомъ, и до сихъ поръ нѣтъ, повидимому, повода опасаться чего-либо со стороны правительства.

«Прощайте на сегодня. Въ Манчестеръ я отправлюсь 12-го будущаго мѣсяца. Со времени пребыванія въ Женевѣ я составилъ четыре лекціи, осталось написать еще двѣ, но все готово, и, кромѣ того, я открылъ въ себѣ удивительную способность писать по-англійски. Мои здѣшніе друзья находятъ слогъ и фразы безупречными. Это странно, потому что моя природа—совершеннѣйшій антиподъ англійской натурѣ. Прощайте, дорогой Герценъ. Я пришлю вамъ по почтѣ тѣ 90 франковъ, которые долженъ.

«Вашъ очень любящій

Саффи».

Манчестеръ, 12 ноября 1855. «Дорогой другъ, я получилъ ваше дорогое письмо третьяго дня, въ тотъ самый часъ, когда долженъ былъ выѣхать въ Манчестеръ. По этой причинѣ отвѣчаю только сегодня. То письмо одно было бы достаточнымъ свидѣтельствомъ вашей искренней и теплой дружбы, не будь даже у меня много другихъ ея доказательствъ. Отъ всей души благодарю васъ. Я былъ чрезвычайно взволнованъ вашею новою потерею и тѣмъ, что вы по этому поводу говорите. Поистинѣ страшно подумать, какъ ру-

шатся наши лучшія привязанности, одна за другою, вокругъ насъ! Точно неумолимая Немезида тяготѣетъ надъ нашею судьбой и стремится окутать насъ одиночествомъ и молчаніемъ. Не для того ли, чтобы убить въ насъ мужество, или чтобы заставить насъ еще сильнѣе почувствовать потребность усилить нашу энергію и дѣятельность? Вотъ, съ одной стороны, смерть въ своей матеріальной реальности, а съ другой,—смерть или вздорная болтливость старости въ мысли и устахъ тѣхъ, которыхъ неисчерпаемая глупость революціоннаго *рабскаю стада* именуетъ своими вождями! То, что вы говорите по поводу этого, и ваши дивные каламбуры заставили меня еще сильнѣе почувствовать мою неспособность подражать вамъ въ этомъ родѣ искусства. Они заставили меня отъ души разсмѣяться.

«Я прослѣдилъ съ великимъ удовольствіемъ критику или, точнѣе сказать, дань удивленія англійскихъ журналовъ вашей книгѣ. Я прочелъ ее всю, и самъ всей душой чувствую, что другого приѣма и не могло быть. Это—твореніе, которое останется, въ то время, какъ все проходитъ, все вымираетъ въ этомъ поверхностномъ и благерномъ вѣкѣ. Въ вашей книгѣ слово есть одновременно и мысль, и чувство, и дѣйствіе,—вотъ секретъ ея успѣха ¹⁾).

«Кстати, я говорилъ съ глубокимъ интересомъ объ этой книгѣ съ хозяевами моей квартиры здѣсь, въ Манчестерѣ. Я живу въ домѣ г. Скотта, директора одного изъ здѣшнихъ колледжей и члена института, въ которомъ я читаю свои лекціи.

«Это—исключительная семья по своей простотѣ и антипатіи къ англійскому формализму; она искренно и сильно сочувствуетъ всему благородному и великодушному въ тѣхъ, которые въ Европѣ находятся *внѣ закона*. Какъ я уже вамъ сказалъ, я много говорилъ о вашей книгѣ и хотѣлось бы подарить ее имъ. Не будетъ съ моей стороны нескромностью, если я попрошу васъ прислать мнѣ еще экземпляръ? Само собой разумѣется, что, если вамъ придется его покупать, то я заплачу за него.

«Я въ восхищеніи отъ вашего поступка съ г-жею Гоксъ (разумѣется, это по секрету, между нами, чтобы никто насъ не услышалъ, иначе г-жа Эгерія предастъ меня богамъ ада). Прежде всего, я былъ очарованъ по той причинѣ, что, по моему, дѣлаютъ кровную обиду, сами того не замѣчая, угнетеннымъ національностямъ, когда полагаютъ надежду на ихъ освобожденіе въ жалкой лептѣ нѣсколькихъ англійскихъ шиллинговъ. Вѣдь, это заставляетъ смѣяться даже тѣхъ, кто даетъ деньги! Это—настоящая мономанія со стороны предпринимателей такой патріотически-космополитически-мелкой промышленности.

¹⁾ «Тюрьма и ссылка» въ англійскомъ переводѣ.

«Прощайте, дорогой Герценъ; я вамъ ничего не говорю о моемъ успѣхѣ здѣсь, потому что мнѣ докучаетъ говорить о себѣ самомъ. Сегодня утромъ я прочелъ свою первую лекцію, и пріемъ, ей оказанный, много превзошелъ мои скромныя надежды.

Саффи».

819. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 ноября (1855), вечеръ.
Richmond, Cholmondeley Lodge.

Если вы можете спросить Лаво, то скажите, что я желаю знать, что онъ думаетъ сдѣлать съ моимъ позволеніемъ; онъ его взялъ больше году тому назадъ. Если онъ не напечатаетъ въ три мѣсяца, я думаю сдѣлать французское изданіе,—могу даже взять тогда его переводъ и поправить. Дѣло въ томъ, что шумъ здѣсь crescendo объ книгѣ, рѣшительно всѣ журналы,—хвалятъ, ругаютъ, но говорятъ. Такого случая не будетъ, и уже Саз предлагаетъ издателя.

Переѣзжаю въ Лондонъ къ 1 декаб. Квартиру нашелъ отличную и почти такъ же далеко, какъ въ Ричмондѣ... А еслибъ вы знали, какая тоска здѣсь. Наши пріятели дѣлаютъ дурачество за дурачествомъ и доиграются до бѣды безъ пользы, безъ славы,—точно поврежденные.

А если увидите Убря, то скажите, что потому-то и слѣдовало «Полярн. Звѣзду» взять, что онъ ѣдетъ въ Россію. Какъ не провезти черезъ границу?! Писалъ ли я вамъ, что я недавно отправилъ экзempl. по 20 всего?

Объ русскихъ книгахъ отвѣта непременно добейтесь, а не то я иначе выпишу. Пусть ихъ пошлютъ, хоть только въ Берлинъ на имя Шнейдера или другого книгопродавца, а оттуда я достану.

Телескопъ отправится черезъ Брюссель, отъ вашего имени прямо на адресъ Ег. Ив., которому еще-таки напишите, что я его очень прошу иногда послать небольшую сумму, руб. 100 сереб., Акс. Ив., что деньги его не пропадутъ.

Прощайте.

14.

Вчера я ѣхалъ на omnibusъ отъ С. Павла на Чипсайдъ; на поворотѣ подвернулся мальчикъ, упалъ подъ лошадей, его бросило подъ omnibusъ; онъ всталъ, посмотрѣлъ на насъ, сдѣлалъ два шага по тротуару, закачался; его схватили—голова повисла, и полиція его унесла, впрочемъ, живого.

И мнѣ представилась эта сцена, какъ Гранов., одѣваясь, поскользнулся.

Мар. Касп, неужели вы не дошли откровенно до сознанія, что природа глупа? я удивляюсь ея безразсудной, безмозглой манерѣ.

Дѣти здоровы. Деревья, лошади и дѣти цвѣтутъ въ этомъ туманѣ, погода гнусная.

820. „My Exile in Siberia“.

(To the Editor of the «Morn. Advertiser»).¹

Sir, In order to put an end to the accusations which are published against me in your paper, respecting the title of my memoirs «*My Exile in Siberia*», I hope you will not refuse to insert the following declarations:—

First—I have directed personally the publication of two volumes of my memoirs in the Russian language, under the title of «*Prison and Exile*».

Second—I have merely given my authorisation to their translation into English, German, and French, and that is all the part I have taken in the editions which have appeared in those languages.

Third—Immediately after the publication of the English edition, I have protested against the addition to the title of the words «In Siberia», as it has been declared in your columns by Messers Hurst and Blacket, who have altered the title of the book in consequence of my protestations. I have besides protested publicly in the «Globe», as it may be seen by referring to the columns of that paper.

Fourth—I have received no communication of the book before it was published and advertised, this I positively assert, and, if needed, I have no doubt Messers Hurst and Blackett will not hesitate to confirm it.

I remain, Sir, your obedient servant.

Alexander Herzen.

Cholmondeley Lodge, Richmond, nov. 29.

Переводъ.

„Моя ссылка въ Сибирь“.

(Издателю «The Morning Advertiser»).

Сэръ, чтобъ положить конецъ обвиненіямъ, направленнымъ вашей газетой противъ меня въ связи съ вопросомъ о заглавіи

моихъ мемуаровъ («My Exile in Siberia»), вы не откажете, надѣюсь, помѣстить слѣдующее заявленіе:

Во-первыхъ, я лично руководилъ изданіемъ двухъ томовъ моихъ воспоминаній на русскомъ языкѣ, появившихся подъ заглавіемъ «Тюрьма и ссылка» («Prison and Exile»).

Во-вторыхъ, я далъ разрѣшеніе перевести ихъ на англійскій, нѣмецкій и французскій, и только въ этомъ выразилось мое участіе въ изданіяхъ, опубликованныхъ на указанныхъ языкахъ.

Въ-третьихъ, немедленно послѣ появленія англійскаго изданія я выразилъ протестъ противъ добавленія къ заглавію словъ «въ Сибири». Вслѣдствіе моего протеста гг. Hurst and Blacket измѣнили заглавіе книги и заявили объ этомъ на столбцахъ вашей газеты. Кромѣ того, я напечаталъ свой протестъ въ «The Globe», въ чемъ можно убѣдиться, обратившись къ этому изданію.

Въ-четвертыхъ, я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о книгѣ до ея выхода въ свѣтъ и появленія объявленій о ней. Я категорически это заявляю и не сомнѣваюсь, что гг. Hurst and Blacket, если понадобится, не откажутся подтвердить это.

Остаюсь вашимъ покорнымъ слугой

*Александръ Герценъ.*²

Нояб. 29.

◆◆ 1. 29-го ноября въ «The Morning Advertiser» появилось письмо за подписью «One who had been deceived» («Одинъ изъ введенныхъ въ заблужденіе»), на которое Герценъ и отвѣтилъ.

2. 6 декабря 1855 г. въ «The Morning Advertiser» появились два письма въ редакцію, которыми, по заявленію газеты, полемика о книгѣ «My Exile in Siberia» заканчивается.

Первое, за подписью «Content and not deceived» («Удовлетворенный и не введенный въ заблужденіе»), защищаетъ Герцена отъ нападокъ и отмѣчаетъ достоинства его книги. Авторъ пишетъ, что началъ чтеніе ея съ предубѣжденіемъ, но затѣмъ заинтересовался новымъ изображеніемъ русской жизни и сталъ искать другихъ произведеній того же автора.

«Мы можемъ соглашаться или не соглашаться съ политическими взглядами Герцена, но должны признать, что онъ совсѣмъ не повиненъ въ лукавствѣ, лицемѣрии или отсутствіи искренности. Англичане, такъ хвастающіе и гордящіеся своей свободой мысли и дѣйствія и своей свободой печати, ни въ коемъ случаѣ не примутъ участія въ томъ, чтобы наложить цензурный запретъ на перваго русскаго, который обрекъ себя на добровольное изгнаніе для того,

чтобы создать свободную русскую печать и просвѣщать своихъ заключенныхъ въ тюрьму согражданъ».

Въ другомъ письмѣ, подписанномъ «One who had been deceived» говорится, что теперь вполне установлено, что авторъ воспоминаній никогда не былъ въ Сибири; что городъ, гдѣ онъ жилъ, вовсе не «пограничный сибирскій», а находится отъ Сибири въ 400—1000 миль; что такъ называемая «ссылка» заключалась въ томъ, что Герценъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ надворнымъ совѣтникомъ и чиновникомъ въ Европейской Россіи; что почти вся англійская пресса была введена въ заблужденіе заголовкомъ книги и провозгласила Г. «сибирскимъ мученикомъ», пострадавшимъ болѣе, чѣмъ Сильвіо Пеллико, и что самъ Г. ничего не сдѣлалъ, чтобы это опровергнуть. Далѣе авторъ утверждаетъ, что Г. вовсе не «сейчасъ же» протестовалъ противъ заголовка, такъ какъ объявленіе о книгѣ появилось почти мѣсяцъ назадъ. Въ «Globe» Г. не «протестовалъ», а только подтвердилъ указаніе редакціи на то, что заголовокъ книги не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Противъ же газетъ, возведшихъ его въ чинъ сибирскаго мученика, онъ совсѣмъ не протестовалъ. Кончается письмо выраженіемъ надежды на то, что «другія лица при первой возможности выяснятъ опасныя политическія намѣренія этого русскаго псевдо-либерала».

821. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 декабря (1855).

Richmond, Cholmondeley Lodge.

Такъ, какъ встарь всѣ Авдѣи, Ермилы, Епифанычи приходили поздравить съ собственными именинами въ восемь часовъ утра, такъ и я являюсь ¹⁾ и съ тѣмъ вмѣстѣ объявляю, что сего же пятаго числа, въ три часа мы переѣзжаемъ. Адресъ помните:

1 Peterborough Villa, Finchley, New Road, St. John's Wood, London.

Еслибъ услышался гласъ моленія моего, какъ бы хотѣлось, чтобы это была послѣдняя квартира въ Лондонѣ. Не могу привыкнуть къ этой землѣ—да и только; вижу ея хорошія стороны, но *incompatibilité d'humeur* ²⁾—да и только. ¹

А прогос, на дняхъ я получилъ письмо отъ какой-то княг. Вѣры

¹⁾ 5 декабря (23 ноября)—именины Герцена.

²⁾ Несовмѣстимость моего расположенія духа (съ нею).

Голицыной ¹⁾), — желаетъ, де, познакомиться. Я къ ней и съѣздилъ. Съ перышкою квасокъ, — была очень хороша, теперь ужъ поизмялась; она съ мужемъ врозь, ѣздитъ по бѣлу-свѣту съ 1843 года. Когда рѣдко видишь русскихъ женщинъ, ихъ особенности бросаются въ глаза: всѣ онѣ или тянутъ рѣчь и заступаютъ въ сентиментальность и экзажерацию ²⁾), или отважны съ бравурой, всѣ говорятъ о себѣ... Для меня это такъ странно теперь. Княгиня принадлежала къ бравурѣ, видъ... вы, кажется, видали Трувиле? вотъ жанръ, но только эта была очень хороша собой, а Трувиле такъ себѣ, ситцевая тряпочка.

А что ваше *santé* ³⁾)?

Мы такъ-таки плетемся; съ завтрашняго дня начинаю о Сашѣ хлопотать, насчетъ химіи и физики.

Рейхеля обнимаю и прощайте.

А. Г.

◆◆ 1. Герценъ не скрывалъ и отъ лицъ менѣ близкихъ, чѣмъ Рейхель, какъ его тяготила жизнь въ Англіи. Вотъ что писалъ ему Карлъ Шурцъ ⁴⁾ 14 іюня 1855 г.:

«Милый Герценъ, докторъ моей жены внезапно приказалъ намъ перемѣнить наше пребываніе въ Лондонѣ на Мальвернъ, и такимъ образомъ, я полагаю, мнѣ невозможно будетъ увидѣть васъ еще разъ въ Ричмондѣ. Я думаю уѣхать въ понедѣльникъ, а до тѣхъ поръ все время будетъ занято упаковкою и прочими маленькими дѣлами. Изъ Мальверна я, вѣроятно, отправлюсь прямо въ Ливерпуль и потому до моего отъѣзда въ Америку мнѣ не придется быть въ Лондонѣ. Вы не примете за исполненіе простой формальности, если я скажу, какой большой радостью было для меня сблизиться съ вами. Я надѣюсь всей душой, что этотъ мой короткій пріѣздъ сюда не будетъ послѣднимъ. Какъ я слышалъ, ваше рѣшеніе оставить Англію въ этомъ году нельзя считать окончательнымъ. Итакъ, я, можетъ быть, еще застану васъ здѣсь по возвращеніи изъ Америки. Во всякомъ случаѣ, мы еще встрѣтимся когда-нибудь въ жизни и будемъ рады другъ другу» (съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена).

¹⁾ Вѣра Владиміровна, жена кн. Александра Сергѣевича Голицына.

²⁾ Exagération — преувеличеніе.

³⁾ Здоровье.

⁴⁾ Германскій и американскій политическій дѣятель и писатель; принималъ участіе въ прусской и баденской революціи, затѣмъ эмигрировалъ въ Англію, потомъ въ Соединенные Штаты, гдѣ быстро выдвинулся, какъ сторонникъ президента Линкольна, а впоследствии Гранта и Макъ-Кинлея; былъ тамъ министромъ и посланникомъ.

822. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 Decembre (1855).

Peterborough Villa, Finchley, New Road.

Дагеротипъ Грановскаго, который привезли Ст. ¹⁾, долженъ быть у васъ; когда дѣти ѣхали съ вами, я положилъ, кажется, съ маленькими вещами. Энгельсонъ мнѣ послѣ что-то сплетничалъ насчетъ того, что Ст. были недовольны, что я холодно принялъ этотъ подарокъ, и въ силу того были довольны, что онъ не у меня. Я все это пропустилъ мимо ушей,—вы знаете въ какомъ я положеніи находился тогда.—Тѣмъ не менѣе дагеротипа нѣтъ и въ Лондонѣ со мной не было. Портретъ Горбун. (оригиналъ) очень хорошъ и, еслибъ мнѣ разрѣшили, я награвировалъ бы его при 2 № «Полярн. Звѣзды».

Письма у меня цѣлы, но вы знаете, какъ онъ мало писалъ; сверхъ того, два письма я не дамъ въ чужія руки: одно, въ которомъ онъ жалуется на Ог., второе—нѣсколько разсерженное на меня. Другія, пожалуй, спишу.

Я не знаю, почему ни письмо Юл. Б. ²⁾, ни статья Кат. (преплохая) ³⁾, ни письмо Ст. ⁴⁾ мнѣ не по сердцу; я пятью строками написалъ бы гораздо больше. Неужели вы вѣрите, что наши составятъ біографію Гр.? (оно-таки и трудно при нашей цензурѣ). Объ Бѣлинскомъ собирались тоже писать... Еслибъ «вамъ да пушокъ», еслибъ ваша постоянная тихая, твердая дѣятельность (я васъ считаю однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ друзей) и моя безпокойная, немолчная, полная жара и любви къ Гр., такъ сдѣлали бы что-нибудь. Я съ грустью увидѣлъ, что они всѣ совершенно не умѣютъ писать, а, вѣдь, это *tant soit peu* ⁵⁾ значитъ не умѣть думать. Развѣ, изъ молодыхъ кто возьмется.

А, впрочемъ, все это, можетъ, пустяки. Я очень печаленъ и не въ духѣ. Долею Саша пошаливаетъ черезъ край, долею всѣ, всѣ,—Богъ съ ними!—смотришь, смотришь, и волосъ становится дыбомъ. Что это за люди! ни одного истиннаго слова и одна истин-

¹⁾ А. В. и Е. К. Станкевичи.

²⁾ Шумахеръ къ Герцену.

³⁾ Статья М. Н. Каткова о Грановскомъ въ № 120 «Москов. Вѣдомостей».

⁴⁾ А. В. Станкевичъ.

⁵⁾ Немножечко, крошечку.

ная страсть—самолюбіе безъ предѣла, дерзкое и къ тому же безхарактерное. Все это литографируется на Сашѣ. Наше безобразное воспитаніе было истинно лучше.

Со вчерашняго числа я его посылаю въ Geological Institute учиться химіи. Профессоръ—человѣкъ знаменитый, Hoffmann ¹⁾. Тата и Оля цвѣтутъ. Холодъ неслыханный; дороговизна растетъ; вчера проходилъ я бѣдными переулками,—страшно.

Чернецкій, вѣроятно, уже на обратномъ пути. Прощайте.

Сдѣлайте ваше одолженіе, черкните строчку къ Делаво. Я думалъ, что Саз. къ нему сходитъ обдѣлать насчетъ перевода, но онъ, кажется, отложилъ въ долгій ящикъ. Поблагодарите его за записочку и скажите, что если онъ желаетъ печатать переведенныя *повѣсти*, то я очень радъ, пусть печатаетъ въ продолженіе *трехъ* мѣсяцевъ.

Вы знаете, онъ продержалъ переводъ «Тюрьмы и ссылки» и ничего не сдѣлалъ,—вотъ почему срокъ.

823. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 декабря (1854) ²⁾.

Дѣти такъ долго собирались описывать вамъ фестивалъ, что я проштрафился ³⁾. Благо ихъ (большихъ и малыхъ) занимало все это недѣли двѣ прежде да недѣли двѣ послѣ, къ тому же и недурно дѣтямъ протверживать наше бывшее, то оно и хорошо.

Саффи выписали для этого изъ Оксфорда, и все это было сдѣлано съ большой дружбой. Подробности прочтете въ двухъ редакціяхъ—Таты и Саши.

Шомбургъ мнѣ написалъ. 6 liv. вы, вѣроятно, получили.

Въ «Аугсбургской Газетѣ» есть мнѣ забавная похвала (за вещи, которыя я отродясь не писалъ), но главное, что меня тронуло, это выраженіе «Der grimmigste Feind der russischen Regierung und *Grundbesitzer*» ⁴⁾. Что скажете? Здѣсь люди въ конецъ сошли съ ума отъ войны; вся мерзкая сторона характера этихъ людей распустилась центифольной розой.

А у насъ здѣсь были вотъ какіе кондачки. На польскомъ митингѣ на сей разъ говорилъ только Кошутъ; я, какъ просили,

¹⁾ Августъ-Вильгельмъ Гофманъ, извѣстный нѣмецкій химикъ.

²⁾ Мѣсто этого письма передъ № 760.

³⁾ 5 декабря именины отца и сына Герценовъ.

⁴⁾ «Злѣйшій врагъ русскаго правительства и *землевладѣлецъ*».

краснорѣчиво молчалъ. А такъ какъ въ ихъ партіи нѣтъ ни одного поляка, который бы умѣлъ связать пять словъ, то поляки и не говорили на польскомъ митингѣ. По сему поводу, чтобы отблагодарить ихъ, я сказалъ, что «Централизація» играла первую роль, т. е. de la muette de Portici ¹⁾).

А какъ бы намекнуть въ писемцѣ къ Юліи Богд. или кому иному, хитро и безопасно, о первой картинѣ? Я думаю, что это было бы очень пріятно для Ог.

А ргорос, я пишу теперь о Чаадаевѣ и славянофилахъ.
Прощайте.

А. Г.

Погода третій день ужасная. Совсѣмъ нѣтъ воздуха, жарко, сыро, удушливо, и голова налита свинцомъ и съ винцомъ.

824. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 декабря (1855).

Чернецкій еще не являлся. Посылаю на оборотѣ дѣтское письмо Егору Ив. Телескопъ будетъ отправленъ при первой оказіи и доставится прямо въ Москву по адресу; посылается отъ вашего имени; цѣну напишу подробно; я заплатилъ только 6 фун. задатку, съ пересылкой все будетъ дешевле 20 фунт. Если можете, попросите его, сверхъ прежнихъ, отъ меня послать хоть 150 цѣлк. Аксиньѣ Ив. да 50 дать Вѣрѣ Артам., а я готовъ комиссіи исполнять.

Напишите нашимъ лежебокамъ, что мнѣ не книги нужны, а чтобы они сказали, что не пошлютъ; я имѣю случай выписать, но боюсь, придутъ вдвойнѣ.

Отчего отъ Пикул. нѣтъ писемъ? да, вѣдь, пріѣхалъ же онъ въ Москву?

825. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 декабря (1855).

1, Peterboro. Villa, Finchley, New Road.

Такъ-таки, ничего и не забываете и на кружевной бумагѣ писемцо пришло. Вы правы, пріѣздъ Ог. былъ бы большимъ пластыремъ для многого, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.¹

¹⁾ «Нѣмая изъ Портичи» (другое названіе оперы «Фенеллы») франц. композитора Обера.

Страшно устаешь иногда съ чужими; кажется, вотъ и симпатіи и такія сходныя разсужденія, а посмотришь глубже — сдѣлается страшно. Со смертью Гр. и съ прїѣздомъ Ог. оборвутся двѣ самыя крѣпкія нити съ Русью... и это страшно. Что Чернецкаго убили, что ли? ни слуха, ни духа; или онъ тамъ нашелъ какую-нибудь мамзель французскую. Коли послали «Записки мол. чел.», хорошо, а нѣтъ — по почтѣ не стоитъ труда.

Ну, сдѣлайте что-нибудь чудесное изъ мантильи для Таты и Ольги; не забудьте, что Тата страшно выросла (ей идетъ около 9 ярдовъ шелков. матер.).

Да коли дѣлать, такъ теперь, но чтобы былъ «шикъ» и fiou ¹⁾). Здѣсь отвыкаешь отъ вкуса: все аляповато, глупо. Гюго на старости лѣтъ утѣшился; онъ говоритъ, что англичане, — да вы, пожалуйста, внимательно вкусите эту прелесть — «c'est un grand peuple—bête ²⁾).

Кстати, послѣ всѣхъ панегириковъ меня валяютъ въ грязи въ «Advertiser'ѣ». Такъ и это надоѣло, что не отвѣчаю.

Говорятъ, Miss Fomt здѣсь; ну, откуда же я могу ей найти мѣсто? «Ну, подумайте!» какъ говорила Олимпиада Максимовна ³⁾.

Прощайте, ваше превосходительство. Чернецкій явился.

26 декабря.

◆◆ 1. 29 декабря 1855 г. министръ внутр. дѣлъ С. С. Ланской увѣдомилъ гр. Орлова, что Огаревъ съ женою просится въ Германію и Сѣв. Италію для излѣченія болѣзни, и просилъ сообщить, нѣтъ ли къ тому какихъ-либо препятствій. 5 января 1856 г. Орловъ отвѣтилъ, что препятствій не встрѣчается (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1849 г., I экс., дѣло № 67, ч. 4).

826. Письмо къ Е. Ѡ. Коршу.

27 декабря 1855.
Лондонъ.

Я не умѣю писать врасплохъ, — случай бываетъ такъ рѣдко, что я тотчасъ теряюсь. Много, очень много оборвалось нитей, связывавшихъ меня съ Русью, вмѣстѣ съ жизнью нашего друга; но тѣмъ не менѣе я неизмѣнно тотъ же къ вамъ и къ родинѣ. Середь

¹⁾ Окончательный лоскъ.

²⁾ Это великій, но глупый народъ.

³⁾ Жена А. А. Яковлева.

враговъ дикихъ, грубыхъ, гадкихъ, подлыхъ, осыпаемый ругательствами газетчиковъ, ржаньемъ толпы и пуще всего нѣмцами, которые теперь геройски проливаютъ чернила, я не поступилъ ни одной іотой. Поймите же, наконецъ, мой языкъ да, сверхъ того, разъ навсегда знайте, что все, что я пишу, подписано (кромѣ одной статьи), и потому нисколько не отвѣчаю за вещи русскія безъ моей подписи: это значить, что я ихъ не писалъ.

Жизнь здѣсь скучна, въ родѣ того положенія, которое имѣютъ черви въ сырѣ; искры, тѣни здороваго, могучаго, обѣщающаго нѣтъ. Гюго прекрасно характеризовалъ насъ, говоря объ Англии: «c'est un grand peuple—bête». Консерваторы и радикалы—все дрянъ да дрянъ посредственная еще. Эмиграція не лучше, отъ нихъ тоже ничего не ждите: мертвые, погребаящіе самихъ себя. Послѣдняя надежда на французскихъ пролетаріевъ и хлѣбопашцевъ. Изъ ихъ союза подъ знаменемъ коммунизма не выйдетъ никакого построенія, но они покончатъ старыя формы, въ которыхъ нельзя дышать. Формы эти однѣ и тѣ же у васъ и у насъ, только у васъ онѣ, какъ камаринскій мужикъ, цинически голы, пахнутъ кулакомъ и сивухой, а у насъ здѣсь гуманно-противны (вы знаете превосходное выраженіе «humanaisse»), отравляютъ, какъ стрихнинъ, безъ знака, душатъ съ бархатцомъ; да еще одно, что, впрочемъ, мнѣ нравится: здѣсь намъ, какъ гладіаторамъ въ Римѣ, позволяютъ передъ смертью публично побороться,—«ну, оно и лестно», какъ говорилъ Язык.

Въ послѣдній разъ спрашиваю я: пришлютъ мнѣ книги, о которыхъ я просилъ, черезъ Парижъ или нѣтъ? пришлютъ какихъ-нибудь рукописей или нѣтъ? Пожалуйста, напишите и сердечно обнимаю васъ всѣхъ.

Я думалъ, въ случаѣ моей смерти, прислать Сашу Гр. ¹⁾ и хотѣлъ ему писать объ этомъ. Теперь и это лопнуло. Я его толкаю въ естественныя науки. О дѣтяхъ скажетъ путешественникъ ²⁾.

Нѣтъ ли чего новаго въ литературѣ?

Здѣшніе книгопродавцы (напр., Trübner, 12 Paternoster, City, London) говорятъ, что, еслибы изъ Россіи черезъ книгопродавцевъ больше требовали, то вовсе не трудно было бы пересылать книги русскія изъ Германіи.

¹⁾ Грановскому.

²⁾ Бодиско.

1856

827. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 декабря (1855).

Peterboro Villa, Finchley, New-Road.

Вотъ и опять новый годъ. Дѣти готовятъ праздникъ; разум., что и Мейз. столько же занята, какъ они. Je subis ¹⁾, а, впрочемъ, тѣни веселаго, праздничнаго нѣтъ въ груди. Въ будущемъ году *десять* лѣтъ послѣ 6 мая ²⁾,—не сто-ли?

Читаю присланный вами «Малиновъ» ³⁾. Вотъ онъ, тотъ «юный смѣхъ», о которомъ я писалъ въ посвященіи къ вамъ ⁴⁾; я лучше пишу теперь, но это не то. Есть раны, (какъ у Паскевича въ желудкѣ какой-то нарывъ perforans), которыя залѣчить невозможно и которыя исподволь подтачиваютъ нравственный организмъ. Ну да, вѣдь, объ этомъ ужъ мы съ вами толковали довольно...

Бодиско проѣзжалъ здѣсь, да такъ скоро,—я едва написалъ небольшое письмо; онъ ѣдетъ домой. А, вѣдь, мы больше и больше отвыкаемъ отъ русскихъ; то, что я вамъ писалъ о статьяхъ, о Гр., то я испыталъ съ Бод.: дѣйствительно, въ русскихъ есть что-то сырое, отрывка дикаго состоянія, а учтивѣе—что-то дѣтское, но дѣти иногда скучны, сладу нѣтъ. Само собою разумѣется, что я не сравниваю ихъ съ англичанами: англичане—просто низшая порода людей, они положительно глупы и удивительно дурно воспитаны. Намъ было бы труднѣе теперь привыкнуть къ московскимъ нравамъ, нежели девять лѣтъ тому назадъ было привыкать къ здѣшнимъ, т. е. къ общеевропейскимъ.

¹⁾ Я переносу.

²⁾ Смерть отца.

³⁾ № 331.

⁴⁾ № 719.

Въ Мих. Сем. ¹⁾ меня это поразило, потому въ обоихъ Энгельс. Вы любите нѣмцевъ; это правда—они добрѣе, но ужасно скучны и неисправимы, все къ сердцу и отъ сердца, «задушевно» и нѣсколько съ амуромъ до пятидесяти лѣтъ въ обоихъ ... ²⁾). Хотѣлъ только поздравить съ новымъ годомъ, а написалъ чортъ знаетъ что. Географію не рельефную, а in taglio ³⁾).

Прощайте.

Рейхеля поздравляю.

1 января 1856 г.

Нѣтъ худа безъ добра: забылъ послать вчера письмо, а вышло ладно. Вотъ вамъ для новаго года новость:

Вчера пришло ко мнѣ письмо анонимное изъ Петербурга, которое меня, да и не одного меня, тронуло до слезъ: юноши благодарятъ меня за типографію и за «Полярную Звѣзду». Письмо такъ мило-горячо, что я велю Сашѣ переписать и пришлю для новаго года.

Прощайте.

828. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 января (1856).

Peterboro Villa, Finchley, New Road.

Ну, и васъ съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ; мы-таки и московскихъ помянули.—Приказъ вашъ вотъ какъ исполнилъ: въ два часа пришло ваше письмо, въ три часа съ четвертью пять фунтовъ вручилъ Фоммъ. Она, наконецъ, у мѣста въ Вуличѣ. Оленька ее не узнала.

Мантилью пришлите при случаѣ.

Насчетъ Даримона я не отвѣчалъ потому, что съ ними со всѣми переписываться скучно. Я пишу о переводѣ сдѣланномъ, а онъ отвѣчаетъ, что рекомендуетъ переводчика. Скажите Тесье при случаѣ или напишите, что пусть бы Даримонъ сговорился съ Делаво,—я, пожалуй, поправлю, а второй томъ пришлю готовый, когда первый будетъ напечатанъ ⁴⁾). Впрочемъ, Саз. все еще тоже желаетъ печатать, да, вѣроятно, также ничего не сдѣлаетъ; я напишу и къ нему. По правдѣ, все это мнѣ уже надоѣло.

¹⁾ Щепкинъ.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Въ разрѣзѣ.

⁴⁾ Хлопоты о переводѣ «Тюрьмы и ссылки».

Съ телескопомъ дѣло застряло за отправкой. Я не хочу иначе послать, какъ на отвѣтственность конторы, а контора отвѣчаетъ только за доставку, если не будетъ помѣхи отъ force majeure. Что касается до самаго инструмента, онъ очень хорошъ и стоитъ 15 гиней, т. е. около 400 фр., да пересылка будетъ стоить фунта два. Доманже боленъ, и оттого дѣло не идетъ по-моему.

Объ книгахъ ради Бога достаньте отвѣтъ,—мнѣ предлагаютъ съ двухъ сторонъ; для меня это очень важно.

Откуда у васъ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ? Въ газетахъ нѣтъ ничего. Письмо Саша перепишетъ, оно меня тронуло до слезъ. Это—дѣйствительная награда. Зато постараемся о 2 № «Полярной Звѣзды», при которомъ будетъ портретъ Бѣлинскаго. Не можете ли дать вѣсточку Коршу ¹⁾, что, молъ, неизвѣстный литераторъ готовъ посылать въ ихъ ревью ²⁾ корреспонденціи (разумеется, во всѣхъ условіяхъ цензуры)? Ревю свое они очень могутъ посылать въ Лондонъ на имя Trübner et C-nie, 12 Paternoster Row., City., London, а я ужъ получу отъ него. Это совершенно безопасно.

Тата и Оляга начали обучаться танцамъ и пѣнію въ классѣ. Саша съ 9 до 5 въ химической лабораторіи и занимается хорошо.

Кланяюсь Рейхелю filioque ³⁾ и вамъ

А. Герценъ.

829. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 января (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Какъ же, нужно очень умирать именно теперь, дѣлать изъ себя червоугодное заведеніе... Прикушайте, молъ, на коньячкѣ да на бургонскомъ приправлено, а, молъ, sauté au socialisme... ⁴⁾ На что же это? Мы міръ хотимъ посмотрѣть, себя міру показать.

За письмо вамъ очень благодаренъ; вы П. ⁵⁾ мой отвѣтъ такъ и передайте. Всѣ тамъ они славные люди,—ну да ужъ во второй книжкѣ «Поляр. З.» я угощу западныхъ людей! Книги велите поскорѣе прислать на имя Трюбнера, 12, Paternoster Row., City, Library,—оченно нужно. А имъ напишите, что деньги Чернецкому въ прибавку.

¹⁾ Валентинъ Федоровичъ.

²⁾ Коршъ редактировалъ тогда арендуемая имъ «Московскія Вѣдомости».

³⁾ Съ сыномъ.

⁴⁾ Рагу съ социализмомъ.

⁵⁾ Пикулинъ.

А со мною случилась небольшая бѣда, то есть бѣда въ 500 фр. Я послалъ расплатиться и раздѣлаться за телескопъ одного юнаго рефугіарія, да теперь его не могу сыскать и съ микроскопомъ, и пишетъ ко мнѣ цидулку, что деньги у него украли. Ну, до этого Ег. Ив. дѣла нѣтъ и телес., все-таки, отправленъ будетъ. «А на насъ» не гнѣвайтесь, мы этому не причина.

Вчера герцогъ Омальскій ¹⁾ купилъ нашу жучку (Miss Botswin); вотъ первый членъ семьи, перешедшій въ монархическую партію.

Саша учится хорошо. Всякій день до пяти въ лабораторіи. Все пока идетъ хорошо, и я не сталъ позтомъ (je ne fais pas de vers ²⁾).

Книги! Книги! Книги!

Вы бы завели для конгресса ³⁾ русскую книжную лавку...

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ; да что это Ник. Петр. ⁴⁾ не тряхнетъ сюда? Я ему всякія бы спеціальности ⁵⁾ поднесъ...

Рейхелю II поклонъ.

Cher Reichel,

Je suis tellement gredin, malotru, égoïste et pessimiste que vous pouvez déjà penser que j'ai une commission, une prière, un service à demander, une dette morale à contracter en voyant mon griffonage. Eh bien, je ne donne jamais de démenti. Oui je veux vous prier—(et vous n'avez pas besoin de vous presser): ^{1°} lorsque vous prendrez du Bourgogne—ne faites rien.

Mais lorsque vous n'en prendrez point—allez Rue Bordeaux... oh, non! Rue Laffitte, entrez chez Schaumbourg—et dites lui que je m'inquiète de sa santé. Après s'être rassuré sur ce point—vous lui communiquerez officieusement que je serais fichtrement reconnaissant s'il voulait m'envoyer le compte p. 1855 — j'aime à savoir ce que je n'ai plus—et voilà tout. Aimer vous Jenny Lind? Il est encore impossible d'avoir un billet. Tamberlick part pour l'Amérique du Sud. Tata prend des lecons chez m-me Kinkel ⁶⁾.

P. S. А вы такъ и убѣдились, что я живу Peterbor! Да, вѣдь, Peterbor Villa.

¹⁾ Генрихъ, 4-й сынъ короля Людовика-Филиппа; жилъ въ Англіи.

²⁾ Я не пишу стиховъ.

³⁾ Парижскій, для ликвидаціи Восточной войны.

⁴⁾ Боткинъ.

⁵⁾ Специалистовъ врачей.

⁶⁾ Дорогой Рейхель, я такой негодай, дубина, эгоистъ и пессимистъ, что, завидѣвъ мои царапины на бумагахъ, вы можете уже подумать, что у меня къ вамъ какая-нибудь просьба — услужить мнѣ, исполнить порученіе,

830. Надпись на переводѣ „Сна“.¹

Traduit le 2 Février 1856 juste, 9 ans après le départ de Moscou.

Je dépose ces feuilles comme une petite et pâle couronne d'immortelles a côté des fleurs qui ornent notre défunte,—je les dédie à Malvida un jour après qu'elle a perdu son amie Anna.

A. Herzen.

2 Févr., Londres.

Переводъ.

Переведено 2 февраля 1856,—какъ разъ въ девятилѣтіе со дня отъѣзда изъ Москвы.

Я кладу эти листы, какъ маленькій и блѣдный вѣнокъ имортелей, возлѣ цвѣтовъ, которые украшаютъ нашу покойную. Я ихъ посвящаю Мальвидѣ черезъ день послѣ того, какъ она потеряла своего друга, Анну.

A. Герценъ.

2 февр. Лондонъ.

◆◆ 1. Обстоятельства, по случаю которыхъ это написано, ясны изъ № 831.

831. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 февраля (1856).

1 Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Вчера я былъ на похоронахъ у m-me Althaus. Вотъ та же игра случая, сюрпризы жизни. Представьте себѣ, что m-lle Meys.

обязаться нравственнымъ долгомъ. Такъ вотъ что: я, въ самомъ дѣлѣ, никогда не выступаю съ опроверженіями. Да, я хочу васъ просить (и вамъ не зачѣмъ торопиться): 1-е когда будете пить бургонское—ничего не дѣлайте. Но если захотите приняться за бордосское—отправьтесь на улицу Бордо... О, нѣтъ! Улицу Лафитъ, войдите къ Шомбургу и скажите, что я беспокоюсь объ его здоровіи. Успокоившись на этотъ счетъ—вы ему официально передайте, что я былъ бы чертовски ему благодаренъ, если бы онъ прислалъ счетъ за 1855 г.—я люблю знать то, чего у меня больше нѣтъ—вотъ и все. Любите ли вы Дженни Линдъ? ^{o)} До сихъ поръ еще невозможно достать билеты на нее. Тамберликъ ^{oo)} отправляется въ Южную Америку. Тата беретъ уроки у г-жи Кинкель.

^{o)} Знаменитая шведская пѣвица.

^{oo)} Энрико, одинъ изъ лучшихъ итальянскихъ теноровъ XIX столѣтія.

была у нея въ пятницу и пришла домой въ 6 часовъ, оставивши ее здоровой (она была беременна въ послѣдней половинѣ); въ семь она почувствовала боль въ сердцѣ и послала за мужемъ; когда онъ пришелъ, она спокойно объявила, что она умираетъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, — въ десять часовъ она умерла. Ей было 33 года; женщина развитая, умная. Ничего лучшаго нѣту на сообщеніе...¹

Ну, а какъ же книги достать? Пожалуйста, устройте это дѣло. Мнѣ ихъ очень нужно. Къ Трюбнеру переслать—дѣло не трудное, черезъ книгопродавца.

11 февраля. Вотъ и еще четыре дня прошло и прибавилась просьба.

Отсюда ѣдетъ одна дама нѣмецкая¹⁾; мужъ не можетъ съ ней ѣхать черезъ ваши страны. Она ничего не знаетъ, никого не знаетъ и хочетъ въ Парижѣ пробыть 24 часа; не можете ли вы облагодѣтельствовать насчетъ такой помощи, указать возлѣ комнату (она съ достаткомъ и очень милая и умная женщина, ѣдетъ изъ Америки, изъ Висконсина)? Ваша столица наводитъ такое уваженіе, что люди, не боящіеся океана, уважаютъ ее. Она ѣдетъ черезъ недѣлю,—благословите прислать.

Не выдаются ли Боткины съ Комаровымъ²⁾? Не можно ли ему передать, что я бы очень былъ радъ, если бъ Краев. посылалъ «Отечеств. Записки» Трюбнеру, и я ему самъ заслужу.

Новости изъ Россіи очень недурны, по газетамъ. Дѣти ничего, кланяются. Прощайте.

На-дняхъ получите первые листы «Поляр. Звѣзды»³⁾.

◆◆ 1. Приведу разсказъ Мейзенбугъ о смерти Анны Альтгаузъ, жены Фридриха Альтгауза.

«Я провела у нея часъ въ послѣдній день января. Мы вели непринужденную бесѣду, и, само собою, бесѣда велась объ ожидавшемся ею молодомъ существѣ. Она очень спокойно говорила о возможности своей смерти, хотя и желала жить болѣе, чѣмъ когда-либо. Я разсталась съ нею, преисполненная нѣжности къ ней, а она на прощанье смѣялась, давая различныя юмористическія порученія къ Герцену. На другой день, рано, еще до разсвѣта, меня разбудилъ стукъ въ дверь. Я проснулась съ испугомъ; это былъ Герценъ со свѣчою въ рукѣ, блѣдный, разстроенный, а когда я

¹⁾ Жена Шурца.

²⁾ Александръ Александровичъ.

³⁾ II книжка.

спросила, что случилось, онъ дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ: «я только что получилъ письмо отъ Шарлотты: Анна умерла скоропостижно въ эту ночь».—Я точно окаменѣла отъ этого неожиданнаго удара. Нѣсколько минутъ спустя, я была у нихъ. Герценъ прѣхалъ сейчасъ же вслѣдъ за мной, и невозможно выразить словами, какъ горячо, какъ дружески-сердечно соболѣзновалъ онъ нашему горю. Онъ привезъ множество дивныхъ цвѣтовъ, чтобы украсить ими постель, на которой покоилась умершая. Этотъ симпатичный итальянскій обычай напомнилъ ему тотъ смертный одръ, на которомъ онъ еще такъ недавно видѣлъ ту, которая была ему дороже всего на свѣтѣ. При такихъ-то обстоятельствахъ обнаруживалъ онъ свое доброе, нѣжное сердце; тѣ, кто знали его лишь, какъ политическаго дѣятеля, по его рѣзкой полемикѣ или по его уму, какъ свѣтскаго человѣка, и не подозрѣвали, сколько нѣжности таилось въ его благородной душѣ. Оба слѣдующіе вечера мы собирались въ домѣ покойной. Тутъ были Фридрихъ и Шарлотта, Шурцъ съ женой, Герценъ съ сыномъ и я. Герценъ прочиталъ намъ одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ произведеній; онъ спѣшно перевелъ его для насъ съ русскаго языка утромъ того же дня. Это было воспоминаніе о Римѣ 1848 года, о томъ періодѣ энтузіазма, когда онъ съ женой своей и нѣсколькими друзьями принималъ участіе въ оживленныхъ и радостныхъ народныхъ празднествахъ, на которыхъ мечтали о свободѣ. И столько было прекраснаго, драматическаго и идеальнаго въ его манерѣ описанія этихъ празднествъ, что наша скорбь какъ бы утихла на минуту. Съ умиленіемъ и благодарностью приняла я отъ него, какъ деликатный знакъ вниманія, тетрадь со слѣдующими словами на первой страницѣ (см. № 830). Нѣсколько дней спустя, кругъ друзей печальнымъ кортежемъ направился на прекрасное гайгетское кладбище, гдѣ мнѣ уже пришлось однажды стоять на краю могилы и тоже рядомъ съ Герценомъ. Мѣсто, гдѣ положили Анну, было очень красиво. Ничто не нарушало нашего благоговѣйнаго настроенія: ни священники, ни чужіе равнодушные люди. Шурцъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя упали на гробъ, какъ прекрасныя вешнія розы, и намъ казалось, что улыбающаяся и преобразившаяся умершая парила надъ этимъ послѣднимъ жилищемъ, въ которое мы опускали ея бранные останки. Друзья наши провели всю остальную часть дня у насъ, и если что-нибудь могло увеличить наше восхищеніе Герценомъ и дружескія чувства къ нему, такъ это сдѣлалъ бы этотъ день, въ который такъ особенно ярко сказалась его глубокая человѣчность» (II, 89—91).

832. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 февраля (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Портретъ Грановскаго превосходенъ, гораздо лучше моего дагеротипа, т. е. просто превосходенъ; за него благодаренъ отъ души и много; только вы дурно уложили, вслѣдствіе чего вышелъ сгибъ (по счастью, не на лицѣ). Мужъ той госпожи самъ вамъ скажетъ, когда супруга имѣеть проѣхать; она готова, хоть въ конуркѣ помѣститься, только близко знакомыхъ; ей ничего не нужно, а, впрочемъ, развѣ погулять свозите.

Въ награду за портретъ посылаю первые листы изъ «Былого и думъ»¹⁾; напишите, какъ вамъ по вкусу, и дайте Ботк.²⁾ Кто же это маленькая Ольга, о которой пишете? А Пикул. зовите, просите, умоляйте, уговаривайте,—я его страшно полюбилъ.

Стонетъ толстый голубочекъ:

Пусть пріѣдетъ докторочекъ.

Теперь еще сослужите послѣднюю (въ эту недѣлю) службу: отошлите афишку³⁾ при листахъ и книгахъ Тесье или Даримону и скажите, что я ихъ прошу въ «Presse» пропечатать. Если нельзя даромъ, за деньги, только раза три во время конференцій⁴⁾; они могутъ и сократить или выпустить, если что такого, иногѣ.

Мантилья... да что же я вамъ скажу отсюда? безъ оказіи ничего посылать нельзя, ибо таможня варварская.

Письмо юношей будетъ прислано съ печатными листами. Прощайте. Тата кашляетъ, будетъ писать съ дамой.

А когда же Ник. Петр. пріѣдетъ? Стыдно сидѣть въ Парижѣ. А вы бы Орлову⁵⁾ поднесли «Полярн. Звѣзду»,—объ немъ тамъ рѣчь⁶⁾.

¹⁾ Изъ II кн. «Полярной Звѣзды».

²⁾ Николай Петровичъ Боткинъ.

³⁾ Объявленіе объ изданіяхъ Вольной русской типографіи.

⁴⁾ Парижскаго конгресса.

⁵⁾ Графъ Алексѣй Федоровичъ, шефъ жандармовъ, первый уполномоченный на Парижскомъ конгрессѣ.

⁶⁾ См. № 847.

833. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 февраля (1856).

1, Peterbor., Finchley, New Road.

Экая вы у меня умница: и меморіи ¹⁾ хвалите и письмо нацарапали такое длинное, что весело смотрѣть, тѣмъ болѣе, что я что-то нездоровъ,—въ желудкѣ спазмы и очень больно; все отъ простуды. Опять стужа, снѣгъ съ дождемъ въ пересыпочку.

Напишите мнѣ при первомъ письмѣ (мнѣ это нужно знать не только для васъ, но для руководства), вѣрно ли печатные листы были офранкированы. Здѣсь было объявлено: журналъ—1 пени, книги меньше полфунта,—кажется, 3 пени. За то немедленно получите стихи и продолженіе ²⁾). Письмо юношей не стоитъ посылать въ рукописи,—я его печатаю ³⁾.

Энгел. адресъ, кажется: «Landsdown Terrace, Richmond, Surrey»; впрочемъ, достаточно написать Ричм., такъ и дойдетъ. Онъ вдругъ, было, подѣхалъ ко мнѣ съ письмомъ,—отдавать черезъ меня взятыя деньги. Я не принялъ ни денегъ, ни письма, вслѣдствіе чего онъ написалъ дамѣ, у которой я бралъ, подъяческое письмо, воспользовался словами Чернец., т. е. его незнаніемъ языка. Чернец. въ письмѣ называетъ *типографъ*. Чернец... Это ужъ и деръ-гера ⁴⁾ напоминаетъ. Знаете, что приходится сказать? Энгел.—просто мерзавецъ и безнравственный человѣкъ.

Дама—M-me Schurz, вѣроятно, пріѣдетъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ. Ихъ дѣло перемѣнилось; у нихъ есть пассъ и мужъ, и все, что нужно; они очень хорошіе люди, если вы успѣете, то передайте Шурцу, что я прошу M-elle Gallère ⁵⁾, которая ѣдетъ въ Лондонъ къ Мильнеръ-Гибсонъ дѣтей воспитывать, привезти мнѣ отъ Фогта мои пистолеты, стихотворенія Кольцова и Leopardi,—то есть Шурцъ бы сказалъ Фогту, если барыня еще не уѣхала. ¹

Благо «Записки» по вкусу; тамъ увидите двѣ главы, которыя я очень ставлю высоко: поѣздки наши въ деревню ⁶⁾ и семейство Пассековъ ⁷⁾.

¹⁾ Мемуары, т. е. «Былое и думы».

²⁾ Чистые листы II кн. «Поляр. Звѣзды».

³⁾ Во II кн. «Пол. Звѣзды».

⁴⁾ И. А. Яковлевъ.

⁵⁾ Давала уроки дочери, Наталіи.

⁶⁾ Гл. III «Былого и думъ».

⁷⁾ Гл. VII.

Въ «Полярн. Звѣздѣ» на концѣ «Записокъ» будутъ «Западные арабески»; за спасибо, имъ сказанное, уважимъ-сь. Прощайте.

А насчетъ афишки въ «Presse», вѣдь, это надо, пока конференція продолжается.

◆◆ 1. Герценъ искренно любилъ Шурца, пользовавшагося общей симпатіей. Извѣстность его въ кругахъ политическихъ основывалась на смѣломъ и очень ловкомъ освобожденіи изъ крѣпости его друга, І.-Г. Кинкеля. Его воспоминанія, часть которыхъ вышла въ передачѣ А. Н. Анненской по-русски, очень интересны.

Съ Герценомъ Шурцъ познакомился въ Лондонѣ при посредствѣ М. Мейзенбугъ. Онъ называетъ Герцена «аристократомъ по рожденію и инстинктамъ, но демократомъ по философскимъ убѣжденіямъ» и даетъ такую его характеристику «это—тонкая, благородная натура, человѣкъ вполнѣ культурный, съ горячимъ сердцемъ, съ весьма широкими симпатіями». Шурцъ слушалъ часами, когда Герценъ рапсодическимъ тономъ рассказывалъ о Россіи.

Въ домѣ Герцена Шурцъ познакомился съ нѣкоторыми русскими его друзьями. Особенно за обѣдомъ велись оживленные разговоры, въ которыхъ драматическіе рассказы изъ русской жизни и описаніе замѣчательныхъ общественныхъ явленій перемеживались съ остроумными нападками на правительство и сатирой противъ господствующихъ классовъ. «Когда же послѣ обѣда на столъ ставили пуншъ, то тѣ самые люди, которые до того держались, какъ образованные и воспитанные, начинали горячиться и кричать съ такимъ изступленіемъ почти варварской дикости, какое никогда не приходилось наблюдать ни у французовъ, ни у нѣмцевъ, ни у англичанъ». Шурцу вспоминалась при этомъ поговорка: «поскреби русскаго—и ты найдешь татарина». Самъ Герценъ всегда сохранялъ самообладаніе, и, какъ предупредительный хозяинъ, никогда не сдерживалъ своихъ гостей. Замѣтивъ изумленіе Шурца, онъ сказалъ ему вполголоса: «Вотъ какіе они, вотъ какіе! Но при всемъ томъ они очень славные парни!» («prächtige Kerle»). («Lebenserinnerungen», II, 40—45).

834. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 марта (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Сдѣлайте одолженіе, отошлите Егору Ивановичу 1,000 фр., взявъ ихъ у Ротш. или просто сказавъ Шомбургу, куда послать.

Напишите, что я его письмо прочелъ «съ сожалѣніемъ и съ удивленіемъ», что благодарю за ссуду и прошу излишніе франки отдать Вѣрѣ Артам. Я вамъ никакъ не совѣтую тоже нѣжничать въ письмѣ. Такихъ людей ни разлука, ни лѣта, ничего не исправляетъ, а потому совѣтую и даже прошу написать очень холодное письмо, причемъ можете, впрочемъ, замѣтить, что телескопъ *съ лондонской выставки*, что на немъ и было награвировано (мнѣ его легко оставить, потому что онъ еще у мастера), и что одни провинціалы воображаютъ, что на парижской или какой-нибудь выставкѣ вещи лучше. Затѣмъ поклонитесь отъ меня и отъ дѣтей Вѣрѣ Артамоновнѣ, а Ег. Ив. не кланяйтесь.

835. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 марта (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Дѣйствительно, я давно не писалъ, но спросите, было ли о чемъ раскрыть ротъ? День за день, сѣренькая жизнь, сѣренькое небо, сѣренькое здоровье, сѣренькая работа... Чернецкій, корректура и «Times», который вы знаете по «Прессѣ»,—вотъ и все.

Alles geht zum Teufel ¹⁾ со скоростью, которая ужасаетъ... Да-съ, все, все, что мы пророчили и накликали, сбывается, и не знаю, кто убѣжитъ отъ лавы. Всего оскорбительнѣе глупость; умирающій въ сумасшествіи противнѣе трупа. Что-то на Руси? тамъ хоть есть силы, дикія, уродливыя, но сильныя.

Книгъ изъ Бельгіи нѣтъ, какъ нѣтъ, а я читалъ на-дняхъ меморію Тургенева ²⁾ въ «R. de 2 M.»,—мило, но не развито.

Вамъ, можетъ, принесутъ кипу русскихъ книгъ моихъ,—оставьте до поры до времени.

Что же Шомшильдъ выдумалъ 5⁰/₀? да это и здѣсь, сложа руки, въ Canadian Stock даютъ, да еще и съ хвостикомъ.

Тата стала, было, длинное посланіе писать, да Марихенъ привезла кучу дѣтей. Она и Ольга здоровы. Саша занимается химіей, хоть куда (плюньте)—и прощайте.

Я послалъ корреспонденцію въ «От. Зап.». Съ вашими Фабіями Кунктаторами не дождемся, а вещь вышла утѣшительная, особенно для «англиковъ», какъ говорятъ поляки ³⁾.

¹⁾ Все идетъ къ чорту.

²⁾ «Фаустъ».

³⁾ См. № 851.

Съ праздникомъ-съ и сожителя, и домочадца. Ну, а концертъ, какъ только начнется, я явлюсь, какъ тѣнь «банки» или бутылки.

Прощайте.

837. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 марта 1856.

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

— Миръ съ вами!

— И со духомъ твоимъ!

Хорошо, что они догадались подписать 30 марта, а то 1 апрѣля было бы нескладно ¹⁾. Итакъ, рѣшено,—я ѣду въ Швейцарію! Лондонъ тяготитъ надо мной, какъ туча,—но это еще не сейчасъ. Впервыхъ, «Полярн. Звѣзда» не можетъ выйти прежде 20 мая; потомъ отправка типографіи; итакъ, не иначе, какъ въ половинѣ юня. Я исключительно для того, чтобъ увидѣться съ вами, спрошу пропускъ черезъ Парижъ (черезъ Бельгію я могу ѣхать натурально). Я только ждалъ окончанія войны, чтобъ рѣшиться. ¹

Мантилью и муфту получилъ, а также и статью Лаво; онъ обо мнѣ всегда говоритъ, прибавляя «sauf le respect que je dois» ²⁾, но все же это—добрый малый; я потерялъ его адресъ, пошлите ему *сію, эту*, т. е. другую, записочку, вложенную.

Русскихъ книгъ нѣтъ, какъ нѣтъ; это почти скандально. А ргорос, итакъ, Тесье и Даримонъ говорятъ, что Емеля Жирарденъ отказался напечатать анонсу. Скажите же, пожалуйста, при свиданьи имъ, что я послалъ ее въ «J. des Débats», и онъ преспокойно напечаталъ 2 и 10 марта. Полно, Емеля ли это отвѣтилъ?

Англичане сдуру дразнятъ Америку; если они ее додразнятъ до драки,—вотъ пойдетъ кутерьма-то. А по дорогѣ и насъ грѣшныхъ, пожалуй, разорятъ до копѣйки. Что за бѣлая горячка!

Къ вашимъ тезоименитствамъ вы получите окончаніе моихъ записокъ и «Западные арабески»; я ужасно за нихъ стою и думаю, что это—самое художественное изъ моихъ писаній и самое злое,—прошу мнѣніе и судъ.

Рейхелю жму сколько ни есть у него рукъ и Сашку цѣлую. Дѣти здоровы.

Будьте и вы.

¹⁾ См. № 847.

²⁾ «При всемъ моемъ уваженіи».

◆◆ 1. Въ 1856 г. Герценъ просилъ разрѣшенія проѣхать черезъ Францію въ Швейцарію, но получилъ отказъ; обратился къ содѣйствию совѣта Швейцаріи, но и онъ увѣдомилъ его въ октябрѣ 1856 г. о бесплодности ходатайства у Валевскаго. Изъ письма ясно, что Герценъ хотѣлъ переѣхать въ Швейцарію и перевести туда типографію.

838. Письмо къ М. К. Рейхель.

(9 апрѣля 1856 г.).

Мил. Госуд.!

Сегодня въ 2 часа пріѣхали Огаревы!

Поздравляю! ¹⁾

Завтра пришлю «Записки» и еще на-дняхъ подарокъ.

Экзаменъ Таты и лекція Саши были хороши.¹

◆◆ 1. Пріѣздъ Огаревыхъ въ Лондонъ описанъ въ «Воспоминаніяхъ» Н. А. Огаревой, стр. 90—94; приведу отсюда немногое.

«Первые дни нашего пребыванія въ Лондонѣ Герценъ запретилъ пускать какихъ бы то ни было посѣтителей; онъ хотѣлъ говорить съ нами о всемъ томъ, что наболѣло на его душѣ за послѣдніе годы, онъ намъ рассказывалъ со всѣми подробностями всѣ страшные удары, которые перенесъ, рассказывалъ и о болѣзни, и о кончинѣ жены. Часто дѣти или Мейзенбургъ, войдя, мѣшали намъ, прерывали нашу бесѣду, поэтому онъ предпочиталъ начинать свои рассказы, когда онѣ всѣ уходили спать; такъ мы провели нѣсколько безсонныхъ ночей; утро насъ заставляло на ногахъ, тогда мы спѣшили разойтись и прилечь». «Нѣсколько дней спустя, намъ нашли маленькую квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ, у m-rs Brus, въ двухъ шагахъ отъ дома А. И. Герцена. Намъ жилось очень хорошо у этой почтенной особы, но большую часть времени мы проводили въ домѣ Герцена».

839. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 апрѣля 1856.

Еще разъ поздравляю. Вчера послалъ вамъ кипу бумагъ, т. е. листовъ, и записочку къ Пинто.

Какъ сошелъ съ рукъ концертъ? Объ Огар. скажу одну

¹⁾ Съ именинами, 13 апрѣля.

печальную вещь, это — его совершенно разстроенное здоровье; не знаю, поправится ли онъ здѣсь. Это печально. Внутренно онъ тотъ же, какъ былъ; привезъ бездну стиховъ и въ томъ числѣ своихъ, множество книгъ. Пикулинъ ничего не посылалъ (почти невѣроятно), а собирается. За это побраните ихъ, пожалуйста. Жена Ог. похудѣла и стала старше; я нашелъ ее очень развѣвшейся и, вопреки всѣмъ московскимъ ненавистямъ и гоненіямъ, думаю, что это большое счастье, что рядомъ съ физическимъ паденіемъ силъ есть на кого положить руку и сердце.—Обо всѣхъ разсказовъ много; мало-по-малу напишу главное. Одна изъ лучшихъ новостей та, что Некрасовъ и Панаевъ, которые вели процессъ отъ Мар. Льв. противъ О—а, украли всю сумму, такъ что она, выигравши его, осталась безъ денегъ. Наслѣдники ея хотятъ Пандѣлать процессъ. И все это шло черезъ Авд. Яковлевну.¹

Коршъ статей хочетъ. Ал. Ник. и Конст. очень мило поступаютъ въ иныхъ случаяхъ. Когда онъ прогналъ Клейнмихеля, мать его сказала ему: «Отецъ твой былъ умнѣ тебя, а былъ доволенъ имъ». Онъ отвѣчалъ: «Да оттого-то, что у меня меньше ума, мнѣ и хочется имѣть помощниковъ съ умомъ». Вообще онъ скрытенъ, въ родѣ того Александра. Но всякихъ льготъ и вольностей (въ малую мѣрочку) больше. Для дня вашего тезоименитства посылаю вамъ (т. е. по первой оказіи пришлю) новое изданіе Пушкина, полное и превосходное¹). А затѣмъ цѣлую Рейхеля и васъ.

А. Г.

◆◆ 1. Сказанное Герценомъ такъ категорически осуждаетъ Некрасова, что я не счелъ возможнымъ не войти въ основательное изученіе всѣхъ обстоятельствъ этого темнаго по своей невыясненности и тяжелаго по своему содержанію дѣла. Съ чувствомъ полного нравственнаго удовлетворенія могу сказать, что такая оцѣнка Некрасова, какую неоднократно повторялъ Герценъ, а съ нимъ и послѣ него еще цѣлый рядъ современниковъ, совершенно невѣрна. Истинное положеніе дѣла, наоборотъ, еще разъ рисуетъ намъ Некрасова съ положительной стороны.

Комментарій мой будетъ пространенъ, но и предметъ его представляетъ не малое значеніе для русскаго общества, особенно той его части, которая склонна осуждать великаго поэта и при каждомъ случаѣ выражать свое недовѣріе даже къ его элементарной порядочности.

¹) Подъ редакціей П. В. Анненкова.

Прежде всего вспомнимъ матеріальное положеніе Огарева, такъ подробно изложенное имъ самимъ (см. при № 501).

Послѣ смерти отца онъ владѣлъ тремя имѣніями: а) с. Уручья (Орловской губ., Трубчевскаго уѣзда) въ 550 душъ, б) с. Старое Акшено (Пензенской губ., Инсарскаго уѣзда) въ 1600 душъ и в) с. Бѣлоомуть (Рязанской губ., Зарайскаго уѣзда) въ 1800 душъ.

При отъѣздѣ съ мужемъ за границу въ 1841 г. Марія Львовна пожелала обезпечить себя на случай возможной смерти Огарева и получила отъ него запродажную на 750 душъ при с. С. Акшено въ селахъ Чертково, Никольское и дер. Рудаковкѣ и Зубаревкѣ, оцѣнивавшуюся въ 500,000 руб. асс. (143,000 р. сер.).

Въ 1846 г., уже не жившая съ мужемъ, Марія Львовна вернулась на короткое время въ Россію и пожелала обмѣнять эту запродажную на имѣніе въ ту же сумму, но согласилась принять отъ мужа заемное письмо въ 300,000 руб., сказавъ, что интересуется ежегодной рентой и основного капитала никогда требовать не будетъ; заемное письмо было поэтому обусловлено уплатою ей ежегодно 6%, т. е. 18,000 руб. Огаревъ платилъ эти проценты до 1849 года совершенно исправно.

Полюбивъ Н. А. Тучкову, Огаревъ просилъ Марію Львовну дать ему разводъ; она не согласилась; Огаревъ не уплатилъ процентовъ; она предъявила заемное письмо ко взысканію, выбравъ своей повѣренной А. Я. Панаеву, которая въ помощь себѣ пригласила Николая Самойловича Шамшіева. Чтобы спасти свое состояніе, Огаревъ поспѣшилъ фиктивно продать С. Акшено Сатину и Н. Ф. Павлову, и Маріи Львовнѣ осталось наложить запрещеніе на орловское имѣніе, такъ какъ с. Бѣлоомуть было уже ликвидировано особо, въ пользу крестьянъ, съ полученіемъ суммы, прожитой Огаревымъ и его женой.

Орловское имѣніе осталось по суду за Маріей Львовной и было продано Панаевой и Шамшіевымъ.

Теперь обратимся къ обвиненіямъ Некрасова, разсѣяннымъ въ литературѣ, сгруппировавъ ихъ такъ, чтобы читателю сразу была видна несостоятельность части ихъ. Все похожее на истину взято курсивомъ; остальное легко опровергается фактами, приведенными мною здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, или не можетъ быть доказано авторами по своей голословности.

I. «Огаревъ предоставилъ ей (Маріи Львовнѣ) часть доходовъ съ единственнаго оставшагося у него еще имѣнія въ 500 душъ (Пензенской губ.) и обѣщаль даже, на первыхъ порахъ, составить ей капиталъ по продажѣ имѣнія» («Анненковъ и его друзья», 115).

II. «Когда, около 1848 года, конечное разореніе Огарева и

запутанность его дѣлъ остановили правильную выдачу пенсіона, *котораю никогда не было и достаточно для ненасытныхъ аппетитовъ почтенной дамы, то она впала въ нищету посреди такъ знакомаю и такъ любимаю ею Парижа»* (тамъ же, 115).

III. *«Тогда пріятельница ея и почти ея двойникъ по вкусамъ и характеру, NN., внушила ей мысль, что она имѣетъ право на имѣніе Огарева, и заставила ее формальнымъ актомъ передать себѣ всѣ эти права, а сама снабдила бѣднаго еще поэта Некрасова довѣренностью на веденіе всего дѣла, и онъ горячо принялся за него, обольщенный мыслью сдѣлаться довольно крупнымъ землевладѣльцемъ, или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ капиталистомъ по милости одной только счастливой аферы»* (тамъ же, 115—116).

IV. *«Когда въ 1849 году, при содѣйствіи Грановскаю, А. А. Тучкова и другихъ, предпринята была ликвидація дѣлъ Огарева и уплата его долговъ, спорное имѣніе отошло къ Н. М. Сатину, взявшему на себя и уплату всѣхъ обязательствъ, на немъ лежавшихъ»* (тамъ же, стр. 116).

V. Некрасовъ выказалъ много печальной изворотливости, настойчивости и изобрѣтательности, чтобы добиться своей цѣли—дарового захвата имѣнія, и разъ сказалъ въ глаза Грановскому: *«Вы пріобрѣли такую репутацію честности, что можете безвредно для себя сдѣлать три-четыре подлости»* (тамъ же, 116).

VI. *«Несмотря, однакожъ, на все развитіе адвокатскаго таланта у Некрасова, дѣло не имѣло за себя не только легальнаго основанія, но и приличнаго повода, а потому и сорвалось, окончательно замаравъ доброе имя поэта и, вѣроятно, наполнивъ его душу угрызеніями совѣсти. Г-жѣ Огаревой былъ выданъ капиталъ по размѣру средствъ, оставшихся у мужа ея послѣ ликвидаціи»* (тамъ же, 116).

Всѣ это безъ какой бы то ни было критики перепечаталъ въ своей книгѣ г. Гутьяръ («Ив. Серг. Тургеневъ», стр. 236—237), солидарный съ проф. Ив. Ив. Ивановымъ въ желаніи возвысить Тургенева обливаніемъ помоями его друзей и раздѣлившій съ нимъ трудъ: онъ избралъ себѣ для этого Некрасова, проф. Ив. Ив. Ивановъ — Герцена.

VII. *«Некрасовъ игралъ въ этомъ дѣлѣ видную и, надо прибавить, незавидную роль»* (М. О. Гершензонъ, «Образы прошлаго», 529).

VIII. *«Въ 1846 году, когда Марья Львовна на короткое время пріѣхала въ Петербургъ, Огаревъ,—очевидно, для обезпеченія ей правильную полученія пенсіи,—выдалъ ей крѣпостныя заемныя*

письма на послѣднее имѣніе, уцѣлѣвшее у него отъ миллионнаго наслѣдства, суммою въ 85,000 руб. сер., съ обязательствомъ уплачивать ей по этой суммѣ 6% въ годъ» (тамъ же, 529).

IX. *«Денги эти и высылались ей періодически или непосредственно Огаревымъ, или чрезъ ея пріятельницу, А. Я. Панаеву, съ которою Некрасовъ былъ, какъ извѣстно, очень близокъ. Въ 1848 году М. Л., по совѣту Некрасова, выдала Панаевой полную довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ Панаева, несмотря на данное ею Огареву обѣщаніе не дѣйствовать противъ него, уговорила М. Л. передать эти заемныя письма нѣкому Шамшіеву съ тѣмъ, что Шамшіевъ ей денги выплатитъ въ два года, а имѣніе возьметъ на себя. Съ тѣхъ поръ М. Л. получала гроши, и денги, слѣдовавшія ей, прилипли къ чьимъ-то рукамъ— Панаевой или Некрасова, неизвѣстно» (тамъ же, стр. 529).*

Когда Марія Львовна умерла, ея бумаги привезли къ Огареву, и онъ увидѣлъ, какъ она нуждалась; онъ сталъ говорить объ этомъ; слухи дошли до Некрасова. Все это было какъ разъ въ 1856 г., когда Огаревы были въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ за границу. «Помню живо, что я была одна дома. Приходитъ Тургеневъ и говоритъ: «Мнѣ нужно было видѣть Огарева, но такъ какъ его дома нѣтъ, передайте ему, что Некрасовъ проситъ его не распространяться такъ о письмахъ къ М. Л., потому что у него есть письма Огарева, которыя онъ въ такомъ случаѣ представитъ куда слѣдуетъ». — Это доносъ! — вскричала я. И вы, Тургеневъ, беретесь за такое порученіе, и этотъ человѣкъ—вашъ другъ! — Тургеневъ окинулъ меня лѣнивымъ взглядомъ и сказалъ: «Да, я его люблю» (изъ писемъ Н. А. Огаревой къ Е. С. Некрасовой, хранящихся въ Румянц. музеѣ; то же, но менѣе ярко, рассказано ею на стр. 307 «Воспоминаній»).

Пріятельскія отношенія Тургенева къ Некрасову продолжались вплоть до столкновенія изъ-за Добролюбова, происшедшаго въ 1859 г. Очевидно, Тургеневъ не считалъ возможнымъ порвать съ Некрасовымъ, хотя и слышалъ обвиненія его въ мошенничествѣ или минимумъ, вѣря Анненкову,—въ покушеніи на мошенничество. Что же за причина такой кажущейся странности? Она выяснена болѣе или менѣе въ письмѣ Некрасова 1857 года къ самому Тургеневу: «Ты лучше другихъ можешь знать, что я тутъ (въ исторіи огаревскаго дѣла) столько же виноватъ и причастень, какъ ты, напримѣръ. Если вина моя въ томъ, что я не употребилъ моего вліянія, то прежде надо бы знать, имѣлъ ли я его, особенно тогда, когда это дѣло разрѣшалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде» (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», 170).

О вліяніи на кого говоритъ Некрасовъ? чье имя онъ не называетъ? Каждому ясно,—А. Я. Панаевой, которая, дѣйствительно, была ему близка.

Въ одномъ изъ дѣлъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи мною найдена копія съ письма Некрасова къ А. Я. Панаевой, попавшаго въ перлюстрацію, скопированнаго въ той части, которая показалаcя интересной специалисту-чиновнику, датированнаго, по словамъ копіиста, сентябремъ 1857 года и отправленнаго затѣмъ (въ подлинникѣ) по мѣсту назначенія. Этотъ документъ проливаетъ свѣтъ на все темное дѣло. Вотъ онъ:

«...Довольно того, что я до сихъ поръ прикрываю тебя въ ужасномъ дѣлѣ по продажѣ имѣнія Огарева. Будь покойна: этотъ грѣхъ я навсегда принялъ на себя и, конечно, говоря столько лѣтъ, что самъ запутался какимъ-то непонятнымъ образомъ (если бы кто въ упоръ спросилъ: «какимъ же именно?», я не сумѣлъ бы отвѣтить, по невѣдѣнію всего дѣла въ его подробностяхъ), никогда не выверну прежнихъ словъ своихъ на изнанку и не выдамъ тебя. Твоя честь была мнѣ дороже своей и такъ будетъ, не взирая на настоящее. Съ этимъ клеймомъ я умру... А чѣмъ ты платишь мнѣ за такую—знаю самъ—страшную жертву? Показала ли ты когда, что понимаешь всю глубину своего преступленія передъ женщиной, всѣми оставленной, а тобою считавшейся за подругу? Презрѣніе Огарева, Герцена, Анненкова, Сатина не смыть всю жизнь, оно виситъ надо мной... Впрочемъ, ты можешь сказать, что врядъ ли Анненковъ не знаетъ той части правды, которая извѣстна Тургеневу,—но, вѣдь, только части, а всю-то знаемъ лишь мы вдвоемъ да умершій Шамшіевъ... Пойми это хоть разъ въ жизни, хоть сейчасъ, когда это можетъ остановить тебя отъ новаго ужаснаго шага. Не утѣшаешься ли ты изреченіемъ мудреца: намъ не жить со свидѣтелями нашей смерти?! Такъ, вѣдь, до смерти-то позоръ на мнѣ»... (Дѣло 1854 г., III эксп. «О частныхъ письмахъ, передаваемыхъ въ вѣдѣніе и распоряженіе главноуправляющаго III Отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи», часть 2-я). На копіи помѣтка незнакомой мнѣ рукой: «къ докладу; навести справку подъ рукой».

Читатель уже понялъ ужасную трагедію въ жизни Некрасова, оцѣнилъ его рыцарскую защиту чести любимой женщины и знаетъ теперь истинную виновницу всего грязнаго дѣла.

Такимъ образомъ, къ счастью, не оправдалось пророчество одного изъ обвинителей Некрасова: «въ этомъ дѣлѣ до правды все равно не добратся» («Рус. Мысль» 1902, XII, 173).

Въ 1889 г. А. Я. Панаева печатала въ «Историческомъ Вѣстникѣ» свои воспоминанія, а въ 1890-мъ выпустила ихъ отдѣльной

книжкой: «Русскіе писатели и артисты 1824—1870», но она не имѣла мужества снять страшное обвиненіе съ любимаго человѣка, чтобы, хотя послѣ его смерти, на краю собственной могилы принять его на себя, и написала нѣсколько страницъ (326—331), въ которыхъ еще больше запутала все дѣло, думая, очевидно, что такой ея легковѣсной защиты будетъ достаточно для реабилитаціи поэта. Тамъ такая смѣсь вымысла и искаженныхъ фактовъ, что положительно не остается ничего, что было бы похоже на правду. Для лучшей оцѣнки личности Панаевой скажу, что ко времени печатанія ея воспоминаній въ той части, которая насъ интересуесть въ данный моментъ, ни одинъ изъ упомянутыхъ ею якобы свидѣтелей ея разказа уже не былъ въ живыхъ: Тургеневъ, Кавелинъ, Грановскій, М. Л. Огарева, В. П. Боткинъ, Огаревъ, Добролюбовъ, Панаевъ,—всѣ были въ могилѣ; еще больше—Добролюбову въ указываемое ею время было всего 13—15 лѣтъ, а между тѣмъ онъ играетъ роль въ теченіе всего дѣла...

Тургеневъ тоже никогда не сталъ на защиту безвиннаго, не скрывъ, однако, отъ Герцена, что виновникъ всего—Панаева, но такъ не энергично и неувѣренно, что Огаревъ и Герценъ сошли въ могилу въ твердомъ убѣжденіи, что именно Некрасовъ заставилъ нищенствовать Марію Львовну и лишилъ Огарева того остатка, который долженъ былъ получиться отъ продажи орловскаго имѣнія для удовлетворенія ея иска въ 300,000 руб. асс. при стоимости имѣнія около 500,000 руб. асс. Такой исходъ дѣла еще не былъ разореніемъ Огарева: нельзя забывать, что главными виновниками его разоренія были: Сатинъ и Павловъ, не уплатившіе ему и десятой части долга за имѣніе, которымъ и фактически, и юридически владѣли, и пожаръ, погубившій симбирскую бумажную фабрику.

Когда писалось приведенное мною письмо Некрасова къ Панаевой, очевидно, Чернышевскій не былъ еще посвященъ имъ въ тайну, иначе Некрасовъ и его назвалъ бы рядомъ съ Тургеневымъ. Но ясно, что впослѣдствіи Н. Г. узналъ истину, хотя и не вполнѣ, но по крайней мѣрѣ въ той части, которой было достаточно для реабилитаціи самого Некрасова; знай ее вполнѣ, онъ презиралъ бы Панаеву, чего мы не видимъ.

Чернышевскій высказался объ этомъ дважды: въ 1862 г. на допросѣ по своему дѣлу и позже въ воспоминаніяхъ. Не могъ не знать позже и Добролюбовъ.

«Всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними (Герценомъ и Огаревымъ—*М. Л.*) по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя»

(моя книга «Политическіе процессы» и т. д., 231). Если можно это показаніе считать не особенно важнымъ, потому что непріязнь нарочно могла быть натянута на допросъ съ цѣлью оправданія, то такое возраженіе не имѣетъ мѣста, когда мы процитируемъ «Воспоминаніе». Видно, что или Чернышевскій въ 1883 г. уже перезабылъ обстоятельства дѣла, или сразу представлялъ себѣ ихъ неточно, мало вникая въ его детали. «Въ короткихъ словахъ исторія была такого рода. Огаревъ долженъ былъ уплатить 50,000 рублей женѣ, съ которой разошелся. Взамѣнъ платы онъ предоставилъ въ пользованіе ей часть своихъ помѣстій. Огарева умерла. Помѣстья должны были быть возвращены Огареву; но управляющій помѣстьями, дальній родственникъ И. И. Панаева, разстроившій свое прежде довольно большое состояніе, не желалъ возвращать помѣстья, да еслибъ и хотѣлъ, то затруднился бы при запутанности своихъ дѣлъ. Дѣло усложнялось чрезвычайно запутанными расчетами о томъ, какіе изъ долговъ, лежавшихъ на Огаревой, должны быть признаны Огаревымъ. Огаревъ и Герценъ, у котораго онъ жилъ тогда, вообразили, что человекъ, въ управленіе которому были отданы помѣстья, былъ пріисканъ въ повѣренныя Огаревой Некрасовымъ, и что онъ—подставное лицо, которому Некрасовъ предоставилъ лишь маленькую долю выгоды отъ денежныхъ операцій, основанныхъ на управленіи имуществомъ Огаревой, а главную долю беретъ себѣ самъ Некрасовъ. При уваженіи, какимъ пользовался тогда Герценъ у всѣхъ просвѣщенныхъ людей въ Россіи, громко высказываемое имъ обвиненіе Некрасова въ денежномъ плутовствѣ (это было гораздо позже—*М. Л.*), ложилось очень тяжело на репутацію Некрасова. Истина могла быть достовѣрнѣйшимъ образомъ узнана Герценомъ, если бы онъ захотѣлъ навести справки о ходѣ перемѣнъ въ личныхъ отношеніяхъ Некрасова за тѣ годы, въ которые были дѣлаемы г. Огаревой непріятныя ея мужу распоряженія. Но Герценъ имѣлъ неосторожность высказать свое мнѣніе, не ознакомившись съ фактами, узнать которые было бы легко, и тѣмъ отнялъ у себя нравственную свободу разсматривать дѣло съ должнымъ вниманіемъ къ фактамъ. Я полагаю, что истина объ этомъ рядѣ не заслуженныхъ Некрасовымъ обидъ извѣстна теперь всѣмъ оставшимся въ живыхъ пріятелиамъ Огарева и Герцена, потому считаю возможнымъ не говорить ничего больше объ этомъ жалкомъ эпизодѣ жизни Огарева и соединенныхъ съ его странными поступками ошибкахъ Герцена» (Е. Ляцкій, «Н. Г. Чернышевскій», «Совр. Міръ» 1911, XI, 173—174).

Суть дѣла Чернышевскій изложилъ совершенно невѣрно, но онъ и не назвалъ Панаеву, сказавъ вскользь о ея мужѣ. Ясно, что

роль А. Я. была ему неизвѣстна, ясно также, что даже для того, чтобы очистить себя въ глазахъ очень нужныхъ ему людей, Некрасовъ, все-таки, и имъ не только не назвалъ имени истинной виновницы, но даже вообще въ своемъ разсказѣ выгородилъ ее.

Объ участіи Панаевой лишь догадывались; единственное указаніе на то, что Некрасовъ не скрылъ, все-таки, тайну буквально отъ всѣхъ, кромѣ Тургенева, встрѣчаемъ у Пятковского: «Н. С. Курочкинъ, со словъ Некрасова, передавалъ мнѣ, что въ этомъ хищеніи виноватъ былъ не самъ Некрасовъ, а одна приближенная къ нему особа»... («Наблюдатель», 1900, II, 304),—и оно можетъ быть похоже на правду въ виду близости Курочкина съ поэтомъ,—но очевидно, это было сообщено подъ секретомъ и коротко, иначе стало бы циркулировать въ литературѣ.

О самомъ Панаевѣ, которому Герценъ вначалѣ приписывалъ роль, равную съ Некрасовымъ, я не говорю, потому что, какъ видитъ читатель, онъ былъ совсѣмъ непричастенъ къ дѣлу,—развѣ только тѣмъ, что не интересовался, откуда жена его брала средства для жизни.

Матеріальное положеніе Огаревыхъ послѣ пожара фабрики было очень тяжело, и единственная надежда была еще на Сатина, за которымъ состоялъ долгъ въ 63,000 руб. сер., такъ какъ имѣніе осталось ему уже фактически. Сатинъ обѣщалъ выплатить эти деньги по 12,000 фр. въ годъ, но обѣщанія своего не исполнилъ, и Огаревы сразу перешли на жизнь за счетъ Герцена, выдававшего имъ по 10—12,000 фр., потомъ по 8,000, наконецъ, по 6,000 фр.; Герценъ въ общемъ выдалъ ему 112,000 фр. Послѣ смерти Герцена, дѣти его выдавали Огареву по 1500 фр. (всего 6000, такъ какъ въ этой складчинѣ участвовала и дочь Н. А. Огаревой отъ Герцена, Лиза); съ 1874 г. сестры посылали по 2000 фр., освободивъ брата Александра, въ виду размѣровъ его личной семьи. Когда умерла Лиза, Наталія Александровна выдавала по 4000 фр., а Ольга Александровна по 2000. Въ общемъ дѣти выдали Огареву 42,000 фр. Такимъ образомъ говорить о томъ, что Огаревъ ничего не имѣлъ и нуждался на глазахъ своего друга совершенно несправедливо. Всѣ эти цифры мною взяты изъ семейныхъ бумагъ и документовъ.

840. Письмо къ Е. Ѳ. Коршу, Н. Х. Кетчеру, М. Ѳ. Коршъ и др.

(Апрѣль 1856).

Ну, спасибо... спасибо вамъ! Это первый теплый, свѣтлый лучъ послѣ долгой тяжелой ночи съ кошмаромъ. За эти дни благодарю васъ, цѣлую васъ за нихъ, плачу отъ внутренняго удовольствія... Я выздоравливаю, снова сталъ окрѣпать, но мнѣ чего-то недоставало. Этотъ приѣздъ восполнилъ. Теперь я еще поживу! Вотъ какъ вы мнѣ нужны! Трое прежнихъ встрѣтили меня въ страшныя минуты... скажу просто,—въ минуты, въ которыя мнѣ было не до васъ, въ которыя печаль, обиды, похороны и клевета поддерживали меня въ искусственномъ раздраженіи; вотъ отчего многимъ казалось, что я охолодѣлъ. Правда, сердился я за рѣдкость вѣстей, за апатію... но сердиться и быть холоднымъ—не одно. Я былъ сбить съ пути, я работалъ, чтобы овладѣть собой... и вполнину сдѣлалъ. Жизнь моя получаетъ вами новую красную полосу. За эти дни, за эту нашу родную, молодую натуру благодарю и снова еще тѣснѣй, еще роднѣй съ вами. Тамъ ли, тутъ ли,—все равно. Здѣсь я достигъ того, что хотѣлъ, и середь дикихъ преслѣдованій не посрамилъ имени русскаго. Работаю, буду работать, да и вы отбросьте слишкомъ мрачный взглядъ — *e pur se tuove* ¹⁾, да и не вѣрьте «бубнамъ за горами», это—не бубны, а черви, чтобъ быть всему; вотъ вамъ и каламбуръ.

Одно мутитъ мнѣ радость съ сѣверной стороны: несчастное разногласіе близкихъ. Но эти дѣла не дѣлаются насильственно, натянута; время, можетъ, переѣнитъ, а мнѣ издали страшно думать, что вы—не одна семья. Я думаю, что виноватыхъ нѣтъ, т. е. формально; ну, да объ этомъ я словесно просилъ сказать.

Я прежде говорилъ и теперь повторю, что, въ случаѣ смерти, я хочу, чтобъ дѣти возвратились. И въ этомъ случаѣ я завѣщаю, чтобъ вы дѣятельно вступили въ дѣло. Какъ, что—объ этомъ узнаете отъ парижской сестры ²⁾. Да я и самъ только и мечтаю: рано или поздно увидать Москву и, разумѣется, если вы мнѣ когда-нибудь напишете, что можно ѣхать, не бривши бороды ³⁾, то черезъ двѣ недѣли мы пошлемъ къ Нодалю ⁴⁾ взять три во льду... помните?

¹⁾ «И, все-таки, она движется».

²⁾ М. К. Рейхель.

³⁾ Т. е. не измѣняя своимъ убѣжденіямъ.

⁴⁾ Сидѣлецъ московскаго виноторговца Депре.

Дѣтьми я доволенъ: умны, благородныя и открытыя натуры, всѣ очень красивы (портретъ Т. не очень удался).

Черезъ четыре дня.

И еще разъ то же: благодарю! Я что-то помолодѣлъ; Геймаркетъ сдѣлался для меня Маросейкой, а Реджентъ-стритъ—Кузнецкимъ Мостомъ съ тѣхъ поръ, какъ я хожу заказывать третій день тарелку и покупаю *себѣ* шляпу, которая нужна *ему*, а *онѣ* платить. Благословляю васъ! Онъ меня такъ расколыхалъ, что я плакалъ, плакалъ, да не горько! Заставьте опять поплакать.

И какъ человѣкъ-то слабъ!—и теперь сижу одинъ и плачу, какъ самъ Мих. Сем. ¹⁾ лучше не плакалъ.

Да, его приѣздъ, это былъ голубь на ковчегѣ... Я спокойно умру—зная, что вы такіе же ²⁾).

«Отеч. Зап.»	}	A Mr. Domengé, aux soins de Monsieur
«Соврем.»		le Baron de Rotchild, à Londres. New-Court,
«Моск.»		St. Swithins Lane.

841. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 апрѣля (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Душевно радъ, что концертъ удался, а «Записки» понравились. У меня есть довольно русскаго для чтенія; Пушкина я купилъ для васъ здѣсь у Трюбнера, а Огар. привезъ мнѣ другой экземпл.; изданіе прекрасное.

Изъ всего литературнаго самое замѣчательное то, что языкъ вдесятеро свободнѣе. Есть новый очень талантливый авторъ—графъ Толстой ³⁾. Много печатныхъ стиховъ Огар., дѣйствительно, геніальныхъ; его мѣсто между Пушкинымъ и Лермонтовымъ; они издаются особой книгой.

Здоровье Ог. ужасно. Даже Девиль опасается за жизнь (объ этомъ прошу никому не говорить); черезъ двадцать дней или около послѣ лѣченія онъ окончательно скажетъ свое мнѣніе. Боятся за ту же болѣзнь, которая была у Гейне ⁴⁾. А вотъ вы и познайте внутренняго человѣка, какъ говаривалъ Мих. Сем.: Огар. въ Москвѣ

¹⁾ Щепкинъ.

²⁾ Дальше оторвано.

³⁾ Левъ Николаевичъ.

⁴⁾ Болѣзнь спинного мозга.

и Петерб. кутилъ со всѣми нашими, и Пикулинъ и Кетчеръ, доктора, и допустили это въ его состояніи! А боялись, что, встрѣтившись со мной, онъ будетъ дѣлать чортъ знаетъ что! Какое глубокое знаніе характеровъ. Я его свелъ на діету не только безъ вина, но почти на великопостный столъ, и, если онъ будетъ спасенъ, то отъ этого. О послѣднемъ вы можете черкнуть въ письмѣ.

О, познайте внутренняго человѣка!

Когда будете писать въ Москву, скажите, что мнѣ, наконецъ, противна присылка книгъ; то въ Брюсселѣ, то въ Берлинѣ; когда въ третій разъ спрошу, вѣрно, будутъ въ Твери...

Слово о финансахъ. Огаревъ вамъ кланяется; мы съ нимъ толковали о всяческомъ устройствѣ дѣлъ и о долгѣ вамъ. Я предлагаю сдѣлать это такъ: перевести долгъ на здѣшнія деньги... Онъ мнѣ выплатитъ мало-по-малу, а я вамъ вышлю и буду высылать проценты такъ, какъ получаю ихъ изъ Америки (т.-е. по 6⁰/о), и за капиталъ отвѣчаю всячески. Сколько онъ вамъ не заплатилъ? Напишите.

Н. Ф. Павловъ не только нанесъ Огар. coup de grâce ¹⁾, но погубилъ почти все состояніе Мельгунова... И охота же была вѣрить такому плуту! Да и Сатинъ пострадалъ.

Дѣти цвѣтутъ. Что же, Пинто доставилъ посланіе отъ Таты? И прощайте.

842. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 апрѣля (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Я, право, не знаю, что отвѣчать Петрушѣ; письмо его гдѣ-то пробыло шесть мѣсяцевъ; Ог. справлялся о немъ при проѣздѣ, ему сказали, что онъ снова въ фаворѣ у Ег. Ив. А потому слѣдовало бы узнать, нужны ли теперь деньги, которыя были нужны тогда. Вы, вѣроятно, не переписываетесь съ Ег. Ив., а то спросить бы его и пусть онъ дастъ рублей 100 или 150 сереб. (чай, получилъ уже отъ Ротш.). А ргорос, къ деньгамъ Ог.: тоже не слѣдуетъ вамъ со мной церемониться, и проценты у него для васъ есть, я ихъ перешлю. Насчетъ его болѣзни вы потому обрадовались, что ее не знаете; ему, по несчастію, въ главномъ перемѣны еще нѣтъ. Де-

¹⁾ Послѣдній рѣшительный ударъ (который даютъ раненому, чтобы его прикончить).

виль видить, что организмъ его быстро несетъ къ ряду тѣхъ атакъ, которыя были у Платона Богд. ¹⁾ (смотрите же никому объ этомъ)— и вотъ что надобно отвратить, а лучше ему въ разныхъ побочныхъ болѣзняхъ.

Я истинно безъ ужаса не могу думать о безпутствѣ нашихъ московскихъ, пившихъ и прогуливавшихъ ночи съ человѣкомъ, надъ которымъ смерть занесла руку! Девиль условіемъ лѣченія (безъ чего онъ бросить) поставилъ: ни одной капли вина, пива, не исключая пикулей, перца, словомъ, всего раздражающаго. Я былъ у него вчера; онъ говоритъ, что если успѣтъ сладить съ прочими болѣзнями и подкрѣпить его, то, можетъ, и есть надежда. Онъ требовалъ шесть недѣль,—двѣ прошли.

Что, Пик. съ книгами смѣется или серьезно посылаетъ?

А.—Читали вы рѣчь Алекс.?

В.—Какъ же, я читала манифестъ.

Это напоминаетъ того книгопродавца, который отвѣчалъ г-ну, спрашивавшему: «Есть у васъ записки Лафорсъ ²⁾»? — «Нѣтъ, но вотъ записки Видока» ³⁾.

Манифестъ ⁴⁾ необычайно - - -, а рѣчь необычайно умна, да они ужъ и сами перепугались. Рѣчь сказана въ Москвѣ дворянству ⁵⁾.

«Полярн. Звѣзда» является міру 15 числа, съ портретомъ Бѣлинскаго etc.

Когда вы ѣдете въ Германію?

Какъ бы мнѣ хотѣлось показать вамъ изъ запаса, привезеннаго Огаревымъ, стиховъ и проч.! Т. е. превосходнѣйшія вещи!

Прощайте. Что Сашка? Рейхелю поклонъ; здѣсь теперь сильно кричатъ о какой-то Шуманъ ⁶⁾.

843. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 мая (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Пушкинъ и «Записки» Аксакова ⁷⁾ отправляются черезъ Трюбнера къ одному изъ книгопродавцевъ: Клинксику (Rue de Lille) или

¹⁾ Отецъ Огарева.

²⁾ Франц. маршалъ.

³⁾ Франц. сыщикъ.

⁴⁾ Отъ 17 апрѣля 1856 г., о рѣшеніи короноваться.

⁵⁾ О необходимости приступить къ освобожденію крестьянъ.

⁶⁾ Клара, извѣстная піанистка, жена композитора.

⁷⁾ «Семейная хроника и воспоминанія».

къ Франку. Дней черезъ пять можно справиться. Когда «Записки» Аксакова прочтете, передайте ихъ Делаво, къ которому прошу переслать приложенную записочку.

Разспросите Петрушу въ письмѣ, которое можете вложить въ письмо къ Пикул. или къ Юліи Богдановнѣ, а тамъ могутъ послать къ Егору Ив. въ домъ. Я очень хвалю васъ, что вы его проучили: его письмо бѣсило меня съ недѣлю.

О Тат. Ал. ¹⁾ новостей немного: живутъ они очень бѣдно, Сергѣй Ив. потерялъ даже свои лекціи въ пансіонахъ за то, что какой-то начальникъ нашелъ, что онъ непочтителенъ. Тат. Ал., какъ вы знаете изъ ея писемъ, отлучена отъ огня и воды московскими нашими пуристами. Говоритъ она, что ко мнѣ не пишетъ потому, что я не пишу, а я отвѣчалъ на все.

Вотъ еще что о старыхъ знакомыхъ. Евген. Ѳед. ²⁾ также милъ, умень и помолодѣлъ отъ переѣзда въ Москву ³⁾; мужъ Антонины ⁴⁾ очень въ силѣ и идетъ бодро впередъ. О Сатинѣ тоже прекрасныя вѣсти. Мельг. снова собирается ѣхать (онъ потерялъ около 300,000 фр. за Павлова), Пикул. тоже собирается.

Одинъ Potier, le grand Potier ⁵⁾, т. е. Ник. Хр. ⁶⁾, все такъ же неподвижно возсѣдаетъ, все такъ же бранится, капризничаетъ и съ лѣтами сталъ еще притѣснительнѣе (это я уже и отъ Пик. слышалъ). О Вас. Боткинѣ (это между нами) вѣсти не такъ красивы. Тург. — совсѣмъ левъ, и вотъ, кстати, и ménagerie ⁷⁾: Головинъ снова пріѣхалъ... Пойдутъ опять несказанныя мерзости. Вы говорите о Швейцаріи,—я понимаю вашъ намекъ ⁸⁾, но вы думаете, что здѣсь лучше?... Не писать же всѣ гадости. А сказывалъ ли я вамъ, что въ день моего рожденія, т. е. въ ночь, безъ всякой причины сломилось мое серебряное обручальное кольцо? Не спросить ли у Тесье, чтобъ онъ столомъ вернулъ?...

¹⁾ Астракова.

²⁾ Коршъ.

³⁾ На нѣсколько лѣтъ переѣзжалъ въ Спб.

⁴⁾ К. Д. Кавелинъ.

⁵⁾ «Зато Potier, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ,
Ей-Богу, поддержалъ одинъ...» («Графъ Нулинъ»).

Потье—знаменитый франц. актеръ эпохи Наполеона.

⁶⁾ Кетчеръ.

⁷⁾ Звѣринецъ.

⁸⁾ Зная, что въ Цюрихѣ жили Гервеги, М. К. Рейхель намекала, что врядъ ли Швейцарія въ состояніи дать Герцену покой.

844. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 мая (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Хотя особенныхъ новостей нѣтъ, но все же напишу о томъ и о семь, а главное, о будущихъ новостяхъ. Во-первыхъ, К. Фогтъ ѣдетъ на трехмѣсячную прогулку съ Жеромомъ-фисомъ ¹⁾ по сѣвернымъ берегамъ Европы; я и вздумалъ ему предложить взять съ собою Сашу. Вотъ Тесье могъ бы вамъ сообщить о подробностяхъ, потому что Хоецкій также ѣдетъ; хотѣлось бы мнѣ, сверхъ того, проѣхать самому Парижемъ (если вы въ августѣ будете тамъ), — надобно бы узнать, пропустятъ ли или нѣтъ.

Получили ли Пушкина отъ Клинксика, Rue de Lille? Огарева здоровье очень поправляется, нервные припадки меньше, эпилепсиі совсѣмъ не было. Онъ получилъ вѣсть, что Сатинъ получилъ отъ Павлова немного его денегъ; изъ нихъ, уже онъ писалъ, чтобъ вамъ прислали долю долга. Ну, а письмо ваше къ нему строгонько; я подозреваю, что вы его писали только подъ вліяніемъ московскихъ друзей? Такъ я и ему сказалъ. Всѣ они — отцы родные, наши добрые ворчуны, но пропадаютъ отъ шатанія языковъ. Я помню, какъ отвѣчалъ Кетчеръ Мельгунову, когда тотъ ему писалъ о долгѣ Сатина и Павлова мнѣ.

Если Саша поѣдетъ изъ Парижа, то, само собою, я его отправлю прямо къ вамъ, а вы упакуете и уложите и все, что слѣдуетъ.

Не можете ли помѣстить кой-кому «Полярную Звѣзду»? 2 книжка выходитъ въ началѣ будущей недѣли. Теперь, говорятъ, русскихъ видимо-невидимо въ Парижѣ.

Засимъ и довольно. Прощайте.

П. Я. Чаадаевъ, собираясь ѣхать сюда, умеръ въ Великую субботу; онъ больной въ пятницу обѣдалъ у Шевалье и на другой день скончался.

Косить себѣ, косить и все пуще въ мѣрѣ и пуще.

Рейхелю поклонъ. А ргрос, вѣсти о Бакунинѣ: его очень хорошо содержать, но онъ пропадаетъ отъ скуки.

¹⁾ Fils—сынъ.

845. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 мая (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Книги посланы не къ Франку, а къ Klincksick'y, Rue de Lille, № 11, а потому и отправьте за ними Лаво, а буде его увидите, то скажите, что вышла объ Россіи довольно интересная книга по-нѣмецки «Ueber Menschen und Dinge in Russland, Verlag v. Scheube 1856»,—изъ нея можно сдѣлать интересную статью для «Ревю».

Одинъ № «Полярной Звѣзды» пришлю вамъ по почтѣ и потомъ №№ пять на раздачу.

Погода здѣсь страшная, то есть превосходящая даже то, къ чему мы привыкли въ Англии.

Знаете ли, что старикъ Тургеневъ ¹⁾ амнистированъ? И, наконецъ, говорятъ, всѣ, за исключеніемъ меня...—но тутъ-то возлѣ почета и смиреніе—и Головина. А, все-таки, они дураки: или того или другого, а что же общаго между мною и имъ?¹

Здѣсь есть русская танцовщица, первая въ Оперѣ (Катринъ—фамиліи не знаю); я, было, хотѣлъ сдѣлать ей визитъ, да не изволилъ принимать, говорить, де, супругъ въ отсутствіи,—вотъ какія морали.

Прощайте.

◆◆ 1. Вотъ двѣ статьи манифеста 26 августа 1856 г., которыми даровалась частичная амністія:

Ст. XV. «Подвергшимся разнымъ за политическія прѣступленія наказаніямъ и донымъ еще не получившимъ прощенія, но по изъявляемому ими раскаянію и безукоризненному послѣ произнесеннаго надъ ними приговора поведенію заслуживающимъ помилованія, даровать, на основаніи особыхъ для того постановленныхъ правилъ: однимъ—облегченія болѣе или менѣе значительныя, въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки, другимъ же—освобожденіе отъ оной съ правомъ жить въ одной изъ указанныхъ имъ внутрен. великорос. губерній, а нѣкоторымъ—и дозволеніе жить гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ Нашей Имперіи и Царства Польскаго, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы».

Ст. XXXIII. «Отлучившимся безъ узаконенныхъ видовъ отъ жилищъ своихъ или и вовсе изъ предѣловъ отечества, когда ими

¹⁾ Николай Ивановичъ.

не учинено никакого другого преступленія, подлежащаго одному изъ наказаній уголовныхъ или же исправительныхъ, соединенныхъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоен. правъ и преимуществъ, или же съ потерю нѣкоторыхъ, означенныхъ въ ст. 53 Улож. 15 августа 1845 г., личныхъ правъ и преимуществъ, даровать прощеніе, если пребывающіе внутри государства—не позднѣе 6 мѣс., а отлучившіеся за границу—въ теченіе года со дня обнародованія сего манифеста, явятся къ своимъ начальствамъ или въ подлежащія мѣста ихъ жительства, или же, буде они имѣютъ право жить въ Россіи гдѣ желаютъ, въ предѣлахъ государства» (III Полн. Собр. Зак. Р. И., 1856 г. № 30877).

846. [О смерти П. Я. Чаадаева].

Не успѣли въ Москвѣ оплакать потерю Т. Н. Грановскаго, какъ еще сильный дѣятель сошелъ въ могилу: двадцать шестого апрѣля тамъ же окончилъ свою жизнь *Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ*. Наши читатели знакомы съ нимъ. Мы приложимъ къ слѣдующимъ номерамъ портреты обоихъ покойниковъ и скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ любви и воспоминанія.¹

◆◆ 1. Вторая книжка «Полярной Звѣзды» начиналась портретомъ-литографіей Бѣлинскаго; кромѣ сочиненій Герцена, тамъ были стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, гр. Ростопчиной и кн. Вяземскаго, статья Н. Сазонова «Мѣсто Россіи на всемірной выставкѣ» и статья Огарева «Русскіе вопросы», съ примѣчаніями, за подписью «Р. Ч.», что значило «Русскій человѣкъ», и съ указаніемъ на Парижъ, что сдѣлано для большей конспираціи.

847. Впередъ! Впередъ!

(30 марта 1856 года)¹).

Теперь только идите, не стойте на одномъ мѣстѣ; что будетъ, какъ будетъ—трудно сказать, никто не знаетъ, но толчокъ данъ, ледъ тронулся. Двиньтесь впередъ,—вы сами удивитесь, какъ потомъ будетъ легко итти.

Сегодня утромъ графъ Орловъ бросилъ послѣднюю горсть земли въ могилу Николая, торжественно засвидѣтельствовалъ его смерть и съ тѣмъ вмѣстѣ начало новой эпохи для Россіи.

¹) 30 (18) марта былъ подписанъ парижскій мирный трактатъ.

Война вамъ стоила дорого, миръ не принесъ славы, но кровь севастопольскихъ воиновъ лилась не напрасно, если вы воспользуетесь ея грознымъ урокомъ. Дороги, усѣянные трупами, солдаты, изнуренные прежде встрѣчи съ непріателемъ, недостатокъ путей сообщенія, безпорядокъ интендантства ясно показали несомвѣстность мертвящаго - - - - - не только съ развитіемъ, съ народнымъ благосостояніемъ, но даже съ силой, съ внѣшнимъ порядкомъ, съ тѣмъ механическимъ благоустройствомъ, которое составляетъ идеаль - - - - -. Къ чему послужило угнетеніе мысли, преслѣдованіе слова, вѣчные парады и ученья, къ чему послужилъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ государствомъ съ своими сотнями тысячъ входящихъ и исходящихъ бумагъ?

Къ тому, чтобы *сорокъ два* года спустя послѣ того, какъ блестящій, молодой, либеральный полковникъ М. Θ. Орловъ, 30 марта 1814 года, подписалъ капитуляцію Парижа во имя побѣдителей Наполеона, другой Орловъ, старикъ, шефъ корпуса жандармовъ, его братъ, принесъ повинную голову Россіи и принялъ миръ, дарованный ей другимъ Наполеономъ, тоже изъ корпуса жандармовъ.

«Неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ огромную силу - - , о которой говорятъ?»—сказалъ я въ 1853 г. на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ и повторяю мои слова, потому что событія ихъ такъ рѣзко подтвердили. «Россія *сильна, но - - - - - власть такъ, какъ она сложилась теперь*, не способна вызвать этой силы. У ней нѣтъ корней въ народности—она не русская и не славянская. Это—временная - - - - -, осадное положеніе, возведенное въ основу - - - - - начала. Она, можетъ, исторически была необходима, но пережила себя; она совершила судьбы свои въ то время, когда Александръ I взошелъ освободителемъ въ Парижъ, окруженный свитой королей и вѣнценосцевъ, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа и насилія».

Александръ I зналъ это, онъ былъ какъ-то потерявъ послѣ побѣды, онъ чувствовалъ, что дальше итти путемъ - - - - - было невозможно, и печально шелъ, склоняя голову, навстрѣчу 14 декабря, не имѣя силы ни овладѣть событіями, ни уступить имъ.

То же сознаніе, съ другой стороны, доказалъ колоссальный заговоръ, въ которомъ участвовали передовые люди всѣхъ дѣятельныхъ слоевъ русской жизни. Остаться долѣе - - - - - было такъ нестерпимо, что горсть героическихъ людей гордо бросила - - - - - «въ самой пасти льва», какъ сказалъ Мишле. Сила одолѣла мысль. Николай остановилъ своей холодной и тяжелой рукой рвущуюся впередъ молодую жизнь, задержалъ всякое движеніе и достигъ—чего? *Трид-*

цатаю года своего царствованія надъ мертвой тишиной - - - - -
 - - - молчащаго народа; скованная Польша едва дышала, русская
 литература остановилась, 14 декабря было побѣждено, и онъ—
 представитель и глава - - - - - въ Европѣ—захотѣлъ, наконецъ,
 попробовать свои силы.

И тогда тридцатый годъ сдѣлался для него годомъ страшнаго
 искупленія. Съ безсильнымъ гнѣвомъ, съ сожигающимъ - - - - -
 Николай увидѣлъ свое войско, такъ хорошо обученное имъ метать
 ружьемъ, побитое комиссаріатомъ, свои суды, управы, совѣты,
 наполненные ворами. Окруженный доносчиками, двумя-тремя поли-
 ціями, онъ зналъ всякое либеральное четверостишіе, писанное ка-
 кимъ-нибудь студентомъ, всякій неосторожный тостъ, произнесенный
 какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ, но не имѣлъ средства узнать
 истину, добраться до правды во всемъ остальномъ.

Возлѣ него, рядомъ становилась нагло другая власть, неуло-
 вимая, вездѣсущая, кравшая разомъ позолоту съ его трона и жел-
 лѣзо съ крестьянскаго плуга, недопускавшая одной рукой паекъ
 до солдата и вырывавшая другой послѣдній кусокъ хлѣба у кре-
 стьянина.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти (разсказывали газеты),
 Николай, разсерженный кражею инвалидовъ суммъ, сказалъ, что
 онъ знаетъ одного человѣка на службѣ, который не крадетъ, и
 этотъ человѣкъ—онъ самъ.

Какое сознаніе слабости и какая - - - ! Николай умеръ подъ
 ея тяжестью.

Неужели Александръ и Константинъ, въ добросовѣстности
 которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, воображаютъ, что
 они искореняютъ зло, отдавши подъ судъ нѣсколько плутовъ и пу-
 бликуя циркуляры съ критическими замѣтками?

Зло боится свѣта, зло боится гласности, зло боится свободы;
 но, вѣдь, всего этого - - - - -
 - - - - - . Воровство вовсе не было на-
 ціонально во Франціи, а десять лѣтъ первой имперіи было доста-
 точно, чтобъ превратить французскихъ генераловъ въ грабителей,
 префектовъ—во взяточниковъ.

Намъ *самимъ* надобно бороться со зломъ, поднять голосъ
 противъ него, найти совѣтъ и средство, заявить волю и силу, если
 ихъ не въ самомъ дѣлѣ - - - - - . Иначе ничего
 не будетъ.

Но онъ не сломилъ ихъ. Тотъ же годъ, который былъ такъ
 безпощаденъ для - - - , показалъ намъ снова неисчерпанную, здо-
 ровую мощь русскаго народа. Какъ все это странно и полно глу-

бокаго значенія! Русь - - - - - въ то время, какъ онъ отходилъ, и отходилъ оттого, что *не имѣлъ вѣры въ свой народъ*. Онъ зналъ Альму и Евпаторію, но крымской Саррагосы, но богатырской защиты Севастополя не предвидѣлъ.

Воздухъ 1612 и 1812 годовъ повѣялъ въ Россіи при вѣсти о непріятельскомъ нашествіи, и ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ турецко-крестовому походу за «просвѣщеніе и свободу». Мы не знаемъ, чѣмъ бы кончилась война, еслибъ она, дѣйствительно, перешла въ народное возстаніе, но мы рады искренно миру и тѣмъ болѣе, что онъ приноситъ не блескъ, а *смиреніе*. Изъ желѣза побѣдоносныхъ мечей куются самыя крѣпкія цѣпи.

Напротивъ, скромный миръ обязываетъ всѣхъ призадуматься о нашемъ положеніи. Всѣ видятъ теперь, что прежній путь никуда негоденъ; но мы увѣрены, что ни правительство, ни вы, никто не имѣетъ опредѣленной мысли, плана, программы. А оставлять будущее на произволъ судьбы—дѣло плохое. Какъ событія измѣняютъ мысль о будущемъ, за это люди не отвѣчаютъ, но желаніе овладѣть ими и воплотить въ нихъ свой разумъ и свою волю неотъемлемо съ сознательнымъ человѣческимъ развитіемъ.

Мы мало уяснили себѣ наше настоящее положеніе и оттого, влекомые внѣшней силой, идемъ на историческую работу, какъ на барщину. Причинъ на это много: исключительная національность столько же мѣшаетъ ясно понимать наше самобытное развитіе, какъ западная цивилизація. Славянизмъ и европеизмъ подставляютъ негодныя, неприлагаемыя ими чужія формы для уловленія нашей жизни; они ее мѣрятъ по другимъ эпохамъ, по инымъ міросозерцаніямъ; ни загробный голосъ праотцевъ, ни сосѣдній умъ не помогутъ разрѣшить его вполне ¹⁾). Намъ приходится не только оторваться отъ предразсудковъ, общихъ намъ съ нашими врагами, но и отъ предразсудковъ нашихъ друзей и собственно нашихъ.

Не одна - - - - - въ своей петровской формѣ дожила свой вѣкъ, но и вся петербургская Россія. То, что она могла сдѣлать, она сдѣлала. Намъ надобно освободиться отъ нравственнаго ига Европы, *той* Европы, на которую до сихъ поръ обращены наши глаза.

Западная цивилизація своимъ послѣднимъ словомъ поставила отреченіе отъ «современнаго гражданскаго устройства»; если Европа

¹⁾ Не думайте, что мы намекаемъ на то, что у насъ есть программа: мы ее такъ же ищемъ, какъ вы, хотимъ искать вмѣстѣ и просто на просто пользуемся нашимъ положеніемъ, дающимъ намъ право свободной рѣчи.—
А. И. Г.

и осуществить ея завѣщаніе, то это именно не та, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая, оставшаяся, какъ Россія, внѣ движенія, задавленная нуждой, бѣдная, обойденная, земледѣльческая и отчасти ремесленная.

Всѣ революціи не удались въ Европѣ потому, что онѣ не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейныхъ отношеній и были сбиты съ дороги мѣщанствомъ. Намъ нечего заимствовать у мѣщанской Европы: она снова беретъ у насъ ея привитый деспотизмъ.

Мы—не мѣщане, мы—мужики.

Мы бѣдны городами и богаты селами. Всѣ усилія создать у насъ городское мѣщанство въ западномъ смыслѣ приводили до сихъ поръ къ тощимъ и нелѣпымъ послѣдствіямъ. Настоящіе горожане наши—одни чиновники; купечество ближе къ крестьянамъ, нежели къ нимъ. Помѣщики, естественно,—больше сельскіе жители, нежели городскіе. Итакъ, городъ у насъ—почти одно правительство, Россія государственная, а село—вся Россія, Россія народная.

Нашу особенность, самобытность составляетъ деревня съ своей общинной самозаконностью, съ мірскою сходкой, съ выборными, съ отсутствіемъ личной поземельной собственности, съ раздѣломъ полей по числу тяголъ. Сельская община наша пережила ту эпоху тяжелаго государственнаго роста, въ которой обыкновенно общины гибнутъ, и уцѣлѣла въ двойныхъ цѣпяхъ: сохранилась подъ ударами помѣщичьей палки и чиновничьяго грабежа.

Естественно, что намъ съ самаго начала представляется вопросъ: слѣдуетъ ли *образовать* нашу общину на основаніи отвлеченной независимости лица и его самодержавнаго права собственности, искореняя въ ней ея патріархальный коммунизмъ и семейную круговую поруку, или, напротивъ, не слѣдуетъ ли намъ *развивать* ее на ея народныхъ и социальныхъ началахъ, стремясь къ сохраненію и сочетанію личной независимости, безъ которой нѣтъ свободы, съ общественной тягой, съ круговой порукой, безъ которыхъ свобода дѣлается одной изъ монополій собственника?

Наука Запада и его трагическая судьба даютъ намъ богатые средства для того, чтобъ приблизиться къ этому, и, можетъ, мы ошибаемся, но этотъ вопросъ намъ кажется важнѣе всѣхъ хартій, кодексовъ, раздѣла властей, словомъ, всѣхъ бѣлил и румянъ, которыми старому монархизму придаютъ видъ молодой свободы.

Но коснуться до него намъ мѣшаетъ не царь, а страшное преступленіе крѣпостнаго состоянія. Крѣпостное право, это—нечистая совѣсть Россіи, это—ея право на рабство. Рубцы на спинѣ мучениковъ и страдалцевъ поля и передней не на ихъ спинѣ, а

на нашемъ лицѣ, на лицѣ Россіи. Помѣщики связаны по рукамъ и ногамъ своимъ нелѣпымъ правомъ.

Итакъ, первый врагъ, противъ котораго намъ надобно бороться, передъ глазами.

Въ нашемъ неумѣннн разрѣшить этотъ вопросъ есть, на первый взглядъ, что-то безумное. Молодое дворянство хотѣло его пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ Тамбовѣ — не знаю, гдѣ; Александръ I мечталъ объ немъ; Николай желалъ его. Молодые дворяне сдѣлались теперь пожилыми дворянами; мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться, чтобъ Александръ II противился ему. Кто же не хочетъ? Кто тотъ сильный, который оставливаетъ разомъ народъ и царя, образованную часть дворянства и страждущихъ крестьянъ?

Это—опять фантастическіе *boyards russes* ¹⁾ и вновь изобрѣтенная *old moscovite party* ²⁾. Да, вѣдь, имѣнія этихъ бояръ точно такъ же заложены и просрочены, да и гдѣ же ихъ сила? конечно, не въ нихъ.

Нѣтъ, будемте откровенны; вопросъ объ освобожденіи крестьянъ оттого не былъ разрѣшенъ, что за него не умѣли приняться, а приняться не умѣли, долею, оттого, что онъ неразрѣшимъ ни съ точки зрѣнія петербургскаго правительства, развивавшаго зло и воспользовавшагося имъ, ни съ точки зрѣнія того либерализма, въ основѣ котораго лежитъ религія собственности, безусловное и неисторгаемое признаніе ея во вѣки нерушимой.

И вотъ, мы снова становимся лицомъ къ лицу съ высшей общественной идеей Европы,—съ той идеей, отъ которой міръ обезумѣвшей собственности и оторопѣлаго мѣщанства прячется за штыки, депортаціи, за іезуитовъ, за феодализмъ, за невѣжество и за деспотизмъ, о которомъ не имѣли понятія даже во время римскихъ императоровъ.

Но какъ же вы приблизитесь къ разрѣшенію такого сложнаго вопроса? Для этого необходимо обсудить его, обмѣняться мыслями, сличить мнѣнія. Цензура вамъ этого не позволитъ дѣлать въ печати, а полиція не позволитъ это дѣлать словесно. Оно и придется снова бѣжать въ бесплодные споры между поклонниками исключительной народности и почитателями космополитической цивилизаціи... Но не грѣшно ли расточать свои силы на эти мнимыя пренія, истощать свой умъ на эту междоусобицу въ то время, какъ сердце и совѣсть просятъ не того, въ то время, какъ грустный крестьянинъ

¹⁾ Русскіе бояре.

²⁾ Старая московская партія.

оставляетъ незасѣяннымъ свое поле и идетъ на барщину, а дворовый со стиснутыми зубами ждетъ розогъ?

Уже хоть бы мы попросили государя, чтобы насъ всѣхъ снова пріобщить къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а то это накомое покровительство дворянскихъ спинъ, представляющее намъ право быть палачами, изъ рукъ вонъ противно...

...Не ясно ли, что на первый случай вся программа наша сводится на потребность *ласности*, и всѣ знамена теряются въ одномъ— въ знамени *освобожденія крестьянъ съ землею*.

Долой дикую цензуру и дикое помѣщичье право! Долой барщину и оброкъ! Дворовыхъ на волю!

А съ станowymi и квартальными мы сдѣлаемся потомъ...

848. Отвѣтъ. ¹

Я рассказывалъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ станціонный смотритель между Вяткой и Нижнимъ, котораго я угощалъ особымъ half and half ¹⁾, прощаясь со мной, повторялъ: «Вотъ вы и меня сдѣлали съ новымъ годомъ!». Позвольте мнѣ дружески, искренно, отъ всей души сказать вамъ эти слова.

Письмо ваше пришло вчера вечеромъ. Грустно сидѣлъ я у камина, ожидая двухъ-трехъ пріятелей изгнанниковъ. Всѣ особенно отмѣченные дни, эти вѣхи, поставленныя въ безконечной степи, чтобъ не потеряться, эти «станціи», какъ говоритъ Байронъ, въ которыхъ время пріостанавливается, переводитъ духъ, мѣняетъ лошадей и опять скачетъ,—тяжелы для людей, много утратившихъ: онѣ будятъ такъ много воспоминаній и такъ мало надеждъ; я перебиралъ наши прежнія встрѣчи новаго года и душевно желалъ, чтобъ скорѣе пробило двѣнадцать часовъ.

Въ это время мой сотрудникъ, Чернецкій, принесъ ваше письмо. Прочитавши его, я не могъ сказать ни слова, но много прошло по душѣ. Я васъ благодарю, я васъ обнимаю братски,—васъ и вашихъ друзей. «Вы меня сдѣлали съ новымъ годомъ!»

Какъ для меня важенъ такой голосъ, вы сейчасъ увидите.

Увлеченный событіями 1848 года, я жилъ съ западными людьми, дѣлилъ ихъ судьбу и невзгоды и для нихъ говорилъ о Россіи.

Вы знаете en gros ²⁾, что было въ Европѣ въ послѣднія пять

¹⁾ Смѣсь крѣпкихъ напитковъ.

²⁾ Въ общихъ чертахъ.

лѣтъ,—я знаю по мелочи, по рубцамъ; дорого мнѣ стало знаніе Запада; насколько могъ, я его узналъ и разстался съ нимъ. Я сочувствую его мыслямъ, но не сочувствую ни его людямъ, ни его дѣламъ.

Вѣра въ будущее Россіи одна пережила всѣ другія. Но связь моя съ вами ослабла въ продолженіе этихъ бурныхъ лѣтъ; для того, чтобы оживить ее, я завелъ русскую типографію и приглашалъ, просилъ, звалъ всѣхъ, но въ продолженіе двухъ лѣтъ никто не откликнулся. Я не унылъ отъ этого и былъ готовъ продолжать мой трудъ, но мнѣ было больно это молчаніе.

Съ половины прошлаго года все перемѣнилось: слова горячей симпатіи, живого участія, дружескаго одобренія стали доходить до меня. Ваше письмо занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ; оно торжественно заключило для меня годъ, и я вдвое бодрѣе стою у моего станка.

Что касается до летучихъ листовъ (изъ которыхъ только *одинъ* писанъ мною, «Къ солдатамъ въ Польшѣ», и который я готовъ повторить слово отъ слова), не оттого ли они возбудили ваше негодованіе, что вы мало привыкли къ свободной рѣчи?

Дайте каждому говорить свое мнѣніе, — вы не обязаны съ нимъ соглашаться. Вспомните, что я сказалъ въ программѣ къ «Полярной Звѣздѣ»: «Мы равно приглашаемъ нашихъ *европейцевъ* и нашихъ *панславистовъ*, умѣренныхъ и неумѣренныхъ, осторожныхъ и неосторожныхъ. Мы исключаемъ одно то, что будетъ писано съ цѣлью упрочить *современный порядокъ дѣлъ въ Россіи*, ибо всѣ усилія наши только къ тому и устремлены, чтобы его замѣнить свободными и народными учрежденіями. Что же касается до средствъ—мы открываемъ всѣ двери, вызываемъ на всѣ споры. *Мы не отвечаемъ за мнѣнія, изложенныя не нами*; намъ уже случалось печатать вещи, прямо противоположныя нашему убѣжденію, но сходныя въ цѣли. Роль цензора намъ еще противна со временъ русской жизни». Не заставляйте меня быть Мусинымъ-Пушкинымъ¹⁾ и лучше возражайте прямо на статьи; возраженія ваши будутъ напечатаны. Любите свободу даже съ ея неудобствами.

Съ другой стороны, не желая себѣ присваивать ни похвалы, ни осужденія, принадлежащія другимъ, я васъ попрошу не забывать, что я подписываю мои статьи—и притомъ *всѣ* безъ исключенія.

Прощайте, и на прощанье позвольте мнѣ надѣяться, что вы

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ, попечитель петербургскаго округа и предсѣдатель цензурнаго комитета, извѣстный своей архиреакціонностью.

и ваши друзья исполните обѣщаніе и пришлете что-нибудь въ «Полярную Звѣзду» ¹⁾).

Лондонъ, 1 января 1856 года.

◆◆ 1. Герценъ отвѣчаетъ на письмо, напечатанное рядомъ въ «Полярн. Звѣзд.» и подписанное ***. Авторъ (это и есть то письмо молодежи, о которомъ говорилось въ № 827) привѣтствуетъ основаніе «Полярной Звѣзды», рассказываетъ пережитое Россіей за время отсутствія Герцена, выражаетъ увѣренность, что новое изданіе не останется безъ сотрудниковъ изъ Россіи, и въ заключеніе говоритъ: «Теперь позвольте обратиться къ вамъ съ сердечнымъ желаніемъ. Вы избрали роль, которая обращаетъ на васъ глаза всѣхъ свободномыслящихъ людей. Будьте же разборчивы въ статьяхъ своего журнала, не допускайте въ него строкъ подобныхъ прокламаціи къ русскимъ солдатамъ. Поставьте въ возможность насъ, искренно уважающихъ вашъ талантъ и патріотизмъ, защитить васъ передъ глазами общихъ враговъ нашихъ. Типографскій станокъ Искандера долженъ быть достоинъ Россіи. Мы съ гордостью видимъ въ васъ представителя соціальныхъ идей нашей эпохи, мыслителя, идущаго въ уровень съ Европой и своимъ отечествомъ; но я не нахожу въ васъ умѣнья говорить съ простымъ народомъ и съ солдатами. Извините за это откровенное мнѣніе; оно высказано однимъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей вашего дарованія и васъ самихъ, человѣкомъ, который любитъ васъ больше, чѣмъ кого-либо изъ современныхъ писателей» (стр. 245—246).

849. Отвѣтъ. ¹

Милостивый государь,

Вы не ошиблись: я ваше письмо прочелъ съ благодарностью и принимаюсь за перо не для того, чтобъ возражать, а чтобъ объяснить нѣкоторыя обстоятельства, привести облегчающія причины въ другихъ и повинную голову въ третьихъ.

Русская типографія, которую я завелъ въ 1853 году въ Лондонѣ, была съ моей стороны запросомъ, зондированіемъ; безуміе петербургской цензуры послѣ 1848 г. перешло всѣ границы, я предположилъ матеріальное средство избѣгнуть ея; имъ никто не воспользовался.

¹⁾ Адресуйте къ книгопродавцу Трюбнеру въ Лондонѣ: To the editor of the «Polar Star». Care of N. Trübner Esq., 12, Paternoster row, London.—А. И. Г.

На другой или третій день послѣ смерти Николая мнѣ пришло въ голову, что періодическое обозрѣніе, можетъ, будетъ имѣть больше средствъ притяженія, нежели одна типографическая возможность. Я ставилъ новое предпріятіе подъ знакомое и дорогое намъ знамя: при словѣ «Полярная Звѣзда», я былъ увѣренъ, сердца многихъ вздрогнутъ.

Ничего въ свѣтѣ не можетъ быть печальнѣе, какъ говорить, не зная, слушаютъ ли рѣчь и, вообще, хотятъ ли ее слушать.

Въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ первую русскую статью «Что такое государство?», къ которой вы такъ строги и которую я принялъ съ тѣмъ чувствомъ надежды, съ которымъ въ ковчегѣ была принята вѣтвь, принесенная голубемъ.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Если я не получилъ русскихъ статей (кромѣ статьи Н. Сазонова), то получилъ такіе полныя, горячіе знаки сочувствія, что всякое сомнѣніе устраняется. Самое письмо ваше, при всей строгости своей, есть доказательство, что «Полярная Звѣзда» не прошла безслѣдно.

Но, тѣмъ не менѣе, и вторую книжку я не могу сдѣлать тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣлъ, чтобъ была «Полярная Звѣзда».

Вы совершенно правы, требуя «Обозрѣнія русской словесности», но вы слишкомъ легкимъ считаете выписываніе русскихъ книгъ и журналовъ въ Англии. Оно было всегда затруднительно, но со времени балтійской блокады совсѣмъ нѣтъ книгопродавческихъ сношеній съ Петербургомъ. Одинъ ящикъ книгъ я жду съ октября; новое изданіе Пушкина, заказанное мною 1 декабря прошлаго года у Трюбнера and С^o, было получено 12 апрѣля.

Впрочемъ, наша литература отъ 1848 до 1855 походила на то лицо въ Моцартовой «Волшебной флейтѣ», которое поетъ съ замкомъ на губахъ.

Изрѣдка, правда, попадались вещи, обличавшія большой талантъ, широкую кисть и ту свѣжесть и простоту, которой вѣсье нѣтъ въ западныхъ литературахъ, но я и въ нихъ не видалъ новаго направленія. Развѣ превосходные *Разказы охотника* не—продолженіе, по духу и формѣ, прежнихъ разказовъ И. Тургенева? развѣ удивительный романъ Григоровича «Рыбаки» не въ прямомъ родствѣ съ «Антономъ Горемыкой», котораго я читалъ со слезами на глазахъ у подножія Везувія передъ февральской революціей? Комедіи Островскаго принадлежатъ къ тому же *сознательно*-гоголевскому направленію.

Изъ новыхъ произведеній меня поразила своей пластической искренностью повѣсть графа Толстого «Мое дѣтство», но и она не составляетъ же новаго направленія. Сверхъ того, не должно забы-

вать, что намъ не настолько извѣстны новые порядки, чтобъ слишкомъ откровенно говорить о современныхъ писателяхъ и книгахъ; пожалуй, Мусинъ-Пушкинъ за это представитъ меня къ аннинскому кресту. Тѣмъ не менѣе, ваше замѣчаніе справедливо, и я возьмю нужныя мѣры для полученія книгъ и журналовъ изъ Россіи. Жаль, что во всемъ этомъ никто не хочетъ мнѣ помочь; укажите мнѣ книги, замѣчательныя статьи, пришлите мнѣ обзорѣніе литературы о которомъ вы говорите. Я дѣлаю, что могу; справедливо ли, не помогая ничѣмъ моему труду, требовать, чтобъ я дѣлалъ и то, чего не могу?

Перехожу къ нѣкоторымъ изъ частныхъ замѣчаній вашихъ.

1. Слово *третье* мнѣ кажется понятно, такъ же, какъ и слово *обозрѣніе*, которымъ необходимо замѣнить слово «журналъ». Я очень плохой этимологъ и знаю языки больше инстинктомъ, чѣмъ наукой, но мнѣ кажется, что «третье обзорѣніе» выражаетъ время выхода такъ, какъ и quarterly review ¹⁾). Одинъ изъ моихъ друзей, шутя, предлагалъ назвать предполагаемое нѣкогда нами обзорѣніе «Квартальный надзиратель». Выборъ между ошибкой, еслибы она была, и кварталнымъ долженъ былъ рѣшиться въ пользу ошибки. Вы, можетъ, хотите сказать вашимъ замѣчаніемъ, что именно «обозрѣнія»-то и нѣтъ, но я уже на это вамъ отвѣчалъ. Примите двѣ первыя книжки за опыты.

2. Вамъ не нравится эпитафя: «Да здравствуетъ разумъ!», а мнѣ кажется, что это единственный возгласъ, который остался неизношеннымъ послѣ воззваній красныхъ, трехцвѣтныхъ, синихъ, бѣлыхъ. Во имя разума, во имя свѣта, и только во имя ихъ, побѣдитъ тьма. Оттого-то и не удалась всѣ революціи, что онѣ шли не подъ хоругвью *разума*, а чувствъ, вѣрованій, фантазій.

3. Я никакъ не могу согласиться съ вами, чтобъ это былъ безразличный фактъ для русскихъ, что передовые люди европейской мысли, поэзіи, революціи, часто несогласные между собой, единогласно и горячо привѣтствовали первое русское обзорѣніе, печатающееся безъ цензуры, въ Европѣ. Во-первыхъ, это показываетъ, насколько эти люди далеки отъ официальной и мѣщанской Европы, которая, во имя просвѣщенія, смотритъ со скрежетомъ зубовъ на все русское и готова остановить всякій успѣхъ, перехватить у насъ всякое развитіе, такъ, какъ ливонскіе рыцари держивали докторовъ, отправлявшихся въ Россію во время повальныхъ болѣзней. Во-вторыхъ, тотъ же фактъ показываетъ, что и «Полярная Звѣзда» равно далека отъ правительственной Европы и

¹⁾ Журналъ, выходящій каждую четверть года.

отъ казенной Россіи. Нѣтъ, вы не хотѣли понять поэзію и смыслъ этихъ именъ—именъ Прудона, Маццини, Гюго, Луи Блана, Мишле, Лелевеля ¹⁾, пришедшихъ на закладку свободнаго русскаго дѣла.

4. Клязьму я назвалъ «бѣдной» такъ точно, какъ могъ бы назвать «скромной» Москву-рѣку; этому смиренному названію подвергается всякая рѣка, въ которой мало воды. Эпитетъ, данный Владиміру, объясняется во второй (еще не напечатанной) части «Записокъ».

5. Я никогда не думалъ, что «Телескопъ» издавался «въ замѣну» «Телеграфа». Онъ его замѣнялъ для читателей просто потому, что былъ ближе къ направленію «Телеграфа», нежели «Московскій Вѣстникъ» или «Атеней».

6. По вашему желанію, стихотвореніе Рылѣва и «Русскій богъ» напечатаны. Если у васъ подъ рукой ода Дмитріева ²⁾, пришлите ее намъ. Что касается до того, что я не вытерпѣлъ на память стихи Пушкина, ходившіе въ рукописи, то это, конечно, дурно, но что же съ этимъ дѣлать? Я особенно настаиваю теперь, чтобъ мои дѣти твердили на память стихи, чтобъ не заслужить лѣтъ черезъ тридцать выговора за дурную память.

7. Мнѣ очень досадно, что, несмотря на наши старанія, типографскихъ ошибокъ у насъ не меньше, какъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Разумѣется, не наше дѣло мѣрить строгость, когда она обращена на насъ, но позвольте замѣтить, что вы насъ не щадите. Попадались ли вамъ въ руки французскія или нѣмецкія книги, печатанныя въ Лондонѣ? По нимъ вы можете судить, легко ли здѣсь печатать по-русски. Къ тому же доля ошибокъ, отмѣченныхъ вами, не введетъ въ заблужденіе *просто* читателя. Не ясное ли дѣло, что, оставивъ Россію въ 1847 году, я не могъ быть во Владимірѣ въ 1848, и что 1848 напечатанъ вмѣсто 1838 года?

8. Въ другомъ мѣстѣ, перечисляя число съ новаго стиля на старый, я вмѣсто *вычета прибавилъ* двѣнадцать дней ³⁾. Эта путаница только доказываетъ, что пора бросить благочестивую, но астрономически нелѣпую ошибку юліанскаго лѣтосчисленія.

9. Времени, когда Пушкинъ писалъ второе посланіе къ Чаадаеву, я не зналъ, и это—чисто моя ошибка.

10. Гале де Кюльтюръ дурно поступилъ, повторивъ ложный анекдотъ о Пушкинѣ, но вина не его. Распространеніе этого анек-

¹⁾ Письмо котораго не было напечатано только потому, что оно опоздало двумя или тремя днями.—А. И. Г.

²⁾ Михайль Александровичъ.

³⁾ На стр. 167 этого тома, исправлено.

дота, по несчастію, принадлежитъ нашимъ русскимъ *жиденьки*мъ либераламъ, которые воображаютъ много выиграть передъ иностранцами подобнаго рода небылицами. У Кюльтюра прибавлено, противъ *двухъ* печатныхъ текстовъ, одно лицо Милорадовича. Я такъ привыкъ къ невѣжественной клеветѣ на Россію, что не сержусь за нее и не отвѣчаю. Развѣ «Таймсъ» не рассказывалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что въ Петербургѣ лакеи раздѣваютъ дамъ, когда онѣ идутъ спать, или развѣ годъ тому назадъ не было полемики въ здѣшнихъ журналахъ о томъ, что въ Россіи зимой мерзлую водку рубятъ ли топоромъ или нѣтъ, и что правда или нѣтъ, что зимой иногда снимаютъ ноги вмѣстѣ съ сапогами?.. Я съ радостью встрѣтилъ въ книгѣ Кюльтюра надежду на наше будущее и за одно доброе, теплое слово забылъ анекдотъ, принятый имъ на вѣру *отъ русскихъ*.

Позвольте мнѣ заключить мое письмо искренней благодарностью за ваше вниманіе къ моему труду. Передъ вами вторая книжка «Полярной Звѣзды»,—не щадите и ее; она, какъ Ѳемистокль, говоритъ вамъ: «бейте—только читайте».

10 апрѣля 1856, Лондонъ.

◆◆ 1. Письмо, на которое Герценъ отвѣчаетъ, напечатано въ «П. З.» рядомъ и подписано *. Авторъ дѣлаетъ 15 замѣчаній о томъ, что напечатано въ I кн. «Пол. Звѣзды», и о томъ, что, къ его сожалѣнію, въ ней не напечатано, указывая иногда на немало-важные для редактора промахи.

850. [Отъ издателя].

Вторая книжка «Полярной Звѣзды» выходитъ позже обѣщаннаго. Мы убѣдились теперь, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ издается наше обозрѣніе, правильной періодичности быть не можетъ. Не останавливаясь на разныхъ вещественныхъ и *не вещественныхъ* препятствіяхъ, мы упомянемъ только объ отсутствіи легкихъ книгопродавческихъ сношеній между Англіей и материкомъ.

«Полярная Звѣзда» можетъ только быть сборникомъ, являющимся раза два въ годъ, безъ опредѣленнаго времени, вслѣдствіе чего не будетъ и подписки.

Не желая еще долѣе задерживать выходъ второй книжки, мы оставили до слѣдующихъ всѣ иностранныя статьи, нѣсколько

замѣчательныхъ писемъ и нѣсколько вновь полученныхъ русскихъ стихотвореній, не пропущенныхъ петербургской цензурой ¹⁾).

Желающіе могутъ адресоваться въ Лондонѣ къ Trübner and Co, 12, Paternoster row, въ Парижѣ—къ его корреспондентамъ: Klincksick, 11, rue de Lille и Franck, 97, rue Richelieu.

851. Изъ писемъ путешественника во внутренности Англіи.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Гровеноръ Скверъ, 1 марта, 1856.

...Скучные вопросы салонной болтовни, походившіе на допросъ, кончились. Допросъ на этотъ разъ былъ длиненъ, подробенъ, скученъ и тяжелъ; я сѣлъ на диванъ въ углу комнаты и съ волчьей злобой смотрѣлъ на разодѣтыхъ старухъ, на дурно одѣтыхъ молодыхъ и на накрахмаленныхъ мужчинъ, наполнившихъ залу, въ которой угощали свѣчами и холоднымъ чаемъ съ *кекали* ²⁾).

Новая жертва была поймана. Жестокость, съ которой меня пытали, была обращена на толстую женщину, которой полуплатье было обшито какими-то стеклами, точно будто она хранила себя такъ, какъ здѣсь берегутъ овощъ въ огородѣ, посыпая верхъ ограды битыми бутылками. Ее вели пѣтъ. Какой-то М. Р. ³⁾, съ завитыми бакенбардами и съ проборомъ на затылкѣ, сѣлъ за рояль, развернулъ ноты, закричалъ по-итальянски, и женщина закричала. Пошла музыка.

Я перебиралъ въ головѣ рядъ глупостей, о которыхъ меня спрашивали... о морозѣ, о казакахъ, о партіи Old-Boyards ⁴⁾); тощій клержиманъ освѣдомлялся, правда ли, что офиціанты одѣваютъ у насъ дамъ, и есть ли у насъ литература; другой М. Р. желалъ знать, истинно ли это, что каждый русскій крестьянинъ имѣетъ фанати-

¹⁾ Въ томъ числѣ—историческая статья *Луи Блана*, статья о панславизмѣ *Ф. Пульскаго*, письмо *І. Лелевеля* и его рѣчь на пятнадцатой годовщинѣ польской революціи.—*А. И. Г.*

²⁾ Пирожное.

³⁾ Member of Parliament,—членъ парламента.—*А. И. Г.*

⁴⁾ Старыхъ бояръ.

ческое желаніе завоевать Европу. Надо замѣтить, что одни и тѣ же вопросы предлагаются всякій разъ, и отвѣты постоянно приводятъ въ изумленіе честную публику.

Офиціантъ назвалъ одного литературнаго льва. Устрашенный голосомъ, который *подавалъ* М. Р., и увидя меня въ углу, левъ протрался къ дивану, помявъ немногу свою гриву.

— Вы не будете спрашивать о Россіи?—сказалъ я ему, подавая руку.

— А что?

— Пожалуйста, предупредите. Я сейчасъ кончилъ свое представленіе,—вѣдь, и Альбертъ Смитъ ¹⁾ не ходитъ два раза кряду на свой Монбланъ въ Пикадилли. Если вы намѣрены сдѣлать хоть одинъ вопросъ, скажите, я уѣду.

— Успокойтесь, я буду васъ спрашивать объ Англіи,—сказалъ онъ, смѣясь.—Въ самомъ дѣлѣ, я васъ не видалъ сто лѣтъ; ну, что, какъ вы обжились у насъ, какъ привыкли?

— Такъ себѣ; еслибъ можно было мѣсяць осенью провести безъ насморка и еслибъ не было трехъ осеней въ году.

— Какъ это старо—жаловаться на климатъ!

— Мнѣ не легче оттого, что у цезаревыхъ солдатъ за девятнадцать столѣтій тоже былъ насморкъ во время британской кампаніи.

— Ну, а помимо климата, какъ вы сжились съ нашими нравами?

— Не могу привыкнуть обѣдать безъ салфетки.

Но спрашивающаго англичанина ничѣмъ нельзя остановить, кромѣ отвѣта, и потому мой храбрый левъ снова напалъ на меня. Я началъ раскаиваться въ томъ, что помѣшалъ ему говорить о Россіи, и замѣтилъ ему, наконецъ, что «Англію въ Европѣ меньше знаютъ, нежели древній Египеть, несмотря на то, что изслѣдованія Байрона стоятъ Шампольоновскихъ» ²⁾).

— Это не заключеніе и относится къ Европѣ, а не къ Англіи.

— Какое же заключеніе? Я, право, не знаю; развѣ вотъ, что Англія...—ничего мнѣ не шло въ голову.

— Ну, что же?

— Англія—Голландія.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ, однако, слегка покраснѣлъ.

— А развѣ вы думаете, что кто-нибудь понимаетъ Голландію? Впрочемъ, тутъ обиднаго ничего нѣтъ. Я не знаю почтеннѣе па-

¹⁾ Англійскій журналистъ; въ 1851 г. посѣтилъ Альпы и далъ отличное описаніе Монблана.

²⁾ Жанъ-Франсуа Шампольонъ, основатель египтологіи.

мятника иныхъ вѣковъ и лучше сохранившагося: Голландія само-бытно довольствуется, какъ Стюарты, своимъ *fuitus* ¹⁾).

— Вы хотите сказать, что мы—такое же давно прошедшее?

— Помилуйте, я слишкомъ хорошо знаю грамматику; вы еще à l'imparfait, но нынче глаголы спрягаются ужасно скоро. Да что объ этомъ толковать, скажите мнѣ лучше, когда предложатъ alien bill ²⁾)?

— Его совсѣмъ не предлагать.

— Напрасно.

— Вы все шутите, my dear Cossack ³⁾.

— Совсѣмъ не шучу; если бы ваши министры были патриоты, они непременно предложили бы alien bill. Вы портите репутацію фирмы, вы подрываете свой кредитъ и дорого заплатите за ваше *дорогое* гостепрѣимство. На что же вы и островъ, если чужіе повадятся жить въ Лондонѣ? Лучше сдѣлать мостъ изъ Фолькстона во Францію ⁴⁾. Въ какомъ же торговомъ домѣ, особенно когда не везетъ, пускаютъ постороннихъ за прилавокъ или въ кассу?

— Мы такъ дорожимъ правомъ убѣжища, что готовы на всѣ неудобства его.

— Все это было хорошо во времена гугенотовъ да разныхъ національныхъ вопросовъ. Теперь другія времена. Прежнія эмиграціи вамъ принесли страшную пользу. Вашъ тяжелый работникъ не скоро бы дошелъ до тѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыя онѣ вамъ принесли. А теперь чему васъ научатъ иностранцы? Пускать не нужныхъ свидѣтелей за кулисы—бѣдовое дѣло въ наше время, если не хотите, чтобъ знали тайны дирекціи. Тронутый вашимъ гостепрѣимствомъ, я требую alien bill...

М. Р. пересталъ подавать голосъ, сдѣлалось движеніе, перемѣщеніе лицъ, и мой левъ, казалось, былъ доволенъ, когда къ намъ подошелъ одинъ французскій адвокатъ-орлеанистъ, седьмой годъ ожидающій съ часа на часъ важныхъ вѣстей изъ Франціи и ни въ одно утро не сомнѣвавшійся, что онѣ къ вечеру придутъ. Онъ сталъ намъ рассказывать, что теперь дѣло кончено, что ему писали изъ Лиможа и изъ Берри самыя положительныя свѣдѣнія. Успокоенный насчетъ судьбы адвоката и пожелавъ ему мѣста королевскаго прокурора, я уѣхалъ домой.

Открытіе Англій и ея внутренней жизни, безъ сомнѣнія,—

¹⁾ «Мы были».

²⁾ Законъ о чужестранцахъ.

³⁾ Мой любезный казакъ.

⁴⁾ Городъ и гавань на англійскомъ берегу, всего въ 29 англ. миляхъ отъ г. Булонь на французскомъ берегу.

одно изъ важнѣйшихъ событій послѣ открытiя Америки и путешествiй во внутренности Африки. Для этого были необходимы исключительныя условiя, мировыя событiя, вулканическiе взрывы, бросивше на островъ десять осколковъ разныхъ народностей, десять разныхъ эмиграцiй, противоположныхъ по духу, которыя были прибиты волненiями Европы къ мѣловымъ берегамъ Англiи, выброшены на нихъ и тамъ оставлены отливомъ.

Прежде, кромѣ англичанъ, никто не жилъ въ Англiи; иностраннаго круга въ Лондонѣ не существовало. Были однѣ спеціальности, поглощенныя своимъ дѣломъ. Чиновники посольствъ, негодiанты, артисты, нѣсколько бѣдняковъ, выбивавшихся изъ силъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба, нѣсколько шулеровъ, обиравшихъ глупыхъ туземцевъ, и перелетная стая туристовъ. Но туристы ѣздили по Англiи, а не жили въ ней. Въ Англiи страшная скука, въ Англiи климатъ скверный, гостиницы отвратительныя, дороговизна чрезвычайная. Какой же туристъ по доброй волѣ станетъ жить въ ней, имѣя возможность жить въ другомъ мѣстѣ?

Пробыть въ Лондонѣ полсезона съ рекомендательными и кредитивными письмами, съѣздить къ кому-нибудь на дачу и объѣздить этотъ городъ-провинцию—такъ же поверхностно, какъ прокатиться по тонкой плевѣ льда въ Гайдъ-Паркъ: глубокое и опасное именно подъ ней.

Для изученiя англичанъ надобно съ ними *пожить*, т. е. имѣть всякаго рода ежедневныя, будничныя сношенiя, денежныя дѣла, общiе интересы и личное знакомство.

До сихъ поръ Англiю знали въ Европѣ такъ, какъ она себя выдавала, или, такъ сказать, въ противоположность матерiku, прикладывая къ ней цѣликомъ свои понятiя. Такъ, напримѣръ, знали, что въ Англiи существуетъ свобода книгопечатанiя, которой въ Европѣ нѣтъ; но что значитъ для Англiи книгопечатанiе, этого не знали. Францiя, отдѣленная отъ Англiи своимъ одностороннимъ образованiемъ, своимъ просвѣщеннымъ невѣжествомъ, не знала ея изъ ненависти. Германiя, одаренная сильнымъ бугромъ набожности, *der Veneration*, ¹⁾ на знала ея изъ подобострастiя. Даже въ Россiи питали такое уваженiе къ Англiи, что слово «англiйскiй» значило превосходное, прочное, совѣстливо оконченное.

Одна страна въ мiрѣ знала Англiю насквозь (и это очень извѣстно англичанамъ), она знала ее по воспоминанiямъ дѣтства, по молоку, которое сосала, по одной крови въ жилахъ; это—Сѣверо-Американскiе Штаты. Дочь и мать, разлученныя океаномъ,

¹⁾ Почитанiя.

не спускаютъ другъ съ друга глазъ: это тотъ *одинъ* взглядъ ненависти, которымъ смотрѣли другъ на друга старый корсаръ и его дочь у Байрона.

Англія—страна иной формаціи, мѣстами скрытой наноснымъ слоемъ современнаго образованія. Лишь только вошли вы въ Англію,—равновѣсіе нарушено; человѣкъ нашего вѣка находится не въ своей средѣ. Европейское общество въ Парижѣ и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ и во Флоренціи одно и тоже при всѣхъ своихъ различіяхъ; но англійское общество совсѣмъ *иное*, въ немъ человѣкъ отстываетъ на три вѣка. Европа много пережила бѣдствіями, войнами, переворотами, столкновеніемъ народностей, борьбою теорій; стѣсненная мысль ея работала внутри и пережигала ея грудь; британскія идеи, оставшіяся безплодными дома, потрясали въ ней поколѣнія; аристократическій эпикуреизмъ британскаго ума дѣлался Вольтеромъ и энциклопедистами, Юмъ—Кантомъ. Внутреннее развитіе Англіи шло послѣ Вильгельма Оранскаго бѣдной арифметической прогрессіей, въ то время, какъ въ Европѣ оно несло быстрой геометрической. Англія усваивала себѣ одну техническую, прикладную, спеціальную часть общаго образованія. Это — древній готическій соборъ, освѣщенный газомъ, къ которому ведутъ желѣзныя дороги, это—XVII столѣтіе, переѣхавшее на фабрику. Англія, сложившись прежде другихъ странъ изъ своихъ собственныхъ элементовъ и какъ случилось, т. е. оставляя половину на произволъ судьбы, удовлетворилась черезъ край своими учрежденіями. Не поворотливый умъ ея, довольный пріобрѣтеннымъ, продолжалъ одно и то же, повторяя поколѣніями условную и неловкую жизнь, храня обряды, боясь переменъ. Такимъ образомъ Англія осталась страной не перегорѣлой, не переплавившейся, страной «флецовою» ¹⁾ въ сравненіи съ третьезданной Европой.

Главный историческій характеръ Англіи—настойчивость, это тихое неотвратимое непрерывное осѣданіе, утягиванье всего на дно, храненіе захваченнаго, приращеніе бессмысленнымъ повтореніемъ, вѣчнымъ *semper idem* ²⁾). Такъ образуются подводные рифы: это—жизнь дна морского, совершенно противоположная вулканической натурѣ романскихъ народовъ, мучимыхъ внутреннимъ огнемъ, взрывами, живущихъ катаклизмами и пожарами. Романскіе народы, раздираемые своими потрясеніями, стынуть на время съ лавой на губахъ, съ судорожнымъ выраженіемъ, оставляя тамъ кратеръ, тамъ разорванную скалу, въ память прошедшей бури. Въ Англіи все тихо,

¹⁾ Слоистой.

²⁾ Вѣчно одно и то же.

какъ въ океанѣ, и все растеть и мрзнется въ страшныхъ количествахъ, т. е. *все*, что можетъ жить безъ воздуха.

Для осадка нуженъ покой, нуженъ порядокъ, и въ густой атмосферѣ острова все давно приняло мѣсто по удѣльному вѣсу и, если качается изъ стороны въ сторону, то все же не теряетъ баланса и своего слоя. Каждый атомъ въ немъ ищетъ самъ улечься или повиснуть на вѣки вѣковъ въ *своемъ* мѣстѣ.

Сэръ Джобшюа Вомслей, извѣстный членъ парламента, рассказывалъ годъ тому назадъ слѣдующій анекдотъ, бывший въ его домѣ. Одинъ изъ «лидеровъ» радикальной партіи, онъ завелъ въ Лондонѣ большой домъ; человекъ добрый, онъ сдѣлалъ, что могъ, для удобства своихъ людей; но вскорѣ увидѣлъ, что они недовольны имъ. Однимъ утромъ камердинеръ объявилъ ему, что онъ отходитъ.—Что случилось?—Я вами очень доволенъ, но я не могу остаться, — въ нашей дворнѣ нѣтъ никакого порядка. Я не привыкъ къ такой жизни.—Какой же беспорядокъ?—Это не мое дѣло докладывать, извольте спросить ключницу (гаускиперъ).—Съ Богомъ.—Затѣмъ сэръ Джобшюа вышелъ въ залу; тамъ его ждали грумъ и футманъ (лакей) съ той же просьбой. Удивленный сэръ Джобшюа послалъ за гаускипершей?—Что у насъ въ домѣ дѣлается? всѣ отходятъ. Чѣмъ они недовольны?—У васъ, сказала чувствительно старушка, никто не будетъ жить; я сама отошла бы, если бы не такъ была привязана къ вашему дому. У насъ внизу такой содомъ, что еще не видывала; все перепутано, никто никого не уважаетъ.—Ничего не понимаю! и какъ же это сами дѣлаютъ беспорядокъ, и сами оставляютъ домъ себѣ въ наказаніе?

Гаускиперша сжалилась надъ нимъ и сказала ему: «пожалуйте въ людскую». Онъ пошелъ. Тамъ она трагически ему указала круглый столъ; купленный имъ для людского обѣда, и спросила, гдѣ первое мѣсто и гдѣ послѣднее? «Я сама не знаю, гдѣ мое мѣсто; футманъ, кучеръ, грумъ садятся иногда возлѣ меня,—я только для васъ выносила до сихъ поръ».—Ну, а если я вмѣсто круглаго велю поставить *четвероугольный* столъ?—Тогда всѣ останутся.—Футманъ! сію минуту ступайте къ мебельщику, чтобъ онъ прислалъ *четвероугольный* столъ». Съ тѣхъ поръ, какъ его принесли, до меня не доходило ни одной жалобы.

Въ этой исторіи, прибавилъ сэръ Джобшюа, смѣясь, самое оригинальное лицо, это—мой грумъ, отходящій за то, что слишкомъ почетно сидѣлъ за обѣдомъ. Онъ обижался мыслью, что, когда онъ будетъ камердинеромъ, какой-нибудь грумъ сядетъ выше его.

Лакей, которому вы утромъ скажете «здравствуйте», будетъ васъ презирать. Лакей, съ которымъ вы будете говорить о чемъ-

нибудь, кромѣ его дѣла, потеряетъ къ вамъ всякое уваженіе, сдѣлается дерзокъ. То же отношеніе между англійскимъ работникомъ и хозяиномъ, между earl ¹⁾ или негоціантомъ Сити, между пэромъ и представителемъ нижней палаты.

Никакой талантъ, никакая заслуга, никакой трудъ не отпираетъ человѣку безъ состоянія двери богатыхъ купеческихъ домовъ. Никакое богатство, никакое значеніе въ City не введетъ въ аристократическій кругъ. Два-три исключенія, которыя обыкновенно приводятъ, по этому самому ничего не доказываютъ. Чтобъ ввести Вальтеръ Скотта въ высшее общество, надобно было его сдѣлать баронетомъ. Еслибъ Шекспиръ жилъ не при королевѣ Бессъ, а при королевѣ Викторіи, онъ равно не былъ бы принятъ ни герцогомъ Ньюкэстль, ни мѣнялой Мастерманомъ. Для иностранцевъ, умѣющихъ *se faire valoir* ²⁾, дѣлается исключеніе. Англичане теряются въ ихъ *de, von, Herr Baron, Mr. le marquis, Mr. le vicomte, Herr Freiherr* и, считая ихъ выше обыкновенныхъ *squire* ³⁾, пускаютъ въ свои гостиныя безъ всякой геральдической критики. Зато надобно видѣть, какъ принимаютъ они артистовъ, пѣвицъ; есть дома, въ которыхъ ставится балюстрада, отдѣляющая работниковъ голоса и мастеровыхъ гармоніи отъ гостей: они входятъ особой дверью, поютъ, играютъ, получаютъ свои 20 гиней отъ дворецкаго и ѣдутъ домой. Оттого-то первоклассныя пѣвицы такъ неохотно принимаютъ приглашенія пѣть въ частныхъ домахъ, а Тамберликъ просто отказывается. Въ англійскихъ домахъ есть паріи, стоящіе на еще болѣе смиренной ступени, нежели артисты; это—учителя и гувернантки. Все, что вы слышали въ дѣтствѣ о прежнемъ уничижительномъ положеніи *des outchitels*, мамзелей и мадамъ въ степныхъ провинціяхъ нашихъ, все это совершается теперь со всей не отесанной англо-саксонской грубостью, совершалось вчера и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться эта Англія.

То, что я говорю,—и не преувеличеніе, и не новость; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взять два-три новыхъ романа Диккенса или Теккеря, стоитъ взять «*Vanity fair*» ⁴⁾, и увидите, какъ Англія отражается въ англійскомъ умѣ.

При этомъ надобно сказать нѣсколько словъ въ похвалу англійской литературѣ; она несравненно мужественнѣе, нежели французская, въ обличеніи печальнаго состоянія внутренней жизни острова.

¹⁾ Графъ.

²⁾ Создать себѣ цѣну.

³⁾ Сквайръ—вообще дворянинъ, кавалеръ.

⁴⁾ «Ярмарка тщеславія», извѣстный романъ Теккеря.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда англичанинъ, какъ Байронъ, отрывается отъ свой пошлой жизни, отъ лицемѣрія и даетъ волю ироніи и скептицизму, онъ бываетъ безпощаденъ и не прибавляетъ, на французскій манеръ для нравственнаго равновѣсія, по ангелу на каждого злодѣя. Вообще, иронія и скептицизмъ чужды нѣмцамъ и французамъ,—у нихъ въ жизни нѣтъ столько разорванности, грусти, тумана, у нихъ нѣтъ столько досуга сосредоточиваться въ себѣ самихъ: французу мѣшаетъ жизнь, *нѣмцу*—безличная мысль. Въ этомъ отношеніи русская литература всѣхъ ближе по духу къ англійской, и вотъ отчего Байронъ имѣлъ такое вліяніе у насъ на цѣлое поколѣніе и больше того—на Пушкина и Лермонтова.

Когда французъ обличаетъ темныя стороны Франціи, вы сейчасъ видите, что это—семейная размолвка, преувеличеніе страсти, что онъ ничего лучше не проситъ, какъ примириться, *il boude* ¹⁾—и то въ извѣстныхъ границахъ.

Англичанинъ долго крѣпится, долго гордъ Англіей, царицей океановъ, первымъ народомъ солнечной системы, но когда онъ отчаливается, наконецъ, отъ этой мели свою ладью, онъ покидаетъ ее безвозвратно, серьезно, въ самомъ дѣлѣ и спокойно, печально, сознавая силу своихъ словъ, говоритъ своему народу страшное:

«You are an immoral people—and you know it» («Don Juan» ²⁾).

На этомъ горькомъ, выстраданномъ стихѣ Байрона мы и остановимся, готовые продолжать наши сказанія о внутренностяхъ Англии, если читатели того пожелаютъ.

852. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 мая (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Сойди духъ святой и освяти воду сію!

Сойди духъ святой и освяти воду сію!

—и освяти воду сію!

Вы представьте, что я это пою и съ мимикой представляю. Такъ вотъ какъ дѣтей, матушка, нарещивать,—все наполеондоръ ³⁾. Да въ какую же вы его ⁴⁾ - - - - : въ православную или въ чухонскую?

¹⁾ Онъ будируетъ, «дуется».

²⁾ «Вы—безнравственный народъ, и вы это знаете». («Донъ-Жуанъ»).

³⁾ Золотой при Наполеонѣ III, въ 20 фр.

⁴⁾ Рейхели крестили сына Карла-Александра.

Печать дара духа святаго!

Печать дара духа святаго!

Отрекаешься ли?

Отрекаюсь!

Отрекся ли?

Отрекохся!

Жаль, что Саша ¹⁾ малъ, а то онъ выучился бы спрягать подь

А чего же вы меня считаете такимъ формалистомъ, что я за это стану браниться? Самъ я, вѣдь, человекъ - - - - , что мнѣ не мѣшаетъ повѣрить даже въ обыкновенную Wasserkur ²⁾.

Вчера по почтѣ послалъ «Полярн. Звѣзду».

А видѣли ли вы фельетонъ въ «Прессѣ» Нефтцера ³⁾ обо мнѣ (vendredi, 23 mai)? Вотъ теперь бы Делава всѣ три части и лушилъ бы; я ему черкну слово объ этомъ.

Итакъ, Мар. Оед. и Ел. Богд. ⁴⁾ съ запасомъ пикулей ⁵⁾ ѣдутъ въ Ниццу; эдакъ и увидимся, пожалуй, въ Швейцаріи. А если мы васъ не застанемъ въ Парижѣ, то на обратномъ пути въ Швейцарію всенепремѣнно.

Здоровье Огар. улучшилось до того уже, что Девиль считаетъ его внѣ неминусовой опасности; онъ еще не выпилъ капли вина съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь. Припадковъ тоже нѣтъ.

Что скажете? Каковы мы? А книги-то? — О, mixt Pickles! ⁶⁾

Пушкинъ вамъ отправленъ 13 числа,—я справлялся; бранитесь съ Клингсикомъ.

Très cher Reichel, encore une fois je dois vous prier d'aller un de ces jours voir M. Schaumburg—(je ne lui écris pas directement pour ne pas l'obliger à m'écrire une lettre)—demandez le seulement si c'est vrai ce qu'on m'a dit ici que l'Emprunt d'Ohio (canal)—n'est pas sûr. J'ai encore du papier de la Virginie—que pense-t-il de cela?—M. Sch. est pour moi une autorité.

J'ai entendu hier la célèbre Piccolomini—dans un mauvais opéra de Verdi «La Traviata», ce n'est pas une grandeur, mais un talent plein du feu et de grâce.

¹⁾ Александръ, сынъ Рейхель.

²⁾ Водолѣченіе.

³⁾ Августъ, франц. журналистъ.

⁴⁾ Коршъ и Грановская.

⁵⁾ П. Л. Пикулинъ.

⁶⁾ Т. е. Пикулинъ.

C'est très bien que Monsieur votre fils sich zum Christenthum bekehrt.

Adieu ¹⁾.

853. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

(30 мая 1856).

J'ai longuement parlé avec Og. Nous ne sommes arrivés à aucun résultat. Il a proposé le départ de sa femme pour une année—j'ai refusé en votre nom. Je perds complètement l'espérance de faire ce que me semblait faisable. J'ai cru que c'était nécessaire de vous le dire avant que vous parliez à M-me Og.

Faites comme votre coeur vous dicte, je crois à votre confiance en moi; vous savez maintenant que mes affections sont indépendantes des distances et du temps.—Vous le voyez. J'ai voulu conserver le tout—autant que cela était possible, mais je vois qu'il n'y aura pas d'unité, pas de cette liberté absolue sans laquelle la vie ensemble sera pénible pour eux, pénible pour vous.

Je jure que vous avez en moi un frère, que vous trouverez partout et à chaque instant lorsque vous le voudrez.

Mon amitié même, indépendante de ma reconnaissance, est sincère. Si vous pouviez trouver un autre moyen que la simple séparation, dites le, je suis prêt à tout, mais pensez aussi que maintenant la séparation avec les enfants se fera en pleine amitié et sérénité—dans une nouvelle épreuve cela peut amener des éléments d'amertume que je ne veux pas pour la clarté d'un rapport d'amitié toute humaine.

Ni Og., ni elle n'ont rien, absolument rien contre vous; elle a été bien abattue par cette collision dans laquelle une force de circonstances la pousse.

Je me confie aussi absolument à votre amitié—pour ne pas toucher d'un seul mot froid tout cela.

Je vous serre la main de tout mon coeur.

A. Herzen.

¹⁾ Дражайшій Рейхель, еще разъ я долженъ васъ просить отправиться на-дняхъ къ г. Шомбургу (я ему прямо не пишу, чтобы не обязывать его писать мнѣ письмо); спросите его только, правду ли мнѣ передавали, что заемъ Огайо (каналъ) непрочень. Есть еще у меня виргинскія бумаги,—что думаетъ онъ о нихъ. Г. Ш.—для меня авторитетъ.

Я слышалъ вчера знаменитую Пикколомини въ плохой оперѣ Верди «Травиата»; это—звѣзда не первой величины, но талантъ, полный огня и граціи.

Это очень хорошо, что вашъ сынъ обращается въ христіанство.

Прощайте.

Переводъ.

Я долго говорилъ съ Ог. Мы не пришли ни къ какому результату. Онъ предложилъ, чтобы его жена уѣхала на годъ, я отъ вашего имени отказался. Совершенно теряю надежду сдѣлать то, что казалось возможнымъ. Я считалъ, что необходимо васъ о томъ извѣстить раньше, чѣмъ вы будете говорить съ г-жею Ог.

Поступите такъ, какъ вамъ продиктуетъ ваше сердце; я вѣрю въ ваше довѣріе ко мнѣ; вы теперь знаете, что мои привязанности не зависятъ ни отъ разстояній, ни отъ времени. Вы это видите. Я старался сохранить все, насколько это было возможно, но вижу, что не будетъ единства, не будетъ той безусловной свободы, безъ которой жизнь вмѣстѣ будетъ тяжела и для нихъ, и для васъ.

Клянусь, что вы имѣете во мнѣ брата, котораго вездѣ и всегда сразу найдете, если захотите.

Моя дружба, независимо даже отъ моей признательности, искренна. Если бы вы могли придумать другое средство, а не простую разлуку, сообщите, я готовъ на все. Но подумайте также, что сейчасъ разставаніе съ дѣтьми произойдетъ при обстановкѣ полной дружбы и совершенной ясности, тогда какъ при новомъ испытаніи разлука способна вызвать элементъ горечи, котораго я не желаю допустить, чтобы не уничтожить ясности дружескихъ, чисто человѣчныхъ отношеній.

Ни Ог., ни она ровно ничего не имѣютъ противъ васъ; она была очень удручена этимъ столкновеніемъ, къ которому привела сила обстоятельствъ.

Я также безусловно довѣряю себя вашей дружбѣ, чтобы ни единымъ холоднымъ словомъ не затронуть всего этого.

Отъ всей души жму вашу руку.

А. Герценъ.¹

◆◆ 1. Отношенія Огаревой и Мейзенбургъ сразу были далеки отъ дружелюбныхъ.

«Со дня ея пріѣзда я, рассказываетъ Мейзенбургъ,—уже почувствовала, что въ мою жизнь вошелъ чловѣкъ, который не окажетъ благотворнаго вліянія, и, несмотря на всѣ мои усилія къ достиженію дружескаго соглашенія, у меня оставался какой-то непріятный осадокъ, страхъ за будущее, сознание, что никогда не установится между нами гармонія. Я никакъ не могла выяснить себѣ эту странную личность. Мнѣ было всегда не по себѣ въ ея присутствіи, меня стѣсняла ея какая-то странная дикость. Мнѣ казалось, что мое присутствіе въ домѣ непріятно удивило ее; она, вѣроятно, ожидала, что встрѣтитъ какую-нибудь обыкновенную

гувернантку и сама займетъ около дѣтей то мѣсто, которое предназначалось ей ихъ матерью. Въмѣсто этого она нашла друга семьи, женщину, желавшую замѣнить и хозяйку и мать. Кромѣ того, нѣмецкія привычки были ей ненавистны и многія распоряженія мои, сдѣланныя въ интересахъ дѣтей, противорѣчили ея русскимъ привычкамъ. Я приведу здѣсь только слѣдующій примѣръ. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ добиться отъ Герцена, чтобы послѣ каждой своей прогулки онъ не приносилъ дѣтямъ бесполезныхъ игрушекъ; я доказала ему, что это лишь ослабляетъ удовольствіе, получаемое отъ полезныхъ подарковъ, и возбуждаетъ склонность къ разрушенію и безъ того присущую дѣтямъ. Между тѣмъ, русская дама любила осыпать дѣтей подарками. Она сказала мнѣ какъ-то, что не можетъ проходить мимо прекрасныхъ лондонскихъ магазиновъ, не испытывая желанія купить все въ нихъ находящееся и принести дѣтямъ. Это—чисто-русская черта. Я пыталась убѣдить М-те Огареву во вредѣ этихъ безпрестанныхъ подарковъ, но напрасно. Она продолжала дарить и перестала только послѣ того, какъ Герценъ, которому я указала на это, такъ сказать, возвращеніе недуга, наложилъ свое *veto*.

«Подобныя разногласія обнаруживались во всемъ и по вопросамъ еще болѣе важнымъ. Герценъ желалъ, и это было вполнѣ естественно, чтобы М-те Огарева много занималась дѣтьми, говорила имъ о ихъ покойной матери, учила бы ихъ русскому языку и какъ можно болѣе знакомила ихъ съ ихъ родиной. Если бы все это дѣлалось просто и естественно, какъ добавленіе къ нашей установившейся жизни, все можно было бы примирить и согласовать. Но, какъ я уже сказала, было что-то тягостное въ нашихъ отношеніяхъ; я попробовала разубѣждать себя въ этомъ, но съ каждымъ днемъ тягость увеличивалась, наполняя меня тревогой. Потомъ, послѣ трудового и часто не легкаго дня, хотя я и занималась съ дѣтьми съ любовью, мнѣ стало недоставать бесѣды съ Герценомъ, нашего совмѣстнаго чтенія, что было для меня такимъ хорошимъ отдыхомъ. Русскій языкъ, русскіе интересы не были мнѣ настолько близки, чтобы вполнѣ удовлетворять меня, хотя первый не остался мнѣ чуждымъ, а ко вторымъ я привыкла относиться съ участіемъ. Къ сожалѣнію, я должна была констатировать, что, вѣрный своей природѣ, Герценъ снова предоставилъ всему итти по теченію въ надеждѣ, что все уладится, и опасаясь оскорбить ту или другую сторону своимъ вмѣшательствомъ.

«Когда я замѣтила, что возникаетъ настоящій разладъ, я осторожно предупредила Герцена. Мнѣ казалось, что я могу потребовать отъ него, чтобы онъ заступился за меня и помогъ отстоять

домашній миръ, которому, по моему мнѣнію, грозила опасность. Дѣло вовсе не шло ни объ умаленіи правъ его друзей, ни о лишеніи его самого благотворныхъ воспоминаній о прошломъ. Нужно было только отстоять и удержать то *statu quo*, которое было имъ одобрено и ради дѣтей и ради его самого; нужно было урегулировать вмѣшательство его друзей такъ, чтобы эти новыя отношенія не являлись прихотливымъ, разъединяющимъ и вносящимъ смуту элементомъ.

«Я знала со стороны, какъ сильно желала г. Огарева занять предназначенное ей раньше мѣсто. Я видѣла, что Герценъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе желалъ преобладанія русскаго элемента въ воспитаніи дѣтей и становился равнодушнымъ ко всѣмъ связямъ, которыя поддерживалъ до тѣхъ поръ съ душевной симпатіей. Я жестоко страдала отъ такого положенія вещей, такъ какъ ясно видѣла, что это приведетъ къ расхожденію. Я понимала, что мнѣ придется отдать дѣтей во власть этого русскаго элемента, хотя бы для того, чтобы сохранить единство въ ихъ воспитаніи; я не могла слѣдовать за ними на этой почвѣ и не чувствовала въ себѣ достаточныхъ силъ для борьбы съ этими, отнынѣ всемогущими, вліяніями. Сверхъ того, я находила эту двойственность вредной для дѣтей. Къ чести Герцена должна сказать, что первый мой намекъ на разрывъ онъ принялъ съ негодованіемъ. Въ видахъ улаженія затрудненій онъ предлагалъ объясниться то съ Огаревымъ, то съ его женой. Я отказалась отъ этого, потому что такія объясненія ни къ чему не могли привести. Не было никакой возможности сгладить различія въ натурахъ, во мнѣніяхъ и привычкахъ. Нужно было, чтобы Герценъ объявилъ, что желаетъ удержать существующій строй воспитанія и домашняго устройства и не желаетъ вторженія и господства новаго элемента.

«Весьма возможно, что если бы я менѣе страстно относилась къ добровольно принятымъ мною на себя обязанностямъ, если бы я видѣла въ нихъ ремесло, а не душевное дѣло, которому отдавала всѣ свои силы и способности, возможно, говорю, что я отнеслась бы къ дѣлу спокойнѣе и справилась бы съ нимъ. Но въ дружбѣ со мною случилось то же, что и въ любви: я предавалась всей душой и, къ великой горести своей, увидѣла, что взаимности нѣтъ, что другія, болѣе могучія узы будутъ оказывать свое вліяніе и управлять домомъ, въ которомъ я уже привыкла видѣть свой родной домъ. Къ тому же при независимости моего характера я и не могла бы подчиниться измѣненіямъ въ моемъ положеніи. Если я требовала, чтобы мнѣ предоставляли, попрежнему, исполнять мои обязанности безконтрольно, то только потому, что отдавалась своему дѣлу

всей душой и съ глубокимъ убѣжденіемъ, что исполняю его какъ слѣдуетъ. Однако, я, быть можетъ, согласилась бы на нѣкоторыя уступки, если бы имѣла дѣло съ менѣе замкнутыми, болѣе доступными людьми. Вопросъ рѣшило соображеніе, не имѣвшее личнаго характера. Я видѣла, что семью изгнанниковъ окружилъ родной элементъ и что онъ становился господствующимъ,—это было всегда самымъ горячимъ желаніемъ Герцена. Мнѣ же казалось, что единство—существенный элементъ воспитанія, и поэтому слѣдовало, прежде всего, передать дѣтей въ русскія руки. Но, все-таки, сердце мое обливалось кровью при мысли о разлукѣ, и я сдѣлала послѣднее усиліе, чтобы переговорить съ Герценомъ. Съ обычной своею добротою онъ увѣрилъ меня, что сдѣлаетъ все возможное для улаженія, и требовалъ только довѣрія съ моей стороны. Я снова стала надѣяться и сдѣлала новую попытку къ сближенію; я старалась объяснить, что именно нахожу полезнымъ и пригоднымъ для дѣтей. Это, однако, нисколько не разъясило недоразумѣнія, и я замѣтила, что Герценъ и самъ сталъ видѣть затрудненія тамъ, гдѣ не находилъ ихъ прежде. Наконецъ, однажды утромъ, когда онъ уѣхалъ изъ дома очень рано, чтобы вернуться только поздно вечеромъ, мнѣ подали письмо, которое онъ оставилъ для меня. Въ этомъ письмѣ впервые выражалъ онъ убѣжденіе, что разлука необходима, между тѣмъ какъ прежде не допускалъ этого. Но онъ предлагалъ устроить торжественные проводы; я тотчасъ же поняла, что намъ необходимо разстаться. Онъ сдѣлалъ выборъ между своими друзьями и мною, и теперь мнѣ оставалось только уѣхать. Но дѣлать праздникъ изъ того, что было для меня огорченіемъ, уѣхать спокойно, когда сердце мое обливалось кровью,—это показалось мнѣ невозможнымъ. Я чувствовала, что должна дѣйствовать, не медля ни минуты, такъ сказать, сгоряча, иначе я не нашла бы въ себѣ силъ уѣхать. Поэтому я рѣшила принести эту жертву въ тотъ же день, такъ какъ отсутствіе Герцена благопріятствовало такому плану. Я быстро собралась, уложила свои вещи, написала коротенькую записку Герцену, другую — Огаревой, въ которой поручала ей дѣтей, прося закончить дѣло, начатое мною. Потомъ я въ послѣдній разъ сѣла съ дѣтьми за столъ. Я была въ томъ настроеніи, когда становятся возможными величайшія жертвы. Эти четыре дѣтскихъ глаза были единственными свидѣтелями борьбы, которой стоила мнѣ моя жертва. Я говорила имъ ласковыя слова, брала ихъ ручки въ свои руки, прося не забыть этого часа, значеніе котораго онѣ не могли еще оцѣнить. Затѣмъ я приказала нянѣ одѣть ихъ, отвести къ Огаревой и передать ей мою записку. Я прижала ихъ къ своему сердцу и отпустила удивленными и не-

доумѣвающими, потомъ взяла необходимыя вещи и вышла. На порогѣ старый слуга, итальянецъ, преданный мнѣ человекъ, оставилъ меня и сказалъ умоляющимъ голосомъ: «Не уѣзжайте, это принесетъ несчастье дому!»—Я молча пожала ему руку и отправилась къ Фридриху Альтгаузу, не имѣя другого убѣжища. Они были поражены, узнавъ о случившемся, но согласились, что мой отъѣздъ былъ необходимъ, коль скоро самъ Герценъ признавалъ такое рѣшеніе. Несказанная печаль и отчаяніе овладѣли мною; мнѣ казалось, что какая-то пропасть окружаетъ меня.

«Въ тотъ же вечеръ Огаревъ и молодой Александръ принесли мнѣ письмо отъ Герцена и выразили сожалѣніе по поводу моего послѣдшаго отъѣзда. Александръ говорилъ такъ сердечно и съ такимъ искреннимъ волненіемъ, что это сильно тронуло меня и показало мнѣ, что я нашла въ немъ сыновнюю привязанность. Послѣ ихъ ухода я прочитала письмо Герцена (см. № 854).

«Я прочитала эти строки съ глубокимъ волненіемъ, но и съ очень горькимъ чувствомъ. Почему же эта дружба не сумѣла дѣйствовать болѣе активно и болѣе своевременно, чтобы спасти то, что теперь было потеряно безъ возврата? Почему даже лучшіе и наиболѣе выдающіеся люди являются игрушками въ рукахъ случая, который перерѣзываетъ самый вѣрный путь и заставляетъ ихъ уклоняться отъ первоначальнаго направленія?» (II, 96—105).

Со словъ Н. А. Огаревой, Пассекъ записала о первой встрѣчѣ ея съ Мейзенбугъ: «Антипатичная наружность Мальвиды не понравилась Нат. Алексѣевнѣ, несмотря на ея предупредительность; ея безцвѣтные глаза, большой ротъ предвѣщали что-то зловѣщее. Она говорила больше по-французски, не щадя языка, враждебнаго ея странѣ» («Воспоминанія», III, 123).

Объ уходѣ Мейзенбугъ изъ дома Герцена Огарева рассказываетъ: «Огаревъ и Герценъ пошли однажды вмѣстѣ въ городъ; я была одна на своей квартирѣ. Вдругъ является m-iss Myls, старая горничная, съ дѣтьми Герцена. Старшая изъ нихъ, Наташа, съ веселымъ лицомъ бросилась ко мнѣ на шею и говоритъ: «Она уѣхала и всѣ вещи взяла». M-iss Myls подтвердила ея слова. Я ничего не понимала и пошла съ ними къ нимъ домой; намъ встрѣтился ихъ братъ Александръ. Онъ шелъ взволнованный, поднялъ маленькую Ольгу и поцѣловалъ ее; глаза его были полны слезъ. «Зачѣмъ это? Зачѣмъ это?»—говорилъ онъ. Герценъ былъ очень разсерженъ этой чисто нѣмецкой выходкой. «Можно было объясниться, обдумать»,—говорилъ онъ. Итти къ ней и просить ее возвратиться онъ ни за что не хотѣлъ. Она стала жить на квартирѣ, а мы переѣхали къ Герцену въ домъ» («Воспоминанія», 99—100).

Я остановился на этомъ, казалось бы, не очень важномъ эпизодѣ потому, что въ послѣдующей жизни онъ сыгралъ очень крупную роль въ жизни Герцена и Огаревыхъ. Кто изъ двухъ женщинъ былъ правъ, судить не берусь, предоставляя рѣшеніе самому читателю, да и то не сейчасъ, а когда онъ больше ознакомится съ дѣйствующими лицами и условіями ихъ жизни.

854. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

30 mai 1856.

Chère Malvida, c'est avec des larmes aux yeux que j'ai lu votre lettre; non, ce n'est pas comme cela qu'il fallait nous séparer. Non et non. Mais si cela vous a facilité un pas dur — ainsi soit-il. Mais pas de rupture. Ogareff va vous porter avec Alex. plus que ma lettre, ma profonde admiration, mon amitié sans bornes.

— Oui, d'un côté vous avez raison: le silence, les quatre yeux d'enfants, pour lesquels vous avez passé le seuil de cette maison malheureuse — c'était beau de prendre ainsi le congé, — et j'accepte votre bénédiction pour mes enfants — mais votre amitié pour moi.

A vous, frère et ami

A. Herzen.

Les enfants et moi nous voulons vous voir le plus souvent — c'est sérieux, c'est ma volonté invariable.

Переводъ.

30 мая 1856.

Дорогая Мальвида, со слезами на глазахъ я прочелъ ваше письмо. Нѣтъ, не такъ намъ нужно было разстаться. Нѣтъ и нѣтъ! Но если это облегчило вамъ трудный шагъ — аминь. Но не разрывъ. Огаревъ вмѣстѣ съ Александромъ сейчасъ вамъ принесутъ больше, чѣмъ мое письмо, — мое глубокое почитаніе, мою безграничную дружбу.

Да, съ одной стороны вы правы: молчаніе, четыре глаза дѣтей, для которыхъ вы переступили порогъ этого несчастнаго дома... Вы поступили красиво, разставшись такимъ образомъ, и я принимаю ваше благословеніе для моихъ дѣтей, но вашу дружбу — мнѣ!

Вамъ преданный братъ и другъ

A. Герцена.

Дѣти и я, мы желаемъ видѣть васъ возможно чаще, — это серьезно, это — моя неизмѣнная воля.

855. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

31 mai (1856).

J'ai voulu venir aujourd'hui chez vous, chère amie, mais j'ai mal à la tête — et alors je suis tout à fait incapable de lier deux mots. Voilà les enfants. — J'ai relu vos lettres — et je ne comprends pas du tout pourquoi vous avez préféré cette voie—mais ne parlons pas de cela,— je demande votre amitié.

Il y a ¹⁾ et fatalité et mon sort à moi. — Je viendrai vous voir demain si vous êtes encore chez Althaus.

Adieu, je vous serre la main.

A. Herzen.

Переводъ.

31 мая (1856).

Я хотѣлъ прійти къ вамъ сегодня, дорогой другъ, но у меня болитъ голова, и я положительно неспособенъ связать двухъ словъ. Теперь о дѣтяхъ.—Я перечиталъ ваши письма и совершенно не понимаю, почему вы предпочли этотъ путь... Но не будемъ говорить объ этомъ,—я прошу вашей дружбы.

Ужъ такой мнѣ злой рокъ, ужъ такая судьба!

Завтра я приду васъ навѣстить, если вы еще у Альтгауза.

Прощайте, жму вашу руку

A. Герценъ.

856. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 мая (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Сегодня я долженъ удивить новостью, которая до того граничитъ съ безуміемъ, что я самъ еще не надивлюсь ей. Ну, люди— и лучшіе еще! Съ приѣздомъ Огар. M-Me Meys. начала сердиться на нихъ и на меня. Зачѣмъ Нат. Ал. ломаетъ такъ дѣтей, зачѣмъ мы иногда говоримъ по-русски, зачѣмъ Тата ее любитъ больше? и пр. Это дошло до объясненій очень благородныхъ, но, все-таки, горькихъ. Изъ-за всего этого проглянуло нѣчто совсѣмъ другое,—самолюбіе и, кажется, невѣроятная мысль на безконечное продолженіе

¹⁾ Что-то пропущено.

теперешней жизни. Ревность за дѣтей приняла тотчасъ характеръ постоянной ссоры Таты съ Ольгой.

Я перевелъ письмо моей жены къ Нат. Ал. (которой я безпредѣльно доволенъ; она необыкновенно и сильно развилась съ 1848, опять таки, вопреки московскимъ канканамъ ¹⁾), въ которомъ она поручала ей дѣтей; говорилъ о моей связи съ Огар., объ этомъ, дѣйствительно, поэтическомъ возвращеніи друга дѣтства. Она все поняла, все оцѣнила, но отъ этого ничего не перемѣнилось.

Мы хотѣли жить въ одномъ домѣ,—ну, возможно ли же жить при такой войнѣ? Огар. хотѣлъ поселиться въ Швейцаріи врозь. Вчера я тепло и братски писалъ къ М. Мейз. объ этомъ, дружески вызывалъ на обсуживаніе дѣла и, такъ какъ она говорила, что дѣлать вліяніе не хочетъ, представлялъ благородную сепарацию ²⁾, если ничего не удастся. Потомъ я пошелъ съ Саффи гулять. Прихожу домой; меня встрѣчаютъ всѣ переконфуженные: безъ меня, не сказавъ слова, М. Мейз. переѣхала... Я видѣлъ самъ, что послѣ бывшаго нельзя было оставить, но зачѣмъ же этотъ *coup d'état*? Меня это огорчило сильно. Опять пойдутъ крики (разумѣется, не отъ нея) о моей неблагодарности.

Такимъ образомъ, теперь уже Нат. Ал. хочетъ приняться за дѣтей. Съ ней является традиція, завѣщаніе, родной языкъ и энергическій характеръ. Огар. лучше и лучше. Я до того былъ разстроенъ всѣмъ этимъ, что просто въ лихорадкѣ. Ахъ эти нѣмцы, нѣмцы да еще женскаго пола, да еще одержимыя застарѣлой дѣвической невинностью...

Скучно, ужасно скучно. Марья Каспар., какъ бы это сдѣлать, чтобы васъ помирить и сблизить съ Огар.? Вѣдь, вы намъ братья родной?!
Деньги вамъ уже посланы ³⁾; вотъ, развѣ, въ отвѣтъ на полученіе черкните слово-другое.

Чего вы не поняли выраженіе «на обратномъ пути»? Сирѣчь, когда вы изъ Германіи поѣдете въ Парижъ, то можемъ съѣхаться въ Швейцаріи.

А что получили ли «Полярн. Звѣзду»? я ее самъ послалъ по почтѣ четыре или пять дней тому назадъ.

Былъ въ гостяхъ у русской танцовщицы. Чудо, какъ хороша! мнѣ даже стало грустно: мать—дура, что будетъ съ дочерью (ей лѣтъ 18-19)?—Ну цѣлую васъ всѣхъ.

Отъ чахотки два мѣста: островъ Мадера и южная сторона Женевского озера; въ Ниццѣ умираютъ отъ чахотки.

¹⁾ Cankans—сплетни.

²⁾ Separation—разлука, расхождение.

³⁾ Огаревъ послалъ проценты по долгу.

857. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

5 juin 1856.

Chère Malvida, oui, c'est le véritable, c'est le grand terrain sur lequel je me sens à l'aise avec vous, c'est le terrain de l'amitié dévouée. Vous faites un sacrifice — il y a une nécessité fatale qui nous a poussé — dans une collision tragique. Mad. Og. a pleuré à chaudes larmes lisant votre lettre... ou après.

Elle vous porte ces lignes. Restons amis, amis sincères. Revenez de votre voyage, plus sereine und mehr geprüft par la vie. Le nombre de vos amis s'accroît—vous le verrez aujourd'hui. La fatalité a brisé une existence commune qui avait de beaux cotés, mais où il se glissa un ton faux. Personne n'est coupable, tout le monde a été sincère — mais le ton faux mit des entraves. Ce que je désirais — c'était cette séparation solennelle que vous proposez maintenant. Votre départ brusque a tout changé—mais à vous maintenant toute la gloire—(oui, la gloire) de l'avoir ramené. J'ai beaucoup réfléchi hier sur votre proposition (je n'en ai pas parlé aux Og.)—non, la vie ensemble rouvrirait des plaies à demi-guéries.

Mais associons nous dans des entreprises de traduction — après votre voyage. Dans la même ville ou ailleurs—partout et partout vous avez un frère.

Par votre lettre vous m'avez ôté un fardeau que je trainais tout le temps. Eloignons nous pour un repos—pour un recueillement, et en avant dans la vie de travail. Ne m'en voulez pas que je me sente plus en famille avec Og.: je suis un animal de forts attachements et des traditions. Vous ne commencerez à me connaître que maintenant. Adieu. Eh bien, messieurs les détracteurs—l'Amitié a vaincu!

A. Herzen.

J'irai chez Caldesi pour lui commander le portrait des enfants et le mien.

N'oubliez pas que je demande encore une preuve—vous ferez un emprunt pour le voyage—c'est nécessaire pour moi.

Au revoir. Allons donc entendre l'Albani et passons un peu plus artistiquement le dernier temps.

Переводъ. ¹

5 июня 1856.

Дорогая Мальвида, да, настоящая, обширная почва, на которой я чувствую себя свободно и хорошо съ вами, это—почва преданной

дружбы. Вы приносите себя въ жертву; какая-то роковая необходимость привела насъ къ трагическому столкновенію. Ог. плакала горячими слезами, читая ваше письмо... или послѣ.

Она сама отнесетъ эти строки. Останемся друзьями, искренними друзьями. Возвращайтесь изъ вашего путешествія болѣе ясной, спокойной и болѣе испытанной жизнью. Число вашихъ друзей возрастаетъ,—вы это увидите сегодня. Судьба разстроила совмѣстную жизнь, имѣвшую прекрасныя стороны, но въ которую проникъ фальшивый тонъ. Никто не виновенъ, всѣ были искренни, но фальшивый тонъ наложилъ путы. То, что я желалъ,—торжественное разставаніе—вы предлагаете теперь. Вашъ внезапный отъѣздъ все измѣнилъ, но вамъ теперь вся слава (да, слава), что вернули въ прежнее положеніе. Я много вчера размышлялъ о вашемъ предложеніи (Огаревымъ я его не сообщилъ). Нѣтъ, совмѣстная жизнь лишь разбередитъ полузажившія раны. Но мы заключимъ съ вами союзъ для переводовъ послѣ вашего путешествія. Въ томъ же городѣ или въ другомъ мѣстѣ,—вездѣ и всюду вы найдете брата.

Своимъ письмомъ вы сняли съ меня бремя, которое до сихъ поръ приходилось влечить. Удалимся другъ отъ друга для спокойствія, для сосредоточенія и—впередъ для жизни труда! Не будьте въ претензіи за то, что я чувствую себя больше въ семьѣ, когда живу съ Ог.: я—животное крѣпкихъ привязанностей и традицій. Вы только теперь начнете меня узнавать. Прощайте. Ну, гг. хулители, дружба побѣдила.

А. Герценъ.

Я буду скоро у Кальдези, чтобы заказать портреты дѣтей и свой.

Не забудьте, что я прошу еще одного доказательства: вы для путешествія займете деньги,—это для меня необходимо.

До свиданія. Идемъ же слушать Альбани ¹⁾ и проведемъ болѣе артистически оставшееся время. ²

◆◆ 1. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Мезейнбургъ обдумывала все происшедшее. «Я спрашивала свою совѣсть, анализировала свои впечатлѣнія и мнѣ показалось, что при чрезмѣрности моей привязанности и преданности, я была и чрезмѣрно требовательна; я сказала себѣ, что эгоизмъ омрачилъ мой умъ, освѣтилъ невѣрнымъ свѣтомъ другихъ и ихъ поступки; я упрекала себя въ недостаткѣ великодушія вслѣдствіе того, что была задѣта моя гордость. Обра-

¹⁾ Знаменитая итальянская пѣвица.

дованная такимъ внезапнымъ открытіемъ, увѣренная въ томъ, что казалось мнѣ истиной, я уже предвидѣла возможность вернуться къ моимъ милымъ дѣтямъ и посвятить имъ себя еще болѣе сознательно и усердно. Я написала г-жѣ Огаревой, искренно изложивъ только что сдѣланное мною открытіе, предлагала ей отъ всего сердца новый союзъ, такъ какъ не сомнѣвалась въ томъ, что одно мое признаніе устранить единственную помѣху нашему совмѣстному труду и совмѣстной жизни. Одновременно съ этимъ я написала Іоганнѣ Кинкель, чтобы дать ей отчетъ въ своемъ поступкѣ; я выразила ей свою безусловную вѣру въ будущее; недоразумѣніе будетъ устранено, и все уладится. Къ удивленію своему, я получила отъ Іоганны отвѣтъ, въ которомъ она выражала сожалѣніе по поводу моего шага; она писала, что знаетъ жизнь и что моя попытка не приведетъ ни къ чему. Герценъ отвѣтилъ самъ на письмо, посланное г-жѣ Огаревой» (II 110).

2. Приведа суть письма Герцена, Мейзенбургъ продолжаетъ:

«Да, дружба побѣдила, но жертва была принесена, и разлука оставалась со всею ея скорбью. Я бывала у Герценовъ, но каждое посѣщеніе причиняло мнѣ страданіе, и мое одиночество становилось, такимъ тягостнымъ, что отъѣздъ въ Гастингсъ вмѣстѣ съ Кинкелями былъ для меня избавленіемъ. Они пригласили меня провести съ ними каникулы на берегу моря» (II, 111).

858. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 іюня (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, N.-Road.

Во-первыхъ, посылаю вамъ вексель на Ротшильда; сумму разочту потомъ у банкира, а теперь скажу на русскій ладъ: изъ этихъ денегъ *полторы тысячи* сереб. вамъ и въ нихъ вы пришлите Огареву записочку (ну, вотъ тутъ вамъ и случай съ нимъ списаться и съ Нат. Ал.). Напишите ему ¹⁾, что онъ получитъ отъ Сатина *двѣсти руб.* сер., и напишите притомъ, что я и могъ бы ему помочь деньгами въ путешествіи, но что, если онъ ѣдетъ для здоровья, то лучше можетъ съѣздить на югъ Россіи; не зная языковъ, онъ будетъ въ ужасномъ положеніи; у меня жить ему надолго будетъ неудобно; онъ—жалкій и бѣдный молодой человекъ, но что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Онъ всю жизнь жаловался, всю жизнь не могъ добиться

¹⁾ П. А. Захарьину.

ни до чего. Я готовъ ему помогать, но не могу пригласить; изъ этого выйдетъ новая компликація, а по его письму я вижу, что ему хочется. Вы ему скажите, что касается до 700 фр., то это такъ, въ подарокъ: половина ему, половина Акс. Иван. ¹⁾.

Исторія нашей разлуки съ Мейз. окончилась хорошо; ея благородный характеръ взялъ верхъ, и, посердившись дней пять (въ которые она вамъ писала), у нея вдругъ пала съ глазъ повязка, и она, дѣйствительно, поняла, что никто, кромѣ ея, не виноватъ. Разумѣется, на этомъ мы совершенно примирились и остались большими друзьями. Но вмѣстѣ жить невозможно. Дѣло все въ томъ, что она, кажется, имѣла совсѣмъ иные надежды и виды, и потому рано или поздно на этомъ вопросѣ дружба наша должна была обломиться; хорошо еще, что въ настоящемъ случаѣ есть видимый предлогъ. При свиданьи посплетничаю поподробнѣе.

«Полярн. Звѣз.», наконецъ, можете дня черезъ три получить у Клинксика по слѣдующей записочкѣ.

Сейчасъ ваше письмо. Бакунинскаго ²⁾ адреса нѣтъ, а, вѣроятно, можно адресоваться въ Тверскую губернк. почтовую контору, помѣщику такому-то. Все это хорошо, а вотъ и вамъ новость, стоящая двухъ: съ заключенія мира Трюбнеръ продалъ на чистыя деньги моихъ книгъ слишкомъ на *двѣ тысячи франковъ*.—Каково чешемъ?

Рейхель все же пусть спросить объ Америкѣ да кстати и не только объ Америкѣ, но именно объ Огіо и Виргиніи ³⁾

Весь Вашъ.

Шурцы налицо.

859. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 іюня (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Вотъ ошибка, такъ ошибка: оба считали, и оба ошиблись въ 1,000 фр.; это забавно. Ну, такъ какъ деньги посланы, то и попрошу всепокорно отправить *всю* тысячу Петрушѣ, написавши, что 500 ф. ему и 500 ф. Аксиньѣ Ивановнѣ.

Насчетъ путешествія напишите просто, что я считаю это дѣломъ труднымъ и дорогимъ; что, если онъ хочетъ эти 500 упо-

¹⁾ Захарьина.

²⁾ Брата Михаила Александровича.

³⁾ См. № 852.

требить на путь, то какъ хочеть, но съ ними ѣхать нельзя. Можеть, Егор. Ив. раскошелится; онъ, говорятъ, домъ свой отдалъ на время коронаціи за 11,000 сер. Въ отсылкѣ денегъ въ Шацкъ пусть пришлетъ записочку. Вотъ и все.

Ну что скажете на то, что сейчасъ еще продалъ на 300 фр. русскихъ книгъ?! Такъ что съ 5 апрѣля выходитъ на 2,000 фр. у одного Трюбнера! Чешеть-съ!

Получилъ новые журналы русскіе,—много интереснаго. Маленькій рассказъ гр. Толстого («Метель»)—чудо, вообще движеніе огромное ¹⁾.

Къ вамъ придетъ полякъ и попроситъ 9 франк., а вы ему и дайте, а онъ привезетъ (да и на извозчика дайте) ящикъ книгъ, засѣвшій у книгопродавца. Пусть онѣ у васъ, раздавайте кому хотите при случаѣ, продавайте богатымъ etc.

Марихенъ сегодня ѣдетъ въ Парижъ; приходила безъ меня, а я хотѣлъ, было, съ нею послать и то и се. Поклонитесь ей. Портреты будутъ, и недурны. А ужъ нашъ Огар. вышелъ, такъ это неслыханно.

Здоровье Огар. опять плоше, хотя та же діета строжайшая продолжается. Это дѣлаетъ проблематическимъ время отъѣзда; можетъ, останемся и до сентября: такого доктора, какъ Девиль, не скоро найдешь. Если поѣду, то въ Женеву. Да когда же вы-то ѣдете? О какихъ вещахъ вы пишете? я совсѣмъ не знаю, что у васъ.

Ну, прощайте, цѣлую Рейхеля и Рейхеля-фиса. Неужели еще нѣтъ «Полярной Звѣзды»?

Въ «Отеч. Записк.» моя статья!..¹

~~Въ~~ *Въ Россію.* Благо Пикулинъ не ѣдетъ, просите его сказать, скоро ли книги пришлетъ, и главное, чтобъ кто-нибудь послалъ *всѣ тома «Русской исторіи» Соловьева.* ~~Въ~~

Шурцъ получилъ ящичекъ и благодаритъ; онъ ѣдетъ въ Америку въ пятницу.

◆◆ 1. Указаніе совершенно невѣрное. Я внимательно прочелъ первыя шесть книгъ «Отеч. Записокъ» за 1856 годъ и пришелъ къ заключенію, что ничего герценовскаго тамъ нѣтъ. По всей вѣроятности, дѣло было такъ: Герцену сообщили изъ Россіи, что Краевскій (въ арендуемыхъ «Спб. Вѣдомостяхъ») напечаталъ его статью (№ 851), а такъ какъ она посыалась ему въ журналъ, а не въ газету, то Герценъ и рѣшилъ, что попалъ въ «Отеч. Записки».

¹⁾ Въ III кн. «Современника».

860. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 іюня (1856).

Finchley, New Road, 1, Peterbor. Villa.

Всѣ комиссіи исполняю и на все отвѣчаю. Если вы еще не послали Петру Ал. деньги, то пошлите или сами съѣздите къ Шевалье, на Pont Neuf,—человѣкъ онъ знаменитый; купите телескопъ фр. въ 400, онъ его уложитъ, а, можетъ, и возьмется отослать. Что же касается до меня, черкните Егору Ив., что я считаю себя далеко не способнымъ исполнять такія трудныя порученія, за которыя приходится черезъ годы молчанія выслушивать колкости. Я тоже сталъ старъ. Что стоитъ,—онъ отдастъ Петру А.

Даже и больше: я умеръ, и Мельгун. меня съ Кавелинымъ схоронили. Я ему написалъ длинное письмо во Франкфуртъ-на-Майнѣ, *poste rest*.¹

Какъ-нибудь надобно отъ него пакетъ. А, вѣдь, Мельгунову немного досадно, что я не умеръ съ «Голосомъ»¹⁾,—и, все-таки, ищетъ «листокъ», хотъ и знаетъ, что его нѣтъ.

О деньгахъ, просимыхъ Мельгун., вотъ что: если онъ у васъ проситъ 1000 или 1,500 фр., я думаю, дать можно, но больше потому не слѣдуетъ, что онъ весь зависить отъ Павлова, а Павловъ—*c'est un autre*²⁾ дѣло.

Меня, я знаю, какъ бранятъ за скупость именно въ отношеніи къ даванью въ займы. А я только этимъ и приобрѣлъ ту ширь дѣйствій, движеній, ту свободу занятій и возможность жить не разоряясь.

Вчера (я такъ же, какъ Мельгун., буду прибавлять ко всему «*между нами*») является Бокэ; помялся, помялся,—вижу, хочеть попросить взаймы; человѣкъ онъ добрый, честный; думаю, ну, дамъ ему 10 фунт. Помявшись, онъ вдругъ попросилъ 100 фунт., т. е. 2,500 фр. Я вылупилъ глаза, онъ зашурилъ свои.—«Помилуйте, да на что вамъ?!—«Новое средство открылъ кто-то, *штетпеля класть*, и я къ концу года выработаю фунтовъ 20».—«Такъ ужъ возьмите лучше 20 фун. и дѣлайте что-нибудь другое».

Все это съ безчисленными варіаціями повторяется тысячу разъ.

А потому Мельгунову намекните, что мнѣ вовсе теперь не до ссудъ. Надобно расплачиваться и ѣхать къ сентябрю въ Швейцарію.

¹⁾ «Родной голосъ на чужбинѣ», Н. Сазонова.

²⁾ Это другое.

Книги идутъ удивительно. Вы раздавайте и дарите, какъ хотите; я могу вамъ еще десяточекъ при случаѣ прислать.

У меня страшный кашель; погода здѣсь убійственная. Когда же это, когда изведетъ Господь изъ плѣна альбионскаго. Здоровье Огар. тоже опять поплоше.

Прощайте.

А. Герценов.

◆◆ 1. Въ декабрѣ 1855 г. Кавелинъ сообщилъ М. П. Погодину слухъ о смерти Герцена въ Парижѣ; позже онъ написалъ о томъ же Мельгунову, который довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Герцена.

861. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 июня (1856).

Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Я уже почти отвѣчалъ на ваше письмо. Бога ради, убѣдитесь и убѣдите другихъ, что мои отказы—не капризь, не скупость, а слѣдствіе однажды принятой жизни (Огар. теперь видитъ это). Я рѣшительно не могу двигать свой капиталъ для частныхъ займовъ.

Мнѣ никто, ни въ чемъ не помогаетъ, я иду; деньги—одно изъ моихъ оружій, ихъ не надобно épargne¹⁾. Я отказываю всѣмъ, слѣд., никому нельзя оскорбляться.

Что сдѣлали другіе изъ своихъ состояній: Ор., Мельг. etc? а, вѣдь, у нихъ не секвестрировали. Итакъ, разъ на всегда отказывайте во имя отца и сына, который благодаритъ за поздравленіе, и Ольги—la pietà etc²⁾.

У меня десять требованій и всѣ близкія. Я писалъ М. во Франкф., а онъ въ Страсбургѣ; можетъ, выписать пакетъ? а гдѣ же мнѣ пакетъ изъ Россіи?

За портретами съѣзжу на-дняхъ.

862. Отъ издателя.

Рукописи, составляющія «Голоса изъ Россіи», доставлены мнѣ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ печатаются; я не позволилъ себѣ

¹⁾ Разбросать.

²⁾ Благочестіе.

никакихъ перемѣнъ, кромѣ ничтожныхъ и совершенно внѣшнихъ поправокъ. Доказательствомъ этому можетъ служить «Письмо» ко мнѣ, умное и дѣльное (хотя я и не согласенъ съ нимъ) и которое рѣшительно ничего бы не потеряло, еслибъ вѣжливость выраженной была наравнѣ съ ихъ откровенностью. Я оставилъ неблагородное слово «фарсъ», унижительное обвиненіе, что «я разыгрываю комедію»; я оставилъ также странное недовѣріе ко мнѣ, выразившееся въ просьбѣ не искажать рукописи. Не думаю, чтобъ неизвѣстный мнѣ авторъ ¹⁾ хотѣлъ меня оскорбить, и отношу эти «крѣпкія слова» и выраженія къ нашей непривычкѣ говорить безъ цензорскаго надзора. Да еслибъ,—и тогда истинное удовольствіе, которое мнѣ доставляетъ печатаніе первыхъ рукописей, присланныхъ изъ Россіи, совершенно искупаетъ нѣсколько гнѣвный тонъ выговора, сдѣланнаго мнѣ строгимъ петербургскимъ начальствомъ. ¹

Статьи, печатаемая нами, особенно важны потому, что онѣ принадлежатъ къ той письменной литературѣ, которая развивалась съ необыкновенной силой во время послѣдней войны и послѣ смерти Николая I. Это—первые опыты, еще робкіе и непривычные, русской рѣчи о русскомъ общественномъ дѣлѣ, являющіеся послѣ тридцатилѣтняго молчанія. По этимъ статьямъ можно отчасти судить объ общественномъ мнѣніи Россіи въ 1855 г., о вопросахъ, занимавшихъ тогда и теперь умы.

О сущности дѣла мы поговоримъ въ другое время. Теперь я прошу не забывать, что я—только типографъ, типографъ, готовый печатать все полезное нашей общей цѣли. Еще разъ повторяю слова изъ программы «Полярной Звѣзды»: «Мы равно приглашаемъ нашихъ европейцевъ и нашихъ панславистовъ, умѣренныхъ и неумѣренныхъ, осторожныхъ и неосторожныхъ. Мы исключаемъ одно то, что будетъ писано съ цѣлью упрочить *современный порядокъ дѣла въ Россіи*, ибо всѣ усилія наши только къ тому и устремлены, чтобы его замѣнить *свободными и народными учрежденіями*. Что же касается до средствъ, мы открываемъ всѣ двери, вызываемъ на всѣ споры. Мы не отвѣчаемъ за мнѣнія, изложенныя не нами; намъ уже случалось печатать вещи, прямо противоположныя нашему убѣжденію, но сходныя въ цѣли. Роль цензора намъ противна еще до временъ русской жизни».

«Голоса изъ Россіи» будутъ издаваться ливрезонами безъ опредѣленной періодичности.

◆◆ 1. Вся первая часть «Голосовъ изъ Россіи» была, въ сущности, предоставлена въ распоряженіе К. Д. Кавелина и Б. Н. Чи-

¹⁾ Герценъ зналъ ихъ.

черина. Начатая ихъ «Письмомъ къ издателю», подписаннымъ «Русскій либераль», книжка была заполнена приложенными ими къ письму плодами рукописной литературы 1855 г.: «Запиской о письменной литературѣ» и «Мыслями вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи». Авторство «письма» устанавливается самимъ Чичеринымъ: «половину письма писалъ Кавелинъ, и я воздерживалъ слишкомъ вѣрноподданическія его изліянія» («Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену», 51 и Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина», XV, 269).

«Письмо» настолько любопытно и знаменательно для характеристики русскихъ либераловъ начала царствованія Александра II, что я приведу нѣсколько выдержекъ.

«Имѣя довольно точное понятіе о мыслящей части русскаго общества, я могу положительно увѣрить васъ, что въ минувшее царствованіе умственныя силы Россіи, бессмысленно и безпощадно попираемая, были несравненно болѣе, чѣмъ теперь, склонны къ освобожденію себя насильственнымъ образомъ. Теперь совсѣмъ не то: въ самыхъ задушевныхъ и смѣлыхъ разговорахъ я еще ни разу не слышалъ, чтобъ кто-нибудь выражалъ мысль о необходимости тайнаго общества, революціи, ограниченія самодержавной власти или что-нибудь подобное... Мы каемся, а не злобствуемъ; видимъ свою вину, а не взваливаемъ ее на другихъ и въ одномъ внутреннемъ очищеніи видимъ путь къ исцѣленію... Уважая въ васъ отъ глубины души одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей, совершенно безпристрастно цѣню вашу любовь къ общей нашей великой матери-Россіи, храня о васъ самое благодарное воспоминаніе за вашу блистательную литературную дѣятельность и въ высокой степени благотворное вліяніе на русскую мысль, въ то время, когда вы еще находились въ Россіи,—мы далеко не раздѣляемъ вашего образа мыслей, далеко не сочувствуемъ вашей дѣятельности съ отъѣзда вашего за границу. Этимъ, какъ мнѣ ни больно выразить вамъ это, я высказываю не только свой личный образъ мыслей, но чувства огромнаго большинства просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей въ Россіи. Выслушайте меня спокойно, безъ гнѣва и предубѣжденій, *sine ira et studio*, какъ слѣдуетъ каждому русскому, когда рѣчь идетъ о драгоцѣннѣйшихъ интересахъ Россіи, которую мы съ вами равно любимъ, равно живемъ ея счастіемъ, честью, славою, ея настоящимъ и будущимъ. Мнѣ кажется, что вы, удалившись изъ Россіи, какъ будто забыли все, что насъ тревожитъ, все, на что мы надѣемся и къ чему стремимся. Это отчужденіе есть, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ горькихъ плодовъ изгнанія. Окружающая васъ новая среда совершенно поглотила ваше

вниманіе, ея интересы сдѣлались вашими интересами, ея надежды— вашими надеждами, и все это вы передаете вашему перу, забывая, что въ Россіи господствуютъ совершенно другія цѣли и другія стремленія. Потому-то ваше слово не находитъ въ насъ отзыва. Ваши статьи читаются, объ нихъ толкуютъ, но сочувствія онѣ (кромѣ, разумѣется, мемуаровъ) встрѣчаютъ мало. Едва ли найдется у насъ одинъ истинно образованный человѣкъ, который бы поддался на ваши теоріи, который бы не пожалѣлъ о томъ, что дѣятельность, имѣющая въ виду пользу отечества, бьетъ совершенно мимо цѣли и теряется въ бесплодной соціальной пропагандѣ...

«...Мы готовы столпиться около всякаго сколько-нибудь либеральнаго правительства и поддерживать его всѣми силами, ибо твердо убѣждены, что только черезъ правительство у насъ можно дѣйствовать и достигнуть какихъ-нибудь результатовъ. А вы проповѣдуете уничтоженіе всякаго правительства и ставите прудоновскую анархію идеаломъ человѣческаго рода. Что же можетъ быть общаго между вами и нами? На какое сочувствіе можете вы рассчитывать? Зачѣмъ выставляете вы насъ передъ Европой, какъ будущихъ преобразователей европейскаго міра, какъ будущихъ водворителей теорій социализма?.. И что нашли вы въ русской общинѣ, въ этомъ полудикомъ зародышѣ общественнаго быта, гдѣ земля принадлежитъ государству,—предмету вашей ненависти, а крестьянинъ—крѣпостной или немногимъ лучше крѣпостного?

«...Если бы вы могли на время возвратиться въ отечество, вы бы пришли въ отчаяніе. Либераловъ еще вы встрѣтите довольно много; либерализмъ въ настоящую войну сдѣлалъ даже довольно значительные успѣхи. Но революціонеровъ вы не встрѣтите вовсе. Къ намъ революціонныя теоріи не только неприложимы: онѣ противны всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ и возмущаютъ въ насъ нравственное чувство... Ваши революціонныя теоріи никогда не найдутъ у насъ отзыва, и ваше кровавое знамя, развѣвающееся надъ ораторскою трибуною, возбуждаетъ въ насъ лишь негодованіе и отвращеніе.

«...Но вы, социалисты, кажется, всего этого не сознаете. Несмотря на то, что вы считаете себя апостолами возрожденія, вы всѣми своими воззрѣніями принадлежите прошедшему. Вы—даже не люди XIX вѣка, а наслѣдники благородныхъ, но поверхностныхъ мыслителей XVIII столѣтія; отъ нихъ вы не ушли ни на шагъ. Люди XIX вѣка не довольствуются уже общими фразами и безотчетными вѣрованіями. Съ неба они сошли на землю; отъ метафизики они перешли къ изученію явленій, отъ соціальныхъ утопій—къ практическому приложенію мысли къ жизни, не путемъ отри-

цанія, а путемъ постепеннаго развитія. А вы все еще остаетесь при своихъ идеальныхъ стремленіяхъ и вмѣсто плодотворной дѣятельности разыгрываете комедіи въ родѣ друзей міра, проповѣдующихъ прекращеніе войны посреди кровавыхъ браней и междоусобій. Вы созываете сходки ни на что не нужныя и ни къ чему не ведущія; всею силою ораторскаго краснорѣчія стараетесь убѣдить Кошута, Маццини, Ледрю-Роллена и другихъ, что у нихъ есть единомышленники въ нашемъ отечествѣ. Революціонные выходцы всѣхъ странъ и народовъ, составляющіе въ Лондонѣ ничѣмъ не властвующее правительство, по вашему ходатайству, примиряются съ Россією и принимаютъ ее въ свой союзъ. О, какъ мы счастливы! Какъ легко намъ стало на душѣ! И кнутъ какъ-то ужъ не такъ больно ложится на спинѣ, и цензура какъ будто бы уже не такъ туго стягиваетъ наши умы. Ну, признайтесь, не чистая ли это комедія? Полноте разыгрывать эти фарсы и морочить себя и другихъ фантастическими представленіями о небывалыхъ сообщникахъ. Дѣло намъ нужно, а не громкія фразы и не мелодраматическія сцены.

«...Революціонныя доктрины тогда только могли бы пустить корни между русскими, когда бы правительство продолжало итти по прежней колеѣ. Но, повидимому, оно поворачиваетъ въ другую сторону, и наступаетъ новая эпоха въ нашей общественной жизни. Вы сами это поняли и написали къ императору Александру II письмо, исполненное благородныхъ чувствъ и горячей любви къ народу. Насъ радуетъ, что вы можете писать другимъ тономъ, нежели какимъ вы пишете всѣ ваши соціальныя статьи. Но для чего считаете вы нужнымъ извиняться въ этомъ письмѣ? Неужели на васъ такъ далеко вліяніе вашихъ западныхъ друзей, что вы должны оправдывать передъ ними единственную политическую статью, написанную съ должнымъ благоразуміемъ?»

863. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 августа (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, New Road.

Къ этому краснорѣчивому описанію ¹⁾ прибавлю я, что письмо ваше получилъ. Ну, и вѣсти все хорошія, только то не годится, что двинуться не могу; совсѣмъ, было, нарахтился ѣхать, а бельгійское правительство повелѣло меня, разбойника и вора, не пускать. Вотъ я и у Юрьева дня.

¹⁾ Къ письму дочери, Наталіи.

Статьи русскія печатаю ¹⁾, а плохи (то есть часть ихъ очень подло написана), съ нашими-то выраженіями, напоминающими переднюю и Епифанова.

Вы знаете, что Тургеневъ и Пикул. въ Парижѣ?

Что касается до книгъ, самое легкое средство—отдать въ книжную лавку Шнейдера (Schneider) въ Берлинѣ для пересылки Трюбнеру въ Лондонъ и для передачи А. Герц. А зачѣмъ же вы Мар. Оед. и Лиз. Богд. не посовѣтовали купить «Поляр. Звѣзду», коли у васъ не было? Еслибъ я зналъ, куда послать, я бы имъ отправилъ всего. Да отчего же Мар. Оед. не пишетъ ко мнѣ? здѣсь не опасно.

Кто прислалъ мнѣ волдсъ Грановскаго?

Не писала ли къ вамъ Марихень о портретахъ? Это—пречудное дѣло: не могу добиться, гдѣ они застряли.

Прощайте. Я что-то глупъ: не знаю, куда теперь; неужели еще зиму въ Англии?

Цѣлую Рейхеля и дѣтей.

864. Отъ издателя.

Вмѣсто второго выпуска первой части «Голосовъ изъ Россіи» мы издаемъ *первый выпускъ второй части*. Это требуетъ объясненія.

Въ продолженіе печатанія перваго выпуска мы получили рядъ статей, по большей части писанныхъ въ 1856 году. Разница ихъ тона со статьями 1855 такъ рѣзка и такъ замѣчательна, что мы рѣшились немедленно напечатать нѣкоторыя изъ нихъ. Онѣ послужатъ дополненіемъ, объясненіемъ, поправкой статьямъ 1855 года.¹

Тогда, на другой день послѣ похоронъ Николая, все увлеклось, все ожило надеждами, все смотрѣло съ упованіемъ впередъ.

Въ 1856 естественно было пріостановиться: ни одна надежда въ *самомъ дѣлѣ* не сбылась до сихъ поръ, — нѣтъ ни законной гласности, нѣтъ ничего положительнаго относительно освобожденія крестьянъ, для Польши все свелось на неловкую, скупую амнистію, которой никто не хочетъ пользоваться, для Россіи и того не было... Все это выразилось въ новыхъ статьяхъ.

Что-то выразится въ статьяхъ 1857 года?...

Лондонъ, 19 августа 1856.

¹⁾ Т. е. вып. 1 части II «Голосовъ изъ Россіи».

◆◆ 1. Въ первый выпускъ II ч. «Голосовъ изъ Россіи» вошли: «Пріятельскій разговоръ», «Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 10 апрѣля 1856 года)», «О полковыхъ командирахъ и ихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ», «Письмо изъ провинціи», «Кто гости?» и «О крѣпостномъ состояніи». Къ свѣдѣнію библиографовъ: надо помнить, что такой части «Голосовъ изъ Россіи», которая содержала бы въ себѣ все указанное въ оглавленіи I части, никогда не было. Герценъ, печатая ее, началъ съ оглавленія и, предполагая сдѣлать довольно обширной, прервалъ печатаніе на № 3 оглавленія, внесъ только № 7 въ 1 вып. II части, а остальные номера включилъ потомъ въ разныя слѣдующія части.

865. Письмо къ С. И. Астракову.

(Августъ 1856).

Твое посланіе отъ 3-го живо мнѣ напомнило и тебя, трудно уживающагося съ окружающимъ, и это окружающее, съ которымъ трудно ужиться; печально, а надо ужиться, если хочешь, хоть на іоту, быть полезнымъ и дожить не совсѣмъ трутнемъ. Честь и слава Чевкину ¹⁾, что онъ просто выслушалъ дѣло и просто принялъ чело-вѣка, ему незнакомаго. Я не согласенъ съ тобой въ негодованіи на тѣхъ, которые тебя не приняли. Что же ты напередъ не написалъ и не просилъ аудіенціи? Съ чего ты думаешь, что занятой чело-вѣкъ станетъ принимать всѣхъ и каждого во-время и не во-время, не зная кто и зачѣмъ? Это несправедливо, Сергѣй; вини тоже и собственную неловкость. Но все это—уже прошедшее, а дѣло въ настоящемъ. Стало быть, Чевкинъ уже взялся за разсмотрѣніе проекта? Теперь жду отъ тебя извѣстій, что изъ этого вышло. Не медли, ты знаешь, какъ мнѣ дорогъ твой успѣхъ. Статью мнѣ присылай, я ее переведу и представлю въ академію. Я сталъ и самъ заниматься математикой и какъ скоро окончу работу, надъ которой теперь тружусь, то сильно займусь ею. Она меня увлекаетъ, и потомъ на каждомъ шагу въ другихъ вещахъ незнаніе математики является препятствіемъ; ergo, надо заняться ею во что бы то ни стало. Что же ты дома не отдалъ на коронаціи въ наемъ, а самъ бы куда-нибудь въ деревню съѣздилъ? Теперь платятъ чортъ знаетъ какія цѣны и ты выигралъ бы порядкомъ, даромъ что на Плющихѣ. Живемъ насколько возможно уединенно, сживаемся съ желаніемъ покоя.

¹⁾ Константинъ Владиміровичъ, главноуправляющій путями сообщенія.

О какихъ-нибудь открытіяхъ въ наукѣ давно не слышать; страсть къ бумагомаранію совсѣмъ одолѣла на сію минуту. Осенью примусь читать и тогда стану сообщать, что найду интереснымъ. У васъ слышно (пишетъ Н. М. ¹⁾), было лѣто холодное, а мы въ Лондонѣ лѣта не видали. Пока мы на томъ же мѣстожительствѣ. Если двинемся, то сообщу. Обнимаю крѣпко. Дорого бы я далъ, чтобъ увидѣть за чубукомъ, служащимъ и тростью, твою длинношерстную голову. Оно, конечно, я совершенно съ Брашманомъ ²⁾ согласенъ, что дѣло хорошо, да отчасти и скверно; то есть хорошо, по совѣту О., было бы на свѣтъ взглянуть, какъ гдѣ работаютъ, вѣдь здѣсь родина машинъ, но скверно то, что ты сидишь,—а вообще важень первый шагъ, а потомъ пойдетъ, какъ по маслу. О—въ не пьеть ни капли, работаетъ, какъ волъ, припадковъ не бываетъ. Я—такъ себѣ и васъ обнимаю и сильно и крѣпко обоихъ. А голова у меня не болитъ отъ холодной воды. Цѣлую васъ.

Александръ.

866. Приписка къ М. Мейзенбугъ.

Und d. ist ganz wahr. Olga hat sie gar nicht vergessen und hat diesen Brief, so wie er ist, der Tata diktiert. Ich werde Ihnen die № der Revue durch Sophie morgen schicken.

J'écris maintenant un long article sur les mémoires de la Pr. Dachkoff (le 1-er vol. a été trouvé dans la cuisine)—c'est à dire une «revue» à l'anglaise. La réponse de Deville n'a pas été satisfaisante, mais il suspend tout médicamentation pour 4 ou 5 mois pour donner du repos à l'organisme. Og. en général va bien et travaille comme un cheval.

Rien sur votre lettre où il y a du juste et du non juste. Soyez seulement persuadée qu'aucune Miss Scharp ne pouvait avoir tant d'influence sur moi—cette Miss Scharp c'est aussi moi, mais avec des vues qui ne sont pas égoïstes.

Peut être nous inventerons pour les 4 mois un voyage 99. J'ai même en rêve d'installer Alex. à Genève et de revenir. Mais... mais tout cela dépend beaucoup plus de toutes les polices que de moi.

Voilà la petite feuille avec la traduction, je l'ai oubliée.

¹⁾ Сатинъ.

²⁾ Николай Дмитріевичъ, профессоръ чистой математики въ Московскомъ университетѣ.

Переводъ.

(Августъ 1856).

И это совершенная правда: Ольга васъ совсѣмъ не забыла и продиктовала Татѣ это письмо, такъ, какъ оно есть. Завтра пришлю вамъ съ Софіей № журнала.

Пишу теперь длинную статью о «Воспоминаніяхъ кн. Дашковой» (первый томъ былъ найденъ въ кухнѣ), статью на манеръ англійскаго «обозрѣнія». Отвѣтъ Девиля не былъ успокоительный, но онъ на 4—5 мѣсяцевъ прекращаетъ всякія лѣкарства, чтобы дать отдыхъ организму. Онъ вообще здоровъ и работаетъ, какъ лошадь.

Ни слова о вашемъ письмѣ, въ которомъ кое-что вѣрно, а кое-что невѣрно. Будьте только увѣрены, что никакая миссъ Шарпъ не могла имѣть на меня столько вліянія: эта миссъ Шарпъ—я самъ, но съ воззрѣніями не эгоистичными.

Быть можетъ, мы на предстоящіе 4 мѣсяца придумаемъ путешествіе 99-ое. Я мечтаю даже поселить Александра въ Женевѣ и затѣмъ вернусь. Но... все это гораздо больше зависитъ отъ всякихъ полицій, чѣмъ отъ меня.

Вотъ листикъ съ переводомъ,—я его забылъ.

867. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

31 August (1856).

1, Peterbor. Villa, Finchley, N.-Road.

Ich werde mit d. grössten Vergnügen einen Artikel und d. mit rotem Pfeffer—für Ihre Uebersetzung der M. Daschkof's schreiben.

Nichts ist entschieden bei uns—wenn man mir erlaubt, so gehe ich und alle für ein Paar Monate nach Genf; die Buchdruckerei und ein Teil der Sachen bleibt hier.

Wenn nicht—dann freilich London. Ich habe ein ziemlich schönes Haus gesehen in Putney.

Alex. wird Ihnen eine Copie v. den Briefen Petschorin's schicken (nennen Sie aber nicht seinen Namen). Turg. muss heute mit dem Train kommen.

Es giebt keinen guten Dictionnaire. Ich habe gekauft—aus'd. Deutschen in's Russische, der ist votrefflich.

Alle sind gesund und grüssen Sie.

Переводъ.

31 августа.

Я съ величайшимъ удовольствіемъ напишу замѣтку, да еще съ кайенскимъ перцемъ, о вашемъ переводѣ «Воспоминаній кн. Дашковой».

Ничего у насъ не рѣшено. Если мнѣ разрѣшатъ, то я со всѣми своими поѣду мѣсяца на два въ Женеву; типографія и часть вещей останутся здѣсь; если же нѣтъ, останусь, конечно, въ Лондонѣ. Я уже видѣлъ довольно красивый домъ въ Путнеѣ.

Алекс. пришлетъ вамъ копію съ печеринскихъ писемъ (но не называйте его имени).—Тург. долженъ сегодня съ поѣздомъ приѣхать.

Хорошаго лексикона нѣтъ. Я купилъ съ нѣмецкаго на рускій, этотъ превосходень.

Всѣ здоровы и вамъ кланяются.

868. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

8 Sept. (1856).

1, Peterbor. Villa, N.-Road.

Le dernier effort pour faire un voyage a été détruit, le ministre de l'intérieur de Paris a positivement défendu de me viser le passeport («individu très dangeureux et voyagant dans un but politique, le même qui écrit sous le nom d'Isclander») — enfin il faut se résigner; j'ai trouvé une maison à Putney, tout près de l'embarcadère (Je crois que l'adresse est *High street, Tinkler House, Putney*), j'ai pris la maison pour 6 mois.

Tourguéneff est parti aujourd'hui, il nous a raconté beaucoup de choses très intéressantes; entre autres que la jeunesse ardente de Pétersb.—a pour moi une véritable passion, tandis que les Panslavistes me haïssent—et ce qui est très étrange c'est que je suis beaucoup plus aimé à Petersb. qu'à Moscou.

Lescher m'ennuie, mais il faut passer par là. Errard a envoyé sa note, c'est à 2 Liv. je pense qu'il compte pour mois. M-iss Myls s'en va—c'est une personne complètement incapable. Je me suis trompé en elle comme en Louise. A propos, ne connaissez vous pas quelque bonne allemande? Betsy pleure de ce que je ne veux pas la prendre; au contraire, mais les scènes continuelles entre François et elle me rebuttent.

Dites à Kinkel qu'à l'exception de Savitz (13 Chesterfield str. Kings †) je ne connais personne; Cerniecky prononce trop mal. Enfin si

c'était un homme comme il faut je pourrais arranger des leçons pour lui chez moi. C'est à dire Alexandre sous ma direction. Savitz n'est pas tout à fait mauvais comme précepteur.

Je vous remercie beaucoup pour votre bonne mémoire par rapport à Tata. Vergnügt war es nicht—premièrement M-me O. a une érésipèle; lui aussi n'est pas trop bien. Tourguéneff est toujours comme un nuage, le seul Saffi a été très gai.

Ich schicke Ihnen d. neue russische Buch.

Diese 6 Monate will ich viel arbeiten—der Artikel über die Daschkoff gefällt sehr und wird Effect machen. Ich habe auch für Sie die Introduction angefangen. Il faut *continuer* quoique je sois assez las et assez vieux—il n'y a pas moyen de ne pas *continuer*, vu le succès.

J'ai vu la petite Hermann — elle me paraît être très intelligente.

Bakounine n'est pas libéré, mais sa condition est toute autre: il dine chez le commandant, se promène dans la forteresse, a des livres, du papier, et même un piano, il a écrit une lettre pour réfuter qu'il est devenu chrétien.

On attend une amnistie générale. Turg. a été très fêté à Petersbourg — les grandes-duchesses ont demandé pour qu'on le leur présente. La veille de son départ on lui a donné un grand diner—entre autres le toast «pour les morts et les absents»—cela veut dire chez eux Bélinsky et Granoffsky d'un coté, et moi de l'autre.

Voilà tous mes cancans.

Adieu.

A. H.

Переводъ.

8 сент.

Послѣдняя надежда на путешествіе погибла. Французскій министръ внутреннихъ дѣлъ положительно запретилъ визировать мой паспортъ («личность очень опасная, путешествуетъ съ политической цѣлью; тотъ самый, который пишетъ подъ именемъ Искандеръ»); слѣдовательно, приходится покориться. Я нашелъ домъ въ Путнеѣ, совсѣмъ близко отъ пристани (мнѣ кажется, что адресъ такой: High Street, Tinkler House, Putney). Я нанялъ домъ на 6 мѣсяцевъ.

Тургеневъ сегодня уѣхалъ. Онъ намъ разсказалъ много очень интересныхъ вещей и, между прочимъ, что горячая петербургская молодежь питаетъ ко мнѣ настоящую страсть, тогда какъ славяно-філы меня ненавидятъ, и, что очень странно, меня гораздо больше любятъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ.

Лешерь ¹⁾ мнѣ докучаетъ, но приходится терпѣть. Эраръ ²⁾ мнѣ прислалъ счетъ; кажется, онъ считаетъ по 2 фунта въ мѣсяцъ. М-иссъ Милсъ уходитъ; это — человѣкъ совершенно неспособный, я обманулъ въ ней, какъ и въ Луизѣ. Кстати, не знаете ли вы какой-нибудь нѣмецкой горничной? Бетси плачетъ, что я не хочу ее взять, наоборотъ, но вѣчныя сцены между нею и Франсуа мнѣ надоѣли.

Скажите Кинкелю, что, кромѣ Савича ³⁾ (13 Chesterfield str. Kings † ⁴⁾), я никого не знаю; у Чернецкаго слишкомъ дурное произношеніе. Наконецъ, еслибъ это былъ человѣкъ, умѣющій себя прилично держать, я могъ бы у себя устроить для него уроки, т. е. для Александра, подъ моимъ руководствомъ. Савичъ, какъ преподаватель, не совсѣмъ плохъ.

Очень вамъ благодаренъ за добрую память относительно Таты. Удовольствія мало: во-первыхъ, у г-жи О. «рожа»; онъ также не очень здоровъ. Тургеневъ ходитъ, какъ туча; одинъ только Саффи былъ очень веселъ.

Посылаю вамъ новую русскую книгу.

Эти 6 мѣсяцевъ я буду много работать. Статья о Дашковой очень нравится и произведетъ эффектъ ⁵⁾. Я также началъ для васъ предисловіе. Нужно *продолжать*, хотя я достаточно усталъ и достаточно старъ, но, въ виду успѣха, невозможно не *продолжать*.

Видѣлъ маленькую Германъ; она мнѣ показалась очень понятливой.

Бакунинъ не освобожденъ, но положеніе его совсѣмъ иное: онъ обѣдаетъ у коменданта, гуляетъ по крѣпости, имѣетъ книги, бумагу и даже фортепіано. Онъ написалъ письмо, чтобы опровергнуть, будто онъ сталъ христіаниномъ.

Ожидается всеобщая амнистія. Тургенева очень чествовали въ Петербургѣ; великія княгини просили, чтобы имъ его представили; накануне его отъѣзда былъ данъ ему большой обѣдъ; одинъ изъ тостовъ былъ за «покойниковъ и отсутствующихъ»; это значило: за Бѣлинскаго и Грановскаго, съ одной стороны, за меня — съ другой.

Вотъ всѣ мои сплетни.

Прощайте.

А. Г.

¹⁾ Домохозяинъ Герцена.

²⁾ Извѣстная фортепіанная фирма.

³⁾ Иванъ Ивановичъ.

⁴⁾ Въмѣсто второй части слова «cross» нарисованъ крестъ.

⁵⁾ № 921.

869. Письмо къ Ф. Орсини.

9 septembre 1856.

Cher Monsieur, vous êtes parfaitement en votre droit de me faire la question que vous faites. La haine et la calomnie sont donc allées jusque là—j'ai compris de qui vous avez entendu le propos en question.

Je déménage demain avec toute la famille à Putney; donnez moi deux jours de temps et je vous expliquerai tout — maintenant je peux vous assurer sur mon honneur que jamais ni Saffi ni moi nous n'avons ajouté foi à quelque chose de malveillant vous concernant.

Je ferai tout mon possible pour débrouiller cette intrigue. Je suis prêt de donner le démenti le plus formel, devant tous les témoins possibles. Je ne vous demande que les deux jours — et en attendant un peu de confiance.

Dès que je le pourrai, je passerai chez vous le matin.

Ogareff me charge de vous saluer et vous serre la main.

En terminant je vous remercie cordialement pour la confiance que vous m'avez montrée dans votre lettre.

A. Herzen.

*Переводъ.*¹

9 сентября 1856.

Милостивый государь, вы безусловно въ правѣ поставить мнѣ предлагаемый вами вопросъ. Такъ вотъ до чего дошли ненависть и клевета! Я понялъ, отъ кого вы слышали фразу, о которой идетъ рѣчь.

Я завтра переѣзжаю со всей семьей въ Путней; дайте мнѣ два дня срока, и я объясню вамъ все; пока же могу васъ увѣрить моей честью, что никогда ни Саффи, ни я не придавали вѣры чему-либо зложелательному относительно васъ.

Я сдѣлаю все возможное, чтобы распутать эту интригу. Я готовъ представить самое формальное опроверженіе въ присутствіи какихъ угодно свидѣтелей. Я прошу у васъ только два дня терпѣнія и пока—немного довѣрія.

При первой возможности я побываю у васъ утромъ.

Огаревъ проситъ меня передать вамъ его привѣтъ и жметъ вашу руку.

Въ заключеніе искренне благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ своимъ письмомъ.

А. Герценъ.

◆◆ 1. 8 сентября въ Лондонѣ же Орсини писалъ Герцену на плохомъ французскомъ языкѣ: «Милостивый государь, мнѣ нужно разъясненіе, и я довѣряю вашему благородству и вашей чести, что вы объяснитесь со мною откровенно. Я мужчина; у меня есть опытъ, хотя добытый въ суровой школѣ; я питаю къ вамъ дружеское чувство и думаю, что доказалъ вамъ его со времени нашего знакомства въ Ниццѣ; это должно служить вамъ порукой, что я не способенъ затѣять скандалъ съ кѣмъ бы то ни было. Я узналъ, что въ декабрѣ 1854 г., какъ разъ, когда я находился въ заключеніи въ Германштадтѣ, вы сказали, ни болѣе, ни менѣе, какъ, что я— *австрійскій шпионъ и на хорошемъ жалованьи*, и что вамъ это передалъ г. Саффи. Это сообщилъ мнѣ случайно одинъ изъ моихъ друзей, бывший нѣкогда и вашимъ другомъ (В. А. Энгельсонъ — М. Л.); я нисколько не сомнѣваюсь въ правильности его утвержденія, такъ какъ знаю его за благороднаго человѣка и такъ какъ, убѣждая меня не придавать значенія этому дѣлу, онъ въ то же время разрѣшилъ мнѣ воспользоваться его именемъ, если это понадобится.

«Я былъ крайне удивленъ. Бесѣдуя съ вами такъ искренно, какъ я привыкъ говорить со всѣми, я не могъ предполагать, что человѣкъ, подобный вамъ, который выдаётъ себя за главу партіи, который долженъ знать, что такое партія, и который называетъ себя моимъ другомъ, — повторяю, я не могъ допустить, чтобы вы оказались способны съ такой легкостью взвести обвиненіе въ *подлости* на меня, человѣка, который всю свою жизнь пренебрегалъ всякимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы служить идеѣ и родинѣ, который приносилъ *реальныя*, а не *воображаемыя* жертвы, страдалъ въ тюрьмахъ, а не въ гостиныхъ и библіотекахъ. Но, съ другой стороны, я долженъ отчасти васъ извинить: это — дѣло г. Саффи, вращающагося въ нашемъ кругу.

«Словомъ, необходимо, чтобы вы письменно заявили мнѣ, что именно Аврелій Саффи сказалъ вамъ слова, повторенныя вами одному изъ вашихъ друзей, котораго я обязываюсь тотчасъ назвать по вашему требованію.

«Я хочу разобрать это дѣло, хочу открыть источникъ, откуда оно возникло, хочу видѣть то тайное и темное, что есть въ нѣдрахъ нашей собственной партіи. Это мой долгъ по отношенію ко мнѣ самому, къ моимъ друзьямъ, готовымъ отдать за меня жизнь, и къ самой партіи, которой я членъ.

«Полагаюсь на вашу честь, что вы совершенно ясно объясните мнѣ то, что я имѣю право знать; пока прошу васъ пожать руку вашему другу, который съ вами (Огареву—М. Л.), и вѣрить моему

уваженію и дружбѣ. *Феличе Орсини*» (переводъ г. Гершензона изъ V кн. «Былого» 1907 г., свѣренъ съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ семьи Герцена)

870. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

16 Sept. (1856).

М-г Tinkler's house, Putney.

L'adresse de Deville est la même: *63 Regent street*—il demeure maintenant à Hampstead, mais il vient tous les matins là.

Je n'ai pas payé par un hasard le piano; j'ai laissé l'argent, et l'homme n'est pas venu—si vous êtes sûre que le prix a été fait pour 1—10, dites le moi—(La note jusqu'au 20—25 d'Août est de 7 Liv. et il charge encore pour le transport).

Lescher a été drôle, mais il pouvait bien m'opprimer—je voyais la lutte qui se faisait dans sa poitrine entre l'amour propre et l'amour de l'or. Le fait est qu'il y avait une quantité de choses (dans les meubles) qui étaient cassées antérieurement, sans être notés; l'agent les a inscrits—mais Lescher a pris mon témoignage et celui de Betsy en considération.

L'article sur Dachkoff sera dans «l'Etoile Polaire».

Althaus est arrivé. Le volume de mes mémoires est sous presse chez Hoffmann. Trübner commence à faire des difficultés — moi je lui ai écrit aujourd'hui einen derben Brief. Entre autres il dit que la traduction est inégale. Vous avez malheur avec Pauline Hermann — à quel propos pourrais je parler d'une personne que vous connaissez mieux que moi et caractériser son esprit ou autre chose. N'est ce pas évident que je parlais d'une tout autre sœur qui vient d'arriver.

Nous avons trouvé une femme de chambre anglaise, mais parlant le Français avec un tel fini—qu'on peut la prendre pour une parisienne. Olga l'appelle la nouvelle M-iss Myls. La maison que nous occupons n'est pas belle, mais le jardin très beau.

Engelson a fait un attentat de se venger—avec une telle bassesse, avec une telle profondissime lâcheté—que cela ne lui a pas réussi. Il a encore une fois dépassé tout ce que je lui ai supposé de corruption. L'affaire faillit être grave — il voulait m'envelopper dans une histoire avec Orsini. Et c'est à la pureté et au caractère chevaleresque de Saffi que je dois que l'histoire en est resté là

Il y a des nouvelles de Schurz.

Adieu. Portez vous bien.

A. Herzen.

Tata et Olga vous saluent, le maitre de dessin est là.

Переводъ.

16 сент.

Адресъ Девиля тотъ же самый: 63 Regent street; онъ живетъ теперь въ Гемпстедѣ, но каждое утро приѣзжаетъ сюда. Я случайно не заплатилъ за фортепіано: я оставилъ деньги, но человекъ не пришелъ. Если вы увѣрены, что цѣна была назначена въ 1—10, сообщите мнѣ. (Въ счетѣ, по 20—25 августа, значится 7 фунтовъ да еще на пересылку).

Лешеръ былъ потѣшенъ, но онъ могъ хорошенько меня пригнать; я такъ и видѣлъ борьбу, совершавшуюся въ его груди между самолюбіемъ и златолюбіемъ. Дѣло въ томъ, что многое (изъ мебели) было еще раньше поломано, до нашего приѣзда, но намъ ничего не отмѣтили. Теперь агентъ хозяина все записалъ, но Лешеръ принялъ въ уваженіе мое и Бетсино свидѣтельство.

Статья о Дашковой появится въ «Полярной Звѣздѣ».

Приѣхалъ Альтгаузъ. Томъ моихъ воспоминаній печатается у Гофмана ¹⁾. Трюбнеръ начинаетъ придирается. Я сегодня ему написалъ жесткое письмо. Между прочимъ, онъ говоритъ, что переводъ неровенъ.—Вамъ не везетъ съ Полиной Германъ; съ какой стати я сталъ бы говорить о личности, которую вы сами знаете лучше меня, и характеризовать ея умъ или что-либо другое? Не очевидно ли, что я говорилъ совсѣмъ о другой сестрѣ, только что прибывшей.

Мы нашли англійскую горничную, но говорящую по-французски такъ чисто, что ее можно принять за парижанку. Ольга называетъ ее «новая м-иссъ Майльсъ». Домъ, который мы занимаемъ, не важенъ, но садъ очень красивъ.

Энгельсонъ сдѣлалъ покушеніе отмстить мнѣ, но съ такой низостью, съ такой глубочайшею подлостью, что это ему не удалось. Онъ еще разъ превзошелъ все, что я могъ думать о его испорченности. Дѣло чуть не приняло очень серьезный оборотъ; онъ хотѣлъ вовлечь меня въ исторію съ Орсини. И только чистотѣ души и рыцарскому характеру Саффи я обязанъ, что исторія не успѣла получить хода.

Есть новости отъ Шурца.

Прощайте, будьте здоровы.

А. Герценъ.

Тата и Ольга вамъ кланяются,—у нихъ учитель рисованія.

¹⁾ «Тюрьма и ссылка» по-нѣмецки, въ переводѣ Мейзенбургъ.

871. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

21 Sept. (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Vous aussi, chère Malvida, vous avez la bosse de la polémique, il n'y a absolument rien dans ma lettre d'agressif—quel diplomatie—à quoi bon et à quel propos? On n'est pas toujours disposé à des épanchements et on écrit des réponses in der Stimmung, in welcher man ist. (A propos qq. fois on n'écrit pas du tout; c'est ainsi que Kinkel n'a pas répondu à Saffi, ce que l'étonne beaucoup).

En voyant que j'ai oublié d'écrire concernant Alexandre — cela serait beaucoup plus juste de penser que je l'avais oublié que de m'inculper d'incivilité. Mais enfin dass liegt in der Menschlichen Natur.

Vous pouvez tout traduire et tout imprimer quand vous le désirez. Concernant les corrections — il y a ma remarque éternelle, qu'il y en a des fautes dans la manière comment elles sont posées—par ex. «ловятъ»—c'est évident que c'est la 3-me per. de l'Indic. présent—or donc on met le verbe à l'Infinitif.

Рюмочк^a/_y — c'est évident que c'est l'accusatif.

Une histoire après l'autre. Golovine nous a enfin attaqué sur le terrain où je l'attendais. Sans nommer personne il a imprimé dans un journal qu'il rédige—les choses les plus offensantes pour moi et pour Og. — il parle de sa première femme, de son amant, le nomme mon valet — et moi, je suis maltraité encore plus et il s'est arrêté à une insinuation qui probablement n'est qu'un commencement. Entre autres il dit — que j'ai brisé avec lui «parce que tel qui brille seul — serait offusqué auprès d'un autre».

— C'est autre—c'est lui.

C'est joli—Dreckkur.

Vous savez que je fais la Wasser-kur.

Adieu en attendant.

A. Herzen.

Tous les autres et Saffi vous saluent.

Переводъ.

21 сент.

У васъ также, дорогая Мальвида, есть шишка полемики; въ моемъ письмѣ нѣтъ ровно ничего агрессивнаго; что за дипломатія? Къ чему и по какому поводу? Не всегда бываешь расположенъ къ изліяніямъ и отвѣты пишешь въ томъ настроеніи, въ какомъ на-

ходишься. (Кстати, иногда и вовсе не пишутъ; такъ, напримѣръ, Кинкель не отвѣтилъ на письмо Саффи, что послѣдняго сильно удивляетъ).

Замѣтивъ, что я забылъ написать относительно Александра, было бы гораздо вѣрнѣе упрекнуть меня въ забывчивости, чѣмъ въ неучтивости; но, впрочемъ, все это лежитъ въ человѣческой природѣ.

Вы можете все перевести и все печатать, когда пожелаете. Что касается поправокъ, я повторю вѣчное мое замѣчаніе, что бываютъ ошибки въ самомъ способѣ, какъ ихъ ставятъ; напр., «ловятъ»,—очевидно, это третье лицо настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, вы же тогда ставите глаголь въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Рюмочк^а/_у — очевидно, это винительный.

Одна исторія за другой! Наконецъ, Головинъ напалъ на насъ на той почвѣ, которую я ожидалъ. Не называя никого по имени, онъ напечаталъ въ одной редактируемой имъ газетѣ самыя оскорбительныя вещи для меня и Огарева: говоритъ о его первой женѣ, объ ея любовникѣ, называетъ его моимъ лакеемъ, а мнѣ еще больше достается, и онъ остановился на инсинуаціи, которая, вѣроятно, представляетъ собою лишь начало. Между прочимъ, онъ говоритъ, что я порвалъ съ нимъ изъ-за того, что «кто блеситъ, когда онъ одинъ, меркнетъ, когда рядомъ станетъ другой».

Этотъ «другой»—онъ...

Мило, не правда-ли? Грязелѣченіе.

Вы знаете, что я теперь продѣлываю курсъ водолѣченія?

Пока прощайте.

А. Герценъ.

Всѣ наши и Саффи вамъ кланяются.

872. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 сентября 1856.

At M-r Tinkler's, Putney, London.

Таковъ мой адресъ, Марья Каспаровна; это между Ричмондомъ и Лондономъ. А вы гдѣ и что? Приѣхали ли въ Марбефку ¹⁾ или нѣтъ? Письмо это я посылаю на имя Фоммши ²⁾.

¹⁾ Улица Marbeuf въ Парижѣ.

²⁾ М. Фоммъ.

Было много пустыхъ хлопотъ и, сверхъ того, переѣздъ, да и писать въ Грауденць будто далеко,—я вотъ все и ждалъ. Наконецъ, всѣ надежды лопнули насчетъ проѣзда, переѣзда, уѣзда, выѣзда: ни одной самой поганой визенки не даютъ; вотъ я опять мѣсяцевъ на восемь застрялъ. Нанялъ домъ съ садомъ (я всегда зимой имѣю садъ, а лѣтомъ стѣну передъ носомъ).

Не въ Парижѣ ли Марья Федоровна и Лизавета Богдановна? Если такъ, то передайте имъ обѣимъ... что вы думаете? Строжайшій выговоръ за ихъ послѣднее письмо; я не пишу прямо, потому что не знаю, дойдетъ ли письмо.

Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было больно и очень, что Мар. Фед. нашла мое письмо холоднымъ, не экспансивнымъ; письмо, во-первыхъ, всегда зависитъ отъ минутнаго расположенія, да и правда то, что отвыкаешь говорить, когда едва лѣтъ въ семь приходится сказать слово. Вы знаете хорошо и вѣрно и меня: я богатъ на болтовню, но на выраженіе чувствъ бѣденъ.

Разумѣется, Москва для меня утратила половину своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ Огаревъ здѣсь, а Грановск. въ могилѣ. Остается одинъ Коршъ; съ Кетчеромъ мы были бы опять на ножахъ черезъ день; съ другими я далеко расхожусь во всемъ. Посмотрите статью Кавел. ¹⁾ Сверхъ того, никто не знаетъ моей внутренней жизни за послѣднее пятилѣтіе, той, которая заставляетъ писать со скрежетомъ зубовъ такія вещи, какъ «Арабески». Я, можетъ, поѣхалъ бы въ Россію, такъ, безъ причины, посмотрѣть наши деревни, нашу весну, кота у М-г Nodaud или Nodal — сидѣльца у Депре, на Страстной монастырь и домъ типографіи, откуда Матрена бѣгала за виномъ... Другихъ причинъ нѣтъ. Я говорилъ много съ Ив. Тургеневымъ и съ другими, а къ тому жѣ подлая «Русскія Бесѣды» бросаютъ въ меня грязью со всей низостью и гадостью семинаристовъ. ¹

А ргорос къ Москвѣ, узнайте, пожалуйста, за что у нашихъ тамъ Астраковъ, Сер. Ив., отлученъ отъ воды и огня? Я спрашивалъ у Огар., но онъ знаетъ такъ общѣ и vague ²⁾, что, я все-таки, не понялъ. Я Астрак. считаю чудакомъ, но чистѣйшимъ и благороднѣйшимъ малымъ.

Здѣсь были страшныя гадости. Энгельсонъ подвелъ, было, мнѣ такую интригу, что я, дѣйствительно, чуть не оступился... Ну, вотъ мошенникъ-то... Полтора года молча работалъ. А Голов. напечаталъ статью, въ которой не только меня разругалъ, но Огар. и попрекнулъ его Марьей Львовной?... Что скажете?

¹⁾ «Письмо» въ I ч. «Голосовъ изъ Россіи».

²⁾ Неопредѣленно.

Пишите же о прїѣздѣ по адресу At M-r Tinkler's—значитъ въ домѣ Тинклера.²

Цѣлую Рейхеля и Сашу.

◆◆ 1. Въ статьѣ Тертія Филиппова о «Не такъ живи, какъ хочется» Островскаго, между прочимъ, не мало говорится о новомъ взглядѣ общества на супружескую вѣрность женщины; какъ иллюстраціи приводятся мнѣнія, обвинявшія Татьяну Гремину (въ «Онѣгинѣ») за неумѣніе пользоваться жизнью. Затѣмъ авторъ говоритъ: «Нужно ли распространяться еще о тѣхъ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ изображается на разные лады, какъ дѣвушка идетъ замужъ рѣшительно по своей волѣ, даже по любви, сперва живетъ съ мужемъ счастливо; потомъ, подвертывается кто-нибудь побойчѣе мужа, и начинается драма: и виноватаго не сыщешь! Еще какъ-то такъ выходитъ, что мужъ виноватъ: чего онъ глядѣлъ? не видалъ развѣ, кого за себя бралъ? Это уже—*Западъ*. Не грубо ли я обошелся съ содержаніемъ нашихъ западныхъ повѣстей и романовъ? Можетъ быть, меня обвинятъ въ томъ, что я не принялъ во вниманіе тонкости чувствъ и т. п.? Но бѣда пускаться въ тонкости: здравая совѣсть всегда нѣсколько груба и не льститъ пороку, какъ бы прилично онъ себя ни одѣвалъ, какихъ бы искусныхъ и благовидныхъ извѣтовъ къ самооправданію онъ ни изыскивалъ. Мерзость—все мерзость, грѣхъ—все-таки, грѣхъ, хотя бы кто грѣшилъ и съ высшей точки зрѣнія» («Рус. Бесѣда», 1856, I, 86—87).

Герценъ понялъ, что здѣсь намекъ на «Кто виноватъ?», и почему-то очень близко къ сердцу принялъ вообще слабую и неумную статью Филиппова. Ничего другого о немъ нѣтъ въ двухъ первыхъ книжкахъ журнала, а третью, вышедшую только 26 октября ст. ст., онъ еще не могъ видѣть.

2. По поводу этой перемѣны квартиры Н. А. Огарева говоритъ: «Герценъ охотно мѣнялъ не только квартиры, но и кварталы: ему скоро были замѣтны всѣ неудобства занимаемаго дома, ему становились невыносимы даже все тѣ же лица въ omnibusахъ, отправляющихся постоянно по одному направленію: въ центръ города и обратно. Вдобавокъ Peterborough Villa имѣла еще одно большое неудобство. Этотъ домъ состоялъ изъ двухъ квартиръ, вполне одинаковыхъ, съ одной смежной стѣной. По воскресеньямъ у насъ собирались... Мало-по-малу всѣ оживлялись, кто-нибудь начиналъ играть на фортепіано, иногда пѣли хоромъ. Дѣти тоже принимали участіе въ пѣніи, раздавался веселый гулъ, смѣхъ, а за стѣной начиналось постукиваніе, напоминающее, что въ Англіи предосуди-

тельно проводить такъ воскресные дни. Герценъ по этому поводу приходилъ въ сильное негодованіе и говорилъ, что нельзя жить въ Англии иначе, какъ въ домѣ, стоящемъ совсѣмъ отдѣльно. Это желаніе вскорѣ осуществилось. Новый домъ скорѣе походилъ, подъ желѣзной крышей, крашеной въ красную краску, на какую-нибудь англійскую ферму, чѣмъ на городской домъ, а со стороны сада весь домъ былъ окутанъ зеленью, плющъ вился снизу до верху по его стѣнамъ; передъ домомъ простиралась большая овальная луговина, а по сторонамъ ея шли дорожки; вездѣ виднѣлись кусты сирени и воздушнаго жасмина и другіе; кромѣ того, была пропасть цвѣтовъ и даже маленькая цвѣточная оранжерея» («Воспоминанія», 104—106).

873. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

26 сентября (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Благодарю и за письмо и за похвалы. У меня есть еще цѣлый томъ записокъ—гораздо интимнѣйшій, нежели все, что напечатано ¹). Я многими мѣстами доволенъ, потому что помню, какъ больно многое было отдирать отъ сердца. Эта готовая часть (1837—1842), кажется мнѣ, должна еще лѣтъ десять пролежать не напечатанной: Тамъ слишкомъ внутренности наружу, а, вѣдь, не всѣ охотники до анатоміи. Сверхъ того, я боюсь лая кутейниковъ и подлецовъ: они не камнями сражаются, а навозомъ, ихъ натурѣ жука навозъ—*Ess bouquet* ²). Говорю это потому, что прочиталъ въ «Русскихъ Бесѣдахъ» ихъ семинарскіе намеки.

А Голов. здѣсь на-дняхъ въ статьѣ обругалъ меня и Огар., даже помянулъ его первую жену. Что за нужное мѣсто безъ ватер-клозета! Сазоновъ тебя ищетъ—11, Rue d'Enfer.

Прочти безгнѣвно замѣчанія Огар. Онъ ихъ написалъ рѣзко, потому что очень боленъ и хандрить; но я долженъ тебѣ признаться, что я во многомъ дѣлю его мнѣніе. Послѣ перваго письма, *chef d'oeuvre* слога во всѣхъ отношеніяхъ, я не того ждалъ. Куда намъ заходить въ романтическое Замоскворѣчье,—мы люди земляные, жиленные да костяные ³).

¹) Напечатаны были гл. I—VIII.

²) Духи, тогда очень модные.

³) Тургеневъ читалъ «Фауста», состоящаго изъ девяти писемъ, Герцену и Огареву; напечатанъ въ X кн. «Современника» 1856 г.

Прощай. Писать готовъ и много и часто, а ты сообщай мнѣ новости. Погодинъ въ Парижѣ (сюда воняетъ черезъ каналъ), Плетневъ ¹⁾; Мельгуновъ тебя ищетъ тоже,—58 Rue Caumartin.

Что твоя дочь ²⁾? Познакомь ее со мной.

Весь твой

А. Герценъ.

Адресъ наверху, прибавь только: Лондонъ.

«Дашкову» подумянилъ и посыпалъ рисовой пудрой,—бредеть ³⁾. Рукопись пришлю черезъ день.

◆◆ 1. 22 сентября Тургеневъ писалъ Герцену: «Кончилъ я твои мемуары во 2-й части «П. З». Это—прелесть, и только остается сожалѣть о невѣрностяхъ въ языкѣ. Но ты непремѣнно продолжай эти рассказы: въ нихъ есть какая-то мужественная и безыскусственная правда, и сквозь печальные ихъ звуки прорывается, какъ бы нехотя, веселость и свѣжесть. Мнѣ все это чрезвычайно понравилось, и я повторяю свою просьбу непремѣнно продолжать ихъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Странное дѣло! Въ Россіи я уговаривалъ старика Аксакова продолжать свои мемуары, а здѣсь тебя! И это не такъ противоположно, какъ кажется съ перваго взгляда. И его и твои мемуары—правдивая картина русской жизни, только на двухъ ея концахъ и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но земля наша не только велика и обильна, она и широка и обнимаетъ многое, что кажется чуждымъ другъ другу!» («Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ А. И. Герцену» 90).

874. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

29 sept. (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida.—Je commence par une «Capital News». Ivan Golovine à la suite de son humble requête vient d'être amnistié par Alexandre—à condition de prendre le service impérial! Qu'en dites vous? Et figurez vous qu'il a inseré des articles contre Alexandre—après lui avoir envoyé sa requête, qu'il a cachée de tout le monde.—Maintenant les aveugles mêmes jugeront l'individu.

¹⁾ Петръ Александровичъ, ректоръ петерб. университета.

²⁾ Полина (Пелагея), дочь отъ крѣпостной Е. Е. Ивановой, потомъ по мужу Калугиной.

³⁾ № 921.

Après le soleil—la lune.

Savitch se prépare d'aller à Petersbourg.

J'ai lu la lettre de Campe—il faut prendre chez Volkhaus l'article italien et ou sont les exemplaires des memoires.

Sagen Sie d. Campe, dass Sie die Novellen übersetzen wollen, welche in den «Unterbrochenen Erzählungen»—im 1854 gedruckt waren. Was haben Sie d. übersetzt, ich zweifle sehr an die Leichtigkeit der nationalen Nüancen—übrigens ich werde korrigieren.

Trübner fait le difficile.

D. I Teil von Daschkoff werde ich Ihnen schicken.

Domengé hat gekauft eine kleine Bude für die Frau.

Da es doch zu weit war um zu Kinkel's zu gehen, wollen wir probieren die Sing und Piano-stunden mit M-elle An. Herrmann—heute ist die Erste Lection.

Vogt giebt den Rat—meinen Pass durch die Intervention des Conseil Fédéral zu visieren.

Die Wasserkur hat gutes gemacht—dennoch habe ich 2 Tage heftige Kopfschmerzen (v. 4 August zum ersten Mal). Deville hat sie befohlen.

Die Kinder sind alle gesund und grüssen Sie viel. Adieu.

Alex. wird bei dem berühmten Grant—die vergleichende Anatomie hören, bei Deville—die Anatomie des Menschen, die Microscopische Anat. und Physik.

Mit den Lectionen von Worcell und Althaus—geht es an.

Wir lesen jetzt die Panslavischen Journäle—das sind wilde Bestien, griechische Jesuiten, schlechter als Alexander und seine Minister.

Переводъ.

29 сент.

Дорогая Мальвида, я начинаю «капитальной новостью»: Иванъ Головинъ, вслѣдствіе его смиреннаго ходатайства, только что получилъ амнистію отъ Александра, подъ условіемъ поступленія на государственную службу! Что вы объ этомъ скажете? И вообразите, что онъ помѣщаль статьи противъ Александра, даже послѣ отсылки своего ходатайства, которое онъ скрылъ отъ всѣхъ... Теперь даже слѣпые увидятъ, что это за человѣкъ.¹

Послѣ солнца—луна.

Савичъ собирается ѣхать въ Петербургъ.

Я прочелъ письмо Кампе,—надо взять у Фолькгауза итальянскую статью, и гдѣ находятся экземпляры воспоминаній?

Скажите Кампе, что вы хотите перевести тѣ повѣсти, которыя были напечатаны въ «Прерванныхъ разсказахъ» въ 1854. Что вы тамъ перевели? Я очень сомнѣваюсь въ доступности народныхъ выражений переводу; впрочемъ, я самъ буду исправлять.

Трюбнеръ начинаетъ ломаться.

Первую часть «Дашковой» я вамъ пришлю. ²

Доманже купилъ для жены маленькую лавку.

Такъ какъ слишкомъ далеко было ходить къ Кинкелямъ, то мы попробуемъ брать уроки пѣнія и фортепіано у M-lle Ан. Германъ. Сегодня первый урокъ.

Фогтъ совѣтуетъ добиться визы моего паспорта черезъ федеральный совѣтъ ¹⁾.

Водолѣченіе принесло мнѣ пользу; однако, вотъ уже два дня у меня жестокая головная боль (съ 4 августа въ первый разъ). Девиль прописалъ мнѣ его.

Дѣти всѣ здоровы и усердно кланяются. Прощайте.

Алекс. будетъ слушать у знаменитаго Гранта сравнительную анатомію, у Девиля—анатомію человѣка, микроскопическую анатомію и физику.

Уроки Ворцеля и Альтгауза идутъ хорошо.

Мы читаемъ теперь славянофильскіе журналы; это—дикія бестіи, іезуиты православной вѣры, хуже, чѣмъ - - - - - и - - министры.

◆◆ 1. Не получая отвѣта на свое письмо къ Александру II, которое приведено было выше, Головинъ писалъ къ кн. Горчакову: «Ваше Сіятельство, еслибы это не было непростительной дерзостью съ моей стороны, я явился бы уже на русскихъ границахъ для того, чтобы доказать мое желаніе жить подъ законами нашего молодого государя. Обращаясь къ вамъ, князь, я убѣжденъ, что вы, какъ добрый патріотъ, сдѣлаете все зависящее отъ васъ, чтобы облегчить мое возвращеніе на родину. Я не замышлялъ и не поднималъ никогда оружія противъ Россіи, возлагалъ всегда надежды на восшествіе на престоль Е. И. В. Государя Императора. Я знаю, чувствительность молодого государя велика въ отношеніи того, что пишутъ на его счетъ за границей, но вы, безъ сомнѣнія, очень хорошо знаете человѣческое сердце, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что любовь къ отечеству не можетъ угаснуть въ сердцахъ изгнанника и писателя

¹⁾ Швейцарское правительство. Герценъ послѣдовалъ этому совѣту, но, все-таки, согласія Франціи не получилъ.

самаго ѣдкаго и желчнаго. Самые отъявленные мои враги должны будутъ сознаться въ томъ, что я никогда не сомнѣвался въ тѣхъ благахъ, которыя Россія пріобрѣтетъ отъ царствованія государя, доброта сердца котораго служитъ въ томъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ. Великія идеи, говорятъ издавна, исходятъ отъ сердца, и слѣдуя указаніямъ этого надежнаго путеводителя болѣе, нежели умозрѣніямъ такъ называемой высшей политики, Александръ II внесетъ свое имя въ высшую степень сравнительно съ той, на которой сіяло имя Александра, завоевателя Македоніи.

30 іюля III Отдѣленіе вошло съ обширнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ и въ ихъ числѣ Головина; относительно его состоялось повелѣніе: помиловать, дозволивъ пользоваться прежними правами и возвратиться въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно былъ опредѣленъ на службу, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ, съ учрежденіемъ за нимъ строгаго надзора; утвержденіе доклада состоялось въ день коронаціи, 26 августа.

Въ концѣ августа Горчаковъ увѣдомилъ объ этомъ лондонскаго посланника, гр. Хрептовича. Тотъ призвалъ Головина и объявилъ ему высочайшую милость. На другой день Головинъ написалъ Хрептовичу по-французски: «Графъ, удостойте принять мою послѣднюю книгу, почтительную дань моей признательности. Лышу себя надеждой, что она составлена въ такомъ духѣ, который не будетъ непріятенъ Вашему Сіятельству. Не смѣя докучать своимъ письмомъ кн. Горчакову, покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать ему мою глубокую признательность. Надѣюсь вскорѣ получить указаніе того мѣста, гдѣ я могу пригодиться, чтобы рѣшить, черезъ какую границу и какимъ маршрутомъ мнѣ ѣхать на родину». Приложенная книга называлась «The nations of Russia and Turkey and their destiny», London, 1854 (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1843 г., I эксп., дѣло № 50, ч. 1-ая).

2. Мейзенбургъ переводила «Записки Дашковой» и статью о нихъ Герцена. По этому поводу издатель Кампе писалъ ей: «Напечатаю все, что переведете изъ Герцена,—онъ пріобрѣлъ себѣ право гражданства въ нѣмецкой литературѣ» (II, 118).

875. ОБА ЛУЧШЕ.

(Отрывокъ).

- Знаете вы этого господина... вотъ направо, читаетъ газеты?
- Нѣтъ.
- Мнѣ бы хотѣлось узнать, что онъ такое.
- Мудрено ли узнать; люди нынче выдѣлываются гуртовые, оригиналовъ въ Европѣ нѣтъ. Господинъ, васъ занимающій,—или Орасъ Жоржа Санда...
- Не думаю.
- Ну, такъ, навѣрное, Барнумъ.
- Только будто и типовъ?
- Нѣтъ, есть еще средній: Барнумъ-Орасъ ¹⁾.
- Однако, я встрѣчалъ людей совершенно не похожихъ ни на Барнума, ни на Ораса.
- Гдѣ? Въ Кукунорѣ, въ Конго?..
- Нѣтъ, здѣсь въ Англии.
- Это могло случиться; я больше думалъ о материкѣ; но развѣ вы не замѣтили, что всѣ эти чудачки, непохожіе ни на Барнума, ни на Ораса, что всѣ они... ну, что же?.. развѣ—два—три...
- Не знаю.
- Подумайте...
- Поврежденные.
- Разумѣется.

I.

Когда я возвратился домой, мнѣ пришло въ голову полушутливое и совсѣмъ злое замѣчаніе моего пріятели. Въ самомъ дѣлѣ, Барнумъ и Орасъ такъ вполне созданы по образу и подобию вѣка мѣщанскаго и риторическаго, что они встрѣчаются вездѣ: внизу и наверху, направо и налево, на лавкѣ судей и на лавкѣ подсудимыхъ.

Барнумъ представляетъ дѣловую сторону, практическую нашего вѣка; это—проза вѣка, его трудъ, его занятіе. Орасъ—поэзію, сторону артистическую. Барнумъ, это—такъ сказать, Сократъ мѣщанства, Орасъ—его Алкивиадъ.

¹⁾ Финеасъ-Тейлоръ Барнумъ, извѣстный американскій антрепренеръ, приобрѣвшій популярность, показывая кормилицу Вашингтона, сирену, карлика Пуса и пр. Орасъ—герой романа Ж. Сандъ того же названія.

Жоржъ Сандъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ наше время всѣ эти старые волокиты, вѣчные ловеласы, влюбленные маркизы, вовсе не существуютъ, что типъ молодого человѣка сороковыхъ годовъ совсѣмъ иной. Съ тѣхъ поръ, какъ она писала «Ораса», прошло лѣтъ пятнадцать; въ нихъ ничего не перемѣнилось; прежніе Орасы сдѣлались старше, новые подросли. Вся дѣйствующая, пишушая Франція состоитъ изъ Орасовъ. Нѣмцы тоже выработали себѣ, съ прибавкой глубокомысленнаго, но патріархально-простого разврата и основательно-тяжелой безнравственности, типъ Ораса (который они классически называли Горацъ).

Въ Англіи Орасовъ мало, въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ; но англо-американская порода произвела другой типъ, не меньше всеобщій, и это ужъ не лицо романа, а лицо въ лицахъ, живой человѣкъ, поднесъ здравствующій въ Нью-Йоркѣ,—Ф. Барнумъ.

Который изъ нихъ лучше, я не знаю, и принужденъ на это отвѣчать, какъ отвѣчаютъ дѣти: «оба лучше». Хотя не могу скрыть, что для насъ Орасъ какъ-то интереснѣе,—это, все, литераторъ, словно, свой братъ. Но хорошъ и Барнумъ въ своей античной простотѣ, мудрецъ жизни и поведенія, труженикъ и талантъ.

Съ дѣтства безъ средствъ, Барнумъ растетъ въ мелочной лавочкѣ, онъ окруженъ цѣлой атмосферой плутовства; передъ его глазами совершается мирная мародерская война мелкой торговли на своей низшей ступени, гдѣ лавочникъ покупаетъ у крестьянина земледѣльческія произведенія и продаетъ ему городскія. Малѣйшее разсѣяніе,—и лавочникъ обмануть, обвѣшенъ; малѣйшая оплошность,—и крестьянинъ надуть. Эта коммерческая игра въ мошенничество занимаетъ всѣхъ; каждый старается прежде сказать «шахъ и матъ» своему противнику. Въ слѣдующую игру другой употребляетъ всѣ усилія, чтобы отыгаться, не скрывая совсѣмъ своихъ намѣреній.

Барнумъ смотритъ на это систематически-устроенное воровство глазами умнаго, расторопнаго мальчика, и первый результатъ, который онъ выводитъ, состоитъ въ томъ, что *работой* можно прокормить себя, но что *многаю* не разработаешь, а ему съ дѣтскихъ лѣтъ хочется очень много. Оборотами и уловками, напротивъ, можно все сдѣлать. Съ этимъ прекраснымъ началомъ Барнумъ, присмотрѣвшись къ жизни, испытавъ грошевыя лотереи и копѣчныя перепродажи пряниковъ и прохладительныхъ напитковъ, понялъ великую тайну вѣка риторическаго, вѣка эфффектовъ и фразъ, выставокъ и громкихъ объявленій, понялъ, что главнѣйшее для современныхъ номиналистовъ — *афиша!*

Эфффектъ и фраза—общія орудія у Барнума съ Орасомъ; но

для Барнума это—только средство наживы: обобравъ васъ, онъ васъ оставляетъ въ покоѣ. Орасъ проникаетъ въ сердце и душу и тамъ еще что-то крадетъ и лжетъ. Оттого подъ конецъ Орасъ сдѣлался адвокатомъ, т. е. краснобаемъ по ремеслу, а Барнумъ составилъ себѣ огромное состояніе и сталъ филантропомъ.

Непоколебимая постоянная вѣра Барнума въ глупость людей оправдалась. Онъ не скрываетъ своихъ убѣжденій, напротивъ, наивно рассказываетъ о своихъ продѣлкахъ, такъ, какъ полководецъ повѣствуетъ о своихъ стратегическихъ хитростяхъ. Онъ всякаго человѣка и всѣхъ людей принималъ за средство обогащенія, такъ, какъ это дѣлаютъ и другіе, но съ большей нравственной силой, съ большей послѣдовательностью. Истошивъ всѣ средства наживаться, разбогатѣвъ, онъ еще нажился, продавъ людямъ разсказъ о томъ, какъ онъ ихъ надувалъ. Тутъ Барнумъ становится гениемъ своего дѣла.

Барнумъ случайно нашелъ какую-то полубезумную старуху, съ трудомъ разгибавшуюся и мямлившую всякій вздоръ. Тотчасъ въ его головѣ родилась мысль: «Что, если выдать ее за няньку Вашингтона?» Что долго думать!... Афиши—и давай ее возить изъ города въ городъ. Куда ни привезетъ, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ, что это ни на что не похоже, что это пустяки, что нянкѣ Вашингтона было бы лѣтъ полтора, и всѣ торопятся взглянуть изъ любопытства, что это такое. Толпа выходитъ изъ балагана съ хохотомъ, другая входитъ, обѣ увѣрены, что это вздоръ и обманъ, а Барнумъ откладываетъ себѣ одну тысячу долларовъ за другою.

Возивъ по міру сирену и Тома Пуса, подложную няньку Вашингтона и истинную Джени Линдъ, Барнумъ доплутовался до высокой честности, предсѣдательствуетъ въ обществѣ благотворенія бѣднымъ, даетъ отеческіе совѣты начинающимъ карьеру. Прошедшее, по понятіямъ мѣщанъ, не имѣетъ дѣйствія на милліонъ въ кассѣ; милліонъ все покрываетъ.

Впрочемъ, Барнумъ былъ и прежде всегда нравственнымъ человекомъ; онъ наивно останавливается среди книги, чтобъ сказать читателю, что, несмотря на то, что онъ иногда былъ въ необходимости пользоваться обстоятельствами безъ особенно щепетильнаго разбора средствъ, онъ постоянно перечитывалъ библію и, гдѣ бы ни былъ, ходилъ всегда по воскресеньямъ въ церковь. Онъ даже не забылъ отмѣтить въ пользу своего чувствительнаго сердца, какъ, отправляясь изъ Нью-Йорка въ Лондонъ съ Томомъ Пусомъ, утеръ слезу, прощаясь на пароходѣ съ женою.

Орасъ слезнѣе, нервнѣе его. Орасъ самъ—афиша, живая декорация, воплощенная ложь. Вѣчный актеръ, онъ ежеминутно по-

зируетъ; у него есть идеальный Орасъ, за котораго онъ хочетъ прослать и котораго онъ представлялъ для всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, для мужчинъ и женщинъ, для старыхъ и молодыхъ.

Въ бѣдѣ и счастіи онъ отыскиваетъ одну сценическую сторону, упивается дѣйствиємъ, которое производитъ на другихъ; его эпикуреизмъ не простой, а, такъ сказать, рикошетный; онъ вызываетъ сочувствіе, за которое, съ своей стороны, ничего не даетъ, да еслибъ и хотѣлъ, не можетъ ничего дать; у него совсѣмъ нѣтъ сердца къ чему-нибудь внѣ его самого, но есть поверхностное пониманіе страстей, ни къ чему его не обязывающее; ему нравится ихъ накожное раздраженіе, ихъ дѣйствіе на зрителей, онъ самъ себя увѣряетъ въ нихъ, т. е. лжетъ себѣ самому, но какъ только зыбъ становится непокойною, опасною, онъ выходитъ спокойно сухой на берегъ и идетъ себѣ домой. Если онъ привязывается иногда къ людямъ, то это на томъ основаніи, какъ мы привязываемся къ икрѣ или дичи. Въ немъ нѣтъ внутренняго предѣла, который бы остановилъ его въ чемъ-нибудь,—одного изъ тѣхъ инстинктивныхъ предѣловъ, заявляющихъ свое veto прежде всякаго разсужденія. Сверхъ собственной опасности, для Ораса существуетъ одна узда—партеръ, общественное мнѣніе; оставьте его одного,—онъ не будетъ себѣ мыть рукъ. Пуще всего онъ боится смѣха. Чтобъ выправиться изъ смѣшного положенія, онъ опозоритъ сестру, предастъ друга.

Онъ падокъ на каждое наслажденіе, на каждое лакомство (что не мѣшаетъ ему представлять изъ себя давно потухшій кратеръ). Я увѣренъ, что онъ тайно покупаетъ себѣ конфекты и, запершись у себя въ комнатѣ, ѣстъ ихъ.

Между Барнумомъ и Орасомъ разстояніе не такъ велико, какъ кажется: вмѣсто вашингтоновской няньки онъ показываетъ священные убѣжденія души, любовь, братство, отчаяніе. Все это у него до такой степени не истинно, что Орасъ даже и не развратенъ: разврату надобно отдаваться для того, чтобъ онъ нравился, развратъ требуетъ своего рода откровенности. Орасъ будетъ представлять какую-нибудь роль лоретки, падшаго духа, несчастную любовь, которая алчетъ утопить себя въ смертельныхъ волнахъ чувственности, а не то тотчасъ уснетъ.

По мнѣніямъ онъ непремѣнно радикаль, ненавидитъ аристократію и особенно банкировъ; но страстно желаетъ денегъ, и какъ только попадется въ богатую залу съ коврами, маркизами и канделябрами, у него начинается кружиться голова, онъ чувствуетъ, что *рожденъ* для этого міра. Его утѣшаетъ мысль, что онъ имъ *пожертвовалъ* (не имѣя на то никакого права) своимъ убѣжде-

ніямъ. Дайте ему сто тысячъ франковъ доходу и «monsieur le marquis» передъ фамиліей,—онъ не пуститъ васъ къ себѣ въ домъ.

Существо это, позолоченное снаружи и испорченное внутри, у котораго развиты всѣ страстныя поползновенія и ни одной страсти, вноситъ гибель и несчастіе во всѣ круги людей простыхъ и искреннихъ, пока они не догадываются, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Занятый исключительно самимъ собою и своимъ эффе́ктомъ, онъ, самъ того не замѣчая, оскорбляетъ нѣжнѣйшія струны чужого сердца.

Играя на фальшивыя деньги, онъ всегда въ выигрышѣ, потому что съ другихъ беретъ золото, пока этого не замѣчаютъ. Орасъ силенъ, но, какъ привидѣніе, теряетъ свою силу при дневномъ свѣтѣ.

Минута, въ которую Мирта перешла отъ любви къ ненависти,—нѣтъ, къ презрѣнію, была та, въ которую Орасъ игралъ самоубійцу у ея ногъ и остался, слава Богу, здоровъ.

Орасъ—главный виновникъ бѣдствій, обрушившихся на Европу въ послѣднее время. Онъ увлекъ своими фразами массы такъ, какъ увлекъ Мирту въ романъ для того, чтобъ предать ихъ при первой опасности.

II.

Ж. Сандъ говоритъ, что романъ ея былъ принятъ съ ропотомъ,—это естественно. Развѣ у насъ не сердились на «Ревизора»? Сходство схвачено поразительно, обидно. Она сама испугалась; ей стало совѣстно передъ знакомыми и друзьями. Кисть дрогнула въ ея рукахъ, и она къ концу смѣняетъ улыбку презрѣнія улыбкой снисхожденія. Она дѣлаетъ Ораса адвокатомъ и даже намекаетъ на его исправленіе. Адвокатомъ-то онъ будетъ, и адвокатомъ отличнымъ, защитникомъ вдовъ и сиротъ, негодующимъ карателемъ человѣческихъ слабостей; но Орасомъ онъ останется, потому что онъ можетъ только удачно «представить» исправленіе—не больше.

Исправляются люди безъ заднихъ мыслей, люди увлеченные, безъ *премедитаціи*, люди съ сердцемъ, напимѣръ, Фоблазъ¹⁾. Кстати пришелъ онъ на память. Фоблазъ—отчаянный шалунъ, Орасъ передъ нимъ—отшельникъ. Отчего же первому хочется погрозить пальцемъ, а второго толкнуть ногой?

...Между жителями Новой Зеландіи и обитателями какого-нибудь квартала въ Парижѣ не больше различія, какъ между Фоблазомъ и Орасомъ. А, вѣдь, между тѣмъ и другимъ не Богъ

¹⁾ Герой романа Луве де Куврэ, считавшагося прежде скабрзнымъ; нарицательное имя соблазнителя женщинъ.

знаеть сколько времени прошло. Фоблазъ на старости лѣтъ могъ еще встрѣтить Ораса у маркизы или поколотить его въ оперѣ, когда онъ такъ мѣщански хвастался своей побѣдой,—и поколотить той самой палкой, которую онъ оставилъ у актрисы, а сынъ нашель.

Фоблазъ совершенно искренній человекъ, онъ ищетъ не побѣды, а наслажденія, онъ вѣтренъ, впечатлителенъ и такъ же откровенно раскаивается въ своихъ измѣнахъ Лодоискѣ (всякій разъ двадцатью часами позже, нежели слѣдовало), какъ и измѣняетъ ей. Останавливать Фоблаза поздно, но бояться нечего: онъ со временемъ остепенится и сдѣлается человекомъ; можетъ быть, по дорогѣ онъ потеряетъ состояніе, здоровье, но сердце у него останется.

Фоблазъ жилъ въ испорченномъ воздухѣ будуаровъ; ударилъ громъ ¹⁾: Фоблазъ сдѣлался Ларошжакленомъ ²⁾. Орасъ не переродился землетрясеніемъ; въ немъ нѣтъ больше «нерва», какъ говорятъ французы.

Слабости Фоблаза—мужскія, слабости Ораса—женскія: его настоящее призваніе—жить паразитною жизнью, мучить женщину, дѣлать изъ нея пьедесталь, скамейку, обирать ее, тянуться передъ ней, капризничать и, говоря съ нею, смотрѣть въ зеркало на самого себя.

Но отчего-жъ все это?.. отчего?

А отчего, съ другой стороны, несмотря на то, что «Фоблазъ» часто неприличнѣе романовъ Поль де-Кока, когда вы читаете послѣдніе, чувствуете, что грязь глубже и топче? Уровень понизился!

Между Луве и Поль де-Кокомъ, между «Фоблазомъ» и «Орасомъ» что-то прошло и понизило людей. Съ тѣхъ поръ уровень все еще падаетъ. Фигаро Бомарше и Лизета Беранже сдѣлались теперь такими же идеалами, какъ Баярдъ и Женеваева; Фигаро, забавный, милый плутъ, замѣнился Робертомъ Макеромъ, который уже крадетъ и грабитъ, дѣлаетъ фальшивые векселя, убиваетъ. Вмѣсто Манонъ Леско и Лизеты является Марго (въ «Les Filles de marbre»), которая ничего не любитъ: «ни цвѣтовъ, ни соловья, ni le chant de Romeo» ³⁾, а любитъ только лuidоры...

V-la se qu'aime Margot! ⁴⁾

Марго — женщина за №, патентованная и гарантированная префектурой. Немногимъ лучше ея весь литературный парижскій Сень-Лазарь ⁵⁾, котораго двери растворилъ А. Дюма-сынъ.

¹⁾ Событія великой французской революціи.

²⁾ Графъ Анри, одинъ изъ вождей вандейцевъ.

³⁾ «Пѣснь Ромео».

⁴⁾ Вотъ что любитъ Марго!

⁵⁾ Женская тюрьма въ Парижѣ.

Итакъ, наконецъ, между Фоблазомъ и Орасомъ, между Фигаро и Робертомъ Макеромъ, между Манонъ и Марго прошло мѣщанство, овладѣло людьми и образовало два поколѣнія...

Прикажете продолжать?

876. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 октября (1856).

At M-r Tincler's, Putney.

Вотъ видите, какъ Гоголь зналъ русскую натуру. Селифанъ говоритъ: «вотъ, вѣдь, подумаешь, — и зналъ, что колесо сломано, но не сказалъ...»; такъ и я; отчего не писалъ въ... ¹⁾? вѣдь, зналъ, что вы тамъ, а не писалъ.

Письмо ваше меня обрадовало, потому что давно вѣстей не имѣлъ. Но намѣреніе остаться въ Германіи не радуетъ; еще, развѣ, въ Швейцарію переѣдемъ. Послушайте, Марья Каспаровна, вы слишкомъ умны, чтобъ бояться истинъ, хотя и непріятныхъ: изъ Морица врядъ можно ли многое сдѣлать, да если и можно, то не дома; дома онъ вамъ и Рейхелю отравитъ жизнь.

Насчетъ духовной вы не сумлѣвайтесь: всѣ остальные названы почти изъ учтивости, только дѣльно: Рейхель и Фогтъ.

На васъ всегда и во всѣхъ случаяхъ считаю, какъ на каменную гору, стало, объ этомъ и рѣчи вести не слѣдуетъ. Мы слишкомъ долго съ вами рядомъ шли и вбродъ, и вплавь, и грязь мѣсили... и всякое бывало, кромѣ даже размолвки,—такъ ужъ кончикъ-то добѣжать ничего не значить.

Знаете ли, что Голов. исходатайствовалъ себѣ амнистію да и остается? Это довольно замѣчательно. ¹ Онъ напечаталъ подлѣйшую статью обо мнѣ и Ог.; попрекаетъ Огарева Марьей Львов.,—и это въ печати!

Энгельсонъ — злодѣй первой величины. Какой же онъ сумасшедшій, когда два года точилъ жало и такъ подвелъ, что еслибъ не милый, благородный Саффи, то дѣло могло бы очень дурно кончиться?

Огареву гораздо лучше; Девиль позаконопатилъ, однако, придется дѣлать операцію, вѣроятно, въ ноябрѣ.

Саша ходитъ въ Медицинскій институтъ. У Наташи болитъ третій день голова (ея обыкновенные припадки). Оля—верхъ паяца.

¹⁾ Слово неразобрано.

Огаревы вамъ весьма дружески кланяются, я увѣренъ, что вы съ ними теперь очень хорошо встрѣтитесь. Вотъ пока и все. Октября 20 придетъ къ вамъ Пинто; что можете, посоветуйте ему, дайте писемъ—онъ ѣдетъ въ Россію.

Книгъ не получаль: вы похлопочите объ этомъ.

Наша типографія etc. процвѣтаетъ. ²

◆◆ 1. Гр. Хрептовичъ запросилъ кн. Горчакова о мѣстѣ службы Головина. Но послѣднему захотѣлось не ѣхать въ Россію, а поступить на русскую службу за границей, для чего онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой назначить его корреспондентомъ министерства. Переписка объ этомъ очень любопытна (см. комментаріи къ гл. «И. Голованъ» «въ Быломъ и думахъ»). Въ концѣ концовъ ему было уже приказано немедленно вернуться въ Россію, а такъ какъ онъ этого не исполнилъ, то послѣдовало высочайшее повелѣніе: «не представляя Головину правъ, всемилостивѣйше предназначенныхъ ему въ день священнаго коронованія, оставить его въ прежнемъ положеніи. Пусть посольство паспортовъ въ Россію ему не выдаетъ».

2. 28 сентября 1856 г. Ольга Федоровна Кошелева писала Е. И. Елагиной изъ Веве въ Орель: «Отсюда поѣду въ Женеву. Говорятъ, тамъ Герценъ. Разумѣется, его буду искать и сыщу и увижу. Я въ восхищеніи отъ его ума и таланта писать; все его приобрѣла и читаю съ восхищеніемъ». Письмо это попало въ «черный кабинетъ», было перлюстрировано и представлено въ выпискѣ въ III Отдѣленіе. Начались поиски писавшей и адресата. Оказалось, что за Кошелевой наблюдали уже раньше, съ конца 1855 г., благодаря письму, адресованному тогда къ ней неизвѣстнымъ, гдѣ очень порицались порядки въ арміи Лидерса; оно тоже было въ перлюстраціи и, доложенное шефомъ жандармовъ, удостоилось резолюціи Александра II: «кто такая Кошелева въ Москвѣ, къ которой пишутъ много писемъ въ томъ же родѣ?»

Оказалось, что это урожденная Соловая, жена Александра Ивановича Кошелева, имѣетъ 3000 душъ, а у мужа 6000 д., «справляютъ вторники», дома бывають рѣдко; ей 40 лѣтъ, «женщина ума обыкновеннаго и по образу мыслей не обращаетъ на себя особеннаго вниманія». «Зная лично г-жу Кошелеву, по обществу,—добавлялъ московскій жандармскій генералъ,—оберъ-полицмейстеръ не можетъ сказать о ней ничего, кромѣ хорошаго». Кошелеву взяли подъ наблюденіе, которое и открыло ея письмо къ Елагиной. Предписано было немедленно узнать, когда и откуда отправилась Кошелева за границу. Тѣмъ временемъ узнали, что Елагина уро-

жденная Мойеръ, орловская помѣщица (Болховской уѣздъ дер. Муратово), имѣеть 98 душъ, въ Орлѣ никогда не бываетъ; мужъ—В. А. Елагинъ; имѣють сына 4 лѣтъ; ей около 37 лѣтъ; отецъ ея живетъ въ своемъ имѣніи Покровское-Бунино, куда и она пріѣзжаетъ на лѣто, а зимой живетъ у своей свекрови, извѣстной А. П. Елагиной.

20 октября Тимашевъ предложилъ кн. Долгорукову просить министра финансовъ сдѣлать распоряженіе о тщательномъ осмотрѣ вещей и книгъ Кошелевой при возвращеніи ея въ Россію. Долгоруковъ выразилъ согласіе. Дальше въ дѣлѣ бумагъ никакихъ нѣтъ, слѣдовательно, при Кошелевой ничего не нашли и предали все забвенію (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1855 г., 1 экс., дѣло № 345).

877.

Предисловіе ко второму изданію «Крещеной собственности»,
25 октября 1856 г. (см. № 675).

878. Письмо къ Н. М. Сатину

25 октября (1856).

Зачѣмъ же ты хворашь? Какъ не стыдно. А вотъ что дѣло, то дѣло — весной побывать въ нашихъ туманахъ; помянемъ старину, какъ хаживали къ Перу и къ Матерну. А вѣдь, Ник. Пл. ¹⁾ въ слабыхъ,—онъ только ѣсть, а насчетъ родственной тому функціи не спрашивай. Говорятъ, ты растолстѣлъ,—это не помѣщается въ моей головѣ.

Если ты имѣешь сношеніе съ Пикул., скажи ему, что цвѣточныя сѣмена посланы были по домашнему адресу въ Берлинъ, тамъ не приняли, и они находятся у Schneider'a, Unter den Linden, а чтобы деньги, 2 liv. 15 sh., т. е. 55 руб. не сер., а ассигнац., отдалъ Вѣрѣ Артамоновнѣ.

Прощай же, старый другъ.

879. Письмо къ Т. А. Астраковой.

7 ноября
26 октября (1856).
Лондонъ.

Мнѣ приходится уже сказать: прощайте, Т—на А—на; и что это вы все хмуритесь и пишете письма нахохлившись? Неужели вы

¹⁾ Огаревъ.

думаете, что гдѣ-нибудь лучше или кому-нибудь? Затянулся, натянулся иной разъ,—да и маршъ съ пѣснею:

Намъ ученье ничего,
Впрочемъ, очень тяжело.

Александръ.

880. Письмо къ И. С. Тургеневу.

8 ноября (1856 г.).

At M-r Tinkler's, Putney.

Ваше высокоохотничество, пожалованный въ ваши оруженосцы, поспѣшу въ понедѣльникъ (или вторникъ) въ Gock. Spur street ¹⁾ и о послѣдующемъ особеннымъ письменнымъ зарядомъ извѣщу. Охота же покупать ружья, стоящія двѣ ревизскія души съ бабами въ придачу. Ну, а какъ англикъ (какъ говорятъ поляки) не то ружье дастъ?

Далѣе, сегодняшняго числа окончилъ то письмо, которое тебѣ общалъ: на кайенскомъ перцѣ и съ West Indian pickles ²⁾. Заглавіе будетъ:

«Еще варіація на старую тему».

(Письмо къ И. С.) ³⁾.

Вотъ тутъ-то и вопросъ,—я нарочно поставилъ «И. С.»... Можно подумать, что это значить Ипподрому Сухозанету, но какъ ты повелишь, такъ и будетъ. Печатать еще черезъ два мѣсяца,—только напиши. ¹⁾

Разумѣется, я радъ и благодарю за покушеніе издать старыя вещи мои. Я совершенно въ шутку сказалъ полковнику штаба Писаревскому ⁴⁾ на его вопросъ, можетъ ли издавать мои сочиненія,—съ величайшей охотой. Что же мнѣ теперь дѣлать? не можешь ли ты дать знать Колбасину ⁵⁾, что я сдѣлалъ такую глупость и чтобъ онъ спросилъ у того (не говоря о своемъ предложеніи, а просто отъ меня), издастъ ли онъ въ нынѣшнемъ году или нѣтъ? Если же нѣтъ, я ему предоставлю все право и прошу только въ подарокъ 10 экзempl. ²⁾

¹⁾ Мѣсто, гдѣ находился ружейный магазинъ, куда Тургеневъ просилъ зайти купить ему ружье.

²⁾ Западно-индійскіе пикули.

³⁾ Въ III кн. «Полярн. Звѣзды», № 922.

⁴⁾ Николай Григорьевичъ.

⁵⁾ Елисей Яковлевичъ, писатель близкій къ Тургеневу.

А еще лучше—печатай бы себѣ, не спрашивая; что же мнѣ за такая собственность грѣхи молодости? Пожалуйста, ужъ и этимъ займись. Писаревскій—издатель курса физики.

Въ понедѣльникъ пошлю тебѣ «Разборъ манифеста»—печатный ¹⁾. Пришли что-нибудь въ «Полярн. Звѣзду». Она выйдетъ къ 1 марта. «Дашкову» окончилъ и томъ своихъ записокъ печатать рѣшился. Что будетъ, то будетъ.

Въ письмѣ къ тебѣ ²⁾ я поблагодарилъ подлыхъ славянъ за оскорбительные намеки, сказавъ, что они напоминаютъ дерзость лакея, защищеннаго отъ палки вышиною запятокъ.

Что касается до невралгіи, я помню, что я въ Парижѣ тебя лѣчилъ креолкой; у меня у самого были чудеса послѣ твоего отъѣзда... да съ Девилемъ все прижгли, ужгли, выжгли; больше пріятно, какъ препровожденіе времени; и у тебя опять пройдетъ, ты не сумлѣвайся.

Читалъ ли Павлова статью? Лучшаго я ничего не читалъ давно ³⁾.

Фета въ ящикѣ—я получилъ. Этотъ новый образъ посылки мнѣ нравится, только ящикъ совѣтую брать свинцовый ⁴⁾.

А ргорос, ты перефранкировываешь письма: поставилъ на своемъ письмѣ 12 су, а стоитъ оно только 8 (4 пени). Я буду просить у почты сдачи.

Ты познакомился, кажется, съ Пинто. Онъ очень хорошій человекъ, но откуда у него геймвегъ ⁵⁾ по Россіи?

Не предается ли Мельгуновъ слишкомъ шарнельнымъ ⁶⁾ удовольствіямъ?

Ну, и прощай.

Огаревъ тебѣ много и премного кланяется. Онъ пишетъ длинную статью; вѣдь, онъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокой экономъ».

Дѣти здоровы. Саша въ медицинской школѣ у Девиля рѣжетъ прошлое поколѣніе и доволенъ.

Пиши же.

◆◆ 1. 10 ноября Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа: «Я хототалъ до упаду отъ имени Ипподромъ Сухозанетъ и вовсе не вижу причины, почему тебѣ не поставитъ буквъ: И. Т. Развѣ онѣ не могутъ обозначать: Иліогабалъ Тизенгаузенъ? Сдѣлай одолженіе, не стѣ-

¹⁾ Въ III кн. «Полярной Звѣзды», Огарева.

²⁾ Въ «Еще вариация на старую тему».

³⁾ О «Чиновникѣ» гр. Соллогуба, въ III и IV кн. «Рус. Вѣстника».

⁴⁾ А. А. Фетъ послалъ изъ Парижа Герцену свою книжку стиховъ.

⁵⁾ Heimweg—тоска по родинѣ.

⁶⁾ Charnel—чувственный.

сняйся, — а я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю этого письма. Я и въ Россіи не скрывалъ, что знаю и люблю тебя, тѣмъ болѣе могу я теперь смѣло сознаться въ этомъ передъ кѣмъ бы то ни было» («Письма», 91). 6 декабря Тургеневъ писалъ: «Н. А. М(ельгуновъ—*М. Л.*), котораго я вижу часто, не даетъ мнѣ покоя насчетъ двухъ буквъ, долженствующихъ стать во главѣ твоего письма; онъ увѣряетъ, что это опасно; я убѣжденъ, что это—пустяки, и только желалъ бы, чтобы въ самомъ письмѣ не было упомянуто о подробностяхъ и случайностяхъ нашего свиданія» (тамъ же, 92).

2. Письма Тургенева объ этомъ бр. Колбасинымъ въ №№ 6706 и 6710 «Новаго Времени» 1894 г. Разрѣшеніе на изданіе произведеній Искандера въ Россіи дано не было.

881. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 ноября (1856).

At M. Tinkler's, Putney.

Въ какія это Калифорніи вы заѣхали? ни слуха, ни духа, да и пора пріѣхать. Я люблю, чтобъ каждая вещь была на своемъ мѣстѣ... вы—въ Avenue Marbeuf. А то иной разъ и написалъ бы, да думаешь, куда пойдетъ письмо и пр. А зачѣмъ это вы въ Пруссіи запретили мои «Записки»? ужъ тамъ о Зонненбергѣ писать нельзя ¹⁾?

Ну, а это знаете, что въ Петербургѣ хотятъ печатать повѣсти Искандера? Просто ужъ не то что вверхъ дномъ, а совсѣмъ безъ дна.

Когда вы будете писать къ Егору Ив., надобно же привести въ ясность насчетъ 1,000 fr.; да вотъ бы еще что мнѣ хотѣлось: какъ бы узнать, что дѣлаетъ и какъ живетъ Прасковья Петровна ²⁾? Еслибъ какъ-нибудь извѣдать ее поделикатнѣе, можно ли немного попечатать объ ней (разумѣется, безъ имени). Я самъ бы написалъ, да ужъ лучше послѣ. Думаете ли вы, что это возможно? Ну и вздоръ! такъ-таки и скажите: «Мели кривая,—грошъ на полкѣ».

Вы, кажется, и дурныхъ «Голосовъ изъ Россіи» не слышали, и «Разборъ манифеста» не видали? Пріѣзжайте только, все будетъ.

Ну что же, какъ рѣшили, въ Ер-манію что ли? о концертахъ Рейхеля въ Берлинѣ мы читали похвалы въ газетахъ.

¹⁾ Нѣмецкое изданіе «Тюрьмы и ссылки».

²⁾ Медвѣдева.

Дѣти ничего. Огаревы вамъ много и искренно кланяются. Рейхеля обнимаю.

Гдѣ Марія Федор.? объяснили ли вы ей мою неповинность?

Знаете ли, что Головинъ не только амнистированъ, а—нанятый писарь въ пользу русскаго правительства? Что?!

Прощайте.

882. Письмо къ И. С. Тургеневу.

13 ноября (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Я у ружейника былъ и, несмотря на то, что потерялъ твою записку, торжественно начинавшуюся словомъ «Hereбу» ¹⁾, думаю, что онъ мнѣ фузею отдастъ безъ записки, видя мой видъ, внушающій довѣріе и всякаго рода пріятныя чувства. Беречь буду и, если испорчу, застрѣлюсь, но изъ другого ружья. Деньги (разумѣется, когда придутъ) снеси просто къ Ротшильду и отдай г-ну Schombourg для пересылки мнѣ, а я здѣсь и получу.

Записку на оборотѣ написалъ для изданія... мнѣ что-то все это кажется сномъ ²⁾. Письмо къ Иліогабалу Тизенгаузенъ окончено совсѣмъ, но еще долго не напечатается. Получилъ ли «Амнистію» ³⁾, т. е. статью? я послалъ ее третьяго дня. Здѣсь на почтѣ не читаютъ, но безпорядокъ въ цѣнахъ. Знай впередъ, что если попросятъ прибавки, это—плутовство; я всегда все франкирую, но они этотъ разъ за четыре одинаковыхъ пакета взяли разныя цѣны.

Я для большей важности написалъ въ запискѣ Колбасину *оное*,—какъ-то солиднѣе выходить.

Въ Пруссіи запретили и обобрали мои «Записки»,—вотъ дружба!

Я окончательно рѣшилъ печатать еще часть «Записокъ»; буду съ истиннымъ страхомъ ждать вашего суда. Часть эта мнѣ много стоила и очень дорога. Сладилъ ли? Вотъ въ чемъ и вопросъ; это годы 38, 39, 40.

2 часа. Ружья еще нѣтъ; онъ обѣщалъ принести въ 12. *Принесли и заплатилъ.*

¹⁾ Такимъ образомъ.

²⁾ Письменное разрѣшеніе Колбасину издать его сочиненія, напечатанныя въ Россіи.

³⁾ См. № 673.

Саффи былъ на-лицо (онъ живетъ въ Оксфордѣ, гдѣ онъ профессоръ); я сообщилъ твой поклонъ,—онъ шлетъ свой. Это—единный святой въ проклятомъ Западѣ.

Краевскій просить у меня статей и готовъ на всѣ кондиціи. «Барнумъ и Орасъ» напечатаны.

Асофіева компенсація ¹⁾).

883. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 ноября (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Наконецъ-то, доѣхали!.. Шутка—четверть часа до 1 декабря, а уѣхали, я ужъ не помню, когда.

Полагаю весьма, что увидимся съ вами въ Парижѣ около мая (до поры до времени не говорите объ этомъ), а потомъ, вѣдь, черезъ Швейцарію вамъ будетъ дорога въ Дрезденъ.

У васъ, я думаю, нѣту новостей нашенискихъ? Пошлю сегодня же: 1-е, «Голоса» кн. 1 и кн. 2, 2-е, три экзempl. Огар. стиховъ новыхъ, изъ будущей «Поляр. Зв.»—одинъ вамъ съ Сашкой, другой Мельгунову съ страсбургской женой, третій Тургеньеву ²⁾ съ его невралгіей. Я вамъ такъ и буду посылать *примеры*. Мельгун. я писалъ вчера и послалъ 2,000 fr., да Франсуа забылъ франкировать письмо, а я написалъ Paid ³⁾; не выйдетъ-ли безпорядка въ полученіи, а баринъ du bas Rhin ⁴⁾ и осерчаетъ.

Дѣти всѣ процвѣтаютъ. Теперь все сошло съ ума; приготовляются какія-то чудеса къ 5 числу ⁵⁾), шепчутъ, дѣлаютъ заговоры и даже Оленька говоритъ мнѣ: «а вотъ ты не знаешь, а я не скажу».

Саша послѣднее время занимался отлично анатоміей и физиологіей. Еще сдѣлаемъ что-нибудь путное.

Здоровье Огар. тоже идетъ славно, однако, на дняхъ операцію дѣлать будутъ. Мы сжились втроемъ, будто и вѣкъ вѣковали.

Новости изъ Россіи и не такія узнаете; да, двигается впередъ.

¹⁾ Asophie—безуміе, безразсудство. Передъ этимъ Огаревъ вписалъ, что ружье Тургенева стоитъ 100 бут. шампанскаго. На это и замѣчаетъ Герценъ.

²⁾ Шутка надъ тѣмъ, какъ И. С. написалъ свою фамилію на одномъ франц. изданіи (Tourgueniew).

³⁾ Уплачено.

⁴⁾ Нижняго Рейна; Bas-Rhin—нижнерейнскій департаментъ въ Эльзасѣ, уступленный въ 1871 г. Германіи.

⁵⁾ Именины Герцена.

Въ «Современникѣ» говорятъ обо мнѣ и о Бѣлинскомѣ, называютъ меня: авторъ „Кто виноватъ?“¹⁾. Еще запоемъ мы съ вами: «Внизъ по матушкѣ, по Москвѣ-рѣкѣ».

На первый случай чтобъ не фатиговать²⁾, прощайте.
Рейхеля много обнимаю.

А. Г.

884. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

1 décembre (1856).
Putney.

Encore une fois, chère Malvida, je pense que vous ne m'avez pas bien compris. Je n'ai pas même parlé avec M-me Ogareff concernant vos leçons avant de vous écrire. Moi je prends ces leçons pour demi-sérieuses, et ma pensée était de vous recommander cet homme pour une occupation tout à fait sérieuse. (Vous pourriez prendre une leçon de conterr. et lecture avec M-me O. et deux leçons chez M-r Touloubieff). Car je vois des fautes trop graves, qui me prouvent que vous *devinez* beaucoup et cela est loin de saisir grammaticalement le sens. Dans cette nouvelle, il n'y a de difficile que le récit de Spiridon. Etes vous sûre des «Pêcheurs»?—je n'ai pas tout relu.

J'ai appris avec consternation que le Comité international voulait faire un meeting pour le 14 décembre; toutes ces manifestations sont extrêmement impopulaires chez nous. Je pense que Talandier aura assez d'amitié pour détourner cette chose.

Je suis très content de voir que la citoyenne Jeanne de Rouen commence l'académie de la procréation platonique.

Comme je n'ai pas été au bal masqué aristotelique, je peux vous offrir qq chose pour la Kindermörderin zu Bethleem.

Je pense que nous irons chez Stansf.

Votre tout dévoué

А. Н.

Переводъ.

1 декабря.

Еще разъ, дорогая Мальвида, я думаю, что вы не хорошо поняли меня. Я даже не говорилъ съ г-жею Огаревой о вашихъ урокахъ, прежде, чѣмъ написалъ вамъ. Я лично считаю эти уроки

¹⁾ Въ «Очеркахъ гоголевскаго періода рус. литературы» Чернышевскаго; кружокъ Герцена названъ тамъ кружкомъ Огарева, такъ какъ послѣдній не былъ еще эмигрантомъ.

²⁾ Fatiguer—утомлять.

полу-серьезными, а у меня была мысль рекомендовать вамъ этого челоѡка для занятій совершенно серьезныхъ (вы могли бы брать одинъ урокъ чтенія и разговорной рѣчи у г-жи Ог. и 2 урока у г. Тулубьева 1)). Я замѣчаю у васъ слишкомъ крупныя ошибки, которыя доказываютъ, что вы много *угадываете*, но это совсѣмъ не то, что грамматически схватывать смыслъ. Въ этой повѣсти труденъ лишь рассказъ Спиридона 2)). Увѣрены ли вы въ «Рыбакахъ»? Я не все перечиталъ 3)).

Я съ сокрушеніемъ узналъ, что Международный Комитетъ собирался устроить митингъ по случаю 14 декабря. Всякія такія манифестаціи у насъ чрезвычайно непопулярны. Я думаю, что у Таландье хватить дружескаго чувства, чтобы отговорить отъ этого замысла.

Я очень радуюсь тому, что гражданка Жанна изъ Руана 4)) начинаетъ академію платоническаго произрожденія.

Такъ какъ я не былъ на аристотелевскомъ костюмированномъ балу, то могу вамъ кое-что предложить для костюма женщины-убійцы дѣтей въ Виолеемъ.

Я думаю, что мы пойдѣмъ къ Стансф. 5))

Совершенно вамъ преданный

А. Г.

885. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

4 décembre (1856).

Putney.

Liebe Freundin,

Morgen zwischen $\frac{1}{2}$ 2 und 2 werden wir Sie suchen bei London Bridge Station.

Nun muss ich Ihnen sagen, dass es lange Zeit mir nichts so gelungen hat, als die Vorrede zu den «Fischern».

А. Н.

Переводъ.

4 декабря.

Милый другъ,

Завтра, между $\frac{1}{2}$ 2 и 2 мы будемъ васъ искать на станціи Лондонъ-Бриджъ.

1) ?

2) См. № 722.

3) Мейзенбугъ перевела ихъ на нѣмецкій языкъ.

4) Юганна Кинкель.

5) Стансфильдъ.

Долженъ еще вамъ сказать, что давно уже мнѣ ни что такъ не удавалось, какъ предисловіе къ «Рыбакамъ» ¹⁾.

А. Г.

886. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

4 décembre (1856).

Chère Malvida, premièrement ce n'est pas «le centre»—c'est «l'oeuvre» ou «la vocation». Donc, «fidèle à sa vocation».

Secondement je dis que - - - cumule les pouvoirs de... cela et autre chose, enfin «pouvoir du bourreau et de la mère».

Nous vous attendons demain, le temps est indifférent, venez, lorsque vous êtes libre.

Au revoir donc; tout à vous

A. Herzen.

Переводъ.

4 декабря.

Дорогая Мальвида! Во-первыхъ, это не «центръ»—а «дѣло» или «призваніе». Поэтому нужно: «вѣрный своему призванію».

Во-вторыхъ, я говорю, что - - - совмѣщаетъ въ себѣ власть... то и другое, словомъ, «власть палача и матери».

Мы ждемъ васъ завтра, все равно, въ какое время; приходите, когда будете свободны.

Итакъ, до свиданія. Весь вашъ

A. Герценъ.

887. Письмо къ И. С. Тургеневу.

3 декабря (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Я самъ думалъ, что, можетъ, лучше уанонимить твое письмо; порядочные люди узнаютъ, а непорядочнымъ не нужно. Оно еще не печатано. Къ Рот. ²⁾ за 500 съѣзжу, слѣдующіе могу и подождать, но не безъ процента; я хочу съ тебя взять лихву: сдѣлай ты мнѣ отеческое благодѣяніе,—подари мнѣ твое замѣчаніе объ Іаковѣ

¹⁾ См. № 999.

²⁾ Ротшильдъ.

Ростовцевъ! Я его помѣстилъ,—очень забавно,—при чемъ замѣтилъ, что графъ Строгановъ и состарился, а все Сергѣй Григорьевичъ,—вѣдь, это ихъ бѣситъ ¹⁾).

Если ты копаешься въ римскихъ писателяхъ, такъ прочти же Момзена истор. Что я въ ней читалъ (ex. gr., о Цезарѣ)—превосходно. Ну, а что это тупорожденный Понсаръ ²⁾ о Шекспирѣ навралъ. О, узколовіе галликанское! Некрасовъ въ Римѣ... это что-то звучитъ въ родѣ шуки въ оперѣ. ¹⁾

9 декабря.

Ротш. получилъ 19 liv, кажется, съ половиной; за тобой будутъ, стало, 21 liv. съ полов.

Въ «Петерб. Вѣдом.» помѣщенъ мой «Барнумъ и Орасъ» почти слово въ слово, но съ дикими ошибками. Если у васъ нѣтъ, пожалуй, я пришлю на прочетъ къ Мар. Касп., а вы потомъ пришлите назадъ. Ты знакомъ, что ли, съ Мар. Касп.? я забылъ. Она—славная женщина.

Мел. ³⁾ писалъ насчетъ Поггенполя ⁴⁾); я съ тѣхъ поръ читалъ всякій № «Le Nord». Скажи Мел., чтобъ онъ отсовѣтовалъ Пог. предлагать мнѣ участіе: я ему напишу въ отвѣтъ дерзкое письмо. Это—самый подлѣйшій органъ и съ каждымъ №^о хуже и хуже; посмотрите его статьи о Неаполѣ и о Невшателѣ. ²⁾

Получилъ ли ты листы стиховъ Огарева? ³⁾ Онъ пишетъ новую поэмку, которая еще больше мнѣ нравится.

Пиши на досугѣ и прощай.

Ог. кланяется. Саша цѣлый день въ анатомическомъ театрѣ.

◆◆ 1. 6 декабря Тургеневъ писалъ Герцену: «Отъ Некрасова я давно не имѣю писемъ; кажется, онъ хандритъ и скучаетъ въ Римѣ. Онъ и въ Россіи скучалъ, но не такъ ѣдко; плохо умному человѣку, уже нѣсколько отжившему, но нисколько не образованному, хотя и развитому, плохо ему въ чужой землѣ, среди незнакомыхъ и неизвѣстныхъ явленій! Онъ чувствуетъ смутно ихъ значеніе, и тѣмъ больше разбираетъ его досада и горечь не безсилія, а невозвратно потеряннаго времени!» («Письма», 93).

2. О газетѣ «Le Nord» знаютъ вообще немного, а между тѣмъ Герценъ часто будетъ указывать на нее, да и само по себѣ это было интересное явленіе въ рептильной прессѣ.

¹⁾ См. выноску Герцена въ XX гл. «Былого и думъ».

²⁾ Франсисъ, франц. драматургъ.

³⁾ Мельгуновъ.

⁴⁾ Николай Петровичъ.

Что наше правительство поддерживало нѣкоторыя заграничныя газеты, и при томъ довольно крупными суммами, это знали давно, и, напр., «Neue Preussische Zeitung», называемая короче «Kreuz-Zeitung», даже не особенно скрывала свою прикосновенность къ русскому правительству.

Извѣстный своими статистическими трудами Л. В. Тенгоборскій въ 1854 г. рекомендовалъ открыть за границей собственный органъ, чтобы имѣть возможность вліять на европейское общественное мнѣніе. Сначала думали осуществить его мысль въ Берлинѣ, но, для избѣжанія подозрѣній со стороны Пруссіи, остановились на Брюсселѣ. Редакторомъ былъ избранъ Н. П. Поггенполь,—одинъ изъ представителей фамиліи, давшей намъ нѣсколькихъ дипломатическихъ чиновниковъ. 1 іюля 1855 г. вышелъ первый № «Le Nord» (Лебедевъ, «Записки», «Рус. Архивъ», 1888, XI, 460). До этого, 20 іюня былъ выпущенъ еще особый пробный номеръ. Полное названіе газеты: «Le Nord, journal quotidien. Edition de la poste»; она выходила сначала не совсѣмъ точно, а потомъ ежедневно.

Вскорѣ послѣ выхода перваго номера французское правительство потребовало изгнать изъ Брюсселя и Бельгіи иностранныхъ редакторовъ «Nord». Поэтому Поггенполь и нѣкоторые сотрудники выѣхали въ различные города. Привести въ порядокъ дѣла редакціи былъ командированъ Н. И. Гречъ («Истор. Вѣстникъ», 1882, V, 329—330).

Въ воспоминаніяхъ Э. Г. Тернера рассказано, какъ онъ, въ качествѣ чиновника министерства иностр. дѣлъ, привлеченъ былъ къ сотрудничеству въ правительственномъ органѣ. Расходы по газетѣ были обезпечены откупщикомъ В. А. Кокоревымъ, который стоялъ тогда въ зенитѣ своего обогащенія и пользовался извѣстностью. Завѣдываніе всѣми дѣлами газеты въ Петербургѣ поручено было чиновнику французскаго отдѣленія министерства М. Э. Бурмейстеру, который уже и комплектовалъ авторовъ, а за его переходомъ на службу къ Кокореву—самому Тернеру. Послѣдній состоялъ корреспондентомъ «Nord» около трехъ лѣтъ. «Это дало мнѣ нѣкоторое положеніе въ обществѣ; я сталъ получать приглашенія на разные аристократическіе вечера, такъ какъ хозяйевамъ такихъ собраній было очень пріятно прочесть въ парижскомъ журналѣ хотя краткую замѣтку о бывшемъ у нихъ вечерѣ». Относительно политической части своихъ корреспонденцій Тернеръ получалъ указанія отъ директора министерской канцеляріи Вестмана. Однако, чиновники-писатели были спокойны только до тѣхъ поръ, пока это предпріятіе финансировалъ Кокоревъ, а когда, въ виду рѣшенія

правительства отмѣнить откупа, онъ отказался отъ этого, то оказалось, что Поггенполь не обладалъ способностью поставить денежную часть изданія, не платилъ сотрудникамъ и т. п. Въ 1858 году онъ былъ устраненъ и замѣненъ его помощникомъ Френчески (Тернеръ, «Воспоминанія», «Рус. Старина» 1909, X).

Наша печать, конечно, съ самаго начала знала всю подоплеку и потому обратила вниманіе на «Nord», какъ на барометръ, съ одной стороны, какъ на рептилію—съ другой. Въ VIII кн. «Современника» 1855 г. иностранная хроника начинается съ сообщенія о новой газетѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «1-го іюля (19 іюня по ст. ст.) вышелъ въ Брюсселѣ первый листокъ новой газеты «Le Nord», появленія которой ожидали уже нѣсколько времени тому назадъ. Основаніе одного новаго журнала, одного лишняго политическаго листка въ западныхъ государствахъ, гдѣ ихъ издается такое значительное количество, само по себѣ не составляетъ еще событія замѣчательнаго. Но названная нами газета по направленію, котораго намѣрена держаться, по самой цѣли своего появленія, представляетъ особенный интересъ для насъ, для русскихъ, и потому-то мы считаемъ необходимымъ остановить на ней вниманіе читателей и посвятить ей нѣсколько строкъ на первомъ планѣ нашей не затѣйливой хроники». Затѣмъ хроникеръ передавалъ уже объявленіе самого «Nord'a» о выходѣ и направленіи:

«Газета «Le Nord» поставляетъ себѣ главною цѣлью ознакомить западно-европейскія государства съ нашимъ отечествомъ, разсѣять ложныя опасенія, возникшія тамъ относительно его возрастающаго могущества, разрушить неправильныя о немъ понятія, мнѣнія и сужденія, имѣвшія источникомъ или невѣдѣніе или преднамѣренное нерасположеніе, быть, наконецъ, органомъ союза между Западомъ и Россіей.

«Никогда еще западныя государства не произносили о Россіи сужденія совершенно правильнаго и безпристрастнаго», говорятъ издатели этой газеты въ своей программѣ, «но съ того времени, какъ политическіе журналы разбираютъ предъ судилищемъ общественнаго мнѣнія событія, вслѣдствіе которыхъ возгорѣлась настоящая война и несчастныя послѣдствія этой войны, обвиненіямъ всякаго рода нѣтъ конца и много строгихъ приговоровъ произнесено противъ этой могущественной имперіи.

«До сего времени защитниками Россіи въ этомъ великомъ политическомъ процессѣ являлись только нѣкоторыя американскія и нѣмецкія газеты; но слова ихъ оставались безъ всякаго значенія для огромнаго числа читателей, знакомыхъ только съ французскими журналами.

«Вотъ причина нашего существованія, вотъ почему мы избрали для себя названіе, стоящее во главѣ нашихъ страницъ. Объявляемъ громко и открыто: мы—голосъ изъ Сѣвера, голосъ искренній и прямой, голосъ совѣсти чистой, незнающей за собой никакой вины».

Разсматривая ближе положеніе нашего отечества и его отношенія къ другимъ европейскимъ государствамъ, издатели говорятъ:

«Россія имѣетъ свою исторію, свою религію, свою національность совершенно отличная отъ исторіи, религіи и національностей другихъ европейскихъ народовъ, долго жившихъ общею жизнію, имѣвшихъ въ феодализмѣ общее государственное устройство и въ католичествомъ общую религію; потому-то Россія должна имѣть и свои элементы общественнаго порядка, которые и развиваются логически сами изъ себя.

«Къ тому же то, что Россія дѣлаетъ у себя, касается лично ея; остальные государства могутъ занимать въ этомъ отношеніи только два вопроса: заключаетъ ли въ себѣ естественное, прогрессивное развитіе, основныхъ элементовъ общественнаго порядка въ Россіи какую-нибудь опасность для европейскихъ государствъ? и,—находятся ли эти элементы въ прямой противоположности съ общественнымъ устройствомъ и съ цивилизаціей Европы?

«Доказать неосновательность подобныхъ предположеній, разсѣять опасенія, успокоить умы—вотъ что будетъ нашею задачею. Если мы успѣемъ ее выполнить, то, безъ сомнѣнія, много содѣйствуемъ къ скорѣйшему заключенію мира, вѣроятно всѣми желаемого и безспорно равно важнаго для всѣхъ».

Издатели исповѣдывали неизмѣнное уваженіе ко всѣмъ формамъ правленія, каковы бы онѣ ни были, имѣютъ ли онѣ во главѣ своей монарха, царствующаго по праву законнаго наслѣдства, или государя, возведеннаго на престоль волею народа или, наконецъ, президента, управляющаго государствомъ на основаніи законовъ. Они объявляли, что будутъ воздерживаться отъ всякихъ разсужденій о вопросахъ, касающихся внутренняго устройства государствъ, и что всякая ожесточенная полемика, всякая вражда къ націямъ и къ лицамъ будутъ постоянно чужды ихъ журналу.

Правительство приняло сразу мѣры для поддержанія своего органа и въ этомъ отношеніи не обошлось, какъ всегда, безъ курьезовъ. Приказаніе объ обязательной подпискѣ зашло такъ далеко, что даже сельскія управленія должны были подписываться на французскую газету («Дневникъ» Валуева, «Рус. Старина» 1891, XI, 416).

Сотрудниками «Nord» въ разное время были Н. И. Гречъ,

Яковъ Н. Толстой, гр. Д. Н. Толстой, Ю. Мавринъ, Моллеръ, Катакази, Скрипицынъ и др.

Поггенполь, котораго Огаревъ популяризоваль въ извѣстномъ четверостишіи:

«Въ Nord'ѣ сквозь всѣ тонкости
Языка французскаго
Все же такъ и слышится
Полянъ поля русскаго»,

очень старательно вербоваль сотрудниковъ изъ видныхъ писателей, но мало успѣлъ въ этомъ отношеніи,—кажется, только Ѡ. И. Тютчевъ, А. Н. Майковъ и М. П. Погодинъ поддались на его удочку. Вотъ что писалъ о немъ Тургеневъ Герцену какъ разъ въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 9 декабря: «Поггенполь—интриганъ, русскій нѣмецъ, который увѣряетъ, что ненавидитъ нѣмцевъ и «чюѣствуетъ союзу» (собственные его слова) съ русскимъ мужикомъ. Онъ и ко мнѣ забѣгалъ да и ко всѣмъ. Богъ его знаетъ, какими способами онъ приобрѣлъ «Le Nord»—и теперь, такъ какъ вѣтеръ, кажется, въ Россіи перемѣнился, то и онъ хочетъ не отстать и т. д. Порядочному человѣку съ этакими молодцами знаться не для чего» («Письма», 94).

Герценъ еще не зналъ тогда всего, мною сказаннаго, но былъ возмущенъ статьяма «Nord» о Неаполѣ и Невшателѣ. Чтобы характеризовать брюссельскую газету скажу о послѣднемъ. Въ 1856 г. въ кантонѣ Невшатель вспыхнуло вооруженное роялистическое возстаніе противъ республиканскаго правительства. Естественно, что федеральное швейцарское правительство приняло сторону послѣдняго и отдало подъ судъ заговорщиковъ возстанія. Пруссія и другія державы протестовали. Швейцарское правительство соглашалось освободить подсудимыхъ подъ условіемъ признанія державами полной независимости Невшателя отъ прусскаго короля. «Mopiteur» Наполеона III упрекнулъ его въ уступчивости дѣмагогическимъ вліяніямъ и былъ поддержанъ «Le Nord».

Въ январѣ 1857 г. Погодинъ отправилъ въ «Nord» свою статью о современномъ положеніи Россіи, направивъ ее черезъ директора азіатскаго департамента Ег. П. Ковалевскаго къ министру иностр. дѣлъ кн. Горчакову. Въ мартѣ автора увѣдомили, что статья «очень понравилась по своей мѣткости и бойкости», но отправить ее совѣтовали прямо по адресу, минуя министерство.

Очень любопытенъ конецъ этой статьи: «Чтобы убѣдить васъ еще болѣе въ русскомъ безпристрастіи, которое составляетъ не только нашу добродѣтель, но даже нашъ порокъ, я скажу вамъ въ

заключеніе, почему газета ваша имѣтъ въ Россіи не столько подписчиковъ, сколько вы ожидали: потому что она считается слишкомъ къ намъ расположенною; мы хотимъ отъ васъ слышать больше правды, чѣмъ оправданій. Чѣмъ больше будете вы говорить этой правды, безъ желчи, безъ ненависти, какъ дѣлаютъ другіе, а съ добрымъ намѣреніемъ, отъ души, тѣмъ больше найдете у насъ сочувствія. А въ Европѣ ваша прекрасная газета можетъ увеличить число подписчиковъ, когда будетъ помѣщать болѣе дѣльныхъ свѣдѣній о Россіи, которыхъ у насъ, все-таки, недостаетъ. Соедините эти два условія, и я предрекаю вамъ блистательную будущность; всѣ европейскія газеты болѣе или менѣе пристрастны, пишутъ въ угоду тому или другому правительству, той или другой партіи, тому или другому образу мыслей. Безпристрастіе и независимость—вотъ что должно быть написано четкими буквами на знамени «Le Nord», и видимо-невидимо европейскаго народа подъ него соберется».

Поггенполь напечаталъ статью Погодина; она имѣла успѣхъ. Поггенполь писалъ автору: «русскіе мнѣ не пишутъ»; «вотъ уже около полугода, какъ я обратился ко многимъ изъ бывшихъ товарищей моихъ, къ нѣкоторымъ профессорамъ и литераторамъ, и изъ всѣхъ вы одинъ осчастливили меня отвѣтомъ»; «если бы всѣ корреспонденты «Le Nord» могли бы понять, подобно вамъ, что «Nord»—не органъ русскаго правительства, но русскаго народа» (Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XV, 58—73).

Поггенполь принималъ мѣры, чтобы убѣдить въ этомъ ужасномъ заблужденіи и Россію и Европу, и достигалъ этого съ помощью русской цензуры: изрѣдка помѣщались статьи, довольно рѣзко осуждавшія явленія русской жизни, читались на Западѣ и... вырѣзывались въ цензурѣ на границѣ. И находились люди, которые вѣрили «органу русскаго народа». Впрочемъ, часть матеріала помѣщалась по настоянію великаго князя Константина Николаевича или его близкихъ—А. В. Головина, Д. А. Милютина, Рейтерна и др., но по своему содержанію, все-таки, вырѣзывались цензурою.

Великій князь принялъ большое участіе въ судьбѣ «Nord» съ начала 1857 года.

18 (30) апрѣля 1857 г. онъ писалъ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову изъ Тюльерійскаго дворца:

«Во время нынѣшняго заграничнаго путешествія моего я еще болѣе убѣдился въ томъ, какое важное значеніе пріобрѣли въ послѣднее время на дѣла государственныя журналы и газеты, распространяя вѣрныя или ложныя свѣдѣнія и тѣмъ самымъ имѣя большое вліяніе на общественное мнѣніе. Нынѣ невозможно пренебре-

гать этимъ мнѣніемъ, а, напротивъ того, слѣдуетъ пользоваться тѣми орудіями, которыя могутъ дать ему то или другое направленіе. Нынѣ каждому государству, каждому министерству и каждому частному предпріятію важно, чтобъ публика получала о немъ своевременно, то есть какъ можно скорѣе, вѣрныя, правильныя и добросовѣстно изложенныя свѣдѣнія, дабы предупредить ложныя извѣстія, которыя потомъ уже трудно опровергнуть, и дабы не оставлять общество въ невѣдѣніи, слѣдствіемъ котораго бываетъ обыкновенно равнодушіе и холодность. Примѣняя эти истины къ нашему отечеству, я нахожу, что намъ необходимо не упускать ни одного случая знакомить Европу съ тѣмъ, что у насъ есть дѣйствительно хорошаго въ наукѣ, администраціи и народной жизни, дабы тѣмъ самымъ снискать всеобщее уваженіе и расположеніе, безъ которыхъ невозможно итти съ желаннымъ успѣхомъ по пути усовершенствованій. Однимъ изъ средствъ къ распространенію за границей подобныхъ свѣдѣній представляется прекрасный журналъ «Le Nord», который пріобрѣтаетъ со дня на день бѣльшую извѣстность и довѣріе. Къ сожалѣнію, должно сказать, что, несмотря на всѣ усилія и старанія редактора, журналъ этотъ сообщаетъ весьма мало статей изъ Россіи и объ Россіи, т. е. именно такого рода статей, которыя могутъ быть намъ полезны за границей. Равнодушіе русскихъ и неопытность есть главная причина этого, и редактору «Le Nord» весьма трудно найти себѣ корреспондентовъ въ Россіи.

«Посему я почелъ неизлишнимъ обратить на это обстоятельство просвѣщенное вниманіе вашего высокопревосходительства на случай, если бы вы изволили признать возможнымъ поручить гг. попечителямъ учебныхъ округовъ пригласить извѣстныхъ имъ ученыхъ, также просить нашу Академію сообщать въ «Le Nord», черезъ посольство въ Брюсселѣ, тѣ свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ въ Россіи, которыя было бы полезно распространить за границей.

«Въ заключеніе прошу ваше высокопревосходительство вѣрить, что я буду искренно благодаренъ вамъ за содѣйствіе, которое вы изволите оказать помянутому журналу, доставивъ ему черезъ ваше покровительство дѣльныя и полезныя статьи о Россіи».

11 іюня, будучи въ Теплицѣ, Норовъ отвѣтилъ Константину Николаевичу, что вполне раздѣляетъ его мнѣніе: «я передамъ нѣкоторымъ путешествующимъ за границую профессорамъ нашимъ потребныя для того наставленія». А 30 іюня товарищъ Норова кн. П. А. Вяземскій увѣдомилъ великаго князя, что «начальникамъ учебныхъ округовъ циркулярно предложено о доставленіи по временамъ въ министерство статей, касающихся до ученой и учебной дѣятельности учебныхъ округовъ», то же сдѣлано и съ академиками. Управляющій

министерствомъ иностр. дѣлъ сообщилъ кн. Вяземскому 8 іюля, что нашему посланнику въ Брюссель поручено, въ случаѣ получения въ миссіи статей о Россіи, немедленно передавать ихъ редактору «Le Nord».

Предписаніе возымѣло свое дѣйствіе: 5 сентября попечитель дерптскаго учеб. округа послалъ министру статью директора дерптскаго ветеринарнаго училища Иессена «L'epizootie»; по полученіи она была отправлена на просмотръ министру внутреннихъ дѣлъ. 17 октября послѣдній вернулъ статью, признавъ необходимымъ замѣнить въ ней одну страницу другою, которая и была приложена. 4 ноября попечитель харьковскаго округа прислалъ отчетъ ректора университета за 1856—57 г., но не удовлетворилъ министра, нашедшаго, что неудобно послать статью, состоящую сплошь только изъ заглавій ученыхъ трудовъ. Попечитель спѣшилъ поправиться и въ декабрѣ прислалъ статью проф. Борисяка объ антрацитѣ, подъ заглавіемъ «Apperçu sur l'Anthracite de la Russie meridionale», а отъ себя прибавилъ письмо къ редактору «Le Nord». (Архивъ министерства народ. проsv., дѣло № 130947).

Въ августѣ 1857 г. «Nord» сталъ замѣтно либеральнѣе. Въ концѣ года онъ напечаталъ въ русскихъ журналахъ слѣдующее письмо:

«Если Россія чувствуетъ потребность ближайшаго знакомства съ наукою и жизнью западною, то, съ своей стороны, Европа сознаетъ необходимость знать Россію и ея народъ, великій членъ европейской семьи. Но это стремленіе не можетъ осуществиться безъ содѣйствія самихъ русскихъ. Не говоримъ о трудностяхъ русскаго языка для иностранцевъ, но если бы даже это препятствіе отстранилось, цѣль не была бы вполне достигнута. Изученіе официальныхъ актовъ и литературныхъ произведеній недостаточно; не одна буква жизни, а самая жизнь русская особенно интересуется Европу. Понять и выразить существенныя стороны этой жизни, постигнуть смыслъ совершающихся явленій общественныхъ во всемъ ихъ разнообразіи, правильно оцѣнить ихъ значеніе могутъ только люди того же общества, отъ плоти и костей его.

«Мы предлагаемъ нашъ журналъ, какъ посредникъ между Россіей и западною Европою. Издаваясь на языкѣ общеевропейскомъ, на нейтральной территоріи, въ которой свобода слова есть одно изъ политическихъ основаній, «Le Nord» постарается воспользоваться этою свободой для обоюдной пользы Запада и Россіи. Мы твердо убѣждены въ томъ, что открыто сознаться въ своихъ недостаткахъ можетъ только великій народъ, у котораго есть славная будущность. Истина должна стоять выше предразсудковъ ложнаго

патріотизма. Пусть иностранцы узнаютъ дѣйствительную Россію, и они найдутъ въ ней много предметовъ для сочувствія; это знаніе необходимо успокоитъ національныя предубѣжденія, въ немъ залогъ примиренія. Мы призываемъ всѣхъ русскихъ, кто дорожитъ пользами отечества, во имя этой пользы и во имя мира, содѣйствовать намъ въ достиженіи нашей цѣли и надѣмся встрѣтить отголосокъ и сочувствіе въ лучшихъ представителяхъ русскаго общества» («Рус. Вѣстникъ» 1857, октябрь, II).

Поггенполь не всегда попадалъ въ тонъ и потому получалъ нахлобучки съ разныхъ сторонъ: то отъ шефа жандармовъ, то отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то отъ министра финансовъ, то отъ посла и т. п. Изъ переписки В. П. Балабина съ гр. П. Д. Киселевымъ видно, что дипломатическіе сановники не очень-то церемонились съ редакторомъ «Le Nord» и печатали тамъ все, что хотѣли («Рус. Старина» 1902, XI).

Съ середины 1858 г., когда средства газеты, ассигнованныя Кокоревымъ, приходили къ концу, Поггенполь пошелъ стараться во всѣ тяжкія. Вотъ напр., объявленіе помѣщенное въ журналахъ:

«М. Г., Русскіе путешественники постоянно жаловались на невозможность найти за границей русскіе журналы, книги и пр. При нынѣшнемъ увеличеніи сношеній Россіи съ Европою и особенно при нынѣшнихъ важныхъ событіяхъ, совершающихся въ Россіи, и при развитіи отечественной литературы, за которымъ всякій русскій жаждетъ слѣдить, недостатокъ этотъ сдѣлался еще чувствительнѣе. Дирекція журнала «Le Nord», поставившаго себѣ цѣлью быть за границей представителемъ русскихъ общественныхъ интересовъ, рѣшилась удовлетворить этому общему требованію русскихъ.

«Посему честь имѣю объявить, что нынѣ открытъ въ Парижѣ «Office de Nord», при которомъ находятся: 1) *библіотека для чтенія* всѣхъ русскихъ, польскихъ и иностранныхъ газетъ, журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, помѣщающаяся въ особенно для сего отведенныхъ залахъ; 2) *магазинъ* всѣхъ русскихъ, польскихъ и иностранныхъ книгъ. *Подписка* на русскіе, польскіе и иностранные журналы, газеты и другія періодическія изданія и 3) контора русскаго агентства для всевозможныхъ порученій, справокъ, переводовъ на всѣ европейскіе языки, составленіе актовъ и пр., и пр., для иностранцевъ, имѣющихъ дѣла съ Россіей, равно и для русскихъ, имѣющихъ дѣла за границей... «Office de Nord» присоединилъ къ конторѣ русскаго агентства особое отдѣленіе, которое, подъ управленіемъ людей спеціальныхъ, принимаетъ на себя обязанность не только исходатайствовать привилегіи, но и пустить въ ходъ самыя

изобрѣтенія въ Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ» («Рус. Вѣстникъ» 1858, июнь, II).

Закончу этотъ краткій обзоръ дѣятельности и роли «Le Nord» его объявленіемъ о подпискѣ на 1861 годъ, напечатаннымъ въ русскихъ изданіяхъ, въ той части, гдѣ не повторено сказанное въ прежніе годы.

«Въ отношеніи прочихъ занятій своихъ *Сьверъ*, вѣрный программѣ, предначертанной имъ себѣ со времени принятія характера журнала международнаго, *Journal International*, постоянно заботится о развитіи своихъ связей съ представителями народностей, не жалѣетъ ни труда, ни средствъ для приобрѣтенія во всѣхъ странахъ образованнаго міра сотрудииковъ, которые бы, и по своимъ убѣжденіямъ, и по способностямъ, соотвѣтствовали неуклонному стремленію его быть сподвижникомъ и представителемъ всеобщаго и всесторонняго прогресса человѣчества. Представитель національныхъ интересовъ, онъ итальянецъ въ итальянскомъ дѣлѣ, славянинъ—въ славянскомъ. Вѣруя въ успѣхъ будущаго развитія Россіи, онъ поставилъ себѣ задачей, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать мирнымъ преобразованіямъ, совершающимся въ нашемъ отечествѣ. Русскіе читатели могли убѣдиться въ этомъ, встрѣчая въ немъ многочисленныя статьи по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ, занимающимъ и заботящимъ cadaго истинно-Русскаго. «Участіе публики, соотвѣтствующее его стараніямъ и посильнымъ успѣхамъ, сочувствіе образованнаго міра служатъ ему лучшимъ поощреніемъ къ постоянному и неусыпному служенію великому дѣлу человѣчества».

3. Тургеневъ нашель при листкахъ стиховъ Огарева нѣсколько страницъ воспоминаній Герцена и писалъ ему 17 декабря: «Рѣшительно оказывается, что собственно твое призваніе—писать такого рода хроники. Это въ своемъ родѣ стоитъ Аксакова. Я уже, кажется, сказалъ, что въ моихъ глазахъ вы представляете два электрическихъ полюса одной и той же жизни—и изъ вашего соединенія происходитъ для читателя гальваническая цѣпь удовольствія и ученія» («Письма», 94).

888. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

11 Décembre (1856).
At Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, vous pouvez toujours écrire à Czerniecky 82 Jud. Street Brunswick sq. (c'est à dire à l'imprimerie) car je ne connais pas sa maison.

Au lieu de Dillon, j'ai été au Meeting d'Orsini, dans S. Martin's Hall. Votre observation est parfaitement juste quant aux distances, et vous pouvez être sûre que le monde se corrigera... C'est cette force d'inertie, de passivité, de laisser aller, qui tue les Russes.

J'ai reçu une lettre de Plattenhauer, il a des nouvelles de Reichenbach.

Adieu.

Tout à vous

A. Herzen.

Переводъ.

11 декабря.

Дорогая Мальвида, вы можете писать Чернецкому по прежнему адресу (т. е. въ типографію), такъ какъ его домашняго адреса я не знаю.

Вмѣсто Диллона, я былъ на митингѣ Орсини, въ S. Martin's Hall. Ваше замѣчаніе относительно разстояній совершенно вѣрно, и вы можете быть увѣрены, что свѣтъ исправится... Русскихъ убиваетъ сила инерціи, пассивность и непротивленіе окружающему.

Я получилъ письмо отъ Платенгауера; у него есть новости о Рейхенбахѣ.

Прощайте.

Весь вашъ

A. Герценъ.

889. Письмо къ И. С. Тургеневу.

16 декабря (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Отчего же ты не отвѣчаешь на мой запросъ объ Іаковѣ Ростовцевѣ? я и напечаталъ на свой страхъ ¹⁾. Когда вся статья моя (отрывокъ изъ «записокъ») будетъ готова, я пришлю. При семъ рекомендую тебѣ добрыхъ и отличныхъ соотечественниковъ, которые привезутъ свѣжую вѣсть ²⁾.

Посылаю «Крещ. соб.» 2 изд. Взгляни введене. Мнѣ какіе-то русскіе пишутъ толстыя анонимныя письма, но зато очень глупыя. Все это—воззрѣніе осиплыхъ «Голосовъ» 1-го ливрезна.

¹⁾ 21 декабря Тургеневъ писалъ: «съ великой радостью уступаю тебѣ Іакова Ростовцева».

²⁾ Владиміръ Никитичъ Кашперовъ, композиторъ и впослѣдствіи издатель «Зари», и Грибовскій.

Какъ вашъ пузырекъ-съ ¹⁾?

А Ог. скоро будутъ рѣзать; все-таки, оно *bedenklich* ²⁾.

890. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 декабря (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Вотъ вамъ назадъ парижскіе русскіе, а лондонскіе все также на мѣстѣ. Вы получите отъ Кашперева—2 «Полярн. Звѣзды» второй книжки и 1—первой. Если что вамъ надобно изъ русскихъ книгъ, вы можете брать даромъ у Франка, давая записочку, которую онъ будетъ присылать къ Трюбнеру, а я ему—книги. Русскихъ съ деньгами не балуйте,—пусть покупаютъ. Вы знаете, что съ апрѣля продано на 10,000 франк. моихъ книгъ!? Изъ нихъ 5,000 взялъ себѣ Трюб., а 5 заплатилъ мнѣ сполна.

Еще посылаю вамъ втор. изд. «Крещеной собственности»,—тамъ слѣдуетъ прочесть введеніе.

Огаревы и дѣти—все здраво и невредимо и вамъ кланяются. Прощайте.

Турне силь ву плэ ³⁾.

Передайте Лаво, и это непременно, 1-е, что, разумѣется, надо начинать съ Вѣры Артам. ⁴⁾, но что и ту часть слѣдуетъ въ свое мѣсто, которая теперь печатается; 2-е, нельзя ли намъ переслать черезъ Франка «Записки» Аксакова? Мейзенб. хочетъ ихъ переводить; 3-е, Мишле благодарю очень, но книгъ его, о которыхъ онъ мнѣ писалъ уже съ мѣсяцъ, не получилъ. Adieu.¹

◆◆ 1. Привожу три письма Ж. Мишле къ Герцену:

Парижъ.

21 марта 1856.

Вы перемѣнили нѣсколько квартиръ, и я не знаю, посылать ли вамъ мои новыя книги по прошлогоднему адресу.

Одинъ изъ нихъ, это—«Птица», маленькая книжка по естественной исторіи, составленная отчасти моею женою; другой, который васъ больше заинтересуетъ, это—«Религіозныя войны» (1547—1572).

Тамъ вы найдете множество вещей, поистинѣ великихъ и

¹⁾ Тургеневъ страдалъ болѣзнью пузыря.

²⁾ Страшно.

³⁾ Tournez, s'il vous plait—Переверните, пожалуйста.

⁴⁾ Т. е. съ I гл. «Былого и думъ».

трогательныхъ, особенно полезныхъ для нынѣшняго нашего времени, не блещущаго ни силою, ни чистотою дѣятелей.

Въ этомъ томѣ я далъ лишь то, что относится къ *протестантству*, не примѣшивая исторіи Возрожденія, открытій и наукъ. Это—большое преимущество для единства въ изложеніи (въ искусствѣ и въ формѣ). Это—и справедливая дань: я хотѣлъ, чтобы мученики, которые дѣйствительно были предтечами новѣйшей свободы, получили для себя цѣлый томъ, безъ отвлеченій отъ нихъ,—цѣлый денѣкъ на солнышкѣ; увы, они его очень заслужили! Этотъ томъ съ ужаснымъ содержаніемъ: полный крови, костровъ, пытокъ, сожженныхъ живьемъ женщинъ и пр., и пр.

У обоихъ издателей (Гашетъ для «Птицы», Шамро для «Войнъ») имѣются въ Лондонѣ корреспонденты, которымъ они хотятъ послать эти книги, но я былъ бы весьма вамъ признателенъ, если бы вы сами захотѣли какъ-нибудь разгласить о нихъ.

Сообщите, пожалуйста, что «Полярная Звѣзда» и ваши русскія изданія? Для меня ничего нѣтъ болѣе интереснаго. Удалось ли вамъ войти въ сношенія съ темнымъ и огромнымъ океаномъ Россіи? Говорятъ, тамъ бьются сердца за свободу, но чьи?

Жму вамъ руку съ нѣжностью.

Ж. Мишле.

Люцернъ, 9 сент. 56.

Негодую, дорогой Герценъ, узнавъ, что вы до сихъ поръ не получили «Птицу»: я раза 3—4 говорилъ объ этомъ, сообщалъ вашъ адресъ.

Возвращаюсь въ Парижъ 1 октября и былъ бы очень радъ принять васъ тамъ. Устройте, по возможности, свою поѣздку такъ, чтобы мы снова увидѣлись.

По общимъ отзывамъ, лучшее зимнее убѣжище въ Швейцаріи, съ итальянскою температурою и восхитительнымъ ландшафтомъ, это—*Монтре* близъ Вэвэ, на Женевскомъ озерѣ; я тамъ очень хорошо прожилъ полтора мѣсяца у г-жи Габерель, сестры одного женевского пастора. Пароходы безпрестанно сновали въ разныя стороны и держали насъ въ постоянномъ сообщеніи съ Женевою, Лозанною и пр. Былъ у меня тамъ,—что рѣдко случается,—и отличный докторъ.

Вы меня дарите очень хорошею вѣстью, сообщивъ, что вашъ журналъ встрѣчаетъ столько сочувствія, и что ваше великое отечество пробуждается; отъ всего сердца привѣтствую это предзнаменованіе.

Конечно, онъ живъ еще, нашъ Бакунинъ, такъ какъ поло-

женіе его улучшилось. Его легенда, его тюрьма, его смерть, — все это мнѣ сто разъ мерещилось ночью, было моимъ сновидѣніемъ. Нѣтъ ни одного мученика, которому я посвятилъ бы столько добрыхъ пожеланій! Теперь другой мученикъ изнемогаетъ и, быть можетъ, умираетъ въ австрійской тюрьмѣ, это — г-жа Телеки ¹⁾ (сестра г-жи Дежерандо); несмотря на ея ослабѣвшее здоровье, нельзя было выхлопотать никакихъ льготъ.

Тысяча благодарностей за статьи вашихъ друзей о XVI вѣкѣ. «Лига» появится 1 ноября. Сообщите, куда вамъ послать ее и кому ее дать въ Лондонѣ въ ваше отсутствіе.

Для меня, при моемъ очень дурномъ здоровьѣ было утѣшеніемъ, дорогой Герценъ, получить такое письмо, какъ ваше, и почувствовать, что *наша церковь*, что церковь православная укрѣпляется и все тѣснѣе заключаетъ свои узы.

Привѣтствую васъ тепло и сердечно.

Ж. Мишле.

15 ноября 1856 г.

Не подумайте, дорогой Герценъ, чтобы я, хоть на минуту, упустилъ изъ виду интересующее васъ дѣло, но Мишель Леви ²⁾, къ которому я сначала обратился, заставилъ меня долго и безрезультатно ждать, такъ какъ, — говоритъ онъ, — не рѣшался издавать въ такое время, когда наше правительство начало сблизаться съ русскимъ. Онъ прямо не отказывается, но хотѣлъ бы подождать. Затѣмъ я обратился къ вдовѣ Пагерръ, которая, вмѣстѣ съ сыномъ, выказала больше готовности; я далъ ей, въ видѣ образца, длинную статью Делава въ «Revue des Deux Mondes». Однако, въ виду нынѣшняго безпокойнаго для всѣхъ времени, не возлагаю большихъ надеждъ; получу отвѣтъ на будущей недѣлѣ. Но я счелъ долгомъ сказать вамъ нѣсколько словъ, чтобы вы были въ курсѣ дѣла.

Тепло жму вашу руку.

Ж. Мишле.

Книгопродавецъ увѣряетъ меня, что теперь онъ уже послалъ вамъ «Птицу».

Другой издатель отправилъ вамъ «Лигу».

Не знаю ничего интереснѣе *вашихъ воспоминаній*.

¹⁾ Жена графа Ладислава Телеки, венгерскаго литератора и политическаго дѣятеля, эмигрировавшаго въ 1849 г. во Францію послѣ того, какъ его приговорили къ смертной казни. Послѣ 1860 года былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ, но въ томъ же году найденъ застрѣленнымъ.

²⁾ Старинная крупная издательская фирма въ Парижѣ.

891. Письмо къ С. И. Астракову.

(Декабрь 1856).

Всѣ замѣчанія насчетъ поклоненія западнымъ тельцамъ и баранамъ совершенно вѣрны, и я отъ души похоталъ восторгу нашихъ, что улицы метуть щетками. Бѣда только... думаютъ, что политика-то съ ними однокорытникъ... Ужъ отъ ихъ-то... отказываюсь. Читаемъ здѣсь все русское; присылай свою механику съ У—и, со всѣми X и K и F и Z, а меня люби хотя немножко.

*Александръ.***892. Письмо къ Н. М. Сатину.**

(Декабрь 1856).

Дружески, сильно обнимаю тебя и васъ. Я недавно въ лицахъ представляла, какъ у тебя, бывало, болѣла голова во время университетскаго курса.

*Твоя Emilie.***893. Надпись для Н. П. Огарева.**

Огареву для того, чтобы до будущихъ именинъ исписать все, и при томъ не прозой.

*А. Герценъ.*6 декабря 1856. Пикадилли ¹⁾.**894. Письмо къ М. Мейзенбугъ.**

18 Decem. (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, j'ai été tellement occupé avec les russes—que je n'avais pas le temps de vous écrire; enfin hier je les ai embarqué. J'ai écrit à M. Delaveau pour les «Mémoires» d'Aksakoff—il y a une continuation dans les revues. Mais ici, encore une fois je dois le dire, ce

¹⁾ Мѣсто, гдѣ купленъ альбомъ.

n'est pas facile de traduire parce que c'est très national. Voulez vous traduire pour un journ. anglais une nouvelle de Tourguénéff—«Faust» du français (Revue des Deux Mondes)—c'est nouveau.

Je vous envoie la moitié d'un billet de 5 liv. — lorsque vous m'enverrez la réponse, je vous enverrai l'autre.

Je n'ai pas encore été chez Rotschild—mais j'irai peut-être demain—outre les 15, vous aurez nécessairement encore de 7 à 8 Liv. De grâce, pardonnez moi le délai.

Tout à vous *A. Herzen.*

Переводъ.

18 дек.

Дорогая Мальвида, я такъ былъ занятъ съ русскими, что не имѣлъ совѣмъ времени писать вамъ. Наконецъ, вчера я посадилъ ихъ на корабль. Я написалъ г. Делаво относительно «Воспоминаній» Аксакова; есть продолженіе въ журналахъ. Но еще разъ долженъ сказать, что перевести будетъ не легко, потому что это—очень національная вещь. Хотите ли вы перевести для англійской газеты повѣсть Тургенева «Фаустъ» съ французскаго («Revue des Deux Mondes»)? это ново. Посылаю вамъ половинку ассигнаціи въ пять фунтовъ; когда вы мнѣ пришлете отвѣтъ, я вамъ пришлю вторую половину.

У Ротшильда я еще не былъ, но, быть можетъ, отправлюсь завтра. Кромѣ пятнадцати фунтовъ, вы обязательно получите еще отъ 7 до 8.

Помилосердствуйте: простите мнѣ задержку.

Весь вашъ *A. Герценъ.*

895. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

19 D. (1856), Vendredi.
At M-r Tinkler's, Putney.

Voilà le second chapitre de l'intéressant roman «5 liv.» Avez vous entendu le malheur atroce qui est tombé sur la tête de notre ami Talandier? La soeur Mélanie tomba malade il y a trois jours d'une inflammation du péritoine (Das ist die Schürze, die die Eingeweiden bedeckt) et dans quelques heures elle mourut. Hier il demanda la permission à Persigny d'aller chercher la mère—refus. Nous avons télégraphié.

Les enfants toussent moins. Si cela va bien, voulez vous aller ensemble, va et vient—chez Poulsky.

Pour amende de peu d'exactitude je vous enverrai un impôt d'ess-bouquet et d'eau de Cologne.

Adieu.

A. H.

Переводъ.

19 д., Пятница.

Вотъ вторая глава интереснаго романа «5 фунтовъ». Слышали ли вы о несчастіи, которое обрушилось на голову нашего друга Таландье? Дня три тому назадъ сестра Мелани заболѣла воспаленіемъ брюшины (это—оболочка, обволакивающая кишки) и умерла въ нѣсколько часовъ. Вчера онъ просилъ у Персиньи ¹⁾ разрѣшенія поѣхать за матерью,—отказъ. Мы телеграфировали.

Дѣти кашляютъ меньше. Если и дальше будетъ имъ хорошо, хотите отправиться вмѣстѣ, туда и назадъ, къ Пульскимъ?

Въ видѣ штрафа за мою недостаточную аккуратность я пришлю вамъ эсъ-букетъ и одеколонъ.

Прощайте.

A. G.

896. Письмо къ И. С. Тургеневу.

25 декабря (1856).

At M-r Tinkler's, Putney.

Merry Christmas and happy New Year! ²⁾ Ваше Литературное Высокопревосходительство! Сейчасъ поди и достань вчерашній «Пуншъ» и посмотри это рафаэлевское произведение съ такимъ послушаніемъ, какъ я тотчасъ приобрѣлъ Opium-Eater'a ³⁾. Да, это превосходная книга. De Quincey ⁴⁾ еще живъ и теперь, должно быть, опіумъ пить здорово (также и коньякъ). Такъ искренно, такъ откровенно не умѣетъ писать ни одинъ французъ, и смѣло. Словомъ, за это знакомство я тебѣ благодаренъ.

¹⁾ Герцогъ, министръ внутреннихъ дѣлъ во Франціи.

²⁾ «Веселаго Рождества и счастливаго новаго года»,—обычное поздравленіе въ Англии.

³⁾ 6 декабря Тургеневъ писалъ: «прочти непременно «The Confessions of an English Opium-Eater», т. е. «Исповѣдь англійскаго потребителя опіума».

⁴⁾ Томасъ, авторъ указанной книги, умеръ на 70-мъ году, несмотря на многолѣтнее употребленіе опіума.

Радъ что мои записочки вамъ нравятся. Я тебѣ пришло къ русскому новому году всю часть, печатаемую теперь. Но серьезно и честно прошу тебя сказать твое мнѣніе. Эта часть не похожа на прежнія. Тутъ субъективный или лирической элементъ играетъ большую роль.

Тутъ есть одна вещь уже не литературная, это—внутренняя моя мысль о моей женѣ. Вы ее мало знали, мало любили (т. е. и ты, и Мельгуновъ, и всѣ наши, за исключеніемъ Грановскаго), между тѣмъ мое возстановленіе вѣрно, и только отпало то, что должно отпасть: случайное, ненужное, несущественное... Суди и о этой части, не боясь оцарапать меня.

Наконецъ, я сдѣлалъ, думаю, очень смѣлую вещь въ послѣдней главѣ, гдѣ женщина, - - - - - и Мадонна вышли какъ-то естественнымъ trio. За эту главу я особенно боюсь и особенно стою (самая послѣдняя) ¹⁾.

Я не думаю, что ты былъ правъ, что мое призваніе писать такія хроники, а просто писать о чемъ-нибудь жизненномъ и безъ всякой формы, не стѣсняясь, *en abusant de la parenthèse* ²⁾... Это—просто ближайшее писаніе къ разговору: тутъ и факты, и слезы, и хохотъ, и теорія, и я, какъ Коссидьеръ на изнанку, дѣлаю изъ безпорядка порядокъ единствомъ двухъ-трехъ вожжей, очень длинныхъ, какъ у здѣшнихъ *handbom'кабовъ*.

Огар. послѣдняя вещь лучше тѣхъ двухъ, особенно въ отношеніи къ языку; мнѣ очень нравится. Здоровье его не то, чтобы было хорошо (т. е. опять хуже). Что твой сапожникъ J. S. André смыслить? какъ тебѣ самому не стыдно у него лѣчиться! это—извѣстный шарлатанъ. А всѣ невралгіи Богъ именно создалъ источникомъ богатствъ для медицинскихъ Барнумовъ. Тебѣ Девиль очень совѣтуетъ холодные души, локальные и общіе. Хочешь, я тебѣ пришло адресъ къ хорошему доктору?

Операцію предоставляю дѣлать при возвращеніи сильныхъ припадковъ.

«Барнума и Ораса», вѣдь, я тебѣ читалъ, но, пожалуй, пришло, если найду. А какъ же ты это выдумалъ, что и Марью Касп. не знаешь?... Помилуйте-съ, Иванъ Сергѣевичъ... Кланяйся Мельгунову. Тебя поздравлялъ съ наступившимъ высоко-торжественнымъ праздникомъ, а его буду поздравлять съ наступающимъ высоко-снымъ годомъ.

¹⁾ Гл. XXIV «Былого и думъ».

²⁾ Злоупотребляя скобками (вставными фразами).

Вотъ бы ты съ Виардо издалъ мои «Записки», а то Delaveau ихъ перевелъ и меня все попрекаетъ, что нѣтъ едителя¹⁾). Ужъ и Мишле хлопоталъ.¹ А прoros, не хочешь ли съ Мишле познакомиться?

А что скажете о моемъ отечествѣ № 2, о Швейцаріи? Идетъ Мюллеръ²⁾),—посылаю взять ножную ванну пива.

Прощай.

◆◆ 1. 20-го дек. 1856 г. Мишле писалъ Герцену:

Дорогой Герценъ. Опозданіе,—вы это угадываете,—зависитъ не отъ меня, а отъ издателей.

Пагерръ водилъ насъ, какъ и Мишель Леви, и въ концѣ концовъ отказалъ по той причинѣ, что у нихъ уже есть матеріаль (правда отвратительный) о Россіи. Второе осложненіе, это—всеобщее опасеніе здѣсь скрытаго союза съ Россіей, который поведетъ къ пріостановкѣ всего дѣла и къ заточенію книги на полкахъ магазина.

Шамро, къ которому я затѣмъ обратился, готовъ взяться за дѣло и напечатать, но онъ ничего не предлагаетъ переводчику и хотѣлъ бы печатать маленькими томами, послѣдовательно.

Г. Делаво, который ведетъ теперь съ нимъ переговоры, сообщитъ вамъ на дняхъ точнѣе въ какомъ положеніи дѣла.

Предполагаю, что, наконецъ, дошли до васъ 4 экземпляра «Лиги», которые Шамро отправилъ Бартэсу, своему корреспонденту. Тысяча благодарностей за трудъ, который берете на себя, рекомендуя ихъ. Если считаете полезнымъ, я личными письмами поддержу ваши просьбы. Въ такомъ случаѣ укажите, кому вы ихъ роздали.

Счастливъ былъ узнать отъ г. Делаво объ удивительномъ распространеніи вашей пропаганды.

Сердечно жму вамъ руку.

Ж. Мишле.

¹⁾ Editeur—издатель.

²⁾ Мюллеръ-Стрюбингъ.

897. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 декабря (1856).

Merry Christmas and happy New Year, My dear Mary! Но не мѣряйте мѣрою слабой мои желанія, вы видите—онѣ англійскія, т. е. самыя прочныя ¹⁾. Посылаю вамъ покамѣстъ «Барнума и Ораса»; прочитавши передайте Тургеневу и Мельгунову, а потомъ пришлите мнѣ назадъ.

Къ русскому новому году я пришлю весь томъ моихъ «записокъ» новый; ну, ужъ прошу же очень серьезно читать и какія бы ни было замѣчанія, намъ сообщить. Особенно прошу замѣтить послѣднюю главу о Богородицѣ и Гей-Маркетъ.

¹⁾ Mary—Мэри; дальше идетъ каламбуръ: Мэри—мѣра—мѣрить.

1857

898. Письмо къ Ад. Рейхелю.

1 Januar 1857.

Putney, at M-r Tinkler's.

Bester Reichel,

Diese Helene soll, wie die Helena von Menelaus, wie die Grossfürstin Helena, die Frau von weiland Michael, sein. Aber wie kommen Sie zu diesem Namen? Überhaupt wie kam das so schnell? Gratuliere und sehr stark, schreiben Sie mir in ein Paar Tage, ob alles gut gehen wird.

Haben die Russen (Gribovsky et C-nie) keine Bücher gebracht? dann fordern Sie ¹⁾).

Ну, поздравляю и обнимаю, и радъ, и всѣ мы.

Прощайте.

А. Герценъ.

Пишу теперь о Грановскомъ ²⁾).

899. Письмо къ Н. М. Щепкину ³⁾.

8 января 1857.

Putney, near London. At M-r Tinkler's.

Любезнѣйшій Щепкинъ, я не только не забылъ васъ, но и не разлюбилъ. Я слѣдилъ за вами всѣми изъ моего «далека», какъ

¹⁾ Добрѣйшій Рейхель, Эта Елена ^{o)} должна быть, какъ Елена Менелая, какъ великая княгиня Елена ^{oo)}, жена покойнаго Михаила ^{ooo)}. Но какъ вы пришли къ этому имени? И, главное, какимъ образомъ это случилось такъ скоро? Поздравляю, и очень сильно; напишите дня черезъ два, все ли идетъ благополучно.

Привезли ли русскіе (Грибовскій и К^o) какія-нибудь книги? Если да—потребуйте отъ нихъ.

²⁾ Гл. XXIX «Былого и думъ».

³⁾ Николай Михайловичъ, сынъ знаменитаго актера, издатель и общественный дѣятель.

^{o)} Только что родившаяся и вскорѣ умершая дочь Рейхелей.

^{oo)} Елена Павловна.

^{ooo)} Вел. князь Михаилъ Павловичъ.

говорилъ Гоголь, и зналъ о вашей женитьбѣ и пр. Мих. Сем. ¹⁾ былъ первый русскій, посѣтившій меня послѣ ряда страшнѣйшихъ несчастій, съ какой-то дикою роскошью падавшихъ на мою голову. Я былъ ему безконечно радъ, хотя все, что онъ мнѣ сообщилъ о Россіи, было очень печально. Я не во всемъ повѣрилъ, т. е. не во всемъ былъ согласенъ съ Мих. Сем., и, все-таки, хранилъ вѣру (одну, которая у меня пережила всѣ) въ Россію и въ развитіе ея. Ваше письмо совсѣмъ иное,—у васъ столько же веселаго и полного надежды, сколько у М. С. было безотраднато. Старый скептикъ, я и тутъ останавливаюсь.

Я своими глазами видѣлъ начало царствованія теперешняго папы ²⁾ и не могу быть подкупленъ слабенькими поползновеніями къ добру Ал. II. Первый я готовъ признать его великимъ государемъ, но пусть же онъ сдѣлаетъ *вс самолюб дѣль* что-нибудь. Я понимаю, что можно было всему восхищаться на другой день послѣ смерти такого уroda, какъ Николай.

Анекдоты, которые вы рассказываете (кромѣ объ Анненковѣ), были въ газетахъ; мы сами радовались имъ; но, вѣдь, отъ этого до серьезныхъ реформъ безконечно далеко. Онъ защитилъ богатыхъ купцовъ отъ мерзавца, который ихъ билъ по зубамъ ³⁾, но отчего же зубы бѣдныхъ крестьянъ и мѣщанъ предоставлены на битье 14 классамъ чиновниковъ и офицеровъ? Неужели вы думаете, что тронъ не устоитъ, если запретить бить безъ суда? Вы живете въ странѣ, гдѣ тѣлесная неприкосновенность была рядомъ съ самымъ подавляющимъ гнетомъ. А зачѣмъ же Закревскій остается генералъ-губернаторомъ?

Вѣдь, это дѣтей утѣшаютъ въ болѣзняхъ конфетами,—намъ нужны операціи, горькія лѣкарства; не отдадимте нашего негодованія, нашихъ стремленій, выстрадавшихъ подъ лапой - - - - , за барскую ласку... Рядъ статей, полученныхъ мною изъ Россіи и напечатанныхъ въ 1-ой книжкѣ «Голосовъ», совершенно ложенъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ совсѣмъ иныя статьи, практически дѣльныя (II книжка).

Пока не будетъ шага къ освобожденію крестьянъ, къ избавленію Россіи отъ палки и кулака, пока цензура не замѣнится судомъ (хоть какъ въ Пруссіи), до тѣхъ поръ я могу молчать, но хвалить не стану.

Чему радуются у насъ амнистіи? Кто ею воспользовался, кромѣ

¹⁾ Щепкинъ.

²⁾ Пій IX.

³⁾ См. № 900.

старцевъ ¹⁾), держать которыхъ въ Сибири, наконецъ, становилось безобразно? Бакунинъ и Спѣшневъ развѣ амнистированы? Что касается до поляковъ, то это такой *dédale* ²⁾ раздѣлений, подраздѣлений, что на десять человѣкъ удостоивается одинъ. Амнистія тощая, скупая, а у васъ радуются ей.

Цензура стала легче,—а цензора «Современника» ³⁾ отставили за Некрасова стихи, перепечатанные изъ полного изданія ⁴⁾).

Нѣтъ, любезнѣйшій Щепкинъ, употребимте наши руки, благо, ихъ немного развязали, не на аплодисментъ, а на работу, на многостороннюю работу въ пользу русскаго дѣла, каждый по-своему, обличая недостатки, изыскивая средства. Грозный примѣръ Европы передъ нами,—избѣгнемте ея ошибокъ и ринемтесь впередъ, не останавливаясь на слабыхъ успѣхахъ.

Я остаюсь при своемъ станкѣ, какъ ни говорили прежде, но теперь я больше, нежели когда-нибудь, убѣдился въ важности имѣть совершенно свободный органъ для русской мысли. Съ апрѣля нынѣшняго года до конца навигаціи продано изъ Лондона русскихъ книгъ на 10.000 франковъ.

Частно я теперь живу опять на Покровкѣ или на Маросейкѣ, т. е. съ приѣзда Огарева.

Всѣ наши интересы, вся любовь, вся дѣятельность обращены туда, т. е. туда, гдѣ Ник. Хр. ⁵⁾ сидитъ у Бажанова въ кофейной и поучаетъ Ленскаго ⁶⁾ драматическому искусству по Шекспиру.

А пуста для меня Москва безъ Грановскаго! Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ ударовъ, ошеломившихъ меня.

Кланяйтесь Маріи Ѳедор. и Лизаветѣ Богдановнѣ; что же онѣ не пишутъ? Марія Ѳед. какъ-то на меня, старика, дружески посердилась, и я вмѣсто ей Мар. Касп. описалъ объ этомъ. Пожмите имъ руку и скажите, что дѣти цвѣтутъ, Саша ходитъ уже въ анатомію и совсѣмъ большой человѣкъ, даже съ небольшими усами. Да вотъ что не забудьте имъ сказать. Вчера сию,—отворяется дверь, и входитъ... «Боже мой! да это вы?—Ja!—И не забыли даже по-русски?—Niet»... Карлъ Карл. Гофманъ ⁷⁾). Мы съ нимъ помянули старую жизнь и виномъ, и виски, а сегодня онъ у меня ѣстъ РУС-

¹⁾ Декабристы.

²⁾ Лабиринтъ.

³⁾ В. Н. Бекетовъ.

⁴⁾ Объ этомъ см. стр. 312—313 моихъ «Очерковъ по исторіи русской цензуры».

⁵⁾ Кетчеръ.

⁶⁾ Дмитрій Тимофеевичъ, водевилистъ.

⁷⁾ Профессоръ греческой словесности въ московскомъ университетѣ.

СКІЕ БЛИНЫ СЪ ИКРОЮ. Онъ помнитъ очень всѣхъ и кланяется очень Маріи Ѳедор.

Прощайте. Разумѣется, я буду въ Лондонѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (Putney—предмѣстье) и все сдѣлаю, что возможно, чтобы васъ здѣсь помѣстить близко, хорошо и не очень дорого. Адресъ мой сверху.

Жму вамъ руку

А. Герценъ.

Все ли у васъ есть изъ моихъ книгъ русскихъ и французскихъ?

◆◆ 1. Въ 1849 году К. К. Гофманъ былъ высланъ за границу, какъ иностранный подданный, за то, что сталъ собирать въ Москвѣ деньги въ пользу возникшаго тогда въ Германіи политическаго движенія, приведшаго къ франкфуртскому парламенту. Гофманъ основался послѣ того въ Гейдельбергѣ, гдѣ состоялъ профессоромъ классической филологіи въ университетѣ, а также давалъ уроки по древнимъ языкамъ и составлялъ по нимъ учебники.

899bis. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

Giraudier Hotel, 48, Haymarket, London.

Chère Malvida.

Voilà les 3 pages qui vous manquent aux memoires, demain je peux vous envoyer la dernière feuille. Je voudrais bien savoir l'opinion de Miss Reeve sur l'article qui vous plait tant, donnez votre exemplaire, je vous donnerai un autre.

Nous avons eu une visite d'un professeur de Heidelberg—qui a été professeur à l'Université de Berlin, avec lequel «nell tempo felice» j'ai bu du¹⁾ du vin et que j'ai arrosé une fois (je crois vous l'avoir raconté) d'eau froide après le diner.

Il y a paix—l'affaire est arrangée. Vive Stämpfli et Gott protège la Swizzera.

Переводъ.

(8 января 1857).

Дорогая Мальвида.

Вотъ 3 страницы, которыя вамъ недостають въ мемуарахъ; завтра я могу вамъ отослать послѣдній листъ. Я очень хотѣлъ бы знать мнѣніе г-жи Ривъ о статьѣ, которая вамъ такъ нравится; отдайте вашъ экземпляръ,—я вамъ дамъ другой.

¹⁾ Слово не разобрано.

Насъ посѣтилъ одинъ гейдельбергскій профессоръ, который былъ профессоромъ берлинскаго университета и съ которымъ въ «блаженные времена» я выпивалъ... вина и разъ облилъ его холодной водой послѣ обѣда (кажется, я рассказывалъ вамъ это).

Теперь миръ—дѣло уладилось. Да здравствуетъ Штемпfli и да хранить Богъ Швейцарію.

900. Письмо къ И. С. Тургеневу.

11 декабря, т. е. января, 1857 г.
At M-r Tinkler's, Putney.

Во-первыхъ, очень благодаренъ тебѣ за рассказъ о Донъ-Жуанѣ Комартиновской улицы ¹⁾; плутъ какой: деми- - - - показываетъ,—это ужъ не ущербъ ли мѣсяца? Отчего же онъ позвалъ старыхъ? чтобъ твоимъ сѣдинамъ и его темной водѣ не краснѣть?.. А, вѣдь, я лаюсь отъ зависти; ужъ я бы вамъ тамъ сослужилъ службу.

Во-вторыхъ, пришли мнѣ (sous bande не дорого стоитъ) или черезъ Франка и Трюбнера (12 Paternoster row) «Библ. для Чтенія», гдѣ статья Дружинина ²⁾: дай мнѣ его затерзать, уязвить за Бѣлинскаго, если рука подойдетъ. Что такое журналъ консервативный, что у насъ *con*, что у насъ *serb*? Я съ тобой совершенно согласенъ ³⁾.

Получилъ на-дняхъ опять письмо отъ русскаго; что дѣлать,—таютъ передъ Алекс. Никол. Ужъ и то находятъ геройскимъ подвигомъ, что Анненковъ ⁴⁾ (frater) отставленъ за то, что въ театрѣ избилъ 1-й гильдіи купца въ Нижнемъ. Это—гибельное направленіе, противъ него я стану всѣми мѣрами дѣйствовать... которая даетъ типографія.

«Записки» ⁵⁾ отправляются черезъ нѣсколько часовъ. Ну, смотри же, мнѣніе основательное и безъ пощады.

А прогос, я теперь пишу прибавочную главу къ московской жизни и, кажется, хорошо. Вотъ ея содержаніе: (1843—1847) Грановскій и молодые профессора, Кирѣевскіе и Хомяковъ, общество

¹⁾ Н. А. Мельгуновъ, собиравшій у себя 31 декабря 1856 г. Тургенева, Грибовскаго, Пинто и др. и представительницъ парижскаго полусвѣта (demi-monde).

²⁾ Александръ Васильевичъ, тогда редакторъ этого журнала; помѣстилъ неодобрительную статью о Бѣлинскомъ.

³⁾ Тургеневъ писалъ Герцену: «Да и откуда взяться консерваторству на Руси?»

⁴⁾ Фѣдоръ Васильевичъ, нижегородскій генераль-губернаторъ, братъ П. В. Анненкова.

⁵⁾ «Былое и думы», изъ III кн. «Полярн. Звѣзды», гл. XIX—XXIV.

въ Москвѣ и на Западѣ. Теоретическое разъединеніе въ 1846 году ¹⁾. Первымъ отдѣломъ, «Грановскій», Огаревъ доволенъ очень, вторымъ—я. Желая, чтобъ тебѣ понравились оба. Но... печатать я еще боюсь; какъ вы думаете? Сообщи Мельгунову. Впрочемъ, я самъ къ нему пишу.

Ну, братъ,

Gott protège la Svizzera! ²⁾

Вотъ что можетъ сдѣлать народъ въ 3 милліона, когда онъ народъ, а не стадо. Ну, что галлы и нѣмцы? и надобно же было этому прусскому королю на старости пьяной и - - - - - жизни угораздиться и нагадить на свою собственную голову, — и это въ присутствіи швейцара ³⁾...

Шутки въ сторону, я горжусь моимъ отечествомъ bis ⁴⁾. Съ новымъ годомъ! ⁵⁾

Огаревъ чиститъ твоей ваксой свою поэму ⁶⁾. Некрасова ⁷⁾ получилъ; отъ кого? Ты, что ли, мнѣ прислалъ? Я нахожу и находилъ въ немъ сильный талантъ, хотя сопряженный съ какой-то злой сухостью и угловатой обрывчатостью; мнѣ еще не удалось хорошенько почитать. Первая статья — сумбуръ какой-то, не оригинальный, а Пушкино-Гете-Лермонтовскій, и какъ-то Некрасову вовсе не идутъ слова «муза», «Парнасъ». Гдѣ это у него классическая традиція? Да и что за чинъ «поэтъ»?.. пора и это къ чорту. Теперь глупо говорить о себѣ: «я поэтъ и живу вдохновеніемъ», какъ «я очень уменъ и любезенъ».

«Псовая охота» зато — прелесть, и мать, потерявшая сына, Ненила; больше не читалъ.

Зачѣмъ же ты ѣдешь къ m-me Дегу? лучше ужъ досматривай старыхъ деми-мунъ у Мельгунова, нежели у нихъ самихъ.

Прощай.

Поклонись, если увидишь, Грибовскому.

Къ Мишле письмо пришлю на-дняхъ ⁸⁾.

¹⁾ Гл. XXIX и XXX «Былого и думъ».

²⁾ Боже, храни Швейцарію (три слова на трехъ разныхъ языкахъ).

³⁾ См. стр. 366.

⁴⁾ Вторымъ.

⁵⁾ Съ русскимъ, съ которымъ и Тургеневъ поздравилъ Герцена.

⁶⁾ Тургеневъ прислалъ свою критику на повѣсть въ стихахъ «Господинъ» въ III кн. «Полярн. Звѣзды», посланную ему также въ листахъ.

⁷⁾ «Стихотворенія».

⁸⁾ Тургеневъ писалъ: «Доставь мнѣ возможность познакомиться съ Мишле; мнѣ это очень будетъ пріятно».

901. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 декабря (по-московски) 1856 г.

А посему

Съ новымъ годомъ,

Прошу Аленушку растить да холить, Сашку мыть да откармливать и Адольфу и Моцартовичу добраго здоровья и нереченаго блага-съ.

А позвольте, что же вы думаете: довольно разрѣшиться Еленой, чтобъ знакомымъ не дать и вѣсти? Положимъ, ваше дѣло теперь не писучее, ну, а супругъ на что? Вотъ, молъ, путному старику и пиши, и пиши.

Зато посылаю вамъ мизерный подарокъ — томикъ новыхъ моихъ «записокъ» ¹⁾.

Сурово, да бѣлье, матушка,—

Свое, рукодѣлье.

Отгадайте, кто на этомъ мѣстѣ взошелъ въ мою комнату? Карль Карловичъ Гофманъ, помните, нашъ профессоръ московскій?

Огаревы поздравляютъ и жмутъ руку.

Письмо къ Полуденской ²⁾ пошло черезъ Татьяну Алексѣвну и потому по боку Бокэ.

902. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

18 (января 1857). Воскресенье.

At M-r Tinkler's, Putney.

Спасибо за строжайшій выговоръ. Вотъ что, если въ самомъ дѣлѣ опасно выраженіе о Кет., то, вѣдь, книга еще не вышла, я могу перепечатать четверть листа. А то я и самъ испугался. Это, братъ, хуже всѣхъ галлицизмовъ. Напиши объ этомъ.

Если успѣю, я приложу записочку къ Мишле. Отъ Огарева цѣлое посланіе. Ахъ, ты эдакій прозаическихъ и стихотворныхъ дѣлъ стряпчій!

Такъ какъ ты видишься съ Орл. ³⁾, спроси-ка ты тамъ—съ дальними апрошами, по Вобану ⁴⁾, — а что, молъ, еслибъ можно было

¹⁾ Изъ III кн. «Полярн. Звѣзды».²⁾ Сестра Н. И. Сазонова.³⁾ Гр. Николай Алексѣевичъ Орловъ, сынъ шефа жандармовъ.⁴⁾ Себастьянъ Ле Претръ, сеньоръ Вобанъ, знаменитый французскій инженеръ и строитель крѣпостей († 1707).

воротиться, какая, молъ, судьба ожидаетъ автора, который такъ расписалъ вашу бабушку (Жеребцову)? Я его самъ тамъ видѣлъ разъ. Право бы, косточки свезъ въ Москву поближе къ Боткину. Только, de grâse ¹⁾, не говори это отъ меня. Понимаетъ ли онъ, что при ненависти къ деспотизму сквозь каждую строку видна любовь къ народу? У васъ будетъ Конст. Никол.,—ему бы ксемплярчикъ.

Да не поѣдетъ ли онъ въ Лондонъ? Какъ бы познакомиться?— т. е. не Конст. Ник., а Орловъ. Что они это ершатся и суются въ неприличныя дѣла? Читалъ ты русскую ноту о Невшателѣ? Ахъ, они, - - - - - ,— грубо, глупо, пошло, аляповато; у нихъ это все, я думаю, Погодинъ пишетъ.

Обо всемъ этомъ отпиши съ твоей обычной аккуратностью.

Ну, стало, саго тіо, о Грановскомъ главу—и думать нечего, а жаль: она горячо удалась.

Что ты пишешь?

Какъ же не знать Оппенгейма ²⁾,—еще съ 1849 г. знакомый.

Addio.

Письмо къ Мишле я запечаталъ отъ пюдера ³⁾,—я ужъ очень тебя расхвалилъ, стыдно. Если онъ не получилъ статьи объ его «Лигѣ», помѣщенной черезъ меня и писанной Пульскимъ, то скажи, что онъ получить.

Саффи даетъ публичныя чтенія объ Италіи, — превосходно и дѣльно.

Прощай.

◆◆ 1. 16 января Тургеневъ писалъ Герцену: «Третьяго дня получилъ я твои «Записки» (гл. XIX—XXIV—*М. Л.*) и тотчасъ прочелъ ихъ. Впечатлѣніе было сильное и хорошее: въ этихъ главахъ чрезвычайно много поэзіи и юности; лицо твоей жены (всѣмъ намъ, дѣйствительно, мало извѣстной) привлекательно и живо, отрывки изъ ея писемъ даютъ понятіе о замѣчательной натурѣ. Послѣдняя глава мнѣ очень понравилась и возбудить негодованіе только тѣхъ людей, которыхъ одно твое имя сердитъ. Съ моей стороны, я сдѣлаю только два возраженія. Первое: осторожно ли ты поступилъ, описывая К. (котораго, разумѣется, всѣ узнаютъ), его тоску по революціи и т. д., и т. д. Второе: въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ слогъ твой уже черезчуръ небреженъ; галлицизмы самые вопіющіе

¹⁾ Сдѣлай милость.

²⁾ Генрихъ-Бернгардъ, германскій политико-экономъ и политическій дѣятель, тогда эмигрантъ.

³⁾ Pudeur—стыдливость.

попадаютъся на каждомъ шагу; хоть бы Огареву просматривать твои корректуры. Напримѣръ, можно ли сказать: (стр. 84) «иной мѣръ, *иначе* симпатичный, *нежели* тотъ»!.. Что такое (на стр. 87) «есть организаци, которымъ никогда не нужна... опора, указка, которыя всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки»? Или (на стр. 127): «ну оно какъ не прѣятно, а я *изъ* этого не рѣшился прежде, *нежели* было нужно, оставить умирающую женщину» и т. д. Это тѣмъ болѣе непрѣятно, что вообще языкъ твой легокъ, быстръ, свѣтелъ и имѣетъ свою фizioномію. Я бы взялся въ полчаса стереть всѣ эти маленькія пятна, причину которыхъ слѣдуетъ искать въ долгомъ твоёмъ пребываніи за границей. Но повторяю, «Записки» отличныя и читаются съ удовольствіемъ, иногда съ умиленіемъ. Нѣсколько вводныхъ лицъ прекрасно очерчены (какъ, напр., архіерей Парѣеній)... Не я послалъ тебѣ Некрасова; должно быть, онъ самъ распорядился или, можетъ быть, какой-нибудь изъ твоихъ тайныхъ приверженцевъ вспомнилъ о тебѣ. А *groros de* приверженцы. Ты никогда не угадаешь, отъ кого я не далѣе, какъ вчера, слышалъ великія похвалы тебѣ... отъ князя Орлова (раненаго подъ Силистріей), сына извѣстнаго Орлова. Онъ не только все прочелъ, что ты написалъ, но даже (*сесі entre vous*) съ мѣсяцъ тому назадъ отвезъ всѣ твои произведенія къ в. к. Михаилу Николаевичу. Онъ мнѣ чрезвычайно понравился; несчастье ¹⁾ его отрезвило да и вообще натура въ немъ высказывается хорошая... P. S. Колѣно-преклоненно умолю тебя: не употребляй слова «безразличный»! Особенно въ одномъ мѣстѣ оно меня точно по щекѣ ударило» («Письма», 104—106).

903. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

18 Janvier (1857).
Putney.

Je vous ai parlé non seulement d'un éditeur, mais d'un traducteur; ce traducteur est un Russe qui demeure à Berlin et qui a parfaitement bien traduit en Allemand «La Chronique» d'Aksakoff — que je vous envoie. Êtes vous décidée d'entreprendre la traduction? Dans le cas contraire peut être on pourrait la lui céder. Au reste, faites comme vous le désirez — je ne le connais pas du tout. Je vous en prie ne donnez pas d'argent à Touloubieff, j'ai mes motifs.

Tout à vous

A. Herzen.

¹⁾ Отецъ сошелъ съ ума.

Переводъ.

18 января.

Я вамъ говорилъ не только объ издателѣ, но и о переводчикѣ; этотъ переводчикъ—русскій, который живетъ въ Берлинѣ и вполне хорошо перевелъ на нѣмецкій «Хронику» Аксакова, которую я вамъ посылаю. Рѣшились ли бы вы взять на себя переводъ? Въ противномъ случаѣ можно было бы уступить ему. Впрочемъ, поступайте, какъ хотите,—я его совершенно не знаю. Прошу васъ, не давайте денегъ Тулубьеву,—у меня есть на это основанія.

Весь вашъ

А. Герценъ.

904. Письмо къ М. К. Рейхель.

24 января (1857).

Очень ужъ хвалите. Да я, вѣдь, эдакъ и еще томовъ пять напишу, а потомъ «записки о запискахъ», да ужъ мнѣ кажется, что я жилъ-то для «записокъ»... И то, еслибъ я не жилъ, ну, и «записокъ» бы не было.

Пять экзempl. «Полярн. Звѣзды» готовъ прислать.

Получилъ еще изъ Россіи статьи; плохи очень. Не знаю, что дѣлать. Мельгун. опять просилъ денегъ; это досадно, потому что, повидимому, Павл. ему не пришлетъ. А если ужъ очень услышите о его безденежьи, то черкните мнѣ; я тогда, пожалуй, отъ 500 до 1000 фр. пришлю (но не говорите объ этомъ ни слова). Онъ на новый годъ давалъ пиръ, гдѣ были разныя лоретки и чортъ знаетъ какіе фензервы; что же это? вѣдь, если онъ этимъ путемъ пойдетъ, то лѣтъ въ 60 совсѣмъ сдѣлается блуднымъ сыномъ и гамэномъ-шалуномъ. И это, не имѣя денегъ...

Дѣти здоровы, Ольга покашливаетъ. Вчера я слушалъ «Stabat Mater» Россини съ 700 музыкант. (т. е. не то, что 700 муз. слушали со мной, а играли). Скажите Рейхелю—очень было хорошо.

Прощайте. Огаревъ опять проситъ Гриб.¹⁾ письмецо послать. Они вамъ кланяются. Дайте на адресъ Тесье.

Вашъ А.

¹⁾ Грибовскій.

905. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 декабря, т. е. января (1857).

At Tinkler's, Putney.

Вотъ до какого дебоширства я дошелъ: третій день совсѣмъ боленъ; ну, т. е. неважно, но очень скучно: насморкъ, кашель, голова болить, горло сипить, ну, словомъ, англійскій Cold first rate ¹⁾.

Въ «Русскихъ Бесѣдахъ» есть статья о Грановскомъ; совѣтую вамъ черезъ Марью Федор. и черезъ Мел. дать знать, хотъ Коршу, что имъ грѣшно позволять такія гадости. Это, видите, разсказъ о его молодости; сдѣланъ какимъ-то Григорьевымъ ²⁾ будто въ похвалу ему; тамъ встрѣчаются такія штуки: по окончаніи курса онъ сталъ предаваться эпикуреизму, который въ послѣдніе годы жизни совершенно овладѣлъ имъ, и еще лучше. «Этотъ непорочный юноша, къ удивленію моему, часто посѣщалъ «островъ Цитеры» и разъ былъ влюбленъ въ одну нимфу». Неужели у Грановскаго не осталось ни одного близкаго друга въ Россіи, который бы палкой отдулъ этого мерзавца? Я, пожалуй, пошлю письмо въ «Моск. Вѣд.» анонимное, да только, вѣдь, это тѣмъ-то срамъ. ¹ А я кончилъ главу свою объ Гр. и доволенъ. Но думаю, что при дальнѣйшемъ развитіи даже и вы немного осерчаете. Я былъ же доведенъ до необходимости говорить о нашихъ сильныхъ распряхъ 1846 года. Помните одно: если есть въ самомъ дѣлѣ сила и что-нибудь въ моихъ «Запискахъ», то это «что» все на вскрытіи, храбрость истины и *примиреніе* въ истинѣ. Могу ли я касаться до дорогого мнѣ грубо, это знаете вы сами.

Вы видѣли стихи къ «Иск—у» въ «Полярн. Звѣздѣ»? ³⁾ Они были писаны въ 1846 году въ Соколовѣ. Вы тогда сами были увлечены иными вліяніями. Но какъ бы то ни было, я вамъ доложу или аминь, аминь, глаголю вамъ: лучшихъ страницъ о Гр. не было написано. Это еще не скоро напечатается; стало, успѣемъ переговорить.

¹⁾ Простуда (насморкъ)—первый сортъ!

²⁾ Василій Васильевичъ, ориенталистъ, въ послѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Статья его: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ», въ III и IV кн. «Рус. Бесѣды» 1856 г. глубоко возмутила лучшую часть интеллигентнаго общества и не осталась безъ отвѣда со стороны Кавелина и др.

³⁾ «Искандеру», соч. Огарева; въ III книжкѣ.

1 февраля.

Завтра ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ нашему отъѣзду изъ Москвы.

.

Не знаю, что и сказать.

Сегодня мнѣ лучше.

Пожалуйста, черкните Егору Иван., что онъ получить на-дняхъ 300 *серебр.* отъ Сатина, которые я прошу его переслать къ Аксиньѣ Ивановнѣ.

Подзадорьте же Мар. Федор. и добрыхъ людей.

Что малютка и Саша? Рейхелю жму руки.

Прощайте.

Дѣти цвѣтутъ. Саша рѣжетъ мертвечину и смотритъ въ микроскопъ.

◆◆ 1. Вотъ мѣсто во второй части статьи В. В. Григорьева, которое касается Герцена: «Пуританизмъ въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, требующій отъ человѣка полного преданія себя дѣлу, съ артистическою природою не совмѣстенъ. Его и не было въ Грановскомъ. Въ обществѣ людей, съ которыми соединяла его одинаковость вкусовъ и образа мыслей, насчитается нѣсколько такихъ, которые превосходили его и силою общихъ убѣжденій, и ревностію въ ратоборствѣ за нихъ, и даже умственными къ тому средствами. Таковъ, на примѣръ, былъ авторъ «Записокъ доктора Крупова». Но, все-таки, не онъ, а Грановскій первенствовалъ въ общемъ кружкѣ, оттого, что ни умъ, ни характеръ дѣятельности послѣднего ни для кого не были тягостны» (стр. 55—56 кн. IV).

Григорьевъ понималъ истинное значеніе своей статьи, слышала, уже послѣ появленія первой ея части, возмущенія западниковъ и потому въ самомъ концѣ статьи такъ объяснилъ свое поведеніе:

«Судить о Грановскомъ, какъ общественномъ дѣятелѣ, еще рано. Итакъ, простимся съ его тѣнью. При чемъ людямъ, которые полагаютъ, что объ отшедшихъ въ вѣчность должно говорить aut bene, aut nihil, скажемъ, что, по нашему убѣжденію, изреченіе это есть обломокъ какого-то языческаго суевѣрія, съ нашимъ образованіемъ несомѣстнаго. Если считается неблагороднымъ лстить живымъ, то какъ назвать послѣ этого лесть мертвымъ? Тѣмъ же, кому можетъ показаться, что мнѣ, бывшему нѣкогда другомъ Грановскаго, неприлично судить о немъ съ большею, нежели другіе, строгостію, отвѣчу стариннымъ, но вѣковѣчнымъ: *amicus Plato, sed magis amica veritas* ¹⁾» (кн. IV, стр. 57).

¹⁾ Платонъ мнѣ другъ, но истина еще болѣе другъ (дороже).

906. Письмо къ М. К. Рейхель.

Среда, 18 февр. (1857).
At M-r Tinkler's, Putney.

Кажется, давно отъ васъ не было вѣстей, а я вмѣсто вѣстей послалъ вамъ печатные листы «Полярн. Звѣз.». Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ, умеръ здѣсь Ворцель, и мы его славно хоронили. Будетъ объ немъ брошюрка, и я пришлю ее; тамъ и моя статья. А у васъ въ журналахъ вопль объ этомъ дѣлѣ.

Погода у насъ лѣтняя; дѣти цвѣтутъ и шумятъ, большіе тихо отцвѣли. А какова пьеса Ог. съ эпиграфомъ изъ Курта Шпренгеля ¹⁾? Да и «Сонъ»-то того ²⁾.

Не будетъ ли у васъ какого сношенія съ Delaveau (или съ Мельгуновымъ, который выдается съ нимъ)? Меня просила одна дама узнать, гдѣ находится madame Delaveau, вышедшая замужъ въ 1834 или 1835 году, уѣхавшая съ мужемъ въ Россію. Ея фамилія до замужества—d'Ерегменіі, и ея семья была въ близкихъ сношеніяхъ съ королевой Гортензіей ³⁾. Дама эта сильно отыскиваетъ ее и говоритъ, что она года за три была въ Германіи. Ну, что же Тесе не пишетъ?

Рейхеля цѣлую и пишу, больше чтобъ узнать о святомъ семействѣ вашемъ, навѣки нерушимомъ.

Ольга пишетъ сама, одна вамъ приписку.

907. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 февраля (1857).
At M. Tinkler's, Putney.

Вы до того утѣшили Ольгу письмомъ и, главное, стемомъ и пакетомъ, что въ первую минуту благодарности она меня спросила, не отослать ли вамъ свой «валентинъ» (знаете, это здѣсь обычай: въ день св. Валентина, кажется, 14 февр., посылать красивыя бумажки съ узорами и дусерами ⁴⁾). И вотъ за то же вамъ письмо второе. Ольга очень умна и способна, но съ характерцемъ и того-съ...

¹⁾ «И—ру», въ III книжкѣ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Жена Луи Бонапарта, поставленнаго Наполеономъ I королемъ Голландіи, и мать Наполеона III.

⁴⁾ Сласти.

Наташа немного вяла, ѣсть за трехъ, работаетъ за $\frac{1}{3}$. Саша почти все утро въ своей анатоміи. Думаемъ лѣто опять здѣсь провести. Вотъ судьба-то...

Новаго ничего нѣтъ. Получилъ изъ Россіи еще тетрадь стиховъ и статью.

Что ваша мелочь и Меломанычъ ¹⁾? Тата играетъ патетическую сонату Бетховена. Къ Егору Ив. она и всѣ малолѣтніе писали,—пошлемъ прямо отсюда.

Прощайте.

908. Письмо къ И. С. Тургеневу.

2 марта (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Ты и Мельгуновъ—какіе-то инквизиторы: сдѣлали меня больнымъ, несчастнымъ, озабоченнымъ... Ты и онъ пишете нелѣпный вопросъ: «Ты, вѣрно, слышалъ о побоищѣ Шевырева...?» Совсѣмъ не вѣрно. Англія — не «Русская Бесѣда», не «Москвитянинъ», не салонъ Свербеева, чтобъ знать что-нибудь о Шевыревѣ.

Мельгуновъ пишетъ объ этомъ съ горестью, а я, признаюсь, разсмѣялся,—у меня такое ужъ сердце; а потому сейчасъ, сію минуту бери перо и пиши:

Кто билъ (правда, М. называетъ В. Бобринскаго?)

Въ какое мѣсто?

По какой причинѣ?

Cur, quando, quibus auxiliis? ²⁾

Если не знаешь, солги, я повѣрю,—мнѣ все равно, лишь бы читать ³⁾).

А Мельгуновъ растетъ въ сарданапальствѣ: говоритъ, какъ Глинка ⁴⁾ *прекрасно* умеръ, а Кашперовъ пишетъ: Глинка едва остается 24 часа, а онъ пьянъ и лежитъ съ двумя нагими дѣвками, къ большому скандалу докторовъ. Такъ Мельгуновъ-то это называетъ *преlestной* кончиной? а, впрочемъ, коли на выборъ, такъ лучше съ двумя дѣвками, нежели съ - - - - - .

Очень, очень радъ буду познакомиться съ Толстымъ ⁵⁾. Поклонись ему отъ меня, какъ отъ искренняго почитателя его таланта.

¹⁾ А. Рейхель.

²⁾ Почему, когда, съ помощью чего.

³⁾ Извѣстна драка гр. В. А. Бобринскаго съ С. П. Шевыревымъ въ засѣданіи совѣта московскаго художественнаго общества, происшедшая 14 января 1857 г.

⁴⁾ Михаилъ Ивановичъ, извѣстный композиторъ, † 12 февраля 1857 г.

⁵⁾ Тургеневъ сообщалъ, что Левъ Н. Толстой будетъ съ нимъ въ Англіи.

Я читалъ его «Дѣтство», не зная, кто писалъ, и читалъ съ восхищеніемъ, но второго отдѣла не читалъ вовсе, нѣтъ ли у него? Если ему понравились мои «Записки», то я вамъ здѣсь прочту выпущенную главу о Вяткѣ и главу о Грановскомъ и Кетчерѣ.¹

Мельгунову скажи, что я не совѣтую съ его глазами ѣздить прежде мая мѣсяца,—сырость будетъ неимовѣрная.

Въ Путнеѣ очень хорошо. Желѣзная дорога у нашего дома и ходитъ всякій часъ. Я снова помирился съ Англіей и, въ знакъ моей благосклонности, нанялъ мою квартиру, которой срокъ былъ 1 марта, до 1 декабря.

Ты напрасно думаешь, что я ненавижу Некрасова¹⁾; право, это—вздоръ. Въ его стихотвореніяхъ есть такія превосходныя вещи, что не цѣнить ихъ было бы тупосердіе. Но что я не легко прощаю юридическія продѣлки, въ родѣ покупки векселей Огар. и его союза съ «плѣшивой вакханкой», какъ ты назвалъ Мар. Льв., то это у меня такой педантизмъ; я все скорѣе прощаю, нежели такія *обдуманныя* ошибки. Огар. давно забылъ это,—у меня память лучше.

На-дняхъ я читалъ вслухъ «Муму» и разговоръ барина со слугой и кучеромъ²⁾; чудо, какъ хорошо, и особенно «Муму».

А третьяго дня я перечиталъ «Шинель»; это — колоссальное произведеніе. А какой Гоголь-то мерзавецъ былъ... Читалъ ты въ «Отечественныхъ Запискахъ»?³⁾

Прощай. Читай иногда leading articles⁴⁾ въ «Times», — какъ они вашу страну при-сенскую⁵⁾ сѣкутъ.

Черезъ недѣлю пришлю тебѣ «Дашкову». Ты замѣтилъ ли въ предисловіи къ ней характеристику - - - - - власти: «родная мать, палачъ и сержантъ»? Если не замѣтилъ, мнѣ очень больно⁶⁾. Въ концѣ ты еще найдешь исторію примиренія въ 1805 году Дашковой съ Орловымъ. Very nice⁷⁾.

Еще разъ прощай и кланяйся Толстому.

Огар. операцию будутъ дѣлать въ апрѣлѣ; что бы тебѣ посовѣтоваться съ Девилемъ? Здѣсь и еще есть дѣльный докторъ молодой. Огаревъ кланяется.

¹⁾ Тургеневъ писалъ: «Некрасовъ (котораго ты не любишь) былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ».

²⁾ «Разговоръ на большой дорогѣ» Тургенева.

³⁾ П. Е. Б.—(асисто)въ, «Записки о жизни Н. В. Гоголя», XI кн. 1856 г.

⁴⁾ Руководящія статьи. Въ англійскихъ газетахъ ихъ нельзя назвать «передовыми», такъ какъ онѣ не ставятся впереди всего текста.

⁵⁾ Франція.

⁶⁾ «Фраза хороша», писалъ Тургеневъ.

⁷⁾ Весьма прелестная.

◆◆ 1. Тургеневъ отвѣчалъ 5 марта: «Толстому я передалъ твой поклонъ; онъ очень ему обрадовался и велитъ тебѣ сказать, что давно желаетъ съ тобой познакомиться и заранѣе тебя любить лично, какъ любилъ твои сочиненія (хотя онъ NB далеко не красивый)» («Письма», 108). 7 октября 1857 г. гр. А. А. Толстая писала Льву Николаевичу: «На-дняхъ зашелъ разговоръ объ васъ; кто-то сказалъ, что вы, вѣроятно, со временемъ сдѣлаетесь вторымъ изданіемъ Искандера. Охъ, какъ это меня задѣло за живое, хотя я и не повѣрила этому гадкому слову и даже не могла вполнѣ оцѣнить всю неблагонамѣренность этого сравненія, потому что читала только отрывками то, что во Франкфуртѣ продается возами. Но и въ этихъ немногихъ страницахъ, прочитанныхъ мною, я нашла духъ столь противный всякому христіанскому началу, что душа просто возмущалась отъ негодованія. Правда, высказанная тамъ, никогда не принесетъ ни малѣйшей пользы: она зарыта въ ядовитой желчи, она говорится не изъ любви, а изъ ненависти къ отечеству. Какъ же могутъ уподоблять этого тигра моему добронравному Льву?! Докажите имъ, милый другъ, что ваша цѣль и пряма, и свята, и чиста, а мнѣ скажите успокоительное слово насчетъ Искандера. Надѣюсь, что вы ему не сочувствуете» («Толстовскій музей», I, 90). Отвѣтъ Толстого неизвѣстенъ.

909. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

2 Mars (1857), 1½ h.

At M-r Tinkler's, Putney.

Une heure après la réception de votre lettre sur le prix de Deville et sur la manière russe de s'en aller aux meetings, je vous ai répondu. Toute responsabilité est sur la poste.

Deville prend 1 liv. par visite à domicile, 10 sh. par visite chez lui.

Peut être on peut s'arranger pour un grand nombre de visites.

Le sujet chinois des cérémonies est trop ennuyeux pour écrire encore une fois.

Voilà les renseignements que M-me Belle m'a demandés.

M-elle d'Epresville, veuve de Delaveau, est maintenant l'épouse de Livio, consul de France à Moscou. On peut par conséquent lui écrire au nom du consul.

Votre tout dévoué

A. Herzen.

Переводъ.

2 марта, 1½ ч.

Я вамъ отвѣтилъ черезъ часъ по полученіи вашего письма относительно таксы Девиля и способности русскихъ испаряться на митингахъ. Отвѣтственность ложится теперь на почту.

Девиль беретъ одинъ фунтъ за визитъ на домъ и десять шиллинговъ за визитъ къ нему.

Быть можетъ, при большомъ числѣ посѣщеній возможна скидка.

Китайскій вопросъ о церемоніяхъ слишкомъ скученъ, чтобы о немъ еще писать.

Вотъ справки, которыя просила у меня г-жа Белль ¹⁾: вдова г. Делаво, урожденная д'Эпревилъ, теперь супруга г. Ливіо, французскаго консула въ Москвѣ. Можно, слѣдовательно, писать ей на имя консула.

Совершенно вамъ преданный

А. Герценъ.

910. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

Chère Malvida, primo, j'ai un service à vous demander. Reichel me recommande une cantatrice très distinguée, *Hertha Westerstand*; il me prie, entre autres, de faire sa connaissance avec Madame Kinkel. Voulez-vous vous charger de cela? — vous m'obligerez beaucoup. Je vous l'amènerai.

Secondo — il y a une confusion de noms évidente dans l'affaire de M-me B.—M-r Touthkoff parlait de Despretz (la même dame qui nous a fourni les renseignements).

Переводъ.

(Начало марта 1857).

Дорогая Мальвида, во-первыхъ, хочу просить васъ объ услугѣ. Рейхель рекомендуетъ мнѣ отличную пѣвицу, *Герту Вестерштандъ*; между прочимъ, онъ меня проситъ познакомить ее съ г-жею Кинкель. Хотите это взять на себя? вы меня очень обяжете. Я приведу ее къ вамъ.

Во-вторыхъ, въ дѣлѣ г-жи Б.—явная путаница въ фамиліяхъ. Г. Тучковъ говорилъ о Депрѣ (это—та самая дама, которая доставила намъ справки).

¹⁾ Евгенія; ея исторія рассказана въ воспоминаніяхъ М. Мейзенбургъ

911. Lettera a Giuseppe Mazzini sulle presenti condizioni della Russia.

Caro Amico, Sono 7 anni che «l'Italia del Popolo» pubblicava un mio lungo articolo sulla Russia, ed una lettera sub stesso argomento. Molte cose che allora sembravano avventate e paradossali, si confermarono poi. La guerra e la morte di Nicolò scossero fortemente l'indolenza slava, e la Russia si agita e si commuove per entrare in una nuova vita.

Dopo il 1849 la questione russa fu variamente agitata. Dalla condizione di paese quasi ignoto, la Russia passò a quella di paese mal noto. L'odio—quel l'odio latente e ostinato che risulta dal timore, era tale che ogni uomo che osasse (e fra quelli era io) dire una parola a favore di quel Golia del Nord, trovava un David inesorabile fra gl'inglesi o fra i tedeschi, colla fionda in pugno. Si sapeva che la libertà e la civiltà erano naturalmente colà ove era il Bonaparte, e che quella crociata islamico-cattolico-protestante contro la czarodoxia cominciava l'èra della fratellanza dei popoli, della Germania libera, di Waterloo cancellato coll'opera degli stessi inglesi.

Così pensava il volgo; ma è d'uopo dire che gli uomini gravi guardavano con occhio triste quella leggerezza di vecchio rimbambito, e cercavano di conoscere meglio quell'ignoto potere che vigoroso combatteva contro i suoi nemici collegati. La miglior prova ch'io possa produrre di tale asserzione, è la mia stessa esperienza. Non dimenticherò mai la premura affettuosa con cui voi, ed altri uomini illustri come Victor Hugo, Michelet, Proudhon, Louis-Blanc mi deste la mano nel 1855 e m'incoraggiaste quando io cominciai la mia Rivista russa, «La Stella Polare» a Londra. A voi tutti pareva affatto ragionevole che un russo, sfidato nemico dell'assolutismo di S. Pietroburgo, fosse al tempo stesso sincero amico del suo popolo.

Credo che dopo la guerra sarà lecito parlare della Russia senza eccitare sdegno e con maggior calma. La Russia dee necessariamente attirarsi l'attenzione della Europa. L'inerzia che squallida regna nell'Occidente, invita tutti, loro malgrado, a volger lo sguardo a sinistra e a destra. Or dunque fuor dell'Europa, due soli paesi son operosi: gli Stati Uniti e la Russia. Gli altri paesi dormono un sonno pesante o si agitano fra convulsioni che nulla ci toccano, come la China in rivolta.

Gli Stati Uniti sono in sostanza parte d'Europa, fatta colonia, traslocata, mobile; l'Europa anglo-sassone senza suolo natale, senza castelli, senza medio evò.

Un flutto dopo l'altro depone sulle sue spiagge un'alluvione dopo l'altra, che non si fermano ma proseguono la via. Turbe di emigrati si precipitano in America fuggendo la fame, le persecuzioni, l'avvenire, cioè un presentimento di future disgrazie in patria. L'immigrazione continua in America; i nuovi arrivati traversano i popoli già stabiliti, gli trascinano seco talvolta e in tumulto si precipitano verso il sud. Oggi si dissoda un terreno, domani si abbandona per correre verso l'Equatore, ove la razza anglo-sassone rigorosa ed aspra s'incontrerà colla bella e graziosa razza ispano-romana. Tutto è turbamento, tutto cresce in quel paese cosmopolita, in quel paese in cui si dimentica la patria; — tutto si estende e prospera con rigogliosa vitalità, con attività infaticabile. Ciò che cresce vigoroso è giovane.

L'accrescimento della Russia, il gran delitto che le si rimprovera, come se vi fossero stati grandi dall'origine, fu prodigioso, e ora soltanto comincia a cessare, essendo giunto al suo naturale confine, l'Oceano Pacifico. La Russia si accresce per tutt'altra legge; perchè ha un nucleo; non è una colonia che emigra, ma un popolo fortemente stabilito sul proprio territorio, che si allarga da ogni banda senza staccarsi dal proprio centro.

Gli Stati Uniti, come valanga, si cacciano tutto dinanzi; ogni palmo di terra che acquistano è perduto per gl'indigeni. La Russia trabocca, cinge come acqua i paesi adiacenti, gli stringe e gli cuopre del ghiaccio uniforme e monotono della autocrazia. Sotto il suo regime terribile si compie un prodigioso lavoro di assimilazione; esso fa gli adoratori di Dalai Lama difensori della chiesa greca, i tartari ufficiali di cancelleria fa ardentissimi patriotti russi i tedeschi.

La forza plastica non fu minore in Russia della sua forza di espansione; Giuseppe II, presente all'inangurazione di Ecaterinoslaff disse ironicamente: «L'imperatrice pose la prima pietra di questa città ed io l'ultima». Di che rideva? Non una città soltanto, ma uno stato sorse da quel tempo nel Chersoneso e nella Crimea.

Non ha molto che un vecchio moscovita, il sig. Aksakoff, pubblicò gli annali della sua famiglia. In quel libro importantissimo racconta come, verso la metà del decorso secolo, suo avo, lasciando i suoi possessi di Simbirsk se ne andò a cercar fortuna sulle rive dell'Ural; sembra la storia di un ricco settler, che si reca a dissodare le terre vergini del Wisconsin e dell'Illinois; è un romanzo di Cooper. Ma qual prodigio si compì in 100 anni, che vediamo oggi in quelle stesse provincie grandi città, ginnasii, società di nobili, società di negozianti? Orenburg, Catherinenburg, Perm, non sorsero che ieri. E tutta la Siberia non è nel caso stesso? Paese affatto nuovo, generalmente noto soltanto come un ergastolo fra i ghiacci, è pure destinato a grande

avvenire. La Siberia è presso a ricevere i piroscafi colla bandiera stellata. L'acquisto delle foci dell'Amour è uno dei passi più grandi della civiltà. Quale ostinazione o malafede sarebbe il negarlo?

Passiamo ora alla psicologia dei due paesi. L'America come colonia non rappresenta elementi nuovi: è l'ultima conseguenza dell'Europa protestante, emancipata dai vincoli storici della monarchia e dell'aristocrazia. La grande idea effettuata dall'America è un'idea puramente anglo-sassone, l'idea del Self-gouvernement; un popolo forte con un governo debole, la sovranità di ogni villaggio, senza concentramento, una comunità forte, tutta morale. Quale possa essere il rapporto degli Stati Uniti colle tendenze socialistiche, cioè coll'avvenire, è difficile a dire, perchè l'America rappresenta anch'essa, con tutti i suoi difetti, la democrazia borghese.

La Russia molto meno matura dell'America, è molto più svincolata dalle tradizioni occidentali. «Che fortuna, diceva il celebre Bentham all'imperatore Alessandro I, quando egli era a Londra dopo la guerra, che fortuna hanno i vostri legislatori, egli non denno ad ogni piè sospinto combattere col gius romano!» E noi aggiungiamo: nè col gius feudale, nè col cattolicesimo, nè col protestantismo. Il Nomo—Canon Bizantino non ha forza, e la legislazione nazionale non va oltre l'ordinamento dei comuni, tutto il resto è imposto, esotico, forzato. La legislazione degli Csar era assurda, la legislazione degli'imperatori è straniera, l'una e l'altra avevano un solo scopo, di creare uno stato forte: vi riuscirono; distruggendo affatto l'individuo, fondarono un formidabile impero.

Ma vi ha una cosa che l'assolutismo non sradicò; al contrariò la guastò, la oppresse, e pure la serbò, questa è il comune rurale, con amministrazione elettiva, colla partizione delle terre, col diritto sulle terre e alla partecipazione negli affari della comune, riconosciuto ad ogni operaio.

Su quella Russia agricola, comunale, stazionaria, scevra d'influenza occidentale, riposano, opprimendola, la Russia nobile e la Russia governativa. La prima rappresenta tutti i colori rivoluzionari e reazionarii d'Europa; la seconda una dittatura assolutista che vuol parere una monarchia occidentale. Nicolò fece fare un gran progresso alla Russia nobile, provocò un'opposizione tacita, un odio celato contro sè e il suo despotismo che comincia ora a farsi palese.

L'assolutismo militare compì i suoi giorni in Russia; dee trasformarsi o disfarsi lasciandosi dietro quello stato enorme, compatto, di una formidabile unità, ricco di forze educate da prove aspre e terribili. L'impero di Pietro I si stabilì con mezzi atroci, colla violenza, col knut e colla Siberia. Ogni suo passo è coperto di lagrime e sangue.

Milioni di uomini perirono fabbricando Pietroburgo, lavorando ai canali, milioni d'uomini perirono ai Balcani, al Caucaso, Quante vittime spirarono sotto le verghe e fra le nevi della Siberia! Col bastone eravamo forzati a correre al nostro destino. Ma queste cose volgono alla fine. Gridare contro il passato è inutile; la perspicacia viva e vera consiste a profittare egualmente degli elementi esistenti, delle forze prodotte egualmente dal bene e dal male. Non si tratta più della loro origine ma del modo di dirigerle.

Il governo presente ha vaghezza di riforme, ma con istupenda balordaggine vi pone mano e s'appiglia al deplorabile sistema dei piccoli miglioramenti parziali, senza toccare la sostanza delle cose. Andando di questo passo, soltanto fra due o tre secoli la Russia può sperare di giungere alle presenti condizioni della Prussia.

La storia e i popoli perdonano molte cose ai governi, anche scelleratezze e delitti, anche la crudeltà di Pietro I e - - - - - di Caterina II; ma ciò che non perdonano mai ad un governo è di non intendere la sua missione, è la debolezza di non levarsi all'altezza delle occasioni.

Ciò che più specialmente impedisce ed incatena Alessandro II sono le tradizioni di Nicolò, la politica di Nicolò e specialmente gli uomini di Nicolò. Paura di ogni vita intellettuale, paura della parola, della pubblicità all'interno e quindi alleanza con ogni despota. Tale era la filosofia del governo di Nicolò. Così egli ridusse la Russia a un torpore fittizio, a un'inerzia artificiale, che contaminò di corruzione e di vizi tutte le parti del governo.

Si può continuare adoperando gli uomini e gli ordini stessi?... Chiudendo gli occhi a Nicolò, la guerra non li aprì dunque ad Alessandro II? È necessaria più libertà all'interno. Non si potrà mai vincere il vampiro di una amministrazione ladra, senza la pubblicità, senza il tribunale aperto, senza il diritto di riprovare, di annullare i ministri del potere.

Ci troviamo dinanzi un'immensa rivoluzione economica. Nè il governo, nè la nobiltà se lo dissimulano ormai. L'imperatore ne fa cenno nel discorso alla nobiltà a Mosca. Siamo costretti a riordinare dalla radice la possessione territoriale, a por mano alla gran questione del proprietario e dell'operaio, dei diritti dell'artefice allo strumento del suo lavoro. Perchè tale è la questione dell'emancipazione col terreno. E il governo crede che una tanta rivoluzione possa compiersi senza discutere, senza accordarsi!

D'altra parte è tempo di abbandonare la sciagurata idea di sostenere tutti gli oppressori d'Europa, prendendo sempre le parti della reazione, del despotismo. Il diavolo si porti tutta questa influenza di-

plomatica, per la quale tutti i popoli ci aborriscono, e a gran ragione! Non è una politica nazionale, è una politica privata - - - - -
 - - - - - fece della Santa-Alleanza, mistica e assurda, un'alleanza poliziesca: - - - - - continua quel sistema contrario agli interessi della Russia. Perchè sostenne, pochi mesi sono, quel pascia del re di Napoli? perchè manda note insolenti a Berna, prendendosi a cuore gli affari - - - - - di Hohenzollern? Quel parentado tedesco gretto, affamato, pieno di puntigli e d'insolenza, è una vera sventura pel palazzo d'inverno. Ma finalmente, con tutto il rispetto dovuto a quei vincoli sacri - - - - - , bisognerebbe rassegnarsi a non sacrificare la Russia a quelle alte considerazioni - - - - - .

E tanto più che non vi ha legame di alcuna sorta fra i vecchi troni feudali che crollano in Europa e l'imperialismo russo. Che abnegazione è dunque questa di volere senza bisogno partecipare con esso - - - - - dei popoli? Sotto ben altro aspetto mostravasi Pietro I ai re snervati del tempo suo; colla sua divisa di panno grossolano, si faceva a forza accettare come forza nuova, e non come capo di orde selvaggie presto a servizie ogni reazione, ad opprimere ogni popolo che tenti emanciparsi, fosse per solo per giovare all'Austria. Perciò egli poteva amare l'Olanda libera pinchè la Francia monarchica. Bisogna dirlo: la sua coscienza era pura. - - - - - ha poi vincolato l'assolutismo russo al despotismo europeo. Quel - - - - - turba loro il sonno, e loro malgrado li getta nelle braccia degli Hohenzollern e degli Habsburg. La divisione della Polonia mutò la condizione della Russia in faccia all'Europa. Ma la rimembranza di un delitto non deve degenerare in un solo desiderio di tentare l'ingiusto acquisto, anzi deve condurre all'espiazione. E che ha dunque fatto Alessandro II per la Polonia?

Il «Nord» coi suoi pizzi di Fiandra poggiati sui disegni russi non potè coprire tutta la grettezza dell'amnistia, e tutta l'insufficienza delle riforme del viaggio di Alessandro a Varsavia, si ricorda soltanto il ritornello che chiude il suo discorso: «Nessun sogno! nessun sogno!»

È raro che in un dato momento il programma del futuro si presenti così chiaro a uno Stato, come oggi alla Russia. Bisogna essere veramente sordo e cieco per non udire la voce che chiama, per non scorgere il dito che segna la via.

Tal confusione d'idee - - - - - è pure frutto del governo tutto retrogrado di Nicolò: Nicolò voleva - - - - - : tornare all'autocrazia moscovita, serbando la forza dell'imperialismo di Pietroburgo, meno quanto vi era in esso di attivo e progressivo. È evidente che in cotal guisa non poteva ottenersi che una inerzia forzata. Il potere imperiale creato da Pietro I aveva un carattere tutto opposto al

potere degli Czar: era una dittatura formidabile, ma dittatura di progresso. Essa rispondeva al bisogno indefinito della nazione, di uscire dall'apatia e dallo spossamento in cui giaceva dopo le grandi lotte contro i Mongoli, i Lituani, i Polacchi.

Pietro I fu uomo del secolo XVIII, anzi fu il precursore dei despoti rivoluzionarii del genere di Federigo II. Certamente costoro non amavano la libertà; ma detestavano molto più le tradizioni, i pregiudizii, e spianarono assai la via alle riforme sociali.

Pietro I tre volte combattendo l'idea di legittimità, spegnendo l'ultimo simulacro della potenza clericale, ordinando - - - - - di non comparire, - - - - - di cessar dai miracoli, calpestando le pretese oligarchiche, portò grave colpo - - - - - . I cinquant'anni seguenti al suo regno presentano solo il disordinato fermento di un ordine nuovo di cose che s'impone al vecchio. Rivolte militari, colpi di Stato si ordinavano sotto le finestre del palazzo imperiale; le ribellioni dei Cosacchi e dei contadini agitavano il paese. Pure fra tante scene di disordine, rivoluzioni di serraglio, intrighi, assassinii, l'idea principale di Pietro I rimase sempre la guida di tutti i governi quale che fosse la loro origine.

Soltanto negli ultimi anni Caterina dopo aver diviso la Polonia inchinava a principii conservativi e retrogradi. Paolo I, suo figlio, - - - - - spinse più oltre le idee e mandò un esercito in Italia per arrestare la rivoluzione. Si videro allora per la prima volta i soldati russi far da aiutanti ai carnefici austriaci. Massena fece benissimo a gastigar le due aquile colle quattrò teste; Alessandro I e Pahlen anche meglio a far - - - - - . Il governo tornò alla vera tradizione di Pietro I.

Aggiungerò una parola di spiegazione. Sotto il nome di «Tradizione di Pietro I» non s'intende generalmente in Europa che la politica di conquista ed invasione; insomma il carattere distintivo dell'imperialismo come potenza eminentemente militare. Ma si dimentica che oltre la politica esterna vi ha tutto un sistema di ordinamento interno e di sviluppo delle forze materiali e intellettuali. Se dissi dunque che Alessandro I tornò alla tradizione di Pietro I, non intesi parlare di conquiste, ma della politica del progresso.

Nicolò ruppe la tradizione; si dichiarò fin da principio del suo regno, esclusivamente retrogrado. Le forze rivoluzionarie che vedeva addensarsi, lo incitavano alla resistenza astinata e feroce. S'avvide tosto che il trono imperiale mancava di quella base - - - che sostiene i troni storici, e che la forza e il moto solito sostenevano. Ma egli non voleva muoversi. Cadde dunque sui due sostegni di ogni monarchia; la nazionalità esclusiva e il fanatismo religioso. Era porsi in assoluta

opposizione colla tradizione di Pietroburgo. L'opera di Pietro I non era che la secolarizzazione del potere degli czar e l'umanizzazione della nazionalità esclusiva per mezzo della civiltà europea. Nicolò credeva ottenere la potenza di Pietro I negando il suo principio, la sua idea; non fece che impedire per trenta anni il progresso del paese. Tutto si fermò; la macchina governativa si guastò; la corruzione guastò tutto. Se ne accorse quando venne la guerra e ne morì - - - - - da tutta la Russia.

Appena Nicolò avea chiusi gli occhi, che un moto irresistibile spinse il governo di Alessandro II in via opposta a quella del padre suo. Lascia egli impadronirsi di quel moto, padroneggiarlo, lavorando per riacquistare al popolo ciò che suo padre gli fece perdere? Non so; ma non potrà arrestarlo. Nicolò, per giungere al suo - - - fine, adoperava una volontà limitata ma inflessibile. Alessandro II non l'ha. Dicono abbia buon cuore; si ottiene con questo un luogo in paradiso non nella storia.

Alessandro II annuncia nei suoi manifesti, i suoi ministri nelle circolari, i giornalisti russi nei loro fogli che comincia per la Russia un'era nuova. Ebbene! chi gl'impedisce d'entrarvi? A che giovan le parole? È d'uopo mantener le promesse, oppure anche noi diremo:

«Non rettorica, non rettorica!»

Io conosco poche condizioni più vergognose, più umilianti, di vedere arrestata una possibilità di gran progresso, e non so qual debolezza che impedisce il movimento. La macchina è calda; il vapore si consuma, le forze si disperdon mugghiando; e ciò perchè non vi ha mano così ardita da girar la chiave e dar moto alla macchina. E se ella partisse senza il conduttore?

A. Herzen.

1857 febbraio, Londra.

Переводъ.

Письмо къ Джузеппе Маццини о современномъ положеніи Россіи.

Дорогой другъ, прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ «L'Italia del Popolo» напечатала мою большую статью о Россіи и письмо о томъ же предметѣ ¹⁾. Многое, что казалось тогда сказаннымъ наобумъ и парадоксальнымъ, нашло себѣ впоследствии подтвержденіе. Война и смерть Николая сильнѣйшимъ образомъ

¹⁾ См. №№ 486 и 489.

всколыхнули славянскую безпечность; Россія волнуется и дѣлаетъ усилія, чтобы вступить въ новую жизнь.

Послѣ 1849 года русскій вопросъ вызываетъ разнородныя чувства. Изъ состоянія страны, почти неизвѣстной, Россія перешла на положеніе страны съ дурной извѣстностью. Ненависть къ ней,—та скрытая и упорная ненависть, которая является слѣдствіемъ страха, была столь сильна, что каждый, дерзавшій (въ числѣ этихъ людей былъ и я) сказать слово въ пользу сѣвернаго Голіаѳа, находилъ среди англичанъ и нѣмцевъ неумолимаго Давида съ пращею въ рукѣ. Считалось, что свобода и цивилизація были, естественно, тамъ, гдѣ былъ Бонапартъ, что этотъ исламо-католико-протестантскій крестовый походъ противъ царизма открылъ собою эру братства народовъ, эру свободной Германіи и Ватерлоо, вычеркнутаго изъ памяти стараніями самихъ англичанъ.

Такъ думала толпа; слѣдуетъ, однако, сказать, что люди серьезные съ грустью смотрѣли на легкомысліе впавшихъ въ дѣтство стариковъ и старались какъ-нибудь лучше узнать эту невѣдомую силу, стойко боровшуюся противъ объединенныхъ враговъ. Лучшимъ доказательствомъ, какое я могу привести въ пользу своего утвержденія, служить мой собственный опытъ. Я никогда не забуду того сердечнаго участія, съ какимъ вы и другіе выдающіеся люди, какъ Викторъ Гюго, Мишле, Прудонъ, Луи Бланъ, протянули мнѣ руку въ 1855 году и старались вселить въ меня мужество, когда я начиналъ въ Лондонѣ свой русскій журналъ «Полярную Звѣзду». Вамъ всѣмъ казалось вполне понятнымъ, что русскій, отъявленный врагъ петербургскаго абсолютизма, былъ въ то же время искреннимъ другомъ своего народа.

Я вѣрю, что послѣ войны позволено будетъ говорить о Россіи съ бѣльшимъ спокойствіемъ, не вызывая негодованія. Россія необходимо должна привлечь къ себѣ вниманіе Европы. Мрачный застой, царящій въ Европѣ, заставляетъ всѣхъ, даже противъ воли, обращать свои взоры направо и налево. И вотъ, внѣ Европы только двѣ страны проявляютъ въ настоящее время дѣятельность: Соединенные Штаты и Россія. Другія спятъ тяжелымъ сномъ, либо корчатся въ судорогахъ, нисколько не затрагивая насъ, словно китайская революція.

Соединенные Штаты, въ сущности говоря, представляютъ изъ себя часть Европы,—часть, ставшую колоніей, подвергшуюся перемѣщенію, сдѣлавшуюся подвижною; это—англо-саксонская Европа, но безъ родной почвы, безъ замковъ, безъ среднихъ вѣковъ.

Волна за волною отлагаетъ на ея берегахъ одинъ пластъ за другимъ, и это не прекращается, а идетъ все впередъ и впередъ.

Толпы эмигрантовъ устремляются въ Америку, убѣгая отъ голода, отъ преслѣдованій, отъ будущаго, т. е. отъ предчувствія грядущихъ бѣдствій на родинѣ. Эмиграція въ Америку все продолжается; новые пришлецы проходятъ мимо осѣвшихъ уже народовъ, порою увлекаютъ ихъ за собой и въ безпорядочномъ волненіи спѣшатъ на югъ. Сегодня земля распахивается, завтра ее бросаютъ, чтобы бѣжать къ экватору, гдѣ суровое, строгое англо-саксонское племя встрѣтится съ прекраснымъ и граціознымъ племенемъ испано-романскимъ. Все полно смятенія, все растетъ въ этой космополитической странѣ,—въ странѣ, гдѣ забываешь про родину; все здѣсь ширится и преуспѣваетъ съ клокочущею жизненностью, съ неутомимую энергіей. А что мощно растетъ, то молодо.

Расширеніе Россіи, это великое преступленіе, которое вмѣнялось ей въ вину, какъ еслибы вообще государства дѣлались крупными съ самаго начала, носило поразительный характеръ, и только въ настоящее время оно начинаетъ пріостанавливаться, дойдя до своей естественной границы, до Тихаго океана. Россія растетъ по совсѣмъ иному закону, потому что она имѣетъ ядро; это—не эмигрирующая колонія, а народъ, который прочно укрѣпился на своей территоріи и распространяется во всѣ стороны, не отрываясь отъ своего центра.

Соединенные Штаты, какъ лавина, все катятся впередъ; каждая пядь земли, которую они пріобрѣтаютъ, пропадаетъ для туземцевъ. Россія разливается, опоясываетъ, словно вода, присоединенныя области, стягиваетъ ихъ и покрываетъ однообразнымъ, одноцвѣтнымъ льдомъ автократіи. Подъ ея ужаснымъ режимомъ совершается удивительная работа ассимиляціи: поклонниковъ Далай-Ламы она дѣлаетъ защитниками греческой церкви, татаръ-чиновниковъ—пламенными нѣмецкими и русскими патріотами.

Пластическая мощь Россіи была не меньше, нежели ея способность шириться. Іосифъ II, присутствовавшій при закладкѣ Екатеринослава, сказалъ иронически: «Императрица положила первый камень этого города, а я—последній». Надъ чѣмъ онъ смѣялся? Не одинъ лишь городъ, а цѣлое государство выросло съ тѣхъ поръ въ Херсонесѣ и въ Крыму.

Недавно одинъ старый москвичъ, Аксаковъ, напечаталъ свою «Семейную хронику». Въ этой огромной важности книгѣ авторъ рассказываетъ, какъ около середины прошлаго вѣка дѣдъ его, бросивъ свои симбирскія имѣнія, отправился искать счастья на берегахъ Урала; это похоже на исторію богача-сеттлера, вздумавшаго обрабатывать дѣвственныя земли Висконсина и Иллинойса; это—романъ Купера. Но какое чудо свершилось за эти сто лѣтъ,

что мы видимъ теперь въ этихъ самыхъ провинціяхъ большіе города, гимназіи, дворянскія общества, торговья товарищества? Оренбургъ, Екатеринбургъ, Пермь возникли не далѣе, какъ вчера. А вся Сибирь,—развѣ съ ней дѣло обстоитъ иначе? Страна совершенно новая, извѣстная вообще лишь, какъ каторга среди льдовъ, она, между тѣмъ, предназначена для великаго будущаго. Сибирь близка къ тому, чтобы принять у себя пароходы съ усѣяннымъ звѣздами флагомъ. Завоеваніе устьевъ Амура является однимъ изъ самыхъ крупныхъ шаговъ цивилизаціи. Какое упрямство, какая недобросовѣстность можетъ отрицать это?

Перейдемъ теперь къ психологіи обѣихъ странъ. Америка, какъ колонія, не является представительницею новыхъ элементовъ, она—лишь крайній выводъ протестантской Европы, освободившейся отъ историческихъ оковъ монархіи и аристократіи. Великая идея, осуществленная Америкою, есть идея чисто англо-саксонская, идея самоуправленія: сильный народъ при слабой власти; суверенность каждой деревни при отсутствіи централизаціи; крѣпкая община на чисто моральномъ базисѣ. Трудно сказать, каково будетъ отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ социалистическимъ тенденціямъ, иными словами, къ будущему, трудно, потому что и Америка, при всѣхъ ея недостаткахъ, является представительницею буржуазной демократіи.

Россія, гораздо менѣе зрѣлая, чѣмъ Америка, болѣе свободна отъ западныхъ традицій. «Какъ счастливы ваши законодатели!—говорилъ знаменитый Бентамъ императору Александру I, когда тотъ послѣ войны находился въ Лондонѣ,—они не должны на каждомъ шагу бороться съ римскимъ правомъ!» Мы еще прибавимъ: ни съ правомъ феодальнымъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Византійскій Номоканонъ не имѣетъ силы, а національное законодательство не пошло дальше устройства общины,—все остальное навязано, экзотично, введено насильственно. Царское законодательство было нелѣпо, императорское—чуждо, а то и другое имѣли лишь одну цѣль: создать сильное государство. Это удалось имъ: совершенно подавляя личность, они основали страшную имперію.

Но есть одна вещь, которой абсолютизмъ не искоренилъ; наоборотъ, онъ ломалъ ее, подавлялъ и, все-таки, сохранилъ, это—сельская община съ выборнымъ управленіемъ, съ земельными передѣлами, съ признаніемъ за каждымъ работникомъ права на землю и на участіе во всѣхъ дѣлахъ общины.

Надъ этою земледѣльческою, общинною, неподвижною, свободою отъ западнаго вліянія Россією стоятъ, давая ее, Россія дворян-

ская и Россія правящая. Первая представляетъ всѣ реакціонныя и революціонныя оттѣнки Европы, вторая воплощаетъ абсолютистскую диктатуру, желающую казаться западною монархіей. Николай заставилъ дворянскую Россію сдѣлать большой шагъ впередъ; онъ вызвалъ молчаливый протестъ, скрытую ненависть противъ себя и своего деспотизма, которая теперь начинаетъ становиться явною.

Военный абсолютизмъ отжилъ въ Россіи свои дни; ему предстоитъ подвергнуться измѣненію или исчезнуть, потому что онъ остался позади этого огромнаго сплоченнаго государства, этого грознаго единства, богатаго силами, которыя закалены въ суровыхъ и тяжкихъ испытаніяхъ. Имперія Петра была установлена при помощи жестокихъ средствъ, посредствомъ насилія, кнута и Сибири. Каждый шагъ ея залитъ кровью и слезами. Милліоны людей погибли, строя Петербургъ, проводя каналы, милліоны людей погибли на Балканахъ, на Кавказѣ. Сколько жертвъ испустили духъ подъ розгами и среди снѣговъ Сибири! Насъ палкою заставили покориться своей судьбѣ. Но все это подходитъ къ концу. Вопить противъ прошлаго бесполезно; живая и истинная прозорливость состоитъ въ умѣнїи одинаково использовать всѣ существующіе элементы, всѣ силы, созданныя какъ добромъ, такъ и зломъ. Дѣло теперь не въ ихъ происхожденіи, а въ способѣ управленія ими.

Теперешнее правительство желаетъ реформъ, но съ паразитическою тупостью накладываетъ на нихъ руку и хватается за жалкую систему мелкихъ частичныхъ улучшеній, не касаясь существа дѣла. Идя такимъ темпомъ, Россія можетъ надѣяться лишь черезъ два или три столѣтія достигнуть современнаго состоянія Пруссїи.

Исторія и народы многое прощаютъ правительствамъ, даже злодѣйства и преступленія, даже жестокости Петра I и - - - - - Екатерины II, но, чего они никогда не прощаютъ, такъ это непониманія правительствомъ своей задачи, слабости, неумѣнїя подняться на высоту событій.

Александрѣ II особенно мѣшаютъ, его больше всего связываютъ традиціи Николая, политика Николая и, прежде всего, люди Николая. Боязнь всякой умственной жизни, страхъ передъ словомъ, передъ гласностью, а потому и союзъ съ каждымъ деспотомъ— вотъ какова была философія николаевскаго правленія. Такимъ образомъ, онъ привелъ Россію къ мнимому оцѣпенѣнїю, къ искусственной инертности, заразившей всѣ части правительства развратомъ и пороками.

Можно ли продолжать дальше, пользуясь тѣми же людьми, практикуя тѣ же порядки? Неужели война, закрывъ глаза Николаю,

не открыла ихъ Александру II? Необходима бѣлая свобода внутри государства. Безъ гласности, безъ открытаго суда, безъ права критиковать и смѣщать представителей власти никогда нельзя побѣдить вампира воровской администраціи.

Мы стоимъ передъ огромною экономической революціей. Ни правительство, ни дворянство уже не скрываютъ этого. Императоръ намекаетъ на нее въ своей рѣчи, обращенной къ московскому дворянству. Намъ необходимо предстоить кореннымъ образомъ преобразовать землевладѣніе, взяться за великій вопросъ объ отношеніяхъ собственника и рабочаго, о правѣ трудящагося на орудія его труда,—таковъ, вѣдь, вопросъ объ освобожденіи съ землею. И правительство полагаетъ, что подобная революція можетъ совершиться безъ обсуждения, безъ взаимныхъ соглашеній!

Съ другой стороны, пора оставить злосчастную идею о поддержкѣ всѣхъ европейскихъ угнетателей, идею о томъ, что надо всегда принимать сторону реакціи, деспотизма. Чортъ бы побралъ все это дипломатическое вліяніе, изъ за котораго всѣ народы ненавидятъ насъ—и съ полнымъ основаніемъ. Нѣтъ національной политики, есть частная политика - - - - - . Изъ Священнаго Союза, мистическаго и нелѣпаго, - - - - - сдѣлалъ союзъ полицейскій; - - - - - продолжаетъ эту систему, противорѣчащую интересамъ Россіи. Зачѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ поддержалъ этого пашу, короля неаполитанскаго? Зачѣмъ посылаетъ онъ въ Бернъ вызывающія ноты, принимая къ сердцу дѣла - - - - - Гогенцоллерна? Эта нѣмецкая родня, жалкая, голодная, преисполненная упрямства и наглости, является для Зимняго Дворца подлиннымъ бѣдствіемъ. Но, въ концѣ концовъ, при всемъ уваженіи, какое приличествуетъ питать къ священнымъ узамъ - - - - , слѣдовало бы все же рѣшиться не приносить Россію въ жертву этимъ высокимъ - - - - - соображеніямъ.

Тѣмъ болѣе слѣдовало бы, что между старыми феодальными тронами, рушащимися въ Европѣ, и русскимъ имперіализмомъ нѣтъ никакой связи. Что за самоотверженіе это желаніе, безо всякой нужды, раздѣлять вмѣстѣ съ ними - - - - - со стороны народовъ? Совсѣмъ иначе держалъ себя по отношенію къ разслабленнымъ королямъ своего времени Петръ I. Въ своемъ мундирѣ грубаго сукна онъ заставлялъ признавать себя, какъ новую силу, а не какъ главу дикихъ ордъ, готоваго служить всякой реакціи, давить всякій народъ, который стремится къ освобожденію,—и все это хотя бы лишь для того, чтобы оказать услугу Австріи. Вотъ почему Петръ могъ относиться къ свободной Голландіи съ большею любовью, чѣмъ къ монархической Франціи. Надо сказать: его совѣсть была

чиста. Впослѣдствіи - - - - - связало русскій абсолютизмъ съ европейскимъ деспотизмомъ. Это - - - - - смущаетъ ихъ сонъ и, противъ ихъ воли, бросаетъ ихъ въ объятія Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ. Раздѣлъ Польши измѣнилъ положеніе Россіи въ глазахъ Европы. Но воспоминаніе о грѣхѣ не должно вырождаться въ желаніе искушать неправедно добытое; напротивъ, оно должно бы привести къ искупленію. А между тѣмъ что сдѣлалъ Александръ II для Россіи?

«Nord» со своими брюссельскими кружевами, основанными на русскихъ планахъ, не могъ скрыть всей мизерности амнистіи, всей недостаточности реформъ Александра въ Варшавѣ и лишь вспоминаетъ припѣвъ, которымъ онъ закончилъ свою рѣчь: «Никакихъ мечтаній! никакихъ мечтаній!» ¹⁾

Рѣдко бываетъ, чтобы въ какой-нибудь опредѣленный моментъ программа будущаго представлялась для государства столь же ясною, какъ теперь для Россіи. Нужно быть поистинѣ глухимъ и слѣпымъ, чтобы не слышать голоса зовущаго, не видѣть перста, указующаго путь.

Подобная путаница идей въ - - - - - есть, впрочемъ, плодъ донельзя реакціоннаго правленія Николая. Николай желалъ - - - - - : вернуться къ московскому самодержавію, сохраняя силу петербургскаго имперіализма, за исключеніемъ того, дѣйствннаго и прогрессивнаго, что было въ послѣднемъ. Вполнѣ ясно, что такимъ путемъ не могло получиться ничего, кромѣ насильственнаго застоя. Созданная Петромъ I императорская власть по характеру своему представляла полную противоположность власти царей: то была страшная диктатура, но диктатура прогресса. Она отвѣчала неопредѣленной потребности націи выйти изъ состоянія апатіи и разслабленности, въ какомъ она находилась послѣ великой борьбы противъ монголовъ, литовцевъ и поляковъ.

Петръ I былъ человѣкомъ восемнадцатаго вѣка. Больше того, онъ былъ предтечею революціонныхъ деспотовъ въ родѣ Фридриха II. Они, безспорно, не любили свободы, но еще больше ненавидѣли традиціи, предрасудки и въ значительной мѣрѣ проложили путь общественнымъ реформамъ.

Петръ, выступая трижды на борьбу съ идеей легитимизма, уничтожая послѣднее подобіе клерикальнаго могущества, приказывая - - - - - не являться, а - - - - - прекратить свои чудеса, попирая олигархическія притязанія, нанесъ жестокой ударъ - - - - - . Слѣдующее за его царствованіемъ пятидесятилѣтіе представляетъ лишь беспорядочное

¹⁾ «Pas de rêveries! Pas de rêveries»,—подлинныя слова государя.

броженіе новаго порядка, идущаго на смѣну старому. Подъ окнами императорскаго дворца происходили военныя революціи и государственные перевороты; казацкіе и крестьянскіе бунты волновали страну. Но и среди этихъ сценъ анархіи, среди революцій сераля, среди интригъ и убійствъ, главная идея Петра I неизмѣнно оставалась руководящею для всѣхъ правительствъ, каково бы ни было ихъ происхождение.

Лишь въ послѣдніе годы своего царствованія, послѣ раздѣла Польши, Екатерина начала склоняться на сторону консервативныхъ и ретроградныхъ началъ. Сынъ ея, Павелъ I, - - - - - провель эти идеи дальше и послалъ въ Италію войско для усмиренія революціи. Тогда русскіе солдаты впервые появились въ роли пособниковъ австрійскихъ палачей. Массена отлично сдѣлалъ, обуздавъ двухъ орловъ съ четырьмя головами; еще лучше сдѣлали Александръ I и Паленъ, - - - - - . Правительство вернулось къ истинной традиціи Петра I.

Прибавлю нѣсколько словъ въ объясненіе. Подъ именемъ «традиціи Петра» обыкновенно въ Европѣ разумѣется лишь политика завоеваній и нашествій, иными словами, отличительный характеръ имперіализма, какъ силы преимущественно военной. Но при этомъ упускается изъ виду, что, кромѣ внѣшней политики, есть еще система внутренняго устройства и развитія матеріальныхъ и умственныхъ силъ. И вотъ, говоря о возвращеніи Александра I къ петровской традиціи, я имѣлъ въ виду не завоеванія, а политику прогресса.

Николай нарушилъ традицію. Съ самаго начала своего царствованія онъ заявилъ себя исключительно ретроградомъ. Зрѣлище накопившихся революціонныхъ силъ толкало его къ упорному и жестокому сопротивленію. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что императорскому трону недостаетъ того - - - - - основанія, которое поддерживаетъ историческіе престолы, и что обыкновенно ихъ поддерживали сила и движеніе. Но Николай не хотѣлъ двигаться. И вотъ онъ ухватился за двѣ опоры всякой монархіи: за исключительный націонализмъ и религіозный фанатизмъ. Ему пришлось стать въ рѣшительную оппозицію къ петербургской традиціи. Дѣло Петрово состояло не въ чемъ иномъ, какъ въ секуляризаціи царской власти и въ гуманизации исключительнаго націонализма посредствомъ европейской культуры. Николай разсчитывалъ удержать могущество Петра I, отрицая его принципъ, его идею. Онъ только и дѣлалъ, что въ продолженіе тридцати лѣтъ задерживалъ развитіе страны. Все пріостановилось; правительственный механизмъ пришелъ въ негодность; развратъ сказался всюду. Императоръ понялъ это, когда разразилась война, и умеръ - - - - - всей Россіей.

Едва Николай закрылъ глаза, какъ неумолимый ходъ вещей толкнулъ правительство Александра II на путь противоположный тому, какого держался его отецъ. Овладѣлъ ли онъ этимъ движеніемъ, ставъ во главѣ его и стремясь вернуть народу то, что отнялъ у послѣдняго его отецъ? Не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, Александру не остановить движенія. Николай, чтобы достигнуть своей - - - - - цѣли, выказывалъ, пусть ограниченную, но за то непреклонную волю; у Александра II ея нѣтъ. Говорятъ, онъ обладаетъ добрымъ сердцемъ, но это даетъ мѣсто въ раю, а не въ исторіи.

Александръ въ своихъ манифестахъ, его министры въ своихъ циркулярахъ, русскіе журналисты на своихъ столбцахъ возвѣщаютъ, что для Россіи начинается новая эра. Отлично! Кто же мѣшаетъ вступить въ нее? Къ чему слова? Надо сдерживать обѣщанія, или же и мы скажемъ:

«Только не риторика, только не риторика!»

Я мало знаю положеній болѣе постыдныхъ и унижительныхъ, чѣмъ сознаніе упущенной возможности сдѣлать крупный шагъ впередъ; я не знаю, въ чемъ слабость, которая мѣшаетъ движенію. Машина нагрѣта, паръ уходитъ, силы бурлятъ и пропадаютъ зря,— и все это потому, что нѣтъ достаточно смѣлой руки, которая повернула бы рычагъ и привела бы машину въ дѣйствіе.

А что если она двинется безъ проводника?

Февраль 1857. Лондонъ.

912. Письмо къ М. К. Рейхель.

14 марта (1857)

At M-r Tinkler's, Putney.

Опять давненько нѣтъ отъ васъ вѣстей, да и отъ меня. А причина истинная, что ничего не было: сѣренькое время безъ холода и тепла, безъ добраго и хорошаго. Послалъ вамъ на дняхъ Катерину Романовну ¹⁾; что, читали ли? Вотъ баба-бабариха!

Дѣти здоровы, т. е. у Таты болитъ голова, но это у насъ въ домѣ и не переводится. Оля принесла (это все за ваше письмо) свой «валентинъ» Сашѣ, да, я думаю, это не угораздитъ послать, не сломавъ. Слышали ли вы о томъ, какъ Шевыревъ съ Бобрин-

¹⁾ Дашкова. См. № 921.

скимъ дрались у Черткова ¹⁾, и Бобринскій Шевыреву сломалъ ребро, а публика бѣжала, а Чертковъ донесъ, а Закревскій телеграфировалъ?... О, дымъ отечества, коптишь ты душу какъ!

Вторая статья Григорьева о Гранов. положила въ лоскъ самого Мельгунова, — раскусилъ, наконецъ. Да когда же Лизавета Богд. позволитъ мнѣ писать объ Гранов? это, право, пальцы жжетъ.

Если Мельгунова увидите, скажите что я сейчасъ получилъ его письмо. Насчетъ пѣревода, хотя я и отказалъ, то есть въ деньгахъ, я, пожалуй, готовъ гарантировать что-нибудь въ случаѣ запрещенія и уничтоженія книги. Что именно, не знаю; пусть Делаво скажетъ; только смѣшно, что въ Англии заплатили 50 liv., а тутъ я же приплачивай. Сверхъ того, ужъ слѣдуетъ переправить предвзрительно переводъ.

Я буду Мельгунову писать, впрочемъ; а онъ, скажите ему, совсѣмъ на старости лѣтъ рехнулся. Вообразилъ, что мнѣ завидно, что Павловъ пишетъ о Гранов. ²⁾ Ахъ, онъ еретикъ!

913. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 марта (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Отъ вашего послѣдняго письма мнѣ стало какъ-то грустно... Я отрѣзалъ себѣ еще больше всѣ средства приѣхать къ вамъ; особенно похоронами Ворцеля и статьей, которую вы не знаете. Обстоятельства всѣ такія, что врядъ до новаго года можно будетъ двинуться куда бы то ни было. Для нашей русской пропаганды здѣсь теперъ потому уже лучше, что всѣ адресуются къ Трюбнеру. Развѣ передъ отъѣздомъ вы приѣдете денька на два, на три, съ Еленой Адольфовной ³⁾, если не со всѣми. Какъ старые друзья, вы не разсердитесь, если въ этомъ случаѣ я прямо скажу, что потребую, еслибъ вы рѣшились, все сдѣлать на мой счетъ. Какъ думаете?

Что касается до Тесье, то уже и портретъ давнымъ давно посланъ съ французикомъ; адресъ тотъ же написалъ.

Довожу до свѣдѣнія вашего, что я написалъ главу финзербъ ⁴⁾ «Дмитрій и Николай Павловичи Голохвастовы».

¹⁾ Александръ Дмитріевичъ, вице-президентъ московскаго художественнаго общества, совѣтъ котораго засѣдалъ на его квартирѣ.

²⁾ «Биографъ-ориенталистъ», «Рус. Вѣстникъ» 1857, ч. VIII.

³⁾ Послѣдняя дочь Рейхелей.

⁴⁾ *Aux fines herbes* — на пряныхъ травахъ; здѣсь — въ переносномъ смыслѣ: тонкую.

Наташа не у Кинкельши учится,—слишкомъ далеко, а ходить къ ней учитель, здѣшній органистъ. А изъ рейхелевскихъ лучшихъ штукъ прислалъ бы «Гафиса» или иное, черезъ Франка, Трюбнеру, 12 Paternoster row, City. Было бы хорошо.

Прощайте. Завтра у насъ обѣдаетъ Маццини.

Аддіо.

914. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

21 mars. (1857)

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, mais certainement donnez-moi, donnez-nous une bonne, une très—bonne, et je la prends bona fide. Elle est ageé, c'est précisément ce que nous cherchons, envoyez-la.

Je vous envoie un № de «Italia e Popolo», il y a là un article qui n'est pas sans intérêt sur la Russie. Après avoir lu, envoyez le № à M-me Hawkes.

J'ajoute 5 exemp. de l'article sur Worcell pour vous; ce petit article trouve une grande sympathie.

Tata a un mal de tête furibond, et Alex. a eu des vomissements tout le jour hier. Spring. Vous viendrez, n'est ce pas demain? Vous venez toujours trop tard.

Adieu.

A. Herzen.

11 hr. du matin.

Переводъ.

21 марта.

Дорогая Мальвида, ну, конечно, дайте мнѣ, дайте намъ горничную, очень хорошую, и я беру ее «на вѣру» ¹⁾. Она пожилая, — это-то какъ разъ намъ и нужно, пришлите ее.

Посылаю вамъ одинъ № «Italia e Popolo»; тамъ есть интересная статья о Россіи. Послѣ прочтенія пошлите этотъ № г-жѣ Гоксъ ²⁾.

Прилагаю пять экземпляровъ статьи о Ворцелѣ для васъ; эта статейка встрѣчаетъ большое сочувствіе.

У Таты отчаянная головная боль, у Александра вчера цѣлый

¹⁾ Игра словъ: «bonne»—горничная и хорошая; «bona fide»—съ доброй вѣрой.

²⁾ См. № 911.

день была рвота,—весна. Можетъ быть, вы завтра придете? Вы всегда приходите слишкомъ поздно.

Прощайте.

А. Герценъ.

11 ч. утра.

915. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

2 avril (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, je pense que la meilleure des choses est de vous adresser pour Ashurst non à M-me Hawkes, mais plutôt à Kinkel qui doit connaître le monde anglais.

Qui vous a dit que M-me Bell a produit sur moi une mauvaise impression? Pas le moins du monde. J'ai seulement pensé que cette «Exhibition» devant les personnes inconnues devait ou ajouter à la confusion de ses idées,—ou la gêner. Son affaire est trop compliquée par sa fille. En la poussant à des excentricités, vous la pousserez à Bedlam plus sûrement que ne feront les canailles qui l'entourent. Pensez à cela et persuadez-vous que le monde n'est pas si sauvable, comme vous le pensez. Je vous dis très franchement mon opinion—car l'affaire est grave et remarquez-le—cette dame est malade et déjà timbrée. Si vous laissez la douce Allemande faire en sa présence sa légende—vous la finirez. Maintenant un mot concernant vos affaires. Si Schourtz n'a pas encore envoyé l'argent, voulez-vous en prendre chez moi?

Adieu, je vous serre la main.

Alex. Herzen.

Переводъ.

2 апрѣля (1857).

Дорогая Мальвида. Я полагаю, что самое лучшее для васъ—обратиться относительно Ашерста не къ г-жѣ Гоксъ, но скорѣй къ Кинкелю, который лучше знаетъ англійскій свѣтъ.

Кто вамъ сказалъ, что г-жа Белль произвела на меня дурное впечатлѣніе? Нисколько. Я только подумалъ, что эта «выставка» предъ неизвѣстными лицами должна была или усилить путаницу въ ея мысляхъ, или избаловать ее. Дѣло ея слишкомъ осложнилось дочерью. Поощряя ея эксцентричности, вы толкаете ее въ Бэдламъ вѣрнѣе, чѣмъ тѣ каналы, которые ее окружаютъ. Подумайте объ

этомъ и увѣрьтесь, что не всякій человѣкъ можетъ быть спасенъ, какъ вы это думаете.

Высказываю вамъ очень откровенно свое мнѣніе, потому что дѣло очень серьезно, и, замѣтите, эта дама больна и уже нѣсколько помѣшана. Если вы допустите сладчайшую нѣмку быть при ней и продолжать свою легенду, вы ее совсѣмъ доканааете!

Теперь одно слово о вашихъ дѣлахъ: если Шурцъ не прислалъ еще вамъ денегъ, не хотите ли взять у меня?

Прощайте, жму вамъ руку.

Алекс. Герценъ.

916. Письмо къ К. Фогту.

9 avril 1857.
Putney.

Enfin, très cher Vogt, un mot de vous; j'allais vous écrire et vous demander quelle mouche vous a piqué la mémoire et j'attendais, diable sait pourquoi, la fin de l'affaire de Neuchâtel. La cause de votre silence n'est pas bonne.

Vous vous êtes admirablement conduit dans l'affaire de N. J'ai reçu, il y a une semaine, une lettre d'Amérique où on parle avec beaucoup de sympathie de vous. Mais que voulez-vous faire avec ces «castrty». Enfin y êtes-vous, à la fin, dans l'agonie du vieux Monde. Sans doute l'Angleterre avec toutes les bêtises du féodalisme et du torysme est le seul pays habitable...

Vous ne pouvez-vous imaginer quelles proportions prend notre propagande de Londres. Mes livres se vendent admirablement, les frais sont couverts. Exemple: le troisième volume de «l'Etoile Polaire» va paraître le 15. Il y a déjà de commandes: 300 exemplaires, et je peux compter sur 200 encore pour le 1-er Mai. Je n'aurais jamais cru du temps de ce brave Nicolas à de pareilles choses...

Et encore une prière. Si G..., ou une autre personne aussi sûre, veut bien se charger de m'apporter un paquet de papiers qu'il vous faut aller chercher chez Madame T..., de ma part, vous m'obligeriez infiniment...

Il me faut de nouveau votre coup d'épaulé. Voilà la position de mes affaires. Mon capital est partagé. Une partie en Amérique, une autre en Piémont. Mes biens sont séquestrés en Russie. En outre, j'ai pour 8,000 frs. de bons de Canada...

Bakounine a donné un démenti complet au bruit qu'on a fait courir qu'il était devenu piétiste. Mais quelle stupide atrocité de ne pas le libérer, qu'a-t-il fait contre le gouvernement russe?

Adieu.

Al. Herzen

Переводъ.

9 апрѣля 1857.

Наконецъ-то, дорогой Фогтъ, словечко отъ васъ. Я уже собирался вамъ писать и спросить, какая муха укусила вашу память, но ждалъ, чортъ знаетъ зачѣмъ, конца Невшательскаго дѣла. Причина вашего молчанія не хороша.

Вы великолѣпно вели себя въ Н. ¹⁾ дѣлѣ. Я получилъ недѣлю назадъ письмо изъ Америки, въ которомъ говорятъ о васъ съ большой симпатіей. Но что же подѣлаете съ этими «кастратами»? Наконецъ, чувствуете ли себя у конца, при агоніи стараго свѣта? Безъ всякаго сомнѣнія, Англія при всѣхъ своихъ глупостяхъ феодализма и торизма—единственная страна, гдѣ можно жить...

Вы не можете себѣ вообразить, какіе размѣры принимаетъ наша лондонская пропаганда. Книги мои чудесно продаются, издержки покрываются. Примѣръ: третій томъ «Полярной Звѣзды» выйдетъ 15 апрѣля. Заказано уже 300 экземпляровъ, и я могу разсчитывать еще на 200 къ 1 мая. Никогда бы я не повѣрилъ ничему подобному во времена славнаго Николая...

И еще просьба. Если Г... или другое столь же надежное лицо возьметъ на себя трудъ доставить мнѣ пакетъ съ бумагами, который вамъ придется получить отъ г-жи Т..., вы меня обяжете безконечно...

Мнѣ снова нужна ваша поддержка. Вотъ положеніе моихъ дѣлъ. Мой капиталъ раздѣленъ: часть въ Америкѣ, часть въ Пьемонтѣ. Мои имѣнія въ Россіи секвестрованы. Кромѣ того, у меня на 8,000 франковъ канадскихъ бумагахъ...

Бакунинъ вполне опровергъ пущенный слухъ, будто онъ сталъ піетистомъ. Но какая бессмысленная жестокость, что его не освобождаютъ: въ чемъ его вина передъ русскимъ правительствомъ?

Прощайте.

Ал. Герценъ.

¹⁾ Невшательское.

917. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

10 Avril (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, «Les Annales» d'Aksakoff traitent l'histoire d'un de ses grands-pères qui s'éloigna du gouvernement de Simbirsk à Orenbourg. C'était alors un pays tout à fait sauvage, et c'est une histoire de *settler* en Amérique, avec le caractère grossier et patriarcal complètement slave; à côté il y a des figures de femmes très intéressantes et le produit du premier contact de la civilisation demi-européenne avec les natures demi-sauvages. Il y a un nouveau volume imprimé dans un journal russe. A vous dire la vérité cela sera trop long pour les lecteurs ordinaires. Faites plutôt une série de fragments et racontez les lacunes en peu de mots.

Moi je vous remercie beaucoup pour les lilas et pour votre bonne, amicale participation à la fête et—mon Dieu—ne parlons pas du mouvement que je comprends très-bien.

J'ai reçu une lettre de Vogt; il écrit entres autres que Domangé est sur le point de quitter le Grec—il ne m'a rien écrit, je m'y attendais.

Adieu, je vous serre la main amicalement.

A. Herzen.

Appendix.

Schourz sortant de son poste sans un sou d'argent! Les américains sont des barbares. Regardez comment sortiront tous les généraux prussiens et même autrichiens. Saluez le de ma part mille fois.

Kinkel se fait Prussien, parle du drapeau prussien—je crains qu'il prendra Grass, Stählin, Müller-Strübing et occupera militairement Trübner.— Vous êtes aussi passablement bismarquée... Oh, le succès! Et le «Times» n'a-t-il pas raison d'être toujours pour le succès?

Nous aurons à côté du bonapartisme classique le Junkerthum bonapartiste.

Vous savez probablement que grâce à Avigdor—j'ai perdu 770 fr. sur ma rente. Les coupons se payent à Paris *au pair*—il les a vendus en Italie. Pour regagner un peu j'ai envoyé à Alex. 3000 fr. et je dois vous compter (sensate) le change. Chaque homme a sa part de Benedite.

Est-ce que Olga lit le petit roman? Les premiers cahiers sont admirables—j'envoie le reste. On dit que la continuation a été empêchée.

Portez vous spëzzialement bien.

Переводъ.

10 апрѣля.

Дорогая Мальвида, въ аксаковской «Хроникѣ» излагается исторія одного изъ его дѣдовъ, который переселился изъ Симбирской губерніи въ Оренбургскую, и это—исторія американскаго *сеттлера* ¹⁾, съ грубымъ и патріархальнымъ, чисто славянскимъ характеромъ; между прочимъ, въ ней очень интересны нѣкоторыя женскія фигуры и описанія перваго столкновенія полуевропейской цивилизаціи съ полудикими натурами. Въ одномъ русскомъ журналѣ напечатанъ новый томъ ²⁾. По правдѣ сказать, это сочиненіе слишкомъ длинно для обыкновеннаго читателя. Выберите лучше рядъ отрывковъ, а пропущенныя мѣста между ними вкратцѣ расскажите своими словами.

Что же касается меня, я вамъ очень благодаренъ за сирень и ваше доброе, дружеское участіе въ празднествѣ и,—о, Господи!—не будемъ говорить о движеніи, которое я очень хорошо понимаю ³⁾.

Получилъ письмо отъ Фогта; между прочимъ, онъ пишетъ, что Доманже собирается немедленно покинуть грека; онъ мнѣ ничего объ этомъ не писалъ; я такъ и ждалъ.

Прощайте, дружески жму вашу руку.

А. Герценъ.

Прибавленіе.

Шурцъ, оставляющій свой постъ безъ гроша денегъ. Американцы—варвары... Посмотрите, какъ выйдутъ изъ этого положенія всѣ генералы прусскіе и даже австрійскіе. Поклонитесь ему отъ моего имени тысячу разъ.

Кинкель дѣлается пруссакомъ, говоритъ о прусскомъ знамени—я боюсь, что онъ захватитъ Грасса, Штелина, Мюллера-Стрюбинга и займетъ Трюбнера военнымъ постоемъ. Вы также порядкомъ «обисмаркованы»... О, успѣхъ! И развѣ «Times» не правъ въ томъ, что всегда стоитъ за успѣхъ?

Рядомъ съ классическимъ бонапартизмомъ мы будемъ имѣть бонапартистское юнкерство.

Вы, вѣроятно, знаете, что, по милости Авигдора, я потерялъ 770 фр. на своей рентѣ. Купоны въ Парижѣ продаются *à la pari* ⁴⁾,

¹⁾ Колонисты Соединенныхъ Штатовъ.

²⁾ Въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 г.

³⁾ 6 апрѣля Герцену исполнилось 45 лѣтъ.

⁴⁾ По номинальной цѣнѣ.

а онъ ихъ продалъ въ Италіи. Чтобы немножко навестать, я послалъ Алекс. 3000 фр., и долженъ вамъ уплатить (sensate) за размѣнъ. Каждый человѣкъ имѣетъ свою долю Benedite ¹⁾.

Читаетъ ли Ольга маленькій романъ? Первые тетради чудныя — посылаю остальное. Говорятъ, что продолженію помѣшали. Будьте особенно здоровы.

918. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 апрѣля (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Теперь мой чередъ васъ поздравлять, милая наша Марья Капаровна, и притомъ съ досадой, т. е. не то, что васъ поздравляю съ досадой, а не съ именинами, а то, что мнѣ досадно. Дѣти купили со мной въ Лондонѣ ящичекъ маленькій для работы и сами укладывали; привожу на почту и совсѣмъ, было, отдалъ, а почтарь боится: тамъ, въ Парижѣ, слѣдуетъ 36 шилл. «duty» ²⁾. «Помилуйте, говорю, ваше курьерство! дама забыла, ящикъ стоитъ съ копѣйкой восемь, а вы изволите duty спрашивать 36 ш.» А почтарь книжку вытащилъ и сыскалъ, что слово dressing case ³⁾ находится въ article de luxe ⁴⁾, а такъ какъ вашъ ящикъ именно въ этомъ казусѣ, т. е. case'ѣ, то я «не далъ ему злата и проклялъ его». Пришлю съ оказіей. Вотъ что называется образованными сношеніями между двумя торговыми странами. Помните, встарь маменька мнѣ прислала какую-то игрушку изъ Цюриха, за которую съ меня слупили невѣроятную сумму? Тата, въ качествѣ придворнаго историографа, описываетъ вамъ праздникъ 25 марта; я читалъ; это — своего рода художественное произведеніе. Огаревъ показывалъ Сашу медвѣдемъ очень хорошо.

Статейка,—да что это вы съ Мел. плутуете? вѣдь, это онъ писалъ, вѣрно,—опоздала: «Полярн. Звѣзда» у переплетчика совсѣмъ готова; вѣроятно, будетъ продаваться въ Парижѣ на будущей недѣлѣ; вамъ экземпляры и всѣмъ нашимъ пришлю черезъ Франка (я напишу тогда; пошлю ихъ на ваше имя для того, чтобъ не поминать русскихъ). Ужъ 300 экзем. продано впередъ. Ну, кто могъ

¹⁾ Ближе всего къ этому слову Bénédicité — благословленіе, которымъ начинается католическая молитва до принятія пищи; также, близко—и, повидимому, ближе къ смыслу—bénéfice (барышъ).

²⁾ Пошлина.

³⁾ Рабочій ящикъ (несессеръ).

⁴⁾ Предметъ роскоши.

этого ждать? и кто былъ правъ: я или противники типографіи à la Stankewitsch ¹⁾)?

Часто побаливаетъ голова; весна здѣсь очень тяжела бываетъ. Прощайте. — Поздравляю Рейхеля: какой комплиментъ онъ мнѣ свернулъ въ прошломъ письмѣ,—видно, что парижанинъ.

Егору Ив. отданы 300 серебр. для Акс. Ив.; онъ ничего не отвѣчалъ на длинное письмо,—все трусить.

919. „КОЛОКОЛЬ“.

«Vivos voco!»

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ «ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ».

«Полярная Звѣзда» выходитъ слишкомъ рѣдко,—мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать *одинъ* листъ, иногда два, подъ заглавіемъ «Колоколь».

Успѣхъ «Полярной Звѣзды», далеко превзошедшій наши ожиданія, позволяетъ намъ надѣяться на хорошій пріемъ ея спутника.

О направленіи говорить нечего; оно то же, которое въ «Полярной Звѣздѣ», то же, которое проходитъ неизмѣнно черезъ всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда быть со стороны воли противъ насилія, со стороны разума противъ предрасудковъ, со стороны науки противъ изувѣрства, со стороны развивающихся народовъ противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія, чтобъ съ нея спали, наконецъ, ненужные старые свивальники, мѣшающіе могучему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 г. ²⁾, считаемъ первымъ необходимымъ, неминуемымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

ОСВОБОЖДЕНІЕ СЛОВА ОТЪ ЦЕНЗУРЫ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ПОДАТНОГО СОСТОЯНІЯ ОТЪ ПОБОЕВЪ.

¹⁾ Александръ Владиміровичъ.

²⁾ Программа «Полярной Звѣзды».—А. И. Г.

Не ограничиваясь, впрочемъ, этими вопросами, «Колоколъ», посвященный исключительно русскимъ вопросамъ, будетъ *звонить*, чѣмъ бы ни былъ затронутъ,—нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное,— все идетъ подъ «Колоколъ».

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ *нашу* любовь къ Россіи, и просимъ ихъ не только слушать нашъ «Колоколъ», но и самимъ звонить въ него.

Первый листъ выйдетъ около 1 июня.

Лондонъ, 13 апрѣля 1857.

Будетъ продаваться у Trubner'a & Co., 60, Paternoster Row, London. (Price six pence) ¹⁾.

920. Отъ издателя.

Мы считаемъ необходимымъ, предупреждая нѣкоторые вопросы, а, можетъ, и упреки, сообщить нашимъ читателямъ кой-какія подробности изъ семейныхъ дѣлъ «Полярной Звѣзды» и русской типографіи.

Въ ней опять нѣтъ обзрѣнія русской литературы. На этотъ разъ намъ нельзя жаловаться на недостатокъ матеріаловъ. За 1856 г. мы имѣли всѣ замѣчательныя книги, вновь вышедшія или перепечатанныя, но, долго обдумывая, мы отказались отъ искушенія писать о предметѣ, столь близкомъ намъ и о которомъ именно теперь есть что сказать.

До тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся въ томъ, что отзывы «Полярной Звѣзды» не опасны для книгъ и лицъ въ Россіи, мы не будемъ печатать разборовъ. Скажемъ одно: что въ послѣдніе два года литература наша возмужала на десять лѣтъ. Въ ней есть жизнь, движеніе, цвѣтъ; въ ней приводятся къ слову дѣйствительные интересы и современные вопросы. Каменная плита, лежавшая на странѣ, сдвинулась, и русская мысль явнымъ образомъ расправляетъ крылья. День, въ который она окрѣпнетъ до того, что сдѣлаетъ ненужнымъ и излишнимъ печатаніе за границей, будетъ однимъ изъ счастливейшихъ въ нашей жизни.

¹⁾ Цѣна 6 пенсовъ.

Въ послѣднее время мы получили довольно много статей для «Русскихъ Голосовъ». Третья книжка выйдетъ въ июнѣ мѣсяцѣ. Но всего присланнаго мы не беремъ печатать; намъ даже кажется, что нѣкоторыя изъ статей присланы къ намъ по ошибкѣ: ихъ мѣсто въ «Сѣверной Пчелѣ» или въ «Le Nord».

Сверхъ статей, мы получили нѣсколько анонимныхъ писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполнены такой теплой, юной симпатіи къ намъ, что мы ихъ прочли, глубоко тронутые. Другія, больше или меньше, писаны съ цѣлю исправить духъ «Полярной Звѣзды» и направить ее на истинный путь. Мы благодаримъ писавшихъ за доброе намѣреніе, но слѣдовать ихъ совѣтамъ не станемъ.

Одинъ господинъ сердится на «Полярную Звѣзду» за ея имя, за ея обертку, за ея тонъ, за ея статьи и пуще всего — за портреты Пестеля, Рылѣва и другихъ мучениковъ 14 декабря; еслибъ, говоритъ онъ, вмѣсто статей о социализмѣ были статьи о кражѣ чиновниковъ, а портретовъ совсѣмъ бы не было, то само правительство съ пользой читало бы наше изданіе.

Если правительство боится обертки и портретовъ, то оно еще долго не дойдетъ до чтенія вообще и, въ особенности, нашего обозрѣнія. А мы еще дольше не дойдемъ до изданія въ Лондонѣ журнала подъ заглавіемъ «*Андреевская Звѣзда*» съ портретами Клейнмихеля, Бенкендорфа, Чернышева и даже Политковскаго ¹⁾.

Лондонъ, 25 марта 1857 г.

920bis. [Предисловіе къ главѣ XIX „Былого и думъ“.]

Отрывокъ, печатаемый теперь, слѣдуетъ прямо за той частью, которая была особо издана подъ заглавіемъ «Тюрьма и ссылка»; она была написана тогда же (1853), но я многое прибавилъ и дополнилъ.

Странная судьба моихъ «Записокъ»: я хотѣлъ напечатать одну часть ихъ, вмѣсто того напечаталъ три и теперь еще печатаю *четвертую*.

Одинъ парижскій рецензентъ, разбирая, впрочемъ, очень благосклонно («La Presse», 13 oct. 1856) третій томикъ нѣмецкаго перевода моихъ «Записокъ», изданныхъ Гофманомъ и Кампе въ Гамбургѣ, въ которомъ я рассказываю о моемъ дѣтствѣ, приба-

¹⁾ Александръ Гавриловичъ, растратилъ 3.500,000 руб. казенныхъ денегъ.

вляеть шутя, что я повѣствую свою жизнь, какъ эпическую поэму: началъ in medias res и потомъ возвратился къ дѣтству.

Это эпическое кокетство—совершенная случайность, и если кто-нибудь виноватъ въ немъ, то совсѣмъ не я, а скорѣе мои рецензенты и въ томъ числѣ самъ критикъ «Прессы». Еслибъ они отрывки изъ моихъ записокъ приняли строже, холоднѣе и, что еще хуже, пропустили бы ихъ безъ всякаго вниманія, я долго не рѣшился бы печатать еще и долго обдумывалъ бы, въ какомъ порядкѣ печатать.

Приемъ, сдѣланный имъ, увлекъ меня, и мнѣ стало труднѣе не печатать, нежели печатать.

Я знаю, что большая часть успѣха ихъ принадлежитъ не мнѣ, а предмету. Западные люди были рады еще разъ заглянуть за кулисы русской жизни. Но, можетъ, въ сочувствіи къ моему разсказу доля принадлежитъ *простой правдѣ* его. Эта награда была бы мнѣ очень дорога, ея только я и желалъ.

Часть, печатаемая теперь, интимнѣе прежнихъ; именно потому она имѣетъ меньше интереса, меньше фактовъ; но мнѣ было гораздо труднѣе писать ее... Къ ней я приступилъ съ особеннымъ страхомъ былого и печатаю ее съ внутреннимъ трепетомъ, не давая себѣ отчета, зачѣмъ...

...Можетъ быть, кому-нибудь изъ тѣхъ, которымъ была занимательна внѣшняя сторона моей жизни, будетъ занимательна и внутренняя. Вѣдь, мы уже теперь старые знакомые!

Лондонъ, 21 ноября 1856 г.

921. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

«Очень бы мнѣ хотѣлось,—пишетъ миссъ Катринъ Вильмотъ своимъ роднымъ въ Ирландію изъ деревни Дашковой, — чтобъ вы могли взглянуть на самое княгиню. Въ ней все,—языкъ и платье,— все оригинально; что бы она ни дѣлала, она рѣшительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о такомъ. Она учитъ каменщиковъ класть стѣны, помогаетъ дѣлать дорожки, ходитъ кормить коровъ, сочиняетъ музыку, пишетъ статьи для печати, знаетъ до конца церковный чинъ и поправляетъ священника, если онъ не такъ молится, знаетъ до конца театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они сбиваются съ роли; она—докторъ, аптекаръ, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противоположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, со своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она, нисколько не думая, говоритъ разомъ по-французски, по-итальянски, по-русски, по-англійски, путая всѣ языки вмѣстѣ. Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства».

Все это вѣрно, но миссъ Вильмотъ забываетъ, что, сверхъ того, Дашкова родилась *женщиной*, и *женщиной* осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашкову русская *женская личность*, разбуженная петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ

участіа въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи, и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ-подъ плѣсени московскаго застоя, что-то сильное, многостороннее, дѣятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ академіи, признала политическое равенство обоихъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на Западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи.

Въ русской исторіи, бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣхъ событія отъ смерти Елизаветы до Тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ-за варяговъ, новгородцевъ, кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатая кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи Петропавловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ петербургскихъ канцеляріяхъ въ то время, какъ подъ окнами Зимняго дворца ревѣла дикая крамола и мятежъ, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ, и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, которую онъ пріобрѣлъ не больше, какъ *семьдесятъ пять* лѣтъ тому назадъ. Протверживать - - - - - время очень полезно и для правительства, чтобъ оно не забывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаивались.

Я желалъ бы, хоть вкратцѣ, объяснить мою мысль.

Вся Европа и, что гораздо хуже, всѣ русскіе принимаютъ - - - - - въ ея современной формѣ за такую несокрушимую всегдашность русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

- - - - - , совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земнаго шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки, случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но не соединенные химически.

Насъ - - - - - бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій соборъ; но развѣ Наполеонъ не рѣдился въ мантию Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ? Все это— - - - - въ родѣ Чатертонна; почтенныя черты старости и минувшаго - - - - - для того, чтобы окружить - - - - - уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать, въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Это—военная и гражданская - - - - -, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти, но - - - - - она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства, ее вызвавшія, останутся тѣ же, и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣтся, встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода, дѣлающаго фронтъ, и цѣлый городъ, торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служить - - - - - —помѣщика, папы, палача, родной матери и сержанта, можетъ закружиться въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ прійти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла, и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда-нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы пріняло - - - - - особенно въ тридцатилѣтіе - - - - - ; стращать было - - - - - въ принципѣ. Но тутъ невольное является вопросъ: отчего же Николай не могъ - - - - - забыть «дурные четверть часа», проведенные имъ *при защитѣ* Зимняго дворца 14 декабря 1825? Отчего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Оттого, что онъ понялъ съ начала своего воцаренія, что - - - - - силенъ *силой*. Онъ - - - - - чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе, были вѣрны; рядомъ съ самодержавіемъ онъ поставилъ православіе и народность. Но это былъ протестъ про-

тивъ петровскаго направленія, котораго весь смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противорѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, - - - - - бы самъ собою; все перестало итти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлеталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. - - - - - . Онъ понялъ, что, идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе - - - - - формами самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось, можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, гениальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее; Русь жила нараспашку и кой-какъ собралась, подгоняемая татарами въ иконописное, т. е. суздальски-византійское Московское, царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства, и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что-то* говорило, что-то, *говорящее* до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обветшалыми и тяжелыми платями бездна силъ и мощи. Это *что-то* и есть молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ, но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій челоуѣкъ догадался, что чего бы ни стоило, надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дрессировка Петра I и такихъ преемниковъ его, какъ Биронъ, разумѣется, поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни, такъ, какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что-то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства не составляютъ его главной характеристики. Съ

этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ, одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Вернуться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающей отъ всего человѣческаго царской властью? Этого хотѣлъ - - - , десятокъ поврежденныхъ славянофиловъ,—и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правитель-ство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство: онъ его забылъ черезъ одно по-колѣніе и совершенно не знаетъ.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ? - - - - -

- - - - - . Въ продолженіе всей этой сумятицы мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. На-противъ, то, что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то, что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это—именно *петровская идея*. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ: Меншиковъ и Биронъ, Минихъ и сами Долгорукие, хотѣвшіе ограничить императорскую власть не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой ¹⁾. Елизавета и Екатерина II лстятъ православію, лстятъ народности для того, чтобъ овладѣть трономъ, но, осѣвши на немъ, онѣ продолжаютъ его путь,—Екате-рина II больше, нежели кто-нибудь.

Противодѣйствія новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія мы видимъ въ однихъ *не православныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ «старовѣровъ» была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ

¹⁾ О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глупокомысліе.—А. И. Г.

было что-нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непременно были бы попытки, положимъ, неудачныя, невозможныя, но были бы. - - - -

- - - - - находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся изъ-за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ—свои двѣсти тысячъ войска; киргизъ-кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе татары соединились съ турками; Малороссія громко роптала,—все оскорбленное или придавленное - - - - - заявляло свой протестъ; старо-русская партія въ Россіи—никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полуботка, ни Мазепы!

И только полтораства лѣтъ послѣ Петра она находитъ себѣ представителя и вождя, и этотъ представитель и вождь—Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностью удалось пересоздать - - - - - и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ,—это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу—и вовсе не въ завоевательномъ, не въ солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ проникнутъ имъ, какъ Фридрихъ II, какъ Юсіфъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ,—онъ деспотъ, а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устраивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину онъ противопоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну, и затѣмъ отнятую у родного сына корону отдалъ - - - - - , которая, - - - - - , дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ - - - - - являться, и утеръ до суха всѣхъ скорбящія слезы - - - - - . Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Меншикова, водился съ иностранцами, даже съ арапами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней чопорной русской жизни и важный - - - - - формализмъ.

Масло, которымъ будутъ смазывать паровозы на новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочнѣе - - - - - , нежели - - - - -

Вѣрно ли понята нами - - - - - , ярко и живо показываютъ превосходныя записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута, если бѣглый отчетъ нашъ объ ихъ содержаніи заставитъ читателей взять въ руки самую книгу.

Въ 1744 году императрица Елизавета и великій князь Петръ Ѳедоровичъ крестили дочь Екатерину, родившуюся у графа Романа Воронцова, брата великаго канцлера. Семья Воронцовыхъ принадлежала къ тому небольшому числу олигархическаго барства, которые вмѣстѣ съ - - - - - императрицъ управляли тогда, какъ хотѣли, Россіей, круто переходившей изъ одного государственнаго быта въ другой. Они хозяйничали въ царствѣ точно такъ, какъ теперь у богатыхъ помѣщиковъ дворовые управляютъ дальними и ближними волостями.

- - - - - Елизавету Петровну любили, - - - - - потому, что она заслуживала это, ее любили за то, что покойница Анна Іоанновна держала нѣмца Бирона управляющимъ, а у насъ нѣмцевъ управляющихъ терпѣть не могутъ. Она была народнѣ Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны; сверхъ петровской крови, она имѣла всѣ недостатки русскаго характера, — т. е., - - - - - всегда до того, что вечеромъ не могла дождаться, пока горничныя ее раздѣнутъ, а разрѣзывала шнурки и платья. Она ѣздила на богомолья, ѣла постное, была суевѣрна и страстно любила ядаться—послѣ нея осталось 15.000 платьевъ,—любила пуще всего драгоценныя камни, какъ наши богатые купчихи, и, вѣроятно, имѣла столько же вкусу, какъ онѣ, о чемъ можно судить по тому, что она убрала себѣ цѣлую комнату янтаремъ.

Господа жили тогда съ своимъ дворомъ совсѣмъ на другой ногѣ, нежели теперь, между ними была какая-то близость и фамиллярность, и, несмотря на взрывы самовластья, они чувствовали новостъ своей власти и необходимость въ опорѣ.

Вдругъ, напр., изъ оперы императрица Елизавета беретъ Шувалова и ѣдетъ съ нимъ пить чай къ графу Воронцову, попробоватъ его венгерскаго, посплетничать, а если очень заврутсѣ, то «урѣзатъ» или «отрѣзатъ» языкъ кому-нибудь, смотря по винѣ, и все это отечески, безъ шума, по домашнему и не подписывая изъ челоуѣколюбія ни одного смертнаго приговора.

Когда императрициной крестницѣ минуло четырнадцать лѣтъ, у нея сдѣлалась корь. Корь и оспа были не шуткой въ тѣ времена, а чуть не государственнымъ преступленіемъ; корь, оспа могли пристать къ Павлу Петровичу, къ этой будущей надеждѣ всяя Россіи! Особый указъ воспрещалъ всякое сношеніе съ дворомъ семьямъ, въ которыхъ была страшная болѣзнь. Нашу больную графиню поскорѣ уложили и отправили въ деревню за семьдесятъ верстъ; полагать надобно, что воздухъ тогда не былъ вреденъ для кори. Съ графинею послали старуху-нѣмку и чопорную вдову русскаго майора; умная, бойкая и живая дѣвочка, выздоровѣвшая отъ кори, чуть не умерла отъ скуки съ своими собесѣдницами; по счастью, она нашла въ деревнѣ довольно значительную библіотеку. Четырнадцатилѣтняя графиня знала четыре языка, кромѣ русскаго, котораго она не знала и которому порядкомъ выучилась, бывши замужемъ, въ угожденіе своей свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бейля и пр. Чтеніе у нея превратилось въ страсть. Тѣмъ не меньше книги не разогнали ея тоски, она груститъ и возвращается въ Петербургъ томной, нездоровой. Императрица посылаетъ къ ней своего доктора, и этотъ докторъ Бургавъ ¹⁾; онъ говоритъ, что это ничего, что тѣло здорово, но что воображеніе больно... словомъ, что ей четырнадцать лѣтъ.

Послѣ Бургава родные со всѣхъ сторонъ бросаются на бѣдную дѣвушку и съ неумоимой жестокостью принимаютъ ее разсѣвать, утѣшать, кормить, мучать ее разспросами, совѣтами. А она проситъ объ одномъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ: тогда она читала *de l'entendement* ²⁾ Гельвеція.

Лѣкарство вскорѣ нашлось само собою.

Разъ вечеромъ графиня, довольно свободно располагавшая собой, отправляется къ Самариной, остается у нея ужинать, приказавъ, прислать за собой карету. Въ одиннадцать часовъ вечера она выходитъ, карета подана; но ночь такъ хороша, на улицахъ никого нѣтъ, и она идетъ пѣшкомъ, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встрѣчается высокій, стройный мужчина; онъ знакомъ съ ея провожатой, начинаетъ съ ней говорить и обращаетъ нѣсколько словъ къ графинѣ.

Графиня приходитъ домой и мечтаетъ о прекрасномъ офицерѣ ³⁾. Офицеръ пріѣзжаетъ къ себѣ влюбленный въ прекрасную графиню.

¹⁾ Авраамъ Бургавъ-Каау, профессоръ анатоміи и фізіологіи.

²⁾ О разумѣ.

³⁾ Кн. Михаилъ Ивановичъ Дашковъ.

Зачѣмъ терять золотое время,—графиня уже не ребенокъ: это было въ 1759 году, ей пятнадцать лѣтъ; офицеръ молодъ, богатъ, блестящъ, очень высокъ, служитъ въ Преображенскомъ полку, принадлежитъ къ старинной фамилии. Родные благословляютъ, помѣщица позволяетъ,—ихъ женятъ, и наша графиня дѣлается княгиней Дашковой.

Черезъ полтора года послѣ ихъ свадьбы, Дашкова, будучи во второй разъ беременна, оставалась одна въ Москвѣ въ то время, какъ мужъ ея ѣздилъ въ Петербургъ. Его отпускъ окончился, и онъ просилъ отсрочки. Преображенскимъ полкомъ тогда начальствовалъ великій князь; онъ тотчасъ бы отсрочилъ Дашкову отпускъ, но дѣла становились серьезны, и онъ хотѣлъ сблизиться съ офицерами. Императрица дышала на ладанъ; Шуваловы, Разумовскіе, Панины интриговали съ великой княгиней и безъ нея въ пользу Павла, даже въ пользу несчастнаго Іоанна, и всего больше въ свою собственную пользу. Великаго князя не любили; онъ не былъ злой человѣкъ, но въ немъ было все то, что русская натура ненавидитъ въ нѣмцѣ: *gaucherie*, грубое простодушіе, вульгарный тонъ, педантизмъ и высококомѣрное самодовольство, доходящее до презрѣнія всего русскаго. Елизавета, бывшая вѣчно - - - - , не могла ему простить, что онъ всякій вечеръ былъ - - - - ; Разумовскій,—что онъ хотѣлъ Гудовича сдѣлать гетманомъ, Панинъ—за его фельд-фебельскія манеры; гвардія—за то, что онъ ей предпочиталъ своихъ голштинскихъ солдатъ; дамы—за то, что онъ вмѣстѣ съ ними приглашалъ на свои пиры актрисъ, всякихъ нѣмокъ; духовенство - - - - - за его явное презрѣніе къ восточной церкви. Видя приближающуюся кончину Елизаветы и боясь быть оставленнымъ всѣми, неуклюжій Петръ Ѳеодоровичъ принялся угощать и ласкать офицеровъ и все это дѣлалъ съ чрезвычайной неловкостью. Между прочимъ, ему хотѣлось также увѣриться и въ Дашковѣ, который командовалъ ротой, поэтому онъ, не отказывая ему въ отпускѣ, призывалъ его въ Ораніенбаумъ.

Князь, поவிдавшійся съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, отправился обратно въ Москву. На дорогѣ у него заболѣло горло, сдѣлалась лихорадка; не желая обезпокоить жены, онъ велѣлъ свезти себя къ своей теткѣ, Новосильцовой, думая, что боль въ горлѣ утишится, и голосъ нѣсколько возвратится; вмѣсто того у него сдѣлалась жаба и сильный жаръ.

Въ это самое время мать князя Дашкова и ея сестра, княгиня Гагарина, сидѣли въ спальнѣ нашей княгини вмѣстѣ съ повивальной бабкой, ожидая черезъ нѣсколько часовъ ея разрѣшенія. Дашкова еще была на ногахъ и вышла зачѣмъ-то въ другую комнату; тамъ ее давно поджидала горничная и сооб-

шила ей по секрету о прїѣздѣ больного мужа, говоря, что онъ у тетки, и умоляя не выдавать ее, потому что всѣмъ строго на строго запрещено было сообщать ей эту новость. Княгиня вскрикнула при этой неожиданной вѣсти; по счастью, старухи ничего не слышали. Оправившись, она взошла, какъ ни въ чемъ не бывало, въ спальню, увѣрила ихъ, что всѣ ошиблись, что роды еще не скоро, уговорила ихъ итти отдохнуть, обѣщая священнѣйшимъ образомъ послать за ними, если что случится.

Лишь только старухи ушли, княгиня бросилась со всей горячностью своего характера умолять повивальную бабку проводить ее къ мужу. Добрая нѣмка думала, что она сошла съ ума, и начала на своемъ силезскомъ нарѣчїи уговаривать ее, прибавляя непрерывно: «Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ должна буду дать Богу отвѣтъ за убїеніе невинныхъ». Княгиня объявила ей рѣшительно, что если бабушка не хочетъ ее провожать, то она пойдетъ одна, и никакая сила въ мірѣ ее не остановитъ. Страхъ подѣйствовалъ на старушку; но когда Дашкова ей сказала, что имъ надобно итти пѣшкомъ, чтобъ княгиня не услышала скрипъ саней, она снова уперлась и стояла неподвижно, «точно будто ноги ея пустили корни въ полъ». Наконецъ, уладилось и это. На лѣстницѣ у Дашковой возвратились боли и при томъ сильнѣе; снова бабушка стала ее уговаривать, но она, уцѣпившись руками за поручья лѣстницы, была непреклонна.

Онѣ вышли за ворота и, несмотря на боли, добрались до дома Новосильцовой. Изъ свиданья съ мужемъ Дашкова помнитъ одно, что она увидѣла его блѣднаго, больного, лежавшаго въ забытьи; она только успѣла бросить одинъ взглядъ и безъ памяти упала на полъ. Въ этомъ положенїи люди Новосильцовой снесли ее на носилкахъ домой, гдѣ, впрочемъ, никто не подозрѣвалъ ея отсутствїя. Новыя, еще больше напряженныя боли привели ее въ память; она послала за свекровью и за теткой, а черезъ часъ родила сына Михайлу.

Въ шесть часовъ утра перевезли больного мужа; мать положила его въ другой комнатѣ, запретивъ имъ имѣть всякія сношенїя въ предупрежденїе того, чтобъ жаба не пристала къ родильницѣ, а въ сущности изъ маленькой ревности. Молодые супруги тотчасъ начинаютъ чувствительную переписку, что, конечно, для состоянїя родильницы было опаснѣе жабы, которая совѣмъ не заразительна; они пишутъ записочки днемъ и ночью до тѣхъ поръ, пока старуха ихъ находитъ, бранитъ горничныхъ и обѣщаетъ обобратъ перья, карандаши и бумагу.

Женщина, которая умѣла такъ любить и такъ выполнять

волю свою вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль въ то время, въ которое она жила, и въ той средѣ, къ которой принадлежала.

Двадцать восьмого іюля 1761 года, переѣхали Дашковы въ Петербургъ. «День, говоритъ она, который двѣнадцать мѣсяцевъ спустя сдѣлался такъ памятенъ и такъ *достопавенъ* для моего отечества».

Въ Петербургѣ ее ждало приглашеніе великаго князя переѣхать въ Ораніенбаумъ. Ей не хотѣлось ѣхать, и отецъ насилу уговорилъ ее занять его дачу недалеко отъ Ораніенбаума. Дѣло въ томъ, что она уже тогда терпѣть не могла великаго князя, а была предана всѣмъ сердцемъ его женѣ. Еще въ родительскомъ домѣ она была представлена великой княгинѣ; Екатерина ее приласкала, — умная и образованная дѣвушка ей понравилась. Екатерина умѣла той улыбкой, тѣмъ abandon, которымъ она очаровывала тридцать лѣтъ всю Россію, дипломатовъ и ученыхъ всей Европы, привязать къ себѣ Дашкову навѣки. Съ перваго свиданія Дашкова любитъ Екатерину страстно, «обожаетъ ее», какъ пансіонерки обожаютъ своихъ старшихъ совоспитанницъ; она влюблена въ нее, какъ мальчики бываютъ влюблены въ тридцатилѣтнихъ женщинъ.

Зато она чувствуетъ такое же искреннее отвращеніе отъ своего крестнаго отца, Петра Ѳедоровича. Но хорошъ и онъ былъ, нечего сказать, мы это сейчасъ увидимъ.

Родная сестра Дашковой, Елизавета Романовна, была открытой любовницей великаго князя. Онъ думалъ, что Салтыковъ и Понятовскій, эти счастливые предшественники Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Новосильцовыхъ, Потемкиныхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Корсаковыхъ, Зоричей, Завадовскихъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ и цѣлой шеренги плечистыхъ *virorum obscurorum* ¹⁾ дали ему право не слишкомъ скупиться на свое сердце и вовсе не скрывать своихъ предпочтеній.

Отношеніе его къ великой княгинѣ уже было таково, что при первомъ представленіи Дашковой, онъ ей сказалъ: «позвольте надѣяться, что вы намъ подарите не меньше времени, чѣмъ великой княгинѣ».

Съ своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтенія къ Екатеринѣ. Великій князь замѣтилъ это и спустя нѣсколько дней отвелъ разъ Дашкову въ сторону и сказалъ ей «съ простотой своей головы и съ добротой своего сердца», какъ она выражается: «Помните, что безопаснѣе имѣть дѣло съ честными

¹⁾ Темныхъ людей.

простаками, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ большими умами, которые выжмутъ изъ васъ сокъ до капли, а потомъ, какъ апельсинную корку, выбросятъ за окно».

Дашкова, отклоняя рѣчь, замѣтила ему, что императрица настоятельно изъявляла свое желаніе, чтобъ онѣ одинаковымъ образомъ оказывали уваженіе какъ его высочеству, такъ и великой княгинѣ.

Тѣмъ не менѣе ей было необходимо являться иногда на великокняжескія куртажныя попойки. Характеръ этихъ праздниковъ былъ нѣмецки-казарменный, грубый и пьяный. Петръ Федоровичъ, окруженный своими голштинскими генералами (т. е., по словамъ Дашковой, капралами и сержантами прусской службы, дѣтьми нѣмецкихъ мастеровыхъ, которыхъ родители не знали, куда дѣтъ за безпутство, и отдали въ солдаты), не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на рукахъ.

Разъ за ужиномъ, при великой княгинѣ и многочисленныхъ гостяхъ, зашла рѣчь о сержантѣ гвардіи Челищевѣ и о предполагаемой связи, которую онъ имѣлъ съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы. Великій князь, уже сильно опьянѣвшій, замѣтилъ, что Челищеву слѣдовало бы отрубить голову для примѣра другимъ офицерамъ, чтобъ они не заводили шашней съ царскими родственницами. Голштинскіе сикофанты изъявляли всевозможными знаками свое одобреніе и сочувствіе; Дашкова не могла выдержать, чтобъ не замѣтить, что ей кажется очень безчеловѣчнымъ казнить за такое не важное преступленіе.

— Вы еще ребенокъ,—отвѣчалъ великій князь.—Ваши слова доказываютъ это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни значитъ поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество,—отвѣчала Дашкова,—вы пугаете насъ нарочно; за исключеніемъ старыхъ генераловъ, мы всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, принадлежимъ къ поколѣнію, никогда не выдавшему смертной казни въ Россіи.

— Это ничего не значитъ—возразилъ великій князь;—хорошъ зато былъ и порядокъ во всемъ! Говорю вамъ, что вы еще дитя и ничего не смыслите въ этихъ дѣлахъ.

Всѣ до одного молчали. «Я готова—отвѣчала Дашкова—сознаться, что не въ состояніи понять ихъ, но не могу не радоваться при мысли, что ваша тетушка еще здравствуетъ и занимаетъ престолъ».

Глаза всѣхъ обратились на смѣлую женщину. Великій князь ничего не отвѣчалъ; онъ удовлетворился только тѣмъ, что вынулъ языкъ,—милая шутка, которую онъ часто употреблялъ вмѣсто отвѣта, особенно будучи въ церкви.

Разговоръ этотъ, начавшій политическую карьеру Дашковой, замѣчательнъ, сверхъ всего, тѣмъ, что эти нероновскія рѣчи говорилъ самый кроткій въ мірѣ человѣкъ, никогда никого не казнившій. За столомъ было множество гвардейскихъ и кадетскихъ офицеровъ,— слова Дашковой разнеслись съ быстротой молніи по всему городу. Они приобрѣли ей большую извѣстность, которую она сначала не умѣла цѣнить и которая сдѣлала изъ нея одинъ изъ центровъ, и чуть ли не главный, около котораго собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была въ восхищеніи отъ того, что великой княгинѣ чрезвычайно понравился ея отвѣтъ. «Время, грустно прибавляетъ она, не научило еще меня тогда, какъ опасно говорить правду государямъ; если они и могутъ иногда это простить, то царедворцы никогда не прощаютъ».

Дружба ея къ Екатеринѣ растетъ. Елизавета жила тогда въ Петергофѣ; тамъ *разъ въ недѣлю* великой княгинѣ было разрѣшено видѣть своего сына. Возвращаясь изъ дворца, она обыкновенно заѣзжала за Дашковой, брала ее съ собой и оставляла на весь вечеръ. Когда ей нельзя было заѣхать, она писала къ ней коротенькія записочки; отсюда возникла ихъ дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и послѣ отъѣзда съ дачи. Онѣ пишутъ о литературѣ, о мечтахъ, пишутъ о Вольтерѣ и о Руссо, стихами и прозой.

«Какіе стихи и какая проза!—пишетъ великая княгиня къ Дашковой.—И это въ семнадцать лѣтъ! Я умоляю васъ не пренебрегать такимъ талантомъ. Можетъ, я и не совсѣмъ безпристрастный судья; ваше лестное пристрастіе ко мнѣ виновато въ томъ, что вы избрали меня предметомъ стиховъ. Обвиняйте меня въ гордости сколько угодно, но я, все-таки, скажу, что давно не читала такихъ правильныхъ и поэтическихъ произведеній».

Екатерина, съ своей стороны, посылаетъ ей свои статьи и съ большой настойчивостью требуетъ, чтобъ она ихъ никому не показывала. «При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я обязана жить, всякій поводъ послужить къ самымъ непріятнымъ вымысламъ». Она до того боится, что проситъ Дашкову адресовать письма на имя ея горничной Катерины Ивановны, и жжетъ ихъ, прочитавши. Что она называетъ «ничтожными поводами», можно догадаться по одному письму, гдѣ она опять говоритъ о своей рукописи. Дашкова возвратила ее съ большими похвалами и удостовѣряя ее, что она не выходила изъ ея рукъ. О содержаніи рукописи нигдѣ не сказано ни слова; но что это не были «правильные и поэтическіе стихи», это видно изъ слѣдующихъ словъ (письмо 21): «Вы снимаете съ меня мои обязанности относительно моего сына, я вижу

въ этомъ новое доказательство доброты вашего сердца. Я была глубоко потрясена знаками преданности, съ которыми меня встрѣтилъ народъ въ тотъ день. Никогда не была я такъ счастлива».

Это письмо писано вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы, но мы еще не дошли до ея кончины.

Въ концѣ декабря 1761 года разнесся слухъ, что Елизавета очень больна. Дашкова распротуженная лежала въ постели, когда до нея дошла эта вѣсть. Мысль объ опасности великой княгини поразила ее; она съ нею такъ же мало могла улежаться, какъ съ мыслью о болѣзни мужа; а потому, закутавшись въ шубу, морозной ночью 20 декабря отправилась она въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Не желая, чтобъ ее видѣли, Дашкова оставила карету въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца и пошла пѣшкомъ на маленькое крыльцо съ той стороны, гдѣ были комнаты великой княгини, не зная вовсе къ нимъ дороги. По счастію, она встрѣтилась съ Катериной Ивановной, съ извѣстной горничной Екатерины; она сказала ей, что великая княгиня въ постели; но Дашкова требовала, чтобъ она доложила, говоря, что ей непременно надобно видѣться съ ней сейчасъ. Горничная, знавшая ее и ея преданность великой княгинѣ, повиновалась ей. Екатерина, знавшая, что Дашкова серьезно больна и что, слѣдственно, безъ особенно важныхъ причинъ не явилась бы ночью въ морозъ, велѣла ее принять.

Сначала она ее осыпала упреками за то, что не бережется, и видя, что она озябла, сказала ей: «Милая княгиня, прежде всего васъ надобно согрѣть; подите сюда ко мнѣ въ постель, подъ одѣяло»; укутавши ее, она спросила, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Въ теперешнемъ положеніи дѣлъ,—отвѣчала Дашкова,—когда императрицѣ остается жить только нѣсколько дней, можетъ, нѣсколько часовъ, надобно, не теряя времени принять мѣры противъ грозящей опасности и отвратить отъ васъ грозящую опасность. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ, я докажу вамъ, что я достойна этого. Если вы уже имѣете опредѣленный планъ, употребите меня, распоряжайтесь мной, я готова.

Великая княгиня залилась слезами и, прижимая руку Дашковой къ сердцу, сказала ей: «Увѣряю васъ, что у меня никакого плана нѣтъ, я не могу ничего предпринять и думаю, что мнѣ остается одно—ожидать съ твердостью, что случится. Я отдаюсь на волю божью и на него одного полагаю мои надежды».

— Въ такомъ случаѣ ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что касается до меня, я чувствую въ себѣ довольно силы и

усердія, чтобъ ихъ всѣхъ увлечь, и повѣрьте мнѣ, что нѣтъ жертвы, которая бы меня остановила.

— Ради Бога,—перебила Екатерина,—не подвергайте себя опасности въ надеждѣ противодѣйствовать злу, которое, въ сущности, кажется, неотвратимо. Если вы погубите себя изъ-за меня, вы только прибавите къ моей несчастной судьбѣ вѣчное мученіе.

— Все, что я могу вамъ сказать, это то, что я не сдѣлаю шага, который могъ бы васъ запутать или могъ бы быть опасенъ вамъ. Что бы ни было, пусть падетъ на меня, и если моя слѣпая преданность къ вамъ поведетъ меня на эшафотъ, вы никогда не будете его жертвой.

Великая княгиня хотѣла возражать, но Дашкова ¹⁾, прерывая ея рѣчь, взяла ея руку, прижала къ губамъ и, сказавши, что боится продолжать бесѣду, просила ее отпустить. Глубоко тронутая, онѣ оставались нѣсколько минутъ въ объятіяхъ другъ друга, и Дашкова осторожно покинула до высшей степени взволнованную Екатерину.

Добавимъ къ этой чувствительной сценѣ, что Екатерина, все-таки, обманула Дашкову: она поручала свою судьбу въ это время не одному богу, но и Григорію Орлову, съ которымъ обдумывала свой планъ, и Орловъ уже въ тиши старался вербовать офицеровъ.

Въ Рождество императрица скончалась. Петербургъ мрачно принялъ эту новость, и сама Дашкова видѣла, какъ Семеновскій и Измайловскій полки проходили угрюмо и съ глухимъ ропотомъ мимо ея дома.

Петръ III, провозглашенный императоромъ, не хранилъ никакого декорума, попойки продолжались. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Елизаветы, онъ посѣтилъ отца Дашковой и черезъ ея сестру изъявилъ свое неудовольствіе, что не видитъ ее при дворѣ. Нечего было дѣлать, Дашкова отправилась; Петръ III, понизивъ голосъ, сталъ ей говорить о томъ, что она не умѣетъ себя держать относительно своей сестры, что она, наконецъ, навлечетъ на себя ея негодованіе и можетъ потомъ очень горько раскаяться въ томъ, «потому что легко можетъ прійти время, въ которое Романовна (такъ называлъ онъ свою любовницу) будетъ на мѣстѣ *той*».

Дашкова сдѣлала видъ, что не понимаетъ, и торопилась занять свое мѣсто въ любимой игрѣ Петра III. Въ этой игрѣ (*campis*)

¹⁾ Дидро въ чрезвычайно интересной статьѣ своей о знакомствѣ съ Дашковой, говоря объ этомъ происшествіи, прибавляетъ, что Екатерина сказала ей: «Вы—или ангелъ или демонъ».—«Ни то, ни другое, отвѣчала Дашкова, но императрица умираетъ и васъ надобно спасти».—А. И. Г.

каждый играющій имѣеть нѣсколько марокъ; у кого остается послѣдняя, тотъ выигрываетъ. Въ игру каждый клалъ десять имперіаловъ, что, по тогдашнимъ доходамъ Дашковой, составляло немалую сумму, особенно потому, что когда проигрывалъ Петръ III, онъ вынималъ марку изъ кармана и клалъ ее въ пулю; такимъ образомъ, онъ почти всегда выигрывалъ. Какъ только игра кончилась, государь предложилъ другую, Дашкова отказалась; онъ присталъ до того къ ней, чтобъ она играла, что, пользуясь «правами избалованнаго ребенка», она сказала ему, что она недостаточно богата, чтобъ проигрывать навѣрное, что еслибъ его величество игралъ какъ всѣ, то, по крайней мѣрѣ, были бы шансы выигрыша. Петръ III отвѣчалъ своими «привычными буфонствами», и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядомъ залъ, наполненныхъ придворными и разными чинами, она подумала, что попала на маскарадъ: никого нельзя было узнать. Она не могла видѣть безъ смѣха семидесятилѣтняго князя Трубецкого, одѣтаго въ первый разъ отроду въ военный мундиръ; затыкутаго, въ сапогахъ со шпорами, словомъ, совсѣмъ готоваго на самый отчаянный бой. «Этотъ жалкій старичишка, прибавляетъ она, представлявшійся больнымъ и страждущимъ, какъ это дѣлаютъ нищіе, пролежалъ въ постели, пока Елизавета кончалась; ему стало лучше, когда Петръ III былъ провозглашень, но, узнавши, что все обошлось хорошо, онъ тотчасъ вскочилъ, вооружился съ ногъ до головы и явился героемъ въ Измайловскій полкъ, по которому числился».

Кстати къ мундирамъ, къ этой пагубной страсти, которая перешла отъ Петра III къ Павлу, отъ Павла ко всѣмъ его дѣтямъ, ко всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ; Панинъ, завѣдывавшій воспитаніемъ Павла, сѣтовалъ на то, что Петръ III ни разу не присутствовалъ при его испытаніяхъ. Голштинскіе принцы, его дяди, уговорили его, наконецъ; онъ остался очень доволенъ и произвелъ Панина въ генералы-отъ-инфантеріи. «Чтобъ понять всю нелѣпость этого, надобно себѣ представить блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, любившаго чопорно одѣваться, тщательно чесавшагося и напоминавшаго собой царедворцевъ Людовика XIV. Панинъ ненавидѣлъ капральскій тонъ Петра III, мундиры и весь этотъ вздоръ. Когда Мельгуновъ привезъ ему радостную вѣсть о генеральствѣ, Панинъ хотѣлъ лучше бѣжать въ Швецію на житье, чѣмъ надѣть мундиръ. Это дошло до Петра III; онъ переименовалъ его въ соотвѣтствующій статскій чинъ, но не могъ довольно надивиться Панину». — «А я, право, говорилъ онъ, всегда считалъ Панина умнымъ человѣкомъ!»

Пока Петръ III рядилъ въ героевъ своихъ придворныхъ, шли обычныя церемоніи похоронъ. Императрица не выходила изъ своихъ комнатъ и являлась только на панихиды. Изрѣдка приходилъ и Петръ III и всегда держалъ себя неприлично, шептался съ дамами, хохоталъ съ адъютантами, насмѣхался надъ духовенствомъ, бранилъ офицеровъ и даже рядовыхъ за какія-нибудь пуговицы. «Неосторожно, говорилъ англійскій посолъ Кейтъ князю Голицыну, начинается новый императоръ свое царствованіе; этимъ путемъ онъ дойдетъ до презрѣнія народнаго, а потомъ и до ненависти».

Петръ III какъ будто нарочно все дѣлалъ, чтобъ возбудить эту ненависть. Разъ вечеромъ, при Дашковой, императоръ разглагольствовалъ по обыкновенію о своемъ поклоненіи Фридриху II и вдругъ, обращаясь къ статсъ-секретарю Волкову, который былъ при Елизаветѣ главнымъ секретаремъ верховнаго совѣта, спросилъ его, помнитъ ли онъ, какъ они хохотали надъ постоянной неудачей тайныхъ повелѣній, посылаемыхъ въ дѣйствующую армію. Волковъ, - - - - - сообщавшій прусскому королю всѣ распоряженія и такимъ образомъ уничтожавшій ихъ дѣйствіе, до того растерялся отъ словъ Петра III, что чуть не упалъ въ обморокъ. Но императоръ продолжалъ шуточнымъ тономъ рассказывать, какъ - - - во время войны предавали неприятелю страну, - - - - - .

При заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, въ которомъ онъ - - - - - уступилъ все купленное русской кровью, не было мѣры радости и ликованью. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Между прочимъ Петръ III далъ большой обѣдъ, на который были приглашены всѣ послы и три первые класса. Послѣ обѣда государь предложилъ три тоста, которые пили при пушечной пальбѣ: за здоровье императорской фамиліи, за здоровье короля прусскаго, за продолженіе заключеннаго мира.

Когда императрица пила тостъ за царскую фамилію, Петръ III послалъ своего адъютанта Гудовича, который стоялъ возлѣ его стула, спросить ее, зачѣмъ она не встала. Екатерина отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ ея супруга, ея сына и ея самой, то она не думала, чтобъ его величеству угодно было, чтобъ она встала. Когда Гудовичъ передалъ ея отвѣтъ, императоръ велѣлъ ему возвратиться и сказать императрицѣ, что она - - - - ¹⁾ и должна знать, что его дяди, голштинскіе принцы, принадлежать также къ императорской фамиліи. Этого

¹⁾ Слово - - - - поставлено въ англійскомъ текстѣ латинскими буквами.—А. И. Г.

мало, — боясь, что Гудовичъ смягчить грубое выраженіе, онъ самъ повторилъ сказанное имъ черезъ столъ, такъ что большая часть гостей слышала. Императрица на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но, желая какъ можно скорѣе окончить эту исторію, она обратилась къ камергеру Строганову, стоявшему за ея стуломъ, и просила его начать какой-нибудь разговоръ. Строгановъ, самъ глубоко потрясенный происшествіемъ, началъ съ притворно веселымъ видомъ что-то болтать. Выходя изъ дворца, онъ получилъ приказаніе ѣхать въ свою деревню и не оставлять ее безъ особаго разрѣшенія.

Происшествіе это необыкновенно повредило Петру III; всѣ жалѣли несчастную женщину, грубо оскорбленную - - - - - . Этимъ расположеніемъ, естественно, должна была воспользоваться Дашкова. Она становится отчаяннымъ заговорщикомъ, вербуетъ, уговариваетъ, зондируетъ и притомъ ѣздитъ на балы, танцуетъ, чтобъ не подавать подозрѣнія. Князь Дашковъ, обиженный Петромъ III, что-то отвѣчалъ ему передъ фронтомъ. Княгиня, боясь послѣдствій, выхлопотала ему какое-то порученіе въ Константинополь и съ тѣмъ вмѣстѣ дала ему совѣтъ «торопиться медленно». Удаливши его, она окружаетъ себя офицерами, которые ввѣряются съ полнымъ довѣріемъ восемнадцатилѣтнему шефу.

Около Петра III были и другіе недовольные, но заговорщиками они не были и по лѣтамъ, и по положенію; они были рады воспользоваться перемѣной, но дѣлать ее, подвергая голову плахѣ, было трудно для какого-нибудь Разумовскаго или Панина. Настоящіе заговорщики были Дашкова съ своими офицерами и Орловъ съ своими приверженцами.

О Разумовскомъ Дашкова говоритъ: «Онъ любилъ отечество настолько, насколько вообще могъ любить этотъ апатическій человѣкъ. Погрязшій въ богатствѣ, окруженный почетомъ, хорошо принятый при новомъ дворѣ и любимый офицерами, онъ впалъ въ равнодушіе и облѣнился».

Панинъ былъ государственный человѣкъ и глядѣлъ дальше другихъ; его цѣль состояла въ томъ, чтобъ провозгласить Павла императоромъ, а Екатерину правительницей. При этомъ онъ надѣялся ограничить самодержавную власть. Онъ, сверхъ того, думалъ достигнуть переворота какими-то законными средствами черезъ сенатъ.

Все это далеко не оправдалось Дашковой. Къ тому же ропоть и неудовольствіе солдатъ росли. Позорный миръ, съ одной стороны, и безумная война съ Даніей, которую Петръ III хотѣлъ начать изъ-за Голштиніи, безъ всякой серьезной причины, раздра-

жали умы. Война эта сдѣлалась у него пунктомъ помѣшательства; самъ Фридрихъ II письменно уговаривалъ его отложить ее.

Говорятъ, что молодая заговорщица употребила особыя орудія краснорѣчія, чтобъ убѣдить упорнаго Панина дѣйствовать съ ней заодно. Панинъ до того увлекся ея умомъ, ея энергіей и, сверхъ того, красотой, что на старости лѣтъ страстно влюбился въ нее. Дашкова со смѣхомъ отвергала его любовь, но, не находя другихъ средствъ сладить съ нимъ, она рѣшилась склонить его *собою*. Послѣ этого Панинъ былъ въ ея рукахъ. Справедливость требуетъ сказать, что княгиня въ двухъ мѣстахъ своихъ записокъ съ негодованіемъ опровергаетъ этотъ слухъ ¹⁾.

Несмотря на то, что заговорщики могли считать на Разумовскаго и на Панина и, сверхъ того, на новгородскаго архіепископа; несмотря на то, что множество офицеровъ было завербовано, опредѣленнаго плана дѣйствія у нихъ не было. Связанные общей цѣлью, они не могли согласиться въ образѣ дѣйствія. Дашкова, снѣдаемая жгучей дѣятельностью, сердится на медленность, не знаетъ, что дѣлать, и ѣдетъ, наконецъ, на свою дачу за Краснымъ-Кабаконъ. Дача эта была первой личной собственностью Дашковой; она тотчасъ принялась за обстройку, роетъ каналы, разбиваетъ сады. «Несмотря, говоритъ она, на привязанность, которую я имѣла къ этому первому клочку земли, который былъ мой, я не хотѣла дать имени моей дачѣ, желая ее посвятить имени того святого, который будетъ праздноваться въ тотъ день, когда успѣхъ увѣнчаетъ наше великое предпріятіе». «Дайте скорѣе названіе моей дачѣ!» пишетъ она къ императрицѣ, больная въ лихорадкѣ, которую захватила въ болотѣ, заѣхавъ въ него верхомъ по поясъ. Императрица ничего не понимаетъ и думаетъ, что у ея друга въ самомъ дѣлѣ горячка.

Но бѣлая горячка, собственно, была у - - - - - ; пока Дашкова садитъ акаціи и расчищаетъ дорожки, - - - - - быстро идетъ подъ гору; одна глупость смѣняется другою, одна безобразная пошлость другой, вдвое безобразнѣйшей. Пророчество - - - сбывалось, общественное мнѣніе переходило отъ презрѣнія къ ненависти.

Австрійское гоненіе греческой церкви въ Сербіи заставило многихъ сербовъ прибѣгнуть къ императрицѣ Елизаветѣ съ просьбою отвести имъ земли на югѣ Россіи. Елизавета, сверхъ земель, велѣла имъ отпустить значительную сумму денегъ на подъемъ и переселеніе. Одинъ изъ ихъ повѣренныхъ, Хорватъ, хитрый интри-

¹⁾ Дидро упоминаетъ въ вышеприведенной статьѣ, что Дашкова ему говорила съ величайшимъ озлобленіемъ объ этомъ.—А. И. Г.

ганъ, завладѣлъ землей и деньгами и вмѣсто исполненія условій, на которыхъ была дана земля, сталъ распоряжаться переселенцами, какъ своими крестьянами. Сербы принесли жалобу; Елизавета велѣла разобратъ дѣло, но прежде, чѣмъ оно кончилось, она умерла. Хорватъ, услышавъ о ея смерти, явился въ Петербургъ и началъ съ того, что далъ по двѣ тысячи червонныхъ тремъ лицамъ, приближеннымъ къ Петру III: Л. Нарышкину, который былъ нѣчто въ родѣ придворнаго шута, генералу Мельгунову и генераль-прокурору Глѣбову. Два послѣднихъ отправились къ императору и рассказали ему прямо о взяткѣ. - - - - - былъ очень доволенъ ихъ откровенностью, расхвалилъ ихъ и прибавилъ, что если они дадутъ - - - - - половину, то - - - - - въ сенатъ и - - - - - рѣшить дѣло въ пользу Хорвата. Они подѣлились, — - - - - сдержалъ слово и за двѣ тысячи червонныхъ потерялъ сотни тысячъ новыхъ переселенцевъ: видя, что ихъ товарищи обмануты правительствомъ, они не рискнули переселяться.

По окончаніи дѣла, - - - - - услышалъ о томъ, что Нарышкинъ скрылъ отъ него свою взятку, и чтобъ наказать его за такой недостатокъ дружескаго довѣрія, отнялъ у него всю сумму и потомъ, долгое время спустя, поддразнивалъ Нарышкина, спрашивая его, «что онъ дѣлаетъ съ хорватскими червонцами?»

Вотъ - - - милый анекдотъ о Петрѣ III. Разъ послѣ парада императоръ, очень довольный Измайловскимъ полкомъ, возвращался съ Разумовскимъ домой; вдругъ онъ услышалъ издалека шумъ; его любимецъ арапъ дрался съ профосомъ. Сначала зрѣлище это понравилось Петру III, но вдругъ онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ: «Нарцисъ не существуетъ больше для насъ». Разумовскій, который ничего не могъ понять, спросилъ, что такъ вдругъ опечалило его величество. «Развѣ вы не видите, вскричалъ онъ, что я не могу больше держать при себѣ человека, дравшагося съ профосомъ. Онъ обезчещенъ, навсегда обезчещенъ!» Фельдмаршалъ, показывая видъ, что совершенно входитъ въ его глубокія соображенія, замѣтилъ, что честь Нарциса можно возстановить, проведя его подъ знаменами полка. Мысль эта привела Петра III въ восторгъ; онъ сейчасъ позвалъ негра, велѣлъ ему пройти подъ знаменами и, находя это не вполнѣ достаточнымъ, велѣлъ оцарапать его пикой знамени, чтобъ онъ могъ своею кровью смыть обиду. Бѣдный арапъ чуть не умеръ отъ страха, генералы и офицеры едва-едва могли удержаться отъ негодованія и смѣха. Одинъ Петръ III совершилъ съ величайшей торжественностью весь обрядъ очищенія Нарциса.

И - - - - - ... зато не долго!

Вечеромъ 27 іюня, Григорій Орловъ пришелъ къ Дашковой сказать ей, что капитанъ Пассекъ ¹⁾, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ заговорщиковъ, арестованъ. Орловъ засталъ у нея Панина; терять времени, откладывать было теперь невозможно. Одинъ лимфатическій, медленный и осторожный Панинъ совѣтовалъ ждать завтрашній день, узнать прежде, какъ и за что арестованъ Пассекъ. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый сказалъ, что пойдетъ узнать о Пассекѣ. Дашкова просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталъ. Лишь только Панинъ уѣхалъ, Дашкова набросила на себя сѣрую мужскую шинель и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву, одному изъ заговорщиковъ.

Не далеко отъ дома Дашкова встрѣтила всадника, скакавшаго во весь опоръ. Дашкова несмотря на то, что никогда не видала братьевъ Орлова, догадалась, что это одинъ изъ нихъ; поравнявшись съ всадникомъ, она назвала его; онъ остановилъ лошадь, Дашкова назвала ему себя.

— Я къ вамъ,—сказалъ онъ, Пассекъ схваченъ, какъ государственный преступникъ, четыре часовыхъ у дверей и два у окна. Братъ пошелъ къ Панину, а я былъ у Рославлева.

— Что, онъ очень встревоженъ?

— Есть таки.

— Дайте знать нашимъ, Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они собирались сейчасъ въ Измайловскій полкъ и готовились бы принять императрицу. Потомъ скажите, что я совѣтую вашему брату или вамъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Петергофъ за императрицей, скажите ей, что карета ужъ приготовлена мной, скажите, что я умоляю ее не мѣшкать и скакать въ Петербургъ.

Наканунѣ Дашкова, узнавши отъ Пассека о сильномъ ропотѣ солдатъ и боясь, чтобъ чего не вышло, написала на всякій случай къ Шкуриной, женѣ императрицына камердинера, чтобъ она послала карету съ четырьмя почтовыми лошадьми къ своему мужу въ Петергофъ и велѣла бы ей дожидаться у него на дворѣ. Панинъ смѣялся надъ этими ненужными хлопотами, полагая, что перевероть еще не такъ близокъ; обстоятельства показали, насколько предусмотрительность Дашковой была необходима.

Разставшись съ Орловымъ, она возвратилась домой. Къ вечеру портной долженъ былъ ей принести мужское платье и не принесъ, въ женскомъ она была слишкомъ связана. Чтобъ не подать

¹⁾ Петръ Богдановичъ, обокравшій потомъ отца Пассековъ, пріятелей Герцена.

подозрѣнія, она отпустила горничную и легла въ постель; но не прошло полчаса, какъ она услышала стукъ въ наружную дверь. Это былъ меньшей Орловъ, котораго старшіе братья прислали спросить ее, не рано ли тревожить императрицу; Дашкова вышла изъ себя, осыпала упреками его и всѣхъ его братьевъ: «Какая тутъ рѣчь, говорила она, о томъ, потревожится императрица или нѣтъ! лучше ее безъ памяти, въ обморокѣ привезти въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть заключенію или вмѣстѣ съ нами эшафоту! Скажите братьямъ, чтобъ сейчасъ же кто-нибудь ѣхалъ въ Петергофъ!»

Орловъ согласился съ нею.

Тутъ наступили для Дашковой мучительные часы одиночества и ожиданія; она трепещетъ за свою Екатерину, представляетъ ее себѣ блѣдной, изнуренной, въ тюрьмѣ, идущей на казнь и «все это по *нашей* винѣ». Измученная и въ лихорадкѣ ждетъ она вѣсти изъ Петергофа. Въ четыре часа она пришла: императрица выѣхала въ Петербургъ.

Какъ Алексѣй Орловъ ночью взошелъ въ павильонъ къ Екатеринѣ, которая спокойно спала и также въ глаза не знала Орлова, какъ и Дашкова, но тотчасъ рѣшилась ѣхать въ каретѣ приготовленной у Шкурина; какъ Орловъ сѣлъ кучеромъ и загналъ лошадей такъ, что императрица была вынуждена съ своей горничной итти пѣшкомъ; какъ они потомъ встрѣтили порожнюю телѣгу, какъ Орловъ нанялъ ее и демократически въ ней повезъ Екатерину въ Петербургъ,—все это извѣстно.

Измайловскіе солдаты приняли Екатерину съ восторгомъ; ихъ увѣрили, что Петръ III хотѣлъ въ эту ночь убить ее и ея сына. Изъ казармъ солдаты съ шумомъ и крикомъ проводили ее въ Зимній дворецъ, провозглашая ее на улицахъ царствующей императрицей; препятствій не было никакихъ. Народъ бѣжалъ толпами къ дворцу, сановники собирались, архіепископъ, окруженный духовенствомъ, со святою водою ждалъ въ соборѣ новую государыню.

Когда Дашкова съ чрезвычайными усиліями пробралась до Екатерины, онѣ бросились другъ къ другу въ объятія и могли только выговорить: «Ну, слава Богу, слава Богу!» Потомъ Екатерина рассказала ей какъ они ѣхали изъ Петергофа. Потомъ онѣ опять бросились обнимать другъ друга. «Я не знаю, говоритъ Дашкова, былъ ли когда смертный больше счастливъ, какъ я въ эти минуты!»

«И, прибавляетъ она, когда я думаю, какими несоразмѣрно малыми средствами сдѣлался этотъ переворотъ, безъ обдуманнаго плана, людьми вовсе несогласными между собою, имѣвшими разныя цѣли, нисколько не похожими ни образованіемъ, ни характеромъ, то участіе перста Божія мнѣ становится ясно».

Переворотъ, конечно, былъ необходимъ, но если перстъ божій такъ прямо участвовалъ въ немъ, то въ этотъ день - - - - -

Нацѣловавшись до-сыта, Дашкова замѣтила, что на императрицѣ екатерининская лента, а не андреевская; она тотчасъ побѣжала къ Панину, сняла съ него ленту, надѣла ее на императрицу, а екатерининскую ленту и звѣзду положила себѣ въ карманъ.

Императрица изъявила желаніе стать во главѣ войска и итти въ Петергофъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ она велѣла Дашковой сопровождать ее. Императрица взяла мундиръ у капитана Талызина, Дашкова—у сержанта Пушкина. Оба мундира были прежней преобразенской формы. Какъ только императрица пріѣхала въ Петербургъ, солдаты безъ всякаго приказа сбросили съ себя новые мундиры и надѣли петровскіе.

Пока Дашкова переодѣвалась, собрался чрезвычайный совѣтъ подъ предводительствомъ Екатерины, составленный изъ высшихъ сановниковъ и сенаторовъ, бывшихъ подъ рукой. Часовые, поставленные у дверей залы, пропустили въ нее молодого офицера съ смѣлой поступью и отважнымъ видомъ. Никто кромѣ императрицы не узналъ въ немъ Дашковой, она подошла къ Екатеринѣ и сказала, что караулъ очень плохъ, что такъ, пожалуй, пропустятъ и Петра III, если онъ вдругъ явится (какъ мало знала этого - - - сама Дашкова!); караулъ немедленно былъ усиленъ; между тѣмъ императрица, перерывая диктованіе манифеста Теплому, сказала членамъ, кто этотъ молодой офицеръ, такъ *sans façon* взошедшій и начавшій шептаться съ ней. Всѣ сенаторы встали, чтобъ привѣтствовать ее. «Я покраснѣла до ушей отъ такого почета, прибавляетъ милый сержантъ, и даже нѣсколько смѣшалась».

«Вслѣдъ за тѣмъ, взявъ нужныя мѣры для спокойствія столицы, сѣли мы на лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ сдѣлали смотръ двѣнадцати тысячамъ человѣкъ, принявшимъ императрицу съ восторгомъ».

Въ Красномъ-Кабакѣ инсуррекціонная армія сдѣлала привалъ: надобно было дать отдыхъ людямъ, бывшимъ на ногахъ двѣнадцать часовъ. Императрица и Дашкова, которыя совсѣмъ не спали послѣднія ночи, были сильно утомлены. Дашкова взяла у полковника Кара шинель, постлала ее на единственный диванъ, бывший въ небольшой комнатѣ занятой ими гостиницы, разставила часовыхъ и бросилась на диванъ вмѣстѣ съ Екатериной, не скидывая мундира, съ твердымъ намѣреніемъ нѣсколько уснуть; но спать было невозможно, и онѣ проболтали все время, строя планы и вовсе забывая объ опасности.

Нельзя не признаться, что есть что-то необыкновенно увлекательное въ этой отвагѣ двухъ женщинъ, перемѣняющихъ судьбу имперіи, въ этой революціи, дѣлаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными въ нее, между которыми на первомъ планѣ красавица 18-ти лѣтъ, верхомъ, въ преобразженскомъ мундирѣ и съ саблей въ рукахъ.

Несчастный Петръ III въ это время ѣздилъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, не умѣя ничего придумать, ни на что рѣшиться. Онъ искалъ Екатерину по комнатамъ павильона, за шкапами и дверями, какъ будто она съ нимъ играла въ жмурки, и не безъ самодовольства повторялъ «Романовнѣ»: «Вотъ видишь, что я правъ, я былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ что-нибудь, я всегда говорилъ, что эта женщина способна на все».

Еще возлѣ него стоялъ престарѣлый вождь Минихъ, еще вся Россія и часть Петербурга были не противъ него, но онъ уже совсѣмъ растерялся. Давъ опытъ невѣроятной трусости подъ Кронштадтомъ, онъ велѣлъ императорской яхтѣ грести не къ флоту, а снова къ Ораніенбауму; дамы боялись качки и моря, онъ самъ боялся всего. Ночь была тихая, мѣсячная; - - - императоръ спрятался въ каютѣ съ своими куртизанами, а на палубѣ сидѣли въ мрачной задумчивости, съ досадой, стыдомъ и грустью на сердцѣ два героя—Минихъ и Гудовичъ; они теперь увидѣли, что противъ воли нельзя спасать людей. Въ четыре часа утра пристали они снова къ Ораніенбауму и съ понурыми головами тайкомъ вошли во дворецъ. Петръ III принялся писать письмо къ Екатеринѣ.

Въ тѣ же четыре часа сѣдлали двухъ лихихъ коней: одного для императрицы, другого для Дашковой, и вотъ онѣ снова веселыя и исполненныя энергіи передъ войскомъ, выступившимъ въ пять часовъ въ походъ и остановившимся отдохнуть у Троицкаго монастыря. Тутъ начали являться одинъ за другимъ гонцы Петра III, привозя одно предложеніе - - - - другого; онъ отказывался отъ престола, просился въ Голштинію, признавалъ себя виноватымъ, недостойнымъ царствовать. Екатерина требовала, чтобъ онъ безусловно сдался, во избѣжаніе большихъ золъ, и обѣщала за это устроить ему наивозможно лучшую жизнь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, по его выбору.

Войско Екатерины спокойно заняло Петергофъ; Орловъ, ѣздившій на рекогносцировку, не нашелъ никого. Голштинцы, окружавшіе Петра въ Ораніенбаумѣ и преданные ему, были готовы умереть за него, но онъ приказалъ имъ не защищаться; онъ хотѣлъ бѣжать, велѣлъ приготовить лошадь, но сѣлъ не на нее, а въ ко-

ляску съ Романовной и Гудовичемъ и печально самъ повезъ свою повинную голову виновной женѣ своей. Его провели потихоньку въ дальнюю комнату дворца. Романовну и Гудовича, который и тутъ себя велъ съ необыкновеннымъ благородствомъ, арестовали; Петра III накормили, напоили и свезли въ Ропшу подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова, Пассека, Барятинскаго и Баскакова. Ропшу онъ избралъ самъ; она ему принадлежала, когда онъ еще былъ великимъ княземъ. Другіе, впрочемъ, говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Ропшѣ, а въ имѣніи Разумовскаго.

Дашкова видѣла его письма къ императрицѣ. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ отреченіи, въ другомъ о лицахъ, которыхъ желалъ бы оставить при себѣ, исчисляетъ все, что ему нужно для житья, при чемъ именно упоминаетъ о запасѣ бургонскаго и табаку. Онъ еще требовалъ, говорятъ, скрипку, библию и разные романы, причемъ прибавлялъ, что хочетъ сдѣлаться философомъ.

Вечеромъ въ день занятія Петергофа Дашкова, возвращаясь отъ принцессы голштинской на половину императрицы, натолкнулась на Орлова, который во внутреннихъ комнатахъ ея лежалъ въ растяжку на диванѣ, извиняясь тѣмъ, что онъ ушибъ себѣ ногу. Онъ распечатывалъ какой-то большой пакетъ; подобные пакеты Дашкова видала у своего дяди, вице-канцлера; ихъ употребляли для самыхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, сообщаемыхъ государямъ отъ верховнаго совѣта.

— Что вы это дѣлаете?—спросила его Дашкова съ изумленіемъ.

— Мнѣ императрица приказала.

— Не можетъ быть,—отвѣчала Дашкова,—вы не имѣете officialнаго званія на это.

Въ это время пришли доложить, что солдаты вломились въ дворцовые погреба и пьютъ венгерское касками, принимая его за медъ. Орловъ не двинулся. Дашкова сейчасъ отправилась внизъ, приняла грозный видъ и своимъ тоненькимъ голосомъ возстановила порядокъ. Довольная успѣхомъ, она отдала имъ всѣ деньги, бывшія съ ней, и потомъ, выворотивъ кошелекъ, сказала, что средствъ у нея меньше, нежели желанія, но что по возвращеніи въ Петербургъ имъ позволятъ пить на казенный счетъ; послѣ этого она возвратилась.

Къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, былъ придвинутъ столъ, накрытый на три куверта. Взошла императрица, заняла мѣсто и пригласила сѣсть Дашкову. Все это такъ поразило княгиню, что она не могла скрыть своего волненія. Императрица замѣтила это и спросила, что съ ней?

— Ничего, — отвѣчала Дашкова, — вѣроятно усталъ, отъ неспанныхъ ночей и отъ волненія.

Екатерина, желая вызвать Дашкову на любезности Орлову, сообщила ей, что, несмотря на всѣ ея просьбы, онъ оставляетъ военную службу и просила ее помочь ей, чтобъ его уговорить. «Меня, говорила она, обвинять въ страшной неблагодарности, если онъ оставитъ службу». Но Дашкова, оскорбленная своимъ открытіемъ, отвѣтила, что ея величество имѣетъ столько средствъ награждать за услуги, что ей вовсе не нужно прибѣгать къ насилію.

«Я только тогда, прибавляетъ она, убѣдилась, что между ними une liaison» ¹⁾).

Думали, что она обидѣлась этимъ изъ ревности, и не ошиблись. Только она ревновала не Орлова; ни его, ни его братьевъ она никогда не любила и не уважала, она ревновала императрицу; ей не нравился ни выборъ, ни тонъ; а сверхъ того ея мечты объ исключительной довѣренности, о мечтательной дружбѣ, о всемогущемъ вліяніи блѣднѣли, исчезали передъ ея открытіемъ. И дѣйствительно, съ этого вечера у Дашковой былъ соперникъ и врагъ; она это почувствовала на другой день послѣ переворота.

Слова - - - - - Петра III объ апельсинной коркѣ стали сбываться съ чрезвычайной быстротой. Императрица на другой день послѣ своего воцаренія начинаетъ цѣнить и награждать услуги Дашковой, начинаетъ быть благодарной, т. е. перестаетъ быть другомъ ²⁾).

Дашкова, послѣ торжественнаго вѣзда въ Петербургъ, отправилась къ отцу, къ дядѣ и, главное, взглянуть на свою малютку. Не надобно забывать, что у нашего преображенскаго сержанта есть дочь Настя, которую онъ горячо любить, и съ которой ему хочется поиграть, наигравшись до-сыта императорской короной. Домъ ея отца былъ полонъ солдатъ, поставленныхъ долею въ охраненіе его и долею потому, что «Романовна» была привезена къ нему въ домъ. Вадковскій присылалъ спросить ординарца, нуженъ ли весь караулъ; Дашкова, поговоривши съ нимъ по-французски, сказала дежурному офицеру, что половина солдатъ не нужна и что она ихъ отпускаетъ.

Когда она воротилась во дворецъ, Екатерина приняла ее съ недовольнымъ видомъ, — караульный офицеръ былъ налицо и го-

¹⁾ Связь.

²⁾ Историки того времени не признаютъ роль Дашковой въ сверженіи Петра III и воцареніи Екатерины II такой значительной, какъ это выходитъ изъ ея разсказа. Герценъ не могъ знать позднѣйшей литературы и потому, естественно, довѣрился разсказу княгини.

вориль съ Орловымъ. Императрица сдѣлала Дашковой выговоръ за самовольное распоряженіе и замѣтила даже то, что она при солдатахъ говорила по-французски. Дашкова, глубоко огорченная, выслушала выговоръ, ничего не отвѣчала и, чтобъ переимѣнить разговоръ, подала Екатеринѣ ленту и орденъ, которые положила вчера въ карманъ.

«Потише, потише, сказала императрица, я должна была вамъ сдѣлать выговоръ за вашу поспѣшность, вы не имѣли права сами смѣнять солдатъ, но я также должна наградить васъ за ваши услуги», при этомъ она надѣла ей на шею возвращенную ленту.

Вмѣсто того, чтобъ стать, какъ это дѣлается въ этихъ случаяхъ, на колѣни передъ императрицей, Дашкова печально сказала ей: «в. в., простите меня за то, что я хочу сказать; приходитъ время, въ которое правда должна быть изгнана изъ вашего присутствія; предупреждая его, я прошу васъ взять назадъ этотъ орденъ; какъ украшеніе, я не умѣю его довольно цѣнить если это награда, — какъ бы она велика ни была, она не можетъ вознаградить мои услуги, онѣ ничѣмъ не могутъ быть заплачены, потому что онѣ не продажны».

— Но, — замѣтила императрица, обнимая ее и оставляя ленту, — дружба имѣетъ свои права; развѣ я и ихъ лишусь теперь?

Дашкова снова довольна, цѣлуетъ ея руку и осьмнадцать лѣтъ берутъ свое; она черезъ полвѣка не забываетъ съ удовольствіемъ прибавить: «Представьте себѣ меня въ мундирѣ, со шпорой на одномъ сапогѣ, съ видомъ пятнадцатилѣтняго мальчика и съ красной екатерининской лентой черезъ плечо». Новый кавалеръ скачетъ опять къ Настѣ, ей показаться, присутствуетъ при ея ужинѣ и, наконецъ, раздѣвшись, бросается въ постель; но и на этотъ разъ сонъ бѣжитъ отъ раздраженныхъ нервъ или пугаетъ грезами; удивительныя картины послѣднихъ дней, которыя она не только прожила, но отчасти сдѣлала, безпрестанно проходятъ въ ея воображеніи.

Важное участіе ея въ 28 іюня не отрицала сама императрица, напротивъ, когда старый и лукавый Бестужевъ ей представлялся, она ему сказала: «Кто бы могъ подумать, что дочь Романа Воронцова поможетъ мнѣ сѣсть на престолъ».

Вѣсть объ - - - - - исполнила Дашкову ужасомъ и отвращеніемъ; она до такой степени была взволнована и возмущена этимъ пятномъ «на переворотѣ, который не стоилъ ни капли крови», что не могла настолько переломить себя чтобъ ѣхать на другой день во дворецъ. Она минуетъ въ своихъ запискахъ всѣ подробности этого гадкаго происшествія, гдѣ три офицера, изъ ко-

торыхъ одинъ былъ гигантъ, полчаса работали, - - - - -
 - - - - - , какъ будто нельзя было подо-
 ждать четверти часа. Она полагаетъ, что - - - - - не знала впе-
 редь о намѣреніи А. Орлова; вѣрнѣе то, что Дашкова не имѣла
 понятія объ участи - - - - - , которая тщательно умѣла скрывать,
 что хотѣла; о - - интригѣ съ Григорьемъ Орловымъ не только не
 зналъ ни Панинъ, ни другіе заговорщики, но, какъ мы сейчасъ
 видѣли, ни сама Дашкова.

Екатерина поняла, что было на душѣ у Дашковой, и увидѣвши
 ее, стала съ ужасомъ говорить о томъ, что случилось.

— Да, в. в., отвѣчала Дашкова, смерть эта слишкомъ скоро
 и рано пришла для вашей и для моей славы.

Проходя пріемной залой, она громко при всѣхъ сказала, что,
 конечно, А. Орловъ пощадить ее своимъ знакомствомъ. Слишкомъ
 двадцать пять лѣтъ они не кланялись и не говорили другъ съ
 другомъ.

Весьма вѣроятно, что Екатерина не давала приказанія - - -
 - - - - -

- - - - - . Мы знаемъ изъ Шекспира, какъ даются эти
 приказанія взглядомъ, намекомъ, молчаніемъ. Зачѣмъ Екатерина
 поручила надзоръ за слабодушнымъ - - - - - злѣйшимъ врагамъ
 его? Пассекъ и Баскаковъ хотѣли его убить за нѣсколько дней до
 27 іюня, - - - - - ? И зачѣмъ же - - - - - были такъ
 - - - - - награждены?

Дашкова приводитъ въ оправданіе Екатерины письмо отъ
 Орлова къ ней, писанное тотчасъ послѣ - - - - - , и которое она
 ей показывала. Письмо это, говоритъ она, носило явные слѣды
 внутренняго безпокойства, душевной тревоги, страха и нетрезваго
 состоянія. Письмо это береглось у императрицы въ особой шкатулкѣ
 съ другими важными документами. Павелъ послѣ смерти матери
 велѣлъ при себѣ разобрать эти бумаги князю Безбородко; дойдя
 до этого письма, Павелъ прочелъ его императрицѣ въ присутствіи
 Нелидовой. Потомъ онъ велѣлъ РаSTOPчину прочесть его великимъ
 князьямъ.

Я слыхалъ о содержаніи этого письма отъ достовѣрнаго чело-
 вѣка, который самъ его читалъ; оно въ этомъ родѣ: «Матушка
 императрица, какъ тебѣ сказать, что мы надѣлали? такая случи-
 лась бѣда. Заѣхали мы къ - - - - - , и выпили съ нимъ вина,
 ты знаешь, каковъ онъ бываетъ хмельной; слово за слово, онъ
 насъ такъ разобидѣлъ, что дѣло дошло до драки. Глядимъ,—а онъ
 упалъ мертвый. Что дѣлать?—возьми наши головы, если хочешь, или,

милосердная матушка, подумай, что дѣла не воротишь, и отпусти нашу вину» ¹⁾).

Дашкова, увлеченная любовью къ - - - - -, вѣрить или, по крайней мѣрѣ, притворяется, что вѣрить, что и Миновичъ поступилъ безъ ея вѣдома; а о худшей, - - - - - исторіи всего царствованія, о похищеніи А. Орловымъ и де-Рибасомъ княжны Таракановой совсѣмъ не упоминаетъ.

Оттого-то, между прочимъ, что она вѣрила и хотѣла вѣрить въ идеальную - - - - -, она и не могла удержаться въ милости. А она была бы славнымъ министромъ. Безспорно одаренная государственнымъ умомъ, она, сверхъ своей восторженности, имѣла два большихъ недостатка, помѣшавшіе ей сдѣлать карьеру: она не умѣла молчать, ея языкъ рѣзокъ, колокъ и не щадитъ никого, кромѣ Екатерины; сверхъ того, она была слишкомъ горда, не хотѣла и не умѣла скрывать своихъ антипатій, словомъ, не могла «приносить своей личности», какъ выражаются московскіе старовѣры.

Вообще дружба Екатерины съ Дашковой была невозможна. Екатерина хотѣла царить не только властію, но всѣмъ на свѣтѣ—геніемъ, красотой; она хотѣла одна обращать на себя вниманіе всѣхъ, у ней было ненасытимое желаніе нравиться. Она была еще въ полномъ блескѣ своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лѣтъ. Женщину слабую, потерянную въ лучахъ ея славы, молящуюся ей, не очень красивую, не очень умную она, вѣроятно, умѣла бы удержать при себѣ. Но энергическую Дашкову, говорившую о *своей собственной* славѣ, съ ея умомъ, съ ея огнемъ и съ ея девятнадцатю годами, она не могла вынести возлѣ себя.

Она отдалилась отъ нея съ быстротой истинно - - - - - благодарности. Въ Москвѣ послѣ коронаціи старый грѣшникъ Бестужевъ предложилъ написать императрицѣ адресъ и просить ее отъ имени всѣхъ подданныхъ снова избрать себѣ супруга. - - - - - , тогда уже сдѣланный княземъ имперіи, мѣтилъ въ цари. Это возмутило всѣхъ порядочныхъ людей. Канцлеръ Воронцовъ попросилъ аудіенцію и предупредилъ Екатерину, предполагая, что она не знаетъ, что дѣлается. Екатерина удивилась и хотѣла намылить Бестужеву голову.

Хитровъ, одинъ изъ преданныхъ заговорщиковъ 28 іюня, громко говорилъ, что онъ скорѣе убьетъ - - - - - или пойдетъ на плаху, чѣмъ признаетъ его - - - - - . Само собой разумѣется, что при этомъ общемъ ропотѣ говорила и Дашкова; это дошло до

¹⁾ Таковъ смыслъ письма, за слова я не отвѣчаю, я его повторилъ черезъ долгое время по памяти.—А. И. Г.

Екатерины. Вдругъ вечеромъ секретарь императрицы Тепловъ прѣзжаетъ къ Дашкову и велить его вызвать. Императрица пишетъ ему слѣдующую записку: «Я искренно желаю не быть въ необходимости предать забвенію услуги княгини Дашковой за ея неосторожное поведеніе. Припомните ей это, когда она снова позволить себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ».

Дашкова не отвѣчала на это письмо ни слова, держалась въ сторонѣ и стала послѣ смерти князя, случившейся въ 1764, проситься въ чужіе края. «Я очень могла ѣхать безъ спросу, говорить она (навѣрное не грезившая во снѣ, что черезъ восемьдесятъ лѣтъ глупый законъ почти всѣмъ лишитъ Россію права переходить границу, и еще менѣе того, что правительство станетъ - - - - - , принуждая каждого путешественника платить за себя выкупъ), но мое званіе статсъ-дамы клало на меня обязанность спросить высочайшее разрѣшеніе».

Не получивъ отвѣта, она отправилась въ Петербургъ и при первомъ представленіи просила Екатерину отпустить ее за границу для излѣченія дѣтей. «Мнѣ очень жаль, отвѣчала Екатерина, что такая печальная причина заставляетъ васъ ѣхать. Но безъ всякаго сомнѣнія, княгиня, вы можете располагать собой, какъ вамъ угодно».

Гдѣ это время, когда онѣ лежали подъ однимъ одѣяломъ на постели и плакали, и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара цѣлую ночь о государственныхъ реформахъ?

Въ чужихъ краяхъ Дашкова оживаетъ, становится опять та же гордая, неугомонная, неукротимая, дѣятельная, всѣмъ интересующаяся, всѣмъ занимающаяся.

Въ Данцигѣ, на стѣнѣ въ гостиницѣ виситъ большая картина, представляющая какое-то сраженіе пруссаковъ съ русскими, въ которомъ, разумѣется, русскіе побиты. На первомъ планѣ представлена группа нашихъ солдатъ, стоящихъ на колѣняхъ передъ пруссаками и просящихъ помилованія. Дашкова не можетъ этого вынести, она подбиваетъ двухъ русскихъ пробраться потихоньку ночью съ ней въ залу, съ масляными красками и кистями, запираетъ за ними двери и принимается съ своими товарищами переписывать мундиры, такъ что къ утру уже пруссаки стояли на колѣняхъ и просили пощады у русскихъ солдатъ. Окончивши картину, Дашкова послала за почтовыми лошадьми, и прежде чѣмъ хозяинъ спохватился, она уже катила по дорогѣ въ Берлинъ, отъ души смѣясь при мысли объ его удивленіи.

Въ ГанOVERѣ она отправляется одна съ Каменской въ оперу. Такъ мало были онѣ похожи на добрыхъ нѣмокъ, что принцъ мекленбургскій, начальствовавшій въ городѣ, послалъ узнать, кто

онѣ такія. Адъютантъ его, безъ церемоніи, взошелъ въ ложу, въ которой были еще двѣ нѣмки, и спросилъ нашихъ дамъ, не иностранки ли онѣ. Дашкова сказала, что «да». «Его свѣтлость, прибавилъ онъ, желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

— Имя наше,—отвѣчала Дашкова,—не можетъ быть интересно ни для герцога, ни для васъ; какъ женщины, мы имѣемъ право умолчать кто мы и не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Сконфуженный адъютантъ ушелъ. Нѣмки, съ самаго начала почувствовавшія непреодолимое уваженіе къ нашимъ дамамъ, смотрѣли на нихъ съ подобострастіемъ, услышавъ храбрый отвѣтъ Дашковой. Видя, что нѣмки считаютъ ихъ за большихъ барынь, Дашкова, учтиво обращаясь къ нимъ, сказала, что если она не хотѣла отвѣчать дерзкому запросу принца, то передъ ними она не имѣетъ причины утаивать, кто онѣ. «Я оперная пѣвица, а моя подруга танцовщица; мы обѣ безъ мѣста и ищемъ гдѣ-нибудь найти выгодный контрактъ». Нѣмки раскрыли глаза, покраснѣли до ушей и не только оставили свою вѣжливость, но старались, насколько ложа позволяла, сѣсть къ нимъ спиною.

Въ Парижѣ Дашкова окружена всѣми знаменитостями, со всѣми дружится, кромѣ Руссо; къ нему она не хочетъ ѣхать за его лицемѣрную скромность, за натянутую оригинальность. Зато Дидро у нея на самой короткой ногѣ, сидитъ съ ней цѣлые вечера tête-à-tête и разсуждаетъ обо всемъ на свѣтѣ. Дашкова доказываетъ ему, что крѣпостное состояніе не такъ дурно, какъ думаютъ, запутываетъ его въ софизмы, и удобовпечатлительный Дидро готовъ согласиться на минуту.

Входитъ человѣкъ и докладываетъ: «Мадамъ Неккеръ и Мадамъ Жоффренъ пріѣхали». «Не принимать! кричитъ Дидро, не спрашиваясь Дашковой. Сказать, что дома нѣтъ. Мадамъ Жоффренъ — превосходнѣйшая женщина въ мірѣ, но первая трещетка въ Парижѣ; я рѣшительно не хочу, чтобъ она, не имѣя времени васъ хорошенько узнать, пошла пороть всякій вздоръ. Я не хочу, чтобъ кощунствовали надъ моимъ идоломъ». И Дашкова велитъ сказать, что она больна.

Рюльеръ, писавшій о Россіи и именно въ 1762 году ¹⁾, хочетъ непременно ее видѣть. Дидро не велитъ принимать и его; онъ завладѣлъ Дашковой для себя.

Въ Лондонѣ Дашкова знакомится съ Паоли ²⁾, но ей не нра-

¹⁾ «Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762».

²⁾ Паскаль, корсиканскій патріотъ.

вятся его «итальянскія гримасы», не идущія великому человѣку. Въ Женевѣ она ходитъ къ Вольтеру, удивляется ему, но не можетъ не посмѣяться съ какимъ-то докторомъ надъ тѣмъ, что Вольтеръ сердится, выходитъ изъ себя, проигрывая въ шашки, и притомъ дѣлаетъ самыя уморительныя рожи. Докторъ замѣчаетъ, что эти рожи корчитъ не одинъ Вольтеръ, велитъ своей собакѣ поднять морду, и Дашкова катается со смѣху отъ необыкновеннаго сходства. Изъ Женевы она ѣдетъ въ Спа; тамъ она живетъ въ большой интимности съ мистрисъ Гамильтонъ и, прощаясь съ ней, романически клянется прѣхать черезъ пять лѣтъ для свиданія съ нею, если не увидится прежде, и, что еще болѣе романически, дѣйствительно прѣзжаетъ.

Чувство дружбы самой пламенной, самой дѣятельной чуть ли не было преобладающимъ въ этой женщинѣ, гордой и упрямой. Глубоко обиженная поведеніемъ Екатерины, она преждевременно состарилась. Дидро говоритъ, что ей съ виду казалось лѣтъ подъ сорокъ, въ то время, какъ она была тогда двадцати семи лѣтъ. Любила ли она кого послѣ смерти мужа, была ли любима, этого не видать изъ записокъ; но навѣрное можно сказать, что ни одинъ мужчина не игралъ никакой значительной роли въ ея жизни. Послѣ Екатерины она со всѣмъ пыломъ голоднаго сердца привязалась къ Гамильтонъ. И подъ старость дружба материнская, безконечно нѣжная, согрѣла ея жизнь; я говорю о миссъ Вильмотъ, издательницѣ ея записокъ.

Изъ Спа она возвратилась въ Москву, въ домъ своей сестры, Полянской; эта Полянская съ своимъ скромнымъ прозаическимъ именемъ не что иное, какъ знаменитая «Романовна», которая легко, еслибъ не была Полянская, могла бы быть императрицей всероссійской.

Тучи, которыя заволакивали небо Дашковой, начали, было, расчищаться. Вліяніе Орловыхъ слабо. Императрица, узнавъ о ея прѣздѣ, прислала ей шестьдесятъ тысячъ рублей на покупку имѣнія.

Но Дашкова рѣшительно не могла уживаться съ фаворитами, и дѣйствительной близости между нею и дворомъ не было. Теперь ее начало сильно занимать воспитаніе сына; горячая поклонница англійскихъ учрежденій и Англій, она рѣшается ѣхать съ сыномъ въ Эдинбургъ. Къ тому же она видитъ себя совершенно лишней въ Зимнемъ дворцѣ.

Собираясь снова въ путь, она сосватала свою дочь за Щербинина. На дорогѣ въ деревню къ женихову брату, куда Дашкова ѣздила цѣлымъ обществомъ, чей-то слуга упалъ съ козелъ, и трое саней проѣхали по немъ; онъ былъ оглушенъ и сильно ушибленъ;

надобно было пустить кровь, но какъ?—у Дашковой есть съ собой портфель съ хирургическими инструментами, купленный въ Лондонѣ; она достаетъ ланцетъ, но никто не берется пустить кровь; больной остается безъ помощи, тогда Дашкова, побѣждая сильное чувство отвращенія, открываетъ ему жилу и, отлично сдѣлавъ операцію, чуть не падаетъ сама въ обморокъ.

Въ Эдинбургѣ Дашкова является окруженной первыми знаменитостями: Робертсономъ ¹⁾, Блэромъ ²⁾, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ ³⁾. Она пишетъ длинныя письма къ Робертсону, излагаетъ ему подробно свой планъ воспитанія: она хочетъ, чтобы ея сынъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ, окончилъ свое ученье въ два года съ половиной, и потомъ ѣхалъ на службу, сдѣлавъ путешествіе по всей Европѣ.

Робертсонъ полагаетъ, что ему нужно четыре года; Дашкова думаетъ, что это слишкомъ много. Для этого она подробно пишетъ, что сынъ ея уже знаетъ и что долженъ знать.

«Языки: Латинскій. Начальныя трудности всѣ побѣждены.

Англійскій. Князь очень хорошо понимаетъ прозу и отчасти стихи.

Нѣмецкій. Понимаетъ совершенно все.

Французскій. Знаетъ, какъ свой собственный языкъ.

Словесность: Онъ знаетъ лучшія классическія произведенія, его вкусъ больше образованъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ его возрастъ. Онъ имѣетъ излишнюю наклонность къ критицизму, что, можетъ, составляетъ единственный недостатокъ его.

Математика: Весьма важная отрасль ученія. Онъ довольно успѣлъ въ разрѣшеніи сложныхъ задачъ, но я хочу, чтобъ онъ шелъ дальше въ алгебрѣ.

Гражданская и военная архитектура: Я хочу, чтобъ онъ подробно изучилъ ихъ.

Исторія и юсударствен. учрежденія: Онъ знаетъ всеобщую исторію и въ особенности исторію Германіи, Англіи и Франціи, но ему слѣдуетъ еще подробнѣе пройти исторію; онъ можетъ заниматься ею дома съ учителемъ.

«Теперь вотъ что я желаю, чтобъ онъ изучилъ: 1. Логику и философію мышленія (ph. of. reasoning). 2. Опытную физику. 3. Нѣсколько химіи. 4. Философію и натуральную исторію. 5. Естественное право, народное право, публичное и частное право въ при-

¹⁾ Вильямъ, англійскій историкъ.

²⁾ Робертъ, англійскій физикъ.

³⁾ Адамъ, шотландскій историкъ.

ложеніи къ законодательству европейскихъ народовъ. 6. Этику. 7. Политику».

Эту обширную программу она дѣлитъ на пять семестровъ и потомъ, какъ всегда, исполняетъ ее въ точности. Сынъ ея въ 1779 году выдержалъ экзаменъ на магистра (master of arts); говорятъ, она его замучила; изъ него, дѣйствительно, ничего не вышло; къ тому же онъ и умеръ очень молодъ, но виновато ли въ этомъ ученье,—мудрено сказать.

Послѣ экзамена Дашкова тотчасъ ѣдетъ въ Ирландію, царить въ дублинскомъ обществѣ, сочиняетъ церковную музыку, которую поютъ въ часовнѣ Магдалины при огромномъ стеченіи народа, «желавшаго, какъ она выражается, послушать, какъ сѣверные медвѣди компонируютъ». Вѣроятно, опытъ удался, потому что вслѣдъ затѣмъ она хлопочетъ, съ Давидомъ Гаррикомъ ¹⁾, объ исполненіи на сценѣ ея музыкальныхъ сочиненій и пишетъ длинную инструкцію своему сыну, въ родѣ наставленій Полонія, какъ ему слѣдуетъ путешествовать...

Изъ Англій она отправляется въ Голландію; въ Гарлемѣ она пріѣзжаетъ къ знакомому доктору и тамъ встрѣчаетъ князя Орлова, уже женатаго и въ немилости. Въ тотъ же день Орловъ пришелъ къ ней и притомъ во время обѣда. Его посѣщеніе Дашковой «было столько же мало ожиданно, сколько мало пріятно».

— «Я пришелъ къ вамъ не какъ непріятель, а какъ другъ и союзникъ», сказалъ Орловъ, садясь на кресло. Затѣмъ молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на сына Дашковой и замѣтилъ: «Вашъ сынъ записанъ въ кирасиры, а я шефъ кавалергардскаго полка; если вы желаете, я попрошу императрицу перевести его въ мой полкъ, это ему дастъ повышеніе».

Дашкова поблагодарила его за доброе намѣреніе, но сказала, что не можетъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что о его службѣ уже писала къ князю Потемкину и не хочетъ безъ причины сдѣлать противъ него что-либо.

— Что же тутъ непріятнаго для него? спросилъ князь, почувствовавшій жало; впрочемъ, какъ хотите, располагайте мной; вашъ сынъ сдѣлаетъ карьеру, — трудно сыскать молодого человѣка *красивѣе* его.

Дашкова вспыхнула отъ досады, и разговоръ прекратился. Но при слѣдующей встрѣчѣ Орловъ, обращаясь прямо къ молодому Дашкову сказалъ: «Какая жалость, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы пріѣдете; я увѣренъ, что вы замѣните теперешняго

1) Знаменитый англ. актеръ.

фаворита при первомъ появленіи при дворѣ; я съ удовольствіемъ занялся бы моей теперешней должностію—утѣшать отставныхъ».

Внѣ себя отъ негодованія Дашкова выслала сына и сказала Орлову, что она находитъ весьма неприличнымъ, что онъ такъ говоритъ съ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и такъ компрометируетъ императрицу, въ уваженіи къ которой она его воспитываетъ; что касается до фаворитовъ, Дашкова просила его вспомнить, что она никогда не знала и не признавала ни одного изъ нихъ.

Послѣ этого они разѣхались. Орловъ отправился въ Швейцарію; Дашкова—въ Парижъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ее, осматривающую французскія крѣпости съ сыномъ и съ полковникомъ Самойловымъ, по особому дозволенію маршала Бирона. Изъ Франціи она ѣдетъ въ Италію и тутъ совершенно погружается въ картины и статуи, занята камееми и антиками, покупаетъ для подарка императрицѣ картину Анжелики Кауфманъ ¹⁾, ѣздитъ къ папѣ, къ аббату Гальяни и, наконецъ, отправляется въ Россію черезъ Вѣну.

Въ Вѣнѣ у нея горячій споръ съ Кауницемъ ²⁾. Кауницъ, у котораго она обѣдала, назвалъ Петра I политическимъ творцомъ Россіи. Дашкова замѣтила ему, что это—западный предрасудокъ. Кауницъ не сдался, Дашкова еще меньше. Она соглашалась, что Петръ сдѣлалъ чрезвычайно много для Россіи, но находила, что матеріалъ былъ готовъ и что рядомъ съ гениальнымъ употребленіемъ его онъ его безчеловѣчно гнулъ и ломалъ.

— Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ сношеніями съ другими народами, торговлей, не торопясь, достигнулъ бы того, до чего дошелъ насиліемъ и жестокостію. Дворянству и крѣпостнымъ стало хуже отъ его необузданной страсти къ нововведеніямъ; у однихъ онъ отнялъ охраняющій судъ (?), къ которому они только и могли прибѣгать въ случаѣ притѣсненій; у другихъ отнялъ всѣ привилегіи. И для чего все это? Для того, чтобъ расчистить дорогу военному деспотизму, т. е. самой худшей формѣ правленія изъ всѣхъ существующихъ. Изъ одного тщеславія онъ такъ торопился обстроить Петербургъ, что сгубилъ тысячи работниковъ въ болотахъ. Онъ не только обязывалъ помѣщиковъ ставить извѣстное число крестьянъ, но заставлялъ ихъ поневолѣ строить себѣ дома, по собственнымъ своимъ планамъ, не спрашивая ихъ, нужны они имъ или нѣтъ. Одно изъ главнѣйшихъ зданій — адмиралтейство и доки, стоившее очень много, поставлено на берегу рѣки, которую никакой трудъ

¹⁾ Художница, пользовавшаяся тогда извѣстностію.

²⁾ Князь, австрійскій государств. дѣятель.

человѣческой не сдѣлаеть судоходной не только для военныхъ кораблей, но и для купеческихъ.

— Однакожъ, замѣтилъ Кауницъ, все же нельзя безъ умиленія видѣть монарха, который самъ съ топоромъ въ рукѣ учится на корабельной верфи.

Неумолимая Дашкова и этого не пропустила. «Ваше превосходительство, отвѣтила она, вѣрно, шутите. Кто можетъ лучше васъ знать, какъ дорого время для монарха и есть ли ему досугъ заниматься какимъ-нибудь мастерствомъ. Петръ I имѣлъ средства выписать не только корабельщиковъ, но и адмираловъ. Мнѣ кажется, что теряя время въ Саардамѣ, работая топоромъ и учась площаднымъ голландскимъ поговоркамъ и корабельнымъ терминамъ, которыми онъ искажилъ русскій языкъ, онъ просто забылъ свой долгъ».

Я предвижу, какъ возвеселятся православныя души московскихъ славянъ при чтеніи этого спора; они должны непременно въ родительскую субботу помянуть блинами съ постнымъ масломъ нашу княгиню!

Юсифъ II былъ боленъ; онъ желалъ, чтобъ Дашкова осталась еще нѣсколько дней, но она получила приглашеніе для себя и для сына отъ Фридриха II присутствовать на его маневрахъ. Она видѣлась, впрочемъ, съ Юсифомъ II запросто въ кабинетѣ естественной исторіи.

Черезъ недѣлю Дашкова на маневрахъ, гдѣ Фридрихъ II учитъ 42.000 человѣкъ и куда онъ никогда не пускалъ женщинъ, но Дашкову особенно пригласилъ. Сама принцесса заѣзжала за ней, довезла до мѣста, гдѣ король хотѣлъ встрѣтиться съ княгиней, и просила ее выйти изъ кареты, говоря: «Милая княгиня, король хочетъ съ вами здѣсь встрѣтиться, но такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть этого стараго ворчуна, то я поѣду дальше». И Дашкова остается въ *невинномъ* tête à tête съ Фридрихомъ II, который беретъ съ собой ее и сына на военную инспекцію провинцій.

Въ іюлѣ 1782 года Дашкова возвратилась въ Петербургъ. Императрица назначила ее президентомъ Академіи наукъ. Дашкова сначала, кажется, въ первый разъ отроду, смѣшалась и хотѣла отказать. Она написала рѣзкое письмо къ императрицѣ и въ двѣнадцать часовъ ночи поѣхала съ нимъ къ Потемкину. Потемкинъ былъ уже въ постели, однако, принялъ ее. Онъ прочиталъ письмо, изорвалъ его и бросилъ на полъ, но видя, что Дашкова сердится, сказалъ ей: «Тутъ есть перо и бумага, пишите, пожалуй, опять, но только все это вздоръ; зачѣмъ вы отказываетесь? императрица носитъ второй день съ этой мыслию. Въ этомъ званіи вы будете

чаще видѣться съ ней; а дѣло-то въ томъ, сказать по правдѣ, что она со скуки пропадаетъ, постоянно окруженная дураками».

Краснорѣчіе Потемкина побѣдило Дашкову; она ѣдетъ въ сенатъ присягать на новую должность, и съ той минуты становится президентомъ *consommé*. Она просила знаменитаго старца Эйлера ¹⁾ ввести ее въ конференцъ-залу Академіи; ей хотѣлось явиться подъ эгидой науки передъ академиками. Она представилась имъ не молча, какъ вообще русскіе президенты, а съ рѣчью, послѣ которой вида, что первое мѣсто возлѣ президента занято Штелиномъ ²⁾, она обернулась къ Эйлеру и сказала: «Сядьте, гдѣ вамъ угодно, каждое мѣсто, занятое вами, будетъ первое».

Потомъ она съ обычной дѣятельностью своей принимается за искорененіе злоупотребленій, т. е. кражъ, увеличиваетъ число воспитанниковъ, улучшаетъ типографію и, наконецъ, предлагаетъ императрицѣ основаніе русской академіи. Екатерина назначаетъ ее президентомъ и въ новой академіи. Дашкова опять произноситъ рѣчь. «Вамъ извѣстны, господа, говоритъ она, между прочимъ, богатство и обиліе нашего языка. Переведенное на него мощное краснорѣчіе Цицерона, мѣрное величіе Виргилія, увлекательная прелесть Демосѳена и легкій языкъ Овидія, не теряютъ ничего изъ своихъ красотъ... но намъ недостаетъ точныхъ правилъ, предѣлы и значенія словъ не опредѣлены, въ нашъ языкъ вошло много иностранныхъ оборотовъ»; а потому она и предлагаетъ работать надъ грамматикой и надъ русскимъ академическимъ словаремъ. Она сама собирается дѣлать труды академиковъ и, дѣйствительно, принимается за словарь. Казалось, императрица была довольна ею. Дѣятельность Дашковой въ это время поразительна. Она предпринимаетъ изданіе специальныхъ географическихъ картъ разныхъ губерній, издаетъ періодическое обозрѣніе «Любители русскаго слова» ³⁾, въ немъ участвуетъ сама императрица, фонъ Визинъ, Державинъ и пр.

Ея отношенія къ императрицѣ явнымъ образомъ лучше. Между ними снова завязывается переписка; переписка идетъ объ издаваемомъ ими обозрѣніи, о разныхъ литературныхъ предметахъ. Письма эти, имѣющія мало общаго интереса, чрезвычайно рѣзко показываютъ, насколько хорошій тонъ, образованность, челоѳичность понизились въ - - - - - . Екатерина не отдаетъ приказы, не командуетъ записками, не держится въ условныхъ формахъ, не боится шутки; она увѣрена въ себѣ, и императрица часто усту-

¹⁾ Леонгардъ, знаменитый математикъ.

²⁾ Якобъ, профессоръ элоквенціи и поэзіи.

³⁾ «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова».

паеть умной женщиной. Прусско-гатчинский тонъ, приведенный въ канцелярскую форму - - - - -, замѣнилъ грубой безграмотностью мягкость образованнаго языка.

Все было бы хорошо, еслибъ только Дашкова могла ужиться съ фаворитами; она еще всѣхъ лучше ладила съ Потемкинымъ, можетъ, потому, что Потемкинъ былъ умнѣе ихъ всѣхъ; съ Ланскимъ, потомъ съ Мамоновымъ она была на ножахъ, Зубовъ ябедничалъ на нее и много вредилъ ей.

Лѣтомъ 1783 года Дашкова была въ Финляндіи съ императрицей, имѣвшей тамъ свиданіе съ шведскимъ королемъ. Ланской присталъ къ Дашковой, почему въ вѣдомостяхъ, издававшихся при академіи, изъ лицъ, бывшихъ при императрицѣ, упомянута она одна. Дашкова объяснила ему, что это вовсе не ея вина, что статьи о дворѣ присылаются готовыми и печатаются безъ измѣненія. Ланской продолжалъ дуться и ворчать, это надоѣло Дашковой. «Послушайте, сказала она ему, вы должны знать, что хотя для меня всегда честь и счастье обѣдать съ императрицей, но я, право, не могу этому до того дивиться, чтобъ печатать въ газетахъ. Я слишкомъ привыкла къ этому; ребенкомъ я обѣдывала на колѣняхъ у императрицы Елизаветы, дѣвочкой за ея столомъ. Для меня это слишкомъ натурально, чтобъ хвастаться».

Ланской разгорячился, но Дашкова, видя, что зала начинаетъ наполняться, подняла голосъ и громко сказала: «Милостивый государь, люди, которыхъ вся жизнь была посвящена общественному благу, не всегда имѣютъ особенную силу и счастье, но всегда въ правѣ требовать, чтобы съ ними обращались безъ дерзости. Тихо продолжая свой путь, они переживаютъ всѣ эти метеоры одного дня, которые лопаются и пропадаютъ безслѣдно».

Растворились двери, и взошла императрица. Ея появленіе окончило разговоръ. Какъ же Ланскому было ее не ненавидѣть? Хорошо еще, что онъ скоро умеръ.

Возвратившись изъ Финляндіи, Дашкова принимаетъ у себя своего друга, мистрисъ Гамильтонъ; она везетъ ее съ собою въ новую деревню, тамъ она дѣлаетъ сельскій праздникъ, встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солью переселенныхъ мужиковъ, представляетъ ихъ англичанкѣ и объявляетъ имъ, что отселѣ новая деревня будетъ называться Гамильтоново. Послѣ этого она съ ней ѣздитъ по другимъ имѣніямъ въ Калужской, Смоленской, Кіевской и Тамбовской губерніяхъ.

На слѣдующій годъ Дашкова была поражена семейнымъ несчастіемъ. Сынъ ея былъ въ арміи у Румянцова, мать была довольна, что его не было въ Петербургѣ. Подъ конецъ и Потемкинъ

имѣлъ на него виды. Онъ прислалъ разъ за нимъ, поздно вечеромъ, Самойлова, и Самойловъ намекалъ матери о ихъ проектѣ. Дашкова отказалась участвовать въ немъ и сказала, что если это случится, она воспользуется силой своего сына, чтобъ выхлопотать себѣ многолѣтній заграничный отпускъ. Поэтому-то она и была довольна, что сынъ ея уѣхалъ въ Кіевъ. Но въ Кіевѣ его ждала другая стрѣла любви, не сверху, а снизу.

Однажды, выходя изъ спальни императрицы, Дашкова встрѣтилась съ Ребиндеромъ; тотъ добродушно поздравилъ ее съ вступленіемъ ея сына въ законный бракъ. Дашкова остолбенѣла. Ребиндеръ смѣшался, онъ не имѣлъ понятія, что сынъ Дашковой обвѣнчался тайно. Она была обижена, какъ мать и какъ гордая женщина; съ одной стороны, *mésalliance*, съ другой—недовѣріе. Ударъ сильно палъ на ея грудь, она занемогла.

Черезъ два мѣсяца сынъ написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ея дозволенія жениться; новый ударъ: ложь, робость, обманъ. Къ тому же онъ такъ мало зналъ нравъ своей матери, что вмѣстѣ съ своимъ письмомъ прислалъ письмо отъ фельдмаршала Румянцова, явнымъ образомъ написанное по его просьбѣ. Румянцовъ убѣждалъ Дашкову разрѣшить сыну бракъ, говорилъ о предразсудкахъ аристократическаго происхожденія и непрочности богатствъ и дошелъ, по словамъ Дашковой, до такой нелѣпости, что, не имѣя по своимъ отношеніямъ никакого на то права, давалъ совѣтъ въ дѣлѣ такой важности между матерью и сыномъ.

Уязвленная съ двухъ сторонъ, Дашкова написала саркастическое письмо къ Румянцову, въ которомъ объясняла ему: «Что между разными глупостями, которыми полна ея голова, по счастью, нѣтъ особенно преувеличеннаго уваженія къ аристократическому происхожденію; но что еслибъ она была одарена такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, какъ графъ, то употребила бы его на то, чтобъ показать превосходство хорошаго воспитанія надъ дурнымъ».

Къ сыну письмо ея поразительно просто, вотъ оно. «Когда твой отецъ вознамѣрился жениться на графинѣ Воронцовой, онъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Москву испросить позволеніе своей матери. Ты женатъ; я это знала прежде, да знала и то, что моя све-кровь не больше меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ».

Должно быть и послѣ этого объясненія семейныя дѣла ее много огорчали. Ея дочь разсталась съ мужемъ. Миссъ Вильмотъ пропустила нѣсколько страницъ въ запискахъ, послѣ которыхъ Дашкова продолжаетъ такъ: «Все было черно въ будущемъ и въ настоящемъ... я такъ изстрадалась, что иной разъ приходила мнѣ въ голову мысль о самоуничтоженіи».

Итакъ, демонъ семейныхъ непрятностей сломилъ и ее, такъ, какъ сломилъ многихъ сильныхъ. Семейныя несчастья оттого такъ глубоко подтачиваютъ, что они подкрадываются въ тиши и что борьба съ ними почти невозможна; въ нихъ побѣда бываетъ худшее. Они вообще похожи на яды, о присутствіи которыхъ узнаешь тогда, когда болью обличается ихъ дѣйствіе, т. е. когда человѣкъ уже отравленъ...

Между тѣмъ пришла и французская революція. Екатерина, состарившаяся, - - - - - , бросилась въ реакцію. Это ужъ не заговорщица 28 іюня, говорившая Бецкому: «Я царствую по волѣ Божіей и по избранію народному», не петербургскій корреспондентъ Вольтера, не переводчикъ Беккарія и Филанжери, разглагольствующій въ «Наказѣ» о вредѣ цензуры и о пользѣ собранія депутатовъ со всего царства русскаго. Въ 1792 г. мы въ ней находимъ старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла... и какъ бы въ залогъ того, что дикая реакція еще надолго побьетъ всѣ ростки вольнаго развитія на Руси, передъ ея смертью родился - - - - -; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этотъ страшный тормазъ, которому было назначено скомандовать «баста» петровской эпохѣ и тридцать лѣтъ задерживать путь Россіи!

Дашкова, аристократка и поклонница англійскихъ учрежденій, не могла сочувствовать революціи; но еще менѣе могла она раздѣлять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаніямъ за мысль.

Екатерина испугана брошюркой Радищева; она видитъ въ ней «набать революціи». Радищевъ схваченъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Братъ Дашковой—Александръ Воронцовъ, любившій и покровительствовавшій Радищеву, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву.

Чередъ за Дашковой. Вдова Княжнина просила Дашкову издать въ пользу дѣтей его послѣднюю трагедію ея мужа ¹⁾ на счетъ академіи. Сюжетъ былъ взятъ изъ исторіи покоренія Новгорода. Княгиня велѣла ее напечатать. Фельдмаршалъ Салтыковъ, «котораго, говоритъ Дашкова, нельзя было обвинить, чтобъ онъ когда либо прочелъ какую нибудь книгу», прочелъ именно эту и натолковалъ Зубову о ея вредномъ направленіи, Зубовъ сказалъ императрицѣ. На другой день петербургскій полицмейстеръ пріѣхалъ въ бібліотеку академіи обирать экземпляры зажигательной трагедіи якобинца Княжнина, а вечеромъ самъ генералъ-прокуроръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой объявить о неудовольствіи императрицы за изда-

¹⁾ «Вадимъ».

ніе въ свѣтъ опасной пьесы. Дашкова холодно отвѣчала ему, что, вѣрно, никто не читаль эту трагедію и что она, безъ сомнѣнія, меньше вредна, чѣмъ французскія пьесы, которыя даютъ въ Эрми-тажѣ.

Эксъ-либеральная Екатерина встрѣтила Дашкову съ нахмуреннымъ челомъ.—«Что я такое сдѣлала, спросила она ее, что вы *печатаете противъ* меня и моей власти такія опасныя книги?»

— И ваше величество въ самомъ дѣлѣ это думаетъ?—спросила Дашкова.

— Трагедію эту слѣдовало бы сжечь рукою палача.

— Сожгутъ ли ее рукой палача или нѣтъ, это не касается до меня. Мнѣ отъ этого не придется краснѣть. Но ради Бога, государыня, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на дѣйствіе, столь противоположное вашему характеру, прочтите всю пьесу.

На этомъ разговоръ и окончился. На другой день Дашкова явилась на большой выходъ и рѣшилась, если императрица не позоветъ ее, какъ это всегда бывало, въ свою уборную, подать въ отставку. Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Самойловъ. Онъ съ видомъ покровительства подошелъ къ Дашковой и сказалъ ей, чтобъ она была покойна, что императрица не гнѣвается на нее.

Дашкова и этого не могла вынести и отвѣчала ему по своему обыкновенію громкимъ голосомъ: «Я не имѣю причины безпокоиться, у меня совѣсть чиста. Мнѣ было бы очень прискорбно, еслибъ императрица сохранила несправедливое чувство ко мнѣ; но я не удивилась бы и тогда,—въ мои лѣта несправедливости и несчастія давно перестали удивлять меня».

Императрица помирилась съ ней и хотѣла ей еще разъ объяснить, почему она такъ поступила. Дашкова вмѣсто отвѣта отвѣчала ей: «Между нами, государыня, пробѣжала сѣрая кошка, не будемте ее снова вызывать».

Но Петербургъ становится ей тяжелъ, онъ ей надоѣдаетъ, она «чувствуетъ себя совершенно одинокой въ этой средѣ, которая становится ей съ каждымъ днемъ противнѣе». Отвращеніе это было такъ велико, что Дашкова рѣшилась оставить дворъ, Петербургъ, свою публичную дѣятельность, свою академію наукъ и россійскую академію, наконецъ, свою императрицу и ѣхать хозяйничать въ деревню.

«Съ глубокой горестью думала я о томъ, что расстаюсь, можетъ, навсегда съ государыней, которую я любила страстно и любила гораздо прежде, нежели она была на тронѣ,—когда она имѣла меньше средствъ осыпать меня благодѣяніями, нежели я находила случаевъ оказывать ей услуги. Я продолжала любить ее,

несмотря на то, что она не всегда относительно меня поступала такъ, какъ бы ей подсказывало ея собственное сердце, ея собственная голова».

Только!—и ни слова досады, порицанія за совершенное отсутствіе сердца, за неблагодарность, она и тутъ даетъ почувствовать, что виновата не Екатерина, а *другіе*.

Прощаніе этихъ женщинъ было замѣчательно. Императрица сказала ей сухо и съ злымъ лицомъ: «Желаю вамъ счастливаго пути». Дашкова удивилась; не поняла ничего и вышла вонъ, поцѣловавъ ея руку. На другой день утромъ пріѣхалъ къ ней Трошинскій, секретарь императрицы, и отъ ея имени вручилъ ей незаплаченный счетъ портного, работавшаго на Щербинина. Императрица велѣла ей сказать, что она удивляется, какъ Дашкова можетъ ѣхать изъ Петербурга, не исполнивъ обѣщанія заплатить долги дочери. Зубовъ, ненавидѣвшій Дашкову и покровительствовавшій портному, довелъ эти дрязги до императрицы. Оказалось въ дополненіе, что счетъ былъ вовсе не Щербининой, а ея мужа, который жилъ съ нею врозь.

Дашкова, совершенно возмущенная этимъ униженіемъ, твердо рѣшилась на вѣки оставить Петербургъ.

Но такія натуры нѣ складываютъ рукъ въ пятьдесятъ лѣтъ съ чѣмъ нибудь и въ полномъ обладаніи силъ. Дашкова дѣлается отличной хозяйкой, строитъ дома, чертитъ планы и разбиваетъ парки. Въ ея саду не было ни одного дерева, ни одного куста, который бы она не посадила или которому бы она не отвела мѣста. Она отстроила четыре дома и съ гордостью говоритъ, что мужики ея одни изъ богатѣйшихъ въ околоткѣ.

Середь этихъ сельскихъ заботъ и построекъ, вдругъ пріѣзжаетъ серпуховскій предводитель съ разстроеннымъ лицомъ.— «Что съ вами?» спрашиваетъ Дашкова.—Развѣ вы не знаете? отвѣчаетъ предводитель. Императрица скончалась.

Дочь Дашковой бросилась къ ней, думая что ей дурно. «Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся за меня, сказала Дашкова, мнѣ ничего, да и умереть въ эту минуту было бы счастье. Судьба моя хуже, мнѣ назначено еще увидѣть всѣ благія начинанія уничтоженными и мое отечество падшимъ и несчастнымъ».

При этихъ словахъ у нея сдѣлались спазмы, и она отдалась чувству глубокаго горя.

Дашкова не замедлила испытать на себѣ державную руку - - - сына Петра III. Сначала она получила указъ о своей отставкѣ; Дашкова просила генераль-прокурора Самойлова засвидѣтельствовать ея благодарность государю за снятіе съ нея бремени, которое становится ей не подъ силу нести.

Спустя нѣсколько времени, Дашкова поѣхала въ Москву. Но къ ней тотчасъ явился московскій генераль-губернаторъ и объявилъ ей приказъ Павла немедленно ѣхать назадъ въ деревню и тамъ вспоминать 1762 г. Дашкова отвѣчала, «что она никогда не забывала этотъ годъ, но что, соображаясь съ волею государя, она будетъ размышлять о времени, которое равно не оставило ей ни угрызений совѣсти, ни раскаянія».

Братъ ея Александръ, желая успокоить ее, говорилъ ей, что Павелъ все это дѣлаетъ теперь для возстановленія памяти своего отца, что послѣ коронаціи дѣла пойдутъ лучше. Дашкова пишетъ ему, пріѣхавъ въ Троицкое: «Любезнѣйшій братъ, вы пишете мнѣ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы очень ошибаетесь въ его характерѣ. Когда - - - разъ ударилъ свою жертву, то онъ будетъ повторять удары до тѣхъ поръ, пока сокрушитъ ее окончательно. Сознаніе невинности и чувство негодованія послужатъ мнѣ вмѣсто мужества, чтобъ перенести невзгуду, до тѣхъ поръ, пока и васъ, мои родные, не захватитъ его расходившаяся злоба. Въ одномъ будьте увѣрены, что никакія обстоятельства не заставятъ меня ничего ни сдѣлать, ни сказать, что бы могло меня унизить».

«Разсматривая мою прошлую жизнь, прибавляетъ она, я не безъ внутренняго утѣшенія сознаю въ себѣ довольно твердости характера, испытаннаго многими несчастіями, чтобъ ни быть увѣренной, что снова найду силу перенести новыя бѣдствія».

Она вѣрно поняла характеръ этого добывающаго, горячечнаго, мелкаго - - - . Едва прошло нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда въ Троицкое, какъ явился изъ Москвы курьеръ отъ генераль-губернатора. Павелъ приказывалъ Дашковой немедленно ѣхать въ деревню своего сына, въ какой-то дальній уѣздъ новгородской губерніи и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній.

Дашкова отвѣчала, что она готова исполнить волю государя и что ей совершенно безразлично, гдѣ она окончитъ свои дни, но что она совсѣмъ не знаетъ ни этого имѣнья, ни дороги туда, что ей надобно выписать изъ Москвы или управляющаго ея сына, или какого нибудь крестьянина изъ той деревни, знающаго проселочныя дороги.

Собравшись и доставши проводника, Дашкова поѣхала зимой въ стужу и притомъ на долгихъ въ свою ссылку; окруженная архаровскими шпіонами, сопровождаемая добрымъ родственникомъ своимъ, Лаптевымъ, котораго она не могла уговорить, чтобъ онъ не ѣздилъ и не подвергался бы страшнымъ гоненіямъ - - - - - самовластія.

Но какъ первое условіе - - - - - состоитъ именно въ непослѣдовательности, то Дашкова тутъ ошиблась, и когда Павлу донесли о томъ, что Лаптевъ ее провожалъ, онъ сказалъ: «это не такая юбка, какъ наша молодежь, онъ умѣетъ носить штаны».

Обыкновенно подобнаго рода мимолетнымъ проблескамъ чело-вѣческаго чувства у Павла и у другихъ даютъ гораздо больше цѣны, чѣмъ они заслуживаютъ. Что сдѣлалъ бы Павелъ, еслибъ вся молодежь умѣла «носить штаны» такъ, какъ Лаптевъ,—развѣ у него мало было Архаровыхъ, Аракчеевыхъ, Обольяниновыхъ, чтобъ ихъ пытатъ, коватъ въ цѣпи и ссылатъ. (Паленъ и Бенигсенъ показали ему, впрочемъ, что «носить штаны» можно еще лучше!)

Въ этихъ оправданіяхъ жертвъ лежитъ послѣднее довершающее оскорбленіе, ими - - - - примиряются съ своей совѣстью. Потемкинъ разъ при Сегюрѣ ударилъ какого-то полковника и, спохватившись, сказалъ послу: «Какъ же съ ними иначе поступать, когда они все выносятъ».

А какъ отвѣчалъ бы Потемкинъ на его пощечину или на вызовъ?...

Дашкова поселилась въ крестьянской избѣ; для дочери заняли другую и третью для кухни. Къ прочимъ неудобствамъ этой жизни въ захолустѣ присоединилось то, что, для сокращенія дороги, зимой ссыльныхъ въ Сибирь изъ Петербурга водили мимо оконъ Дашковой. Образъ одного молодого офицера долго преслѣдовалъ ее; это былъ какой-то дальній родственникъ ея; узнавъ, что Дашкова тутъ, онъ пожелалъ ее видѣть; какъ ни опасно было такое свиданіе, но она приняла его. Судорожное подергиваніе лица и болѣзненный видъ поразили Дашкову; это было слѣдствіе пытокъ, которыми были свихнуты и расчленены его члены. Что же сдѣлалъ этотъ преступникъ? Онъ въ казармахъ что-то сказалъ о Павлѣ, и на него донесли. А, вѣдь, можетъ и онъ хорошо «носилъ штаны» до тѣхъ поръ, пока не свихнули ему рукъ!

Передъ весеннимъ разливомъ рѣкъ, которыя на долгое время отрѣзали бы Дашкову отъ всякихъ сообщеній, она написала письмо къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и вложила въ него просьбу о разрѣшеніи ей переѣхать въ Калужскую деревню. Тонъ письма ея къ Павлу не могъ ему понравиться; она говорила въ немъ, что, можетъ, столько же недостойно ей писать это письмо, сколько недостойно его читать, но что религія и чело-вѣколюбіе ставятъ ей въ обязанность сдѣлать послѣдній опытъ, чтобъ избавить всѣхъ своихъ отъ тяжелой ссылки.

Павелъ по обыкновенію - - - - - и велѣлъ отобрать у Дашковой бумагу и чернила, воспретить ей всякую переписку, усилить

надзоръ, и не знаю, что еще. «Меня, говорилъ онъ, не такъ легко свергнуть съ престола». Съ этимъ былъ отправленъ курьеръ. Но императрица и Нелидова подучили великаго князя Михаила Павловича умилосердить разъяреннаго отца и маленькій фанъ Амбургъ съ помощью жены и - - - - - успѣли. Павелъ схватилъ перо и написалъ: «Княгиня Екатерина Романовна, такъ какъ вы желаете возвратиться въ ваше калужское имѣніе, то я вамъ оное разрѣшаю; пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

Пришлось Архарову отправлять другого курьера; по счастью, второй обогналъ перваго.

Въ 1798 году Павелъ вдругъ полюбилъ князя Дашкова, осыпалъ всякими незаслуженными милостями и подарилъ ему имѣнье. Дашковъ просилъ Куракина доложить Павлу, что онъ желаетъ вмѣсто имѣнья разрѣшить его матери жить, гдѣ она хочетъ. Павелъ разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобъ она никогда не оставалась въ томъ городѣ, гдѣ онъ.

Мать была прощена. Теперь пришла очередь сына. Судили какого-то Алтести за злоупотребленія, а, главное, за его близость съ Зубовымъ. Дашковъ сказалъ Лопухину, что Алтести правъ. Вечеромъ онъ получилъ слѣдующую цидулку:

«Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ не касающіяся, то я васъ отставилъ отъ вами занимаемыхъ должностей.

Павелъ».

Дашковъ, боясь худшаго, отправился въ свое тамбовское имѣнье.

Наконецъ, 12 марта 1801 года жизнь Павла «пришла къ концу», какъ говоритъ Дашкова; она - - - - - узнала, что этотъ - - - - - человекъ пересталъ существовать. «Сколько разъ, продолжаетъ она, благодарила я небо за то, что Павелъ сослалъ меня, онъ меня спасъ этимъ отъ - - - - - обязанности являться при дворѣ такого государя».

При Александрѣ она снова свободно вздохнула... при его дворѣ ей можно было явиться, не отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, но она уже себя не чувствуетъ дома въ новой сферѣ. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина посылала ей счетъ портного. Старуха Дашкова сердится на молодое поколѣніе, окружающее Александра, и находитъ, что всѣ они или *якобинцы*, или капралы.

Одно свѣтлое явленіе останавливаетъ ее, и она съ почтительною любовью, съ благоговѣніемъ смотритъ на него и привязывается къ нему; грустное и никѣмъ не оцѣненное, это задумчивое существо печально прошло залами Зимняго дворца и исчезло, какъ

тѣнь; объ немъ забыли бы, еслибъ иной разъ мы не встрѣчали на стѣнахъ извѣстной картины 1815 года, представляющей императора Александра I съ императрицей *Елисаветой Алексѣвной* примирителями Европы.

Къ запискамъ Дашковой миссъ Вильмотъ приложила прекрасно сдѣланный портретъ Елисаветы Алексѣвны; несчастная женщина стоитъ, сложивъ руки; грустно смотритъ она съ бумаги, внутренняя печаль и какое-то недоумѣніе видны въ глазахъ, вся фигура выражаетъ одну мысль: «я здѣсь чужая»; она даже какъ-то такъ подобрала платье и складки, какъ будто сейчасъ готова уйти.

Какая странная судьба ея и Анны Павловны, жены цесаревича! ¹⁾

Послѣ коронаціи Дашкова увидѣла, что ей нѣтъ въ самомъ дѣлѣ мѣста при новомъ дворѣ, и стала собираться на покой въ Троицкое. Въ своемъ почетномъ удаленіи она снова становится властью. Къ ней ѣздятъ родные и знакомые, потухающія знаменитости и восходящія свѣтила.

Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины;
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный;
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь ²⁾.

Сама Дашкова часто наѣзжала въ Москву. Въ ней она пользовалась большимъ уваженіемъ, царила, какъ законодательница тона и вкуса; вѣчно дѣятельная и неутомимая, она являлась на балы и обѣды и притомъ всѣхъ раньше. Молодые дамы и барышни трепетали ея суда и замѣчаній, мужчины добивались чести быть ей представленными.

На другомъ краю Москвы, недалеко отъ Донского монастыря, въ дворцѣ, окруженномъ садами, доживалъ свой вѣкъ другой живой памятникъ екатерининскихъ временъ. Жилъ онъ угрюмо, сохраняя, вопреки лѣтамъ, свое атлетическое сложеніе и дикую энергію своего характера. Онъ въ 1796 г. съ нахмуреннымъ че-

¹⁾ Ошибка—Анна Федоровна, жена Константина Павловича.

²⁾ Пушкинъ, «Къ вельможѣ».

ломъ, но безъ раскаянія пронесъ по всему Петербургу корону человѣка, - - - - - сотни тысячъ человѣкъ указывали на него пальцемъ; его товарищъ, князь Барятинскій, блѣднѣлъ и былъ близокъ къ обмороку; старикъ жаловался только на подагру.

Но суровая жизнь его не должна была пройти несогрѣтою. Возлѣ него подрастала дѣвочка ¹⁾ кроткая, нѣжная, необыкновенно граціозная и исполненная талантовъ. Ею надменный старикъ сталъ жить сердцемъ; онъ сдѣлался ея няней, холилъ ее, берегъ, ухаживалъ за нею и любилъ безмѣрно, какъ только могла бы ее любить покойная мать.

Сидя на своемъ диванѣ, онъ заставлялъ свою дочь плясать по-цыгански и по-русски, съ упоеніемъ и внутренней гордостью слѣдилъ за ея движеніями, утирая иногда слезу съ глазъ, которые сухо и жестокосердно видали столько ужасовъ.

Пришло, наконецъ, время старику вывести въ свѣтъ свое сокровище; но кому поручить ее, въ чье женское покровительство отдать этотъ береженный цвѣтокъ? Есть, правда, одна женщина, которой бы онъ повѣрилъ, которая могла бы съ своимъ необыкновеннымъ тактомъ направить ея первые шаги, — это княгиня Дашкова; но они въ ссорѣ. Она не простила ему, что сорокъ два года тому назадъ онъ запятналъ ея революцію.

И вотъ надменный Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Орловъ-Чесменскій, котораго и Павелъ не сломилъ, заискиваетъ милостиваго приѣма у княгини Екатерины Романовны и, получивъ дозволеніе представить ей свою дочь, торопится съ радостью воспользоваться имъ и ѣдетъ къ ней съ своей Аннушкой.

Дашкова вышла къ нему на встрѣчу; кланяясь, цѣловалъ старикъ у нея руку; оба были взволнованы, наконецъ, Дашкова сказала ему: «Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами, графъ, и столько событій измѣнили міръ, въ которомъ мы нѣкогда жили, что мнѣ, право, кажется, что мы теперь встрѣчаемся тѣнями на томъ свѣтѣ. Присутствіе этого ангела (прибавила она, съ чувствомъ прижимая къ груди дочь своего бывшего врага), вновь соединяющаго насъ, еще больше поддерживаетъ эту мысль».

Орловъ въ восторгѣ цѣлуетъ руку у миссъ Вильмотъ, которая его боится, несмотря на то, что называетъ его «величавымъ старцемъ», и съ удивленіемъ видитъ на его груди портретъ Екатерины, покрытый одними алмазами, гайдуковъ, стоящихъ въ передней, и съ ними карлу, шутовски одѣтаго.

¹⁾ Кн. Анна Алексѣевна Орлова.

Графъ зоветъ Дашкову къ себѣ и дѣлаетъ одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ пировъ, о которыхъ мы слышали преданія въ дѣтствѣ, пировъ, напоминающихъ Версаль и Золотую Орду. Сады горятъ огнями, домъ настезь, толпы дворовыхъ въ богатыхъ маскарадныхъ костюмахъ наполняютъ залы, музыка гремитъ, столы ломаются; словомъ, пиръ горой. Ему есть кому теперь поручить свою дочь!

Въ разгарѣ пиршества отецъ ее зоветъ, дѣлается кругъ, и она пляшетъ, пляшетъ съ шалью и пляшетъ съ тамбуриномъ, пляшетъ по-русски; старикъ бьетъ тактъ и смотритъ въ глаза Дашковой; старуха довольна, толпа молчитъ, благоговѣя передъ чиномъ отца и передъ необычайной граціей дочери; «она танцевала, говоритъ миссъ Вильмотъ, съ такой простотой, съ такой природной прелестью, съ такимъ достоинствомъ и выраженіемъ, что ея движенія казались ея языкомъ».

Послѣ каждаго танца она бѣжитъ къ отцу и цѣлуетъ его руку, Дашкова ее хвалитъ, отецъ велитъ ей поцѣловать и у нея руку... но ему показалось, что она разгорячилась, и онъ старательно самъ закутываетъ ее въ шаль, чтобъ она не простудилась.

За ужиномъ, при громѣ трубъ и литавръ, графъ стоя пьетъ здоровье Дашковой; потомъ раздаются ея любимыя русскія пѣсни, смѣняемая цѣлымъ оркестромъ. А тутъ грянулъ и польскій, и Орловъ ведетъ Дашкову въ залу, гдѣ звуки роговой музыки удивляютъ нашу ирландку, никогда не слыхавшую этого приложенія крѣпостного состоянія къ искусству.

Наконецъ, Дашкова собирается, и графъ, кланяясь ей и цѣлуя руку, благодаритъ, что она посѣтила его бѣдный домишко.

Такъ-то праздновалъ чесменскій Орловъ свое замиреніе съ старушкой Дашковой, и такъ-то этотъ суровый, жестокой человѣкъ любилъ свою дочь.

Я и самъ чуть не помирился съ нимъ вмѣстѣ съ княгиней Екатериной Романовной. Дики были времена, въ которыя они жили, дики и поступки его; петровская Русь еще была въ броженіи, не будемъ же его судить строже Дашковой, и если на томъ свѣтѣ много можетъ молитва родителей, то на этомъ отпустимъ Орлову многое за любовь его къ дочери.

А и ея судьба была странна. Я ее видѣлъ раза два мальчикомъ, потомъ видѣлъ въ 1841 году въ Новгородѣ; она жила возлѣ Юрьева монастыря. Вся жизнь ея была однимъ долгимъ, печальнымъ покаяніемъ за преступленіе, не ею совершенное, одной молитвой объ отпущеніи грѣховъ отца, однимъ подвигомъ искупленія

ихъ. Она не вынесла ужаса, который въ нее вселило убійство - - - - и сломилась подъ мыслью о вѣчной карѣ отца. Весь свой умъ, всю орловскую энергію она устремила къ одной цѣли, и мало-по-малу совершенно отдалась мрачному мистицизму и изувѣрству. Призванная по рожденію, по богатству, по талантамъ на одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, она прожила свой вѣкъ со скучными монахами, со старыми архіереями, съ разными прокаженными, святошами, юродивыми. Говорятъ, что послѣ 1815 г. нѣмецкіе владѣтельные принцы искали ея руки, она всѣмъ отказывала; Александръ оказывалъ ей большое вниманіе, она удалилась отъ двора. Дворецъ ея больше и больше пустѣлъ и совсѣмъ замолкнулъ, наконецъ; не раздавался уже въ немъ ни стукъ старинныхъ чашъ, ни хоры пѣсельниковъ, и никто не заботился больше о береженныхъ скакунахъ. Однѣ черныя фигуры бородатыхъ монаховъ мрачно ходили по аллеямъ сада и смотрѣли на фонтаны, точно все еще продолжались похороны Алексѣя Григорьевича... И въ самомъ дѣлѣ, это была молитва объ успокоеніи его души.

Въ залѣ, гдѣ она кружилась и вилась цыганкой, въ отроческой чистотѣ, не понимая смысла знойныхъ движеній азіатскаго танца, гдѣ плавно и потупя взоръ она плясала съ стыдливо поднятой рукой наши томныя, женственныя пляски и гдѣ плакалъ грозный отецъ, глядя на нее, тамъ теперь сидѣлъ Фотій, ограниченный фанатикъ, говорилъ безсвязныя рѣчи и вносилъ еще больше ужаса въ разбитую душу; дочь надменнаго чесменскаго графа смиренно слушала его зловѣщую рѣчь, тщательно покрывая его ноги шалью, можетъ, той самой, въ которую ее завертывалъ отецъ!

«Анна, говорилъ Фотій, принеси мнѣ воды», и она бѣжала за водой; «теперь сядь и слушай». Она садилась и слушала. Бѣдная женщина!

Сады свои и дворецъ въ Москвѣ она подарила государю. За чѣмъ? Не знаю. Необъятныя имѣнья, заводы, все пошло на украшеніе Юрьевскаго монастыря; туда перевезла она и гробъ своего отца; тамъ въ особомъ склепѣ теплится надъ нимъ вѣчная лампада, шепчется молитва, тамъ былъ приготовленъ и ея саркофагъ, еще пустой, когда я его видѣлъ. Въ ризахъ иконъ и въ архимандритскихъ шапкахъ печально мерцаютъ въ церковномъ полусвѣтѣ орловскія богатства, превращенныя въ яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотѣла закупить судь божій.

А Екатерина обирала у монастырей имѣнья и раздавала ихъ Орловымъ и другимъ - - - - - . Немезида!

...Записки Дашковой насъ оставляютъ около этого времени. Самыя подробности о ея свиданіи съ Орловымъ мы взяли изъ писемъ двухъ сестеръ Вильмотъ.

Миссъ Мери Вильмотъ, тоскуя о потерѣ своего брата и скучая дома, приняла предложеніе княгини Дашковой погостить у нея годъ-другой. Миссъ Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница мистрисъ Гамильтонъ) съ дѣтства наслышалась объ этой необыкновенной женщинѣ, о томъ, какъ она осмнадцати лѣтъ стояла во главѣ заговора, какъ носилась на конѣ передъ возмутившимися полками, какъ потомъ жила въ Англии и гостила въ Ирландіи, была президентомъ Академіи и писала страстныя письма къ Гамильтонъ. Молодая дѣвушка представляла себѣ ее чѣмъ-то фантастическимъ, «феей и отчасти колдуньей», и именно потому рѣшилась (въ 1803 году) къ ней ѣхать.

Подъѣзжая къ Троицкому, ей, впрочемъ, сдѣлалось такъ жутко и не по себѣ, что она рада была бы воротиться, еслибъ это было возможно.

На встрѣчу ей вышла небольшого роста старушка, въ длинномъ, темномъ, суконномъ платьѣ, со звѣздой на лѣвомъ боку и съ чѣмъ-то въ родѣ колпака на головѣ. На шеѣ у нея былъ старый затасканный платокъ,—разъ въ сырую погоду вечеромъ на прогулкѣ за двадцать лѣтъ, мистрисъ Гамильтонъ повязала ей этотъ платокъ, съ тѣхъ поръ она его берегла, какъ святыню. Но если нарядъ ея дѣйствительно сбивался на колдунью, то благородныя черты лица и безконечно нѣжное выраженіе взгляда съ перваго раза очаровали ирландку. «Въ ея пріемѣ, говоритъ она, было столько истины, столько теплоты, достоинства и простоты, что я полюбила ее прежде чѣмъ она сказала что-нибудь».

Миссъ Мери, съ перваго дня, совершенно подъ ея вліяніемъ, сама удивляется этому, сердится на себя, но не можетъ противостоять влеченію къ славной старушкѣ. Ей все нравится въ ней, даже ея ломанный англійскій языкъ, придающій что-то дѣтское ея рѣчамъ. «Лѣта и жизнь, говоритъ она, успокоили и смягчили ея черты, и гордое выраженіе ихъ, еще оставившее легкіе слѣды, смѣнилось снисходительностью».

Но, вѣдь, какъ же и полюбила ее Дашкова! Она ее любитъ страстно, какъ нѣкогда Екатерину. Свѣжесть чувствъ, ихъ женская нѣжность, потребность любви и столько юности сердца въ шестьдесятъ лѣтъ изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы, вотъ что находить миссъ Мери въ Троицкомъ; чтобъ ее разсѣять, Дашкова ѣдетъ въ Москву, возить ее по баламъ, показываетъ монастыри, представляетъ императрицамъ, украшаетъ

цвѣтами ея комнату, проводить вечера съ ней, читая письма Екатерины и другихъ знаменитостей.

Миссъ Вильмотъ проситъ ее, умоляетъ писать свои записки. «И то, говоритъ Дашкова, чего я никогда не хотѣла сдѣлать ни для родныхъ ни для друзей, я дѣлаю для нея».

Она ей пишетъ и посвящаетъ свои записки.

Въ 1805 Дашкова выписала сестру миссъ Мери, миссъ Катринъ, которая была тогда во Франціи и должна была ее покинуть, преслѣдуемая въ качествѣ англичанки. Сестры нисколько не похожи другъ на друга. Мери существо нѣжное, кроткое; обрадовавшееся, что есть къ кому прислониться, согрѣться подъ чьимъ-то крыломъ; она привязывается къ Дашковой, какъ слабый плющъ къ старому, но крѣпкому дереву; она ее называетъ *my russian mother* ¹⁾, она пріѣхала къ ней изъ маленькаго городишки и ничего не видала прежде, кромѣ своего «изумруднаго острова». Ея сестра, живая и вспылчивая, независимая въ мнѣніяхъ, жившая въ Парижѣ, умная и насмѣшливая, безъ особенной любви и терпимости, развязнѣе на языкъ. Къ тому же ей положительно многое не нравится въ Россіи, и потому ея письма исполнены для насъ своего рода интереса.

«Россія, говоритъ она, похожа на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку—дикую, неловкую, на которую надѣли парижскую модную шляпку. Мы живемъ здѣсь въ XIV или XV столѣтіи» ²⁾.

Крѣпостное состояніе поражаетъ ее гораздо больше, чѣмъ добродушную ея сестру. Напрасно Дашкова показываетъ ей благосостояніе своихъ крестьянъ. «Имъ хорошо, пишетъ миссъ Катринъ, при княгинѣ, но каково будетъ послѣ?» Каждый помѣщикъ кажется ей однимъ изъ желѣзныхъ колецъ, которыми скована Россія.

Въ жалкомъ подобострастіи, въ позорномъ раболѣпіи нашего общества она очень справедливо находитъ отраженіе рабства. Она съ изумленіемъ видитъ въ залахъ и гостиныхъ опять холоповъ безъ всякаго нравственнаго чувства собственнаго достоинства. Ее удивляютъ гости, которые не смѣютъ садиться и часы цѣлые стоятъ у дверей, переступая съ ноги на ногу, которымъ киваютъ головой, чтобъ они ушли. «Понятіе добра и зла смѣшивается въ Россіи съ понятіемъ быть въ милости или въ немилости. Достоинство чело-вѣка легко опредѣляется по адресъ-календарю, и отъ государя зависитъ, чтобъ чело-вѣка безусловно принимали за змѣю или за осла».

¹⁾ Моя русская мать

²⁾ Миссъ Вильмотъ думала сказать колкость и сдѣлала комплиментъ. Жаль только, что она не знаетъ возраста дикой дѣвочки! Это не ея лѣтосчисленіе!—А. И. Г.

Московскіе тузы не запугали ее млечнымъ путемъ своихъ звѣздъ, своей тяжеловатой важностью и скучными своими обѣдами.

«Мнѣ кажется, пишетъ она послѣ праздниковъ 1806 года, что я все это время носилась между тѣнями и духами екатерининскаго дворца. Москва—императорскій политическій Элизіумъ Россіи. Всѣ особы, бывшія въ силѣ и власти при Екатеринѣ и Павлѣ и давно замѣщенные другими, удаляются въ роскошную праздность лѣниваго рода, сохраняя *мнимую* значительность, которую имъ уступаютъ изъ учтивости. Вліяніе, сила давно перешли къ другому поколѣнію, тѣмъ не менѣе оберъ-камергеръ императрицы Екатерины II князь Голицынъ все такъ же обвѣшанъ регаліями и орденами, подъ бременемъ которыхъ склоняются еще больше къ землѣ его девяносто лѣтъ отъ роду; все такъ же, какъ во дворцѣ Екатерины, привязанъ брильянтовый ключъ къ его скелету, одѣтому въ шитый кафтанъ, и все такъ же важно принимаетъ онъ знаки уваженія своихъ товарищей-тѣней, раздѣлявшихъ съ нимъ во время оно власть и почести.

«Рядомъ съ нимъ другой пестрый оборотень (*gaudy revenant*), графъ Остерманъ, нѣкогда великій канцлеръ; на немъ висятъ ленты всевозможныхъ цвѣтовъ: красныя, голубыя, полосатыя; восемьдесятъ три года скопились на его головѣ, а онъ все еще возитъ цугомъ свой стучащей кость объ кость остовъ, обѣдаетъ съ гайдуками за своимъ столомъ и наблюдаетъ торжественный этикетъ, которымъ былъ окруженъ, занимая свое мѣсто».

Въ числѣ тѣней видала она и графа А. Орлова. «Рука, задумавшая - - - , осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выдается портретъ императрицы, Екатерина улыбается съ него въ своей вѣчной благодарности».

Миссъ Вильмотъ называетъ еще Корсакова, котораго можно принять за «мерцающее привидѣніе изъ брильянтовъ», князя Бяратинскаго и еще кой-кого изъ этихъ людей другого, прошедшаго міра, «откуда они захватили придворную болтовню о важныхъ ничтожностяхъ, надменность, тщеславіе, пустую суету, въ которой находятъ свое счастье и свое горе».

И она съ негодованіемъ заключаетъ: «А, вѣдь, раскрытый гробъ стоитъ у ихъ подгибающихся ногъ, грозя предать скорому забвенію ихъ мишурныя существованія».

«Всѣ эти важные старцы окружены женами, дочерьми, внучками, разряженными въ пухъ и сидящими въ раззолоченныхъ комнатахъ, патріархально заставляя плясать передъ собой своихъ горничныхъ и безпрестанно потчуютъ вареньемъ. Въ наружности ихъ есть что-то французское, къ тому же, воспитанныя французженками,

онѣ хорошо говорятъ на этомъ языкѣ и одѣваются по послѣднимъ парижскимъ модамъ. Но въ сущности дамы эти очень мало любезны; ихъ образованіе совершенно внѣшнее, и милой легкости французскаго общества здѣсь вовсе нѣтъ. Когда московская дама оглядитъ васъ съ ногъ до головы, поцѣлуетъ васъ разъ пять-шесть, когда и двухъ разъ было бы, кажется, заглаза довольно, увѣритъ васъ въ своей вѣчной дружбѣ, скажетъ въ лицо, что вы прелестны и милы, разспроситъ о цѣнѣ каждой вещи вашего наряда и поболтаетъ о предстоящемъ балѣ въ залѣ дворянскаго собранія, ей нечего больше сказать».

Обѣихъ сестеръ поражаетъ изъ рукъ вонъ пошлый обычай являться въ чужихъ брильянтахъ на балы. Притомъ всѣ знаютъ, чьи они; такъ, какая-то княгиня Голицына давала своимъ пріятельницамъ брильянтовый поясъ и головной уборъ, необыкновенной цѣны и знакомый всему городу. Разъ она украсила ими племянницу Дашковой; молодая барышня совсѣмъ забыла, что и княгиня пріѣдетъ: неумолимая и строгая, она ненавидѣла, само собой разумѣется, эти выставки чужихъ богатствъ. Барышня такъ перепугалась, увидя Дашкову, что весь вечеръ пряталась. Но пришло роковое время ужина, озябнувшая миссъ Мери надѣла шаль; эта мысль показала ей спасительной, и она взяла свою, чтобъ прикрыть рѣки алмазовъ отъ Дашковой. Усѣлись, Дашкова противъ, суповая чаша немножко спасала, но головной уборъ горитъ, какъ жаръ. Дашкова посмотрѣла. У бѣдной дѣвушки вышли пятна на лицо и навернулись слезы... Дашкова не сказала ни слова.

Миссъ Вильмотъ, во многомъ не согласная въ оцѣнкѣ людей и фактовъ, тотчасъ соединяются, какъ только рѣчь идетъ о Дашковой. Ёдкое перо миссъ Катринъ теряетъ весь свой ядъ, говоря о княгинѣ. Въ началѣ статьи мы помѣтили ея характеристику Дашковой. Она въ ней оцѣнила всего меньше сторону женскую, нѣжную, для которой любовь была потребность. Эту сторону ея сердца гораздо лучше поняла миссъ Мери, а, все-таки, покинула ее.

Въ 1807 году уѣхала миссъ Катринъ, Мери хотѣла ѣхать спустя нѣкоторое время. Ее остановило страшное событіе, поразившее Дашкову.

Дашкова, безмѣрно любя своего сына, никогда собственно не прощала его брака, никогда не хотѣла принять его жены; съ сыномъ, впрочемъ, она была въ перепискѣ, но не видалась съ нимъ. Сколько ни просили ее, и особенно миссъ Вильмотъ, которой вліяніе было такъ безгранично,—обиженное сердце матери, которое не умѣли смягчить тотчасъ послѣ брака, не могло переломить себя и вполнѣ примириться. Въ 1807 году, лишь только Дашкова прі-

ѣхала въ Москву, ея сынъ занемогъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Ударъ этотъ былъ страшенъ для старушки, онъ сократилъ ея жизнь; позднее раскаяніе налегло на нее всей неотвратимой тяжестью. Она послала за невѣсткой. И эти женщины, надѣлавшія другъ другу столько вреда, никогда не выдавшись, и ненавидѣвшія другъ друга откровенно и бессмысленно, рыдая бросились въ объятія другъ друга, возлѣ гроба человѣка, котораго онѣ такъ любили, и помирились навѣки.

Существованіе Дашковой было сломано. Одно утѣшеніе оставалось у нея, это ея дитя, ея подруга, ея ирландская дочь, но она собиралась домой.

Зачѣмъ ѣхала она, этого я не понимаю. Трудно удержаться отъ чувства досады, видя, какъ не нужно миссъ Вильмотъ покидаетъ Дашкову для своихъ ирландскихъ родныхъ, которыхъ роль въ ея жизни чрезвычайно ограничена и съ которыми ей должно было быть очень скучно.

Дашкова, испуганная своимъ одиночествомъ, хочетъ ѣхать съ ней въ Ирландію, окончить существованіе, «которое не имѣетъ больше потомства и должно изсякнуть». Миссъ Вильмотъ уговариваетъ ее не ѣздить; общается ей пріѣхать опять; старухѣ тяжело. Миссъ Мери, щадя ее, уѣзжаетъ тайкомъ, но задержанная въ Петербургѣ отъѣздомъ корабля и невѣроятно глупыми мѣрами полиціи, принятыми противъ англичанъ, по поводу тогда объявленной войны, она рѣшается снова ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву; образъ старушки со слезами на глазахъ раздираетъ ей сердце, она пишетъ ей о своемъ намѣреніи.

Радости, благодарности Дашковой нѣтъ мѣры... но какъ же торжествовать ей эту новость? Она посылаетъ въ тюрьму выпустить пять человѣкъ, сидящихъ за долги, и поручаетъ имъ отслужить молебенъ.

Но горестъ разлуки была только отдалена; упорная миссъ Мери поставила на своемъ и, все-таки, уѣхала. Удрученная горемъ Дашкова, простившись съ своимъ другомъ, легла въ постель. Ночью миссъ Вильмотъ еще разъ тихо вошла въ ея спальню. Княгиня, проплакавшая цѣлый день, заснула, «выраженіе ея лица было дѣтски покойно; я тихо поцѣловала ее и удалилась». Онѣ не видались больше.

Полная пустота, въ которой изрѣдка мелькали эти скучныя «тѣни», покрытыя звѣздами и пудрой, все больше и больше дряхлѣвшія, окружила послѣдніе дни нашей княгини. Ея мысли обращены къ молодой дѣвушкѣ съ грустью и мечтательной нѣжностью,

отъ которой становится больно и тяжело; какъ-то ясно чувствуется, что этой грусти не будетъ больше утѣшенія.

«Что я скажу вамъ, my beloved child ¹⁾», пишетъ она 25 октября 1809 года, что бы не огорчило васъ. Я печальна, очень печальна, слезы текутъ изъ глазъ моихъ, и я никакъ не могу привыкнуть къ нашей разлукѣ. Я построила нѣсколько мостовъ, насажала нѣсколько сотъ деревьевъ, говорятъ, что удачно; меня все это разсѣвааетъ на минуту, но горестъ моя снова возвращается.

Октября 29 она пишетъ: «И какъ все перемѣнилось послѣ васъ въ Троицкомъ. Театръ закрытъ, не было ни одного представленія, фортепяны молчатъ, и даже горничныя не поютъ. Но зачѣмъ я говорю это вамъ, вы окружены родными, счастливы, довольны...».

Она пишетъ ей еще нѣсколько строкъ 6 ноября и оканчиваетъ свое письмо англійскимъ: God bless you! ²⁾

Знала ли Мери, что благословіе это было сдѣлано умирающей рукой? Меньше, нежели черезъ два мѣсяца, а именно, 4 января 1810, *не стало* княгини Екатерины Романовны.

Пять лѣтъ до своей смерти, 27 октября 1805 г., она такъ заключила свои записки: «Съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями мнѣ пришлось вынести много бѣдствій; я сломилась бы подъ ними, еслибъ моя совѣсть не была чиста... Теперь я гляжу безъ страха и безпокойства на приближающееся разрушеніе мое».

Какая женщина! Какое сильное и богатое существованіе!¹

❖ 1. Мемуары Дашковой написаны по-французски и съ подлинной рукописи напечатаны въ XXI т. «Архива князя Воронцова», Спб. 1879 г. До этого они были извѣстны по англійскому изданію въ Лондонѣ, 1840 г., которое Герценъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ. Затѣмъ въ 1857 г. вышло изданіе по-нѣмецки, въ переводѣ Мейзенбургъ, съ предисловіемъ Герцена, въ 1858 г. — по-англійски, въ 1859 г. — по-русски, съ предисловіемъ Герцена; позднѣйшій переводъ въ Россіи появился въ «Рус. Старинѣ» 1874 года.

Когда Герценъ писалъ свою статью, для русскаго читателя все сообщаемое имъ было ново; теперь историки Соловьевъ, Бильбасовъ, Брикнеръ и др. такъ широко освѣтили всю эпоху дѣятельности Дашковой, а историческіе журналы («Рус. Старина», «Рус. Архивъ» и др.) опубликовали такъ много фактовъ, что все сказанное Герценомъ уже не ново, а многое и опровергнуто послѣдующей литературой.

¹⁾ Мое возлюбленное дитя.

²⁾ Да благословитъ васъ Богъ!

922. Еще вариация на старую тему.

(Письмо къ¹⁾)

Нѣтъ, любезный другъ, я не сдержу обѣщанія, даннаго тебѣ, и не стану писать статьи въ объясненіе того, что я говорилъ о Западѣ и что говорилъ о Россіи.

Послѣ твоего отъѣзда, подѣ влияніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ тобою, и замѣчаній нашихъ общихъ друзей, я пересмотрѣлъ часть писаннаго мною и нашель, что мнѣ прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумѣлъ и какъ выразумѣлъ, я все сказалъ. Если я не сумѣлъ въ цѣлыхъ книгахъ, въ рядѣ статей, въ рядѣ писемъ уяснить моего воззрѣнія, какъ же мнѣ это можетъ удасться на нѣсколькихъ страницахъ? Положимъ, что мой взглядъ и былъ въ самомъ дѣлѣ только болѣзненный, страстный, личный, когда я восемь лѣтъ тому назадъ писалъ «Съ того берега», но время такъ грозно подтвердило его, что онъ сталъ еще незыблемѣе въ моемъ умѣ и, не измѣнясь ни въ чемъ существенномъ, только остылъ. Повторять холодно сказанное тогда съ увлеченіемъ я отказываюсь и пишу теперь больше для того, чтобъ показать, какъ я внимательно слушалъ тебя и искренно принялъ къ сердцу замѣчанія нашихъ друзей.

Главные упреки сводятся на два: *во-первыхъ*, что мое воззрѣніе на Западъ потрясаетъ вѣрованія, необходимыя еще у насъ; *во-вторыхъ*, что мое воззрѣніе на Россію сближаетъ меня съ славянофилами.

Упреки эти сами собою свидѣтельствуютъ, что усобица ваша съ московскими старовѣрами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замѣчаете, какъ скучны ваши споры и какъ они надоѣли. Борьба ваша съ славянофилами потеряла интересъ, особенно послѣ смерти Николая. Пора бы подвести всѣ эти дразги подѣ манифестъ 26 августа 1856 года²⁾ и предать ихъ забвенію съ прочими прегрѣшеніями николаевского времени.

Новая жизнь явнымъ образомъ закипаетъ у насъ; само правительство увлечено ею. Вопросы одинъ другого важнѣе, одинъ другого неотлагаемѣе возникаютъ со всѣхъ сторонъ; прибитыя къ землѣ надежды оживаютъ, хочется знать, что думаютъ у насъ объ

¹⁾ И. С. Тургеневу.

²⁾ Т. е. подѣ амнистію, сдать въ архивъ.

освобожденіи крестьянъ, объ уничтоженіи духовныхъ и тѣлесныхъ побоевъ—цензуры и палки, объ обузданіи чиновничьяго грабежа, полицейскаго самоуправства, и вмѣсто того читаешь схоластическія пренія о мѣстничествѣ народовъ и національности истины.

Я никогда не отрицалъ, что у славянъ есть вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, есть «чаяніе будущаю вѣка», но, по несчастію, долженъ повторить, что «чутье ихъ проникательнѣе разумнѣя» ¹⁾ и не только разумнѣя, но и совѣсти. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ читалъ нѣкоторыя статьи славянскихъ обозрѣній: отъ нихъ вѣетъ застѣнкомъ, рваными ноздрями, эпитимьей, покаяньемъ, Соловецкимъ монастыремъ. Попадись этимъ господамъ въ руки власть, они заткнутъ за поясъ III Отдѣленіе. И будто я сблизился съ этими дикими по сочувствію, по выбору, по языку? Отчего же не такъ-то давно одинъ изъ нихъ ²⁾ пустилъ въ меня, подъ охраной - - - - - полиціи, комомъ отечественной грязи съ такимъ *народнымъ* запахомъ передней, съ такой постной отрыжкой *православной* семинаріи и съ такимъ нахальствомъ холопа, защищеннаго отъ палки недосыгаемостью запятокъ, что я на нѣсколько минутъ живо перенесся на Плющиху и на Козье Болото?

Но ваша полемика противъ нихъ никуда не годится, оставьте вы ихъ въ покоѣ или бейте ихъ на ихъ собственной почвѣ. Они не знаютъ *настоящей* Россіи; это—оборотни и мертвецы, съ ихъ поля не отзывается ни одинъ «живъ человѣкъ», они свихнули свое пониманье лицемѣрнымъ православіемъ и поддѣльной народностью.

Мудрено теперь сбить ихъ примѣромъ Запада (и тутъ я отвѣчаю на другой упрекъ), когда достаточно одного номера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которой ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и проповѣдывать поклоненіе *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить въ ея современной жизни, но и ей самой,—столько же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ.

Вы любите европейскія идеи,—люблю и я ихъ: это—идеи всей исторіи, это—надгробный памятникъ, на которомъ написано завѣ-

¹⁾ «Полярная Звѣзда» на 1855 г. (2 изданіе), стр. 166.—А. И. Г. °)

²⁾ Т. Филипповъ въ «Рус. Бесѣдѣ», см. № 872.

щаніе не только вчерашняго дня, но Египта и Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ. Безъ нихъ мы впали бы въ азіатскій квіетизмъ, въ африканскую тупость. Россія *съ ними и только съ ними* можетъ быть введена во владѣніе той большой доли наслѣдства, которая ей достается. Въ этомъ мы совершенно согласны. Но вамъ не хочется 'знать, что теперешняя жизнь въ Европѣ не сообразна ея идеямъ. Вамъ становится страшно за нихъ; идеи, не находящія себѣ осуществленія дома, кажутся вамъ нигдѣ неосуществляемыми. Историческая эмбриологія врядъ оправдаетъ ли такое заключеніе. Изъ неприлагаемости новыхъ общественныхъ идей къ современной жизни европейскихъ народовъ (если-бъ это и было окончательно доказано) нельзя судить о ихъ неосуществляемости вообще, о ихъ неприложимости вездѣ. Развѣ одна сторона европейскаго идеала, именно англо-саксонская, не нашла себѣ полного выраженія по ту сторону Атлантическаго океана?

Пути развитія очень туги и очень непросты въ природѣ, въ исторіи; они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ готовымъ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполне (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими, намъ неизвѣстными. Онѣ не были пожертвованы, потому что онѣ жили для себя, но, отживши, передали наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтиозавры—слонамъ и крокодиламъ, Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку, стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, одностороннія фазы ихъ со всею страстностью и увлеченіемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полнаго* идеала своего.

Вырвутъ ли забитыя массы изъ рукъ монополистовъ силы, развитыя наукой, всю эту совокупность техническихъ улучшеній быта человѣческаго и сдѣлаютъ ли изъ нихъ общее достояніе, или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невѣжество, подавятъ массы? Въ обоихъ случаяхъ *идеи ваши спасены*, а въ этомъ для васъ сущность дѣла. Наука, независимая отъ государственныхъ устройствъ, отъ *народности*, остается великимъ результатомъ европейской жизни, готовымъ измѣнить тяжелый историческій бытъ людей вездѣ, гдѣ встрѣтитъ способную почву, пониманье и вмѣстѣ съ пониманьемъ волю.

Вопросъ о будущности Европы я не считаю окончательно рѣшеннымъ; но добросовѣстно, съ покорностью передъ истиной и скорѣе съ предразсудками въ пользу Запада, чѣмъ противъ него, изучая его десятый годъ не въ теоріяхъ и книгахъ, а въ клубахъ и на площади, въ средоточіи всей политической и соціальной жизни его, я долженъ сказать, что ни близкаго, ни хорошаго выхода не вижу. Стоитъ взглянуть, съ одной стороны, на сорвавшееся съ дороги, болѣзненное одностороннее развитіе промышленности, на сосредоточеніе всѣхъ богатствъ, нравственныхъ и вещественныхъ, въ рукахъ средняго состоянія, на то, что оно захватило въ руки церковь и правительство, машины и школы; что ему повинуются войска, что въ его пользу судятъ судьи; и, съ другой стороны, глядя на неразвитость массъ, на незрѣлость и шаткость революціонной партіи, я не предвижу безъ страшнѣйшей кровавой борьбы близкаго паденія мѣщанства и обновленія стараго государственнаго строя.

Теперь нечего и думать о прошлыхъ обыденныхъ революціяхъ, которыя дѣлались полушутя, съ беранжеровской пѣснью и сигарой во рту; теперь нѣтъ ни Карла X, готоваго бѣжать передъ опасностью, ни Людовика-Филиппа, который не хотѣлъ бомбардировать Парижа; теперь нѣтъ ни - - - - австрійскаго императора, который по первому ружейному выстрѣлу даетъ конституцію; прусскій король хоть и тотъ же, но ужъ не сниметъ съ своей - - - - головы фуражку передъ убитыми революціонерами; самъ Пій IX поумнѣлъ. Іюньскіе дни 1848 года и Кавеньякъ показали міру, что за Варооломеевскую ночь, что за сентябрьскіе дни ожидаютъ будущую борьбу.

Выйдетъ ли Европа поюнѣлой изъ этого испытанія, или погибнетъ, какъ Сенека, въ своей собственной крови, не знаю; но мнѣ сдается, что мы съ тобой не дождемся рѣшенія. У тебя всѣ волосы сѣдые, а мнѣ сорокъ четыре года отроду.

Не естественно ли въ этомъ положеніи современному чело-вѣку порасширить свой взглядъ, осмотрѣться вокругъ, изучить какъ другія страны, не вовлеченныя въ смертный бой Европы, относятся къ будущему, чего отъ нихъ можно ждать, куда онѣ тянутъ и нѣтъ ли тамъ глухой, приготовительной работы.

Но внѣ Европы есть только два дѣятельные края—*Америка* и *Россія*, развѣ, еще начинающаяся *Австралія*. Остальное, все покоится непробуднымъ сномъ или бьется въ судорогахъ, которыхъ мы не понимаемъ и которыя чужды намъ, какъ китайское возстаніе со всѣми своими горами труповъ и отвратительнымъ мясничествомъ.

Америка—Европа колонизированная, то же племя и преимущественно англо-саксонское, но при другихъ условіяхъ. Волна за волной несеть къ ея берегамъ наплывъ за наплывомъ,—и они не остаются на мѣстѣ, но идутъ далѣе и далѣе. Такъ, какъ кромвелевская Англія переплыла океанъ и разсѣялась по сѣвернымъ долинамъ и лѣсамъ, такъ и теперь толпы европейскихъ выходцевъ плывутъ туда отъ голода, отъ духоты, отъ преслѣдованія, «отъ будущаго», предчувствуя дома бѣды. Это продолженіе вѣкового движенія на Западъ. Три милліона ирландцевъ выселились со времени Р. Пиля; нѣмецкіе государи, торговавшіе въ XVIII столѣтіи стадами своихъ подданныхъ для веденія войны противъ независимости для населенія Пенсильваніи и пр., задумываются, видя, какъ народонаселеніе утекаетъ. Движеніе продолжается въ самой Америкѣ, новые пришельцы просачиваются сквозь осѣвшее народонаселеніе, иногда увлекаютъ его,—и все стремится, толкаясь и торопясь, на югъ: сегодня разрабатываютъ землю, завтра идутъ дальше, напирая къ экватору, гдѣ будетъ новая встрѣча и новое сочетаніе англо-саксонскаго элемента съ испано-романскимъ.

Мы видимъ, что все это—еще расчистка мѣста, вѣхи, поставленныя для означенія арены, и никакая сила не удержитъ сѣвероамериканцевъ съ ихъ избыткомъ силъ, пластицизма, неутомимости, отъ присоединенія центральной Америки и Кубы. Въ то время, какъ въ Европѣ разваливается Венеція, нищаетъ Римъ, вянутъ небольшіе города Италіи и Испаніи за недостаткомъ капиталовъ и рукъ, за лѣнью и недостаткомъ дѣятельности, гдѣ-нибудь въ Калифорніи, въ Гондурасѣ и Никарагуа въ нѣсколько лѣтъ пустыни превращаются въ поля, починки—въ города, степи исчерчиваются желѣзными дорогами, капиталы избыточествуютъ, и неугомонная сила республики хватаетъ все далѣе и далѣе.

Что растеть, то юно.

Силень былъ и ростъ Россіи, и едва ли онъ совсѣмъ окончился, едва ли она дошла до естественныхъ предѣловъ; это видно, сверхъ географической фізіологіи, изъ непрерывной заносчивости правительства, изъ постоянного стремленія захватить какой-нибудь клочекъ земли. Но Россія расширяется по другому закону, чѣмъ Америка; оттого, что она не колонія, не наплывъ, не нашествіе, а самобытный міръ, идущій во всѣ стороны, но крѣпко сидящій на своей собственной землѣ. Соединенные Штаты, какъ лавина, оторвавшаяся отъ своей горы, прутъ передъ собою все; каждый шагъ, пріобрѣтенный ими,—шагъ, потерянный индѣйцами. Россія поематъ кругомъ, какъ вода, обходитъ племена со всѣхъ сторонъ, потомъ накрываетъ ихъ однообразнымъ льдомъ самодержавія и подъ нимъ

дѣлаеть изъ калмыковъ солдатъ, изъ поклонниковъ Далай-Ламы защитниковъ православія, изъ нѣмцевъ *отчаянныхъ* русскихъ патриотовъ.

И тотъ же юный пластицизмъ. Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринослава, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство. Новороссійскій край—лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешнія поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развѣваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи? Мы чрезвычайно мало обращаемъ на это вниманія.

Читая лѣтопись семейства Багровыхъ ¹⁾, я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ Уфимскую провинцію съ «сетлерами», переселяющимися изъ Нью-Йорка куда-нибудь въ Висконсинъ или въ Иллинуа. Совершенно новая расчистка нежилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь. Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю, и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А, вѣдь, это всего вѣкъ тому назадъ; то же было въ саратовскомъ краю и въ пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ, чтобъ они не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки); земля для нихъ все еще казалась общимъ достояніемъ, той *res nullius* ²⁾, на которую каждый имѣетъ право.

Америка, какъ переселеніе, не представляетъ новыхъ элементовъ, это — дальнѣйшее развитіе протестантской Европы, освобожденной отъ историческаго быта и приведенной въ иныя условія жизни. Величайшая идея, развитая Сѣверными Штатами, — чисто англо-саксонская, идея самоуправленія, т. е. сильнаго народа съ слабымъ правительствомъ, самодержавія каждаго клочка земли, безъ централизаціи, безъ бюрократіи, съ внутреннимъ, нравственнымъ единствомъ. Какъ Америка будетъ относиться къ социальнымъ стремленіямъ, трудно сказать; духъ товарищества, ассоціаціи, предпріятій сообща чрезвычайно въ ней развитъ, но ни общаго владѣнія, ни нашей артели, ни сельской общины нѣтъ; личность соединяется съ другими только на извѣстное дѣло, внѣ котораго ревниво отстаиваетъ полнѣйшую независимость.

¹⁾ «Семейная хроника» С. Т. Аксакова. — А. И. Г.

²⁾ Вещь, никому не принадлежащая.

Россія, напротивъ, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* фізіологическимъ характеромъ, не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. «Какое счастье,—сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ,— что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ», а мы прибавимъ: ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложеніе не захватываютъ всѣхъ проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ; остальные учрежденія введены насиліемъ и держатся насиліемъ. У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка, какъ параличемъ, отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община, съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху.

Если это сколько-нибудь такъ, то ненадобно быть русскимъ для того, чтобъ именно въ эти черные дни Европы обратить на Россію особенное вниманіе. Оно, впрочемъ, такъ и дѣлается, Россія занимаетъ и тревожитъ многіе сильные умы. Мнѣ самому случилось говорить объ Россіи съ серьезными людьми, какъ Прудонъ и Маццини, и какъ Т. Карлейль, который у васъ такъ въ модѣ, какъ Мишле, который прежде совершенно по-французски понималъ ее, т. е. вовсе не понимая, бранилъ сплеча. И я увѣряю, что тотъ жалкій, чистый *нѣмецкій* взглядъ ненависти и страха, совершенно, впрочемъ, заслуженный тридцатилѣтнимъ - - - - - - - - - - , замѣняется раздумьемъ и желаніемъ поближе узнать это новое явленіе, котораго *силу и права на будущее* отрицать нельзя, да они и не хотятъ.

Дѣйствительно, на Западѣ не могли понимать Россіи, пока Западъ вѣрилъ въ себя и шелъ впередъ; но онъ убѣдился въ невозможности итти путемъ прежнихъ революцій, потерявъ разомъ всѣ плоды ихъ, кромѣ патологическаго урока. «Равенство рабства» позволило ближе всмотрѣться другъ въ друга, и именно потому Англія всего менѣе понимаетъ Россію; она равно не участвовала ни въ континентальныхъ революціяхъ, ни въ общемъ паденіи. Она свободная по-своему, съ отчужденіемъ смотритъ на страну неволи и самовластья. Но другіе народы въ своихъ колодкахъ догадываются, что если временная необходимость втѣснила вчера въ мир-

ный бытъ земледѣльческаго народа казарменную дисциплину и сдѣлала изъ всей Россіи военныя поселенія, то можетъ завтра другая необходимость все это уничтожить, такъ, какъ Александръ II уничтожилъ аракеевскія поселенія; эпоха военнаго деспотизма пройдетъ, оставивъ по себѣ неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленные въ тяжкой и суровой школѣ.

Порогъ, за который Европа зацѣпилась, для насъ почти не существуетъ. Въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужого мы имѣемъ шагъ передъ народами, вполне сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами; рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи, сквозь строй шель онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее — дѣло праздное; живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобъ равно воспользоваться силами, хорошо ли онѣ пріобрѣтены или дурно, кровью ли достались или мирнымъ путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

Читалъ я ваши споры объ общинѣ; они очень любопытны, но меньше, чѣмъ кажется, идутъ къ дѣлу. Родовое ли начало сельской общины или государственное, была ли земля общинная, помѣщичья или великокняжеская, скрѣпило ли крѣпостное право общину или нѣтъ,—все это необходимо привести въ ясность; но для насъ всего важнѣе *настоящее* положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя, какъ онъ есть. Государство и крѣпостное право по-своему сохранили родовую общину; постоянное, *зимующее* начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось: общинное владѣніе землею, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ возрасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ.

Вотъ почему, любезный другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквиѣма, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной Востокъ, внутри радуясь, что я русскій.

Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь, необыкновенно

важна; вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ огромнымъ *экономическимъ* переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. И это не все: вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими социальными-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы, — не есть ли это торжественное вступленіе въ будущей возрастъ нашъ? Вся новая программа нашей исторической дѣятельности такъ проста, что тутъ ненадобно генія, а просто-глаза, чтобы знать, что дѣлать. Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаетъ ему видѣть дорогу, и оно пропускаетъ удивительное время. Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы; какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла, и сжатое сердце стукнуло вольнѣе.

Мало чувствъ больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, *что можно теперь, сейчасъ* ринуться впередъ, что все подъ руками и что недостаетъ одного пониманія и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ даромъ топливо, даромъ теряется сила, и все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключъ, не боясь взрыва.

Пусть же знаютъ наши кондуктора, что народы прощаютъ многое, — варварство Петра и - - - - - Екатерины, прощаютъ насиліе и злодѣйства, если они только чувуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманіе, но блѣдную шаткость, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть, ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй.

Мое страстное нетерпѣніе въ этомъ случаѣ нисколько не противорѣчитъ моей самоотверженной покорности трагическимъ судьбамъ Европы. Тутъ я вижу близкую возможность, я ее осязаю, я дотрогиваюсь до нея; на Западѣ ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ на сію минуту. Если-бъ я не былъ русскій, я давнымъ давно уѣхалъ бы въ Америку.

Ты знаешь, что я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое «совершенствованіе человечества». Природа и исторія плетутся себѣ съ дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда, гдѣ ворота отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой* не-

обходимости; что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ,—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умою, что исторія толкается именно въ наши ворота; если мы безсильны ихъ отворить, а сильныя не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ, и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по своей святой землѣ, подъ которой лежатъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько крови. Можетъ быть!

...Но неужели въ самомъ дѣлѣ, выступивъ одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнемъ въ болотѣ, давъ міру зрѣлище огромныхъ силъ и совершенной неспособности ихъ употреблять? Что-то перечить сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнѣнія, тяжела эта потеря времени, силы!... Когда же падетъ завѣса *св ихъ глазъ*? И чего они боятся итти по такому громкому зову будущаго? «Новая эпоха наступаетъ для Россіи», говорили мы, услышавъ о смерти Николая, говорятъ теперь всѣ русскіе журналы, говорить иными словами самъ государь. Ну, такъ пусть же она будетъ *новая*.

Во всемъ, что дѣлается, видно нашу несчастную страсть къ предисловіямъ и введеніямъ, на которыхъ мы любимъ съ самодовольствомъ останавливаться. Какъ будто достаточно рѣшиться что-нибудь сдѣлать, чтобъ дѣло и было сдѣлано. Мало традицій имѣетъ петербургское - - - - - , но и онѣ, какъ ядро, на ногахъ Александра II. Какъ медленно и не прямо идетъ онъ по тому пути реформъ, о которыхъ самъ столько натолковалъ! - - - - - ! Этимъ шагомъ мы въ двѣсти лѣтъ врядъ догонимъ ли современную Пруссію. А все николаевское преданіе, николаевская политика и, что, можетъ, хуже всего, — николаевскіе люди.

Пора перестать тупо бояться человѣческаго языка, бѣлаго дня изъ трусости передъ какой-то призрачной революціей, на которую нѣтъ готовыхъ элементовъ. Пора отказаться отъ нелѣпаго вмѣшательства во всѣ европейскія дразги, поддерживая всякій разъ сторону тиранства, грубой силы, вопіющей неправды. Чортъ съ нимъ со всѣмъ съ этимъ дипломатическимъ вліяніемъ, за которое всѣ народы насъ ненавидятъ. Это не русская политика, а - - - - - , голштинская. - - - - - сдѣлалъ изъ сентиментальнаго священнаго союза полицейскую стачку. Зачѣмъ же Александръ продолжаетъ ту же роль? Зачѣмъ онъ поддерживаетъ коронованнаго

разбойника въ Неаполѣ? Зачѣмъ онъ посылаетъ дерзкія ноты въ Бернъ, заступаясь за гогенцоллернскаго - - - - ? Русское императорство совсѣмъ не связано съ судьбою ветхихъ европейскихъ троновъ, зачѣмъ же онъ хочетъ дѣлать безъ нужды всѣ ихъ гнусности и справедливо обрушивать на себя всѣ ненависти, заслуженныя тѣми?

Петръ I выходилъ на сцену не такъ, не начальникомъ дикихъ ордъ, готовыхъ броситься на каждый народъ, поддерживать всякую реакцію, душисть Венгрію, хотя бы то было въ пользу Австріи; нѣтъ, онъ являлся представителемъ какой-то новой силы; такимъ онъ втѣснялъ себя сонму пудренныхъ и изнѣженныхъ королевей, въ своемъ толстомъ преображенскомъ мундирѣ. Оттого-то онъ и могъ любить свободную Голландію больше монархической Франціи. Правда и то, что - - - - его была чиста; съ тѣхъ поръ - - - - - вызвало круговую поруку между европейскимъ абсолютизмомъ и русскимъ царизмомъ; оно - - - - - , мутитъ и тревожитъ сонъ - - - - - и невольно бросаетъ - - - - въ объятія Пруссіи и Австріи. Съ дѣлежа Польши отношеніе новой имперіи къ старой Европѣ измѣнилось. Но память о - - - - - должна вести не къ новому ряду - - - - - , не къ одному страху потерять - - - - - нажитое, а къ - - - - - . Что же сдѣлалъ Александръ II для Польши? «Le Nord» своими брабантскими кружевами по русскому рисунку не скрылъ отъ глазъ всю скудность амнистіи, всю ничтожность перемѣнъ при посѣщеніи Александра въ Варшавѣ; у насъ остался въ памяти одинъ только - - - - - , которымъ онъ окончилъ свою рѣчь: «Pas de rêveries! Pas de rêveries!» ¹⁾

Pas de rhétorique! Pas de rhétorique! ²⁾ скажемъ и мы, въ свою очередь. Ужъ у насъ-то нѣтъ мечтаній!

Задавленные властью, неправосудіемъ, взятками, безгласностью, неуваженіемъ къ лицу, мы хотимъ безбоязненно говорить, чтобъ обмѣняться другъ съ другомъ мыслями, обличить злоупотребленія, отъ которыхъ само правительство краснѣетъ и которыя оно никогда не остановитъ безъ гласности. Мы хотимъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти и всей податной Россіи отъ палокъ ³⁾, конечно, это не rêveries, это очень положительно и чрезвычайно немного.

¹⁾ Конецъ рѣчи Александра II въ Варшавѣ: «никакихъ мечтаній!»

²⁾ Безъ краснорѣчія! Безъ краснорѣчія!

³⁾ Въ то время, какъ я писалъ это письмо, мнѣ попался въ руки «Таймсъ» съ корреспонденціей изъ Россіи. Англичанинъ описываетъ свои впечатлѣнія въ Москвѣ и въ Петербургѣ; между прочимъ, онъ говоритъ, что

Да, это очень немного, но въ томъ-то и состоитъ наша юность, наша сила, что намъ такъ мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться впередъ. Мы не помощи просимъ отъ правительства, а чтобъ оно не мѣшало. Западъ, напротивъ, имѣя такъ *много*, не можетъ воспользоваться своими богатствами, они ему достались не легко, онъ скупъ на нихъ, онъ консерваторъ, какъ всякій имущій. Намъ нечего беречь. Конечно, нищета сама по себѣ еще не есть право на иную будущность и долгое рабство—на свободу, но вотъ тутъ-то, идучи изъ противоположныхъ началъ къ противоположнымъ цѣлямъ, я встрѣчаюсь не съ славянофилами, а съ нѣкоторыми изъ ихъ мыслей.

Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по озимымъ всходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни несознанное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла европейская мысль.

Вотъ отчего, любезный другъ, вы нашли созвучную струну въ моемъ направленіи и въ направленіи болѣе, нежели ложномъ, вредномъ и опасномъ, московскихъ литературныхъ старообрядцевъ, этихъ православныхъ іезуитовъ, наводящихъ уныніе на всякаго живого человѣка. И вотъ отчего, горячо принимая новую общественную религію, возникшую на дымящихся кровью поляхъ реформаціи и революціи, съ біеніемъ сердца перечитывая великія

разъ въ Петербургѣ онъ вышелъ изъ концерта на улицу; въ ряду экипажей сдѣлался какой-то безпорядокъ. «Явился высокій полицейскій солдатъ, который ударилъ сначала кулакомъ въ лицо одного кучера, потомъ другого, третьяго и т. д.» Англичанинъ съ омерзѣніемъ рассказываетъ это происшествіе, прибавляя, что если бы онъ не видѣлъ своими глазами, то никогда бы не повѣрилъ. По несчастію, я не видѣвши *повѣрилъ*. Что же тутъ особеннаго? это до того въ русскомъ порядкѣ вещей, что не только что правительству, но намъ это не удивительно. А, вѣдь, морозъ по кожѣ деретъ, когда подумаешь, что всю Россію, отъ Авачи до Кронштадта, въ деревняхъ и городахъ, на улицахъ и въ полицейскихъ домахъ, въ передней и конюшняхъ бьютъ безъ суда, бьютъ безъ отвѣтственности, бьютъ кулаками, бьютъ палками,—и нѣтъ никакихъ мѣръ остановить это безобразіе. Что за бѣда, что городской поколотилъ какихъ-нибудь извозчиковъ, когда само правительство сѣчетъ по подряду для помѣщиковъ, исполняя прежнюю роль ихъ конюховъ?

Пока будутъ такія пятна на нашемъ лицѣ и синіе рубцы на нашей спинѣ, не взойдемъ мы въ настоящее русло возможной будущности; исторія не барщина, на которую загоняють розгами крѣпостныхъ крестьянъ; рабскія руки могутъ только расчищать мѣсто, а не строить для вѣковъ. Я не думаю, чтобъ нынѣшній государь *хотѣлъ этого*; нѣтъ, но я думаю, что ни онъ, ни его приближенные вовсе не думаютъ объ этомъ; что же за польза отъ того, что онъ *не хочетъ этого*?—А. И. Г.

сказанія тѣхъ временъ, я отворачиваюсь отъ современной Европы и мало имѣю общаго съ жалкими наслѣдниками сильныхъ отцовъ.

Не станемъ спорить о путяхъ; цѣль у насъ одна, будемте же дѣлать всѣ усилія, каждый по своимъ мышцамъ, на своемъ мѣстѣ, чтобъ уничтожить всѣ заборы, мѣшающіе у насъ свободному развитію народныхъ силъ и поддерживающіе негодный порядокъ вещей, будемте равно будить сознаніе народа и самого правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо къ тебѣ словами: *На работу, на трудъ, на трудъ въ пользу русскаго народа, который доволно въ свою очередь поработалъ на насъ!*

Лондонъ, 3 февраля 1857.

923. Смерть Станислава Ворцеля.

Третьяго февраля 1857 г. въ небольшой улицѣ недалеко отъ Россель Сквера, въ бѣдной, крошечной комнатѣ нижняго этажа угасла тихо и едва замѣтно - - - и великая жизнь.

Мало политическихъ именъ всплыли послѣ бурь и потрясеній послѣдняго десятилѣтія съ такой чистотою и окруженные такимъ уваженіемъ, какъ имя Ворцеля. Польша считаетъ мученикомъ больше. Она должна съ нами подѣлиться своими Четы-Минеями, они намъ нужны для примѣра и поученія сыновей нашихъ.

Да, Ворцель былъ - - - - человекъ, я избираю именно это слово, потому что оно ближе всѣхъ выражаетъ главный характеръ его. Вся жизнь его была однимъ подвигомъ безпредѣльнаго самоотверженія, безграничной преданности. Все, что насъ поражаетъ въ жизни - - - - , мы встрѣчаемъ въ немъ, только человѣчественнѣе, т. е. съ большей любовью.

Родившись въ роскоши и блескѣ высшей польской аристократіи, онъ умеръ въ крайности и демократомъ. Выходя изъ своего отечества, когда оно сломилось - - - - - , онъ на порогѣ его стряхнулъ свои титулы и пошелъ на чужбину, оставивъ казнѣ все достояніе свое. О послѣднемъ упоминаю мимоходомъ, потому что нѣтъ въ мірѣ народа, который бы легче славянъ терялъ богатства свои; поляки, кажется, довольно это доказали. Ворцель не для того оставилъ Польшу, чтобъ искать спокойной гавани и сложить руки, какъ тѣ римляне первыхъ вѣковъ, которые, отказываясь отъ мірскихъ благъ, удалялись куда-нибудь въ оивайдскія степи, только чтобъ не видать разрушающагося міра и изъ своего

farniente дѣлали религію отчаянія. На чужбинѣ-то именно и начался его неусыпный продолжительный трудъ образованія и развитія демократической партіи польской эмигранціи.

Среди лишеній, несчастій, болѣзней, оставленный своей семьей, женой, дѣтьми, Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лѣтъ кряду до послѣдняго дня своей жизни съ той свѣтлой ясностью, съ тѣмъ кроткимъ самоотверженіемъ, которое даетъ успокоившаяся вѣра и незыблемая надежда.

Слышалъ ли кто-нибудь отъ Ворцеля какую-нибудь жалобу, лично до него касающуюся? Онъ иногда былъ печальнѣе обыкновеннаго,—вотъ и все. Былъ ли кто-нибудь свидѣтелемъ, часто видаясь съ нимъ, одной изъ тѣхъ минутъ горечи, гдѣ негодованіе заглушаетъ вѣрованія и слова холоднаго сомнѣнія срываются съ устъ, слова, которыми человѣкъ мститъ за свои страданія? Я не былъ, а зналъ его довольно коротко.

Это была одна изъ тѣхъ цѣльныхъ, я скажу, фанатическихъ натуръ, проникнутыхъ одной великой мыслью, имѣющихъ одну великую цѣль, и равно дошедшихъ до великой сердечной кротости и до совершенно непреклонной воли. Такихъ людей мы часто встрѣчаемъ, напр., во времена Возрожденія и Реформаціи. У нихъ нѣтъ возврата, нѣтъ усталости, они уже разъ съ *главнымъ* покончили, до *остального* имъ дѣла нѣтъ, они уже все отдали, все принесли на жертву, осталось итти, осталось выполнять, «ога е sempre!»¹⁾ По дорогѣ нищета, одиночество, измѣны, плачь слабыхъ, крикъ отсталыхъ, смерть близкихъ, цѣпи, висѣлица,—не сворачивать же за этимъ съ дороги? Тотъ же спокойный, строгій, постоянный шагъ.

Таковъ былъ Ворцель и таковъ ближайшій другъ его, человѣкъ, котораго онъ страстно любилъ,—Іосифъ Маццини.

Неизмѣнный стражъ Польши, онъ всегда былъ готовъ, всегда на своемъ посту. Ледрю-Ролленъ напомнилъ, въ своей рѣчи на могилѣ Ворцеля, трогательныя слова его, которыя за день или за два до своей смерти онъ, не имѣя силъ сказать, написалъ умирающей рукой: «Я выстоялъ мой чередъ, какъ слѣдуетъ человѣку, я донесъ мой крестъ, пусть другой меня смѣнитъ».

При этихъ словахъ Ледрю-Роллена мнѣ вспомнилось другое время. Нѣсколько дней послѣ февральской революціи Ламартинъ, въ родѣ тѣхъ дикихъ, которые ложатся въ постель вмѣсто родильницы, принималъ поздравленія съ рожденіемъ республики. Въ числѣ депутацій была кучка посѣдѣлыхъ бойцовъ, съ печальной отвагой на лицѣ; вожатый ихъ сказалъ Ламартину, т. е. не Ламартину, а

¹⁾ Теперь и всегда.

французской республикѣ: «На всякой переключкѣ народовъ въ родину боя, на всякій призывъ къ оружію за свободу, Польша отвѣчаетъ: *Здѣсь!* Она готова по первому зову итти на помощь народамъ утѣсненнымъ, она видитъ въ каждомъ освобожденіи—освобожденіе Польши». И въ этихъ словахъ Ворцеля (если не ошибаюсь) звучало что-то печальное, невольно сбивавшееся на упрекъ забытаго, оставленнаго союзника. Неизмѣнный стражъ, онъ и послѣ былъ налицо, но заснувшіе народы не звали его, и тяжелое колесо - - - - - проѣхало по его костямъ.

Да, чудень былъ удѣлъ польскихъ выходцевъ, мраченъ и исполненъ поэзіи. «Задавленные силой, преданные западными правительствами, поляки (какъ я писалъ нѣкогда), сражаясь на каждомъ шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли съ собой свою родину и, не склоняя головы, гордо и упрямо пронесли ее по свѣту. Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцовъ. Народы выходили на встрѣчу; цари сторонились, чтобъ дать имъ пройти. Европа тридцатыхъ годовъ проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участіе, нашла деньги и силу ихъ дать, будто какое-то угрызеніе совѣсти набѣжало на ея душу. Благородный образъ польскаго выходца, этого крестоваго рыцаря свободы, сильно врѣзался въ народную память, онъ искупалъ вѣкъ малодушный и холодный».

Съ тѣхъ поръ и это перемѣнилось. Напрасно Польша внѣ родины откликалась во всѣ грозные дни борьбы и опасности, напрасно въ первыхъ рядахъ cadaго боя за волю стоялъ, мечта о своей родинѣ, бѣлокурый сынъ Польши и самоотверженно лилъ свою кровь! Польша была забыта. Несчастіе, продолжающееся слишкомъ долго, изнашиваетъ сочувствіе.

Но... пусть кроткая тѣнь нашего усопшаго друга низведетъ миръ и покой на нашу душу.

Будемъ же говорить объ немъ.

Въ концѣ 1852 года, возвращаясь изъ Италіи, я встрѣтилъ Ворцеля въ Лондонѣ. Время было печальное, со всѣхъ сторонъ обложило черными тучами. Весь европейскій материкъ былъ быстро увлекаемъ какой-то неистовой силой въ то старческое варварство, въ которомъ онъ теперь находится. Дикая, грубая реакція торжествовала вездѣ. Я старался оторваться отъ печальнаго зрѣлища этой агоніи, заря новаго утра мнѣ виднѣлась съ *другой стороны*, и я сосредоточилъ всѣ мои силы на образованіе центра русской пропаганды въ Лондонѣ. Я сообщилъ Ворцелю мою мысль. Надобно было видѣть радость, участіе, дружбу, съ которыми онъ меня слушалъ; и онъ, представитель польской демократіи, помогать мнѣ

самымъ дѣятельнымъ образомъ въ учрежденіи трибуны для вольнаго русскаго слова. Добрый и прекрасный другъ! Я какъ теперь вижу его, съ изнуреннымъ лицомъ и сѣдыми волосами, съ голосомъ, сломаннымъ болѣзнью, но съ взглядомъ, въ которомъ горѣли умъ и энергія, когда онъ, держа въ своихъ рукахъ первый листъ, отпечатанный по-русски въ Лондонѣ, говорилъ мнѣ: «Боже мой, Боже мой, русская свободная типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ минутъ послѣдняго времени стираетъ этотъ клочекъ бумаги, замаранный голландской сажеей!» Потомъ онъ сжалъ мнѣ объ руки и повторилъ: «Да, мы должны итти вмѣстѣ, у насъ одна цѣль и тѣ же враги!»

Русская типографія сначала была соединена съ типографіей польскаго демократическаго общества; Ворцель предложилъ мнѣ всѣ свои средства, чтобъ первые летучіе листы и брошюры дошли черезъ Польшу въ Россію.

«Demokrata Polski», объявляя объ открытіи русской типографіи и печатая переводы моихъ статей, помѣстилъ братское воззваніе къ русскимъ, протягивая имъ на миръ и забвеніе свою обиженную руку. Тогда-то знаменитый историкъ Мишле написалъ мнѣ: «Какая же ненависть имѣетъ право продолжаться, когда поляки соединяются съ русскими?»

Во время войны ненависть и страхъ снова усилили враждебное расположеніе къ намъ. Ограниченные и печальные безумцы мстили за свою боязнь, нарочно смѣшивая каждого русскаго, хотя бы онъ былъ Пестель или Муравьевъ, съ официальной Россіей. Ворцель, котораго война не ослѣпила ни на минуту, возсталъ съ негодованіемъ противъ этой систематической клеветы. Сначала онъ защитилъ публично Бакунина (котораго и до сихъ поръ - - - - - императоръ держитъ въ крѣпости), потомъ и меня, когда пришелъ мой чередъ пройти подъ этими душами грязи.

Замѣчательно, что такой животной ненависти къ русскимъ почти совсѣмъ нѣтъ у поляковъ, которые одни въ свѣтѣ въ правѣ насъ ненавидѣть. Поляки не требуютъ отъ насъ, какъ доказательствъ цивилизма, чтобъ мы измѣнили отечеству, и въ подтвержденіе нашей искренности, чтобъ мы позорили нашъ народъ. Какъ только русскій подходитъ къ полякамъ съ сердцемъ, обливающимся кровью за всѣ ужасы, надѣланные русскимъ правительствомъ, краснѣя нашихъ общихъ цѣпей, поляки его принимаютъ, какъ брата. Бакунинъ испыталъ это, какъ многіе другіе, какъ я самъ. «Мы васъ любимъ,—сказалъ мнѣ разъ Ворцель, говоря объ этомъ,—именно потому, что вы любите вашу родину; иначе вы не были бы съ

нами, а были бы равнодушный человекъ, оставившій свою родину для собственнаго удовольствія» ¹⁾).

Зато, прежде чѣмъ Ворцель закрылъ навѣки глаза, онъ еще видѣлъ съ большею радостью успѣхъ русской пропаганды, ея распространеніе, матеріалы, которые получались изъ Россіи, требованіе книгъ и наши отправки. Онъ говорилъ со мной обо всемъ объ этомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, недѣль за пять до кончины.

Подробности его біографіи я переведу впослѣдствіи изъ брошюры, которую хотятъ издать его польскіе друзья; здѣсь я прибавлю только нѣсколько строкъ общей характеристики этого замѣчательнаго человека.

Ворцель былъ человекъ по преимуществу религіозный. Тотъ мистическій складъ, который мы видимъ почти у всѣхъ польскихъ поэтовъ, имѣлъ глубокіе корни въ душѣ Ворцеля, не смущая, впрочемъ, нисколько его свѣтлаго ума. Это былъ умъ діалектической, чрезвычайно тонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистый. Одаренный въ высшей степени способностью отвлеченнаго мышленія, онъ естественно сдѣлался глубокимъ математикомъ. Но съ своимъ жизнемъ и удободвижимымъ умомъ онъ не могъ ограничиться астрономіей и механикой, а послѣдовательно изучилъ всѣ естественныя науки. Его знанія были изумительны. Онъ занимался всѣмъ, интересовался всѣмъ, помнилъ все. Онъ свободно и изящно говорилъ по-французски, англійски и нѣмецки, основательно зналъ древнія и новыя литературы. Я иногда прибѣгалъ къ нему, какъ къ энциклопедіи, и всегда тотчасъ получалъ отвѣтъ; добросовѣстный во всемъ, онъ иногда на другой день присылалъ мнѣ записку, если ошибался въ чемъ-нибудь. Эта масса знаній съ радужнымъ хроматизмомъ, который ей придавалъ его мистическій элементъ, и составляла особенную прелесть его воззрѣнія и его рѣчей.

Но все это, наука и мистицизмъ, исторія и математика, все это было у Ворцеля на второмъ планѣ. Религія его, постоянная мысль всей его жизни была *религія Польши*. Все остальное было для него отдыхъ, разсѣяніе. Отдавши все на жертву—семью, богатство, цѣлую жизнь—своему дѣлу, онъ хотѣлъ даже самой смертью своей быть полезенъ Польшѣ. Чувствуя приближеніе своего конца, онъ послалъ за Маццини и за двумя-тремя друзьями. Слабый, истощенный, задыхающійся, онъ лежалъ на своемъ маленькомъ диванѣ и не могъ говорить. Нѣсколько оправившись, онъ сдѣлалъ знакъ Маццини, чтобы тотъ приблизился; его исхудалыя, измученныя черты

¹⁾ Ворцель въ этомъ смыслѣ помѣстилъ двѣ статьи въ «La Nation Belge», въ ноябрѣ 1853 года.—А. И. Г.

приняли торжественно строгое выраженіе, и онъ потухшимъ голосомъ, прерываясь для тяжелаго дыханія, требоваль отъ Маццини священнаго обѣта, чтобъ Польша не была забыта при пробужденіи народовъ. Это было грозное «Клянитесь!»¹⁾, произнесенное на краю гроба духомъ народа, пожертвованнаго другими народами. Маццини взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ и прочелъ ихъ больному. Подавленный чувствами, старикъ не могъ произнести ни слова... Черты его преобразились, глаза еще разъ освѣтились выраженіемъ счастья; ими и нѣмой улыбкой на устахъ благодарилъ умирающей своего друга, ему, казалось, было легче оставить теперь свой постъ.

Недѣлю спустя Маццини, говоря со мной объ этомъ, былъ еще сильно потрясенъ и весь подъ вліяніемъ этого благодарящаго взора, въ которомъ чудно встрѣтились вдохновенная надежда и смерть. Я вспомнилъ Доменикиново²⁾ причащеніе св. Іеронима передъ смертью, на ватиканскихъ стѣнахъ: то же выраженіе, то же лицо и та же вѣра, идущая за гробъ, восторженная и преданная!

Девятаго фѣвраля выходцы всѣхъ странъ... послѣдніе обломки всѣхъ кораблекрушеній, безъ различія партій и странъ, безъ зова собрались передъ убогой квартирой покойника. Ничего не было приготовлено, все сдѣлалось само собой; англичанинъ принялъ на себя расходъ, итальянцы явились съ музыкой, русскіе помогли полякамъ донести гробъ до могилы, куда его проводило обвитое крепомъ знамя Италіи и красное знамя будущей Республики. Каждое слово, сказанное Ледрю-Ролленомъ на могилѣ, было словомъ примиренія и кротости. День былъ весенній, солнце, такъ рѣдко свѣтящее на лондонскія улицы, придавало что-то торжественное этому пиру смерти.¹ И вдругъ на насъ повѣяло какимъ-то духомъ мира и согласія. Откуда-то взявшаяся надежда посѣтила разомъ сердца многихъ, и многіе спросили сами себя: «Отчего разьединеннымъ членамъ великой семьи несчастья и изгнанья не остаться такъ же соединенными на общее дѣло, какъ они теперь соединены около могилы одного изъ своихъ?»

И этотъ слабый свѣтъ примиренія сошелъ въ утѣшеніе намъ среди мрака и потерь, въ которыхъ мы живемъ, отъ гроба - - - мученика!

О, еслибъ это было возможно, какой памятникъ аеге perepius³⁾ воздвигся бы Ворцелю!²

¹⁾ «Swear!» Гамлетова отца.—А. И. Г.

²⁾ Доменико Цампъери, итальянскій художникъ и скульпторъ.

³⁾ Болѣе вѣчный, чѣмъ мѣдь. (Такъ Гораций называетъ памятникъ, который онъ самъ воздвигъ себѣ своими стихами; см. оду «Къ Мельпоменѣ» III кн.).

◆◆ 1. Къ этимъ словамъ во французскомъ изданіи сдѣлано примѣчаніе:

Et cependant l'injure, la calomnie, la boue ne laissèrent pas tranquilles les os de cet homme de l'amour et du dévouement, et le reconduisirent à Highgate.

Quel est donc ce chacal qui sort de sa tanière, flairant la mort d'un juste, qui gratte la terre des tombeaux, qui ricane à la vue d'un pays libre permettant aux amis de reconduire un des leurs au cimetière, qui envie les enterrements, et qui voudrait ôter aux proscrits même les funérailles? Quel est donc cet être qui n'a ni le decorum, ni la retenue, ni la décence des tyrans... qui n'ont pas volé leur couronne?

Il ordonne à ses scribes d'appeler Worcell... assassin. Mais est-ce que c'est Worcell qui a tué le sergent à Boulogne?—Est-ce que c'est lui qui a été condamné par la chambre des Pairs et grâcié par Louis-Philippe?—Est-ce que Worcell est un chiourme évadé de Ham?—Est-ce que Worcell a assassiné femmes et enfants à Varsovie, un 2 décembre?

Vaincre un adversaire, le tuer, le persécuter dans la féroce ivresse de la victoire—tout cela se comprend; mais faire mourir ses ennemis lentement, par des fièvres tropicales; savourer leur agonie; les offenser même dans la tombe; provoquer le mépris de l'Angleterre enollicitant l'aumône de quelques persécutions.—Non, cela n'est pas français—ou nous nous trompions complètement dans notre lointain boréal.

Mais la France pourtant tolère tout cela... et depuis des années!—Elle accumule une lourde et terrible responsabilité devant les hommes et devant l'histoire.—Il est temps que les libres de tous les pays le lui disent.—La sympathie qu'ils avaient pour elle leur donne le droit au reproche.

Faut-il donc que chaque page qu'on commence avec douceur se termine par des paroles pleines de fiel!—Est-ce notre faute?

Переводъ.

А между тѣмъ ругань, клевета и грязь не оставили въ покоѣ кости этого человѣка, полного любви и самоотверженія, и проводили его въ Highgate.

Кто же этотъ шакалъ, который, зачуйвъ смерть праведника, выходитъ изъ своей берлоги, разрываетъ могилы, скалитъ зубы при видѣ свободной страны, позволяющей друзьямъ проводить одного изъ своихъ на кладбище; завидуетъ даже погребенью и желалъ бы отнять у изгнанниковъ даже право на похороны? Кто это созданіе, не обладающее ни декорумомъ, ни сдержанностью, ни благопристойностью тирановъ... не укравшихъ корону?

Онъ приказываетъ писакамъ называть Ворцеля... убійцею.

Но развѣ Ворцель убилъ сержанта въ Булони? Развѣ онъ осужденъ былъ палатой пэровъ и помилованъ Луи-Филиппомъ? Развѣ Ворцель—каторжникъ, убѣжавшій изъ Гама ¹⁾? Развѣ Ворцель убивалъ женщинъ и дѣтей въ Варшавѣ, какъ-нибудь... 2-го декабря?

Побѣдить противника, убить его, преслѣдовать въ свирѣпомъ опьяненіи побѣдою—все это понятно. Но подвергать своихъ враговъ медленной смерти отъ тропическихъ лихорадокъ; смаковать ихъ агонію; оскорблять ихъ даже въ гробу; вызывать презрѣніе Англии, испрашивая, какъ милость, позволенія на преслѣдованіе.— Нѣтъ, это не по-французски, или мы жестоко ошибаемся на нашемъ далекомъ сѣверѣ.

Но Франція тѣмъ не менѣе терпитъ все это... и въ теченіе долгихъ лѣтъ! Она накапливаетъ тяжелую и ужасную отвѣтственность передъ человѣчествомъ и передъ исторіей. Пора, чтобы свободные люди всѣхъ странъ сказали ей это. Чувство симпатіи, которое они питали къ ней, даетъ имъ право упрека.

Нужно развѣ, чтобы каждая страница, начатая въ духѣ кротости, заканчивалась словами, полными горечи? Наша ли въ этомъ вина?

Въ томъ же французскомъ изданіи статьѣ предпосланъ эпиграфъ изъ рѣчи Ледрю-Роллена: «Ne pouvant plus parler déjà, il demanda une plume et traça ces mots: «Soldat fidèle, j'ai achevé ma faction, qu'un autre me relève!» Ledru-Rollin (Discours pronomé sur le tombe de Worcell). То-есть: Не будучи уже въ состояніи говорить, онъ попросилъ перо и набросалъ слѣдующія слова: «Какъ вѣрный солдатъ, заканчиваю я свое стояніе на посту; пусть кто-нибудь другой смѣнитъ меня!»

2. 15 марта Викторъ Гюго писалъ Герцену: «Дорогой изгнанникъ, дорогой братъ по ссылке! Благодарю за ваши великія благородныя слова о доблестно умершемъ. Вы сказали о Ворцелѣ, какъ Ворцель сказалъ бы о васъ. Но вы живите. Живите для борьбы, которой нужны свѣтлыя сердца и лучезарные умы, какъ ваши. Жму вашу руку. Викторъ Гюго» (переведено М. О. Гершензономъ, «Былое», 1907, IV, 90, свѣрено по подлиннику, хранящемуся въ семьѣ Герцена).

¹⁾ Людовикъ-Наполеонъ былъ заключенъ въ 1840 г. въ крѣпости Гамъ, откуда убѣжалъ въ 1846 году.

Ворцель преподавалъ математику сыну Герцена. «Я не разъ видѣлъ Ворцеля у Герцена—пишетъ Ф. Альтгаузъ,—и очень хорошо помню почтеніе, съ какимъ Герценъ встрѣчалъ этого ветерана и говорилъ о немъ» («Рус. Мысль», 1905, XI, 123). А. Милюковъ рассказываетъ: «Герценъ прямо говорилъ мнѣ, что изъ всей толпы польскихъ эмигрантовъ зналъ только двухъ истинно-порядочныхъ людей: Ворцеля и Свентославскаго» («Литературн. встрѣчи и знакомства», 143). Разумѣется, память измѣнила Милюкову,—Герценъ зналъ еще и другихъ поляковъ, которыхъ вполнѣ уважалъ (Бернацкій, Тхоржевскій, Чернецкій и др.), но Ворцеля онъ горячо любилъ.

Похороны Ворцеля описаны въ воспоминаніяхъ Мейзенбургъ (II, 160—173).

Въ архивѣ семьи Герцена хранится слѣдующее коллективное письмо польскихъ эмигрантовъ, которое привожу въ переводѣ, не ручаясь за правильную передачу нѣкоторыхъ неразборчиво написанныхъ фамилій:

«Гражданинъ, не довольствуясь откровеніемъ міру краснорѣчивѣйшей похвалы доблестямъ нашего героя-мученика, Станислава Ворцеля, вы еще стараетесь въ самый торжественный моментъ нашего изгнанія,—въ годовщину нашей революціи, подвинуть насъ къ подражанію этому образцовому поляку, подаривъ каждому изъ насъ его портретъ, столь похожій, что кажется, что онъ смотритъ на насъ и ободряетъ насъ исполнить нашъ долгъ.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы просимъ васъ принять нашу искреннюю благодарность и сохранить убѣжденіе, что мы умѣемъ цѣнить всѣ усилія, которыми и вы стараетесь подвинуть наше дѣло впередъ.

Поляки, собравшіеся для празднованія годовщины революціи 29 ноября 1830 года: Феликсъ Новосельскій, Альбертъ Туръ, Чернецкій, Адамъ Корнюнъ, Ксаверій Финкъ, А. Жабицкій, А. Н. Дыбовскій, М. Виснявскій, А. Островскій, І. Радзивиллъ, Коз. Ельбиновскій, Станиславъ Тхоржескій, Г. Сковронакъ, І. М. Верецкій, Ксаверій Стрицкій, К. Папервскій, М. Домогальскій, Францискъ Аугустинекъ, Валентій Тима, Юліанъ Данцезъ, Андрей Малишевскій, Леричекъ Луисъ, Фр. Заленалекъ».

О раздачѣ портрета сказано и въ «Democrata Polski» (1857, 7 декабря).

Н. А. Огарева, вспоминая о Ворцелѣ, сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. «Онъ жилъ послѣднее время у Тэйлора, окружившаго его, уже больного, возможнымъ комфортомъ и необходимой медицинской помощью». «Получая на всѣ нужныя для больного издержки деньги отъ его англійскихъ друзей, а иногда и

отъ Герцена, Тайлоръ старался скрыть отъ Ворцеля, что послѣдній живеть на чужой счетъ. Быть можетъ, Ворцель и догадывался, но ему нечего было дѣлать,—болѣзнь не позволяла ему зарабатывать, какъ прежде; тогда онъ дѣлился каждой копѣйкой со своими соотечественниками... Герценъ любилъ бесѣдовать съ Ворцелемъ; онъ сталъ часто навѣщать его. Чувствуя близкую разлуку, Герценъ желалъ показать умирающему все уваженіе и симпатію, которыя всегда питалъ къ нему. Ворцель былъ глубоко признателенъ за эти почти ежедневныя посѣщенія. Когда мы узнали, что Ворцель скончался, Герценъ, Огаревъ и я пошли съ нимъ проститься... На другой день были похороны Ворцеля. Герценъ и Огаревъ проводили въ рядахъ польской демократіи послѣдняго ея вождя» (стр. 131—133).

Въ «*Democrata Polski*» сказано, что Герценъ и Огаревъ, дойдя съ процессіей до кладбища, выступили изъ рядовъ и просили поляковъ сдѣлать имъ честь—дать возможность нести гробъ славнаго мученика до могилы (1857, 10 марта).

По словамъ Linton'a, Герценъ несъ гробъ Ворцеля, обливаясь слезами («*European republicans*», 275).

Въ архивѣ семьи Герцена хранятся два письма Луи Блана, изъ которыхъ одно касается смерти Ворцеля. Привожу ихъ въ переводѣ:

«18 февраля 1857. Дорогой другъ. Гражданинъ Кадэ, изгнанникъ, очутился теперь въ крайне стѣсненномъ положеніи и рискуетъ изъ-за нѣсколькихъ шиллинговъ упустить мѣсто, которое доставило бы ему средства къ жизни. Онъ обратился ко мнѣ, но, къ несчастью, все, что я былъ въ состояніи сдѣлать, это—дать ему 5 шиллинговъ.

Среди тѣхъ изъ насъ, у кого великодушное сердце при матеріальной обезпеченности, я назвалъ васъ, хотя мнѣ не безызвѣстно, какія тяготы вы несете, и сколько уже сдѣлали для нашихъ товарищей. Простите меня. Съ такими просьбами рѣшаешься обратиться лишь къ тѣмъ, кого уважаешь и любишь.

Сердечно жму вамъ руку *Луи Бланъ*».

«20 февраля 1857 г. Дорогой другъ, благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для того бѣднаго изгнанника, котораго я лично не знаю, но который явился ко мнѣ съ надежными рекомендаціями. Согласно вашему разрѣшенію я ему далъ одинъ фунтъ отъ вашего имени и съ своей стороны добавилъ, сколько могъ, чтобы онъ смогъ добраться до Бирмингама, гдѣ надѣется найти средства къ жизни.

Я очень сожалѣю, что не присутствовалъ на похоронахъ нашего бѣднаго друга, Ворцеля. Но тутъ не моя вина: я ничего не зналъ объ этомъ, такъ какъ распорядители процессіи или забыли

про меня, или не сочли нужнымъ меня увѣдомить. Я не читаль статьи «Constitutionnel», но узналь ея содержаніе и насколько оно было подло. Эти люди, право,—позоръ рода человѣческаго. Разумѣется, и отвѣтъ «Times» удовлетворилъ меня лишь наполовину.

Прощайте. Напомните обо мнѣ всѣмъ вашимъ и примите отъ меня самое сердечное рукопожатіе. *Луи Бланъ*».

924. Надпись для М. Мейзенбургъ.

(Апрѣль 1857).

Мальвидѣ въ знакъ памяти отъ Издателя.

925. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 апрѣля (1857).

At Tinkler's, Putney.

Ну, какъ васъ Богъ милуетъ? а насъ ничего, живемъ пока. Ящикъ вамъ везетъ Реклю или, лучше, Рекла, которая была здѣсь съ сожителемъ. Мельгун. толкуетъ что-то о приложеніи портрета къ франц. изданію; у меня есть дагерот. побольше вашего (съ дѣтьми), но Реклю находить, что вашъ лучше; я, пожалуй, пришлю,—тамъ уже разбирайте, какъ угодно.—Мы ходили слушать «Trovatore». Фу, белиберда какая! а, вѣдь, не то что Иванъ да Марья, а Гризи да Маріо.

Огаревъ написалъ какую-то музыку, хотѣлъ бы ее послать на судъ и поправку Рейхеля; текстъ Пушкинской «Русалки».

Говорятъ, будто у насъ опять на Руси реакція начинается и снова объ освобожденіи ни гугу. Къ 5 ѣдетъ сюда Тург.

За симъ прощайте, пишите анекдоты о Конст. Никол. А вы знаете, что вел. кн. читаетъ «Пол. Звѣз.»? Вотъ, молъ, - - - - - то какъ пропекаетъ...

Пишу къ вамъ сегодня только съ цѣлью заявить, что живъ и здоровъ.

926. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 мая (1857).

At Mr. Tinkler's.

Liebe, beste Maria Kasparowna! Es ist nicht anders als in der Sprache Bethovens und Mozarts, dass ich das Glück (das war auch

ein grosser Musikant) habe, Sie zu den Lorbeeren Ihres Adolphus Reichelius zu beglückwünschen. Da Melgunoff selbst davon schreibt, dass das Konzert sehr schön war, so ruf' ich aus—о, Reichel! Die Blinden hören! ¹⁾)

Такъ какъ вы ѣдете въ нѣмечину, то я вамъ и начинаю писать на этомъ умномъ, но противномъ языкѣ.

11 мая ѣдетъ Тургеневъ; если что есть не первой важности, передайте черезъ Мельгунова. Вы не сердитесь, что онъ не былъ на концертѣ; вѣрность музыкальнаго супружества состоитъ въ томъ, чтобъ не пускать въ уши другихъ звуковъ, кромѣ «завѣтныхыхъ» ²⁾). Онъ, впрочемъ, ослабъ и сдѣлался еще больше старцемъ.

Читали ли вы Толстого повѣсти и рассказы? Достаньте непременно,—удивительно хороши.

Вотъ вамъ и отъ насъ новость концертная. Саша третьяго дня получилъ *медаль* на экзаменѣ и свидѣтельство за успѣхи въ анатоміи и фізіологіи.—Я былъ у нихъ на актѣ... Вотъ ужъ сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Праск. Андреевна ³⁾) мнѣ показывала его (зри «Полярн. Звѣз.»), и думалъ ли я тогда, что черезъ 17 лѣтъ я буду въ Лондонскихъ газетахъ читать о его медали...

И при всемъ томъ, т. е. при всѣхъ дурачествахъ, что-то скучно; хотѣлось бы куда-нибудь вонъ изъ Англій, но не видать возможности.

Былъ здѣсь какой-то русскій съ фразами; пріѣзжалъ дней на пять меня посмотреть, себя показать. Вотъ и все.¹⁾

Огаревы кланяются.

Дѣти здоровы, я тоже.

Прощайте.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Не относится ли эта характеристика къ «гарибальдійцу» Н. А. Попову? Судя по его разсказу о посѣщеніи Герцена

¹⁾ Милая, добрѣйшая Марія Каспаровна! Не иначе, какъ на языкѣ Бетховена и Моцарта, хочу я имѣть счастье (вотъ тоже былъ великій музыкантъ!) ²⁾) поздравить васъ съ лаврами вашего Адольфуса Рейхелиуса. Такъ какъ самъ Мельгуновъ пишетъ, что концертъ былъ великолѣпенъ, то я восклицаю: о, Рейхель! Слѣпые слышатъ!

²⁾ Т. е. звуковъ, издаваемыхъ голосомъ Віардо.

³⁾ Мать М. К. Рейхель.

⁰⁾ Непереводимая игра словъ. Glück—счастье, и Glück—фамилія знаменитаго композитора и музыканта.

въ 1857 г., можно думать объ этомъ съ нѣкоторой вѣроятностью. Это—одинъ изъ типичныхъ разсказовъ въ нашей литературѣ воспоминаній и мемуаровъ, писанныхъ «очевидцами».

Въ ту эпоху многіе русскіе отправились въ Лондонъ къ Герцену, «Колоколъ» котораго тогда громко звонилъ; мнѣ также въ 1857 г. довелось быть въ Лондонѣ и посѣщать по воскресеньямъ гостиную Герцена, гдѣ я встрѣчалъ чрезвычайно разнообразное и многочисленное общество эмигрантовъ и либераловъ. Я живо помню Маццини въ его длинномъ сюртукѣ, похожемъ на сутану католическаго священника, Ледрю-Роллена, чахоточнаго Ворцеля, желчнаго Соколова, группу польскихъ пановъ, мечтавшихъ возстановить отчизну отъ моря до моря, австрійскихъ нѣмцевъ и другихъ личностей. Общество обыкновенно собиралось къ десяти часамъ вечера; часу въ 11-мъ подавали марсалу съ бисквитами. Бесѣды были чрезвычайно оживленныя. Огаревъ въ пиджакѣ безъ воротника, съ отложнымъ жабо прохаживался по комнатѣ съ гр. Калечковскимъ и декламировалъ свои стихотворенія. Герценъ всегда сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на диванѣ, облокотившись и поджавъ ногу подъ себя. Онъ, разумѣется, вель рѣчь преимущественно о революціи въ Россіи и объ отдѣленіи Малороссіи, съ преобразованиемъ въ республику. Вообще въ ту эпоху было очень шумно въ гостиной издателя «Колокола». («Истор. Вѣстникъ» 1908, VII, 137—138).

Когда издавался «Колоколъ» Ворцель лежалъ въ могилѣ уже полгода,—значитъ, Поповъ не могъ его видѣть, а если видѣлъ, значитъ, былъ раньше, до «Колокола»; «желчнаго Соколова», т. е. потомъ революціонера, подполковника Николая Васильевича, Поповъ не могъ видѣть въ 1857, потому что тотъ былъ у Герцена только въ 1860-мъ; никогда такъ поздно не собирались и почти въ 11 гости уже расходились. Всего этого достаточно, чтобы не придавать цѣны передачѣ разговоровъ, подобныхъ которымъ, конечно, не могло быть.

927. Письмо къ М. К. Рейхель и Е. Б. Грановской.

20 мая (1857).

At Mr Tinkler's, Putney.

Собираюсь писать къ вамъ обѣимъ, и потому беру двойной листъ. Не сегодня ли пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я проводилъ васъ, Марія Каспаровна, на Варскій Мостъ?

Отчего вы боитесь пріѣхать дня на два? Вы могли бы тогда.

ѣхать отсюда опять на кораблѣ до Остенде. Въ Брюссель, если бы я и поѣхалъ, то только съ Сашей, да и тутъ еще вопросъ, пустятъ ли? Сверхъ того, здѣсь бы я вамъ кой-что почиталъ, а ужъ рукописей не повезу на материкъ. О финансовой части путешествія мы писали.—Марьѣ Ѳедоровнѣ, если одна пріѣдетъ, т. е. съ Щепкинымъ ¹⁾, я дамъ отсюда провожатаго.

Итакъ, подумайте еще и съ супругомъ, поразсудите и мнѣ сообщите. Только выберите такъ день, чтобы не приходилось воскресенья: тутъ у насъ бываетъ толкучій рынокъ, отъ котораго мнѣ самому тошно.

Посылаю вамъ портреты (завтра). Свой—Маріи Ѳед. и Коршу, Елиз. Богд., вамъ браслетъ не знаю, какъ послать, но пришлю, если не пріѣдете.

— Вотъ вамъ и большое письмо. Помѣшали. Прощайте... Цѣлую васъ обѣихъ и Рейхеля, и дѣтей.

The old putneyman ²⁾.

Прилагаю письмо Наталіи Алексѣевны ³⁾.

928. Письмо къ Ж. Мишле.

25 mai (1857).

At Mr Tinkler's, Putney.

Chér et vénérable ami, je me sens très coupable, et c'est pour cela que je demande la permission de vous expliquer mon silence.

Un de mes amis, un litterateur très connu en Russie, I. Tourgeneff (ce n'est pas le vieux Tour. qui demeure à Paris)—voulait avoir l'honneur de vous présenter ses hommages et s'adressa à moi en me priant de vous écrire une lettre. J'ai saisi cette occasion pour vous remercier pour la bonté avec laquelle — vous vous êtes occupé de la traduction de M. Delaveau. Ce Tourgeneff tombe malade, passe deux mois à la campagne et revient maintenant à Londres—me remettant ma lettre. Vous voyez que la faute ne peut entièrement tomber sur moi.

J'ai chargé après un jeune ami de vous remettre une petite brochure que j'ai publiée il y a quelque temps. Je ne sais pas s'il a été chez vous.

¹⁾ Николай Михайловичъ.

²⁾ Путнейскій старожиль.

³⁾ Огарева.

Maintenant je reçois une lettre de M. Karcher qui m'annonce un nouveau volume de l'admirable histoire du XVI s. Ne m'envoyez pas plus de 5 Ex. (peut être même 4 suffiront): l'un est pour Pulsky, les deux autres—pour «l'Athénée» et pour «le Leader», quoique je sois très mécontent de l'article du «Leader» concernant «La Ligue». Je tâcherai—d'introduire un article dans le Times—mais cela n'est pas sûr.

Nos publications russes continuent à marcher d'une manière admirable. Dès le 1 Juin nous commençons une feuille mensuelle, pour une opposition active et tout à fait politique. Nous nous bornons seulement à la Russie et à la Pologne.

Avez vous parcouru l'ouvrage du Proudhon—quel lutteur, c'est un carmen horreudum, en 3°/_o, 5°/_o, 10°/_o—il fait de la poésie avec l'agio et l'escompte.

Je vous serre la main avec la même sympathie sans bornes.

Al. Herzen.

Переводъ.

25 мая.

Дорогой и глубокоуважаемый другъ! Чувствую себя очень виноватымъ и потому прошу разрѣшенія объяснить вамъ мое молчаніе.

Одинъ изъ моихъ друзей, очень извѣстный литераторъ въ Россіи, Ив. Тургеневъ (это не старый Тург., который живетъ въ Парижѣ), хотѣлъ имѣть честь лично заявить вамъ о своемъ почтеніи и попросилъ меня, чтобы я написалъ вамъ письмо. Я успѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поблагодарить васъ за доброе отношеніе къ переводу г. Делава. Вдругъ этотъ Тургеневъ заболѣваетъ, затѣмъ ѣдетъ на два мѣсяца въ деревню и теперь возвращается въ Лондонъ и возвращаетъ мнѣ мое письмо. Вы видите, что здѣсь вина не всецѣло моя.

Послѣ того я поручилъ одному молодому другу передать вамъ маленькую брошюру, которую я недавно напечаталъ. Не знаю, былъ ли онъ у васъ.

Теперь я получилъ отъ г. Карше письмо, извѣщающее меня о выходѣ новаго тома вашей дивной «Исторіи XVI вѣка». Не присылайте болѣе 5 экземпляровъ (быть можетъ, хватить даже четырехъ): одинъ для Пульскаго, два для «Atheneum» и «Leader», хотя я очень недоволенъ статьею «Leader'a» относительно «Лиги». Постараюсь помѣстить статью и въ «Times», но это можетъ и не выйти.

Наши русскія изданія продолжаютъ прекрасно итти. Съ іюня мы начинаемъ издавать ежемѣсячникъ для дѣятельной оппозиціи

и притомъ совершенно политическаго характера. Ограничиваемся только Россією и Польшею.

Пробѣжали вы сочиненіе Прудона? ¹⁾ Что за борець! Это ужасающій прорицатель въ дѣлахъ 3⁰/₀, 5⁰/₀, 10⁰/₀—прямо поэтизируетъ съ учетомъ и ажіотажемъ.

Жму руку съ тою же безграничною симпатією.

Ал. Герценъ.

929. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 іюня. Вторникъ.

1857.

Телеграфическія депеши.

10.20—Марья Федоровна не пріѣзжала.

Мы ждемъ.

10.23.—Марья Федоровна пріѣхала.

Мы не ждемъ.

12 часовъ. Waterloo ²⁾.

1¹/₂ » Putney—All right! ³⁾.

3 » Разсвѣтаетъ, никто не спитъ.

8 » Свѣтло, кое-кто спитъ.

Остальное предоставляю самой Маріи Федоровнѣ.

Прошу позволенія прислать портреты такой же таковище.

А. Г.¹

◆◆ 1. Одновременно съ М. Ф. Коршъ жилъ въ Лондонѣ литераторъ А. П. Милюковъ, прикосновенный къ кружку петрашевцевъ. Онъ пріѣхалъ туда 28 мая, послалъ Герцену записку съ просьбой сообщить, когда онъ можетъ познакомиться съ нимъ, а въ 5 часовъ 29 мая Герценъ стоялъ передъ Милюковымъ въ его отелѣ. «Хотя въ это время ему было уже слишкомъ сорокъ пять лѣтъ, но его невысокая, плотная фигура поражала энергіей и живостью, а красивая голова, съ откинутыми назадъ длинными темнорусыми волосами и умными выразительными глазами, съ перваго взгляда привлекала вниманіе». Милюковъ почти ежедневно въ теченіе двухъ недѣль обѣдалъ у Герцена, проводилъ вечера и часто ночевалъ.

¹⁾ «Manuel des operations de la Bourse».

²⁾ Ближайшая станція къ Герцену.

³⁾ Все обстоитъ благополучно!

«Однажды послѣ обѣда Александръ Ивановичъ, особенно весело настроенный, вспомнилъ о своихъ московскихъ развлеченіяхъ и предложилъ спѣть хоромъ русскую пѣсню. Всѣ мы, не исключая дѣтей, усѣлись на коврѣ въ два ряда, лицомъ одни къ другимъ, изображая такимъ образомъ лодку, и затянули, какъ умѣли «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ». Въ шумѣ этого патріотическаго упражненія мы не слышали, что на дворъ вѣхали гости. Вдругъ отворились двери, и въ залу вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ выразительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчиво-кроткимъ лицомъ, въ темносѣромъ фракѣ, а съ нимъ, закинувъ на руку трѣнъ самой амазонки, молодая, стройная женщина въ фетровой шляпкѣ, изъподъ которой опускались бѣлокурые локоны. Всѣ мы поднялись. «Что это такое?» спросилъ съ улыбкой гость. «C'est un chant des pirates du Volga! ¹⁾»—отвѣтилъ Герценъ, смѣясь и протягивая руку пріѣзжимъ,—«намъ хотѣлось спѣть ее на берегахъ Темзы». Это былъ Саффи; молодая дама, съ которою онъ пріѣхалъ, была его невѣста, шотландка».

Она вмѣстѣ осматривала достопримѣчательности Лондона. «Александръ Ивановичъ, между прочимъ сказалъ, что еще не бывалъ въ Тоуэрѣ. Я предложилъ ему теперь же посмотрѣть знаменитую крѣпость, памятную въ англійской исторіи кровавыми драмами. Мы взяли кэбъ и черезъ полчаса уже были передъ этой массой безобразно нагроможденныхъ строеній разнаго стиля». «Однимъ изъ пріятныхъ дней (15 іюня) моего житія въ Англии была поѣздка съ Герценомъ и Огаревыми въ Сиденгэмъ, на большой музыкальный праздникъ въ кристалльномъ дворцѣ. Герценъ сначала отказывался отъ поѣздки, но, по просьбѣ мадамъ Огаревой, согласился быть нашимъ товарищемъ» («Литературныя встрѣчи и знакомства», 132—136). Милюковъ передаетъ еще многое другое, что однако, не ново для читателя настоящаго собранія.

930. Письмо къ Е. Ѡ. Коршу и Н. Х. Кетчеру.

4 іюня 1857.
Лондонъ.

Пишу къ вамъ, друзья, только для того, чтобъ сказать, что я живъ, что разлука не ослабила мою любовь къ вамъ, что наше молчаніе не стерло ничего изъ памяти того свѣтлаго времени первой и второй юности, которое мы провели вмѣстѣ. Остальное

¹⁾ Это пѣсня волжскихъ пиратовъ!

узнаете въ разсказѣ Маріи Федоровны,—ея прїѣздъ мнѣ чрезвычайно важенъ: вы всѣ приблизились съ нею.

Чтобы кому-нибудь изъ васъ тряхнуть стариной да побывать? Не откладываете въ долгій ящикъ такихъ вещей,—жизнь надуесть и безъ кометы. Если Мих. Сем. могъ двинуться, если М. Ф. одна могла прїѣхать изъ Рима, то ужъ объ васъ, напр., Милост. Госуд. Евгений Ф., и говорить нечего.

Мы работаемъ много. О. здоровъ, дѣти растутъ, трудъ удаченъ. Окруженные цѣлымъ міромъ развалинъ, мы дѣлаемъ свое, засѣваемъ юную полосу. Собственно, работа и спасла меня да еще храбрость жизни. Вы помните, Гете сказалъ:

Mut verloren—alles verloren!
Besser wär'es—nicht geboren ¹⁾.

Такъ то я съ *отвагой* на жизнь и прошелъ дурное время, разумѣется, перегорѣлъ и во многомъ сломался, но работать еще готовъ.

Ужасно радуесть меня, что наша молодежь любитъ меня, т. е. читаетъ съ симпатіей. Это мнѣ безконечно дорого.

Есть и комиссіи. Мар. Фед. поговорить съ вами:

1. объ учителѣ,
2. о книжкахъ,
3. о финансахъ.

Мнѣ необходимы книги, т. е. вновь выходящія; ихъ можно было бы прямо посылать изъ Петербурга,—но не теоретическія, а книги о финансахъ, статистикѣ, исторіи и пр.

Ну, помните же старика Заморскаго и не оставляйте опять ихъ нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ сношеній; писать ко мнѣ можно очень просто: London, care of M-г Rotschild, St. Swithin's Lane, City.

Нѣтъ ли хорошей новой исторіи русской для дѣтей?

Да вотъ еще, дайте, пожалуйста, совѣтъ, что надобно сдѣлать, чтобъ получать поаккуратнѣе журналы. Не лучше ли подписывать прямо въ почтамтѣ? Шнейдеръ и др. книгопродавцы посылаютъ иногда мѣсяца за три, выжидая оказіи. Не забудьте дать совѣтъ.

¹⁾ Герценъ цитируетъ неточно. У Гете:

Mut verloren—alles verloren!
Da wär'es besser: nicht geboren,

то есть: «потерять мужество—все потерять! Тогда лучше уже было бы не родиться». Изъ цикла «Sprüche».

931. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 іюня (1857).

Ну, а вамъ что же я скажу, милая моя Марья Каспаровна? Дай Богъ вамъ счастливый путь, пишите, любите попрежнему.

Я вамъ пришлю современемъ копію со статьи о Гран.—Мар. Оед. расскажетъ, что и о васъ есть кое что, но эта часть еще не окончена.

Будьте здоровы и пишите сейчасъ и по приѣздѣ въ Дрезденъ.
Bon voyage, cher Reichel!

Le vieux Putneyen ¹⁾.**932. Письмо къ М. Мейзенбугъ.**6 Juin—4^{1/2} après midi.

Giraudier Hotel, 48 Haymarket, London.

Chère Malvida, lorsque je sortais de chez moi, M-s Myls m'a dit que vous voudriez corriger aujourd'hui la traduction et m'a donné un petit portrait qu'Olga avait caché. J'allais chez Deville pour parler de Tata—et nous avons attendu tout le temps. Si vous ne faites rien, je viendrai demain après Caldesi—c'est à dire avant le 2-me dlner. Mais venez donc chez moi.

*Переводъ.*6 іюня, 4^{1/2} пополудни.

Дорогая Мальвида, когда я выходилъ изъ дому, м-съ Милсъ сказала мнѣ, что вы хотите исправить сегодня переводъ, и дала мнѣ маленькій портретъ, который Ольга спрятала. Я шелъ къ Девилю, чтобы поговорить о Татѣ, и все время мы ждали. Если у васъ нѣтъ дѣла, я приду завтра, послѣ Кольдези, т. е. передъ 2-мъ обѣдомъ. Приходите же ко мнѣ.

933. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

9 Juin (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Chère Malvida, je me suis mis immédiatement à la lecture de votre manuscrit et je l'ai lit — en rougissant des compliments et en

¹⁾ Добрый путь, дорогой Рейхель. Путнейскій старожиль.

baissant les yeux des éloges. C'est un très bon article. S'il y avait plus de temps, je vous aurais peut être proposé de choisir d'autres exemples. Par ex. — vous devriez citer quelque chose de Tourg. dans le genre de «Moumou», histoire d'un chien, ou enfin qq. chose d'originale, les recits d'un chasseur.

Il y a une page sur le rapport du développement intellectuel des Russes et de l'Europe, une page dans ma lettre à Michelet—qui pourrait bien intéresser les anglais—et comme chose astringeante on pourrait citer la caractéristique des trois aristocraties: celle de Catherine, celle d'Alex., celle de Nicolas—(cela était dans le «Leader», mais cela ne fait rien), c'est dans les nouvelles que vous avez traduites.

Pourquoi ne pas dire un mot de poésies de Nekrasoff (quoique je ne l'aime pas comme homme) mais c'est un poète très remarquable—par sa haine démocratique et socialiste; d'un autre coté la poésie triste et mélancolique, poésie entremelée du scepticisme et du sentiment de notre position sous Nicolas — a trouvé un véritable représentant dans Ogareff.

Si vous désirez, parlons de tout cela (même pour un second article) quand vous le désirez, mieux chez nous, car j'ai les livres et tout ce qui est nécessaire.

Donnez moi la nouvelle, je ne pourrais pas bien corriger autrement que seul.

Il y a encore une masse de Russes qui arrivent. Et voila deux nouvelles. Un russe a été arrêté à Paris parce qu'on a trouvé chez lui qq. exemplaires de mon article sur Worcell. Seconde: «la Kreuzzeit». a une sortie furibonde contre moi—entre autres elle dit que c'est avec regret que le gouvernement voit comment de pareils écrits se répandent à Petersbourg même.

Adieu—choisissez le jour que vous voulez depuis 5 h. jusqu'à 10. Toujours votre umilissimo servo.

A. Herzen.

Alexandre vous apportera le cahier.

P. S. En parlant de Byron, Pouschkine et Lermontoff vous dites «dans les mêmes circonstances» — une petite explication est de toute nécessité. Les circonstances extérieures n'étaient rien moins qu'analogues.

Переводъ.

9 июня.

Дорогая Мальвида, я тотчасъ принялся за чтеніе вашей рукописи и прочелъ ее, краснѣя отъ комплиментовъ и опуская глаза при похвалахъ. Это очень хорошая статья. Будь больше времени,

я, вѣроятно, предложилъ бы вамъ взять другіе примѣры—напр., вы должны были бы цитировать что-нибудь изъ Тургенева, въ родѣ «Муму»,—исторія собаки,—или, наконецъ, что-нибудь оригинальное—«Записки охотника».

Есть у меня страница объ умственномъ развитіи русскаго общества въ сравненіи съ европейскимъ (она напечатана въ моемъ письмѣ къ Мишле),—которая могла бы очень заинтересовать англичанъ, — и какъ связующее звено можно было бы еще цитировать характеристику трехъ эпохъ русской аристократіи: при Екатеринѣ, Алекс. и Николаѣ (она была уже напечатана въ «Leader'ѣ», но это ничего не значитъ),—это въ тѣхъ повѣстяхъ, которыя вы перевели.

Почему не сказано ни одного слова о стихотвореніяхъ Некрасова? Хотя я его, какъ человѣка, не люблю, но это поэтъ очень замѣчательный — своею демократическою и социалистическою ненавистью; съ другой стороны, русская поэзія, печальная и меланхоличная, проникнутая скептицизмомъ и сознаниемъ настоящаго положенія при Николаѣ, нашла вѣрнаго изобразителя въ Огаревѣ.

Если вы хотите, мы поговоримъ обо всемъ этомъ (хотя бы для второй статьи), когда вы этого пожелаете, но лучше у насъ, потому что у меня есть книги и все, что необходимо.

А повѣсть вы мнѣ перешлите: я хорошо поправляю только тогда, когда одинъ.

Наѣхало еще множество русскихъ. И вотъ двѣ новости. Одинъ русскій былъ арестованъ въ Парижѣ за то, что у него нашли нѣсколько экземпляровъ моей статьи о Ворцелѣ. Вторая—«Kreuzzeitung», сдѣлала яростную вылазку противъ меня; между прочимъ она говоритъ, что правительство съ сожалѣніемъ видитъ, что подобныя писанія распространяются даже въ самомъ Петербургѣ.¹

Прощайте. Выберите какой угодно день, отъ 5 до 10 часовъ.
Вашъ всегда смиреннѣйшій рабъ

А. Герценъ.

Тетрадь вамъ принесетъ Александръ.

Р. С. Говоря о Байронѣ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ, вы пишете «при тѣхъ же обстоятельствахъ»; здѣсь необходимо маленькое поясненіе: внѣшнія обстоятельства совѣмъ не были «тѣ же».

◆◆ 1. Въ «Neue Preussische Zeitung» («Kreuzzeitung») въ № отъ 26 мая 1857 г. было сказано:

«Эта амнистія не распространяется на готовящихся революціонный ядъ въ Лондонѣ эмигрантовъ, и это здѣсь тоже не произведетъ хорошаго впечатлѣнія, такъ какъ то обстоятельство, что

тамошня «свободная типографія» господина Герцена и товарищей печатаеть русскія книги и брошюры, возбуждаеть здѣсь, уже въ теченіе мѣсяцевъ, живѣйшее негодованіе. Путешествующіе русскіе, возвращающіеся изъ Германіи, изображаютъ эти, на русскомъ языкѣ печатающіяся, бунтовщическія изданія, исполненными тенденціей самаго опаснаго характера. Изданія эти были имъ тамъ присланы книгопродавцами въ гостиницу, и кажется вполне достаточнымъ, если между прибывшими чужими въ газетѣ появится какая-либо русская фамилія, чтобы лицо это было осчастливлено цѣлымъ грузомъ «Полярной Звѣзды», «Голосовъ изъ Россіи» и т. п. Лондонскій клубъ желаетъ, кажется, использовать всѣ средства, которыя ему предоставляютъ болѣе свободное направленіе и либеральныя поблажки нашего теперешняго правительства, и такъ какъ тяга путешествующихъ въ Германію и Францію въ предстоящее лѣто будетъ очень значительна, то легко предвидѣть, что эти пропагандистскія попытки примутъ грандіозные размѣры. *Semper aliquid haeret!* И если даже отвращеніе къ подобной политической агитаціи у каждаго образованнаго русскаго имѣеть перевѣсъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ, то все-таки со временемъ не будетъ недостатка и въ такихъ незрѣлыхъ умахъ, на которыхъ разсѣянный ядъ окажется извѣстное вліяніе».

934. Письмо къ Н. М. Щепкину.

9 іюня 1857.

At M-r Tinkler's, Putney.

Дружески благодарю васъ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, за всѣ хорошія и теплыя слова вашего письма. Разумѣется, и мнѣ бы душевно хотѣлось съ вами повидаться и, если бы только здоровье вашей супруги позволило вамъ отлучиться на *три* сутокъ (съ дорогой), то мы могли бы много потолковать и даже взглянуть à vol d'oiseau на Лондонъ. Если бы это случилось, я попросилъ бы о томъ, чтобы вы предупредили меня, только съ подробностью, въ какой день и какой часъ вы выѣзжаете, на Булонь или на Кале,—тогда я бы васъ здѣсь встрѣтилъ у London Bridge Station и поѣхали бы вмѣстѣ.

Вы должны знать, что къ намъ ходитъ желѣзная дорога, Windsor line или South Western и начинается отъ Waterloo Station (всякій часъ до 12 ночи). Приѣздъ Мар. Федор. размоксвилъ меня (я не знаю, можно ли это сказать, но чувствовать можно), и потому у меня сдѣлалось прожорство на москвичей, его и самъ

Андрей Краевскій не насытитъ, который отправляется въ Манчестеръ на выставку (его ли высшее начальство выставляетъ тамъ, какъ отечественное произведеніе, или онъ ударился въ картинную похоть,—не умѣю сказать).

Кто у васъ докторъ? Позовите кого-нибудь изъ главныхъ, напр., Руге академика или ...¹⁾, или ...¹⁾.

Да зачѣмъ же вы не хотите пожить въ Швейцаріи? Отъ 1 іюня до 1 октября тамъ рай «гористый». Посѣтили бы наше сельцо Шатель, гдѣ я по ревизіи числюсь и тягло имѣю.

Прощайте. Искренно желаю скорого облегченія вашей супругѣ, даже изъ эгоистическихъ видовъ.

Я испугаю васъ на-дняхъ «Колоколомъ», въ которомъ рекомендую трогательную статейку «Августѣйшіе путешественники».

Бакунинъ находится въ Прямухинѣ у родныхъ, ему велѣно жить свободно въ Омскѣ. Спѣшневъ и Достоевскій прощены.

Будьте здоровы и подумайте, не махнуть ли по матушкѣ по Темзѣ-рѣкѣ.

Весь вашъ

А. Гер.

Огаревъ много вамъ кланяется.

935. Отъ издателя.

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности твоей²⁾.

Рылѣва.

Событія двухъ цѣлыхъ лѣтъ показали, кто изъ насъ былъ правъ: умѣренные ли либералы, писавшіе *млекоѣ* и *медомѣ* долю статей, изданныхъ нами въ первой книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи», или мы въ нашихъ статьяхъ «Полярной Звѣзды».

Ничего не сбылось изъ пророчествъ *пылкой юности*. А, вѣдь, въ два года можно было что-нибудь сдѣлать, сверхъ контракта на желѣзныя дороги. Послѣ всѣхъ толковъ, журнальныхъ статей, частныхъ писемъ, догадокъ, много ли подвинулся вопросъ о тарифѣ, много ли уменьшилось воровство чиновниковъ и, главное, сдѣланъ ли какой-нибудь шагъ къ освобожденію крестьянъ?

¹⁾ Фамиліи не разобраны.

²⁾ У Рылѣва:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей.

(Стансы).

Одни говорятъ, что открыли комитетъ объ освобожденіи крестьянъ, другіе,—что его закрыли, третьи,—что онъ существуетъ и что предсѣдатель его—Блудовъ. Что за тайныя общества, что за секреты? Блудовъ знаетъ, куда ведутъ заговоры, — онъ былъ въ верховномъ судѣ, которому велѣно было засудить декабристовъ.

Хочетъ правительство освобожденія или нѣтъ? Да? Нѣтъ? *Liebt mich?—Liebt mich nicht?* ¹⁾.

Рѣчь государя въ Москвѣ ко всему *благородному* дворянству говорить «да»; циркуляръ Ланского въ Петербургѣ ко всему *неблагородному* въ немъ говорить «нѣтъ» ²⁾.

Двоихъ несчастныхъ ³⁾ сослали въ Сибирь за проповѣдованіе крестьянамъ вредныхъ мыслей, что они — не вещи, принадлежащія своимъ помѣщикамъ.

И на первый случай все окончилось разрѣшеніемъ крѣпостнымъ людямъ ѣздить за границу, если помѣщикъ позволитъ.

Что еще? Амнистія,—бѣдная, жалкая. Посмотрите на послѣдній предѣлъ государственнаго управленія—на Австрію, и тамъ даны полныя амнистіи. Еслибъ Бакунинъ былъ не выданъ изъ Австріи, онъ былъ бы теперь на свободѣ, а въ Россіи (противъ правительства которой онъ ничего не сдѣлалъ), сидитъ въ Шлиссельбургѣ. Австрія послѣ междоусобныхъ войнъ, возстанія цѣлыхъ народовъ, Австрія, шитая на живую нитку изъ распадающихся частей, не боится амнистіи, а Александръ II боится! Даже и тѣмъ, которые возвращены изъ Сибири, послѣ *тридцатилѣтнихъ* страданій, постарались отравить окончаніе ссылки, не дозволяя имъ ѣздить въ Москву и въ Петербургъ. Завтра революція, опасно, того и смотри, Петербургъ провозгласитъ республику въ преображенскихъ казармахъ и Москва—демократическій и соціальныи Кремль.

А что сдѣлалось съ тарифомъ?

Тенгоборскій умеръ,—ну и кончено; отчего же? Кто ни умираетъ и кто ни родится, а взятки все же берутъ, а палкой все же бьютъ и розгами, и кулакомъ, и - - - - - утвержденными плетями.

Правда, петербургскій оберъ-полицмейстеръ началъ отучать полицію отъ грубости и употребленія кулака, это дѣлаетъ ему честь. Но не дурно было бы распространить это огражденіе личности не на одинъ Петербургъ, но на Рязань и Казань, даже на заштатный городъ Царевokokшайскъ. Въ Петербургѣ, скажутъ, это

¹⁾ Любить? не любить?

²⁾ Ланской писалъ, что государемъ ему поручено «ненарушимо охранять права, вѣнченосными его предками дарованныя дворянству» и т. п.

³⁾ Н. А. Розенталь и ?

дѣлается для иностранцевъ, русскихъ тамъ не будутъ бить, чтобъ пощадить англійскіе и французскіе нервы, чтобъ избѣжать отвратительной западной гласности.

И что же, по совѣсти, будто честное дѣло воспѣвать всѣ эти слабыя, недоконченныя попытки облегчить горькую долю Россіи и умиляться передъ безпредѣльнымъ милосердіемъ, давшимъ узенькую амнистію, черезъ которую и желающіе возвратиться не могутъ пройти?

Нѣтъ, господа, дѣлайте какъ знаете, мы не пойдѣмъ по вашей дорогѣ; по ней, пожалуй, дойдѣшь до чина тайнаго совѣтника, а намъ хочется остаться явными совѣтниками, говорить открыто и смѣло истину.

У насъ нѣтъ никакой страсти къ систематическому порицанію. Мы готовы хвалить отъ всего сердца, но тогда, когда будетъ что-нибудь совершенно, а не въ ожиданіи сдѣланнаго. Невоздержными и не заслуженными похвалами - - - - - увѣрили, что - - и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ что сдѣлалъ для пользы и блага Россіи, что остается отдыхать на лаврахъ.

Мы вѣримъ въ добрую душу Александра II, въ его благородство. Отъ него не вѣтъ тѣмъ казарменнымъ, тлетворнымъ для всего человѣчества вѣяніемъ, къ которому мы такъ привыкли. Слѣдъ Жуковскаго остался на немъ. Но ждали мы отъ него больше, ждали перемѣнъ существенныхъ, а дождались китайскихъ тѣней.

Люди загрубѣлые въ роли слѣпыхъ исполнителей неистовствъ - - - - , и новые люди, жаждущіе упиться властью и дворцовымъ блескомъ, отдѣляютъ государя отъ Россіи. А гласности нѣтъ, да и врядъ читаетъ ли онъ.

Гдѣ между людьми, его окружающими, какой-нибудь талантъ, какое-нибудь сильное убѣжденіе, какая-нибудь рѣзкая способность? Слухомъ свѣтъ полнится, Тотлебена узнали черезъ мѣсяцъ во всей Европѣ. А какъ у нихъ нѣтъ ни основной мысли, ни общей цѣли, все идетъ случайно, изъ личныхъ видовъ, интригъ; отсюда непонятныя назначенія, замѣненія, мѣры и противомѣры.

Зачѣмъ остается Закревскій въ Москвѣ?—грубый, неотесанный и (какъ говорятъ) нечистый на руку?

Что за министръ Сухозанетъ, съ своимъ уморительнымъ приказомъ, которымъ возвѣщалъ свое вступленіе въ должность?

Что за министръ Ланской, съ тупоумнымъ циркуляромъ своимъ, направленнымъ противъ государя?

А долговязый Панинъ, эта высочайшая неспособность всей Россіи?

А хромое министерство съ Норовымъ и съ авторомъ «Рус-

скаго Бога», княземъ Вяземскимъ, перешедшимъ на сторону «нѣмецкаго» и проповѣдующимъ инквизицію и цензуру!»

Лучшій изъ нихъ, я думаю, министръ финансовъ: того и по имени никто не знаетъ,—Брикъ, Бракъ, Брукъ ¹⁾, что-то эдакое... А туда же требуетъ усилить цензуру. «Такая свободъ нефосможно!»

Вотъ когда бы Александръ Николаевичъ, однимъ добрымъ утромъ услышавъ изъ окна національный крикъ нараспѣвъ и въ носъ «Половые щетки продать!», — купилъ бы себѣ двѣ-три да и вымелъ бы Зимній дворецъ дочиста отъ - - - - - сора (не хуже же стало послѣ Клейнмихеля). Тогда, можетъ, и мы принялись бы умиляться и хвалить. До тѣхъ поръ мы не только сами этого не сдѣлаемъ, но и рѣшительно не будемъ печатать статей, которыя преспокойно могутъ благоухать въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ брюссельскомъ «Нордѣ» ²⁾.

«Да кому какое дѣло, хвалите ли вы, порицаете ли вы въ вашемъ углу? Кто вы такой? Да полно, существуете ли вы, съ своимъ крошечнымъ станкомъ? Нѣтъ ли микроскопа?»

Мы очень малы, но насъ трудно застрашать категоріей количества и величины; сравнивать діаметръ инфузорія и діаметръ эклиптики—старая шутка: вселенная состоитъ изъ точекъ, изъ клѣтчатокъ, а не изъ глыбъ, не изъ пустыхъ пространствъ. Каждый свободный человѣкъ имѣетъ полное право заявлять свой голосъ. Можетъ быть, его никто не услышитъ, можетъ, онъ и не стоитъ того, чтобъ его слышали, а, можетъ, онъ заронитъ искру въ родственное сердце и не въ одно. Но во всякомъ случаѣ, что бы ни было, потребность участія словомъ въ современныхъ дѣлахъ — больше, нежели право, — органическая необходимость, страстное желаніе всякаго любящаго свой предметъ такъ горячо, какъ мы любимъ нашу родину.

17 мая 1857.

936. [Примѣчаніе].

Считая этотъ отдѣлъ ³⁾ чрезвычайно полезнымъ, мы весьма желали бы побольше статей въ «Шнуровую книгу», хотя мы и

¹⁾ Петръ Федоровичъ Брокъ.

²⁾ Здѣсь преимущественно идетъ рѣчь о пяти или шести статьяхъ, не напечатанныхъ нами и особенно отличающихся духомъ смиренія и кротости. Еслибъ намъ присылали статьи въ родѣ тѣхъ, которыя напечатаны во второй и третьей книжкахъ «Голосовъ изъ Россіи», мы готовы ихъ всегда печатать.—А. И. Г.

³⁾ «Шнуровая книга обличеній»—отдѣлъ въ III ч. «Голосовъ изъ Россіи».

обязаны сказать, что вся нравственная отвѣтственность за факты лежитъ на *совѣсти* присылающаго: мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности повѣрять рассказанное. Въ рассказѣ о Спасскомъ ¹⁾ всѣ названы по именамъ, кромѣ сенатора. Почему же этотъ негодяй не названъ? неужели оттого, что онъ сенаторъ? Имя его превосходительства!.. Давайте намъ его имя!

937. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 juin (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Радуйся, радуйся, яко въ Дрезденѣ еси!—Мы постояннѣ васъ: изъ Путнея въ Лондонъ и изъ Лондона въ Путней. Письмо ваше получилъ давно, а не отвѣчалъ за неимѣніемъ важныхъ новостей. А, впрочемъ, были разные русскіе,—молодые и хорошіе; всѣ вѣсти ихъ превосходны: книги наши кипятъ, да это и по расходу ихъ видно. «Колоколъ» выйдетъ въ понедѣльникъ, — пришлю тотчасъ.

Вотъ двѣ комисіи: 1) Книгу Грановскаго пришлите черезъ кого-нибудь изъ книгопродавцевъ къ Трюбнеру, прося его передать. 2) Здѣсь былъ Некрасовъ; я его не хотѣлъ видѣть, но послалъ къ нему съ Тургеневымъ его расписку, по которой онъ самъ обязуется отдать мнѣ извѣстныя деньги (ихъ до 1,000 руб. сереб.). Я ему велѣлъ сказать, чтобы онъ ихъ отдалъ мало-по-малу Петрушѣ (человѣкъ, который купилъ здѣсь ружье въ 45 liv. и собаку, которая стоитъ не меньше, можетъ платить). А потому пусть Петруша къ нему явится и полученныя деньги отошлетъ Аксин. Иван. половину, а другую возьметъ себѣ. Онъ прямо можетъ сказать, что требуетъ по запискѣ, переданной мною Тургеневу, и пусть мнѣ сообщить отвѣтъ. Напишите это пообстоятельнѣ. Петруша живетъ у Львицкаго ²⁾ въ Петербургѣ.¹

19 іюня.

Щепкинъ пишетъ, что приѣдетъ черезъ три дня.—Вчера получилъ отъ двухъ книгопродавцевъ запросъ о позволеніи издать всѣ мои сочиненія вторымъ изданіемъ, *по-русски* въ Лондонѣ. Что объ этомъ скажете? т. е. просто: одна рука въ голландской сажѣ, другая въ чернилахъ.

Прощайте

А. Г.

¹⁾ Несчастный, котораго провоцировали на взяточничество и уволили со службы по проискамъ неназваннаго сенатора.

²⁾ Сергѣй Львовичъ.

Тата собирается ѣхать на свадьбу 29 числа, къ Саффи, въ качествѣ провожатой невѣсты, при чемъ бѣлое кисейное платье, вуаль и бѣлые башмаки... она не спитъ и ужъ меньше ѣстъ въ ожиданіи.

◆◆ 1. Обычно почему-то говорятъ, что Герценъ не принялъ Некрасова, пріѣхавшаго къ нему въ домъ. Это совершенно невѣрно. Некрасовъ прибылъ въ Лондонъ съ Тургеневымъ, и послѣдній спросилъ Герцена, можетъ ли поэтъ заѣхать къ нему; Герценъ уклонился отъ свиданія (письмо Н. А. Огаревой къ Е. С. Некрасовой, отъ 16 іюля 1897 г., въ Румянц. музеѣ). Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Огарева говоритъ, что «въ продолженіе трехъ дней Тургеневъ постоянно уговаривалъ Герцена увидать Некрасова, но принужденъ былъ покориться непреклонной волѣ Герцена и увезти его обратно, не добившись свиданія» (311—312). 1500 р. Некрасовъ взялъ у Герцена еще въ 1846 году, при основаніи на-ново «Современника».

938. Предисловіе.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи несутся быстро, ихъ надобно ловить на лету, обсуживать тотчасъ, Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся ежемѣсячно издавать *одинъ листъ*, иногда *два*, подъ заглавіемъ КОЛОКОЛЪ.

О направленіи говорить нечего; оно то же, которое въ «Полярной Звѣздѣ», то же, которое проходитъ неизмѣнно черезъ всю нашу жизнь. Вездѣ, во всемъ, всегда быть со стороны воли противъ насилія, со стороны разума противъ предрасудковъ, со стороны науки противъ изуверства, со стороны развивающихся народовъ противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы наши.

Въ отношеніи къ Россіи мы хотимъ страстно, со всею горячностью любви, со всей силой послѣдняго вѣрованія,—чтобъ съ нея спали, наконецъ, ненужные старые свивальники, мѣшающіе почему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году ¹⁾ считаемъ первымъ, необходимымъ, неотлагаемымъ шагомъ:

¹⁾ Программа «Полярной Звѣзды»—А. И. Г.

Освобожденіе слова отъ цензуры!

Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ!

Освобожденіе податного состоянія отъ побоевъ!

Не ограничиваясь, впрочемъ, этими вопросами, «Колоколъ», посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ *звонить* чѣмъ бы ни былъ затронуть — — — — — указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное,—все идетъ подъ «Колоколъ».

А потому обращаемся ко всѣмъ соотечественникамъ, дѣлящимъ нашу любовь къ Россіи, и просимъ ихъ не только слушать нашъ «Колоколъ», но и самимъ звонить въ него! ¹⁾

Появленіе новаго русскаго органа, служащаго дополненіемъ къ «Полярной Звѣздѣ», не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго произвола, а—отвѣтъ на потребность; *мы должны* его издавать.

Для того, чтобы объяснить это, я напомнимъ короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запросомъ. Открывая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторяю слѣдующія строки:

«Отчего мы молчимъ?

«Неужели намъ нечего сказать?

«Или мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить?»

«Дома нѣтъ мѣста свободной русской рѣчи,—она можетъ раздаваться индѣ, если только ея время пришло.

«Я знаю, какъ вамъ тягостно молчать, чего вамъ стоитъ скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякій порывъ.

«Открытая вольная рѣчь — великое дѣло, безъ вольной рѣчи нѣтъ вольнаго человѣка. Не даромъ за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе. Скрывается только слабое, боящееся, незрѣлое; «молчаніе—знакъ согласія»; оно явно выражаетъ отреченіе, безнадежность, склоненіе головы, сознанную безвыходность.

«Открытое слово — торжественное признаніе, переходъ въ дѣйствіе.

«Время печатать по-русски внѣ Россіи, кажется намъ пришло. Ошибаемся мы или нѣтъ? Это покажете вы.

¹⁾ До сихъ поръ текстъ почти повторяетъ № 919.

«Но для кого печатать по-русски за границу? какъ могутъ расходиться въ Россіи запрещенныя книги?»

«Если мы все будемъ сидѣть, сложа руки, и довольствоваться бесплоднымъ ропотомъ и благороднымъ негодованіемъ, если мы будемъ благоразумно отступать отъ всякой опасности и, встрѣтивъ препятствіе, останавливаться, не дѣлая опыта ни перешагнуть, ни обойти его,—тогда долго не придутъ еще для Россіи свѣтлые дни.

«Дверь вамъ открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нѣтъ? Это останется на вашей совѣсти.

«Если мы не получимъ ничего изъ Россіи, это будетъ не наша вина. Если вамъ покой дороже свободной рѣчи,—молчите».

Ожидая, что будетъ, я принялся печатать свои сочиненія и летучіе листы, писанные другими. Отвѣта не было или хуже—до меня доходили одни порицанія, одинъ лепетъ страха, осторожно шептавшій мнѣ, что печатаніе за границей опасно, что оно можетъ компрометировать и надѣлать бездну вреда; многіе изъ близкихъ людей дѣлили это мнѣніе. Меня это испугало.

Пришла война. И въ то время, когда Европа обратила жадное вниманіе на все русское и раскупала цѣлыя изданія моихъ французскихъ брошюръ ¹⁾, и переводъ моихъ «Записокъ» на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ быстро расходился,—русскихъ книгъ не было продано и десяти экземпляровъ. Онѣ грудами валялись въ типографіи или разсылались нами на нашъ счетъ, и при томъ даромъ.

Пропаганда тогда только начинается быть дѣйствительною силой, когда она окупается; безъ этого она натянута, неестественна и можетъ, развѣ, только служить дѣлу партій, но чаще вызываетъ нѣскольکو выращенное сочувствіе, которое блѣднѣетъ и вянетъ, какъ скоро слова перестаютъ звучать.

Меньшинство осуществляетъ часть своего идеала только тогда, когда, повидимому выдѣляясь изъ большинства, оно, въ сущности, выражаетъ его же мысль, его стремленія, его страданія. Большинство бываетъ вообще неразвито, тяжело на подъемъ; чувствуя тягость современнаго состоянія, оно ничего не дѣлаетъ, чтобы освободиться отъ него; тревожась вопросами, оно можетъ остаться, не разрѣшая ихъ. Появляются люди, которые изъ этихъ страданій, стремленій дѣлаютъ свой жизненный вопросъ, они дѣйствуютъ словомъ, какъ пропагандисты, дѣломъ, какъ, революціонеры, но въ обоихъ случаяхъ настоящая почва тѣхъ и другихъ — большинство и степень ихъ сочувствія къ нему.

¹⁾ «Le Vieux Monde et la Russie» было помѣщено сначала въ англійскомъ «Ревю», потомъ въ «L'Homme», потомъ было отпечатано въ Жерсеѣ особо и все продано до послѣдняго экземпляра.—А. И. Г.

Всѣ попытки издавать журналы въ лондонской эмиграціи съ 1849 года не удались, они поддерживались приношеніями, не окупались и лопались; это было явное доказательство, что эмиграціи не выражали больше мысли своего народа. Они остановились и вспоминали, народы шли въ другую сторону. И въ то самое время, какъ угасаль послѣдній французскій листокъ демократической партіи въ Лондонѣ, четыре изданія прудоновской книги «Manuel du spéculateur à la bourse»¹⁾, были расхвачаны въ Парижѣ.

Конечно, строгость и свирѣпья мѣры очень затрудняли ввозъ запрещенныхъ книгъ въ Россію. Но развѣ простая контрабанда не шла своимъ чередомъ, вопреки всѣмъ мѣрамъ? Развѣ строгость Николая остановила воровство чиновниковъ? На взятки, на обкрадываніе солдатъ, на контрабанду была отвага, на распространеніе свободного слова—нѣтъ; стало быть, нѣтъ еще на него и истинной потребности. Я съ ужасомъ сознавался въ этомъ. Но внутри была *живая вѣра*, которая заставляла надѣяться, вопреки собственнымъ доводамъ, и выжидая, продолжалъ свой трудъ.

Вдругъ телеграфическая депеша о смерти Николая.

Теперь или никогда!

Подъ вліяніемъ - - - - - вѣсти я написалъ программу «Полярной Звѣзды». Въ ней я говорилъ:

«Россія сильно потрясена послѣдними событіями. Что бы ни было, она не можетъ возвратиться къ застою; мысль будетъ дѣятельнѣе, новые вопросы возникнутъ, — неужели и они должны затеряться, заглохнуть? Мы не думаемъ. Казенная Россія имѣетъ языкъ и находитъ защитниковъ даже въ Лондонѣ. А юная Россія, Россія будущаго и надеждъ не имѣетъ ни одного органа.

«Мы предлагаемъ его ей.

«Четырнадцатое декабря родилось тоже въ минуту одушевленія, когда народъ, въ первый разъ послѣ Пожарскаго, шель рука въ руку съ правительствомъ. Мысль русскаго освобожденія явилась на свѣтъ въ тотъ день, когда русскій солдатъ, усталый послѣ боевъ и длинныхъ походовъ, бросился, наконецъ, отдохнуть въ Елисейскихъ поляхъ.

«И неужели черезъ сорокъ лѣтъ пройдетъ даромъ гигантскій бой въ Тавридѣ?

«Севастопольскій солдатъ, израненный и твердый, какъ гранитъ, испытавшій свою силу, такъ же подставить свою спину палкѣ, какъ и прежде? Ополченный крестьянинъ воротится на барщину такъ же покойно, какъ кочевой всадникъ съ береговъ каспійскихъ,

¹⁾ «Справочникъ биржевика».

сторожившій балтійскую границу, пропадетъ въ своихъ степяхъ? Не можетъ быть. Все въ движеніи, все потрясено, натянуто... и чтобъ страна, такъ круто разбуженная, снова заснула непробуднымъ сномъ?

«Лучше пусть погибнетъ Россія!

«Но этого не будетъ. Намъ здѣсь вдали слышна другая жизнь; изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ. Мы и прежде не сомнѣвались въ народѣ русскомъ,—все написанное и сказанное нами съ 1849 года свидѣтельствуемъ объ этомъ. Основаніе типографіи еще больше свидѣтельствуемъ. Вопросъ шель о времени, онъ разрѣшился въ нашу пользу.»

Въ день казни нашихъ мучениковъ, черезъ 29 лѣтъ, вышла въ Лондонѣ первая «Полярная Звѣзда». Съ бьющимся сердцемъ ожидалъ я послѣдствій.

Вѣра моя начала оправдываться.

Я сталъ вскорѣ получать письма, исполненныя симпатіи юной, горячей, тетради стиховъ и разныхъ статей. Началась продажа, сначала туго и медленно возрастая, потомъ, съ выхода *второй книжки* (въ апрѣлѣ 1856 г.) количество требованій увеличилось до того, что иныхъ изданій уже совсѣмъ нѣтъ, другія изданы во второй разъ, третьихъ остается по нѣсколько экземпляровъ. ¹⁾ Отъ выхода второй книжки «Полярной Звѣзды» и до начала «Колокола», всѣ *расходы по типографіи* покрыты продажей русскихъ книгъ.

Сильнѣе доказательства на дѣйствительную потребность свободнаго слова въ Россіи быть не можетъ, особенно, вспомнивъ таможенныя препятствія.

Итакъ, трудъ нашъ не былъ напрасенъ. Наша рѣчь, свободное русское слово, раздается въ Россіи, будить однихъ, страшаетъ другихъ, грозитъ гласностью третьимъ.

Свободное русское слово наше раздается въ Зимнемъ дворцѣ, напоминая, что сдавленный паръ взрываетъ машину, если не умѣютъ его направить.

Оно раздается среди юнаго поколѣнія, которому мы передаемъ нашъ трудъ. Пусть оно, болѣе счастливое, нежели мы, увидитъ *на дѣлѣ* то, о чемъ мы только говорили. Не завидуя, посмотримъ мы на свѣжую рать, идущую обновить насъ, и дружески ее привѣтствуемъ. Ей радостные праздники освобожденія, намъ благовѣсть, которымъ *мы* зовемъ *живыхъ* на похороны всего дряхлаго, отжившаго безобразнаго рабскаго, невѣжественнаго въ Россіи!¹

¹⁾ «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка», первая и вторая книжка «Полярной Звѣзды» совсѣмъ исчерпаны. Вторымъ изданіемъ вышла «Крещенная собственность».—А. И. Г.

◆◆ 1. Помимо всего другого, Герценъ, хорошо понималъ что неясно было, напр., Погодину,—силу именно русской заграничной печати. Такой искушенный знаніемъ сферъ челоувѣкъ, какъ Ѳ. И. Тютчевъ, формулировалъ ея роль очень коротко, но ясно: «Повѣрьте мнѣ, правительственные люди—не у насъ только, но вездѣ,—только къ тѣмъ идеямъ имѣютъ уваженіе, которыя безъ ихъ разрѣшенія, безъ ихъ формы гуляютъ себѣ по бѣлому свѣту. Только со свободнымъ словомъ обращаются они, какъ взрослый съ взрослымъ, какъ равный съ равнымъ. На все же прочее смотрятъ они,—даже самые благонамѣренные и либеральные, какъ на ученическія упражненія» (Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XV, 110—111).

Герценъ зналъ это и потому съ самага начала особенно цѣнилъ свой «Колоколъ», не говоря уже о томъ времени, когда фактами былъ убѣжденъ въ своей силѣ.

Основаніе «Колокола» несомнѣнно въ значительной степени было внушено Огаревымъ. Послѣдній оставилъ Россію на десять лѣтъ позже Герцена, лучше могъ приглядѣться къ жизни, какъ она есть, и наблюдалъ то, что Герценъ зналъ только по рассказамъ: разложеніе николаевской Россіи и общественный реформаторскій подъемъ вслѣдъ за 18 февраля 1855 года. Огаревъ зналъ, какой талантъ публициста таился въ его другѣ, и съ другой стороны, былъ увѣренъ, что Герценъ получитъ въ «Колоколѣ» то нравственное удовлетвореніе, котораго такъ нехватало ему съ 1852 года и которое для такой натуры и не могло создаться безъ участія въ практической работѣ, являвшейся завершеніемъ продолжительной теоретической работы. Разсказъ Н. А. Огаревой объ этомъ весьма важномъ событіи въ жизни Герцена (стр. 107—108 ея «Воспоминаній») кажется мнѣ очень дѣланнымъ.

Программа «Колокола», какъ ее выразилъ Герценъ, была не широка, но именно очень практически ясна, почти совпадая, кстати сказать, съ тѣми «самыми живыми, современными національными вопросами въ Россіи», которые таковыми считалъ Бѣлинскій въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю. Лишь вмѣсто «введенія по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть», Герценъ выдвинулъ свободу печати.

«Vivos voco!»—поставленное имъ подъ словами: «Колоколъ. Прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ» — напоминало всѣмъ эпиграфъ шиллеровской «Пѣсни о колоколѣ», которая имѣетъ полный эпиграфъ: «Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango», что значитъ: «Призываю живыхъ. Оплакиваю мертвыхъ. Сокрушаю молніи».

Успѣхъ «Колокола», выходявшаго до 15 февраля 1858 г. разъ въ мѣсяць, а потомъ—два, былъ большой, и вскорѣ онъ печатался

уже въ 2500 экз., повторивъ №№ 1—29, 44 и др. вторымъ изданіемъ, что по тогдашнему времени свидѣтельствовало о громадной аудиторіи; не надо забывать, что одинъ экземпляръ бывалъ въ десяткѣ рукъ.

Я не буду долго останавливаться на разъясненіи значенія «Колокола», на описаніи его широкаго вліянія и его распространительнаго аппарата,—многое будетъ сообщено въ своемъ мѣстѣ, приведу лишь нѣкоторые факты и мнѣнія, чтобы ввести читателя въ ясное представленіе о роли этого изданія.

17 іюля 1857 г. Тургеневъ писалъ Герцену: «Твой «Колоколъ» достигъ высочайшихъ регіоновъ ¹⁾),—какое онъ тамъ произвелъ впечатлѣніе, самъ можешь посудить» («Письма», 109). Въ самомъ началѣ Тургеневъ относился отрицательно къ мысли издавать «Колоколъ», но вскорѣ потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе (Огарева, «Воспоминанія», 108, 152).

29 августа Кавелинъ, котораго приглашали преподавателемъ къ наслѣднику, имѣлъ разговоръ съ императрицей. «Государыня была на балконѣ и читала «Колоколъ»; когда я вошелъ, почти первыя ея слова были выраженія негодованія противъ Герцена, по поводу этого чтенія.—Какой онъ долженъ быть дурной человѣкъ! Вы его знали?—Зналъ.—Читали вы его «Колоколъ»?—Второго номера не читалъ еще.—Это ужасно, что онъ пишетъ! И государь выпросилъ ему прощеніе, благодаря этому доброму Жуковскому.—Я не вытерпѣлъ и замѣтилъ, что Герцена погубило правительство незаслуженными преслѣдованіями. Разговоръ перешелъ на его біографію, которую я рассказалъ, выставляя сколько было можно, что онъ могъ бы быть полезенъ для Россіи, если бы его не ожесточили, и прибавилъ, что онъ любитъ Россію и не враждебенъ нынѣшнему правительству. Привелъ его слова: «десять лѣтъ крѣпости и право жить въ Россіи», и другія: «готовъ дать подписку ничего больше никогда не писать, только чтобы жить въ Россіи». Къ сожалѣнію, государыня поняла мои слова, какъ будто бы я хотѣлъ сказать, что правительство могло бы утилизировать *теперь* Герцена; но я поспѣшилъ выразиться точнѣе; предать его я, однако, не хотѣлъ, и, указывая на то, что мнѣнія Герцена не раздѣляются въ Россіи, прибавилъ, что онъ заблуждается, что ненависть есть тоже своего рода любовь, и что онъ только человѣкъ ожесточенный, не сладившій съ своимъ самолюбіемъ, а не злонамѣренный» (Кавелинъ, «Собраніе сочиненій», II, 1174).

Когда при дворѣ узнали, что кн. Ю. Н. Голицынъ, ѣздивши

¹⁾ Region—область, сфера.

въ 1858 г. за границу, познакомился съ Герценомъ, а вернувшись въ Россію, завелъ съ нимъ переписку, и, лучше всего,—что письмо свое отдалъ переписать чиновнику военного министерства, а сочиненія Герцена отдалъ переплести придворному переплетчику,—ему запретили въѣздъ въ столицу и предложили избрать провинціальное мѣстоительство («Рус. Старина», 1897, IV, 177).

На распространенность «Колокола» даже среди учащейся молодежи указываетъ К. К. Скальковской («Воспоминанія молодости», III)—относительно Горнаго корпуса, П. П. Суворовъ («Записки о прошломъ», 29)—2-го московскаго кадетскаго корпуса, Ф. Еленевъ («Два документа» etc, 452)—относительно гимназистовъ и кадетъ. Показанія этихъ, не расположенныхъ къ Герцену современниковъ особенно цѣнны, они даютъ большую убѣдительность рассказамъ изъ лѣваго крыла общества, которыя я опушу, сдѣлавъ еще нѣсколько экскурсовъ въ область праваго крыла. «Каждый русскій путешественникъ, едва успѣлъ переступить границу, спѣшилъ купить номера «Колокола». Многіе въ душѣ отрещивались отъ проводимыхъ въ этомъ журналѣ идей, какъ отъ навожденія злого духа, но все же съ жадностью набрасывались на чтеніе его, прежде всего потому, что, вѣдь, это былъ запретный плодъ, и тамъ были «обличенія» въ широкой формѣ, а лица назывались собственными именами» («Рус. Старина» 1895, II, 139). «Расчетъ Герцена былъ вѣренъ; успѣхъ его изданій превзошелъ всѣ ожиданія; они расходились во множествѣ экземпляровъ; многіе русскіе, пріѣхавшіе въ чужіе края, покупали (большею частью просто изъ любопытства) запрещенные листки и книжки. Довольно этихъ листковъ и книжекъ пробиралось и въ Россію и здѣсь читалось съ неменьшимъ любопытствомъ. Авторитетъ г. Герцена все росъ и росъ, имя его сдѣлалось знаменемъ въ извѣстныхъ кружкахъ, и остроумный фельетонистъ сталъ героемъ нашей ультра-либеральной партіи» («Сынъ Отечества» 1862, № 197).

«Къ концу 1856 года,—рассказываетъ кн. В. П. Мещерскій,—когда успокоились всѣ волненія коронаціи, небо стало хмуриться, и воздухъ сталъ грязниться... Это было начало, зародышъ той эпохи—увы! долголѣтней и смутной,—которая столько горя принесла Россіи наравнѣ со столькими благими намѣреніями... Началась совсѣмъ новая политическая жизнь... Забытъ былъ Николай, забыты были святая страды Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то новаго. Это новое, смѣшно вспомнить, былъ Герцень...

«Явился новый страхъ—Герцень; явилась новая служебная совѣсть—Герцень; явился новый идолъ—Герцень... Ничего никѣмъ

не было разрабатываемо съ мыслью начать дѣло по плану и въ порядкѣ. И оттого-то все сосредоточилось въ Герценѣ... А Герценъ съ своимъ вліяніемъ являлся выразителемъ самымъ циничнымъ того характера случайности, который должны были принять задачи такъ называемаго перерожденія. Герценъ основалъ эпоху обличенія... Едва мы (правовѣды) выходили изъ училища, то начинали слышать разговоры о Герценѣ; въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ того момента, Герцена брошюры читались, сваливаясь съ неба, и я помню, при встрѣчѣ съ юнкерами сверстниками, разговоры о томъ, что у нихъ классы дѣлятся на герценистовъ и антигерценистовъ. Дѣйствіе герценовскихъ проповѣдей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ и спеціальныхъ, не замедлило проявиться; явился новый въ нихъ духъ, либеральный и современный, заключавшійся въ отрешиваніи отъ николаевщины, въ порицаніи ея *военщины*, въ критикованіи ея *дисциплины*...

«Помню я, какъ одинъ почтенный другъ нашей семьи, старый служака николаевскихъ временъ, рассказывалъ съ меланхолическимъ юморомъ, какъ *теперь* у нихъ во всѣхъ министерствахъ забили тревогу; вездѣ явились корреспонденты Герцена изъ министерства; то были и столоначальники, и начальники отдѣленій; вслѣдствіе этого всѣ начальства, до министра включительно, съ одной стороны, трепетно и злобно доискивались, кто ихъ *луда*, а съ другой стороны, жили въ нервномъ страхѣ Герцена, ибо знали, что Герценъ имѣетъ читателей въ Зимнемъ дворцѣ.

«О томъ, какъ велика была сила этого легкомысленнаго, этого глупаго страха герценовскихъ обличеній, свидѣтельствовалъ всего краснорѣчивѣе тотъ фактъ, о которомъ именно тогда говорили,—что никто и помыслить не смѣлъ принять мѣры къ прекращенію этой дѣятельности Герцена, бравшаго свою силу не въ Лондонѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ Россіи, въ тѣхъ департаментахъ и учрежденіяхъ, которые поставляли Герцену обличительный матеріалъ... Доходило до того, что, право, безъ преувеличенія можно сказать, въ иныхъ сферахъ и кружкахъ Герцена боялись болѣе, чѣмъ правительства» («Мои воспоминанія» I, 67—71).

Всѣхъ этихъ, особенно послѣдняго, свидѣтельствъ достаточно, чтобы получить общее представленіе о роли «Колокола» ¹⁾).

Особое мѣсто и тутъ занялъ проф. И. И. Ивановъ, рѣшительно раскритиковавшій лондонскій журналъ. «Органомъ социализма

¹⁾ Были курьезы. Студенты петербургскаго университета въ 1857 г. издавали два рукописныхъ журнала, назвавъ одинъ изъ нихъ также «Кололомъ» (Никитенко, «Дневникъ», I, 500).

«Колоколь» можно именовать развѣ въ насмѣшку надъ социализмомъ»—первое заключеніе ученаго. «Изъ всей литературы шестидесятихъ годовъ «Колоколь»—самое кривое зеркало людей и явленій своего времени. Нѣтъ ни одного, буквально ни одного человѣка, оцѣненного вдумчиво и благородно: или клеймо, или вѣнокъ,—въ зависимости не отъ убѣжденій, добросовѣстно обдуманыхъ и обоснованныхъ знаніемъ предмета, а исключительно отъ простодушной политической страсти, отъ мимолетнаго впечатлѣнія, отъ единичнаго сообщенія, а больше всего—отъ взрывовъ личнаго тщеславія и самолюбія»,—второе его заключеніе. Оба такъ обоснованы и справедливы, что я предпочитаю не опровергать ихъ.

Менѣе роялистское, чѣмъ его защитникъ, правительство иначе смотрѣло на изданія Герцена и, конечно, въ 1857 году продолжало свою борьбу съ ихъ распространеніемъ.

2 января 1857 г. въ III Отдѣленіе была доставлена выписка изъ попавшаго въ перлюстрацію письма А. С. Тургенева изъ Спб. къ И. Г. Щеткину въ Москву, отъ 26 декабря 1856 г. «Здѣсь идетъ молва, что предатель русскій Герценъ выслалъ въ Россію 1000 тысячъ воззваній, возмущающихъ народъ русскій и что въ низовыхъ губерніяхъ множество таковыхъ воззваній въ народѣ. Говорятъ, что у Герцена много пріятелей, въ толпѣ литераторовъ, журналистовъ и пр. и пр.»

3 января кн. Долгоруковъ предписалъ начальникамъ жандармскихъ округовъ имѣть строгое наблюденіе за необращеніемъ изданій Герцена и рукописей.

Къ маю 1857 года русскому правительству стало извѣстно, что берлинскими комиссіонерами Герцена состоятъ книгопродавцы Шлезингеръ и Ф. Шнейдеръ; у нихъ есть особый агентъ, разъѣзжающій вдоль русской границы и пользующійся массою услужливыхъ рукъ. Смѣнившій Орлова кн. Долгоруковъ 4 мая сообщилъ объ этомъ намѣстнику Царства Польскаго, министрамъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, финляндскому генералъ-губернатору и многимъ другимъ, прося принять мѣры. Министерство иностранныхъ дѣлъ снеслось съ прусскимъ правительствомъ, прося оказать помощь. Намѣстникъ же Царства Польскаго проявилъ энергичную дѣятельность: онъ командировалъ въ Берлинъ вѣрнаго агента для тайнаго собранія свѣдѣній о доставкѣ въ Россію лондонской «литературы». Вскорѣ агентъ напалъ на широкую организацію. Оказалось, что сбытомъ выгоднаго товара занимались многіе. Шлезингеръ и Шнейдеръ продаютъ и даже держатъ комиссіонеровъ, разносящихъ «литературу» русскимъ по берлинскимъ и окрестнымъ отелямъ; Боте и Бокъ, Ашеръ и К^о, Штуръ, Шредеръ и Адольфъ,—

всѣ эти книгопродавцы тоже не отказываются отъ комиссіонерства. Мало того, первый номеръ «Колокола» продавался не только въ книжныхъ магазинахъ Берлина, но даже рядомъ съ нашимъ посольствомъ, у Штура, гдѣ онъ преспокойно былъ выставленъ въ окнѣ... Въ типографіи Шульца печатаются «Демонъ» Лермонтова, «Войнаровский» Рылѣва и прочія изданія берлинскаго книгопродавца Ф. Шнейдера. Агентъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ вѣрность своему слову дрезденскаго правительства: тамъ ровно ничего не было замѣчено. Въ Лейпцигѣ русской нелегальщиной торгуютъ Брокгаузъ, Бибровичъ и Гергардтъ. Вообще въ Германіи и Пруссіи очень много герценовской литературы; нѣсколько транспортовъ, правда, уже и задержано; одинъ изъ нихъ шелъ на имя студента бреславльскаго университета Юліана Буковецкаго, которому уже и воспрещенъ въѣздъ въ Россію, другой—Ольшевскому, недавно высланному въ Якутскъ, третій—черезъ Мемель въ Митаву отправленъ умершимъ Ворцелемъ и четвертый—въ Вильну.

Русское правительство воспользовалось всѣми этими цѣнными свѣдѣніями и немедленно отправило прусскому правительству просьбу о помощи.

Послѣднее оказалось на высотѣ своей задачи и въ октябрѣ сдѣлало распоряженіе о запрещеніи продажи «Колокола» на всей прусской территоріи. Оба министерства иностранныхъ дѣлъ обмѣнялись по этому случаю трогательными любезностями...

Одновременно наше правительство продолжало розыски за границей черезъ многихъ агентовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были людьми съ именами. Вотъ, на примѣръ, къ подвигамъ гр. Алексѣя Бобринскаго. 19 марта 1857 г. онъ пишетъ шефу жандармовъ кн. Долгорукову изъ Лондона: «Князь, исполняя порученіе, которое Вы мнѣ дали при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, спѣшу послать Вамъ маленькую брошюру, которая появилась всего дней десять. Кромѣ этого произведенія, касающагося смерти главы польской эмиграціи въ Лондонѣ (Ворцеля—*М. Л.*) и второго изданія «Крещеной собственности», типографія Герцена ничего не издала въ теченіе этой зимы и, какъ объ этомъ заявляетъ обложка, въ коей находится прилагаемый памфлетъ, третій томъ «Полярной Звѣзды» появится только въ будущемъ августѣ. Но если молчитъ революціонная пропаганда, то зато англійская пресса, напротивъ, только и дѣлаетъ, что печатаетъ произведенія о послѣдней войнѣ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Если Вы желаете имѣть нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, укажите мнѣ и вѣрьте, князь, что я всегда буду очень счастливъ исполнить Ваше приказаніе».

Московскій жандармскій генераль, Перфильевъ, писалъ шефу

жандармовъ 19 ноября, что ректоръ московскаго университета получилъ въ конвертѣ номеръ «Колокола», въ которомъ Герценъ позволилъ себѣ рѣзкія выходки по адресу проф. Н. И. Крылова. «Упоминаемый «Колоколъ» звона здѣсь не производитъ, но тихіе звуки и отголоски замѣчаются, равно какъ и другихъ сочиненій того же автора. Возвращающимися изъ-за границы они провозятся легко, но здѣсь сообщаются съ большою осторожностью, преимущественно въ кругу литераторовъ, для которыхъ они имѣютъ болѣе интереса».

Не было средствъ борьбы и у правительства въ цѣломъ. Оно могло только время отъ времени констатировать необыкновенный успѣхъ герценовской пропаганды... Вотъ, напримѣръ, очень характерная записка самого кн. Долгорукова, набросанная для его помощника Тимашева, смѣнившаго Л. В. Дубельта:

«Здѣсь непрерывно толкуютъ, что сочиненія Герцена ввезены тысячами экземпляровъ во внутренность Россіи и будто бы, по словамъ купцовъ, на Нижегородской ярмаркѣ можно было пріобрѣтать ихъ въ томъ числѣ, какое желали покупатели. По послѣднему слуху спросить Коптева¹⁾, что касается до перваго, то я, кажется, сносился уже съ нашими штабъ-офицерами о томъ, дѣйствительно ли много означенныхъ сочиненій въ обращеніи по губерніямъ. Если подобное сношеніе было сдѣлано, то представить мнѣ о доставленныхъ свѣдѣніяхъ справку. Въ противномъ случаѣ потребовать таковыхъ изъ губерній и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить, какимъ путемъ могли запрещенныя книги, по заключеніямъ штабъ-офицеровъ, проникнуть во внутреннія губерніи». На справкѣ отъ 13 ноября Долгоруковъ написалъ: «Замѣтить штабъ-офицерамъ ихъ недостаточное наблюденіе за столь важнымъ предметомъ и предписать имъ, чтобы они сообщили то, что имъ по оному извѣстно».

Нижегородскій штабъ-офицеръ, разумѣется отрицалъ распространеніе «литературы» на ярмаркѣ, и на этомъ дѣло было кончено. Отвѣты другихъ жандармовъ были тоже болѣе или менѣе шаблонны и схожи съ данными ими еще въ 1854 году. Правда, на этотъ разъ они не отрицали совершенно, что Герценъ не проникъ въ общество, но доказывали полный индифферентизмъ къ нему. Ярославскій полковникъ не отрицалъ, что высшее мѣстное общество имѣетъ отдѣльныя изданія лондонской типографіи, но прибавлялъ, что они не пользуются особымъ сочувствіемъ. Рязанскій полковникъ ручался за благонамѣренность своего населенія, указывалъ, что образованныхъ чиновниковъ, которые могли бы интере-

¹⁾ Нижегородскій жандармъ.

соваться нелегальщиной, почти нѣтъ, а «литераторовъ всего въ губерніи четыре: Славутинскій, кн. Крапоткинъ, Селивановъ и Кошелевъ. Первые два сочиняютъ лишь мелкія стихотворенія и небольшія повѣствовательныя пьесы, третій—иногда статьи о хозяйствѣ, а Кошелевъ—живетъ въ Москвѣ». Калужскій жандармъ увѣрялъ, что о Герценѣ знаютъ лишь побывавшіе въ столицахъ, но и то говорятъ о немъ съ негодованіемъ. Псковской жандармъ предлагалъ разрѣшить ему частые разѣзды по губерніи, понимая, что здѣсь пахнетъ хорошими прогонами... Обстоятельный, въ смыслѣ канцелярскомъ, отвѣтъ далъ окружной виленскій генералъ, Куцинскій. Приведу изъ него существенное.

«Вредно весьма то, что нѣкоторые наши журналы, особенно московскіе, слишкомъ широко пользуются—или ослабленіемъ цензурныхъ правилъ, или недосмотромъ самихъ цензоровъ; толкователи найдутся и при настоящемъ броженіи умовъ о преобразованіи быта людей крѣпостного сословія *всѣмъ будутъ пользоваться*. Затѣмъ, указавъ на № 253 «Сѣверной Пчелы», гдѣ были вольности о крѣпостномъ правѣ, генералъ продолжаетъ:—«А «Губернскіе очерки» Салтыкова и статьи въ «Экономическомъ Указателѣ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о взяткахъ ни къ чему не приведутъ, иной пожалуй еще выучится по нимъ большей ловкости и тонкости въ злоупотребленіяхъ. Эти статьи такое же будутъ имѣть дѣйствіе, какъ извѣстная басня Крылова, гдѣ котъ Васыка *слушаетъ да тѣств*. Нельзя не сознаться, что у насъ есть свои домашніе Герцены, которые *едвали не опаснѣе Лондонскаю*. Письмо Погодина въ брѹссельской газетѣ «Le Nord» о освобожденіи крестьянъ много произвело толковъ и удивленія. Вообще этотъ г-нъ профессоръ съ нѣкотораго времени шибко разговорился, принявъ на себя роль какого-то ментора, указателя съ диктаторскимъ тономъ, вѣроятно осмѣленный благодушіемъ Государя и обезпеченный тѣмъ, что за такую высокую сумму удалось ему сбыть правительству свои древности. Многихъ пишущихъ у насъ, повидимому, отуманило нынѣшнее стремленіе къ популярности:—во что бы то ни стало, а слѣдуетъ добыть ее; наконецъ, и тѣ журналы, которые не стѣсняясь обо всемъ судятъ и рядятъ, находятъ въ толпѣ болѣе симпатіи. Начавъ съ разбора становаго пристава, дошли уже до 3-го класса, вѣроятно пойдутъ и далѣе. Слѣдя и соображая все, иногда зарождается мысль, что лондонскій Герценъ много имѣетъ сочувствія въ нашихъ литераторахъ; и сіи послѣдніе, ежели не такъ нагло, съ тѣмъ же однако взглядомъ на вещи, и въ иныхъ формахъ, иными путями, но стремятся къ одной цѣли, т. е. *конечной перемѣнѣ настоящаю порядка вещей*».

Кстати, 10 декабря 1857 г. Тимашевъ запросилъ начальника 4 жандармскаго округа, какъ сдѣлалась извѣстна въ Вильнѣ статья Погодина въ «Le Nord», когда она была вырѣзана цензурою изъ номера этой газеты? Отвѣтъ неизвѣстенъ.

Московскій штабъ-офицеръ сообщилъ, что сочиненія Герцена получаются въ Москвѣ разными путями, но болѣе всего привозятся возвращающимися изъ-за границы. Быстрѣе всего они появляются у «людей образованныхъ, высшаго круга» и у литераторовъ. Читаются съ большимъ интересомъ, но всеобщаго сочувствія не возбуждаютъ. Въ народѣ прокламаціи нѣтъ.

Воронежскій полковникъ пошелъ дальше виленскаго генерала и дерзнулъ даже коснуться самого правительства. Онъ сообщилъ, что печатныя сочиненія Герцена есть только у генераль-адъютанта Витовтова, который, какъ слышно, получаетъ вырѣзки изъ иностранныхъ газетъ отъ самого государя. Рукописныя копіи сочиненій Герцена есть, но ихъ тщательно скрываютъ въ высшемъ кругу общества и сочувствовать имъ тамъ не могутъ, потому что помѣщики понимаютъ, что Герценъ имъ не товарищъ. «Въ настоящее время всѣ сознаютъ, что по взгляду на вещи Правительство опередило наше нѣсколько неподвижное общество, и продолжаетъ съ твердостью итти впереди его. Относительно просвѣщенія—этого обществу довольно. Относительно административныхъ реформъ—смѣю сказать—слишкомъ довольно. Дѣло въ томъ,—что въ перспективѣ этого прогресса инстинктивно видится эманципация крестьянъ, которая, какъ страшная гроза, пугаетъ робкіе умы. При видѣ этой перспективы—смиряется вольнодумецъ, и охота умствовать не приходитъ никому въ голову»...

На вопросъ одного изъ жандармовъ, имѣетъ ли онъ право, въ случаѣ подозрѣнія о существованіи у кого-либо сочиненій Герцена, приступить къ формальному обыску, Долгоруковъ отвѣтилъ: ни въ какомъ случаѣ безъ распоряженія губернатора.

18 декабря 1857 г. кн. Горчаковъ прислалъ кн. Долгорукову выписку изъ частнаго письма къ нему гр. П. Д. Киселева изъ Парижа отъ 10 декабря. Посоль говорилъ съ гр. Валуевскимъ относительно открытія въ Монсо русской типографіи съ цѣлью католической пропаганды, и Валуевскій обѣщалъ не выдавать свидѣтельства на право ея открытія. Киселевъ обѣщалъ принять всѣ мѣры, какія только сможетъ для выполненія воли государя, но высказался о малой пользѣ такихъ шаговъ, потому что одна изъ частныхъ типографій въ Парижѣ уже давно снабжена русскимъ шрифтомъ и всѣмъ необходимымъ для печатанія русскихъ книгъ, но пока она въ бездѣйствіи. Съ другой стороны, что не будетъ напечатано въ

Парижѣ, появится въ Лондонѣ, Лейпцигѣ и др. городахъ и найдетъ сбытъ также, какъ бы оно было издано въ Парижѣ. Предупрежденіе нападеній литературныхъ изъ Франціи становится день ото дня затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, когда это нападеніе не направлено прямо противъ политики, что и доставляетъ удобства для католической пропаганды. Даже простое молчаніе «при настоящемъ духѣ общенародности» недостаточно. Надо начать дѣйствовать активно, поощряя литературу въ защиту православія и самодержавія.

21 декабря намѣстникъ Царства Польскаго сообщилъ кн. Долгорукову, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, печатаніемъ, продажею и распространеніемъ революціонной литературы занимаются слѣдующія типографіи и книжныя лавки:

въ Лондонѣ: 1) Всеобщая типографія Зено Свентославскаго, 2) типографія польскаго демократическаго общества подъ управленіемъ Булевскаго и Заблоцкаго, 3) типографія Александра Герцена (для русскихъ сочиненій), 4) типографія французскаго эмигранта Фалиберта Мартенъ (Martin), 5) кн. лавка Тхоржевскаго и К^о (участникомъ въ оной былъ извѣстный Осипъ Ольшевскій, сосланный въ послѣдствіи въ Сибирь), 6) кн. лавка Трюбнера;

въ Гамбургѣ: 7) кн. лавка Кампе;

въ Вѣнѣ: 8) Славянская кн. лавка;

въ Берлинѣ: 9) кн. лавка Шлезингера, 10) кн. лавка Ф. Шнейдера и К^о, 11) кн. лавка Боте и Бока, 12) кн. лавка Астера и К^о (имѣющая свой складъ въ Лондонѣ), 13) кн. магазинъ подъ названіемъ «Stuhrsche Sortiments» и антикварная кн. лавка, 14) кн. лавка Е. Г. Шредера, 15) кн. лавка В. Адольфа и К^о;

въ Бреславль: 16) кн. лавка Гирта;

въ Познани: 17) кн. лавка Лиснера;

въ Лейпцигѣ: 18) кн. лавка Брокгауза, 19) кн. лавка Гергардта, 20) кн. лавка Бибровича (эмигранта);

въ Брюссель: 21) кн. лавка Маркварта;

въ Парижѣ: 22) кн. лавка Франка.

«Сверхъ того, полковникъ саксонскихъ жандармовъ Зейдендерферъ сообщилъ состоящему при мнѣ генералъ-маіору маркизу Паулуччи, что вышеупомянутый лейпцигскій книгопродавецъ Бибровичъ ходатайствуетъ о дозволеніи ему содержать кн. лавку и въ Дрезденѣ, но что на сіе онъ, полковникъ Зейдендерферъ, не согласился.

«А потому желательно было бы, чтобъ миссія наша въ Дрезденѣ, съ своей стороны, ходатайствовала бы о воспрещеніи Бибровичу открыть лавку въ Дрезденѣ, гдѣ другіе книгопродавцы не за-

нимаются еще, подобно ему, продажею революціонныхъ сочиненій».

Бумага эта была доложена Александру II; сношеніе съ миссіей въ Дрезденѣ сдѣлано. (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи. 1834 г., I эксл., дѣло № 239, ч. 10).

Въ связи съ этими документами изъ архива III Отдѣленія находится записка, составленная чиновникомъ его М. М. Поповымъ послѣ бесѣды съ министромъ юстиціи, гр. В. Н. Панинымъ, поднявшимъ тревогу послѣ прочтенія I кн. «Полярной Звѣзды». Приведу наиболѣе интересное:

«Гр. Викторъ Никитичъ опасается, чтобы книги, издаваемыя Герценомъ, не проникли въ низшіе слои народа. Онъ полагаетъ, что этихъ книгъ въ одномъ Петербургѣ распространено тысячъ до ста. Поэтому онъ спрашивалъ: имѣемъ ли мы агента въ Лондонѣ, чтобы узнавать, какими путями Герценъ посылаетъ книги въ Россію. «Предметъ столь важный,—прибавилъ графъ,—что для этого одного должно имѣть особаго агента въ Лондонѣ». Графу доложено, что мы изъ разныхъ источниковъ всегда получаемъ свѣдѣнія объ отправленіи вредныхъ книгъ въ Россію; что кромѣ общихъ мѣръ, по всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, и нѣсколько разъ именно по предвареніямъ о книгахъ Герцена, тотчасъ принимались строжайшія мѣры; что на границахъ бдительно смотрятъ за этимъ таможенныя и мѣстныя полицейскія власти, а также наблюдаютъ и жандармы; что вслѣдствіе этого книги, пересылаемыя изъ-за границы къ нашимъ книгопродавцамъ и къ частнымъ лицамъ, были останавливаемы; что одинъ полякъ (Ольшевскій), отправившійся съ такими книгами въ Россію, задержанъ, еще не доѣхавъ до нашихъ предѣловъ, и доставленъ въ Варшаву; что ни одна значительная партія вредныхъ книгъ, навѣрное, не проникла къ намъ; что эти книги развѣ могутъ быть ввозимы только чиновниками иностранныхъ посольствъ, дипломатическими курьерами и изрѣдка нашими путешественниками, но не партіями, а по одной или двумъ книжкамъ. Что если бы въ Петербургѣ было до ста тысячъ экземпляровъ «Полярной Звѣзды», то сейчасъ бы это обозначилось; что, по всей вѣроятности, здѣсь не болѣе 5 или 10 экземпляровъ ея и то у людей высшаго круга или такихъ, которые не сдѣлаютъ злоупотребленія и пріобрѣтаютъ подобныя книги изъ одной любознательности; что не только въ простомъ народѣ, но даже въ среднемъ классѣ о самомъ Герценѣ и книгахъ его не имѣютъ и понятія; достигнуть же того, чтобы не проникъ къ намъ ни одинъ экземпляръ какой-либо книги, никогда и рѣшительно невозможно. Графъ Викторъ Никитичъ, кажется, успокоился этимъ, но тѣмъ не менѣе

о «Полярной Звѣздѣ» поручилъ доложить вашему сіятельству» («Голосъ Минувшаго» 1913, V, 236—237).

18 октября 1857 г. кн. Долгоруковъ обратился къ министру просвѣщенія съ предупрежденіемъ о зоркомъ наблюденіи комитета иностранной цензуры за ввозомъ всякаго рода воззваній и пр. (Архивъ мин. нар. просв., дѣло № 151 594).

Сенаторъ А. М. Княжевичъ получалъ «Колоколъ» и посылалъ его брату, а для спасенія отъ конфискаціи надписывалъ: «Планы», при чемъ рекомендовалъ ему давать эти номера только лицамъ, въ которыхъ онъ увѣренъ («Рус. Старина» 1892, XI, 417). Но, конечно, будущему министру финансовъ, казалось бы, все равно не трудно достать «Колоколъ», а какъ получали его обыкновенные смертные? Очень просто. 28 августа 1858 г. гр. Закревскій сообщалъ шефу жандармовъ, что въ 1857 г. «во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ»¹⁾. По словамъ Суворина, «Колоколъ» можно было купить въ Петербургѣ въ Пассажѣ («Всякіе», 1909, XXV). А вотъ рассказъ кн. Юсупова, записанный Никитенкомъ:

«Въ Берлинѣ покупалъ я въ книжномъ магазинѣ кое-какія нѣмецкія книги. А не хотите-ли вы русскихъ?—спросилъ у меня услужливый книгопродавецъ.—Какихъ же?—Да, вотъ, напримѣръ, герценовскихъ; у меня есть всевозможныя его сочиненія: и прежнія и самыя новыя.—Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—у насъ нынѣ очень строго преслѣдуются эти вещи, и я боюсь, что не доведу ихъ до Петербурга: у меня отберутъ на границѣ.—Вотъ пустяки! я вамъ доставлю въ Петербургъ, сколько угодно, прямо въ вашъ домъ, въ вашъ кабинетъ.—Это удивительно! Но если я вздумаю задержать того, кто мнѣ ихъ принесетъ?—Не беспокойтесь! вы не въ состояніи будете этого сдѣлать: вы и не увидите того, кто вамъ принесетъ ихъ» (II, 95).

Очень цѣнно и свидѣтельство бар. М. А. Корфа. «Всякому извѣстно,—писалъ онъ въ официальной бумагѣ,—что при постоянномъ у насъ существованіи иностранной цензуры, нѣтъ и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; что именно

¹⁾ Въ заграничной литературѣ успѣхъ изданій Герцена часто такъ преувеличенъ, что прямо теряешься, ища хоть чего-нибудь, что могло бы дать авторамъ основаніе къ ихъ гиперболическимъ цифрамъ. Какъ особенно бьющій курьезъ, упомяну о 100,000 экз. «Колокола» якобы конфискованнаго полиціей на Нижегородской ярмаркѣ («F. P. Ferrari, Compendio di letteratura russa», 40).

въ то время, когда правительство всего строже преслѣдовало извѣстныя лондонскія изданія, они расходились по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ, и ихъ можно было найти едва не въ каждомъ домѣ, чтобы не сказать, въ каждомъ карманѣ» («Матеріалы, собранныя особою комиссіею, высоч. учрежд. 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати», 1870 г., I, 99—100).

Характеренъ разсказъ цензора В. Н. Бекетова, записанный Добролюбовымъ: «Онъ разсказывалъ, между прочимъ, какъ недавно получилъ изъ-за границы заграничныя книги. Шепнулъ знакомому совѣтнику въ таможднѣ и тотъ крикнулъ: каталоги! Каталоги проходятъ безъ смотра... Дѣлаютъ и иначе... «Fables de Lafontaine», 200 экземпляровъ. Одинъ экземпляръ берется и просматривается слегка, потому что «Fables de Lafontaine» строго просматривать нечего... Остальные экземпляры проходятъ такъ, хотя на нихъ только обертка «Fables», а иногда даже и того нѣтъ» («Юбилейный Сборникъ Литер. Фонда», 307).

Изъ письма Бакунина къ М. Л. Налбандову видно, что горцы, пользуясь правомъ возить съ горъ дрова на всѣ русскія посты, т. е. на всю линію, примыкающую къ Черному морю, не разъ ввозили между дровами и лондонскія запрещенныя изданія («Былое» 1906, VII, 192).

Въ 1857 г. «Колоколъ» выходилъ два раза въ мѣсяцъ, по 1 и 15-мъ числамъ мѣсяца нов. стиля (что не помѣшало газетамъ въ 1907 г. приурочить 50-лѣтіе «Колокола» къ 1 іюля ст. стиля).

939. Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей.

Правительство учредило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Нѣсколько проектовъ было представлено, на которые комитетъ не далъ никакого отвѣта, и, наконецъ, самъ комитетъ закрылся, ничего не сдѣлавъ. Результатомъ его бесплодныхъ засѣданій были кое-какія цензурныя преслѣдованія.

Вотъ слухи, еще требующіе подтвержденія. Но что выше вѣроятія, что не подвержено никакому сомнѣнію, — это то, что съ вступленія на престолъ Александра II, несмотря на всѣ ожиданія и надежды, правительство ничего не сдѣлало для освобожденія крѣпостного сословія и не подвинуло ни на шагъ рѣшеніе этого вопроса.

Что же оно дѣлаеть? Некогда ему, что ли? Или важное занятіе формою военныхъ и статскихъ мундировъ до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дѣло не хватаетъ времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиленія, чувствуя себя не такимъ, какъ правительство - - - - - , и далѣе ничего не хочетъ дѣлать? Или сквозь шумъ праздниковъ и охотничьихъ трубъ псарей, оно не умѣетъ разслушать кликъ народный?

Приходится звонить въ «Колоколь» и сказать этому правительству: «Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время! Ты можешь мирнымъ путемъ рѣшить вопросъ освобожденія крѣпостныхъ».

Vivos voco! Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудить? Если оно не живое, зачѣмъ же оно бралось за управление государствомъ? - - - - - было бы - - - - - , чѣмъ подавать надежды, на исполненіе которыхъ силъ не хватаетъ. Стало, оно - - - - - своей любовью къ Россіи? Стало, оно насъ - - - - - ? Или оно думало, что Россію можно спасти безъ государственной мысли, а только маленькимъ добродушіемъ, доходящимъ до потачки государственнымъ ворами? Въ такомъ случаѣ оно только позорится передъ свѣтомъ.

Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ; мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются,—и кто будетъ виноватъ въ этомъ? Правительство. Россія страдаетъ, а на правительство исторія положитъ клеймо злонамѣренности или бездарности, въ обоихъ случаяхъ позорное.

Проснись! Работай—не надъ мертвечиной формалистики, а надъ живымъ государственнымъ вопросомъ. Работай, пока время не ушло.

Vivos voco!

940. Августѣйшіе путешественники. .

I.

По смерти Николая уничтожилось постыдное стѣсненіе въ правѣ русскимъ путешествовать за границей. Добрыя дѣла рѣдко проходятъ даромъ; едва Александръ II отрѣзалъ веревку, на которой насъ держалъ его отецъ, какъ - - - - - восполь-

зовалась больше всѣхъ дарованнымъ правомъ удободвижимости. Снова на всѣхъ дорогахъ въ Европѣ (кромя английскихъ!) показались - - - - - , охотящіеся по нѣмецкимъ невѣстамъ, и бывшія нѣмецкія невѣсты въ русскомъ переводѣ съ патрониміальными именами. Снова - - - - - дала Европѣ зрѣлище истинно азіатскаго бросанья денегъ, истинно варварской роскоши. Съ гордостью могли видѣть - - - - - , что каждый переѣздъ - - - - - больной и каждый отдыхъ - - - - - равняется для - - - - - неурожаю, разливу рѣкъ и двумъ-тремъ пожарамъ. Снова всякіе нѣмецкіе князья потащились mit Weib und Kind, начитавшись въ Либихѣ и Молешотѣ о непитательности картофеля, на русскіе хлѣба въ Ниццу.

- - - - - , воспитанная въ благочестивыхъ правилахъ евангелически-потсдамскаго абсолютизма, и расцвѣтшая въ догматахъ - - - - - , не могла тотчасъ прійти въ себя и найтись послѣ - - - - - потери. Ей было больно видѣть либеральное направленіе - - - - - , ее смущалъ злой умыселъ амнистіи, возмутительная мысль объ освобожденіи крестьянъ. Она съ ужасомъ увидѣла, какъ эти величавыя свай, на которыхъ держалась - - - - - плотина (эти нѣмецкіе и русскіе Клейнмихели) покачнулись. Призракъ, мучившій ее тридцать лѣтъ, снова возставалъ изъ - - - - - и грозилъ пальцемъ во фригійской шапкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ей было не трепетать, когда террористы и люди баррикады, въ родѣ Ланскаго и Сухозанета, принимались за кормило судна, такъ ловко поставленнаго на мель - - - - - , что безъ англо-французской помощи его бы никто и не стащилъ. Предвидя 10 августа и 21 января, оплакивая - - - - - форму мундировъ и великихъ сподвижниковъ - - - - - оставила революціонный - - - - - и изволила прослѣдовать въ Берлинъ.

Тамъ ее ждалъ новый ударъ, шедшій изъ близкой руки. Королевственный - - - - - ¹⁾, плохо различающій призваніе половъ и, сверхъ того, человекъ, зашибающій хмѣлемъ, вдругъ пожаловалъ - - - - - —отгадайте чѣмъ?—*чиномъ драгунскаго полковника*. И вотъ - - - - - пришлось на старости лѣтъ «снимать одежду черную» и нарядиться въ костюмъ, о которомъ прусская газета говоритъ: «въ половину фантастическій, въ половину драгунскій!» Такимъ августѣйшимъ андрогиномъ и - - - - - драгуномъ предстала - - - - - передъ корпусъ офицеровъ, который былъ тронутъ до слезъ, что и ожидать слѣдовало отъ ихъ званія нѣмцевъ.

1) Король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Что, еслибы - - - - - , съ своей стороны, назначить его самого, любезнаго королевственнаго - - - , августѣйшей директрисой въ Смольный монастырь? Посмотрѣли бы мы, какъ бы онъ явился на актъ: декольте съ голыми руками и въ рейтузахъ или въ мундирѣ бывшаго Кейзеръ-Николаусъ regimentъ-полка, съ крахмаленной юбкой, съ кринолинами и... брандесбурами! Пусть бы онъ на себѣ примѣрилъ, что значить путать полы.

Это раскрыло глаза - - - - - , она съ каждымъ шагомъ въ Европѣ больше и больше переходитъ на нашу сторону, и изъ - - - - - -полковника становится гражданинъ- - - - - . Простота завелась удивительная, никакихъ этикетовъ. Однимъ добрымъ утромъ является старый служивый; постучалъ въ дверь, выходитъ кухарка.—Кого вамъ?— - - - - . Дома что ли?—Какъ же, какъ же, пожалуйста въ столовую, онѣ укладываютъ драгунскій мундиръ въ чемоданъ.—Служивый идетъ.—«Помните ли, - - - - - , какъ я васъ въ Потсдамѣ - - - - - вытащилъ изъ воды въ саду?»—«Ахъ, Боже мой, точно, точно! вотъ истинно, гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ все же иное встрѣтится». И она стала вспоминать, какъ Донъ Карлосъ, о счастливыхъ дняхъ «Аранжуеца» въ Потсдамѣ.—Что ей теперь Ланской и Сухозанетъ, что ей освобожденіе крестьянъ,—она соболѣзнуетъ о польскихъ судьбахъ Ломбардіи,—дайте намъ Кавура и освобожденіе Италіи!

Ну, разумѣется, съ такими мыслями въ головѣ нечего было и думать проѣзжать Австрію. Въ - - лѣта подвергаться австрійскому преслѣдованію, аресту, тюрьмѣ, Шпильбергу, Carcere duro ¹⁾—хуже всякаго Мандта. Да и что такое Австрія, гнѣздилище рабства и абсолютизма?—то ли дѣло Швейцарія.

Швейцарія? это страна безъ царя, это страна, въ которой самыя горы напоминаютъ la montagne de 93 ²⁾ и время геологическаго террора? Страна, въ которой государственные преступники въ родѣ Телля, этого Пестеля, съ большей удачей, считаются великими людьми, въ которой говорятся открыто такія страшныя и возмутительныя вещи, что русское правительство сочло необходимымъ послать туда глухого Криднера посланникомъ, чтобы онъ не набрался зажигательныхъ теорій?

Все это старыя предразсудки.—Die Bürgerin - - - - въ Женевѣ окружена толпами дѣвушекъ съ букетами, онѣ дѣлаютъ ей книксенъ и поютъ Ständchen «für unsere - - - - - »,—музыка и

1) Строгому заключенію въ карцерѣ.

2) «Гору» 1793 года.

слова нарочно сочинены ad hoc какимъ-то германскимъ поэтомъ, потерявшимся на Альпахъ ¹⁾.

Но въ Пьемонтѣ она уже окружена не невинными дѣвушками, а виновными возмутителями общественного порядка—Борромеи, Литта (почти то же, что Чарторижскіе и Потоцкіе, находящіеся въ эмиграціи). Она беретъ на руки маленькаго Борромео и со слезами на глазахъ желаетъ, чтобъ онъ увидѣлъ скорѣе свою родину, что въ переводѣ значитъ, чтобъ скорѣе прогнали изъ Ломбардіи *законнаго* императора и его австрійцевъ.

Давно ли у Карла-Альберта былъ отнятъ русскій полкъ или, лучше, у полка было отнято имя Карла-Альберта за то, что онъ, проведя цѣлую жизнь въ преступленіяхъ и въ своей запачканной трокадерской шинели, почувствовалъ недостойное помазанника божія угрызения совѣсти и далъ своему народу человѣческія права? Покойникъ шутить не любилъ и слабостей не прощалъ. Но забыть «незабвенный», и его неутѣшная вдова весело пѣнить бокаль и на шумномъ пиру сама провозглашаетъ тостъ за конституціоннаго короля Сардиніи.

Скоро ли тостъ Маццини? Да не выпить ли за Кошута? Насолила же имъ Австрія!

Такова обаятельная сила русскаго самодержавія, что, я думаю, эти господа сдѣлаютъ со мной чудо, которое не въ состояніи былъ бы совершить самый к. к. ²⁾ св. Непомукъ—примирятъ меня съ Австріей, которую я ненавижу, какъ человѣкъ, какъ славянинъ, какъ другъ Италіи.

Но каковъ бы ни былъ либерализмъ сардинскаго двора, все же онъ не идетъ до уничтоженія личной собственности и коммунизма, все же Ницца—не Икарія Кабэ. Опытъ распространенія *сottina* *bonapart* рѣшительно не удался императрицѣ. Какая-то англичанка наняла домъ съ садомъ: понравился садъ императрицѣ; она въ него гулять; но англичанка говоритъ: «позвольте, не торопитесь, садъ я наняла не для высочайшаго, а для собственного своего удовольствія, *beg pardon Mame!*»—да и дверь на ключъ. Какова смѣлость! Она, вѣрно, не знаетъ, что въ Россіи ее послали бы солдатомъ на Кавказъ или въ каторжную работу лѣтъ на тридцать.

Не за то ли обошли одного Ратацци, министра внутреннихъ дѣлъ, русской кавалеріей, что онъ не умѣлъ отмстить такой афронтъ

¹⁾ «Аугсбургская Газета» рассказываетъ, что вдовствующая императрица, бывши въ Женевѣ, платила ежедневно 7.000 фр. за квартиру и 25.000 фр. на харчи. Если это не правда, пусть оправдываются въ этомъ преступленіи.—А. И. Г.

²⁾ Kaiserlichköniglicher.—А. И. Г.

и не поручилъ солдатамъ, возвратившимся изъ Крыма, взять приступомъ садъ англичанки?

Демократически проводя время съ разными пьемонтскими губернскими секретарями и совѣтниками губернскаго ницскаго правленія, наша православная протестантка поѣхала къ папѣ римскому. Пій IX вспомнилъ молодость, какъ онъ самъ служилъ офицеромъ въ Guardia Nobile ¹⁾, надѣлъ лучшій подрясникъ и, какъ вѣжливый кавалеръ, приосанившись, самъ отправился съ визитомъ. Объ ихъ святомъ tête à tête никто ничего не знаетъ; быть можетъ, онъ просилъ перекрестить Русь въ католическую, а, можетъ быть, объяснялъ пользу и выгоду своего открытія immacулатнаго зачатія.

Особенно пріятно насъ поражаетъ, что въ Римѣ, въ этомъ старомъ городѣ изъ всѣхъ старыхъ городовъ, августѣйшая больная порхаетъ, какъ бабочка. Мы, право, начинаемъ думать, что преданность и слѣпая любовь выдумали безпокойнымъ и заботливымъ сердцемъ опасность, въ которой находится здоровье императорствующей вдовицы,—гдѣ же доказательства? Въ Петербургѣ лѣтъ до пятидесяти она танцевала, одѣвалась, шнуровалась, завивалась. Въ Ниццѣ—пикники, *dejeuners flotants* ²⁾ на морѣ, музыка, *parties fines* ³⁾,—не знаю что. Въ Римѣ—туда сюда, суета суетствій: старую ли шутку освѣщенія св. Петра выдумаютъ, или вѣчный жирандоль ⁴⁾ зажгутъ, — наша Александра Ѳедоровна тутъ, какъ тутъ. Какую надо имѣть пріятную пустоту душевную и атлетическія силы тѣлесныя, какую свѣжесть впечатлѣній, чтобъ такъ метаться на всякую всячину, чтобъ находить *zu himlisch* ⁵⁾ то захожденіе солнца, то восхожденіе ракетъ; чтобъ находить удовольствіе во всѣхъ этихъ пріемахъ, *grands levés, petits levés* ⁶⁾, представленіяхъ, площадяхъ, парадахъ, полковой музыкѣ, церемоніальныхъ обѣдахъ и обѣдахъ за-просто на сорокъ человѣкъ, въ этомъ неприличномъ количествѣ свиты, въ этихъ табунахъ лошадей, фрейлинъ, экипажей, статсъ-дамъ, камергеровъ, камердинеровъ, лакеевъ, генераловъ, нашихъ пословъ, идущихъ съ Востока и Запада на поклоненіе, и не нашихъ принцевъ съ своими *durchlauchtige Gemahlinen* ⁷⁾!—Чье здоровье вынесетъ эдакую барщину!

1) Папская гвардія.

2) Завтраки на водѣ.

3) Кутежи.

4) *Girandole*—фейерверкъ.

5) Слишкомъ небеснымъ.

6) Большеіе и малые пріемы у французскихъ королей; они происходили въ спальнѣ короля или королевы, причемъ «малые пріемы» считались интимнѣе, почему доступъ къ нимъ былъ затруднительнѣе.

7) Сіятельными супругами.

Когда Николай былъ въ Римѣ, ѣхавши отъ товарища по службѣ и друга своего, короля неаполитанскаго, онъ дѣлалъ смотрѣть храму св. Петра, все нашелъ въ порядкѣ и написалъ на куполѣ: «Здѣсь я былъ такого-то числа, и молился объ матушкѣ Россіи». Хоть оно и не совсѣмъ умѣстно и вовсе не по формѣ было для главы восточной церкви беспокоить Бога съ чужой квартиры, но, видно, онъ молился усердно, да и не объ одной матушкѣ Россіи, а и объ матушкѣ своихъ дѣтей, и Богъ услышалъ высочайшую молитву!

А вы, мужички, платите,—вамъ не привыкать стать.

941. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 іюня (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Вы, вѣроятно, сто лѣтъ тому назадъ прочли «Колоколъ» и получили письмо. Теперь у васъ въ Дрезденѣ и Тургеневъ и Некрасовъ. Послѣдній мнѣ писалъ письмо, на которое отвѣтъ необходимъ, а адреса его нѣтъ. Не знаете ли вы?

Здѣсь гоститъ Щепкинъ; завтра онъ ѣдетъ, а по прочему все тихо и недурно даже. Получаю бездну писемъ съ симпатіями и Höflichkeit'ами ¹⁾ отъ русскихъ изъ Парижа и изъ Германіи. Книги всѣ продалъ до единой, даже и «Колоколъ».

Слышу новыя подробности о русской жизни; я, кажется, писалъ къ вамъ, что Ал. Ал. Туч. пріѣхалъ? Большой частью новости хорошія.

Дѣти всѣ вамъ кланяются, и Саша самъ пишетъ.

Ну, что ваши и дѣла Рейхеля? Мнѣ такъ странно, что вы не въ Парижѣ. Только не онѣмечтесь вы тамъ.

Прощайте.

942. Письмо къ А. А. Тучкову.

(Іюль 1857).

Вотъ, любезнѣйшій Алексѣй Алексѣевичъ, цидулка къ Шомбургу, по которой онъ вамъ выдастъ 1,000 фр., а вы тамъ ихъ переведете черезъ Сатина или пришлете сюда,—какъ угодно. Гувернантка очень хороша, я сильно совѣтовалъ взять ее.

¹⁾ Любезностями.

Что это за русскій Собакевичъ съ вами встрѣтился? А здѣсь были студенты, и милые, да офицеръ сильно раненый.

Прощайте, дружески обнимаю васъ.

Съ 3% поздравляю.

943. Письмо къ А. А. Краевскому.

5 іюля (1857), воскресенье.

At M-r Tinkler's, Putney.

Милостивый государь Андрей Александровичъ. Мнѣ чрезвычайно жаль, что я не могъ принять васъ вчера: Вы были съ Липертомъ ¹⁾, человѣкомъ невѣжливымъ и котораго я принимать не хочу. Если вы желаете мнѣ сдѣлать истинное удовольствіе, то пріѣзжайте одни, я всегда буду радъ; можетъ быть, вамъ пріятно будетъ отобѣдать съ нами? назначьте день. Обѣдаемъ мы въ *шесть часовъ*. По желѣзной дорогѣ отъ Waterloo station третья станція.

Экспрессъ ходитъ прямо въ Путней въ $\frac{3}{4}$ пятаго.

Итакъ, въ ожиданіи вашего отвѣта, остаюсь преданный вамъ
А. Герценъ.

Г. Тхоржевскій будетъ такъ добръ, что пріѣдетъ съ вами или въ 3 часа, или въ 7, хоть сегодня.

944. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 іюля (1857).

At M-r Tinkler's, Putney.

Щепкинъ пишетъ, что на дняхъ увидитъ васъ, а вотъ ему и комиссія съ той стороны да и къ вамъ—двѣ. Не знаете ли вы, гдѣ Тургеневъ? Онъ долженъ быть въ Дрезденѣ. Мнѣ нужно отъ него, и очень скоро, 2 вещи: 1-е, его адресъ или адресъ къ Некрасову,—вѣрный, иначе я мой отвѣтъ напечатаю; 2-е, чтобъ онъ сказалъ, когда Головинъ ²⁾ будетъ въ Трувилъ?

У насъ все обстоитъ въ вожделѣннѣйшемъ здрвіи; отъ Марихи ³⁾ получилъ письмо,—она ѣдетъ въ Ирландію.

Тата была на свадьбѣ Саффи и тронута своимъ костюмомъ. Получили ли вы «Колоколъ»?

Да вотъ еще: нѣтъ ли у васъ «Капризы и раздумье» и русскаго «Кто виноватъ?» Можно, я думаю, переслать черезъ Шней-

¹⁾ Сотрудникъ «Отеч. Записокъ».

²⁾ Александръ Васильевичъ.

³⁾ Фоммъ.

дера въ Берлинъ. Трюбнеръ разъярился меня издавать, даже контрефей¹⁾ мой печатаетъ.¹

Мельгуновъ пишетъ, что вамъ въ Дрезденѣ очень нравится... «Уозможно ли?»

◆◆ 1. Въ «Колоколѣ» было напечатано слѣдующее объявленіе:
ОТЪ Н. ТРЮБНЕРА И К-НИИ.

Вольная русская типографія была заведена въ Лондонѣ Александромъ Герценомъ въ 1853. Она начала свои изданія съ летучихъ листовъ («Юрьевъ день», «Видѣніе Св. Кондратія»), вслѣдъ за тѣмъ вышли: «Крещеная собственность», «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка», «Письма изъ Франціи и Италіи», «Съ того берега» и, наконецъ, въ 1855 году вышла первая книжка «Полярной Звѣзды». Сбытъ этихъ книгъ былъ ничтоженъ до выхода второй книжки «Полярной Звѣзды» въ 1856. Но въ теченіе 1856 и въ первой половинѣ 57 всѣ изданія вольной русской типографіи въ Лондонѣ разошлись. Тогда мы предложили г. Герцену предоставить намъ право второго изданія его сочиненій и «Полярной Звѣзды». Съ своей стороны З. Свентославскій завелъ при Universal Printing Office, 178 & 179 High Holborn, русскій станокъ, и изъ него-то вышли новыя изданія сочиненій Искандера, трехъ первыхъ книжекъ «Полярной Звѣзды», переводъ писемъ Искандера къ Линтону («Старый міръ и Россія»), «14 Декабря и Императоръ Николай».

Въ вольной типографіи г. Герцена печатались въ это время прибавочные листы къ «Полярной Звѣздѣ» подъ заглавіемъ «Колоколъ» и IV книжка «Полярной Звѣзды».

Наше перепечатываніе будетъ продолжаться и въ скоромъ времени выйдеть: Полное собраніе стихотвореній Огарева (съ портретомъ автора) и Пятая книжка «Голосовъ изъ Россіи».

945. Письмо къ Н. А. Некрасову.

10 іюля 1857.

Путней.

Милостивый государь, я получилъ письмо ваше отъ 27 іюня; вѣроятно, вы не желали имѣть отвѣта, потому что не дали адреса, но мнѣ кажется необходимымъ отвѣчать вамъ.¹

Мнѣ очень жаль, что вы могли думать, что «доля неудовольствія моего противъ васъ» была основана на такой мелкой причинѣ, какъ вашъ долгъ мнѣ. Я такъ же забылъ и о немъ, и о запискѣ, данной Тургеневу, какъ и самъ Тургеневъ; мнѣ очень больно, что вы косвенно вините его въ этомъ дѣлѣ. Видя по покупкамъ, которыя онъ для васъ дѣлалъ, какъ вы далеки отъ нужды, я думалъ, что вамъ доставитъ удовольствіе заплатить небольшой долгъ, изъ котораго вы уже уплатили долю Бѣлинскому, по моей просьбѣ, въ весьма тяжкое время для него, и потому просилъ Тургенева передать вамъ, что, если вы желаете заплатить остальныя

¹⁾ Konterfei—портретъ.

деньги, около 1.000 р. сер., то вы можете ее вручить Петру Александровичу Захарьину въ Петербургѣ (о желаніи вашемъ онъ при-детъ узнать).

Причина, почему я отказалъ себѣ въ удовольствіи васъ видѣть—*единственно* участіе ваше въ извѣстномъ дѣлѣ о требованіи съ Огарева денежныхъ суммъ, которыя должны были быть пере-сланы и потомъ, вѣроятно, по забывчивости, не были пересланы, не были даже и возвращены Огареву.—Я и такъ былъ увѣренъ, что это дѣло было совершено *«неумышленно»*, что, несмотря на два ваши письма къ Марьѣ Львовнѣ, ждалъ объясненія.

Вы оцѣните чувство деликатности, которое воспрещало мнѣ видѣться съ вами до тѣхъ поръ, пока я не имѣлъ доказательствъ, что вы были чужды этого дѣла и что вся отвѣтственность за него падаетъ на третье лицо, какъ вы объясняете въ письмѣ къ Тур-геневу.

Въ ожиданіи этого объясненія позвольте мнѣ остаться не-знакомымъ съ вами.

А. И. Г.

◆◆ 1. 27 іюня (н. ст.) 1857 г. изъ Парижа Некрасовъ писалъ Герцену: «Милостивый государь, Александръ Ивановичъ, Тургеневъ передалъ мнѣ расписку, данную мною вамъ въ 1846 году, и я увидѣлъ, что дѣло это, которое я считалъ конченнымъ *относительно васъ*, не кончено и, быть можетъ, служить одною изъ причинъ неудоволь-ствія вашего противъ меня. Вотъ мое объясненіе. Я не сдѣлалъ съ вами своевременно расчета частью по затрудненію сношеній съ вами, а главное—по безопасности, въ которой признаю себя винов-нымъ передъ вами. Въ 1850 году Тургеневъ привезъ мнѣ изъ-за границы записку вашу о передачѣ остальныхъ денегъ ему. Съ Тург. я имѣлъ постоянные счета, по которымъ постоянно мои деньги приходились за нимъ, поэтому долгъ *ему* не беспокоилъ меня, и я до настоящей минуты оставлялъ это дѣло нерѣшеннымъ, думая, что отвѣтственностью обязанъ уже не вамъ. Теперь спѣшу по возможности загладить слѣды своей безопасности сначала, недо-разумѣнія впослѣдствіи и сообщаю вамъ, что первымъ моимъ дѣ-ломъ по возвращеніи въ Россію (куда я ѣду скоро) будетъ приве-деніе въ ясность счетовъ и высылка вамъ остальныхъ денегъ. Отъ васъ будетъ зависѣть назначить, куда ихъ выслать или кому пере-дать въ Россіи; я скажу только, что теперь вы не долго будете ихъ ждать. Что касается до оправданій и извиненій, если вамъ угодно ихъ принять, то ихъ у меня два. 1-е, въ послѣдніе годы я не былъ столько бѣденъ, чтобъ не имѣть возможности заплатить

эти деньги; 2-е, я не дошелъ до того, чтобъ пользоваться чужими деньгами умышленно. Повторяю, причина въ недоразумѣннiи и въ безопасности, которыя частью поддерживались увѣренностью въ Вашей снисходительности. *Ник. Некрасовъ*» (приводится съ подлинника, хранящагося въ Румянц. музеѣ; напечатано Драгомановымъ въ «Письмахъ», стр. 112, неисправно).

946. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 июля (1857).

Putney.

Завтра ѣдетъ въ Парижъ, а оттуда черезъ Дрезденъ домой Алексѣй Алексѣевичъ ¹⁾; онъ будетъ у васъ и привезетъ наисвѣжѣйшую вѣсть. Третьяго дня получили Рейхелево письмо и карточку Герты Stralsundbomarsundlind ²⁾; быть у нея не успѣлъ, завтра поѣду. Я ужъ говорилъ съ Мейзенбургъ,—она ее везетъ къ Кинк. ³⁾ и къ какой-то Клингеманъ.

Русскихъ все такъ же видимо-невидимо: и Краевскій, и Зотовъ и т. д. Со всѣхъ концовъ вѣсть одна: что успѣхъ «Полярн. Звѣзды» неимовѣрный. А вы такъ «Колоколь»-то и не получили... Вотъ вамъ и Германія. Хотите, я пришлю, нарочно не франкирую?

У насъ гостила Марихенъ; она ѣдетъ въ Ирландію. Не сидится и ей на мѣстѣ, и что-то ужъ начинаетъ морщиться. Къ дальнѣйшимъ чудесамъ, принадлежитъ и то, что я случайно встрѣтился и познакомился. Съ кѣмъ?

Отгадайте, не поворачивая листа.

Съ русскимъ священникомъ,—это курьезно. Онъ таки струхнулъ; ну, да ничего.

Прощайте. Ну ужъ адресъ! Это стоитъ прошлогодняго — Grandbri ⁴⁾... Мнѣ индѣ жаль стало, какъ это съ Avenue Marboeuf въ эдакой ужасъ.

Кашперовъ живетъ въ Canoniergasse, а Шнейдеръ въ Leune Strasse. Не будете ли писать въ Москву? Что Мар. Оед.? Мы получили отъ Астрак. вчера; Тат. Ал. ничего не получала еще.

Петруша живетъ у Сергѣя Львовича. Стало, и Полѣнова ⁵⁾ можетъ передать письмо,—оно необходимо. Тург. не пишетъ.

Рейхеля цѣлюю и дѣтей.

А. Г.

¹⁾ Тучковъ.

²⁾ White (Уайтъ).

³⁾ Кинкель.

⁴⁾ Дальше неразобрано.

⁵⁾ Дочь Львицкаго.

947. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

20 іюля (1857).

Putney, At M-r Tinkler's.

Сабуровыхъ ¹⁾ видѣлъ и оба письма получилъ. Трюбнеръ уже печатаетъ «Прерванные рассказы» и I «Полярн. Звѣзду». Всѣ книги до единой проданы. «Письма изъ Италіи» и «Съ того берега» являются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Три фунт. $\frac{1}{2}$ заплачу, прошу ихъ прислать съ 10, отд. Делаво.

Некрасовъ ко мнѣ писалъ. Письмо гадкое, какъ онъ самъ; онъ обвиняетъ *тебя* въ томъ, что ты не объяснилъ мнѣ, что онъ считалъ дѣло это (о 3500 фр.) конченнымъ со мною и что ты мнѣ ихъ отдашь изъ твоего долга Некрасову; я совсѣмъ забылъ о запискѣ, которую тебѣ далъ. Вотъ тебѣ, впрочемъ, совершенно заслуженная награда за дружбу съ негодяями.

Итакъ, первое дѣло онъ взвалилъ на Панаеву, второе — на тебя. ² Но я съ собою шутокъ не допускаю. Прилагаю письмо, которое отошли ему съ первой оказіей ³⁾. Если же ты не имѣешь средствъ, то я напечатаю его въ «Колоколѣ», а потому совѣтую постараться.

Я, разумѣется, оставилъ у себя копію.

Русскихъ бываетъ бездна: военныхъ и штатскихъ, съ усами и бородой, но всѣ являются съ поклономъ въ Путней: Краевскій, съ видомъ полковника, перечисленнаго изъ гарнизона въ дѣйств. статскіе совѣт. по комиссаріату, тоже былъ и Зотовъ, Рафаиль filioque ³⁾ проѣзжалъ. ³

Огар. кланяется. Прощай.

О доставкѣ письма немедленно увѣдомь. ⁴

◆◆ 1. 17 іюля Тургеневъ писалъ Герцену: «Жду письма отъ Некрасова, котораго я проводилъ до Берлина и который теперь, вѣроятно, уже давно гуляетъ по Невскому и дышетъ его кислородоватымъ воздухомъ... На дняхъ долженъ къ тебѣ явиться Ленгъ (ружейникъ) съ ружьемъ, заказаннымъ мною для Некрасова. Оно

¹⁾ Братъ и сестра.

²⁾ См № 945.

³⁾ Герценъ хотѣлъ сказать: «Рафаиловъ сынъ», а сказалъ: «Рафаиль съ сыномъ», что потомъ (см. № 955) и объяснилось.

стоитъ 42 фунта, заплачено мною впередъ 21 да возвращенная Ленгу собака стоитъ 17 фунтовъ съ половиной. Остается 3 фунта съ $\frac{1}{2}$, которые ты по твоей старинной привычкѣ, кормивши до усовъ, кормить до бороды, заплатишь за меня» («Письма», 108—109).

2. Это указываетъ, какъ Герценъ понялъ письмо Некрасова къ Тургеневу, напечатанное на стр. 277 т. VIII.

3. «Едва ли можно думать,—говоритъ Н. А. Огарева,—чтобъ Краевскій прїѣзжалъ въ Лондонъ по сочувствію къ дѣятельности Герцена, а скорѣй по тому неотразимому влеченію, которое въ то время несло всѣхъ русскихъ къ британскимъ берегамъ: труднѣе плыть противъ теченія, чѣмъ по теченію. Объ этомъ свиданіи нечего рассказывать, кромѣ того, что Герцену было пріятно вспоминать съ Краевскимъ о многомъ изъ былого» (Воспоминанія, 163).

«Въ Лондонѣ или точнѣе—въ Путнеѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы Англїи, гдѣ жилъ тогда на дачѣ Александръ Ивановичъ, я—говоритъ В. Р. Зотовъ—провелъ нѣсколько дней, о которыхъ, конечно, никогда не забуду, какъ и о томъ времени, когда онъ былъ моимъ чичероне въ Лондонѣ, водилъ меня на митинги и въ клубы, гдѣ я знакомился съ тогдашними политическими дѣятелями... По возвращеніи въ Петербургъ осенью, Зотовъ, сидя въ театрѣ рядомъ съ чиновникомъ III Отдѣленія, И. А. Нордстремомъ, узналъ, что этому учрежденію извѣстно о его визитѣ къ Герцену. «Я отвѣчалъ, что не считаю нужнымъ скрывать этого. Уѣзжая, я не давалъ подписки, встрѣтятся за границей съ знакомымъ мнѣ по Петербургу человѣкомъ, зажать ротъ и уши и бѣжать отъ него!—Все это такъ, замѣтилъ добродушный Нордстремъ, но совѣтую вамъ, однако, принять мѣры на случай, когда будетъ сдѣланъ допросъ по этому предмету... Въ половинѣ октября онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее. Шефъ жандармовъ получилъ отъ нашего посла въ Лондонѣ списокъ лицъ, посѣщавшихъ Герцена. Дѣлая докладъ государю, шефъ жандармовъ подалъ и этотъ списокъ съ объясненіемъ, что получилъ его отъ бар. Бруннова. Государь стоялъ у камина, горѣвшаго въ холодный октябрьскій день.—Не дѣло русскаго посла заниматься такими донесеніями!—сказалъ Александръ Николаевичъ и бросилъ въ каминъ списокъ, не развертывая его» («Истор. Вѣстникъ» 1890, IV, 113—115). Конецъ разсказа врядъ ли достовѣренъ, хотя очень распространенъ.

4. Тургеневъ увидѣлъ, что попалъ въ очень непріятное положеніе,—онъ вѣчно въ тѣ годы былъ долженъ Некрасову,—и написалъ Герцену письмо, въ которомъ былъ очень неискрененъ: послѣ такого письма нельзя было еще годы поддерживать дружескія отношенія съ ошельмованнымъ имъ человѣкомъ. «Да развѣ я входилъ

когда-нибудь въ его денежные дѣла и отношенія? Они всегда были такого рода, что постороннему человѣку нечего было туда заглядывать... Все это, дѣйствительно, непріятно, и хотя ничего мнѣ не раскрываетъ новаго, однако, имѣть и будетъ имѣть свое дѣйствіе. Нѣтъ, рѣшительно безъ честности нельзя, какъ безъ хлѣба. Письмо твое я доставлю при первой возможности (нельзя же переслать его по почтѣ), но эта возможность, вѣроятно, раньше 4-хъ недѣль не явится, т.-е. раньше отъѣзда Дружинина... Но ручаюсь тебѣ, что письмо доставлено будетъ, и прошу тебя не печатать ничего въ «Колоколѣ», съ той же точки зрѣнія, съ которой я отговаривалъ тебя говорить о К. Н. Хотя Некрасовъ тебѣ вовсе не свой, но, все-таки, согласись, что это значило бы «бить по своимъ» («Письма», 110). Тургеневъ старался, чтобы все ограничилось домашними недоразумѣніями, иначе его положеніе дѣлалось бы вдвое неудобнѣе.

Изъ письма Некрасова отъ 20 іюля (ст. с.) къ Тургеневу видно, что послѣдній былъ очень недоволенъ указаніемъ Некрасова на его прикосновенность къ дѣлу о зятяжкѣ платежа 1000 руб. сер., распорядился, чтобы дядя его выслалъ Некрасову его долгъ, и далъ понять, что впредь обойдется безъ его помощи. Некрасовъ отвѣчалъ, что Герценъ изложилъ его письмо невѣрно, что онъ не говорилъ, что Тургеневъ теперь заплатитъ его долгъ (Герценъ, дѣйствительно, не вчитался въ письмо Некрасова), что все это очень его нервируетъ и обижаетъ (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», 174—176).

Одновременно Некрасовъ приложилъ письмо къ Герцену, которое и просилъ Тургенева переслать по адресу:

«Милостивый Государь Александръ Ивановичъ, въ письмѣ, посланномъ Вамъ недавно изъ Парижа, я вовсе не думалъ обвинять Тургенева въ неуплатѣ Вамъ моего долга; я прямо винилъ свою безпечность и говорилъ только, что съ той поры, какъ получилъ Вашу записку объ отдачѣ этихъ денегъ Тург., я мало думалъ объ этомъ долгѣ, имѣя съ Тург. постоянные счета. Я не сказалъ въ моемъ письмѣ, будто этотъ долгъ въ настоящее время числу за Тургеневымъ; я *не писалъ* (не писалъ!) Вамъ, что эти деньги заплатитъ Вамъ Тургеневъ изъ денегъ, которыя онъ будто въ настоящее время мнѣ долженъ. Напротивъ, я писалъ прямо, что деньги вышлю вамъ я, по возвращеніи въ Россію. Письмо мое, однакоже, послужило источникомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя заставляютъ меня просить васъ: 1) считать виновникомъ въ этомъ дѣлѣ единственно меня, а не Тургенева, который виноватъ передъ Вами развѣ въ томъ, что не взыскалъ съ меня этого

долга посредствомъ полицейскихъ мѣръ; 2) послать Тург. или показать ему при случаѣ мое письмо къ Вамъ, писанное изъ Парижа; 3) извинить меня, что я вторично Васъ беспокою по дѣлу, въ которомъ непростительно виновать и которое въ весьма скоромъ времени, наконецъ, кончу высылкою Вамъ денегъ. *Н. Некрасовъ*. 20 июля ст. ст.» (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», 177).

27 (а не 21-го) июля Некрасовъ просилъ Тургенева, чтобы онъ не посылалъ приведенное письмо къ Герцену, а послалъ бы другое, прилагаемое, котораго Пыпину не удалось найти, но оно уцѣлѣло: оно напечатано въ качествѣ письма къ Огареву на стр. 174 кн. XII «Рус. Мысли» 1902 года. «Милостивый Государь! Я уже послалъ вамъ слѣдующія съ меня деньги ранѣ полученія вашего письма (изъ 5000, кромѣ двухъ, которыхъ полученіе вы отмѣтили на моей распискѣ, было еще выдано 100 р. с. М. Θ. Коршъ въ 1848 г., по возвращеніи ея изъ-за границы, потому я послалъ вамъ 3000 фр.). Я не думалъ ни прямо, ни косвенно винить Тургенева въ неуплатѣ моего долга; я винилъ прямо себя, а упомянулъ объ извѣстной запискѣ единственно потому, что, не будь ее, я, вѣроятно, не простеръ бы своей безопасности до такой степени и гораздо ранѣ позаботился бы объ очисткѣ этого дѣла, Такъ я думаю и теперь. Что же касается до причины вашего неудовольствія противъ меня, то могу ли, нѣтъ ли оправдаться въ этомъ дѣлѣ, — передъ вами оправдываться я не считаю удобнымъ. Думайте, какъ вамъ угодно. *Н. Некрасовъ*. 26 июля 1857 г. Петергофъ».

Для лучшей иллюстраціи неискренности Тургенева приведу еще его письмо къ Некрасову отъ 24 августа 1857 г.: «Прежде всего скажу тебѣ, что мое письмо напрасно тебя огорчило: я никогда не думалъ тебя подозрѣвать, а приписалъ все это недоразумѣніе (которое, признаюсь, меня нѣсколько взволновало) твоей небрежности; это же самое заставило меня написать дядѣ о высылкѣ тебѣ должныхъ мною денегъ. Гдѣ эти проклятые счета заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумѣнія, а я не хочу, чтобы они были между нами. Увѣряю тебя, что эта, какъ ты говоришь, *исторія* не произвела на меня никакого дѣйствія; я такъ же люблю тебя, какъ любилъ прежде, стало быть, и думать объ этомъ больше не стоитъ... До скорого свиданія, милый другъ. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ, какъ я въ тебѣ не сомнѣваюсь. Ну, а иногда другъ на друга посѣтовать можно, — съ кѣмъ это не случается» («Рус. Мысль» 1902, I).

На этомъ и слѣдовало бы кончить комментарий, если бы еще не сплетня, пущенная про Некрасова Н. В. Успенскимъ со словъ

якобы Тургенева, о томъ, что Некрасовъ взялся передать отъ него Герцену въ Лондонѣ 18000 франковъ, въ Лондонъ не поѣхалъ, а деньги проигралъ въ карты («Изъ прошлаго», 20—22). Вздорность этого дикаго обвиненія доказана А. Я. Панаевой-Головачевой (см. ея воспоминанія, стр. 360).

948. Письмо къ М. К. Рейхель.

Іюль (1857).

Видя, что вамъ не перешлешь «Колокола», вырѣзываю статью о путешественникахъ и посылаю. Письмо ваше получилъ.

949. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

23 July (1857).
Putney.

Sie konnten nichts verstehen in der Sache des Portraits von Miss White, weil ich vergass, dasselbe mitzulegen—das ist aus der Allg. Zeit.—Nun Sie wissen, dass man die Expulsion Mazzini's und Ledru Rollin haben will—die Times ist sehr geneigt. Campanella figurirt auch. Schade, dass Darash fort ist.

In Berlin hat man auf der Post und in allen Buden officialiter Die Glocke—in Beschlag genommen; auch hat die Polizei befohlen, nicht mehr meine Bücher—im Fenster auszustellen—ich schreibe eine kleine Antwort d. Preussischen König.

Viele neue Russen—ein junger Offizier, ganz greulich verwundet bei Sebastopol, ein Student aus Moskau und derselbe Hoffmann, der Ihren Bruder kennt.

Die Dame gefällt mir sehr, die sie geschickt haben. Jetzt schreibt auch Koche von einer—wir haben sie nicht gesehen.

Alex. ist etwas unwohl, ich gehe mit ihm zu Deville. Gehen Sie Sonnabend zu Milner Gibson? Oder kommen Sie zu uns Mittag-essen—ein Russe (von den neuen wir sind die Russen de la vieille, diese—du Jendemain) wird jedenfalls da sein.

Frank in Paris verkauft den Polar Stern für 30 und 35 fr. 1 Exemp.

Tout à Vous

A. Herzen.

Heute in der Times Allusionen auf M-me Hawks, Stansfield etc.

Переводъ.

23 июля.

Вы ничего не могли понять въ дѣлѣ съ портретомъ г-жи Уайтъ, потому что я позабылъ приложить его; онъ заимствованъ изъ «Allg. Zeit».

Теперь вы знаете, что хотять добиться изгнанія Маццини и Ледрю-Роллена; «Таймсъ» очень склоненъ. Кампанелла также фигурируетъ. Жаль, что Дарашъ уже уѣхалъ.

Въ Берлинѣ, на почтѣ и во всѣхъ магазинахъ, офиціально наложенъ арестъ на «Колоколь»; полиція также отдала приказъ, чтобы мои книги не выставлялись въ окнахъ; я пишу маленькій отвѣтъ прусскому королю.

Много новыхъ русскихъ: молодой офицеръ, тяжело раненый подъ Севастополемъ, студентъ изъ Москвы и тотъ самый Гофманъ, который знаетъ вашего брата.

Мнѣ очень нравится дама, которую вы прислали. Теперь также Кохе пишетъ объ одной,—мы ея не видѣли.

Алекс. немного нездоровъ, я иду съ нимъ къ Девилю.

Собираетесь вы въ субботу къ Мильнеръ-Гибсонъ или придете къ намъ обѣдать? Во всякомъ случаѣ будетъ и одинъ русскій (изъ новыхъ, мы—русскіе «вчерашніе», онъ же—завтрашняго дня).

Франкъ въ Парижѣ продаетъ «Полярную Звѣзду» по 30 и 35 франковъ за экземпляръ.

Весь вашъ

А. Герценъ.

Сегодня въ «Таймсѣ» есть намеки на г-жу Гоксъ, Стансфильдъ и др.

950. Письмо къ И. С. Тургеневу.

24 июля (1857).

Putney.

Письмо твое получилъ. Я ни одной секунды не сомнѣвался, что вся эта исторія была фіоритура на картушевскій манеръ. Вѣрь моему чистому такту, я не ригористъ, но грязи ненавижу.

Насчетъ денегъ онъ пишетъ, что отдастъ; пусть же отдастъ Петру Алекс. Захарьину, который живетъ у фотографа Львицкаго въ Петер.

Письмо мое ему непременно доставь. Да что же ты не пишешь, когда Головинъ будетъ у моря?

Журналы пришли непременно (только узнай впередъ цѣну, ибо по почтѣ можетъ быть очень дорого). Нельзя ли послать черезъ книгопродавца Трюбнеру? Если же можно по почтѣ, то франкируй и вычти изъ долга. Деньги можешь прислать на вексель.

Прощай.

Я только пострадалъ Некр. «Колоколомъ». А прогос, знаешь ли ты, что въ Берлинѣ «Колоколь» офиціально схваченъ и «Полярн. Звѣзду» велѣли снять съ оконъ?

Огар. кланяется.

Ну ужъ у тебя адресъ! Господи, куда пузырь занесетъ чело-вѣка! Здѣсь африканскія жары.

951. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 іюля (1857).
Путней (Putney).

Что ни говори, а Дрезденъ дальше Парижа, и мнѣ все какъ-то кажется, что вы только гостите въ вашей Doppelfrostbergwerksperringstrasse ¹⁾ и опять приѣдете въ какой-нибудь Марбефьевскій переулокъ. Я не думаю, чтобъ и въ дѣловомъ смыслѣ этотъ переѣздъ былъ дѣломъ. Вы ничего не пишете насчетъ этого.

Я вамъ послалъ отрывокъ «Колокола» въ пакетѣ, получили ли? Знаете ли что берлинскій король ²⁾ велѣлъ его схватить и велѣлъ для приѣзда августѣйшихъ снять русскія книги съ оконъ? А Трюбнеръ печатаетъ себѣ на здоровье да денежки наколачиваетъ.

Письмо къ Некрасову я послалъ къ Тургеневу, который живетъ тоже въ какомъ-то небываломъ городѣ; Зигзагъ или Загзигъ ³⁾. А вы ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, Петру Алекс. сообщите, чтобъ онъ къ мошеннику-поэту явился; живетъ онъ у Сергѣя Львовича, т.-е. Петруша.

Дѣти ничего; сегодня отправляются въ Креморнъ-Гардингъ, тамъ какія-то игры и комедіи. Марихенъ уѣхала въ Ирландію.

¹⁾ Шутка; дословно: сугубо морозная улица горнозаводскаго воробья.

²⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

³⁾ Зинцигъ.

4 часа

Ждалъ отъ васъ письма, не дождался.—Напишите, получили ли поль-«Колокола» въ пакетѣ? мнѣ очень хочется знать.

Русскихъ новыхъ бездна, есть и хорошіе и такъ себѣ; одинъ офицеръ, совсѣмъ израненный.

Ал. Ал. ѣдетъ изъ Парижа дней черезъ шесть.

952. [Предисловіе].

Поэма, теперь издаваемая нами, была напечатана нѣсколько прежде, но разныя причины и, между прочимъ, желаніе сдѣлать *поправки*, задержали ее въ типографіи. Мы обращаемъ особое вниманіе читателей на эти поправки, напечатанныя нами въ началѣ текста ¹⁾.

Поэма эта—не новость; писанная въ 1840 и 1841 годахъ, она тогда же была очень извѣстна въ кругу читателей письменной русской литературы. Мы должны въ особенности потому напомнить это, чтобъ читатели не искали въ ней никакихъ примѣненій къ нашему времени.

Лондонъ, 1 августа 1857.

¹⁾ Поправки сдѣланы Огаревымъ и указываютъ, что рукопись, бывшая у Герцена, не была исправной.

Библиографическій комментарий.

(Сокращения: Наталія Александровна Захарына, потомъ Герценъ—Н. А—на; «Собрание сочиненій А. И. Герценъ», СПб., 1906 г.—Спб. изд.; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1857—1879 гг.—Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ—Рум. муз.; архивъ семьи Герцена—АСГ.; «Колоколь»—«Кол.»; «Полярная Звѣзда»—«П. З.»).

723. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Нѣсколько строкъ неисправно напечатано М. К. Рейхель на стр. 104—105 «Отрывковъ изъ воспоминаній».

724. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

725. Тоже.

726. Напечатано неполно и неисправно на стр. 105—106 «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

727. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

728. Тоже.

729. Тоже.

730. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Публ. Библиотекѣ. «Живая дружба связывала Герцена въ теченіе нѣкотораго времени съ Гервегомъ, но черезъ два года она кончилась разрывомъ, въ чемъ виноватъ былъ нѣмецкій поэтъ. Арнольдъ Руге пробовалъ сдѣлать этотъ разрывъ между двумя друзьями, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами, предметомъ трагедіи, но ему это не удалось вслѣдствіе фривольности моднаго міровоззрѣнія, представителемъ котораго является его поэтъ Юлій. Онъ сдѣлалъ бы лучше, если бы послѣдовалъ совѣту Варнгагена фонъ Энзе—оставаться въ предѣлахъ водевиля» («Unsere Zeit», 1859).

731. Напечатано по-французски въ «L'Homme» 1854, 22 февраля; экземпляръ газеты собственноручно исправленный Герценомъ, хранится въ

Рум. муз. Издатель и редакторъ Ш. Рибероль сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Мы любимъ всѣхъ, кто смѣлъ, — все равно въ области мысли или въ сраженіи, — и поэтому съ удовольствіемъ публикуемъ письма гражданина Герцена для того, чтобы высказать наше мнѣніе о *безсильной* французской цивилизаціи...» По-французски дано при французскомъ изданіи «Писемъ», Женева, 1871 г. По-русски напечатано въ видѣ приложенія къ «Письмамъ изъ Франціи и Италіи», 1855 г.; вошло въ IV т. Жен. изд. и съ купюрами въ V т. Спб. изд. Между переводомъ, сдѣланнымъ Герценомъ и имъ же исправленнымъ французскимъ текстомъ есть разница, но нѣтъ ни одного существеннаго измѣненія; переводъ довольно вольный, съ перестановками и пр., но инымъ онъ и не могъ быть у такого живого автора.

Помѣстить это сочиненіе при «Письмахъ» нѣтъ основанія, разъ здѣсь печатается переписка вообще, да и на этомъ мѣстѣ письмо еще лучше иллюстрируетъ развитіе основной мысли Герцена о Западѣ и Россіи.

732. Напечатано по-англійски въ III т. «The English Republic» 1854 г. подъ заглавіемъ «Russia and the old World», потомъ по-французски въ «L'Homme» 1854 г.—«La Russie et vieux monde»; вскорѣ же издано французской брошюрой Jerscy, 1854. По-русски выпущено въ Лондонѣ 1858 г., когда и написано предисловіе; вошло въ V т. Жен. изд. и съ весьма многими купюрами и неисправно въ V т. Спб. изд.; отдѣльно издано «Основой» въ 1906 г., Спб.

Анонимный авторъ, скрывшійся подъ знакомъ ∇, изображавшимъ нѣчто въ родѣ перевернутой греческой дельты, написалъ въ «The Leader» отъ 22 апрѣля 1854 г. горячую статью, въ которой, нападая на Герцена, однако, не назвалъ его по имени.

Въ началѣ онъ предостерегаетъ, чтобы русскіе изгнанники не стали орудіемъ въ рукахъ русскаго деспотизма и тѣмъ не оттолкнули отъ себя всѣхъ друзей прогресса. Дальше указывается, что гимны во славу великой «святой Руси», которая покоритъ всѣ страны, раздаются не только изъ устъ Ореста Миллера, Ник. Огарева, Глинки, Н. Греча и Булгарина въ офиціозныхъ газетахъ Россіи (какъ, напр., въ «Сѣв. Пчелѣ»), но изъ устъ эмигрантовъ, въ брошюрахъ изданныхъ во Франціи, Германіи и Англии. Русскіе изгнанники проповѣдуютъ идею, будто молодой русскій народъ со своей свѣжей и неистраченной силой создастъ новый Римъ Востока въ Константинополѣ и обновитъ «дряхлую Европу». Эта идея «развивается въ легкой литературной формѣ, обряженной въ домино псевдо-революціоннаго лиризма и разукрашенной ветошью «очень интереснаго движенія». «Представьте себѣ мѣшанину изъ Ламменэ и Байрона, Гамлета и башкирца, Исаи и Прудона, — вотъ вамъ стиль статьи».

Русскій критикъ ничѣмъ недоволенъ въ З. Европѣ: ни демократіей, ни социализмомъ, ни монархіей, ни республикой. Онъ пишетъ: «вамъ не остается ничего, кромѣ Америки и Австраліи. Европа не можетъ спасти себя. Россія обновитъ міръ». Онъ не знаетъ, какой городъ сдѣлать столицей «новой великой Россіи, социальной, коммунистической, панславистской».—Вѣну? Петербургъ? Варшаву? Константинополь?—Выбирайте, конечно, Константинополь»,—иронически замѣчаетъ авторъ статьи.

Кончается она указаніемъ на то, какъ близко стоятъ другъ къ другу «писанья ультра-революціонныхъ русскихъ эмигрантовъ и статьи, написанныя подъ диктовку царскаго кабинета».

Черезъ день, 24 апрѣля, въ «Morning Advertiser» появилось письмо Demostot'a. Онъ протестуетъ противъ сближенія «священнаго дѣла Итальянской, Венгерской и Польской свободы» съ организуемымъ русскими «греко-каѳолическимъ возстаніемъ въ Турціи», выражаетъ сожалѣніе, что «l'Homme» и бельгійская «Nation» такъ снисходительно смотрятъ на «эллинское возстаніе, руководимое бандитами, царскими шпіонами, и наемниками поддерживаемаго Россіей короля Отто и его интригующей жены». Эти газеты «очевидно находятся подъ вліяніемъ нѣкаго русскаго, Александра Герцена». «Своими панславистскими, казацкими и греко-славистскими писаніями этотъ господинъ видимо старается подготовить республиканцевъ къ воцаренію русскихъ въ Константинополѣ, какъ къ событію, предназначенному судьбой и выводу для интересовъ революціи». «Вліяніе русскихъ панславистовъ, въ родѣ Герцена, сказывается и на польскихъ демократахъ».

Эта статья и позже была предметомъ вниманія европейскихъ публицистовъ. Вслѣдъ за смертью Герцена Карлъ Блиндъ напечаталъ въ «Neue Freie Presse (9 февраля 1870) фельетонъ, въ которомъ протестовалъ противъ зачисленія покойнаго въ рядъ борцовъ за «дѣйствительный гуманизмъ и свободу», считая его типичнымъ представителемъ панславистскаго движенія и, слѣд., «злѣйшимъ врагомъ Германіи и всей европейской культуры». N. Labinsky тогда же выпустилъ по этому поводу въ Женевѣ брошюру: «Offenes Schreiben an Carl Blind in Erwiderung auf seinen Protest gegen A. Herzen».

Онъ доказалъ, что Герценъ никогда не былъ панславистомъ.

По мнѣнію Лабинскаго, «Карлъ Блиндъ протестуетъ, во имя цивилизаціи, противъ того, чтобы дать Александру Герцену мѣсто въ средѣ истинныхъ друзей свободы. Во имя строгой справедливости долгомъ считаю объяснить, что обвиненія, которыми почтенный демократъ обременяетъ память Герцена, не имѣютъ прочнаго основанія, что легко будетъ доказать. Карлъ Блиндъ былъ бы правъ, если бы А. Герценъ былъ въ самомъ дѣлѣ панславистомъ, потому что это послѣднее явленіе въ культурной жизни восточной Европы есть не что иное, какъ маска варварства, смертный врагъ истинной цивилизаціи. Герценъ посвятилъ всю свою жизнь на борьбу съ всеокрушающимъ стремленіемъ панславистскихъ идей, и московская партія панславистовъ ненавидѣла его, какъ самаго опаснаго врага. Карлъ Блиндъ говоритъ, однакожь, что Герценъ трунилъ надъ Европою и ея цивилизаціею. Книга его «Съ того берега» (1849) не забыта; въ предпосланномъ къ ней письмѣ къ Гервегу ясно высказано его отчаяніе, его невѣріе въ силу демократіи. Это писалъ онъ въ кабинетной тиши, какъ кабинетный мыслитель; онъ наблюдалъ тогдашнія событія съ объективной точки зрѣнія; какъ прозекторъ въ анатомическомъ театрѣ, разлагалъ онъ своимъ ножомъ отжившія надежды,—это было въ самомъ разгарѣ событій 1849. Сколько, однакожь, истинъ высказалъ онъ тогда: бонапартизмъ — это смерть, заявилъ онъ въ 1851 году. Не онъ одинъ былъ представителемъ и проповѣдникомъ подоб-

ныхъ идей; приверженцами ихъ были: Прудонъ, Маркъ Дюфренъ, Эдгардъ Кинэ и другіе.

«Кто можетъ обвинять Александра Герцена въ панславизмъ, этомъ забралъ, скрывающемъ за собою московскій царизмъ,—обвинять его, горячаго друга Польши, сторону которой онъ принялъ не въ 1863 году, а гораздо ранѣе, во время польскаго митинга въ 1853 году? Еще въ 1861 году получилъ онъ адресъ, подписанный тысячами лицъ разныхъ партій польской націи. Трудно также доказать, чтобы онъ предавался мечтѣ объ единой славянской республикѣ. Напротивъ, онъ былъ врагомъ всякой зоологической классификаціи человѣческихъ расъ, а тѣмъ болѣе европейскіхъ національностей,—классификаціи, какая удобна и примѣнима только въ звѣринцахъ, но вредна и неудобопримѣнима къ разумнымъ существамъ въ ихъ общественной жизни. Онъ былъ врагомъ нѣмечины, но врагомъ не того просвѣщеннаго, интеллигентнаго германизма, котораго образованность онъ себѣ усвоилъ; онъ былъ врагомъ русскихъ-нѣмцевъ, т.-е. остзейскихъ бароновъ, которые до настоящаго времени составляютъ столпы царизма. Онъ былъ врагомъ старой, традиціонной австрійской политики и постоянно сомнѣвался въ ея просвѣтительной роли въ Италіи и въ славянскихъ земляхъ. Если онъ во имя челоувѣчества поднялъ свой голосъ противъ полицейскихъ и иезуитскихъ гоненій въ Чехіи,—кто можетъ ему въ этомъ случаѣ сдѣлать упрекъ, что онъ дѣйствовалъ такъ во имя панславизма? Мы знаемъ, что возраженія неизвѣстныхъ личностей не могутъ имѣть достаточной силы противъ протеста Карла Блинда, поэтому рѣшаемся опереться на авторитетъ Гарибальди, въ надеждѣ, что Карлъ Блиндъ безпрекословно подчинится его приговору: если Гарибальди считалъ стараго своего друга Герцена въ числѣ «своихъ», то Карлу Блинду остается только согласиться съ этимъ.

«Мы оставляемъ въ сторонѣ другія нападки и ошибочныя приписыванія Герцену такихъ мыслей, которыхъ ему и въ голову не приходило. Если бы Карлъ Блиндъ въ состояніи былъ обсудить все здраво и ближе ознакомиться съ сочиненіями Герцена, онъ никогда не впалъ бы въ подобныя «ошибки»,—мы не говоримъ «клеветы», потому что увѣрены, что Карлъ Блиндъ никогда ни одной строки не читалъ того, что было написано Герценомъ, и его обвиненія основаны только на тѣхъ политическихъ несогласіяхъ, которыя были между нимъ и Герценомъ, особенно по шлезвигъ-голштейнскому вопросу, по которому Герценъ раздѣлялъ мнѣніе Карла Фогта и Гарибальди. Это было въ 1864 г., когда Гарибальди находился въ Лондонѣ, и Герценъ далъ въ честь его праздникъ. Съ этого именно времени началась между ними вражда. Въ заключеніе прошу обратить вниманіе на слѣдующее: «Герценъ никогда ничего дурного не говорилъ о Карлѣ Блиндѣ, и мы не желали, чтобы имя нѣмецкаго героя 1848 года было исключено изъ пантеона исторіи.

Редакція «Neue Freie Presse», получивъ «Необходимое объясненіе» Лабинскаго, отослала его Карлу Блинду для отвѣта, а потомъ и статью Лабинскаго и отвѣтъ Блинда помѣстила рядомъ. Послѣдній писалъ:

«Гязело мнѣ было выступать передъ публикою съ моимъ *протестомъ*. Но сознаніе долга устранило во мнѣ это непріятное чувство, и все, мною написанное, было чистою истиною, непреложнымъ фактомъ. Мнѣ больно воз-

вращаться снова къ тому же предмету; но другого исхода я не нахожу, и мнѣ остается сожалѣть, что для разъясненія этого обстоятельства мнѣ нельзя будетъ уклониться отъ дальнѣйшихъ разоблаченій. Я началъ, было; писать свой отвѣтъ пространно, но столбцы журнала не дозволяютъ мнѣ распространяться такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; поэтому ограничусь только самымъ необходимымъ.

«Авторъ *необходимаго* объясненія говоритъ, что я былъ бы правъ, если бы Герценъ былъ дѣйствительно *панславистомъ*, какимъ онъ былъ представленъ въ *протестъ*. Я вполне согласенъ съ его мнѣніемъ относительно панславизма, который, какъ говоритъ мой противникъ, есть смертный врагъ всякой культуры, маска варварства, забрало русскаго преобладанія. Я не хочу спорить о томъ, къ какой именно партіи принадлежитъ Герценъ: панславистъ ли онъ или панруссистъ. Всѣ эти подраздѣленія политическихъ направленій мнѣ хорошо извѣстны. Мнѣ также не безызвѣстно и то, въ чемъ эти партіи не сходятся съ существующимъ порядкомъ въ Европѣ. Герценъ слово въ слово писалъ слѣдующее: «Россія—это органической славянскій міръ и славянское государство; ей поэтому принадлежитъ владычество». И затѣмъ ясно высказалъ, что русскому правительству слѣдуетъ одноплеменныхъ братій своего народа призвать къ себѣ и стать въ главѣ славянскаго движенія».

«Панславизмъ ли это, или нѣтъ?»

«Но Герценъ на этомъ не останавливается, а идетъ далѣе: онъ смѣло переступаетъ предѣлы панславизма, узаконяя для Россіи стремленіе ко всемірному владычеству, что хуже всякаго панславизма. Онъ смѣло ставитъ вопросъ: гдѣ, въ какомъ мѣстѣ придется сосредоточить эту міровую власть: въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Варшавѣ или *Константинополѣ*, или въ *Вѣннѣ*? Смыслъ подобныхъ тенденцій Герцена можетъ понять каждый нѣмецъ, каждый мыслящій человѣкъ».

«*Революціонная* внѣшность сочиненій Герцена не въ состояніи скрыть ихъ сущности. Главная мысль, которая открывается при болѣе внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, та, что *Россія, преисполненная силы и юношескихъ соковъ, непремѣнно должна расширить свѣи предѣлы, что двуглавый русскій орелъ, помолодѣвшій отъ льдовъ сѣвера, непремѣнно долженъ спуститься на полумтьсяцъ, тускло сіяющій надъ Софійскимъ храмомъ*. Это стремленіе, которое намъ извѣстно изъ исторіи, въ началѣ было стремленіемъ варяжскихъ предводителей руссовъ, потомъ преемственно перешло и къ московскимъ царямъ, Герценъ называетъ *инстинктомъ, фатальнымъ стремленіемъ, движеніемъ натурально-фізіологическимъ* или же, если угодно иначе назвать его, *судьбою*. Съ особой любовью старался онъ проводить мысль, что Россія, будто какой-то фатумъ, паритъ надъ Европою, что сила сопротивления не выстоитъ противъ непреложности судьбы и разобьется объ ея несокрушимую стѣну».

«Герценъ, не имѣвшій никакихъ религіозныхъ убѣжденій, считалъ, однакоже, греческое православіе необходимымъ проводникомъ къ осуществленію *вѣчной грезы* Россіи, къ завоеванію Стамбула! И, чтобы отклонить грубое противорѣчіе, онъ старался приписать русскому народу какую-то

внутреннюю, таинственную силу движенія впередъ, которая, подобно первобытной силѣ христіанскаго ученія, распространится по восточной Европѣ. Во всякомъ случаѣ русскіе должны возродить міръ, и, въ подражаніе Тациту, онъ любилъ называть себя варваромъ.

«Не въ первый разъ слышимъ мы подобный языкъ. Не есть ли это отголосокъ завѣщанія (подложнаго) Петра I? Не указывалъ ли Герценъ на Россію и на Американскіе Соединенные Штаты, какъ на двѣ могущественныя силы будущности? Часто говорилъ онъ, указывая на Австралію, что сюда слѣдовало бы удалиться гонимымъ въ Европѣ, присовокупляя, что въ этой странѣ можетъ ждать ихъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ свободное развитие; самъ же онъ не двигался съ мѣста.

«Имѣя въ виду возможность обратить Константинополь или Вѣну въ русскіе центральные или губернскіе города, Герценъ, не останавливаясь, расширяетъ потокъ великославянской рѣки, притоки котораго должны обнять Венгрію и восточную часть Германіи. «Мадыяры», говоритъ онъ. «это—турки древней Панноніи». О чехахъ и кроатахъ писалъ онъ (*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*), что они, «съ принятіемъ римскаго католицизма, совершенно окретинились!» Другими словами, онъ сожалѣлъ, что они не приняли греческаго православія, т.-е. что они не принесли въ этомъ отношеніи своей доли содѣйствія русской пропагандѣ, и радовался взятію Византіи турками, потому что оно положило преграду римскому прозелитизму.

«И все это болѣе и болѣе направлялось къ тому, чтобы содѣйствовать осуществленію плановъ русскаго господства.

«Въ славянскую семью онъ естественно включалъ и Польшу. Но авторъ *объясненія* не можетъ оспаривать того обстоятельства, что Герценъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, призналъ уничтоженіе польской самостоятельности, какъ справедливую историческую месть, по той причинѣ, что Польша отдѣлилась отъ славянскаго единства, отдалась католицизму и преобразовалась въ аристократическую державу. Мнѣ не безынтересно, что Герценъ часто измѣнялъ свои мысли въ отношеніи къ Польшѣ. И кто можетъ утверждать, что онъ ограничился одною Польшею какъ предѣломъ русскаго владѣнія, и не простиралъ своихъ мыслей далѣе, къ западу? Истиннымъ друзьямъ Польши никогда не приходила въ голову та историческая месть, о которой говорилъ Герценъ; у нихъ преобладало одно чувство—горестъ за горячее желаніе возрожденія.

«На этомъ пути покидали Герцена передовые социалисты Европы; даже стоявшій во главѣ этой партіи во Франціи, котораго называлъ онъ не иначе, какъ *маленькій Бланкъ*, не придавалъ никакого значенія его стремленіямъ (*Письма изъ Италіи и Франціи*). Между тѣмъ о русскомъ народѣ, еще во время его крѣпостнаго состоянія, онъ писалъ, что «нашъ близкій къ природѣ образъ жизни подходитъ ближе къ тому идеалу, о которомъ такъ мечтаетъ Европа, чѣмъ образъ жизни просвѣщеннаго романо-германскаго міра». О европейскихъ социалистахъ онъ говорилъ: «Ваши горячія надежды, которыя вы осуществите не въ состояніи, такъ же несбыточны, какъ благородные фантастическіе помыслы Донъ-Кихота». И только «великому народу, зани-

мающему всю пограничную окраину Европы», суждено возродить у себя истинный социализмъ.

«Но въ ожиданіи этого свѣтлага будущаго западные народы должны тѣмъ временемъ пережить *темную ночь варварства* и подвергнуться *страшнымъ лишеніямъ*. И затѣмъ каждая новая форма жизни будетъ освѣщаться точно такимъ же образомъ. Въ доказательство я приведу собственныя его слова, которыя онъ писалъ вскорѣ послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней въ Парижѣ въ 1848 году: «*Да здравствуетъ хаосъ и истребленіе! «Vive la mort!» Да очищаетъ она мѣсто для будущности!*»

«Сначала внутреннія волненія должны потрясти Европу, а затѣмъ казачество приметъ за возрожденіе ея отжившихъ старыхъ членовъ. Развѣ это демократія или социализмъ, или гуманность?»

«А между тѣмъ Герценъ жалуется («*La Camicia rossa*»), что нѣмцы, у которыхъ онъ отнимаетъ Вѣну, слишкомъ проникнуты національностью, что они *шовинисты* и что вовсе не къ лицу быть имъ космополитами.

«Пора, однако, остановиться, хотя матеріалъ самъ просится подъ перо. Если предметъ этотъ подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ, то слѣдуетъ предоставить его критикѣ, при чемъ каждая изъ сторонъ постоитъ за себя. Третьейскаго судъ здѣсь не у мѣста. Для меня дорого имя и дружба благороднаго и храбраго народнаго предводителя Италіи, а такъ какъ авторъ *Объясненія* затронулъ также и шлезвигъ-голштейнскій вопросъ, то я долгомъ считаю сказать, что когда я, въ присутствіи избранныхъ нѣмцевъ, привѣтствовалъ Гарибальди рѣчью, онъ въ отвѣтъ своемъ упомянулъ вскользь о Шлезвигъ-Голштейнѣ, вовсе не касаясь коронованныхъ лицъ, въ этомъ вопросѣ заинтересованныхъ, а говоря единственно о шлезвигъ-голштейнскомъ народѣ, который я въ своей рѣчи сравнилъ съ венеціанцами. Герценъ, напротивъ, стремясь воссоединить разноязычныя славянскія племена и, кромѣ того, подчинить Россіи народы ей чуждые, самъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ издѣвался надъ родственными племенами, составляющими многочисленный германскій народъ.

«Сочиненія Герцена мнѣ хорошо извѣстны. Авторъ *Объясненія*,—какъ это ни прискорбно, но я долженъ сказать,—не обратилъ должнаго вниманія на мой *Протестъ* или же онъ не вполне понялъ его, такъ какъ онъ написалъ на языкѣ мало ему извѣстномъ. Въ противномъ случаѣ онъ не рѣшился бы упрекнуть меня въ томъ, что я *не заглядывалъ даже въ сочиненія Герцена*. Что же касается *личныхъ несогласій*, происшедшихъ будто бы между мною и Герценомъ, то ихъ никогда не было, въ чемъ могу сослаться на общихъ знакомыхъ, какъ моихъ, такъ и Герцена. Нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій онъ дарилъ мнѣ съ собственноручною надписью; но несогласія въ политическихъ нашихъ взглядахъ дошли до того, что я, наконецъ, прервалъ съ нимъ всякія связи, потому что его упрямая проповѣдь возрожденія Европы посредствомъ истребленія ея культуры новыми *норманнами царизма* вышла уже изъ предѣловъ шуточного разговора.

«Немногіе рѣшались обсудить дѣятельность этого человѣка, и это по той причинѣ, что Герценъ въ одно и то же время писалъ на нѣсколькихъ языкахъ. Я же, съ своей стороны, предоставляю разъясненіе этого предмета

всякому, кто принадлежит къ либеральной нѣмецкой партіи или кто достоинъ принадлежать къ ней» («Neue Freie Presse» 30 апрѣля 1870).

15 іюня А. А. Герценъ написалъ письмо къ редактору неизвѣстной мнѣ французской газеты, прося его помѣстить «Письмо къ редактору Neue Freie Presse», которая отказалась напечатать его у себя. Герценъ-сынъ указываетъ на узость точки зрѣнія Блинда и возмущается тѣмъ, что, молчавъ при жизни Герцена, Блиндъ выступаетъ послѣ смерти съ такими грубыми и совершенно необоснованными аргументами.

Въ англійскомъ текстѣ 1854 года

- Стр. 29—10—11 св. Вмѣсто «Всякій спрашивая»: «Я отвѣчаю вамъ другимъ вопросамъ»:
- » » —20 св. Послѣ «феодальныя»: «и juste-milieu».
 - » » —10 св. Послѣ «1789 года»: «Соціальная революція будетъ не такова».
 - » » — 3 св. Вмѣсто «на нравственномъ дуализмѣ»: «на религіи, исповѣдующей самый полный дуализмъ».
 - » 30— 5 св. Вмѣсто «безнебесная»: «безъ небесъ и безъ бога».
 - » » —16 св. Передъ «вопросъ»: «большой».
 - » » —16 св. Послѣ «многое»: «ея высшіе классы слишкомъ цивилизованы».
 - » » —12 св. Послѣ «консерваторы»: «въ Европѣ».
 - » » — 5 св. Вмѣсто «противодѣйствія»: «преслѣдованія».
 - » 31— 5—8 св. Вмѣсто «Америка социализмъ»: «принять Европу, осуществить ея соціальныя идеи».
 - » » —11 св. Послѣ «славянскомъ мірѣ?»: «Что это за славянскій міръ?»
 - » » —16 св. Послѣ «ни съ Азіей»: «Европа становится католической, Востокъ—мусульманскимъ, славянскій міръ—греческимъ».
 - » 32—19 св. Вмѣсто «Аристократіи не было»: «Въ этой первобытной республикѣ не было и слѣдовъ аристократіи».
 - » » —17 св. Передъ «Республика эта»: «Замѣтьте также, что
 - » » —12 св. Вмѣсто «но не формы»: «Никакая политическая форма Запада не можетъ имъ соотвѣтствовать».
 - » 32—11—10 св. Вмѣсто «Однако государства»: «Надо было создать сильное государство».
 - » » — 9— 8 св. Не было «однимъ словомъ сна».
 - » 33—18 св. Послѣ «Минина»: «нижегородскаго мясника».
 - » 34—18 св. Послѣ «Александръ I»: «очень хорошо».
 - » » —13—12 св. Вмѣсто «Франціи Австріи»: «Англии и Хивѣ, Швеціи и Японіи».
 - » » — 7 св. Послѣ «безпредѣльное презрѣніе»: «И онъ питаетъ это презрѣніе».
 - » 35— 9 св. Послѣ «разсуждаютъ»: «всѣ ваши».
 - » » — 2 св. Вмѣсто «восходящая остановилась»: «но полумѣсяцъ остановился».

- Стр. 36— 8— 9 св. Послѣ «Акрополиса»: «и водѣ Гелеспонта».
- » » — 7 св. Послѣ «въ республикѣ»: («напримѣръ, во Франціи»).
- » 37— 8 св. Послѣ «равнодушными»: «рутинными».
- » 38— 5 св. Послѣ «одушевленіе»: «Какъ поступаетъ посланникъ въ Греціи».
- » 39—10 св. Послѣ «другъ друга»: «Англія не довѣряетъ декабрьскому авантюристу и, ей Богу, она права. Франція по традиціи не вѣритъ коварному Альбіону. У Пруссіи такъ вскружена голова, что она готова договариваться даже со злѣйшими своими врагами, а Австрія остается непоколебимо вѣрной своей системѣ попать всѣмъ человѣчскія права ради династическихъ интересовъ. Если мы спустимся еще глубже въ грязное болото, всюду среди верховъ дипломатіи найдемъ измѣнниковъ, продающихъ свою родину Николаю, или цѣлыя партіи, продавшіяся ему».
- » » —13 св. Послѣ «журналисты»: «но и премьеръ-министры, супруги королевъ, братья королев и ихъ двоюродные братья».
- « » — 9— 7 св. Не было.
- » 40— 5— 6 св. вмѣсто «дѣйствительной не можетъ»: «серьезная борьба невозможна».
- » » —18 св. Послѣ «порядкомъ»: «Соціальная антропофагія стояла такъ же твердо, какъ всегда».
- » 42— 5 св. Послѣ «новѣйшихъ временъ!»: «Французская армія со своимъ союзникомъ Николаемъ ринется на Англію и съ крикомъ «Да здравствуютъ императоры-союзники!» вступитъ въ Лондонъ. Когда подумаешь, что во власти Англіи не только спасти Европу отъ позора быть передъ смертью истоптанной ботфортами Николая и каблуками безчестнаго Наполеона, но спасти и себя отъ вторженія,—а она этого не дѣлаетъ—руки безпомощно опускаются. Конечно, Англія не можетъ спасти Европу отъ соціальныхъ превращеній. Она сама будетъ вовлечена въ нихъ. Чартизмъ и стачки не пройдутъ безслѣдно. Однако, въ ея власти, быть можетъ, лишь всего на нѣсколько дней—придать иной характеръ катастрофѣ. Для этого она должна принять сторону народовъ. А если она сдѣлаетъ такъ, она только выиграетъ».
- » 43— 7 св. Послѣ «Какъ ихъ спасти?»: «Пусть по крайней мѣрѣ бѣглецы всѣхъ національностей, захвативъ свое золотое руно, спѣшатъ ѣхать въ Америку, пока еще въ Сити не вступили венсенскіе стрѣлки и уральскіе казаки. Пусть, какъ можно скорѣе, они перенесутъ на эту свободную дѣвственную землю, жаждущую культуры, свои силы, свои заботы, свой талантъ, свою неоконченную работу. Тамъ совершатся чудеса промышленности и разрѣшатся вопросы, которые мы намѣревались рѣшить. Да, пусть они спѣшатъ, потому что Англія не можетъ защищаться противъ нашествія варваровъ».
- » 45— 7 св. вмѣсто «и терпимъ дикое самодержавіе»: «рабами помѣщиковъ и вѣрноподанными царя?»
- » » — 6 св. Передъ «Не должна ли»: «Естественно задаться вопросомъ».
- » 46—14 св. Послѣ «93»: «и 94».

- Стр. » —14 св. Послѣ «было похоже»: «(какъ я сказаль въ другомъ мѣстѣ)».
- » » —19 сн. Вмѣсто «въ которой живемъ»: «да, нестерпимой жизнью!»
- » 47— 4— 3 сн. Вмѣсто «поэзія Шекспира и Байрона»: «англійская поэзія».
- » 48— 5 св. Послѣ «полиглотнаго»: «особенно по отношенію къ новымъ языкамъ».
- » » —13 св. Не было: «Даже правительство многоязычно».
- » » —13—14 св. Вмѣсто «официальныя газеты»: «официальная Спб. газета».
- » 49— 6 сн. Вмѣсто «Онъ»: «Этотъ гениальный человѣкъ».
- » » — 4 сн. Вмѣсто «mise en scène»: «театральность».
- » 50— 2 св. Вмѣсто «шестидесятью»: «пятидесятью».
- » » — 6 св. Послѣ «совсѣмъ»: «(созданный позднѣе)».
- » 52—15 сн. Послѣ «личное дворянство»: «(правительственные чиновники, богатые купцы, артисты и т. д.)».
- » 53—18—19 св. Вмѣсто «соціальныхъ идей философіи»: «соціализма въ политикѣ, до отрицанія религіи и реализма въ философіи. Соціализмъ объединяетъ обѣ фракціи—европейскихъ революціонеровъ и панславистовъ».
- » » —21 св. Послѣ «сдѣлаться народною»: «Это очень знаменательно».
- » » —17 сн. Послѣ «европейскую войну»: «Всѣ жизненные вопросы такъ поставлены, что разрѣшеніе ихъ неизбѣжно вовлечетъ насъ въ соціальныя преобразованія; развѣ только не будутъ приняты какія либо предосторожности».
- » 54—17 сн. Передъ «Онъ»: «Раньше русскій уголовный законъ не зналъ смертной казни».
- » 55— 6 сн. Передъ «Русскій солдатъ»: «Съ тѣхъ поръ взгляды стали еще болѣе передовыми».
- » 56— 9—12 св. Вмѣсто «къ тому же власть»: «Когда въ Европѣ революція, воздухъ становится насыщеннымъ электричествомъ и тревожнымъ. Однимъ словомъ, русскій империализмъ можетъ быть только жалкимъ и ненадежнымъ, пока Европа свободна и революціонна. И только при реакціонной Европѣ онъ можетъ быть могучимъ и побѣдоноснымъ».
- » » —2 сн. Послѣ «родинѣ»: «Она зоветъ ихъ, а если и обойдется безъ ихъ помощи, то все же не безъ потоковъ крови».
- » 57— 3 св. Послѣ «мы предсказывали» выноска: «Письмо къ Дж. Маццини въ «Italia del Popolo» 1849 г.
- » » —18 сн. Послѣ «императоръ шулерства»: «король разстрѣловъ».
- Ни подъ однимъ письмомъ дать не было.

733. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

734. Тоже.

735. Тоже

736. Тоже.

737. Напечатано отдѣльнымъ листкомъ, выпущеннымъ 25 марта 1854 г., потомъ вошло въ сборникъ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г., въ V т. Жен. изд.; переводъ напечатанъ въ «Przegląd Rzeczy Polskich» 25 марта и въ «Italia e Popolo» 1854 г. отъ 11 апрѣля, «The Daily News» 1854 г., 21 апрѣля, въ «The Leader» 1854 г., 22 апрѣля и въ «The English Republic» 1854, томъ III, 239—242.

738. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

739. Тоже.

740. Тоже.

741. Тоже.

742. Напечатано въ «Тюръмѣ и ссылкѣ», 1854 г., повторено во 2-мъ ея изд., 1858 г.; по-нѣмецки помѣщено въ «Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängniss und in Sibirien», Hamburg, 1855.

743. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

744. Напечатано по-русски г. Рязановымъ въ IX кн. «Соврем. Мира» 1912 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ нѣмецкой соціально-демократической партіи.

745. Напечатано по-польски въ «Democrata Polski» 1854 г., 3 июня; подлинникъ не найденъ.

746. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Біографу Кердеруа, Максу Нетлау, это письмо осталось неизвѣстнымъ (стр. XXIV его предисловія ко II т. «Сочиненій» Coeurdeyoy).

747. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

748. Тоже.

749. Тоже.

750. Тоже.

751. Тоже.

752. Тоже.

753. Напечатано лишь нѣсколько строкъ въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 123—124; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

754. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

755. Напечатано въ «The Daily News» отъ 28 октября 1854 г.; принадлежность устанавливается свидѣтельствомъ Нат. А. Герценъ и указаніями на стр. 130 т. VIII.

На экземпляръ вырѣзки изъ газеты, хранящемся въ Румянц. музеѣ, рукою Герцена написано; «With M. Holinski's compliments».

756. См. № 462.

757. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

758. Тоже.

759. Напечатана небольшая часть и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 124; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

760. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

761. Тоже.

762. См. № 491.

762 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

763. Напечатано особымъ листкомъ въ серединѣ февраля 1855 года Подлинникъ не найденъ.

764. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

765. Напечатано въ незначительной части и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 106; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

766. Напечатано въ № 19861 «The Morning Advertiser» 1855 г., 15 февраля; подлинникъ не найденъ.

767. Напечатано неполно и неисправно на стр. 106—108. «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

768. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 108—109; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

769. Напечатано въ брошюрѣ: «27 февраля 1855 г. Народный сходъ въ память переворота 1848 г. въ St Martin Hall», Лондонъ, 1855 г.; переводъ сдѣланъ тогда же В. А. Энгельсономъ и просмотрѣнъ авторомъ; потомъ вошло въ сборникъ «Десятилѣтїе вольной русской типографїи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г. и въ V т. Жен. изд.; по-французски издано брошюрой «Discours d'Alexandre Herzen, exilé russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855, dans St. Martin's Hall à Londres, en commémoration des grands mouvements revolutionnaires de 1848», Jersey, 1855. По-англійски, въ сокращенїи, напечатана въ «The Leader» 8 марта 1855 г. и полностью въ «The People Paper» 3 марта.

770. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній Рейхель», стр. 109; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

771. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

772. Тоже.

773. Напечатано нигдѣ не было; написано на вырѣзкѣ изъ «The Leader», заключающей въ себѣ № 769; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

774. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г., во 2-мъ ея изданїи 1858 г., въ сборникѣ «За пять лѣтъ», Лондонъ, 1860; по-французски въ «La Cloche» № 2. Подпись «Искандеръ». Письмо было отправлено по почтѣ въ

собственныя его величества руки». Подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.».

775. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

776. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Надпись сдѣлана на экземпляръ «Съ того берега», 1855 г.

777. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

778. То же.

779. Напечатано отдѣльнымъ листомъ съ подписью «Искандеръ»; вошло въ слегка измѣненномъ видѣ въ I кн. «П. З.» на 1855 г., во второе ея изданіе 1858 г. и въ сборникъ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г. Подлинникъ не найденъ. Одновременно было вышущено и на французскомъ языкѣ.

780. Напечатано нигдѣ не было; написано на чистой страницѣ французскаго изданія № 769; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

781. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

782. То же.

783. То же.

784. То же.

785. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Надпись сдѣлана на французскомъ изданіи № 769.

786. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

787. То же.

788. То же.

789. То же.

790. То же.

791. То же.

792. Напечатано по-русски г. Гершензономъ въ IV кн. «Былого» 1907 г., стр. 78—79; заимствую переводъ съ нѣсколькими исправленіями; по-французски напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

793. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

794. Напечатано на стр. 118 т. III «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Въ этомъ маленькомъ письмѣ Пассекъ сдѣлала 7 буквенныхъ ошибокъ, 4 слова замѣнила другими и 3 слова пропустила.

795. Напечатано на стр. 120 т. III «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ и въ «Рус. пропильяхъ» Гершензона, т. I, 275; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Упоминаемая копія — копія съ письма Н. А.—ны къ Огаревой отъ 23 марта 1852 г.

796. Напечатано въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г., стр. 643, какъ адресованное къ Пассекъ; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум.

муз. Это — хронологически первое письмо изъ массы напечатанныхъ въ томъ же журналѣ хранителемъ рукописнаго отдѣленія музея г. Георгіевскимъ. Небрежность печатанія, въ которой журналъ совершенно не повиненъ, немѣніе читать руку Герцена и безслѣдные пропуски неразобранныхъ словъ — отличительныя качества работы г. Георгіевскаго.

797. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

797 bis. Напечатано въ I кн. «П. З.», во II т. Спб. изд.; по-нѣмецки подъ заглавіемъ «Vorwort» въ «Memoiren eines Russen. Petersburg und Nowgograd», Hamburg, 1856; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ «П. З.»

798. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г., повторено во 2-мъ ея изданіи, 1858 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1855 г.

799. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г. и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1855.

800. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г., повторено во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подлинникъ не найденъ, свѣрено по «П. З.» 1855. Искаженно напечатано въ IV кн. «Рус. Вѣстника» 1889 г.

801. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г. и во 2-мъ ея изданіи на 1858 г. Письмо Таландье озаглавлено: «Нѣтъ социализма безъ республики. Изъ письма къ издателю». Подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1855 г.

802. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г. и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подпись «И—ръ». Подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1855 г.

803. Напечатано въ I кн. «П. З.» 1855 г.; подлинникъ не найденъ.

804. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г., повторено во 2-мъ ея изданіи, 1858 г.; подпись «И—ръ». Подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1855 г.

805. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1855 г. и неполно во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подлинникъ не найденъ; свѣрено съ «П. З.» 1855 г.

806. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

807. Напечатано неполнѣ и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 126; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

808. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

809. Тоже.

810. Тоже.

811. Тоже.

811 bis. Напечатано въ отдѣльномъ изданіи «My exile in Siberia», 1855, London; подлинникъ не найденъ.

812. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

813. Напечатано нѣсколько строкъ и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 127; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

814. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

815. Напечатано въ № 17875 «The Globe» 1855 г., 25 октября; подлинникъ не найденъ.

816. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

817. Напечатано нѣсколько строкъ и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 127; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

818. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 125—126; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

819. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

820. Напечатано въ «The Morning Advertiser» 1855 г., 30 ноября; подлинникъ не найденъ.

821. Напечатано нѣсколько строкъ и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 127; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

822. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

823. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Нѣсколько строкъ приведено на стр. 124 «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель.

824. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

825. Тоже.

826. Тоже.

827. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 127—128; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

828. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

829. Тоже.

830. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Надпись сдѣлана на переводѣ на французскій языкъ главы «Сонъ» изъ первой тетради «Западныхъ арабесковъ» («Бывое и думы»), который Герценъ сдѣлалъ 2 февраля и подарилъ М. Мейзенбугъ. Самый переводъ данъ при русскомъ текстѣ указанной главы. Въ мемуарахъ Мейзенбугъ (стр. 91, г. II) текстъ надписи приведенъ невѣрно.

831. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

832. Тоже.

833. Тоже.

834. Тоже.

835. Тоже.

837. Тоже.

838. Тоже.

839. Тоже.

840. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпнымъ съ подлинника, полученнаго отъ П. В. Анненкова. Подлинникъ не найденъ.

841. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

842. Тоже.

843. Тоже.

844. Тоже.

845. Тоже.

846. Напечатано во II кн. «П. З.» на 1856 г. въ черной рамкѣ и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ «П. З.» 1856 г.

847. Напечатано во II кн. «П. З.» на 1856 г., во 2-мъ ея изданіи, 1858 г., и въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г. Подпись «И—ръ». Подлинникъ не найденъ, свѣрено по «П. З.» 1858 г., гдѣ исправлены опечатки.

848. Напечатано во II кн. «П. З.» на 1856 г. и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1856 г. Такъ какъ Герценъ указалъ въ № 827, что имъ получено анонимное письмо, то, конечно, онъ и не посылалъ по почтѣ или съ оказіей своего отвѣта, а датировалъ его 1 января просто для бѣльшаго впечатлѣнія.

849. Напечатано въ I кн. «П. З.» на 1856 г. и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1856 г.

850. Напечатано во II кн. «П. З.» на 1856 г. и безъ примѣчанія и послѣдняго абзаца во 2-мъ ея изданіи, 1858 г.; подписи нѣтъ, но принадлежность Герцену безспорна. По свидѣтельству А. А. Герцена, всѣ подобныя предисловія и примѣчанія писалъ только его отецъ; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.» 1856 г.

851. Напечатано въ № 91 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1856 г. отъ 26 апрѣля, подпись «В. Б.», и неисправно въ IV т. Спб. изданія. Принадлежность Герцену устанавливается подписью,—такъ же подписанъ № 875, о принадлежности котораго Герцену онъ самъ говоритъ,—и сходствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ и выраженій; содержаніе и манера писать тоже не оставляютъ мѣста сомнѣнію. Эта статья была послана Краевскому для «Отеч. Записокъ» (см. № 835), но онъ почему-то напечаталъ ее въ газетѣ, въ которой, въ сущности, былъ фактическимъ редакторомъ, выставляя официальнымъ А. Н. Очкина.

852. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

853. Тоже.

854. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Переводъ этого письма съ нѣмецкаго напечатанъ въ мемуарахъ Мейзенбургъ, т. II, стр. 104—105.

855. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

856. Тоже.

857. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Въ мемуарахъ Мейзенбургъ письмо приведено, какъ всегда, совершенно неточно и неполно.

858. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

859. Тоже.

860. Тоже.

861. Тоже.

862. Напечатано въ I части «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, 1856 и во 2-мъ ея изданіи, 1858 г. Подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по изд. 1858 г., въ которомъ нѣтъ опечатокъ 1856 года.

863. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

864. Напечатано въ 1 вып. II части «Голосовъ изъ Россіи», Лондонъ, 1856 и во 2-мъ его изданіи, 1858 г.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по изданію 1856 г.

865. Напечатано Т. П. Пассекъ въ III кн. «Полярной Звѣзды» 1881 г., стр. 63—64; подлинникъ не найденъ.

866. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

867. Тоже.

868. Тоже.

869. Напечатано по-русски г. Гершензономъ въ V кн. «Былого» 1907 г., стр. 223; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

870. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

871. Тоже.

872. Тоже.

873. Напечатано небрежно въ VI кн. «Современника» 1913 г., свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкинскомъ домѣ» при Академіи Наукъ. Примѣчанія, сдѣланныя въ «Современникѣ» Богучарскимъ, часто невѣрны.

874. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

875. Напечатано въ № 206 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1856 г., 2 сентября; подпись «В. Б.»; потомъ появилось въ «Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену», Женева, 1892 и неисправно въ IV т. Спб. изд. Въ Орасѣ выставленъ Г. Гервегъ. 8 января 1857 г. Тургеневъ писалъ автору: «Барнума и Ораса» я на дняхъ прочелъ и только пожалѣлъ, что коротко: очень умная и тонкая вещица» («Письма», 96).

876. Напечатано нигдѣ не было, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

877. См. № 675.

878. Напечатано въ половину и неисправно въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 163: свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. музеѣ.

879. Напечатано Т. П. Пассекъ въ III кн. «Полярной Звѣзды» 1881 г., стр. 63; подлинникъ не найденъ.

880. Напечатано небрежно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

881. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

882. Напечатано небрежно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

883. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

884. Тоже.

885. Тоже.

886. Тоже.

887. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

888. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

889. Напечатано въ VI кн. «Современника» 1913 г., свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

890. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

891. Напечатано Т. П. Пассекъ въ III кн. «Полярной Звѣзды» 1881, стр. 65; по всей вѣроятности, отправлено въ Россію съ уѣзжавшими Кашперовымъ или Грибовскимъ; подлинникъ не найденъ.

892. Напечатано въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 161; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. По всей вѣроятности, отправлено съ тѣми же лицами.

893. Напечатано неисправно въ I т. «Стихотвореній» Н. П. Огарева, подъ ред. Гершензона, стр. 395; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Надпись сдѣлана на альбомѣ, подаренномъ Огареву въ день его именинъ, 6 (18) декабря.

894. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ

895. Тоже.

896. Напечатано небрежно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

897. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

898. Тоже.

899. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ. На письмѣ приписка Огарева, начинающаяся словами: «Гдѣ же мнѣ быть, любезный мой издатель?» даетъ основаніе отнести письмо къ Николаю Михайловичу Щепкину, издавшему до этого «Стихотворенія» Огарева.

899 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

900. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домъ».

901. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

902. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домъ».

903. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

904. Тоже.

905. Тоже.

906. Тоже.

907. Тоже.

908. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушкин. домъ.

909. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

910. Тоже.

911. Напечатано въ № 18 «L'Italia e Popolo» отъ 10 марта 1857 г.; подлинникъ не найденъ.

912. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

913. Тоже.

914. Тоже.

915. Тоже.

916. Напечатано по-французски въ книгѣ W. Vogt «La vie d'un homme», стр. 109; по-русски г. Вѣтринскимъ въ «Рус Мысли», 1907 г., кн. I и въ его брошюрѣ «Странички Герцена»; переводъ исправленъ; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ франц. изданіемъ.

917. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

918. Тоже.

919. Напечатано отдѣльнымъ листкомъ, который былъ вложенъ въ III кн. «П. З.» и широко разосланъ повсюду. Подпись «Искандеръ». Подлинникъ не найденъ.

920. Напечатано въ III кн. «П. З.» на 1857 г. и во 2-мъ ея изданіи 1858 г.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по изданію 1857 г. Кромѣ сочиненій Герцена, въ эту книжку вошли: «Разборъ манифеста 26 августа 1856 года» съ подписью «—ій —ъ» (Огаревъ), 13 стихотвореній Огарева (безъ подписи), «Письмо изъ провинціи» «Антоня Постегайкина», «Двѣ пѣсни крымскихъ солдатъ» («Какъ восьмого сентября» и «Какъ четвертаго числа»), «Права русскаго народа» и «Русскіе вопросы» «Р. Ч.» (Огарева).

920 bis. Напечатано въ III кн. «П. З.» и во 2 т. Спб. изд.; по-нѣмецки въ «Memoiren eines Russen. Gedachtes und Erlebtes. Hamburg,» 1859; подлинникъ не найденъ; свѣрено по «П. З.»

921. Напечатано въ III кн. «П. З.» на 1857 г. и во 2-мъ ея изданіи, подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по изданію 1858 г., въ которомъ исправлены многочисленныя опечатки. Потомъ вошло въ сборники «Изъ Колокола и Полярной Звѣзды», Лондонъ, 1864, и «Еще разъ», Женева, 1866 г. и въ X т. Жен. изданія. По-французски напечатано въ №№ 32, 33, 35 — 39, 41 — 43 «La Cloche», по-нѣмецки (часть) въ видѣ Vorwort (предисловіе) къ «Memoiren der Fürstin Daschkoff. Zur Geschichte der Kaiserin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen», Hamburg, 1857», съ датой «1 ноября 1856 г.».

922. Напечатано въ III кн. «П. З.» на 1857 г. и во 2-мъ ея изданіи, 1858; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 1-му изданію, съ устраненіемъ опечатокъ, исправленныхъ при послѣдующихъ изданіяхъ, Потомъ вошло въ сборники: «За пять лѣтъ», Лондонъ, 1860, «Изъ Колокола и Полярной Звѣзды», Лондонъ, 1864, и «Еще разъ», Женева, 1866, въ X т. Женев. изд. и неисправно и съ купюрами въ V т. Спб. изд.

923. Напечатано въ III кн. «Полярной Звѣзды» на 1857 и во 2-мъ ея изданіи, 1858; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 1-му изданію. Вошло въ сборникъ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи», Лондонъ, 1863 и въ X т. Женев. изд. Французскій переводъ (съ прибавочнымъ примѣчаніемъ и эпиграфомъ) вышелъ отдѣльно подъ заглавіемъ «*L'Etoile Polaire sur la mort de Stanislaw Worcell (traduit de russe)*», London, 1857.

924. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ семьи Герцена; надпись сдѣлана на III кн. «Полярной Звѣзды».

925. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

926. Тоже.

927. Тоже.

928. Тоже.

929. Тоже.

930. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. музеѣ.

931. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

932. Тоже.

933. Тоже.

934. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійскомъ Историческомъ музеѣ.

935. Напечатано въ III ч. «Голосовъ изъ Россіи», 1857 и во 2-мъ ея изданіи, 1858. Подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 1-му изданію.

936. Напечатано въ III ч. «Голосовъ изъ Россіи», въ видѣ примѣчанія къ названію отдѣла: «Шнуровая книга обличеній»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 1-му изданію.

937. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

938. Напечатано въ 1 листѣ «Колокола» отъ 1 іюля 1857 г., въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной рус. типографіи», Лондонъ, 1863 и въ сборникѣ «Колоколъ», избранныя статьи А. И. Герцена (1857 — 1869), Женева, 1887, составленномъ Л. Тихомировымъ (что ниже будетъ означаться коротко: «у Тих.»). Подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Колоколу». Въ началѣ въ видѣ эпиграфа было помѣщено слѣдующее стихотвореніе Огарева:

Россія тягостно молчала,
 Какъ изумленное дитя,
 Когда, неистово гнетя,
 Одна рука ее сжимала;
 Но тотъ, который что есть силъ
 Ребенка мощнаго давилъ,—
 Онъ съ тупоуміемъ капрала
 Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
 И мысль его не поняла,
 Какая есть въ ребенкѣ сила:
 Рука ее не задушила,
 Сама съ натуги умерла.

Въ годину мрака и печали,
 Какъ люди русскіе молчали,
 Гласъ вопіющаго въ пустынь
 Одинъ ¹⁾ раздался на чужбинѣ;
 Звучаль на почвѣ не родной,
 Не ради прихоти пустой,
 Не потому, что изъ боязни
 Онъ укрывался бы отъ казни,
 * А потому, что здѣсь языкъ
 Къ свободомыслію привыкъ,
 И не касалася окова
 До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
 Дождался голось одинокой,
 Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
 Звучить, раскачиваясь, звонъ,
 И онъ гудѣть не перестанетъ,
 Пока — спугнувъ ночные сны —
 Изъ колыбельной тишины
 Россія бодро не воспрянетъ,
 И крѣпко на ноги не станеть,
 И, непорывисто смѣла,

¹⁾ Въ рукописи, хранящейся въ Румянц. музеѣ, вмѣсто «одинъ» — «вдали».

Начнетъ торжественно и стройно,
 Съ сознаниемъ доблести спокойной,
 Звонить во всѣ колокола.

Первые 23 листа «Колокола» были переизданы въ 1906 г. Н. Вакуловскимъ, какъ приложение къ журналу «Воспоминаніе».

939. Напечатано въ л. 1 «Колокола», у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

940. Напечатано въ л. 1 «Колокола» и у Тих.; подпись * * * Принадлежность Герцену устанавливается его письмами (напр. № 955). Подлинникъ не найденъ; помѣщено нѣ отдѣлѣ «смѣсь» съ эпитафюмъ ко всему отдѣлу: «Сквозь видимый смѣхъ невидимыя слезы. *Гоголь*».

941. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

942. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

943. Напечатано неисправно въ «Отчетѣ И. Публичной библиотеки за 1890 годъ», стр. 70; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же библиотекѣ.

944. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

945. Напечатано неисправно на стр. 113—114 изданныхъ Драгомановымъ «Писемъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену»; свѣрено съ копией, снятой сыномъ Герцена, удостовѣренной имъ самимъ надписью сверху: «Г. Некрасову» и хранящейся въ Рум. муз. Подлинникъ не найденъ.

946. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

947. Напечатано неисправно въ VI кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

948. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Написано на листѣ изъ 1-го л. «Колокола».

949. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

950. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ «Пушкин. домѣ».

951. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

952. Напечатано въ книжкѣ «Юморъ (De l'Humour)», Лондонъ. 1857 г., безъ указанія имени автора книги, Н. П. Огарева; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

Опечатки и дополненія.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
12	18 сн.	1854	(1854) Mercredi
80	9 сн.	Leuder	Leader
93	3 сн.	Энгельсоны	?
117	5 сн.	Альфредъ, братъ	Братъ
118	2 сн.	Свѣдѣніе	Замѣтка, статейка.
133	6 св.	газетахъ	газетѣ
139	4 св.	Джона	Джонса
146	5 сн.	Абра-	Авра-
147	4 св.	Абра-	Авра-
164	5 сн.	1865	1855
208	5 св.	А.	О.
220	6 сн.	а	А.
304	16 сн.	Клингсикомъ	Клинксикомъ
314	6 сн.	Albani	Alboni
315	10 сн.	Альбани	Альбони
340	17 сн.	доволенъ,	доволенъ, ты понимаешь, до воленъ,
354	11 св.	особеннымъ	особымъ
—	21 св.	Можно подумать,	Можетъ, подумаютъ,
355	19 сн.	по	къ
358	6 св.	Асофіева компенсація	Азонсова компесанція.
—	8 сн.	Asophie—безуміе, без- разсудство	(вычеркнуть)
361	9 сн.	З	8
378	13 сн.	посмотри	разсмотри
379	7 сн.	Касп.	Каспар.
390	17 сн.	потерявшая сына	лишившаяся сына и
399	14 св.	покупки	скупки

460	1 сн	1)	2)
474	18 св.	Алтести	Альтести
507	8 св.	(Апрѣль	(17 апрѣля
536	10 св.	Куцин-	Куцын-
538	19 сн.	Астера	Ашера

№ 942 долженъ быть послѣ № 946.

Къ № 730.

Опущенъ конецъ письма, датированнаго «15 fevrier, mercredi»:

Mais la réalité a été plus tragique et plus profonde. Vous n'avez donc aussi rien vu que le rire ironique... eh bien soit, un temps viendra ou je ferai de *Pironie sur ce sujet*. Vous me permettrez alors, après avoir dit toute la hideuse vérité, de dire que *l'art pour l'art* a pris la défense d'un de ses poètes lauréats— qui eut un art qui n'appartient pas au nouveau monde, celui qui tend des couronnes pour des galériens.

Pardon, il m'est impossible d'écrire autrement... Pensez y?... Si vous pouviez mettre un autre nom que le mien vous mobligeriez. Je n'aurais pas du tout livré à la publicité le manuscrit avant quelques années. Mais là-dessus vous êtes le meilleur juge.

Je vous de tout mon coeur salue

A. Herzen.

Переводъ. Но дѣйствительность болѣе трагична и болѣе глубока. Вы, значитъ, тоже не видѣли ничего, кромѣ ироническаго смѣха... Ну, что жъ, настанетъ время, когда и я буду иронизировать по этому поводу. Тогда вы мнѣ позволите, высказавъ всю гнусную истину, сказать, что чистое искусство взяло подъ защиту одного изъ своихъ поэтовъ-лауреатовъ, чистое искусство, не имѣющее ничего общаго съ «новымъ міромъ», вѣнчающимъ каторжниковъ. Простите, но я не въ состоянii писать по иному...

Подумайте объ этомъ... Если бы вы могли замѣнить мое имя другимъ, вы меня очень обязали бы. Я не обнарудовалъ бы рукописи въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ этомъ вы—лучшій судія.

Привѣтъ отъ всего сердца

A. Герценъ.

797 bis. [Предисловіе къ отрывку изъ XXIII гл. „Былого и думъ“].

— Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?

— *Всякій.*

Потому, что *никто* ихъ не обязанъ читать.

Для того, чтобъ писать свои воспоминанія, вовсе ненадобно быть ни великимъ мужемъ, ни знаменитымъ злодѣемъ, ни извѣстнымъ артистомъ, ни государственнымъ человѣкомъ,—для этого достаточно быть просто человѣкомъ, имѣть что-нибудь для разсказа и не только хотѣть, но и сколько-нибудь умѣть разсказать.

Всякая жизнь интересна; не личность, такъ среда, страна занимаютъ, *жизнь* занимаетъ. Человѣкъ любитъ заступать въ другое существованіе, любитъ касаться тончайшихъ волоконъ чужого сердца и прислушиваться къ его біенію... Онъ сравниваетъ, онъ свѣряетъ, онъ ищетъ себѣ подтвержденія, сочувствія, оправданія...

— Но могутъ же записки быть скучны, описанная жизнь безцвѣтна, пошла?

— Такъ не будемъ ихъ читать,—хуже наказанія для книги нѣтъ.

Сверхъ того, этому горю не пособитъ никакое *право* на писаніе мемуаровъ. Записки Бенвенуто Челлини совсѣмъ не потому занимательны, что онъ былъ отличный золотыхъ дѣлъ мастеръ, а потому, что онѣ сами по себѣ занимательнѣе любой повѣсти.

Дѣло въ томъ, что слово «имѣть право» на такую или другую рѣчь принадлежитъ не нашему времени, а времени умственнаго несовершеннolѣтія, поэтовъ, лауреатовъ, докторскихъ шапокъ, цеховыхъ ученыхъ, патентованныхъ философовъ, метафизиковъ по диплому и другихъ фарисеевъ христіанскаго міра. Тогда актъ писанія считался какимъ-то священнодѣйствіемъ; писавшій для публики говорилъ свысока, неестественно, отборными словами, онъ «проповѣдывалъ» или «пѣлъ».

А мы просто говоримъ. Для насъ писать—такое же свѣтское занятіе, такая же работа или разсѣяніе, какъ и всѣ остальные. Въ этомъ отношеніи трудно оспаривать «право на работу». Найдеть ли трудъ признаніе, одобреніе, это—совсѣмъ иное дѣло.

Годъ тому назадъ я напечаталъ по-русски одну часть моихъ записокъ подъ заглавіемъ «Тюрьма и ссылка», напечаталъ я ее въ Лондонѣ во время начавшейся войны; я не считалъ ни на читателей, ни на вниманіе внѣ Россіи. Успѣхъ этой книги превзошелъ всѣ ожиданія: «Revue des Deux Mondes», этотъ цѣломудреннѣйшій и чопорнѣйшій журналъ, помѣстилъ полкниги во французскомъ переводѣ. Умный ученый «the Athenaeum» далъ отрывки по-англійски; на нѣмецкомъ вышла вся книга, на англійскомъ она издается.

Вотъ почему я рѣшился печатать отрывки изъ другихъ частей.

Въ другомъ мѣстѣ скажу я, какое огромное значеніе для меня лично имѣютъ мои записки и съ какою цѣлью я ихъ на-

чалъ писать. Я ограничусь теперь однимъ общимъ замѣчаніемъ, что у насъ особенно полезно печатаніе современныхъ записокъ. Благодаря цензурѣ, мы не привыкли къ публичности, всякая гласность насъ пугаетъ, останавливаетъ, удивляетъ. Въ Англии каждый человѣкъ, появляющійся на какой-нибудь общественной сценѣ разносчикомъ писемъ или хранителемъ печати, подлежитъ тому же разбору, тѣмъ же свисткамъ и рукоплесканіямъ, какъ актеръ послѣдняго театра гдѣ-нибудь въ Ислингтонѣ или Падингтонѣ. Ни королева, ни ея мужъ не исключены. Это—великая узда!

Пусть же и наши императорскіе *актеры* тайной и явной полиціи, такъ хорошо защищенные отъ гласности цензурой и отеческими наказаніями, знаютъ, что рано или поздно дѣла ихъ выйдутъ на бѣлый свѣтъ.

811 bis. Preface.

In order to write down one's own recollections, it is by no means necessary to be a great man, or an extraordinary villain; a celebrated artist, or a statesman; it is enough to be merely a man, to have something to tell, and to be able and willing to tell it.

Every existence is interesting; if not on account of the person, yet on account of the country, the epoch in which he lives. Man likes to penetrate into the inward life of another; he likes to touch the most delicate chord of another heart, to watch its beatings, and penetrate its secrets, in order to compare, to verify, to seek a justification, a consolation, a proof of conformity.

Memoirs, however, can be tiresome, the life of which they speak can be poor, insignificant. Then do not read them; that is the heaviest punishment to be inflicted upon a book. And as to that, no special right for writing memoirs can avail. The memoirs of Benvenuto Cellini are not so interesting on account of his having been a great artist, but because the things he had to relate were most interesting.

«The right to this or that kind of words» is an expression which no longer belongs to our time, but to the time of a minority of intelligence, of the poets-laureate, of the doctors in caps, of the philosopher by privilege, of the patented learned men, and other pharisees of the academical world. In those times, the art of writing was considered sacred, the «official author», not only with the pen, but always speaking in a florid style, chose the most unnatural turning of phrases, and employed the words least used, in a word, he preached, or he sang.

For us, we speak quite plainly. We imagine that writing is an occupation fit for a layman, for any one else, a work like every other work. Here, at least, «the right of labour» cannot be doubted.

If the production can find consumers—is another question.

A year ago, I published in London, a part of my Memoirs, in the Russian language, under the title «Prisons and Exile». This work appeared, when war had already begun, and when the means of communication with Russia had become more difficult. I did not therefore expect great success. But it happened otherwise. In the month of September, the «Revue des Deux Mondes» gave long extracts from my book, with a very flattering article about myself, (although I do not share the author's opinions). In the month of January, other fragments (likewise translated from the Russian), appeared in the «Athenaeum» of London, while Hoffman and Campe published a German translation of the work at Hamburg.

This has decided me to publish another volume.

I shall say in another place what deep interest these Memoirs have for me individually, and for what purpose I have begun to write them. I now content myself with the assertion: that there is no country in which Memoirs can be more useful than in Russia. We—thanks to the censorship—are very little accustomed to publicity; it frightens, astonishes and offends us. It is time the Imperial artists of the police of S-t Petersburg, should know, that sooner or later, their actions, so well hidden by the prisons, the irons and the graves, will be revealed in the broad glare of day.

Переводъ.

Предисловіе.

Чтобы написать собственныя воспоминанія, вовсе не нужно быть великимъ человѣкомъ или необыкновеннымъ злодѣемъ, знаменитымъ артистомъ или государственнымъ человѣкомъ; достаточно быть просто человѣкомъ, у котораго есть что разказать и который можетъ и хочетъ разказать это.

Каждая жизнь интересна—если не въ отношеніи къ личности, то къ эпохѣ, къ странѣ, въ которой она живетъ. Человѣкъ любитъ проникать вглубь жизни другого; онъ любитъ касаться самыхъ тонкихъ струнъ его души, прислушиваться къ біенію сердца и вникать въ его тайны для того, чтобы сравнить, оправдать, найти подтвержденіе, доказательство сходства.

Воспоминанія, конечно, могутъ быть скучными, жизнь, въ

нихъ разсказанная, можетъ быть бѣдной, незначительной. Тогда не читайте ихъ: это высшее наказаніе, какое можетъ быть наложено на книгу. Никакое спеціальное руководство для писанія мемуаровъ не можетъ пригодиться. Воспоминанія Бенвенуто Челлини интересны не потому, что онъ былъ великимъ артистомъ, а по вѣщамъ, о которыхъ онъ разсказываетъ.

«Право на тѣ или инія слова»—это выраженіе относится не къ нашему времени, а ко времени упадка разума, поэтовъ-лауреатовъ, докторовъ въ шапочкахъ, привилегированныхъ философовъ, патентованныхъ ученыхъ и другихъ фарисеевъ академическаго міра. Въ тѣ времена искусство писанія считалось священнымъ, «оффиціальныи авторъ» не только въ письмѣ, но и въ расцвѣченномъ разговорномъ стилѣ выбиралъ самые неестественные обороты фразъ и употреблялъ слова рѣдкія—однимъ словомъ, онъ проповѣдовалъ, онъ пѣлъ.

Что касается насъ, то мы говоримъ очень просто. Намъ кажется, что писаніе есть занятіе, годное и для мірянина, и для всякаго другого, какъ всякая другая работа. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, «право на трудъ» не можетъ подвергаться сомнѣнію.

Найдетъ ли этотъ продуктъ потребителя—это другой вопросъ.

Годъ назадъ я напечаталъ въ Лондонѣ на русскомъ языкѣ часть своихъ воспоминаній подъ заглавіемъ «Тюрьма и ссылка». Эта работа появилась какъ разъ, когда начиналась война и когда способы сношенія съ Россіей стали весьма затруднительными. Поэтому я не ожидалъ большого успѣха. Но случилось иначе. Въ сентябрѣ «Revue des Deux Mondes» дало длинныя отрывки изъ моей книги съ очень лестной статьей обо мнѣ (хотя я не раздѣляю точекъ зрѣнія автора). Въ январѣ другіе отрывки (тоже переведенныя съ русскаго) появились въ лондонскомъ «Athenaeum», между тѣмъ какъ Гофманъ и Кампе печатали въ Гамбургѣ нѣмецкій переводъ этой работы.

Это убѣдило меня напечатать и второй томъ.

Я скажу въ другомъ мѣстѣ, какой глубокой интересъ имѣютъ эти воспоминанія для меня самого и съ какою цѣлью началъ я ихъ писать. Сейчасъ я ограничусь только утвержденіемъ, что нигдѣ воспоминанія эти не будутъ такъ полезны, какъ въ Россіи. Мы, благодаря цензурѣ, не привыкли къ гласности—она пугаетъ, изумляетъ и оскорбляетъ насъ. Настало время артистамъ императорской петербургской полиціи узнать, что рано или поздно ихъ дѣйствія, такъ тщательно скрытыя въ тюрьмахъ, за рѣшетками и въ могилахъ, будутъ выставлены на показъ всѣмъ.

Исключенія, сдѣланныя при печатаніи до революціи.

(Напечатано съ одной стороны, чтобы желающіе могли вырѣзать и вклеить на соответствующія страницы).

4	6—7 св.	великихъ княженъ
26	3 св.	оскорбительной
—	4 св.	дикимъ
30	10 св.	христіанство
—	11 св.	божія
—	13 св.	божимъ
33	5 сн.	до чудовищной крайности
34	12 св.	петербургское
—	20 св.	Императорская власть
—	22 св.	самовластія
—	14 сн.	безразсудная
—	11 сн.	сошелъ съ ума
—	10 сн.	взошелъ въ разумъ
35	14 св.	Николая
—	15 св.	Николая
38	15 сн.	Царизмъ
39	13 св.	братья и вся родня царей.
—	14 св.	великихъ княженъ
—	15 св.	онѣ изъ мужей
—	16 св.	великія княжны
—	9 сн.	великая княгиня Марія Николаевна
40	8 св.	царизмомъ
41	13 св.	православнымъ богомъ

- 42 6—7 св. Николаемъ, царемъ русскимъ
— 14 сн. Николая
44 15 сн. иностранное
45 5 св. деспотизмъ
— 7 сн. дикое самодержавіе
48 11 св. полицейское
49 2 сн. русской имперіи
50 10 св. Зимняго дворца
— 11—12 св. легче потрясти однимъ ударомъ на вершинѣ
— 14 св. деспотическая машина
— 17—18 св. на мѣсто Николая Орлова или кого-нибудь другого
— 14 сн. молча задушилъ своего господина
— 12 сн. императрицей и спросить, какъ умеръ Петръ III
— 2—1 сн. крайнимъ деспотизмомъ и жестокостью
52 21 св. самодержавнаго
— 22 св. деспотизма
53 2 сн. деспотизмъ
54 15 св. русскимъ
— 15 сн. нелѣпаго
55 3 св. кучеръ свернетъ себѣ шею
— 9 св. русскій имперіализмъ
— 12 св. Петербургское самодержавіе
— 21 св. жертвою возмущенія крестьянъ или бунта солдатъ
— 22 св. казаки
— 24—25 св. и ненависть къ правительству непримирима
— 26 св. Зимняго дворца
— 6 сн. солдатъ
56 9 св. Подобное можетъ повториться
— 12 св. царскую
— 18 св. отвести глаза
57 5 св. царя
— 15 св. Самовластье, цезаризмъ
— 21 св. Николай
— 22 св. польской
— 22 св. висѣлицъ

- 67 4 св. царь
— 5 св. ему его
— 6 св. своихъ
— 7 св. онъ
— 9 св. Ему
— 11 св. вотчимъ онъ безжалостный, а не отецъ
— 17 св. царскаго
— 11 сн. Царь
— 9 сн. царь
— 9 сн. молчалъ
— 7 сн. царь
— 6 сн. царемъ
— 2 сн. Царь
— 1 сн. вашей
68 1 св. свою онъ
— 1 св. его передъ
— 3 св. Онъ
— 3 св. одну его
— 9 св. своимъ царемъ
— 5—2 сн. Вотъ вамъ опытъ вашей силы.
Но этого мало, вамъ слѣдуетъ больше сдѣлать. Пора вамъ стать за бѣдный народъ русскій такъ, какъ все войско Царства Польскаго въ 1831 году стало за свой народъ.
- 70 20 сн. царское
— 20 сн. царя
— 19—13 сн. царя, оставляющаго полъ-Руси въ крѣпостномъ состояніи, берущаго по девяти съ тысячи рекрутъ, гоняющаго сквозь строй до смерти, позволяющаго офицерамъ бить солдатъ, полицейскимъ—бить мѣщанъ и всѣмъ не-крестьянамъ—бить крестьянъ. Знайте же, что защищая его, вы защищаете всѣ бѣдствія Россіи, сражаясь за него, вы сражаетесь за помѣщичья права, за розги, за рабство, за открытую кражу чиновниковъ и дневной грабежъ господъ.

- 83 5 сн. Mikolaja
- 84 3—4 св. jaki též los może spotkaé Peruna w butach palonych, w jego zimowym pałacu w Petersburgu.
- 13 св. carysm Petersburski
- 22 св. orzezwanego berłem cesarskiém.
- 23 св. tron cesarski
- 25 св. monarchii
- 30—31 св. Borgiaszówna Niemiecka
- 84 11 сн. krwi męża
- 85 1—2 св. uroczyste zamordowani
- 10 св. wzniostem
- 10 св. apostoioów
- 9 сн. zrzuci jarzmo imperyalizmu
- 8 сн. despotycznój
- 86 4 св. Mikołaj
- 6 св. cesazskiego
- 6—7 св. Car musi sklep zamknąć. Car
- 13 сн. Николая
- 5—4 сн. Такая же судьба может постигнуть и Перуна въ юфтовыхъ сапогахъ, въ его Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ.
- 87 7 св. петербургскій царизмъ
- 11 св. Николая
- 18 св. именуемый *императорскимъ* жезломъ.
- 19 св. императорскій тронъ
- 21—22 св. монархій
- 27 св. нѣмецкая Борджіа
- 28 св. кровь мужа
- 2 сн. торжественное убійство
- 88 8 св. благородными
- 8 св. апостоловъ
- 10 сн. сбросить съ себя ярмо императорской власти
- 9—8 сн. деспотической
- 89 6 св. Николай
- 8 св. императорскаго
- 9 св. Царь долженъ закрыть свою лавочку. Царь
- 90 21 св. groissière

92	5 св.	грубое
106	10—11 св.	Семеновичъ
107	3 св.	Emperor Nicholas
—	18 сн.	Russian despotism
—	13 сн.	the Tzar
—	5—4 сн.	the Tzar
108	13 св.	the Emperor Nicholas, your sovereign?
—	14 св.	<i>our sovereign</i>
109	19 сн.	subject of Nicholas
110	8 св.	savage feelings
—	9 св.	their honour
—	10 св.	a sovereign who took no heed of the number of lives sacrificed for his glory.
111	9 сн.	императора Николая
112	17 св.	русскаго деспотизма
—	22 св.	Царю
—	12 сн.	царю
113	8 св.	противъ императора Николая, вашего царя
—	9 св.	нашимъ царемъ
—	9 св.	его
114	7 св.	варварства
—	18 св.	военнаго деспота
—	22—23 св.	подданнаго Николая
115	9 св.	дикія
—	10 св.	къ ихъ чести
—	11—13 св.	у государя, который не обращаетъ вниманія на число людей, убитыхъ или искалѣченныхъ во имя его славы
128	5 сн.	élevé par le Tzar
130	15 св.	царь загородилъ
140	7 св.	русскаго тирана
143	7 св.	царя
—	14 св.	царю
—	5—4 сн.	пяти висѣлицъ
—	1 сн.	наглый
—	1 сн.	самодер-
144	1 св.	жавія
—	1—2 св.	заслуженной имъ ненависти
—	15 св.	Николай

- 18—19 св. его величество
 — 24 св. царскаго самовластія
 — 25 св. «Николай».
 — 5 сн. царей
 145 8 св. императоровъ
 — 22 св. царемъ
 — 23 св. со штыками
 — 24 св. Императорство
 — 2—1 сн. республика, императорскій орелъ повѣ-
 сится за одну изъ своихъ головъ
 146 6—7 св. императорская власть
 — 15—16 св. свергнуть васъ съ престола
 — 16—17 св. вашихъ
 — 17 сн. проклятая
 — 14—13 сн. для высочайшаго сна
 147 16 сн. самодержавія
 148 19 св. самодержавія
 149 11 св. царемъ
 — 11 св. ему
 — 12—13 св. сами властители
 150 19 св. царя
 — 1 сн. для
 151 1 св. престола; онъ
 — 6 св. петербургскаго императорства
 — 7 св. монархическою
 — 8 св. царь
 — 9—10 св. онъ изъ себя папу восточнаго, фельдфе-
 беля прусскаго, хана татарскаго, — онъ
 160 8 сн. Вашего дома
 166 2 св. Сашенькѣ
 167 2 св. Великой пятницы
 — 3 св. распятіями
 — 9 сн. престола
 — 5 сн. Царь московскій
 168 3 св. солдатъ
 — 9 св. мощи
 — 10—11 св. какъ бы въ насмѣшку
 — 13 св. Самодержавіе, какъ цѣль.
 169 8 св. самодержавія

- 13 св. неограниченнаго монарха
- 19 св. Николай
- 169 23 св. Николаевское
- 23 св. съ нимъ
- 26 св. его
- 170 14 св. царскую
- 171 12 сн. императорской
- 173 22 св. царизму
- 8 сн. царизмъ
- 1 сн. *царя*
- 174 13 св. царь
- 188 9 сн. *sceptre*
- 190 5—4 сн. скипетромъ
- 193 21 сн. царя
- 1 сн. царизмъ
- 196 1 сн. *moujik, avec la barbe et une triple force.*
- 198 17—18 св. петербургскаго императора
- 1 сн. мужикъ съ бородой и тройной силой.
- 199 17 св. русское
- 20 св. русскаго
- 208 16—17 св. христіанствомъ
- 21 св. христіанству
- 209 9 св. христіанство
- 211 2 св. православія
- 212 2 св. Богъ-Отець, Богъ-Создатель
- 4 св. сына
- 6 св. отслужить ему обѣдню
- 8—9 св. Сынъ и Дѣва
- 9 св. изъ церкви
- 10 св. жидъ
- 11 св. Іегова
- 12 св. Бога-Отца
- 19—22 св. Если Мать превознесена, то это какъ
Дѣва. Мать—не въ самомъ дѣлѣ мать,
сынъ—не въ самомъ дѣлѣ сынъ—«женщина, что мнѣ до тебя»?—Отець тоже не отецъ, онъ—кормилецъ, воспитатель, больше ничего.
- 17 сн. Богъ

- 14 сн. съ бородой
 — 14 сн. борода
 217 12 св. для *царскихъ* ногъ
 — 4 сн. православнаго
 218 10 св. вашего барина
 — 20—19 сн. чухонской
 219 18—19 св. Митрофану воронежскому на новую раку
 221 1 св. православіемъ
 222 14 св. самодержавнаго
 223 7—8 св. самовластья
 — 12 св. царскаго бога
 225 5 св. пятью
 — 7 св. убійства
 — 11 св. висѣлицы
 --- 14—15 св. оскверненнымъ кровавой
 --- 16 св. трономъ
 — 16 св. алтаремъ
 — 17 св. тронъ, алтарь
 — 20—21 св. великихъ
 226 11 сн. деспотамъ и тиранамъ
 279 18 св. глупъ
 284 6 св. самодержавія
 — 9 св. деспотизма
 --- 19 св. царя
 — 22 св. *императорская*
 — 25 св. диктатура
 — 26 св. правительственнаго
 — 11 сн. самовластья
 — 6—5 сн. подъ гнетомъ неограниченнаго самовластья
 — 4 сн. вызовъ царской власти
 285 1 св. задавленнаго
 — 4 св. реакціи
 --- 7 св. стыдомъ
 — 19 сн. казнь
 — 12—11 сн. боится и самовластье. Вотъ страшная кру-
 гоная порука между двумя властями.
 — 5 сн. сломилъ николаевскій гнетъ.
 — 2 сн. царя
 286 1 св. оживала

—	11 сн.	императорская власть
303	5 сн.	помакнули
304	8 св.	святой духъ и за его печатью.
—	10 св.	крещеный
343	22 св.	Александръ
—	22 св.	его
361	8 св.	le tzar
—	18 св.	царь
379	13 св.	публичн. дѣвка
386	13 сн.	Николая
392	10 св.	сукины дѣти
398	10 сн.	однимъ попомъ
399	17 сн.	императ.
405	15 св.	le disso lutezze
406	2—3 св.	di Nicolò, degli Holstein-Gottorp. Nicolò.
—	4 св.	suo figlio
—	7 св.	di suo zio
—	10 св.	del parentado
—	11 св.	di famiglia
—	15 св.	dell'odio
—	21 св.	Un nero delitto
—	22 св.	delitto
—	6 сн.	al palazzo d'inverno
—	5 сн.	un assurdo
407	10 св.	alle relique
—	11 св.	alle immagini miracolose
—	12—13 св.	al potere bisantino e mongolo degli czar
—	21—22 св.	da stolto
—	26 св.	trucidare l'imperatore imbecille
—	4 сн.	morale
408	7—8 св.	di vergogna odiato
—	13 св.	geo
412	14 сн.	распутство
413	19 св.	Николая, Гольштейнъ-Готторповъ.
—	21 св.	Николай
—	22 св.	его сынъ
—	18 сн.	своего дяди
—	15 сн.	родства
—	13 сн.	фамильнымъ

- 9 сн. ненависть
- 414 1 св. черное преступленіе
- 2 св. преступленіе
- 18 св. Зимнемъ дворцѣ
- 20 св. абсурда
- 5 сн. мощамъ
- 5 сн. чудотворнымъ иконамъ
- 3 сн. византійской и монгольской власти царей
- 415 10 сн. по глупости
- 15 св. убивъ слабоумнаго императора
- 14 сн. моральнаго
- 1 сн. отъ стыда, ненавидимый
- 416 7 св. преступной
- 430 16 сн. исторію этихъ
- 13—12 сн. императорскую власть
- 7 сн. Императорская власть
- 431 1 св. вводятъ въ заблужденіе
- 4 св. поддѣлки
- 5 св. берутся взаимы
- 6 св. новое
- 10 св. диктатура
- 12 св. прочна
- 21—23 св. пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями
одного человѣка, совмѣщающаго въ себѣ
всѣ виды власти
- 12 сн. императорскаго
- 12—11 сн. николаевскаго царствованія
- 11 сн. у него
- 10—9 сн. въ эти тридцать лѣтъ
- 6—5 сн. его тронъ только
- 5 сн. ею одной и держался, но
- 432 6—7 св. его тронъ развалился
- 9—10 св. Его царствованіе было нелѣпость.
- 11 св. человѣческими
- 433 9 св. Николай
- 16—21 св. Все петербургское устройство висѣло на
ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины,
тупоумные принцы, едва умѣвшіе гово-
рить по-русски, нѣмки и дѣти садились

- на престолъ, сходили съ престола, дворцомъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригановъ и кондотьеровъ завѣдовала государствомъ.
- 434 2—4 св. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Александровны
- 10 св. императорствомъ
- 16 св. императорскую
- 10 сн. горничной
- 10—9 сн. переходя изъ рукъ въ руки
- 8 сн. мощамъ
- 7 сн. чудотворныхъ иконъ
- 3 сн. царскій
- 2—1 сн. } Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали
- 435 1—2 св. } его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови, разврата—!ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель—d'una tragedia—representato nel un lupanar¹⁾.
- 7 св. при дамахъ. Монархически растлѣнный
- 8 св. безпутство
- 11—8 сн. Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно дѣлается консервативнымъ.
- 2 сн. держаться императорство
- 1 сн. Послѣдній актъ трагедіи, представляемой въ публичномъ домѣ.
- 436 2 св. вѣнчаетъ на царство
- 2—3 св. елей Успенскаго собора.
- 4 св. императорская власть
- 13 св. наложниками
- 18 св. помѣщицу
- 18 св. вовсе не
- 23 св. пила иногда запоемъ

- 438 19 св. навеселѣ
— 20 св. пьянѣ
— 24—25 св. ненавидѣло его
446 17 св. заодно съ великимъ княземъ
— 21 св. они
— 21—22 св. въ которой онъ былъ наслѣдникомъ пре-
стола.
— 24 св. постыдно
— 4 сн. «дура»
— 2 сн. «дура»
447 12 св. пьянымъ капраломъ
448 12 сн. Петра III
— 11 сн. Петръ III
— 9 сн. Кейста
449 10 св. Петръ III
— 11 св. ему
— 12 св. онъ самъ пойдетъ
— 12 св. велитъ
— 13 св. императоръ
— 17 св. Петръ III
— 22 св. еще
— 1 сн. этотъ шутъ царствовалъ?
452 2—3 св. руки у бога все же не совѣмъ были чисты
— 22 св. шута
453 20 св. жалкій
— 11 сн. глупѣ
455 20 св. юродиваго
456 6 сн. убійствѣ Петра III
457 1—2 св. чтобъ удушить салфеткой отравленнаго
арестанта
— 3 св. Екатерина II
— 5 св. Екатерины
— 6 св. ея
— 17—20 св. убить Петра III; Александръ сдѣлалъ
больше, онъ рѣшительно требовалъ,
чтобы не *убивать до смерти* Павла,
отправляя къ нему ватагу крамольныхъ
олигарховъ.
— 22 св. Петромъ III

—	24 св.	будто она не знала этого
—	24 св.	убійцы
—	25 св.	нагло
—	27 св.	убійства
—	4 сн.	твоему супругу
458	3 св.	Екатеринѣ
458	5 св.	самой позорной и гнусной
—	9 св.	Екатерину
—	15 сн.	царской
—	10—11 сн.	Григорій Орловъ
—	5 сн.	Орлова
—	4 сн.	императоромъ
459	12—13 св.	грабить по большимъ дорогамъ,
466	6 сн.	Зимнемъ дворцѣ
467	2 св.	Николаемъ
469	9 св.	износившаяся въ развратѣ
—	18 св.	Николай
471	5—4 сн.	поврежденнаго
472	13 св.	тиранъ
—	17 сн.	тирана
—	2 сн.	опьянѣвшаго
473	1 св.	помѣшательства
—	13 св.	злодѣи
—	2 сн.	взбѣсился
474	5 св.	любовницы
—	16—15 сн.	съ умиленіемъ и глубокой радостью
—	15 сн.	вредный
—	13—12 сн.	унизительной
476	2 св.	имъ задушеннаго
478	2 св.	Петра III
—	1 сн.	любовникамъ.
486	15 св.	<i>самодержавной</i>
488	20 сн.	пьяной
491	14—13 сн.	царствованіемъ Николая
493	19 сн.	развратъ
494	17 сн.	императорство
—	15—14 сн.	Какъ мелко плаваетъ эта самодержавная ладья!
—	4—3 сн.	николаевская

—	3 сн.	Николай
495	2 св.	дяденьку
—	14 св.	совѣсть
—	15 св.	черное преступленіе
—	16—17 св.	какъ капля крови, падшая на Каина,
—	17 св.	Зимняго дворца
—	18 св.	царей
—	20 св.	преступленіе
—	20—21 св.	злодѣйствъ
—	21 св.	неправо
—	22 св.	угрызеніямъ совѣсти, къ раскаянію.
—	26 св.	пѣсенный напѣвъ
497	15 св.	святая
—	21 св.	святой
—	25 св.	святыхъ
—	29 св.	подъ желѣзной лапой Николая
499	9 св.	самовластья
—	14 сн.	милосердый
507	9 сн.	тятеньку
520	10 сн.	высочайше
521	16 св.	государя
—	16 св.	онъ
—	25 св.	Николая
522	9 св.	николаевского
525	6 св.	нелѣпымъ
527	20 св.	великой благодатной
542	6 св.	«Незабвеннаго»
—	14 св.	отречься
—	15 св.	благороднѣе
—	16 св.	хвастало
—	17 св.	обманывало
—	5 сн.	Вдовствующая императрица.
—	1 сн.	собственная семья
543	3 св.	великіе князья
—	5 св.	вдовствующая императрица
—	7 св.	вѣрноподданые
—	8 св.	августѣйшей
—	—	ея
—	—	Россіи

- 13 св. Александра Федоровна
- 15 св. православно-петербургскаго самовластья
- 16 св. высочайшей
- 17 св. новаго императора
- 20 св. николаевская
- 22—23 св. ровъ Петропавловской крѣпости, изъ-подъ
снѣговъ Сибири
- 16 сн. покойникомъ
- 14 сн. николаевскую
- 14—13 сн. «незабвеннаго», императрица
- 13 сн. дворець
- 10 сн. братъ ея
- 8 сн. императрицу
- 7 сн. ей
- 4 сн. вдовствующимъ
- 3 сн. она
- 544 1 св. императрицѣ
- 2 св. братца
- 8 св. императрицѣ
- 10 св. императрицы-
- — императрица
- 13 св. Императрицу
- 15 св. императрица
- 16 св. маленькую
- 6 сн. Kaiserin
- 4 сн. Alexandrina ¹⁾

¹⁾ Серенату «для нашей Александрины».

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.